АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЫЛЫМ"
АШХАБАД—1969

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XIV

Издательство «Ылым»

Ашхабад — 1969

ЮТАКЭ
1955 - 1968

МАТЕРИАЛЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ МЕРВА

Под редакцией научного руководителя ЮТАКЭ
академика Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. МАССОНА

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий XIV том Трудов ЮТАКЭ, как XI и XII этой же серии, посвящен целиком материалам о прошлом Мерва.

Его огромное городище, крупнейшее в СССР, занимающее площадь свыше 60 кв. км, уже несколько лет находится в сфере особого внимания экспедиции в силу ряда причин. По существу после работ В. А. Жуковского в 1890 г. никто широко не занимался изучением на месте его развалин в целом за все периоды жизни города, начиная с момента сложения, или хотя бы за какой-либо один, но крупный этап в его истории. Осуществлявшиеся с тех пор время от времени с большими интервалами немногочисленные разрозненные попытки археологических вскрытий были скромны по своим масштабам и имели характер предварительной разведки в отдельных пунктах. Делавшиеся при этом наблюдения далеко не всегда вводились в научный обиход путем опубликования полученных данных, а иногда даже не оставляли следа в архивах в виде хотя бы предварительных отчетов[1].

Трудности изучения крупных среднеазиатских городищ с многовековым существованием более или менее общеизвестны, как и то, что этим археология вносит весьма солидный вклад в уточнение периодизации восстанавливаемой истории развития страны за пору классового общества. К моменту организации ЮТАКЭ, накопленный среднеазиатской археологией опыт в части исследования археологической топографии здешних городов античного времени и средневековья, позволил включить в план работ экспедиции Мерв с его былой областью, что стимулировалось в значительной мере быстрыми темпами хозяйственного освоения земель древнего орошения в связи с созданием гигантского Каракумского канала.

На протяжении ряда лет крупный XVIII отряд ЮТАКЭ, возглавляемый самим начальником экспедиции, из года в год проводит систематическое всестороннее полевое изучение Мерва с I тысячелетия до н. э. до XIX столетия включительно. В тематику работ входит историческая география в широком аспекте всего оазиса низовьев Мургаба, охватывая районную стену Маргианы, возведенную в III в. до н. э. по распоряжению Антиоха I Сотера, руины городов, крепостей, селений, русла каналов, развалины замков, усадеб, отдельных архитектурных сооружений, памятники различных погребальных культов, в частности эпиграфические, и т. д. По возможности поднят специальной съемкой археологический микрорельеф всех городских территорий самого Старого Мерва (Гяур-кала, Султан-кала, Абдулла-хан-кала, Байрам-Али-

---

[1] Об истории изучения мервских городищ в археологическом отношении см.: Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 7—19.

хан-кала) и значительные части обширной площади былой округи античного города и средневекового пригорода — рабада. Изучались внешние стены крепостного типа всех старо-мервских городищ. Осуществлялись раскопки зданий позднепарфянской и сасанидской поры (в том числе привратного замка у Эрк-калы и оружейной мастерской зажиточного рабовладельца), разновременных производственных кварталов (мукомолов, гончаров, кирпичников), отдельных культовых сооружений (древний буддийский ступа, общежития раннехристианской общины, первой арабской соборной мечети, остатков мусульманской средневековой намазгох, монгольской кумирни XIII в.). Обследовались с соответствующей графической фиксацией все наземные руины архитектурных памятников. В целом ряде пунктов заложены обязательные по методике ЮТАКЭ при любом раскопе археолого-стратиграфические шурфы на всю глубину многометровой толщи нажитых культурных наслоений с захватом лежащих ниже слоев культурно-ирригационных наносов, где таковые имелись. Добыты многочисленные монетные находки, начиная от грекобактрийского чекана до мервских эмиссий XVIII в., среди которых встречено немало кружков и даже кладов продукции былых фальшивомонетчиков. Все эти находки не только представляют своим комплексом чисто нумизматический интерес, позволив, в частности, выявить ряд новых фактов из истории денежного хозяйства в Южном Туркменистане за разные эпохи, но они особенно важны тем, что, залегая в определенных культурных слоях, позволяют часто вносить значительные уточнения в датировки содержимого последних иногда до десятилетий.

Обобщению полученных экспедицией результатов по выяснению истории Мерва в нескольких монографиях положено начало XIII томом Трудов ЮТАКЭ, посвященном целиком средневековым караванным торговым путям, соединявшим некогда этот город с Мавераннахром и Хорезмом. Параллельно будет продолжаться опубликование материалов по отдельным конкретным вопросам прошлого Мерва. Об их многообразии отчасти некоторое представление дает содержание настоящего тома.

Работа З. И. Усмановой содержит новые археологические данные, полученные при раскопках последних лет на Эрк-кале, явившейся первым организующим ядром Мерва, который, как теперь документально подтверждается, был значительным городом уже при Ахеменидах в I тысячелетии до н. э., когда частично обживалась и прилегавшая территория, не обнесенная еще стеной будущей Гяур-кала.

Шесть образцов древних тканей, найденных на Эрк-кале в процессе вскрытия нескольких помещений привратного замка в слоях III в. н. э., датируемых раннесасанидскими халками Арташира I и Шапура I, а также отчасти поздними парфянскими монетами маргианских эмиссий, были подвергнуты всестороннему тщательному анализу давним участником камеральных работ ЮТАКЭ химиком Е. Ф. Федорович. Материалом разных тканей оказались хлопок, кенаф, шелк и овечья шерсть, а применявшимися красителями — среднеазиатская марена и индиго. Последняя краска была привозной, чем лишний раз подтверждается установленное ЮТАКЭ положение о весьма древних культурных связях Южного Туркменистана с Индией. Вместе с тем, учитывая хорошую сохранность археологической ткани из кенафа, наглядно указывающую на долговечность этого материала, автор приходит к заключению, что это местное волокно незаслуженно малое место занимает в нашей текстильной промышленности и рекомендует более широкое внедрение в производство тонких светлых кенафных тканей, улучшив

при этом современную техническую обработку самого кенафного волокна.

Тема об археологических бусах, столь часто встречающихся при раскопках, а также среди находок на поверхности развалин городов и селений, еще ни разу не ставилась на разработку по материалам Южного Туркменистана. Работа Г. Я. Дресвянской охватывает бусы Мерва античного времени и феодального периода, изготовленные из камня, стекла и кашина, причем даваемые датировки проконтролированы находками из точно определенных стратиграфических слоев. Особое значение имеет рассмотрение бус из кашина, которые затронуты исследованием вообще впервые для Средней Азии.

Статьи О. В. Обельченко и Р. С. Сусенковой посвящены частичному вскрытию одного из бугров древнего некрополя в западных окрестностях Мерва, раскапывавшегося в течение трех лет, с 1954 г. по 1956 г., по линии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР С. А. Ершовым[2]. Как и археологические работы Г. А. Кошеленко на другом, соседнем бугре, проводившиеся им по рекомендации ЮТАКЭ в 1963 г., вскрытия, осуществлявшиеся двумя упомянутыми членами экспедиции, носили контрольно-разведочный характер. Это явилось настоятельно необходимым, поскольку из-за порочности применявшейся С. А. Ершовым методики раскопок, отсутствия графической фиксации культурных наслоений (нет ни одного стратиграфического разреза), нечеткости в регистрации находок, явной путаницы в понимании археологических наблюдений, несмотря на изобилие и разнообразие извлеченных вещей, сделанные производителем работ определения отдельных объектов, а равно общие исторические выводы вызывали сомнения не только относительно датировки совершенных захоронений. Обе упомянутые статьи данного тома являются отчетными, отражающими представления авторов на уровне 1956 и 1957 гг. ЮТАКЭ и тогда, и теперь считает, что в основном некрополь связан со значительной раннехристианской общиной в Мерве, хоронившей трупы своих покойников целиком, иногда в могилах, обложенных крупными жженными кирпичами с различными клеймами. Большая часть оссуарного типа погребений, равно как и навалы разрозненных костей, принадлежат также христианам, относятся к более позднему времени и связаны с предъявлявшимися к ним с начала VI в. требованиями сасанидского правительства хоронить покойников по зороастрийскому ритуалу, мотивированными тем, чтобы они не оскверняли землю «нечистыми» в представлении зороастрийцев трупами. Засовывание покойников в три сомкнутые крупные цилиндрические гончарные трубы — кобур, что типично для вышележащих слоев, очевидно явление кратковременного переходного и компромиссного периода, поскольку известно, что в третьей четверти VI в. в сасанидской Персии христиане снова обрели право хоронить своих мертвецов без предания их предварительно на съедение птицам или собакам.

В статье С. Б. Лунииной «Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода» дается сводный обзор основных данных, полученных в результате общего изучения исторической топографии этого района Мерва, осуществления нескольких раскопов и заложения большого числа археолого-стратиграфических шурфов, включая площадь обширного квартала керамистов, выявленного ЮТАКЭ в западной части рабада. Установлено, что в VI—VII вв. здесь располагались, по-видимому, в основном отдельные

---

[2] Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам-Али. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. V. Ашхабад, 1959, стр. 160—204.

кёшки феодалов с приусадебными участками. Для VIII в. археологические наблюдения в подтверждение сведений о переносе в середине этого столетия по распоряжению Абу Муслима «Дома правления» на Маджан наглядно свидетельствуют о переходе городской жизни на новую территорию. В эту пору, наряду с постепенным замиранием старого шахристана (городище Гяур-кала), происходит формирование новой части города, «шахри-бируна» на площади будущей Султан-калы. К концу VIII—IX вв. относится и сложение упомянутого большого квартала гончаров. Судя по мощности и содержимому культурных наслоений, расцвет городской жизни на территории Султан-калы приходится на X—XI—первую половину XII в. Вслед за неблагоприятными десятилетиями так называемой «гузской смуты» для Мерва с конца XII столетия наступает пора некоторого подъема, хотя город уступает в своем величии времени, когда он был столицей последнего сельджукидского султана Санджара. Повсюду красноречиво запечатлен разгром Мерва монголами в начале тридцатых годов XIII в. Обнаружение впервые в 1964 г. в западной части Султан-калы остатков нескольких гончарных печей второй половины XIII — первой половины XIV в. новыми данными документально подтверждает выявленный ЮТАКЭ факт возрождения Мерва на этой территории при монголах с середины XIII в.

Статья П. П. Гаврюшенко подытоживает результаты обследования находящегося на территории восточной части мервского рабада городища Шаим-калы, о времени появления которого, как и о назначении, в народе и среди специалистов существовали различные представления. Последнее по времени высказывание профессора М. Е. Массона, что Шаим-кала служила в XI—XII вв. обширным лагерем регулярных сельджукидских войск, состоявших преимущественно из кавалерийских частей, вполне подтвердилось изучением остатков этого объекта в 1962 и 1963 гг. Это первый в Средней Азии древний военный лагерь, ставший предметом специального археологического обследования с применением раскопочной методики, которое было проведено ЮТАКЭ своевременно и в срочном порядке в связи с освоением его территории под насаждения и застройку крупным плодоовощным и консервным предприятием.

В поле внимания ЮТАКЭ с первых лет ее деятельности постоянно находилось хорошо сохранившееся почти у самого западного края мервского рабада культовое здание, которое в научном обиходе, как и в народе, чаще всего фигурирует под названием мавзолея Мухаммеда Ханапья, основоположника одного из «правоверных» суннитских толков ислама. Одновременно некоторые представители мусульманского духовенства допускали, что тут якобы находится могила шестого «непорочного имама» Джафар б. Мухаммеда ас Садыка. В процессе историко-архитектурного изучения этого памятника начальником VII отряда ЮТАКЭ Г. А. Пугаченковой и М. Е. Массоном была расшифрована внутренняя, протянутая как фриз, монументальная куфическая надпись, составленная из отдельных выпиленных кирпичных элементов. Впервые удалось установить, что здесь в действительности находится могила погибшего в VIII в. на этом месте алида Мухаммеда сына Зейда, потомка халифа Али в пятом поколении, а что само здание возведено по распоряжению правителя Мервской области Шереф-ад-дина Абу Тахир Са'да. Дата постройки — 506 г. х. Разбором точного имени главного персонажа, погребенного в этом мавзолее, ЮТАКЭ разоблачила полную необоснованность «почитания» этого объекта под вымышленными мусульманским духовенством именами, а археологическим вскрытием около памятника доказано, что прежде, вплоть до XVIII в., он являлся шиитской святыней.

Вопрос о развалинах старинных зданий с многочисленными рядами мелких нищек внутри, которые коренное население Средней Азии считает за «голубиные башни» (каптархона), неоднократно привлекал к себе исследователей, по-разному определявших их назначение. Соображения о вероятном использовании такого рода сооружений в качестве дынехранилищ много раз еще с 30-х годов высказывались М. Е. Массоном. Статья Т. Асилова и С. Б. Лунниной «К вопросу о назначении зданий типа каптархона» основана на новых данных раскопов в Мерве двух подобных объектов. Вскрытия показали, что они использовались в качестве складских помещений не только для подвешивания на зиму дынь, но и для хранения в устанавливавшихся на полу специальных сосудах сушеных ломтиков дынь, разных паток (ширны) и других продуктов из плодов садовых и бахчевых растений.

Работа Л. А. Кураевой является первой в научной литературе специальной статьей, трактующей о часто встречающихся в среднеазиатской практике каменных археологических объектах из тальковой породы, прежде именовавшейся «стеатитовой». Она добывалась в районе Туса, где с глубокой древности разрабатывалось ее месторождение, известное в средние века под названием Нукан. Изделия из нее, прежде всего каменные котлы (считалось, что пища, сваренная в них, получала особый вкус), вывозились в другие области Хорасана и далеко за его пределы. Неизвестно, в какой мере с этой утварью могли конкурировать изделия из близкой породы, добывавшейся, по письменным источникам, в хорезмских горах Султан-Уиздаг, где в ряде пунктов геологами установлены следы былых выработок «котельного камня» (казанташ), по которому получила название «Казан-тау» («Котельная гора»). Добыча этого камня в Хорезме под названием «ахшайна» (буквально «не светлый») засвидетельствована для второй половины I тысячелетия до н. э. в надписи из ахеменидского дворца в Сузах. Хотя, по словам автора первой половины XIV в. ал Омари, изготовлявшиеся в Хорезме каменные горшки или котелки для варки пищи служили не изнашиваясь в течение очень длительного времени, однако подлинные фрагменты их пока зарегистрированы ЮТАКЭ не южнее былых хорезмских приамударьинских средневековых населенных пунктов.

В статье Е. Б. Пругера «Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва» дается характеристика печей для обжига кирпича, раскопанных ЮТАКЭ на территории северного обвода городища Султан-кала и в разных частях средневекового рабада Мерва. Большинство печей датируется временем XI—XII вв., что подтверждает еще раз размах городского строительства в Мерве этого периода и роль, которую играет в нем жженый кирпич. Печи же, расположенные в северном обводе, автор датирует XIII—XIV вв. Последнее обстоятельство имеет определенное значение для раскрытия исторической топографии средневекового города за эпоху монгольского владычества.

Результатам раскопок могил X—XII вв. с разнообразным внешним оформлением, проведенных на городище Хурмузфарра XVIII отрядом ЮТАКЭ, посвящена статья В. Н. Пилипко «Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе». Само городище Хурмузфарра изучалось экспедицией начиная с 1946 г., в 1961—1964 же годах проводилось исследование кладбища, занимающего часть рабада города и выходящего за пределы его стены. Археологические работы на кладбище были поставлены в связи с необходимостью получения антропологического материала, могущего быть использованным в широком историческом аспекте — для решения проблемы этногенеза местного населения. Хурмузфарра же была выбрана для подобных целей как пункт, где на краю оазиса местный этнический элемент мог быть легче выявлен в более чистом виде, чем в таком крупном торговом центре, как Мерв,

в котором происходило постоянное смешение различных этнических компонентов. Наряду с получением краниологического материала, переданного для определения в сектор антропологии Института этнографии АН СССР антропологу В. Н. Алексееву, произведенные здесь с указанной целью немногочисленные пока вскрытия показали значительное разнообразие в устройстве намогильных сооружений от очень скромного оформления могил до парадных намогильников с широким использованием фигурных кирпичиков, что очевидно необходимо связывать с социальным положением погребенных лиц. Особого внимания заслуживают обнаруженные на кладбище кирпичи с эпитафиями.

Последняя публикация в данном томе связана с наименее изученным этапом истории Мерва на протяжении XVIII в. В основу взяты никем до ЮТАКЭ не изучавшиеся плоскоплиточные каменные намогильники из тальковой породы, представляющие собой оригинальные памятники материальной культуры, интересные как в эпиграфическом отношении, так и по конкретной выразительности текстов, содержащихся в кратких эпитафиях. Всесторонний анализ позволил автору распознать в них пока единственные ставшие теперь известными вещественные следы пребывания в Южном Туркменистане племени каджар. Это в свою очередь дало возможность кратко наметить их роль в жизни Мерва за охватываемое датами намогильников время.

З. И. УСМАНОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИГРАФИИ ЭРК-КАЛЫ

В результате археологических раскопок 1961 и 1962 гг. на Эрк-кале в Старом Мерве была получена, наконец, стратиграфия всей толщи культурных напластований. Стратиграфический шурф размером 3,5 и 4,5 м и глубиной 17 м был заложен на довольно ровной площади между центральным бугром и южными воротами Эрк-калы, рядом с шурфом 1937 г., который копал археолог А. А. Марущенко. Первоначальная задача сводилась к установлению глубины, с которой начинаются культурные слои античного времени, и их общей толщи. С получением точной стратиграфии стало бы возможным подвязать к ней керамику почти со всех раскопов на Эрк-кале, определив ее, таким образом, точно во времени. Особенно нуждалась в определении керамика из забутовочных кладок, где более ранний материал с подкосом у донца встречался вместе с материалом II—III вв. н. э. Только стратиграфия могла уточнить керамическую шкалу по Мерву и обеспечить пересмотр ранее предложенных датировок отдельных керамических комплексов для нижних культурных слоев Эрк-калы и Гяур-калы. Исходя из этого, шурф был доведен до материка (XXXI ярус), представляющего собой чередование сыпучего надувного песка с прослойками глинистых отложений (тоюна). Материк пройден на 1,5 м и на этом земляные работы в шурфе были закончены (рис. 1). Выявлено пять основных хронологически определенных периодов.

Непосредственно на материке лежал плотный слой (1, 2 м) с ходами насекомых, корней растений и выпадением кристалликов гипса. При разламывании комков глины хорошо видны ржавые пятна. В середине слоя прослеживается небольшая прослойка отмученного песка (4—10 см). Почвовед Н. Г. Минашина определила этот слой как погребенную почву и высказала предположение, что слой над песчаной прослойкой, возможно, насыпного характера, хотя по структуре представляет собой ту же самую болотную почву, что и нижний слой, в котором, кстати, были встречены маленькие фрагменты керамики.

Над этой почвой идет культурная толща в 1,5 м, давшая остатки строений, стены которых сложены из тоюнной глины. Установить размеры глинобитных блоков и ширину стены не удалось из-за малых размеров шурфа на данной глубине. Сохранившаяся высота глинобитной стены равна 75 см. Слой на уровне строения и ниже дал небольшое количество керамики, формы которых повторяют посуду, столь типичную для ряда поселений V—IV вв. до н. э. типа Яз III в верховьях Мургаба[1]. С керамикой было найдено скопление керамических ядер биконической и яйцевидной формы (3,2×5,5—6 см) красного цвета со следами светлого ангоба. Подобные ядра также характерны для культуры времени Яз III, а в Мерве встречаются в самых нижних культурных слоях[2]. Из

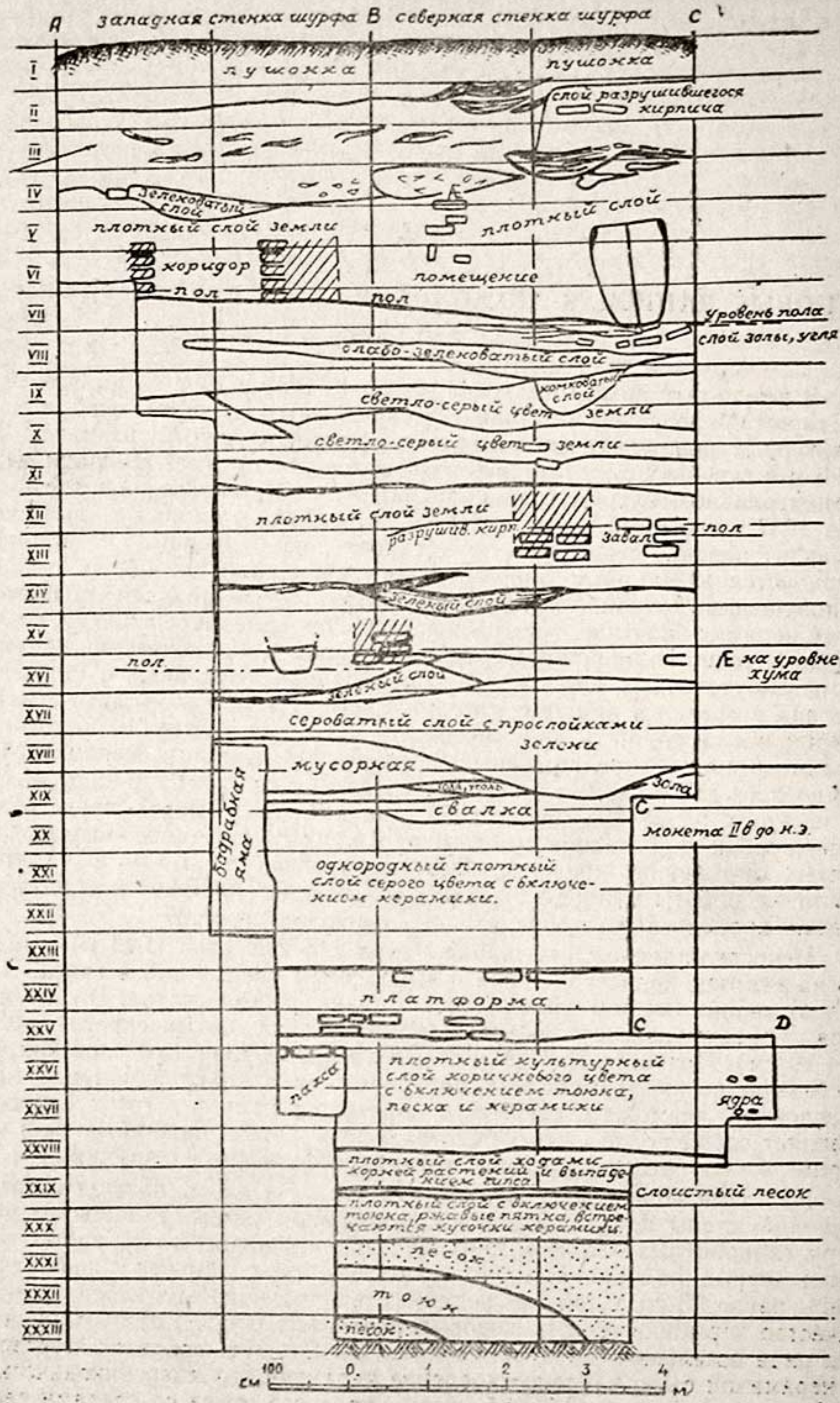


Рис. 4.

Рис. 1. Стратиграфический шурф 5. Развертка.

других находок следует упомянуть фрагменты зернотерок из крупнозернистого материала с хорошо обработанной поверхностью, причем на одном небольшом фрагменте сохранилось углубление со следами красной краски.

Глинобитную стену перекрывает платформа высотой 80 см из кирпича 39—43 см в стороне на 9—11 см, сделанного из глины с примесью тоюна и песка. Кладка идет вперемешку со слоем из отмученного песка и кусков тоюна. Подобная картина известна в Эрк-кале по шурфу № 2 на северном склоне центрального бугра[3]. В платформе встречена керамика, попавшая в кладку явно из нижнего культурного слоя (XXVI—XXVII ярусы) при строительстве, поэтому следует рассматривать материал из платформы и нижележащего слоя как единый комплекс (рис. 2 и 3). В основном это крупные сосуды банкообразной формы с уплощенным венчиком и с подкосом при переходе к плоскому донцу, а также маленькие сосудики цилиндрической формы с подкосом почти у самого дна и с сходящим на нет тонким прямым венчиком. У некоторых сосудов излом делался в самой широкой части тулова, для дальнейшего плавного перехода к горловине с перехватом, заканчивающейся раструбом, диаметр венчика 10—15 см (рис. 3). У всех сосудов черепок красного цвета, ангоб светлый (кремовый и совсем белый).

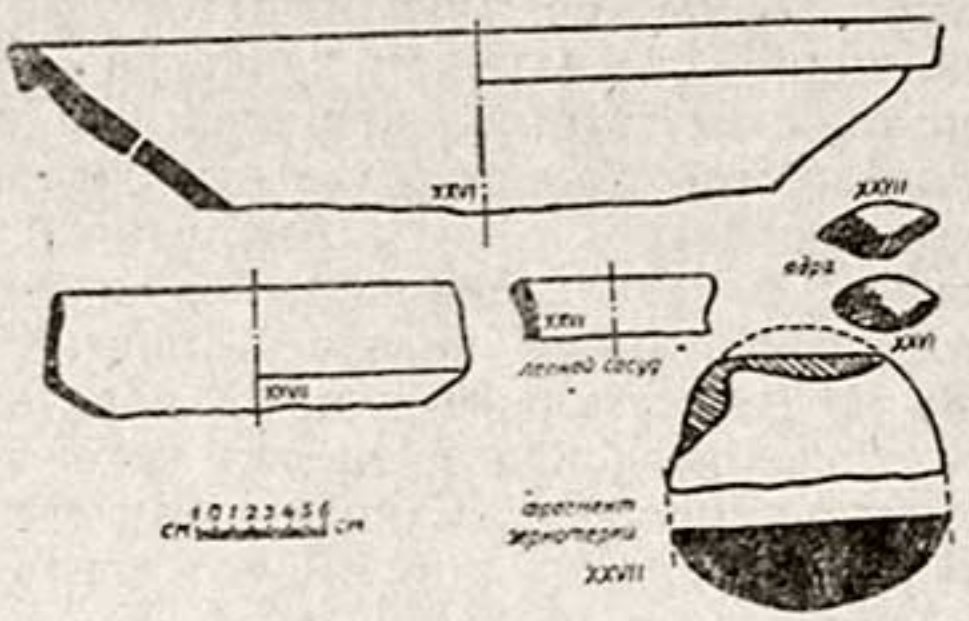


Рис. 2. Шурф 5. Керамика конца V и IV вв. до н. э.

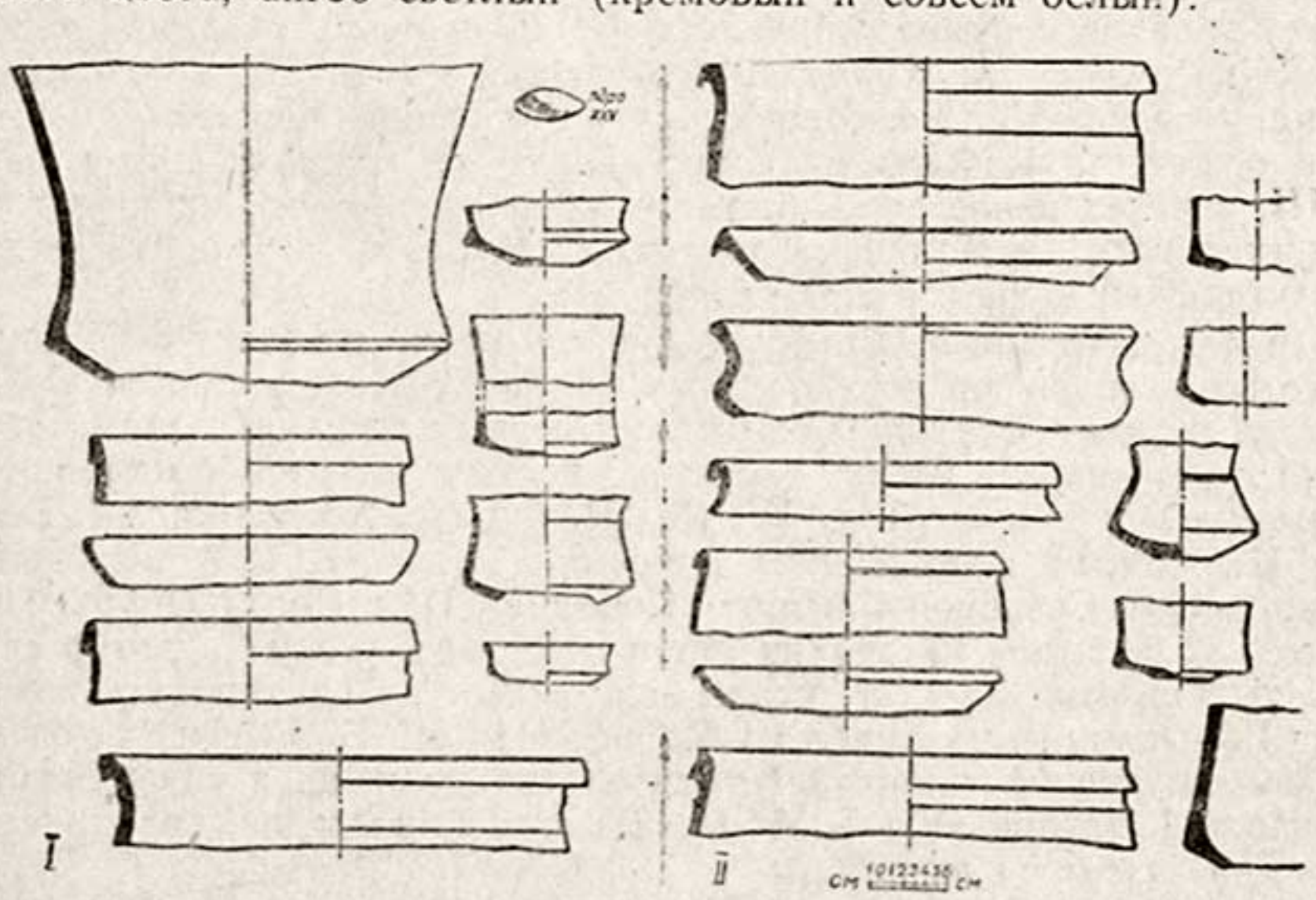


Рис. 3. Шурф 5. Керамика конца V—IV вв. до н. э. (слева) и III в. до н. э. (справа).

Другая ведущая форма — мелкие и крупные чаши (диаметр 21 см) с прямым слегка утолщенным венчиком и с довольно резким изломом стенок в самой широкой части тулова при переходе к концу. Здесь же встречен один фрагмент глубокой миски, стенки которой от отогнутого

вниз венчика отходят к донцу почти под углом 45°. Диаметр венчика 46 см, черепок красный, тесто плотной отмучки, обжиг ровный. На расстоянии 6 см от венчика на стенке сосуда имеется сквозное отверстие (рис 2).

Все перечисленные формы посуды, как уже отмечалось, типичны для комплекса керамики Яз III с маргианского поселения Яз-депе и ему подобных в дельте реки Мургаб. Как для Эрк-калы, так и для Яз-депе характерны венчики в виде широкого уплощенного валика, напоминающего в разрезе приплюснутый клювик. Некоторые формы явно повторяют формы керамики Яз II[4]. Из археологической стратиграфии Яз-депе видно, что в целом культура Яз III продолжает традиции Яз II не только в изготовлении керамики, глиняных и каменных ядер для пращи, но и в строительстве глинобитных домов, в использовании каменных зернотерок в быту. Анализируя скромный в количественном отношении материал Эрк-калы из нижнего культурного слоя, лежащего на древней почве, нельзя не признать полное его тождество комплексу Яз III, для которого еще окончательно не установлены точные хронологические рамки, в пределах которых яз-депинский оазис был окончательно заброшен. Степень изученности культур Яз-депе позволяет В. М. Массону считать, что где-то в середине IV в. до н. э. население покинуло земли в низовьях Мургаба и переселилось в районы его среднего течения[5]. Казалось бы, из этого предположения со всей очевидностью вытекает, что территория Эрк-калы начинает обживаться после запустения низовьев Мургаба. Между тем, материал стратиграфического шурфа указывает на одновременность существования ранней Эрк-калы (Эрк-кала I) и позднего Яз-депе (Яз III): Эрк-калу подстилает материал, который на Яз-депе лежит на поверхности, что указывает на освоение плодородных земель по среднему течению Мургаба задолго до гибели яз-депинского оазиса. Более того, если учесть запустение ряда депе (типа Аравали-депе) в низовьях Мургаба в период Яз III, когда на самом Яз-депе забрасывается цитадель, то, на наш взгляд, не исключена возможность, что эти первые переселенцы и заложили основу Эрк-калинскому поселению на грани культур Яз II и Яз III, а интенсивное его обживание приходится уже на время после окончательного запустения низовьев Мургаба, что подтверждается стратиграфией шурфа в Эрк-кале.

Выделенная для Мерва культура Эрк-кала I находит себе широкие аналогии в культуре всех оседлых земледельческих племен Среднего Востока периода формирования у них первых государственных образований. Аналогичный Мерву комплекс посуды известен по древним памятникам Туркмении (Анау IV, Яз III, Серахс, Хосров-кала I, Элькен-депе III, Старый Кишман)[6], Хорезма (Кюзели-Гыр, Дингильдже, Базар-кала)[7], Северной Бактрии (Кобадиан I)[8] и Согда (Афрасиаб I)[9]. Благодаря работам последних лет в области изучения культур середины I тысячелетия до н. э., стало возможным передатировать комплекс Анау IV и ранний материал из Мерва, который Б. Б. Пиотровский относил ко второй четверти I тысячелетия до н. э., а также комплекс Кобадиан I, датированный М. М. Дьяконовым под влиянием дат Б. Б. Пиотровского[10].

Как уже отмечалось, самый древний слой в шурфе на Эрк-кале перекрыт платформой из кирпича с примесью песка и тоюна. На ней покоится культурная толща в 2,5 м, охватывающая XX—XXIII ярусы и представляющая собой однородный плотный слой желтовато-серого цвета с включением керамики. Здесь вместе с чашами и горшковидными сосудами, знакомыми нам по нижним культурным слоям шурфов на Гяур-кале[11], встречаются самые разнообразные формы сосудов с подкосом у дна и клювовидным венчиком, повторяющие в целом фор-

мы посуды типа Яз III — Эрк-кала I, но отличающиеся от последних цветом и качеством черепка (рис. 4—6). Если в нижних слоях шурфа встречалась керамика, черепок которой по цвету красный и по структуре рыхловатый, то из нового слоя черепок становится плотным, больше розовым и коричневым. Ангоб и в том и в другом случае всегда светлый, от белого до кремового оттенка. Подобная керамика часто встречается при археологических вскрытиях в Эрк-кале: в забутовочных кладках раскопа 1, прямо на поверхности городища, будучи вымытыми из древних кладок, куда они попадали вместе с землей, бравшейся здесь же для строительства; его много в выбросной земле из шурфов В. А. Жуковского, Р. Пампелли, Б. Б. Пиотровского[12]. И, наконец, коллекция таких сосудов из раскопок А. А. Марущенко находится в музее при секторе археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и музее краеведения АН ТССР (инв. 197 и 200).

По словам А. А. Марущенко, часть этих сосудов была получена из шурфа в Эрк-кале (рядом с ним заложен наш шурф 5) на глубине 10—12 м вместе с двуперым втульчатым наконечником стрелы. Толщина культурного слоя 3,5 м, ниже которого шли уже аллювиальные отложения. Непосредственно на материке было найдено несколько обожженных биконических ядер. Аналогичная картина получена и в нашем шурфе: керамика с подкосом стала встречаться на десятом метре (с середины XX яруса), только толщина культурного слоя не соответствует данным А. А. Марущенко. По его колонке материк начинается где-то в XXVI ярусе, а этот уровень в нашем шурфе приходится на платформу из песчанистого кирпича, ниже которого идет культурный слой с керамикой типа Яз III, где и были встречены ядра. Выходит, что А. А. Марущенко до материка не дошел и ошибочно принял за него песок и туюн из платформы, где и были встречены ядра. Отсюда понятно, почему в его колонке выпал ранний слой с керамикой V—IV вв. до н. э., полученный в нашем шурфе.

Культурная толща над платформой представляет собой однородный слой, включавший одинаковую керамику для XX—XXIII ярусов; удалось отметить, что в XXIII ярусе количество керамики гораздо меньше, чем в предыдущих ярусах, но зато клювовидных венчиков и донец с подкосом гораздо больше, чем в XX ярусе. Много в слое и фрагментов тонкостенной посуды, не дающих форм. Посуда с подкосом выше XX яруса не встречается. В середине этого яруса была найдена медная монета плохой сохранности. Проф. М. Е. Массону не удалось точно определить, чекану какого государя она принадлежит, возможно, и Митридату I (174—138 г. до н. э.), но, несомненно, она относится ко II в. до н. э.

Весь керамический комплекс XX—XXIII ярусов делится на следующие основные группы (рис. 3—4).

1. Крупные сосуды баночных форм с подкосом при переходе к донцу, диаметр сосуда в месте подкоса 36 см, венчики округлые, но в изломе имеют вид клювика или крючочка, черепок красного, коричневого цвета, обжиг ровный, ангоб, как правило, светлый (рис. 4).

2. Утолщенные венчики, оттянутые больше в сторону от сосудов горшкообразных форм, диаметром 17—42 см, черепок розовый, красный, ангоб светлый (рис. 4).

3. Чашеобразные тонкостенные сосуды с розовым и красным черепком, тесто плотное, хорошей отмучки, ангоб светлый.

а) Чаши полусферической формы с утолщенным внутрь венчиком диаметром 18—28 см (рис. 4).

б) Чаши с отогнутым наружу венчиком, от которого стенки отходят под углом в 30° к оси вращения. Донца не сохранились, диаметр венчика 26 см (рис. 4).

4. Крупные сосуды типа чаш с большим диаметром венчика при небольшой высоте. Высота так относится к диаметру венчика, как 1:2—2,5. Черепок розовый, ангоб светлый (рис. 3 и 4).

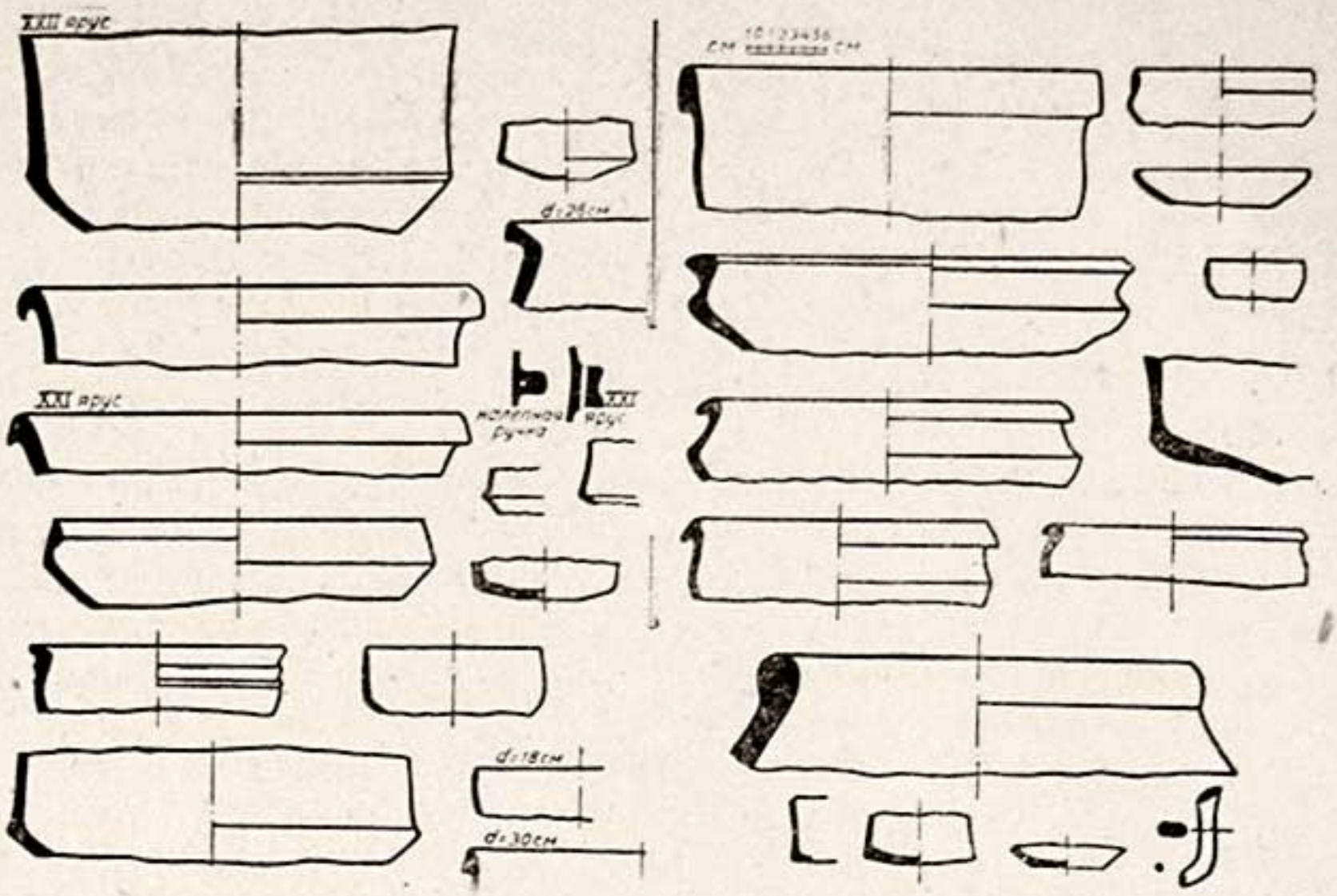


Рис. 4. Шурф 5. Керамика III в. до н. э.

а) Венчик утолщен внутрь и несколько заострен, в самой широкой части тулова стенки делают довольно крутой излом и затем плавно продолжаются к донцу (рис. 4). Диаметр мисок 21—32 см.

б) Венчик оттянут в сторону и слегка заострен. Стенки сосуда от венчика идут под углом в сторону оси вращения, а затем, делая крутой выгиб, продолжаются к плоскому донцу. Диаметр 36 см (рис. 4).

в) Венчик в виде тонкого заостренного клювика, оттянутого почти вниз, диаметр 37 см (рис. 3).

5. Небольшие сосуды на плоском дне с резко или плавно отходящими стенками под углом 5—20° и делающими крутой выгиб, после чего стенки идут прямо, иногда слегка сужаясь к центру вращения, плавно расширяются к венчику, обычно прямо поставленному, иногда утолщенному, но бывает, что утолщение к закраине сходит на нет (рис. 3). Эта форма дает несколько вариантов донец с подкосом, а в одном случае на расстоянии 7 см от донца в том месте, откуда стенки начинают расширяться к венчику, сделан валик по кругу, благодаря чему создается впечатление перехвата (рис. 3). Черепок розовый, красный до коричневого, ангоб светлый. Диаметр донца 4,4—5 см, диаметр сосуда в месте подкоса (в самой широкой части тулова) 14—15 см, диаметр венчика 12—13 см. Подкос обычно делается на высоте 0,5—2,5 см от донца.

В дополнение к перечисленным формам следует отметить некоторые образцы посуды, которая все чаще начинает встречаться, а позже станет ведущей.

а) Прямо поставленный венчик, сходящий на нет у закраины с перегибом в месте перехода к донцу. Такие венчики характерны для бокалов, которые так часто встречаются в нижних слоях раскопов на Гяуркале (раскопы 6 и 2). Черепок розовый, коричневый с желтоватым оттенком, ангоб светлый до перегиба. Диаметр венчика 13—15 см, высота стенки до излома 3,5—5 см (рис. 4).

б) Скругленный у закраины венчик чаш слегка загибается внутрь, толщина его равна толщине стенок. Черепок красный, ангоб светлый, диаметр венчика 18 см (рис. 5).

в) Круглые ручки в небольшом количестве. Найдена одна ручка от законченного сосуда, сделанного, как и вся посуда Мерва, на гончарном круге. Ручка налепная в форме острогала со сквозной горизонтальной дырочкой через всю ручку. Отверстие видимо для подвешивания котлообразных сосудов (рис. 4).

Все основные формы посуды с подкосом повторяют материал нижнего слоя (Эрк-кала I) нашего шурфа и ближе всего к комплексу керамики Яз III, который, к сожалению, представлен в публикациях неполностью из-за плохой сохранности верхних культурных слоев на яздепинском поселении[13].

Идентичный материал был получен в шурфе № 2 в центре Гяур-калы из слоя светлой глины с коричневыми пятнами (XXVI—XXVII ярусы), лежащего на материке[14]. Этот слой считается древнемаргианским, однако, судя по отчетам и составленным таблицам, в этот ранний коплекс были включены банкообразные сосуды, чаши, миски, тарелки и даже кувшины. Большая часть перечисленного материала из XXI—XXV ярусов никакого отношения к древнемаргианскому слою не имеет и объединена в единый комплекс Н. И. Герцман ошибочно из-за отсутствия четкой стратиграфии для нижних слоев шурфа. По этой причине трудно было выделить керамику «раннепарфянского» времени и в составленной Н. И. Герцман колонке за комплексом «древней Маргианы» следует сразу же керамика поры «средней Парфии». Между тем, автор графически выделил для нижнего горизонта два слоя: первый мощностью 2,5 м, охватывающий XXI—XXV ярусы, второй—XXVI—XXVII ярусы, давший всего две керамические формы (чаша, банкообразный сосуд). Его можно считать самым ранним слоем и материал отнести ко времени Яз III, а вся остальная посуда в таблице Н. И. Герцман идентична керамике Эрк-калы из слоя над платформой, где значительный процент составляет керамика с подкосом.

При датировке описанного нового комплекса керамики из слоя над платформой в шурфе № 5 надо исходить прежде всего из самой стратиграфии. Материал оказался зажатым между платформой, ниже которой шел древнемаргианский слой V—IV вв. до н. э. и зеленоватым слоем в XX ярусе, который дал монету II в. до н. э. Что касается платформы, то возведение ее следует отнести к переходному периоду от позднеахеменидской поры к культуре ранней античности. В пользу этого говорят керамика, попавшая из нижнего слоя, и размер кирпича (39—40×9—11 см), из которого сложена платформа. Был ли он точно квадратным, сказать сейчас трудно, так как целых кирпичей извлечь не удалось и замеры были взяты в разрезе шурфа. Ничего нельзя сказать и в пользу продолговатого кирпича, ибо другие размеры сторон не зафиксированы. Нам кажется, что платформа дает для Мерва самую раннюю дату появления сырцового кирпича, возможно, близкого к квадрату, а затем и квадратного, характерного уже для эпохи античности. Возведение платформы, безусловно, связано с новым периодом строительства, который, видимо, приходится на IV в. до н. э. Мы исходим из того, что в Маргиане в V—IV вв. до н. э. использовался продолговатый сырец 54×30×10 см, возьмем к примеру Яз-депе и Эрк-калу, где платформа в основании центрального бугра и на объекте к западу от него сложена из сырца размером 50×30×10—14 см, 51×31×10,5 см, 54×27×10 см, 57×29×13 см. Из такого же сырца сложены древние стены Эрк-калы. В связи с этим нельзя не упомянуть о наблюдениях, сделанных на городище Кюзели-Гыр в Хорезме, где в постройках нижнего слоя использовался прямоугольный сырец (52×26×12 см), сме-

нившийся в верхнем слое квадратным (40×40×10 см)[15]. С. П. Толстов в одной из последних своих работ нижний горизонт Кюзели-Гыр датирует VI — началом V в. до н. э., верхний — V в. до н. э., но более поздним его отрезком и считает, что переход к квадратному кирпичу совершался уже на протяжении этого столетия[16]. Для нас небезынтересным является тот факт, что между керамическими комплексами нижнего и верхнего горизонтов почти нет различий. Однако М. Г. Воробьевой неоднократно отмечалось, что в верхнем слое Кюзели-Гыр стал появляться целый ряд своеобразных форм, которые впоследствии, в кангюйский период, получили полное развитие[17]. Архаическое же поселение Дингильдже (середина V в. до н. э.) в основном дает квадратный сырец 42—44 см в стороне на 10—11 см, но при раскопках 1959 г. был обнаружен и прямоугольный кирпич (52×45×12 см), по пропорциям приближающийся к квадратному[18]. Однослойный памятник Дингильдже, в целом дающий комплекс посуды типа Яз III, вместе с тем включает уже формы, которые будут ведущими для последующей эпохи. Появляются новые черты в керамике: нанесение росписи на хумы, исчезновение острого ребра в нижней трети высоты тулова чаш, появление формы кувшинов[19].

Момент сосуществования квадратного кирпича с прямоугольным был также отмечен на городище Калаи-Мир в Таджикистане (Кобадиан I), хотя, как и в Дингильдже, все постройки из квадратного сырца 34—36 см в стороне на 12 см. Только в помещении № 1 Н. Н. Забелина встретила кирпич 32—35 и 26 см в стороне на 12 см, квадратность его установить не удалось[20]. И в Хорезме, и в Маргиане прямоугольный кирпич имеет в ширину 26 см, а на Дингильдже—45 см, в связи с этим В. М. Массон предполагает, что и в Бактрии в середине I тысячелетия до н. э. использовался прямоугольный сырец[21]. Примерно для того же времени сосуществование продолговатого и квадратного кирпича было отмечено Р. Гиршманом для Над-и-Али II в Сеистане, где употреблялся как жженый, так и сырцовый кирпич размером 35×39×9 см и 57×28×9 см[22].

Следует также обратить внимание на то, что по намеченной Н. Н. Забелиной внутренней стратиграфии на Калаи-Мир помещение № 2 функционировало несколько позднее комплекса Кобадиан I и дало, наряду с «баночными» формами, тонкостенную посуду (полусферические чаши с поддоном и другие), дающую как бы переходные формы к керамике III—II вв. до н. э., отсутствующие в яз-депинской колонке, но зато хорошо представленные в Эрк-кале в слое над платформой[23]. Исходя из стратиграфии шурфа с учетом вышеизложенного, возведение платформы из сырца на Эрк-кале следует датировать IV в. до н. э. Нами уловлен переход к кирпичу нового формата, «связанный с внедрением каких-то новых пропорций и единиц измерения в архитектуре...»[24]. Этот переход мы датируем для Мерва началом IV в. до н. э., С. П. Толстов для Кюзели-Гыр — V в. до н. э., а Н. Г. Воробьева для Дингильдже — серединой V в. до н. э., но в целом это одна эпоха, процесс перехода к квадратному сырцу протекал для отдельных областей Средней Азии с разницей всего лишь в полстолетия. В памятниках ранней античности квадратный кирпич уже становится основным строительным материалом[25]. Если возведение платформы можно отнести к IV в. до н. э., то вышележащие слои, видимо, следует связывать с IV—III вв. до н. э. Керамика с подкосом, столь типичная для комплекса Яз III, продолжает бытовать на протяжении всего III и, может быть, в самом начале II в. до н. э., но не позже.

Если раньше только предполагали, что некоторые формы древнемаргианской посуды с подкосом продолжают бытовать в античную пору, то сейчас, благодаря новым данным стратиграфического порядка,

получен достоверный факт сосуществования древних форм с формами, столь характерными для ранней античности. Примерно такая же картина наблюдается на памятниках античного времени по торговому пути, описанному в дорожнике у Исидора Харакского.

На многих городищах и депе от Теджена до Артыка прямо на поверхности отмечено обилие фрагментов керамики с подкошенным донцем и клювообразными венчиками. Интересные наблюдения получены на Едиджа-депе у Душака, где был заложен небольшой разведочный шурфик, давший в верхних слоях примерно одинаковый материал, состоявший из сосудов с подкосом и клювовидным венчиком в сопровождении тонкостенной посуды типа чаш, бокалов, имеющих светло-розовый черепок и светлый ангоб, иногда со следами лощения. Даже кухонная посуда сделана на гончарном круге и очень изящна, в особенности жаровни и котлы. Керамика с Едиджа-депе очень близка к материалу из шурфа на Эрк-кале и в целом лучшего качества, более изящна и гораздо больше целых форм. Едиджа-депе и ему подобные памятники относятся к поре ранней античности. Таким образом, «заполняя лакуну в стратиграфической колонке, впервые устанавливаются до сих пор ускользавшие от археологических исследований переходные памятники от предпарфянской поры к раннепарфянскому времени, то есть эпохи формирования Парфянского государства»[26].

Культура Эрк-калы II для Мерва характеризует уже период ранней античности, который начинается где-то в конце IV в. до н. э. и захватывает весь III в. до н. э.

В комплексах Кюзели-Гыр, Калан-Мир и других также отмечены в верхних горизонтах переходные формы, которые будут наиболее характерными для посуды античной поры. В последние годы стратиграфическая колонка бактрийской керамики получена Г. А. Пугаченковой в Халчаяне (Дейнауский район УзССР), где самый ранний комплекс IV—III вв. до н. э. несет еще черты архаических форм. Такая же картина отмечена Н. Б. Немцевой в шурфах на Афрасиабе.

Перекличка ряда фактов и сходство ремесленной продукции для областей Маргианы, Хорезма, Бактрии и Согда говорит об их тесных культурных взаимосвязях и примерно об одинаковых условиях культурного развития. Материал культуры Эрк-калы II позволяет теперь внести некоторые поправки в стратиграфическую колонку по Мерву, составленную по материалам Гяур-калы. В частности, следует обратить внимание на керамические комплексы нижнего слоя шурфов 3 и 4 раскопа 2 (дом медника античного времени) на Гяур-кале[27]. Как показала стратиграфия, на материке лежал культурный слой толщиной 2,5 м (IX—XIV ярусы) и в середине XII яруса встречены две медные монеты, одна чекана Митридата I (171—138 гг. до н. э.), другая Евтидема I (230—200 гг. до н. э.), что позволило продатировать материал XII яруса II в. до н. э. Керамика XIII—XIV ярусов была также отнесена к этому времени, но, исходя из наличия монеты Евтидема I, было высказано предположение, что начало накопления культурного слоя на этом месте восходит, видимо, еще к концу III в. до н. э. Таким образом, шурфы раскопа 2 дополнили стратиграфию шурфа № 2 на Гяур-кале, где ранняя античность по указанным выше причинам отсутствовала, и Л. М. Рутковская, учитывая все новые наблюдения, попыталась дать обобщенную шкалу по античной керамике Мерва, согласно которой весь материал нижних слоев раскопа 2 был отнесен к ранней античности и датирован III—II вв. до н. э.[28]. В те же годы не хватало переходных форм посуды от культуры Яз III к керамике II в. до н. э. и этот пробел заполнила Эрк-кала, в шурфе 5 сосуды переходных форм сосуществуют с архаичными формами посуды до начала II в. до н. э. А в нижних слоях раскопа 2 на Гяур-кале, где не встречаются уже сосуды

банкообразных форм с характерным подкосом в придонной части, переходные формы становятся ведущими и датируются монетой чекана Митридата I. Таким образом, материал нижнего культурного слоя на раскопе 2 по времени позже, чем комплекс Эрк-кала II и в целом датировать его следует II в. до н. э., хотя ряд форм был уже известен в III в. до н. э.[29]

Теперь, когда в общих чертах увязана стратиграфия нижних культурных слоев Эрк-калы и Гяур-калы, нельзя не остановиться на материале из шурфа 1 раскопа 6 (квартал мукомолов) у северных ворот Гяур-калы[30]. Материк в этом шурфе начался с XXXII яруса, хотя авторы считали, что глинистые прослойки XXX и XXXI ярусов уже материковые, однако в туюне XXXI яруса были встречены невыразительные фрагменты керамики (в шурфе 5 на Эрк-кале в XXIX—XXX ярусах наблюдается та же самая картина). Культурный слой XXVIII—XXIX ярусов К. Кацурис и Ю. Буряков связывают с серединой I тысячелетия до н. э. и считают песчанистую прослойку указателем периода запустения, связанного с разрушением города войсками Дария I при подавлении восстания 521 г. в Маргиане. В керамическом материале много фрагментов с подкосом и венчиками, дающими в разрезе разные очертания клювика[31]. XXVII—XXIV ярусы дали керамику типа чаш, бокалообразных сосудов, горшков, хумов, и весь комплекс датируется IV—III вв. до н. э.

В XXIII—XVII ярусах выделено два культурных слоя, но в целом они датируются III—I вв. до н. э. по нумизматическим данным, терракоте, керамике (кувшины, бокалы, фиалообразные чаши).

XIV—XIII ярусы продатировались массой монет чекана I—II вв. и кладиком медных монет (40 штук) II в. н. э. Таблицы керамического материала для этого уровня в шурфе отсутствуют.

Учитывая в целом наблюдения стратиграфического порядка по Мерву, никак нельзя согласиться с авторами, с их датировкой нижнего культурного слоя в шурфе 1 на раскопе 6. Как показала стратиграфия Эрк-калы, керамика с подкосом живет вплоть до II в. до н. э., а самая ранняя дата ее на Эрк-кале пока что конец V—IV вв. до н. э. (эпоха Яз III по В. М. Массону), и ко времени восстания в Маргиане, по археологическим данным Эрк-калы, еще не было. Если исходить из предложенной нами (по данным Эрк-калы) датировки нижнего культурного слоя Мерва, то следует соответственно замолодить полученную колонку на раскопе 6. В пользу этого говорит и находка пирамидального ядра в XXV ярусе, которое, как известно по раскопкам в сопровождении нумизматических данных, встречается чаще в слоях развитой античности и отмечен первый случай, когда пирамидальное ядро датируется IV в. до н. э.[32] Следует также отметить, что керамические таблицы составлены авторами обобщенно и нет никакой попытки выделить тот или иной точно датированный комплекс, чтобы можно было принять его за эталон при ссылках и сравнениях, как это было сделано для керамики II в. до н. э. по шурфам раскопа 2.

К сожалению, в настоящее время для абсолютной хронологии отдельных керамических комплексов не хватает нумизматических данных. Самая ранняя монета из шурфа 1 на раскопе № 6 из XXII яруса принадлежит чекану старших Аршакидов, а вторая из XX яруса — серебряному чекану Артабана II (129/128—125 гг. до н. э.). На Эрк-кале в шурфе 5 самая ранняя монета из XX яруса чекана Митридата I (171—138 гг. до н. э.), его же монета найдена на Гяур-кале в XII ярусе на раскопе 2. Более ранние монеты парфянского чекана в Мерве в культурных слоях не встречены и, видимо, не случайно. Хотя и принято считать, что Маргиана была присоединена к владениям Парфянской

державы при Митридате II (125—88 гг. до н. э.), что было ознаменовано даже выпуском памятных драхм с упоминанием названия области Маргианы[33], все же нельзя оставить без внимания факт наличия монет чекана Митридата I в нижних слоях Гяур-калы и Эрк-калы, что указывает на хождение медных монет парфянского чекана на рынках Мерва. Хотя Маргиана еще не вошла в состав Парфии, но экономические и торговые связи Маргианы с исконными районами Парфии были установлены во II в. до н. э. В связи с этим можно предположить, что со времени Митридата I в Маргиане произошли какие-то существенные изменения в социальной экономике и именно со II в. до н. э. начинается новый этап в развитии производительных сил уже античной Маргианы, что сказалось прежде всего на керамическом производстве, когда в начале II в. до н. э. перестали выделывать посуду с подкосом, столь характерную еще для ранней античности IV—III вв. до н. э., зато появляется ряд новых форм посуды, которые ошибочно относились ко II в. до н. э. (чаши, тарелки и др.)[34].

В шурфе 5 третий по времени период прослежен по нескольким культурным слоям. Сероватого оттенка слой с прослойками зелени, золы, угля охватывает XVII—XVIII и частично XIX ярусы. Весь керамический материал хорошей выделки, черепок тонкий и поверхность сосудов очень гладкая. Формы самые разнообразные — это чаши, кувшины, горшкообразные сосуды, тарелки и толстостенная посуда, датируемые II—I вв. до н. э.[35] (рис. 5).

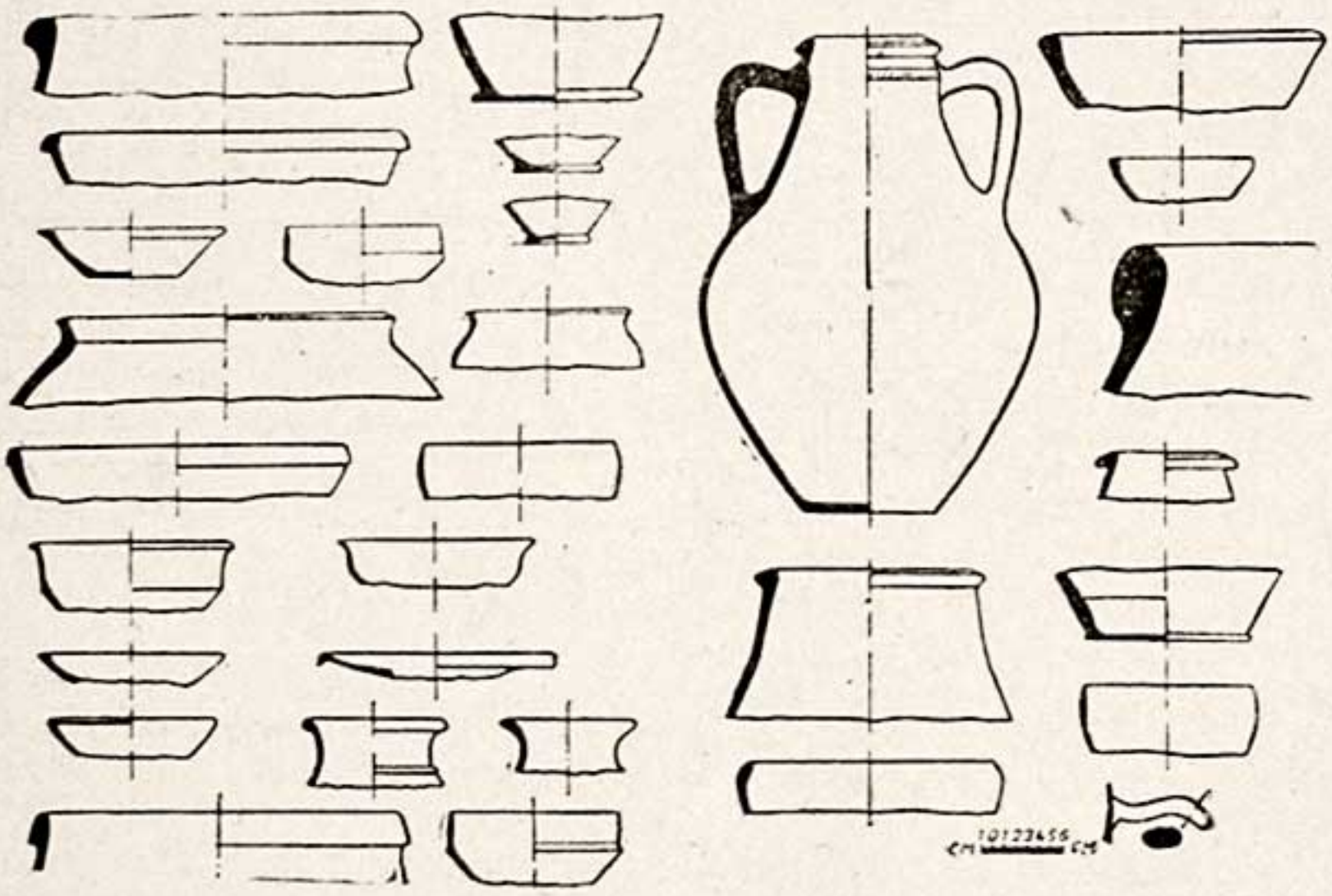


Рис. 5. Шурф 5. Керамика II в. до н. э. (слева) и керамика I—II вв. н. э. из ямы (справа).

На конец XVIII и весь XIX ярус приходится круглая спускная яма диаметром 95 см, глубиной 1,7 м, в которой керамический материал оказался мешаным, в его составе было больше фрагментов первых веков новой эры. Следов зелени и мусора в яме не отмечено, заполнение ямы довольно плотное. Здесь встречен почти целый кувшин с низкой горловиной и очень выпуклым туловом с двумя ручками. Венчик имеет на своей поверхности несколько вдавленных концентрических полос. Черепок хорошего качества, в изломе красного цвета, ангоб розовый. Такие формы сосудов обычно по мервской шкале датируются поздней антич-

ностью II—III вв. н. э. (раскопы 2 и 6)[36]. Кувшин находился в яме с материалом первых веков нашей эры. Эта форма кувшинов появилась на грани нашей эры и получила затем широкое применение в быту в пору поздней античности, когда несколько изменилась технология обжига керамики и, благодаря высоким температурам, цвет черепка становится желтоватый и серый с зеленоватым оттенком. Часто кувшины такого типа, если они без ручек, пытаются отнести к группе горшкообразных сосудов из-за приземистости и небольшой высоты.

Над слоем зелени выделяется более однородный слой с остатками строений плохой сохранности, но по врытому хуму удалось установить предполагаемый уровень пола. На уровне хума в середине XVI яруса была обнаружена медная монета, которую проф. М. Е. Массон отнес к парфянскому чекану второй половины I в. до н. э. Слой захватывает XIV, XV и частично XVI ярусы (1,3 м). Керамический материал разбивается на следующие типы (рис. 6).

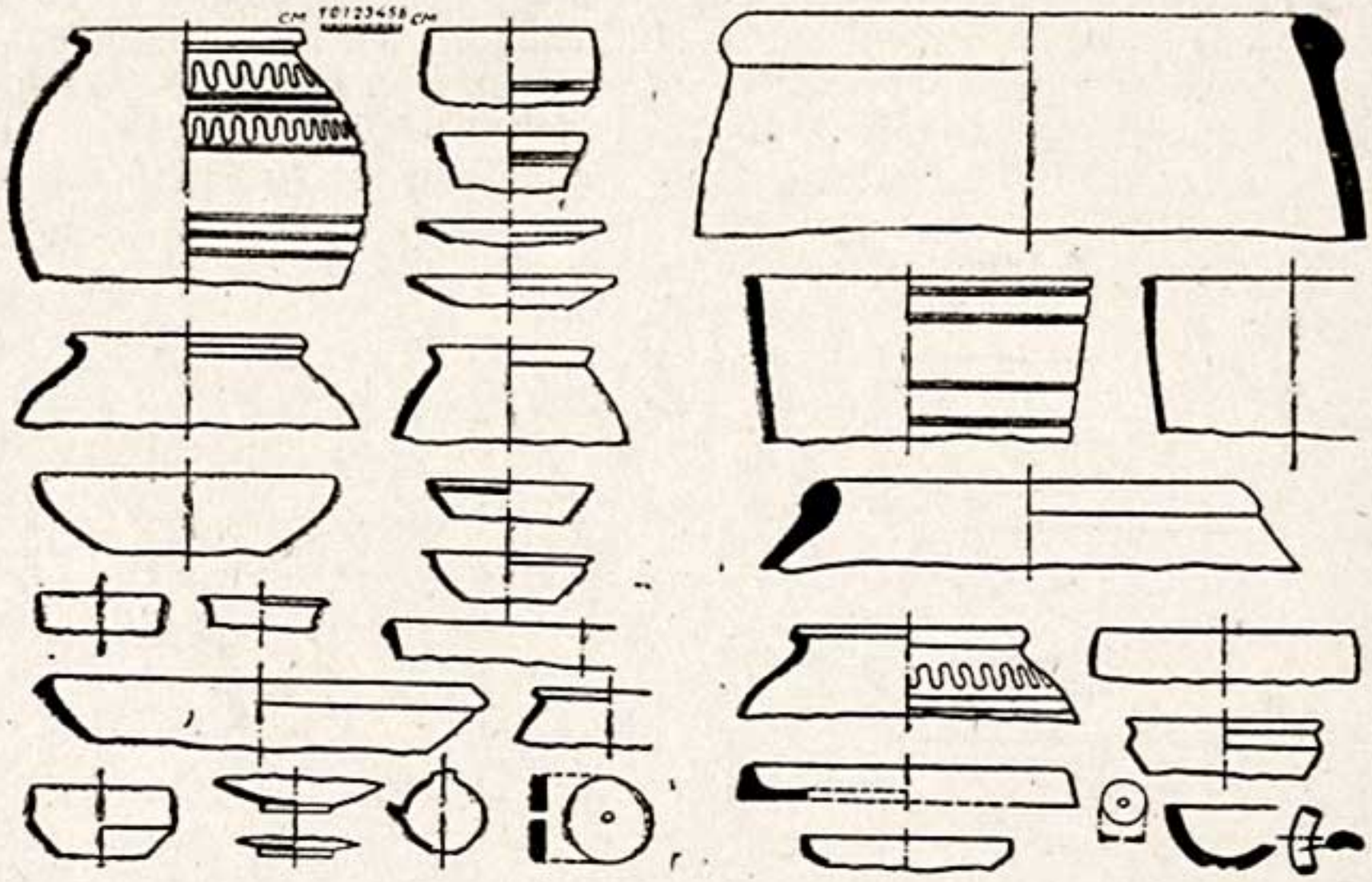


Рис. 6. Шурф 5. Керамика I в. до н. э.—I в. н. э.

1) Фрагменты стенок хумов, имеющих прямо поставленный венчик с утолщением наружу, черепок темно-красного цвета, ангоб светлый, диаметр 40 см.

2) Горшки крупные и маленькие. Черепок красный до коричневого, ангоб розовый и светлый, диаметр венчиков 10—24 см.

а) Горшки с небольшой расширяющейся кверху горловиной, от которой стенки сосуда резко или плавно переходят в выпуклое тулово на плоском дне.

б) Горшки без горловины и от вытянутого в сторону клювовидного венчика стенки сосуда сразу же расширяются, образуя выпуклое тулово. Диаметр венчиков 20—24 см.

3) Форма кувшинов обычная, ручки в сечении овальные и фасолевидные. Черепок красный, розовый и желтый, ангоб чаще светлый, диаметр венчиков 5—10 см, высота кувшинов 7—18 см.

4) Тонкостенные чаши полусферических очертаний, прямой венчик либо слегка утолщен, либо, наоборот, к закраине утоньчается. Тесто плотной отмучки, черепок ровного обжига, поверхность гладкая, ангоб светлый, диаметр чаш 10—14 см.

5) Бокалы с изящным венчиком имеют плавный переход к коническому корпусу на маленьком поддоне. Черепок красный, с внешней стороны до тулова или подкоса ангоб светлый, а изнутри розовый. Диаметр бокала 13 см.

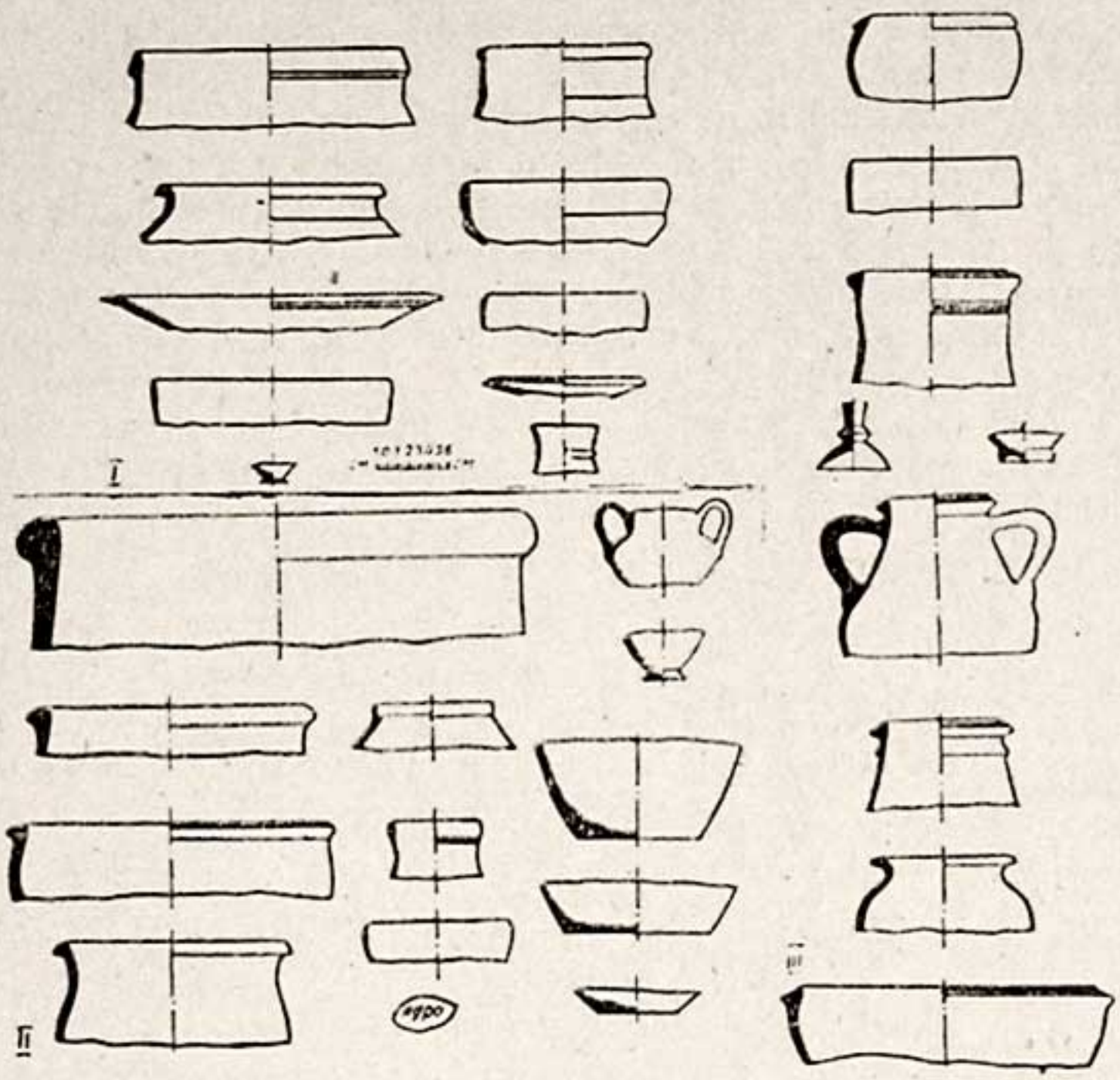


Рис. 7. Шурф 5. Керамика I в. до н. э.—I в. н. э. (слева вверху); керамика I в. н. э. из XIV—XV ярусов (слева внизу); керамика I—II вв. н. э. из XII—XIII ярусов (справа).

6) Красноангобированные чаши, тарелочки на кольцевом поддоне и кувшинчики со следами частичного лощения, иногда они просто густо покрывались темно-красным ангобом. Диаметр венчиков чаш 15—25 см, диаметр донца 4,5—5 см. Формы чаш напоминают нам округлые лощеные чаши из нисийских хумхан, но без хорошего лощения и очень близки к керамике кушанского Термеза[37], слоя Кобадиан II[38]. Подобный материал в раскопках на Гяур-кале встречается с керамикой, покрытой красным, розовым и светлым ангобом без всякого лощения, но формы тех и других совершенно однотипны. Весь комплекс керамики находит себе широкие аналогии на территории Средней Азии и за ее пределами и поскольку есть специальные работы по античной керамике Мерва, сошлемся на них и остановим свое внимание лишь на тех новых наблюдениях и фактах, которые дают нам основание для датировок этой группы памятников[39]. Прежде всего отметим, что красноангобированная посуда со следами лощения в шурфе 5 на Эрк-кале встречается только в слое, приходящемся на XV—XVI ярусы и, согласно найденной здесь же монете, датируется I в. до н. э. В связи с этим следует вновь вернуться к аналогичному материалу из дома медника на Гяур-кале, где краснолощенные сосуды находились только в X—XI ярусах. Как уже указывалось, слой XII яруса был продатирован монетой Митридата I (171—138 гг. до н. э.) и, согласно полученной стратиграфии, краснолощенная посуда с учетом монеты Орода I (56—37 гг. до н. э.), была

продатирована II—I вв. до н. э. и выделена в особую группу, которая больше тяготеет к грани нашей эры[40]. Эти факты и данные шурфа на Эрк-кале полностью совпадают, и весь комплекс XV—XVI ярусов следует отнести ко времени I в. до н. э.— I в. н. э. Таким образом, материал XIV—XVIII ярусов (Эрк-калы III) свободно можно датировать временем развитой античности в Мерве (II в. до н. э.— I в. н. э.), что подкрепляется и аналогичным материалом с территории Средней Азии и сопредельных стран этого же времени[41]. Наличие красноангобированной керамики в слоях I в. н. э., наталкивает на мысль, не под влиянием ли кушан в Мерве стали выделывать лощеную посуду, подобную так называемой «кушанской», но качеством намного хуже последней. Такое предположение стало возможным высказать после открытия в Мерве (на Гяур-кале) буддийского храма, который по всем данным раскопок, видимо, функционировал как раз в эту пору. Но доводы эти пока весьма неубедительны и надо признать, что в Мерве краснолощеная керамика не имела широкого распространения, а красноангобированная посуда со следами лощения появилась еще задолго до нашей эры.

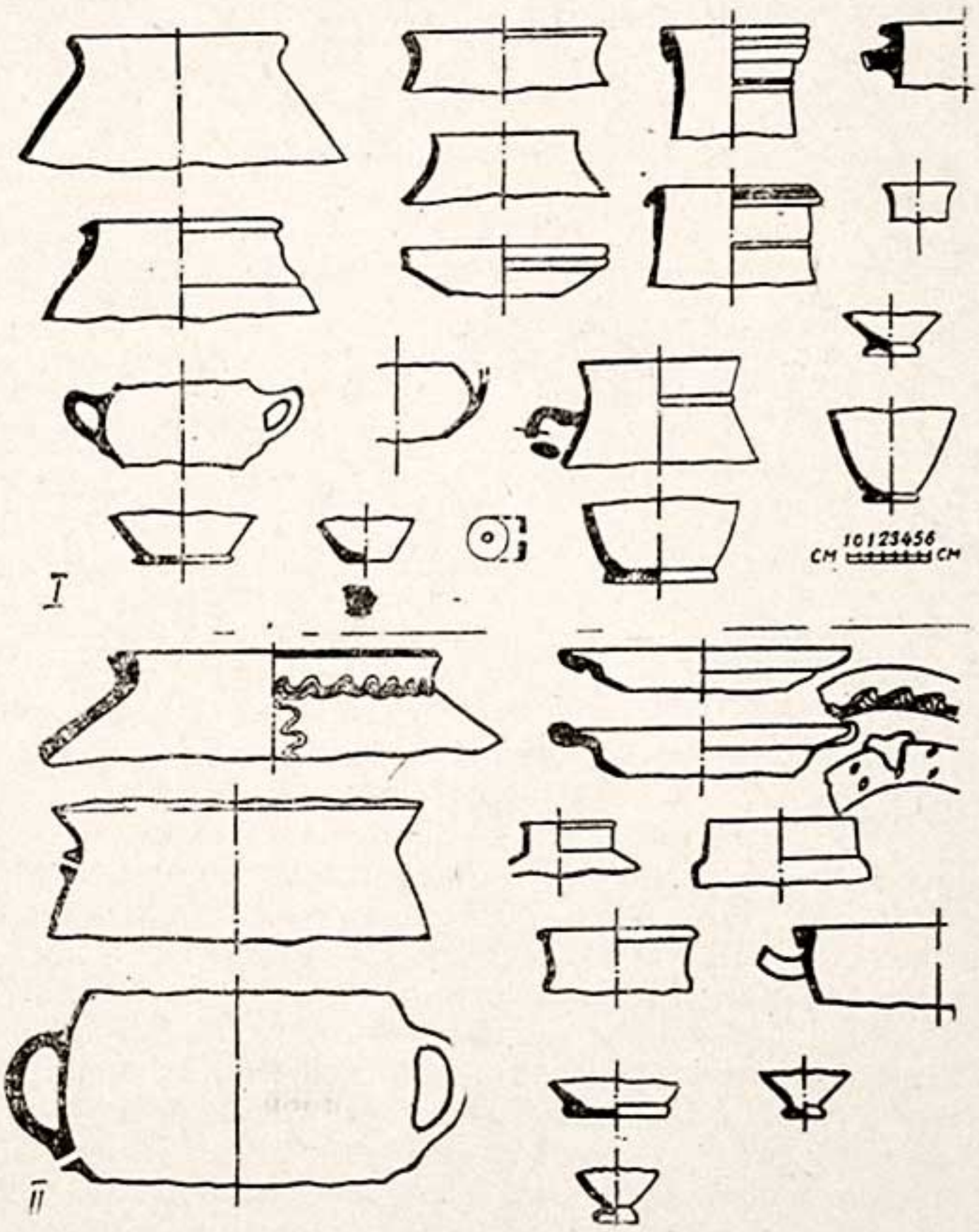


Рис. 8. Шурф 5. Керамика I—II вв. н. э. из X—XI ярусов (вверху) и III—IV вв. н. э. из VIII—IX ярусов (внизу).

На следующий период приходится два культурных слоя. Первый слой толщиной 2 м неоднородный и захватывает X—XIII ярусы, но материал как керамический, так и нумизматический однотипен (рис. 8). В середине слоя прослеживается угол помещения, стены которого сло-

жены из сырца 41×42×10; 46×?×10 см, а вокруг—завал из такого же кирпича. На уровне пола были найдены медные монеты местного маргианского чекана I—II вв. н. э., женская терракотовая фигурка, изображенная на фоне исходящих лучей или колосьев, пышная прическа заканчивается высокой буклей на голове. Ведущими формами керамики стали широкогорлые кувшины с одной и двумя фасолевидными и овальными в сечении ручками. Кувшины имеют плоское дно, выпуклые стенки переходят в невысокое горло, заканчивающееся утолщенным наружу подтреугольной формы венчиком с желобками на закраине. Диаметр таких кувшинов 10—12 см, высота 18—20 см. На некоторых фрагментах под венчиком по кругу идет орнамент в виде неглубоких насечек. В этом слое стали меньше встречаться полые изнутри конусовидные маленькие донца, а те, что найдены, имеют черепок розового, желтоватого, иногда коричневатого цвета. Стало больше выступающих донец с небольшой выемкой и диаметром 4—5 см.

Своеобразие в комплекс вносят глубокие чаши, имеющие сферический корпус, заканчивающийся подтреугольным в сечении венчиком, слегка загнутым внутрь сосуда. Стали появляться маленькие кувшины, тулово которых сферической, яйцевидной и грушевидной формы, вытянутых пропорций и каплеобразной формы. Венчики либо утолщенные, либо подтреугольных очертаний с желобками по их верхней плоскости. Кувшинчики имеют маленькое дно на низком или конусовидном поддоне диаметром 3—3,5 см, одну, изредка две ручки. Диаметр венчиков 5—14 см, высота кувшинов 11—18 см. Такие кувшины станут ведущими в последующие века, когда чаши, тарелки и другие формы будут встречаться все реже.

Керамический материал очень своеобразный, много фрагментов кухонной посуды, горшков, жаровен, но ведущими формами остаются кувшины. Диаметр венчиков горшков 16—27 см, на одном сосуде сохранилась горизонтальная налепная ручка со сквозной дырочкой через стенку сосуда. Диаметр венчиков кувшинов 10—12 см, хумчи — 24 см. Весь комплекс очень типичен для Мерва II—IV вв. н. э., представленного верхними слоями квартала мукомолов и дома медника на Гяур-кале[42]. Следует упомянуть, что в X ярусе был встречен маленький сосуд (высота 5 см, диаметр венчика 2,5, донца 3,1 см) с голубовато-зеленой поливой, покрывающей обе стороны, и фрагмент стенки каменного предмета (толщиной 3,8—4 см), ритуального назначения. Внутренняя и внешняя поверхности тщательно отполированы.

Прямые аналогии нашему материалу дают хорошо датированные керамические комплексы самого Мерва[43], но лучшим определителем их времени являются нумизматические находки. Так, в слое XII яруса встречено несколько монет местного маргианского чекана I—II вв. н. э., в XI — монета чекана II в. н. э., в слое X — медные монеты чекана Варахрана I (274—277) и монеты местного сасанидского чекана с изображением на реверсе всадника.

Следующий слой захватывает VII — середину X яруса и включает много зеленых прослоек и линз. На весь VIII ярус приходится мощный зеленый слой с золой, углем, керамикой, монетами сасанидского чекана III в. н. э., костями животных. В этом слое под хумом найдена фигурка обнаженной женщины с подчеркнутыми половыми признаками (рис. 9). В согнутой правой руке она держит зеркало, а левой поддерживает выпуклый живот. Ноги широко расставлены, между ними изображена свободно ниспадающая лента. Черепок желтоватый, отмучка глины плохая и вся поверхность растрескалась еще при сушке. Фигурка принадлежит к группе поздних богинь, судя по технике и качеству изготовления и оттиснутому плоским штампом украшению в виде трех горизонтальных полос, включающих изображения круглишков, столь типичных для тер-

ракотовых фигурок Мерва поздней античности. Сама идея воспроизведения образа обнаженной фигуры восходит к более раннему времени[44].

В этом же слое встречена головка богини с удлиненным овалом лица, процарапанными глазами под крутыми дугами бровей. Высокий головной убор с двумя выпуклостями обрамлен полосой из круглых бляшек, прикрывающей наполовину лоб и от которой спускается до уровня бровей крупная бляха. Такого типа фигурки часто встречаются на Гяур-кале и связаны со слоями III в. н. э.[45]

Рис. 9. Терракоты; верхняя I—II вв., остальные — II—IV вв.

Исходя из стратиграфии шурфа, нам представляется, что зеленые слои запустения VIII яруса связаны с кризисом рабовладельческой системы, который был хорошо зафиксирован в квартале мукомолов, давшем массу монет Шапура II чекана IV в. н. э. Учитывая все сказанное, можно констатировать, что поздняя античность в шурфе 5 (Эрк-кала IV) была представлена двумя слоями, первый приходится на I—II вв. н. э., а второй — на III—IV вв. н. э., период правления династии Сасанидов в Мерве вплоть до кризиса рабовладельческой системы.

С этой же династией связывается слой V—VII ярусов с керамикой и костями животных, среди которых встречены рога со следами обработки. Сохранились остатки строений и хорошо прослеживается коридор шириной 1,34 м, стены шириной 1 м сложены из кирпича в стороне 30—40 см на 9—10 см и сохранились на высоту 70 см.

К северу за коридором в помещении прямо на полу стоял громадный хум высотою 1,2 м (рис. 10), под овальное его дно были подложены большие куски жженого кирпича, картина хорошо знакомая нам по хранилищам квартала мукомолов в Мерве[46]. Венчик прямой, несколько утолщенный, обычно такие хумы используются для сыпучих тел. Весь собранный керамический комплекс следует отнести к V—VI вв., что находит аналогии и подтверждение в материалах Мерва и близлежащих районов[47]. Следует указать, что ведущей формой остаются кувшины и горшкообразные сосуды с широким устьем. Много плоских рифленных ручек с вдавлением в месте прикрепления к тулову, плоских выступающих донец, дисковидных крышек с волнистым орнаментом, ножек от высоких ваз, ступ и тарелок, по бортику которых сделаны насечки или же идет орнаментальная полоса в ширину бортика из волнистых линий. Для этого комплекса особенно характерны ступки и тарелки с налепными ушками, которые появляются уже в III—IV вв. н. э.[48]

В V ярусе был найден кладик медных монет, завернутый в тряпочку. Ткань была подвергнута определению в лаборатории Института искусствознания АН УзССР Е. Ф. Федорович и установлено, что перед нами остатки ткани из кенафа типа тонкой маты[49]. Приводим сделанное

ею заключение: «Ткань полотняного переплетения, светлая, слегка буроватая, на поверхности следы глины и пятна зеленых окислов меди. Окраска на ткани не обнаружена. Волокно растворяется в 80% H_2SO_4. Следовательно, волокно растительного происхождения. Микроскопическая картина напоминает волокно кенафа (отклонение незначительное). Толщина волокна в среднем 23μ, число нитей по основе 12 на 1 см, по утку — 13 на 1 см». Монеты пока что определить не удалось.

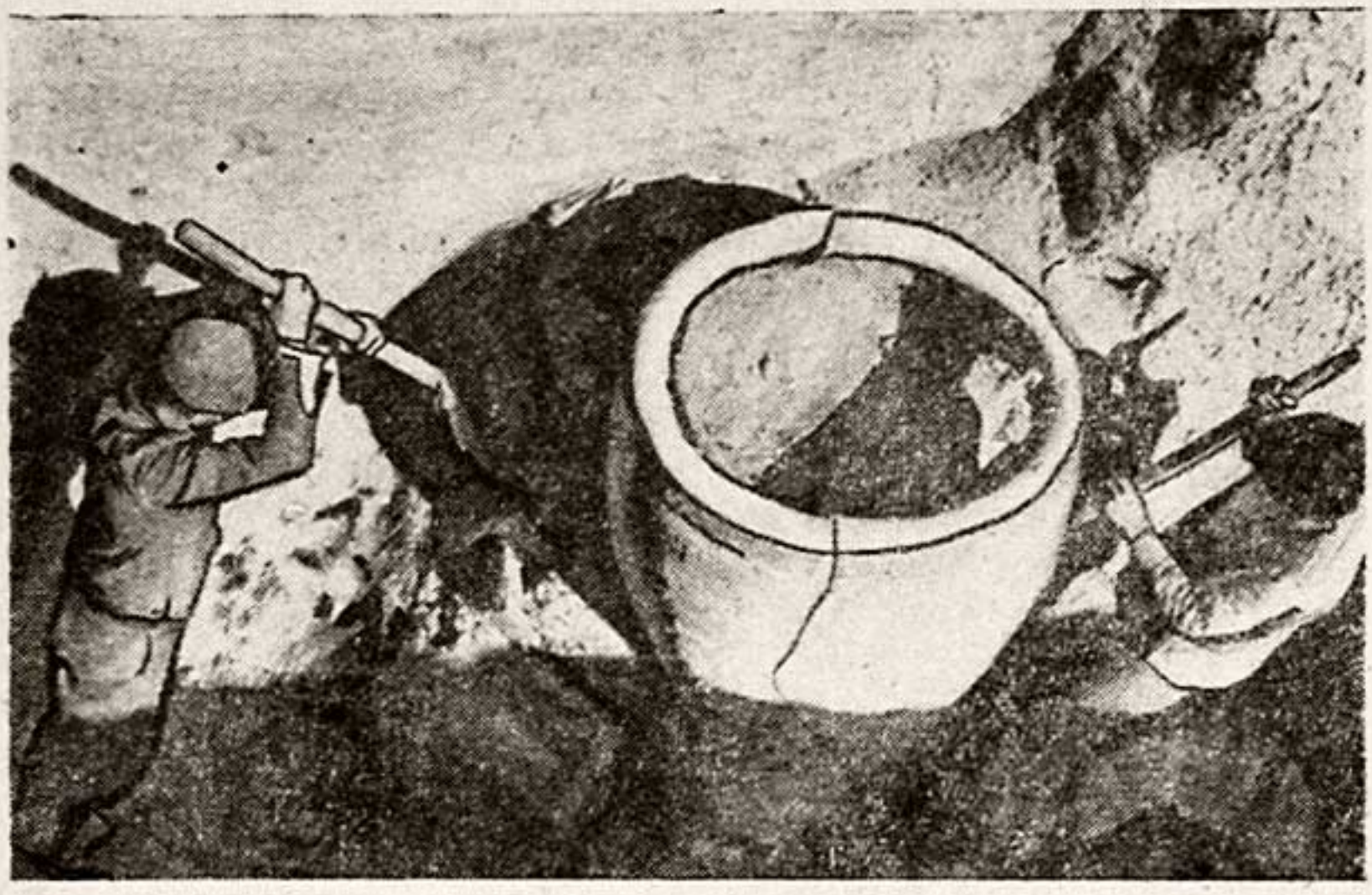


Рис. 10. Шурф 5. Хум сасанидского времени.

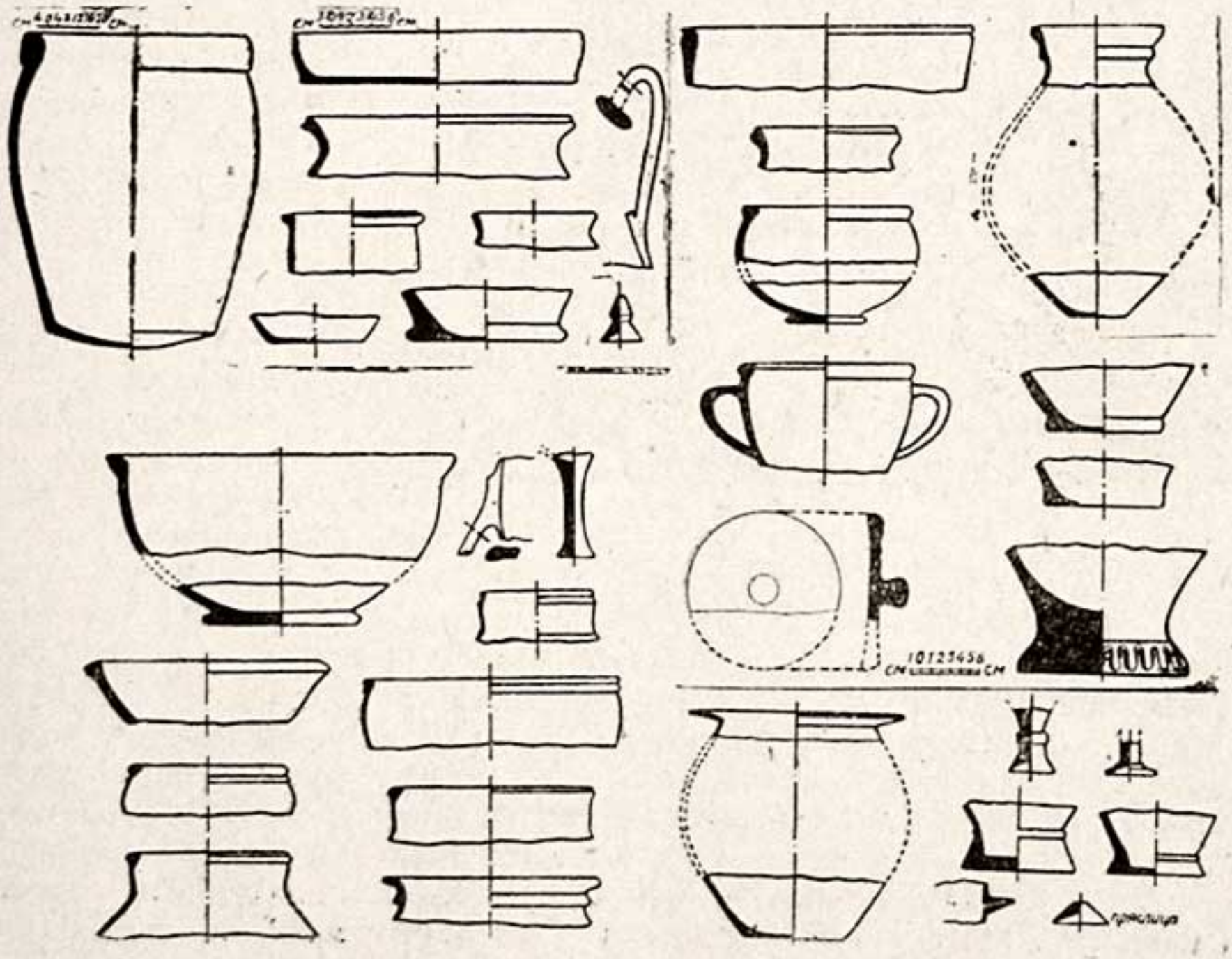


Рис. 11. Шурф 5. Керамика VI—VII вв.

Последний слой охватывает толщу от современной дневной поверхности до V яруса (рис. 1).

Сразу же под слоем пушонки (50—70 см) пошел слой светло-серого цвета с включением зеленых прослоек с углем, гипсовыми частицами, и керамика оказалась самая разновременная. С материалом сасанидской поры встречались фрагменты средневекового стекла, поливная (зеленая полива) керамика, фигурные резные кирпичи, жженые кирпичи, ножка от бронзовой подставки и трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой. Найдено несколько монет, из которых одна кризисная IV в. н. э. не государственного, а местного чекана, другая принадлежит Шапуру II (IV в. н. э.) и третья — аббасидский фельс VIII в. н. э.

На уровне 1,40 м от дневной поверхности (III ярус) выявилась кладка какой-то внешней стены из сырца в стороне 38—39 см на 9—10 см очень плохой сохранности (южная сторона прослежена на 2,20, а западная — на 5 м). Вокруг на всей этой площади прослежена зола, обгоревшая земля, уголь, скопление гипсовых частиц и все найденные здесь монеты позднесасанидского чекана. Из числа керамики следует указать на узкогорлые кувшины, имеющие высокую горловину, заканчивающуюся утолщенным профилированным венчиком, диаметром 2,5—10 см (рис. 12). Обычно такие кувшины с одной овальной в сечении ручкой. Черепок, как правило, желтовато - зеленого оттенка, отмучка бывает самая различная. Вторая группа представлена горшкообразными сосудами, имеющими очень часто под венчиком идущую по кругу орнаментальную полосу в виде волнистых полос (рис. 11). Диаметр венчиков 12—24 см, донца, видимо, были плоские, судя по наличию их в этих ярусах. Здесь же встречены выступающие плоские донца (Д—12), а также донца с перехватом от ступообразных сосудов (Д—17—20). Иногда ниже перехвата идет орнаментальная полоса по кругу. И, наконец, глубокие чаши, у которых почти шаровидное тулово, а венчик слегка отмечен утолщением, донца плоские. Черепок серый и желтоватый, ангоб светлый, цвета черепка, диаметр венчиков 10—18 см. Встречаются целые и фрагменты плоских дисковидных крышек с ручкой в виде круглой шишечки, поверхность их обычно орнаментирована волнистыми линиями или насечками. Описанный материал встречается на поверхности и в верхних культурных слоях как на Эрк-кале, так и на Гяур-кале и относить его следует к VI—VIII вв. по датированному

Рис. 12. Шурф 5. Кувшины V—VI вв.

комплексу из печей VII—VIII вв. (Гяур-кала) и линзы с керамикой в шурфе 2[50].

Стратиграфический шурф, таким образом, показал, что самым ранним слоем на Эрк-кале является слой XXVII—XXVIII ярусов с керамикой типа Яз III и обживание территории Эрк-калы началось, возможно, на грани культур Яз II и Яз III, о чем свидетельствуют древние погребенные болотные почвы, куда попали маленькие кусочки керамики. Лежащий над этими почвами слой с остатками строений следует отнести ко времени культуры Яз III, которую В. М. Массон сначала датировал только IV в. до н. э., однако в последующих своих работах он склоняется к более ранним датам (V—IV вв. до н. э.), хотя сам автор считает такую датировку в значительной степени условной[51]. Поселение начинает складываться в эпоху Яз III, когда возводятся мощные платформы по образцу Яз-депе, зафиксированные в основании центрального бугра и других местах Эрк-калы. Более раннего материала, чем Яз III, на Эрк-кале встречено не было, и для убеждения, что это действительно так, был заложен другой стратиграфический шурф № 6 в самой низкой части городища, рядом с шурфом американской экспедиции 1904 г. (рис. 13).

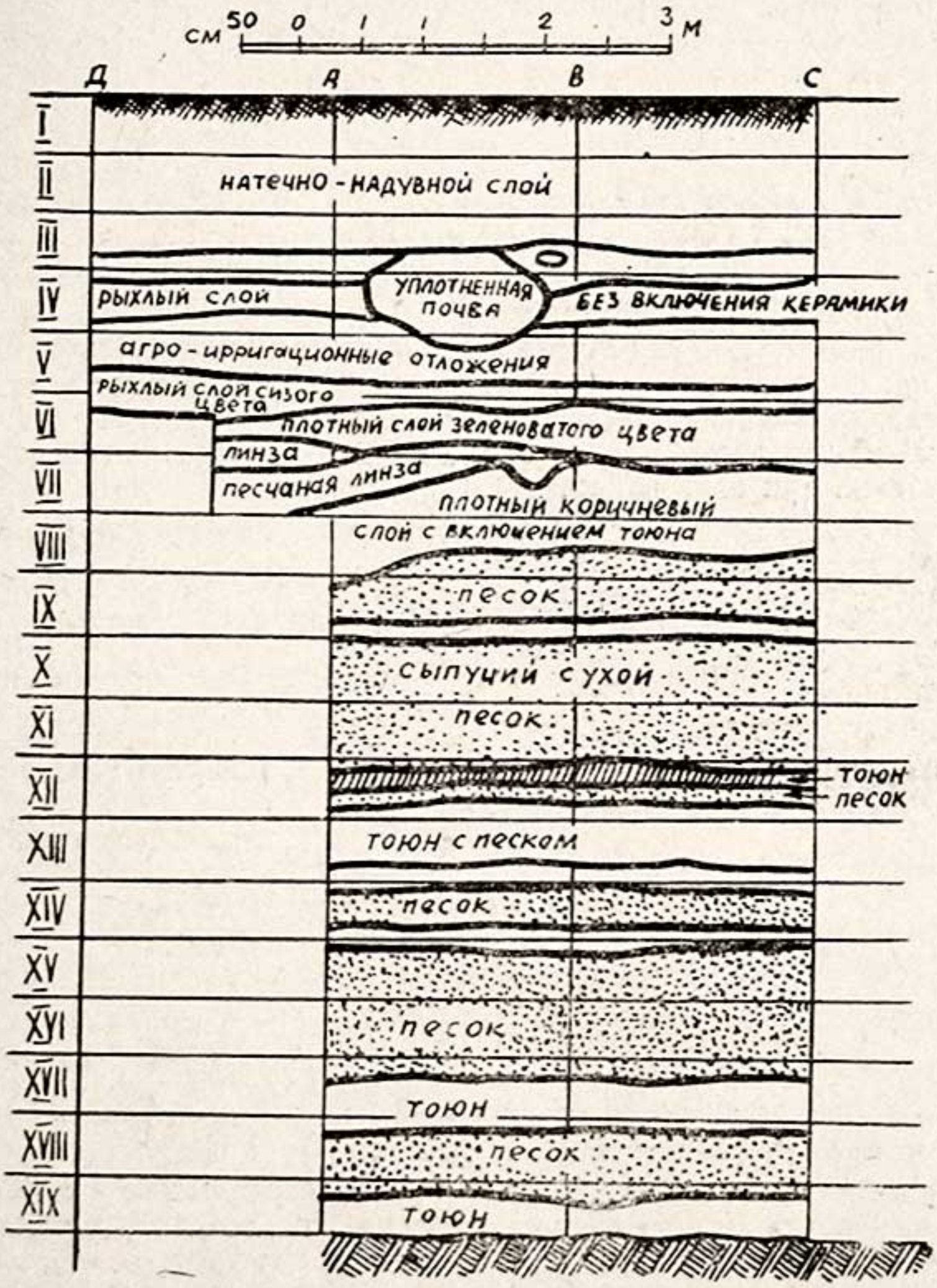


Рис. 13. Стратиграфический шурф 6. Развертка.

Следовало уточнить, нет ли под аллювиальными отложениями погребенного культурного слоя более древнего, чем слой, дающий керамику типа Яз III. Такая задача была вызвана данными почвоведа Н. Г. Минашиной, которая в ряде шурфов к западу и северо-западу от Мерва обнаружила под аллювиальными отложениями древние погребенные почвы с включением фрагментов керамики, к сожалению, маловыразительной, трудно определяемой во времени. В шурфе 6 двухметровая толща представляет собой слой натечно-надувного характера и только на третьем метре пошел рыхлый однородный по структуре слой, определенный как агроирригационный.

Отмеченное ниже накопление имело уже более плотную структуру и зеленоватый (сизый) оттенок[52]. Здесь встречены донца и клювовидные венчики вместе с материалом первых веков н. э. (рис. 14). С половины VII и до середины VIII яруса продолжался плотный слой коричневого цвета с керамикой ранней античности. Слой напоминал туюн, потому что этот древний уровень дневной поверхности часто заливался водой, в результате чего и образовались уплотнения глинистых частиц. Этот слой подстилает песок со следами почвы в самом верхнем горизонте, а ниже идут аллювиальные отложения. Пройдено 5,5 м аллювия и никакой древней погребенной почвы обнаружено не было. Таким образом, на сегодняшний день можно считать точно установленным фактом, что обживание территории Эрк-калы началось не ранее начала второй половины I тысячелетия до н. э. и крупное поселение складывается здесь в пору, когда жизнь Яз-депинского и Аравали-депинского оазисов в низовьях Мургаба постепенно затухает и построенный в начале III в. до н. э. вал Гилякин Чильбурдж не захватил эти районы, оставив их за пределами орошаемого оазиса. Объяснение причины запустения В. М. Массон склонен искать во внутренних обстоятельствах развития ирригационного хозяйства, в перемещении орошаемых площадей в районы среднего течения Мургаба[53]. По этим или по другим причинам, но, как показали раскопки в Мерве, площадь Эрк-калинского поселения действительно начинает быстро расти, захватывая территорию современной Гяур-калы периметром около 7,5 км, которая позднее была обнесена стеной при селевкидах.

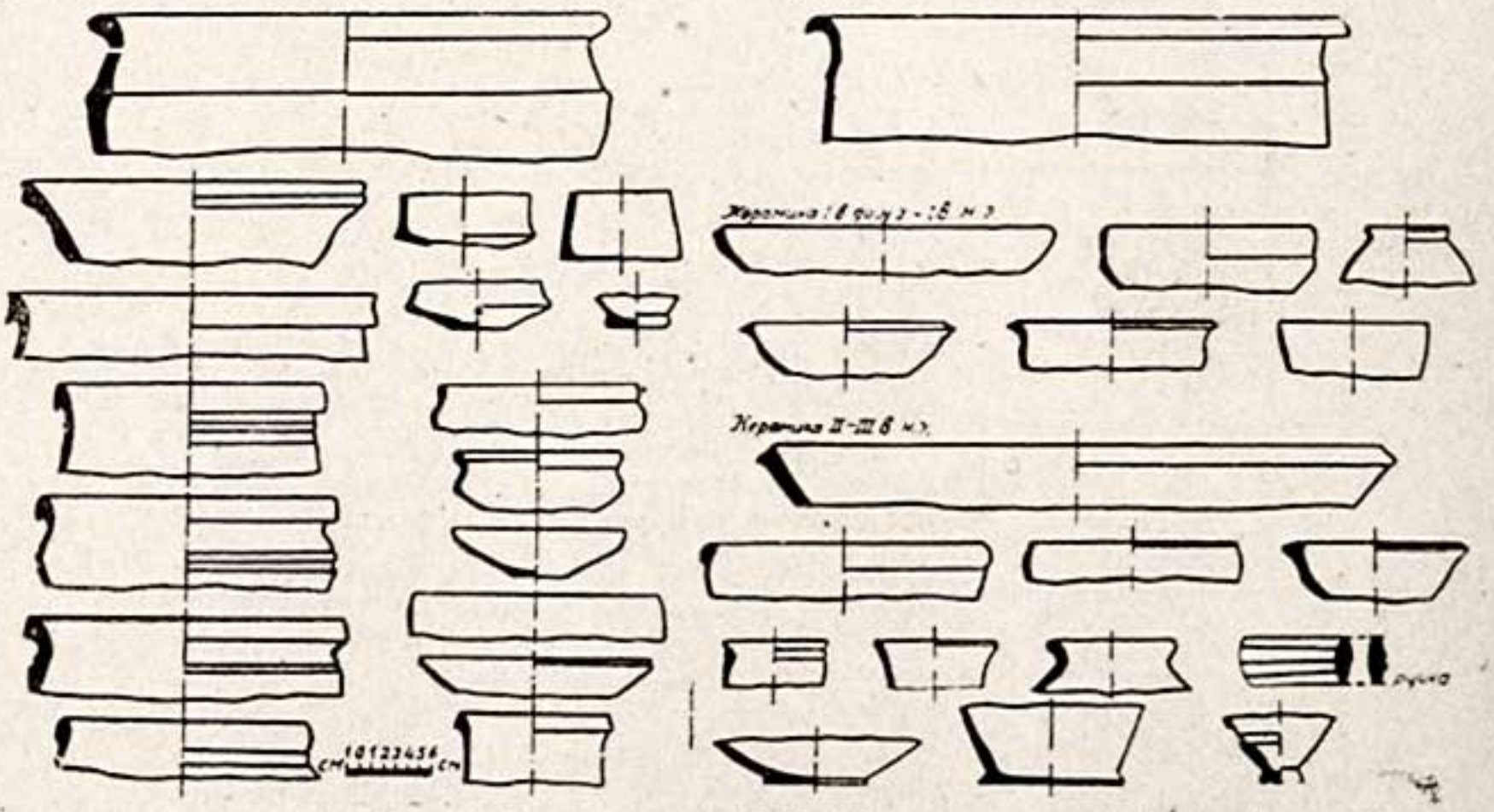


Рис. 14. Шурф 6. Керамика III—II вв. до н. э. (слева), I в. до н. э.—I в. н. э. (верхняя справа) и II—III вв. н. э. (справа).

Шурф, заложенный в 1953 г. в проеме северных ворот Гяур-калы, показал, что крепостная стена стоит на уже обжитой площади. Под кладкой стены шла пахса (50—55 см) и плотный однородный слой с керамикой, а ниже — рыхлый серый слой с включением песка, отде-

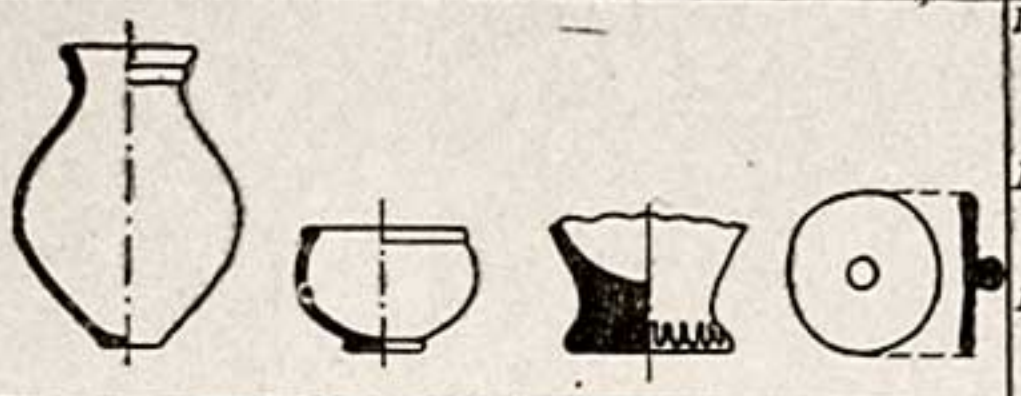
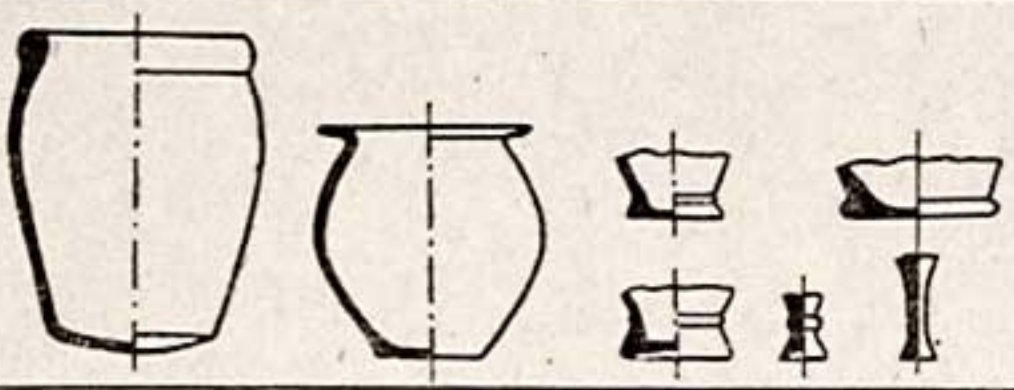
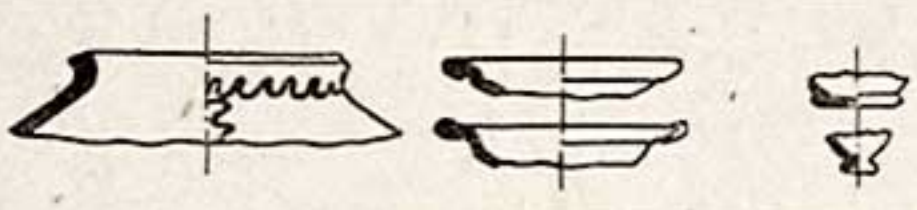
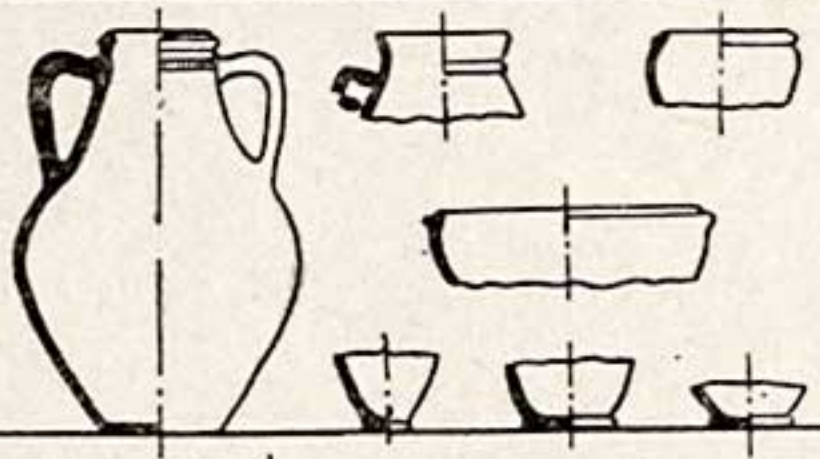
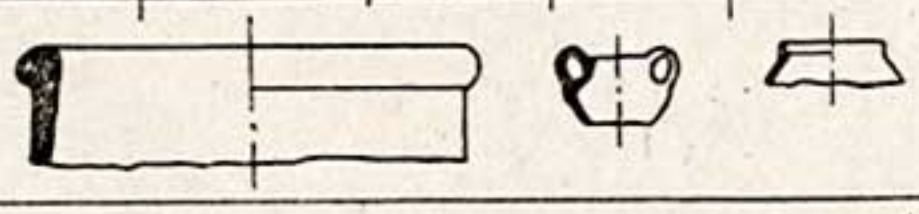
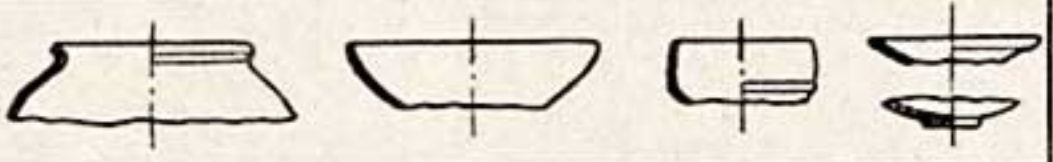
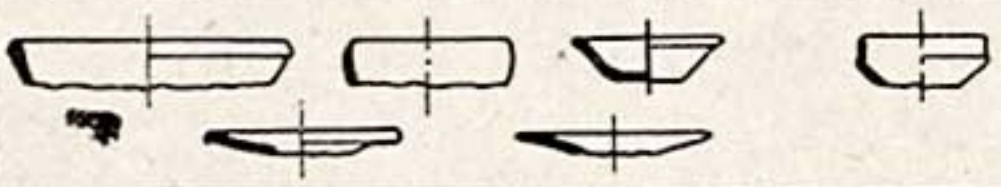
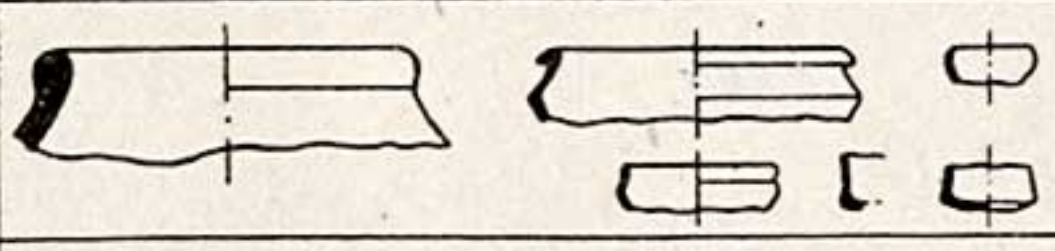
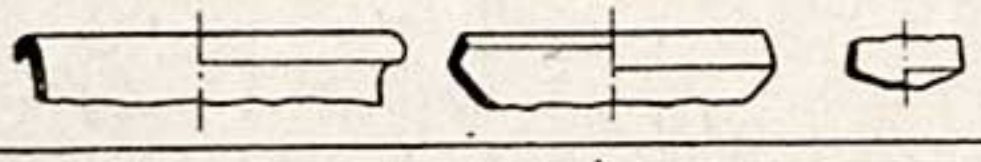
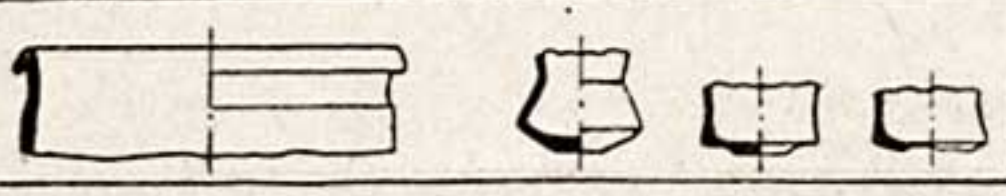
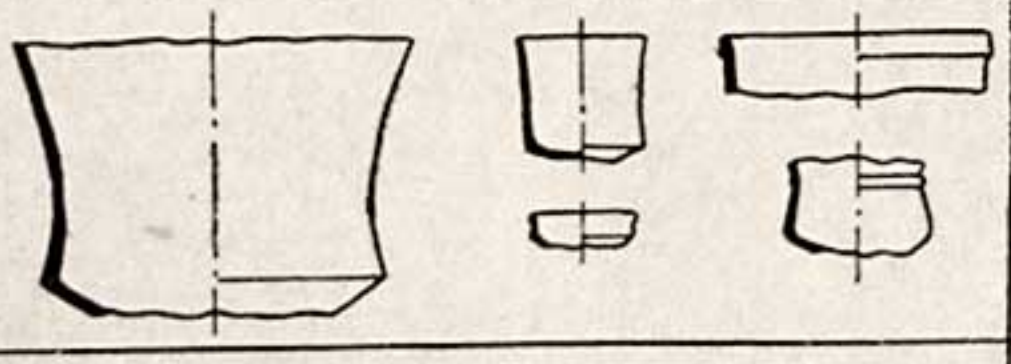
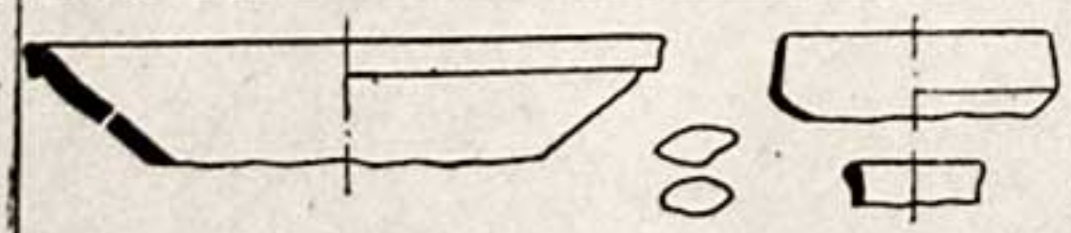
ярусы		керамика	монетные данные	датировка	
Эрк-хала V	I–IV		I ярус – Аббасидский фельс VIII в. н.э. Чекан Шапура II (IV в. н.э.) Местный чекан сасанидского правителя IV в. н.э. III ярус – 2 монеты позднесасанидского чекана IV ярус – позднесасанидский чекан	Раннее средневековье V – VII вв. н.э.	
Эрк-хала V	V–VII		V кладик		
Эрк-хала IV	VIII – IX		VIII – две монеты сасанидского чекана IX – сасанидский халк	III-IV вв. н.э.	Поздняя античность II – IV в. н.э.
Эрк-хала IV	X–XIII		X ярус – Варахран (2 шт) XI – Маргианская эмиссия II в. н.э. XII – местный маргианский чекан I-II вв. н.э. XIII – чекан конца и первой половины II в. н.э.	II – III вв. н.э.	
Эрк-хала III	XIV – XV			I в. до н.э. – I в. н.э.	Развитая античность II в. до н.э. – I в. н.э.
Эрк-хала III	XVI		XVI – чекан второй половины I в. до н.э.	I в. до н.э.	
Эрк-хала III	XVII–XVIII			II в. до н.э.	
Эрк-хала II	XX		чекан II в. до н.э.	II в. до н.э.	Ранняя античность III – II вв до н.э.
Эрк-хала II	XXI – XXII			III в до н.э.	
Эрк-хала II	XXIII				
Эрк-хала I	XXIV – XXV			Древняя Маргиана V – IV вв. до н.э.	
Эрк-хала I	XXVI – XXVII				

Рис. 15. Шурф 5. Сводная таблица хронологической шкалы керамики.

ленный желтоватой прослойкой от последующего плотного лёсса с большим процентом перегнившей органики, где и было найдено рыхлое яйцевидное ядро красного цвета. Полученная картина перекликается с данными шурфа 5, где в слоях болотной почвы встречались кусочки керамики. И керамика, и ядро в почву попали, по всей вероятности, в момент ее обработки.

Согласно данным шурфа 5, платформу и связанный с ней слой XX—XXIII ярусов по времени следует считать продолжением развития культуры Яз III, Эрк-кала I, относя ко времени похода Александра Македонского в Среднюю Азию и правления селевкидов, внимание которых привлекало плодородие долины Мургаба. Тогда появился вал Мервской округи и тогда, как сообщает Страбон, были заложены городские укрепления Антиохии Маргианской, ставшей столицей уже античной Маргианы.

Войска Александра Македонского застали на месте Эрк-калы крупное поселение с мощной цитаделью. Возможно, что греки возвели вокруг цитадели или укрепили уже имевшийся глинобитный вал, и этот факт вошел в историю как основание города Александрии в Маргиане. Исходя из имеющихся данных, стало возможным отождествление Александрии Маргианской с Эрк-калой, а Антиохии Маргианской — с Гяур-калой, для которой бывшая Александрия стала цитаделью.

За все время археологических работ в Мерве только в шурфе 5 удалось уловить мощный слой ранней античности (Эрк-кала II) конца IV—III вв. до н. э., внесший некоторую ясность относительно датировки керамики с подкосом, которую, как установлено, по традиции продолжали изготовлять в Мерве вплоть до начала II в. до н. э., и попадавшиеся во вторичном залегании фрагменты подобного типа могут быть как из слоя Эрк-кала I, так и из ранней античности, когда Маргиана еще не входила в состав Парфянской державы. Многолетние работы в античном Мерве все больше убеждают нас в том, что культура Яз III изучена недостаточно по памятникам в низовьях Мургаба из-за разрушенности верхних культурных слоев. Только стратиграфия Эрк-калы поможет выявить дальнейшую судьбу культуры Яз III, которая не погибла с запустением древних земледельческих оазисов. Можно считать установленным, что раннеантичный слой на Эрк-кале (Эрк-кала II) является непосредственным продолжением развития культуры Яз III. Посуда с подкосом была еще долго в быту, вплоть до II в. до н. э., после чего облик керамики несколько изменился. Раннеантичный комплекс выделен для Мерва впервые благодаря наблюдениям в шурфе 5 и в публикациях еще не отражен[54].

Можно считать также установленным, что керамические комплексы из нижних слоев раскопа 2 на Гяур-кале, лежащих прямо на материке, должны быть датированы II в. до н. э., но с III в. до н. э. уже складывается внутренняя планировка античного Мерва и интенсивно начинает развиваться экономика рабовладельческого общества, наблюдается подъем в керамическом, меднолитейном и других производствах, и Маргиана вступает в полосу своего расцвета и могущества, разделяя судьбу народов Средней Азии рабовладельческой формации.

Стратиграфия шурфа 5 еще раз подтвердила правильность наметившейся керамической шкалы по Мерву, особенно для развитой (II в. до н. э.— I в. н. э.) и поздней (II—IV вв. н. э.) античности, с выделением материала I—II вв. н. э.[55] (рис. 15).

Запустение и накопление слоев отвального характера на глубине 4 м (VIII ярус), видимо, следует связывать с эпохой кризиса рабовладельческой системы[56].

На период раннего средневековья и арабского завоевания приходится толща в 4 м, начиная с дневной поверхности. Встреченные здесь фрагменты посуды IX—X вв. и резные фигурные кирпичи свидетельствуют о некотором обживании Эрк-калы в это время и об использовании низкой части городища под посевы, что видно по шурфу 6, где на глубине 60 см отмечены агроирригационные отложения.

Работами 1962 г. было также установлено, что со времени последней вспашки накопился слой 1,5 м, благодаря чему вся северная часть Эркалы в настоящее время воспринимается как ровная площадь. В античную же пору микрорельеф выглядел несколько иначе.

Полученная стратиграфия показала, что полуторотысячелетняя историч Мерва прошла через пять хронологических периодов, каждый из которых внес своеобразие в культурное развитие народов Южной Туркмении. Учитывая, что Маргиана не сразу вошла в состав Парфии, а после присоединения старалась сохранить самостоятельность, добившись автономного положения, иметь свой местный чекан, наряду с общегосударственным, самобытную культуру и была далеко на северо-востоке от исконных парфянских владений, лучше не называть мервскую керамику «парфянской», хотя под этим подразумевается античное время. а не династическое происхождение. Исходя из этого, сугубо для Мерва по материалам шурфа 5 Эрк-калы предлагается следующая хронологическая колонка:

Мерв I (Эрк-кала I) времени Яз III — конец V—IV вв. до н. э.

Мерв II (Эрк-кала II)— ранняя античность, конец IV — начало III в. до н. э.

Мерв III (Эрк-кала III) — развитая античность, II в. до н. э. — I в. н. э.

Мерв IV (Эрк-кала IV) — поздняя античность, II—IV вв. н. э.

Мерв V (Эрк-кала V) — раннее средневековье, V—VII вв. н. э.

Разумеется, это не абсолютная хронология и надо надеяться, что дальнейшие работы на цитадели Мерва дополнят и внесут поправки в предлагаемую колонку.

Как без хорошей стратиграфии культурных напластований невозможно поднятие исторической топографии, так и без изучения фортификации невозможно правильное понимание до конца истории развития таких крупных городов, как Мерв. ЮТАКЭ на протяжении ряда лет ведет

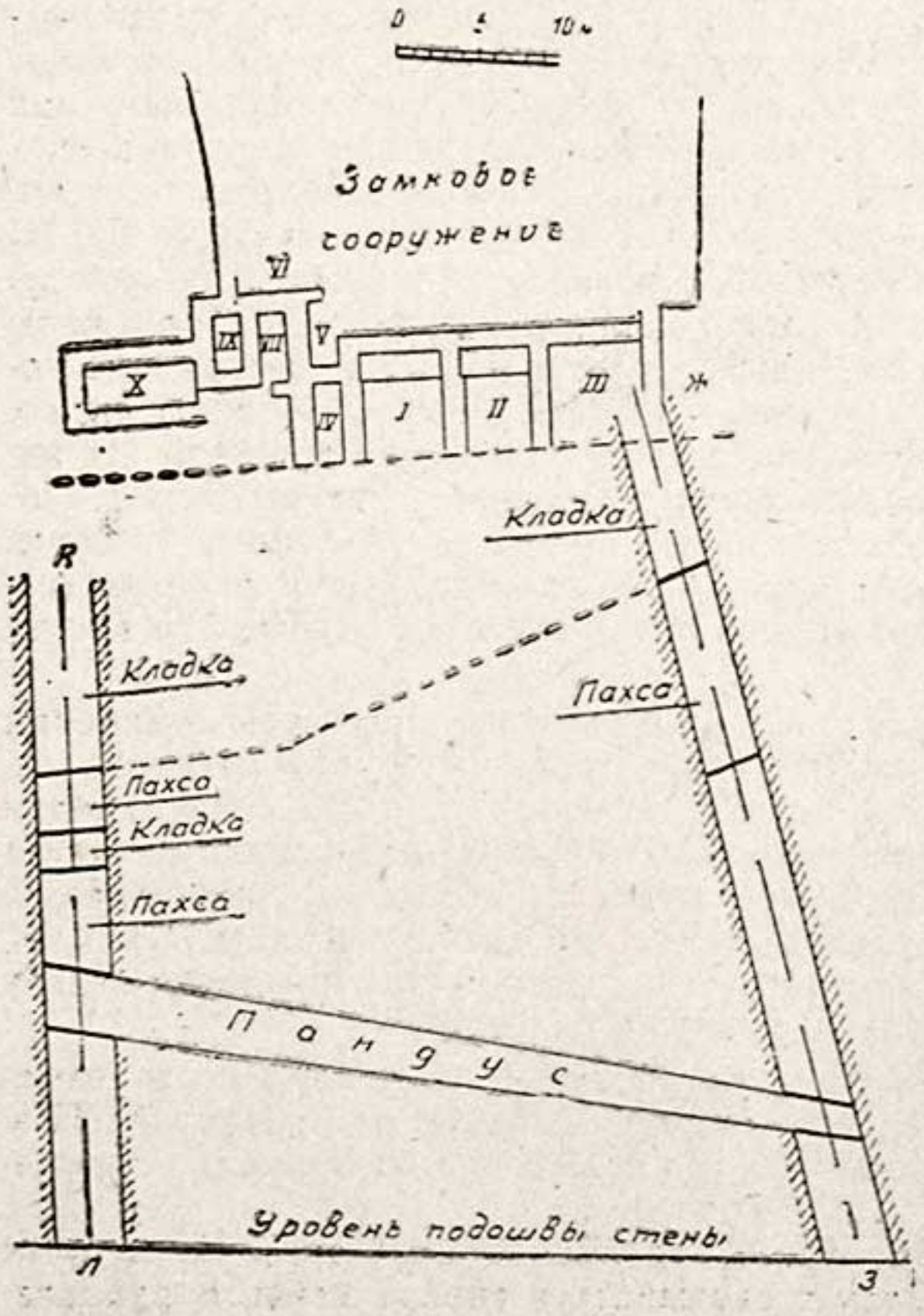


Рис. 16. План раскопок юго-западной и юго-восточной бровок.

исследования крепостной архитектуры Эрк-калы, а в 1963 г. был начат специальный большой разрез 2 на западном фасе стены цитадели. Крепостные сооружения Эрк-калы отражают не только древние приемы фортификации, в них красноречиво предстает эпоха с ее экономическими подъемами и периодами упадка. Еще в 1955 г. при вскрытии замкового сооружения на крепостной стене у единственных ворот Эрк-калы попутно осуществлялась расчистка от отплывов южного склона стены (рис. 16) и при этом установлено, что здание стоит на кирпичной выкладке высотой 7—7,5 м, которая в юго-восточной бровке покоится на пахсе, имеющей угол наклона 45°, а в юго-западной — на кладке с откосом 60°[57]. Пахсовые блоки имеют разные размеры, под кладкой два первых блока высотой на 0,75, третий — 1,3, четвертый — 1,5 м (рис. 17). Наклонная плоскость пахсы имеет глиняную обмазку. Ниже

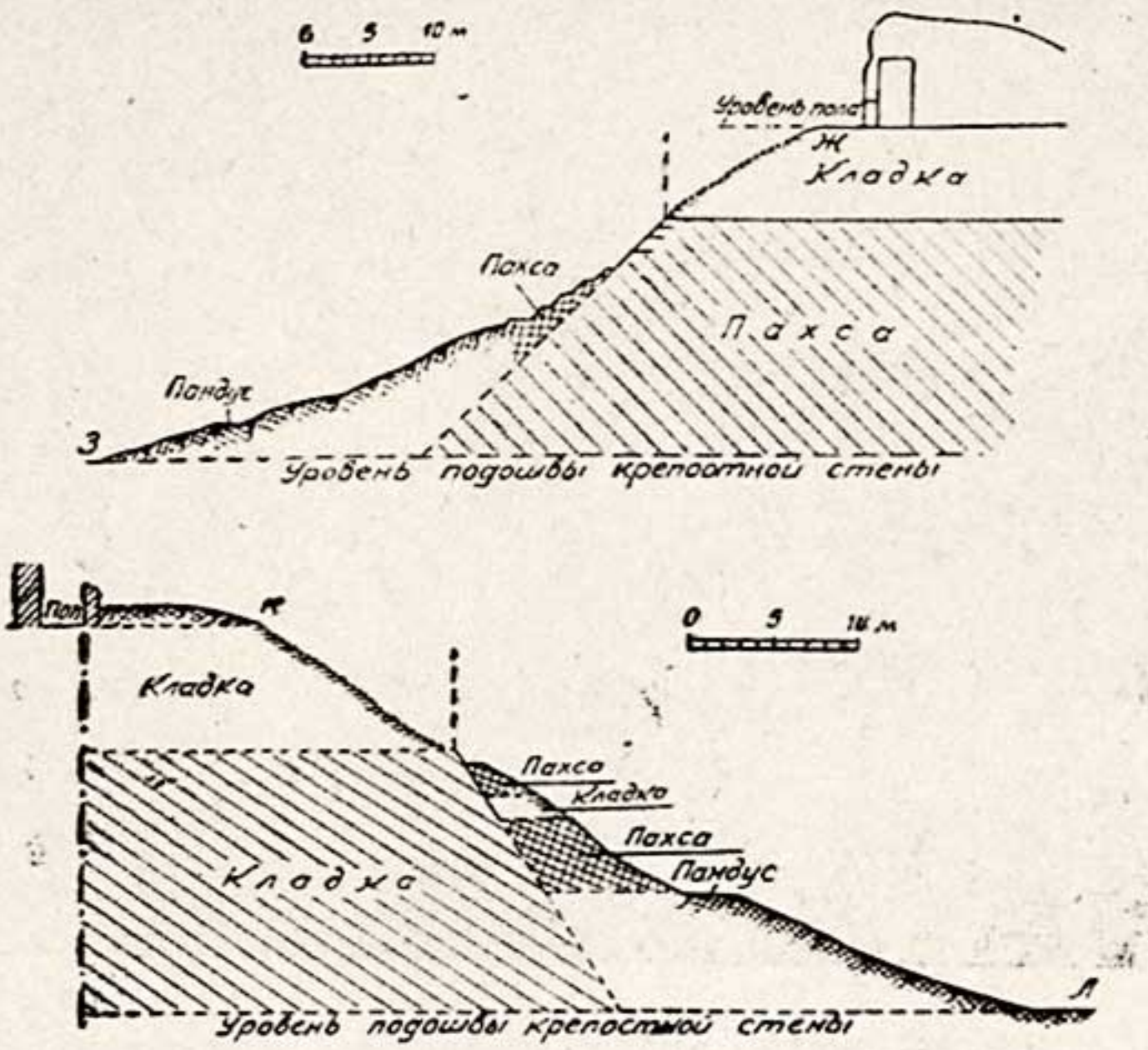


Рис.17. Профили южного склона крепостной стены Эрк-калы через юго-западную и юго-восточную бровки.

блоки идут уступами и сооружены впритык к основной стене при устройстве пандуса. Первая ступень высотой 90 см выступает от первоначальной пахсовой стены на 40 см, вторая высотой 1 м выступает на 1 м, третья — на 90 см, четвертая высотой 1,10 — на 55 см, пятая — на 1,9 м, дальше вскрытие не осуществлялось. Все пахсовые уступы-ступеньки имеют хорошо сохранившуюся глиняную обмазку. От последнего уступа до пандуса по оплыву 23 м. В западной бровке под 7,5 м кладкой хорошо сохранилась сырцовая стена с тремя слоями глиняной обмазки, имеющая не только на юг, но и на запад откос в 60°, и грань ее совпадает с началом крутого спуска к воротам. Пахсовая и сырцовая стены имеют не только разный угол скоса, но и разное направление, а их пересечение дает угол. Таким образом устанавливается, что Эрк-кала когда-то в плане представляла собой многоугольник, который в силу поздних ремонтов и мощных оплывов воспринимается в настоящее время как овал с едва заметными гранями. Поскольку здание сооружено было где-то на грани нашей эры и функционировало до начала II в. н. э.,

то крепостные стены в той части, где на ней стоит сооружение, возводилось не позднее грани нашей эры. При этом более ранние стены были взяты в футляр и их можно выявить только путем разреза стен многогранника, имеющего в основании около 90 м.

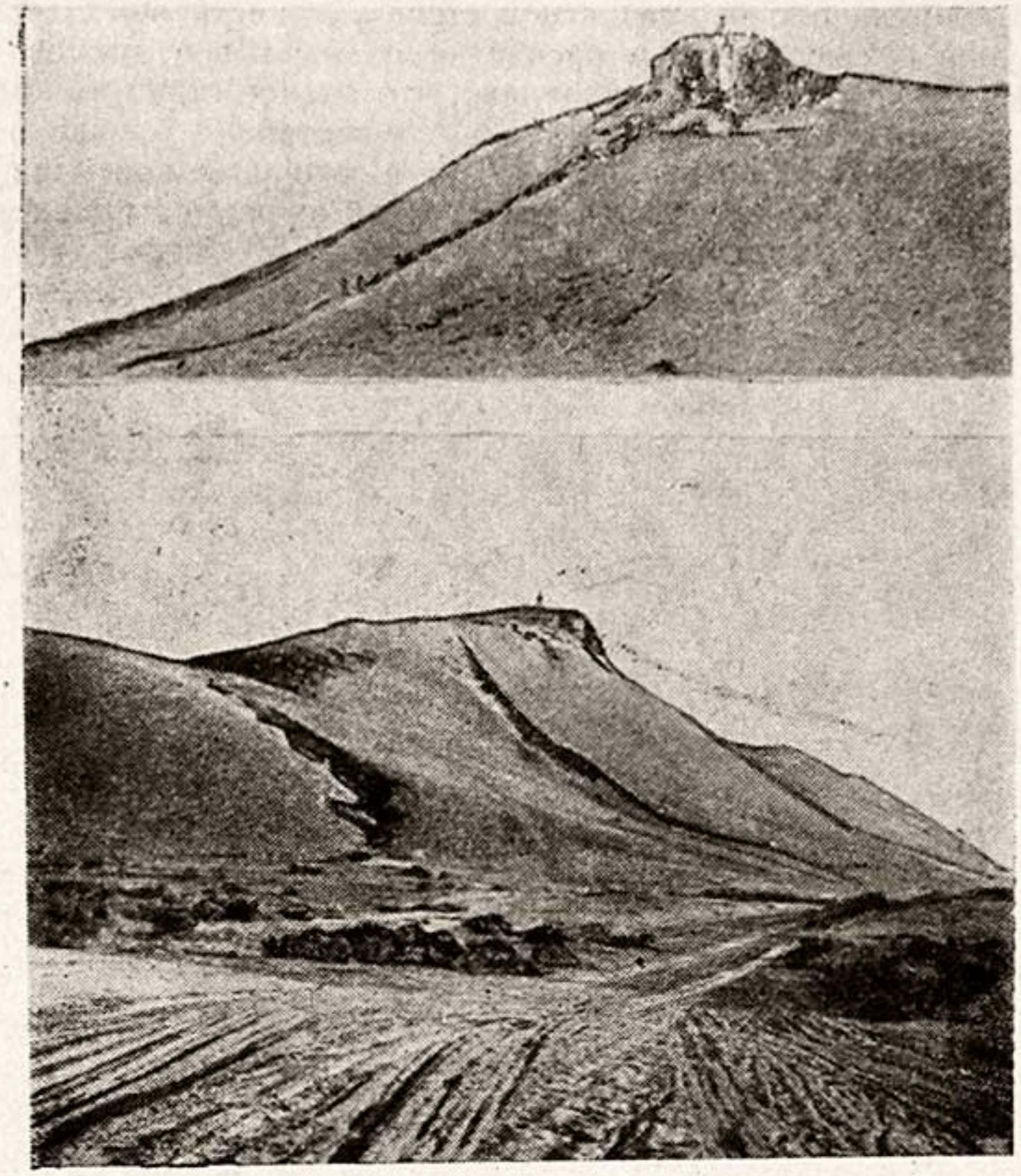


Рис. 18. Виды на раскоп юго-западной и юго-восточной бровок на южном склоне крепостной стены Эрк-калы.

Установлен и второй этап строительных работ, когда стены многогранника берутся в футляр из пахсовых блоков, в отдельных случаях чередующихся с сырцовой кладкой, сохранявшего тот же угол скоса. Одновременно с новой фасадной облицовкой был сооружен пандус, хорошо читавшийся на фоне оплывших стен до начала земляных работ. Благодаря пандусу при возведении нового футляра стык двух граней был несколько сглажен и перенесен западнее, что хорошо читается по микрорельефу. Выяснилось также, что когда крепостная стена имела многогранную конфигурацию, ворота были на том же месте, где и сейчас въезд на городище. Об этом говорят результаты раскопок (1960 г.) по отысканию места предполагаемых ворот (раскоп 5).

Работами 1955—1959 гг. было установлено, что западная граница замкового сооружения на крепостной стене у ворот проходила по линии VIII и X помещений, в которых от позднесасанидской эпохи сохранились арочки из хорошего сырца 35—37×20—25×20—12 см, находящиеся на 70—75 см ниже современного уровня гребня стен. Высота арок 1,26 м, толщина арочного свода 40—60 см, кирпич положен на ребро, и под него подоткнуты фрагменты хумов (рис. 19). Арки сооружены

на забутовочной кладке из сырца 43×44—45×10—12 см. Дуга пролета арок меньше полуокружности, очень близка к очертанию коробовой кривой, по которой очень часто осуществлялась выкладка больших арок и сводов раннефеодальных кёшков и культовых сооружений Мерва и южной Туркмении[58].

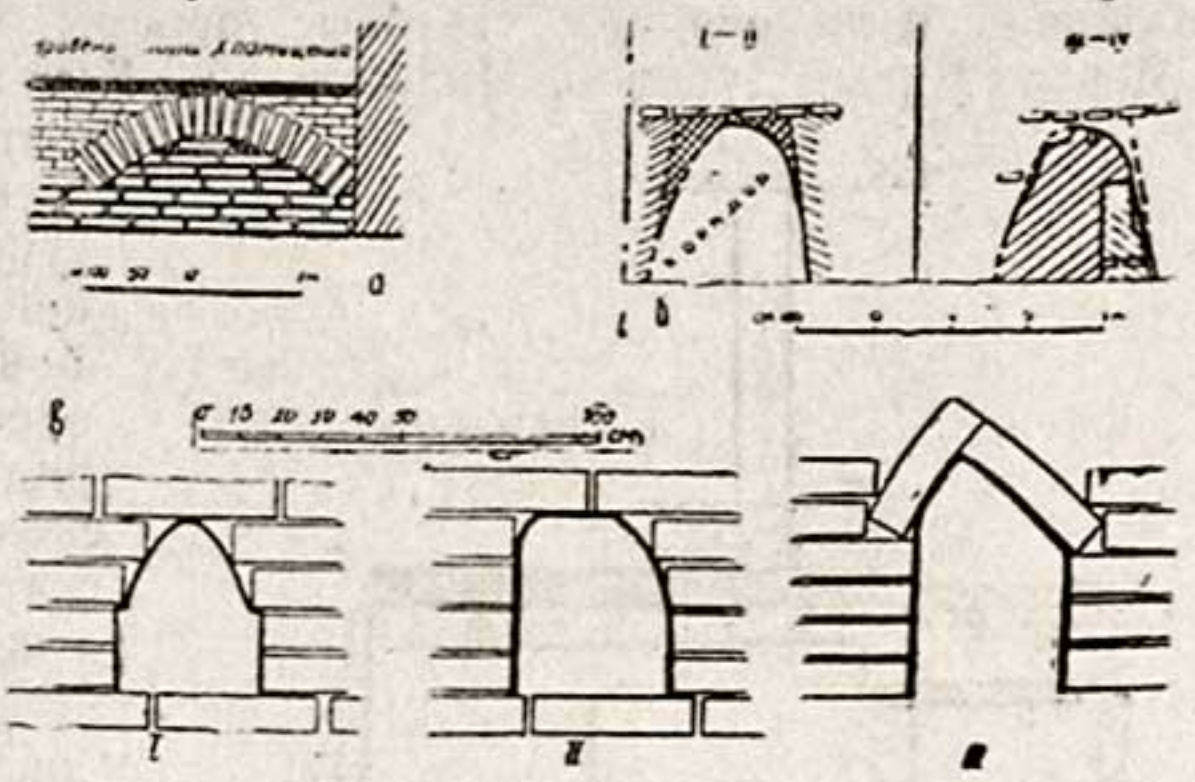


Рис. 19. Арка под полом помещения X (а); коридор III, строительные этапы (б); декоративные бойницы в контрфорсах форта (в).

В 4 км к западу от помещений VIII и X проходил край упомянутой выше античной стены с углом скоса 60°. Расстояние от ее основания до первой башни к западу от ворот равняется примерно 14—15 м, то есть таковы были размеры проезжей части проема ворот цитадели в античную пору (рис. 20). Раскопки выявили интересную картину поздних застроек при единственных воротах Эрк-калы. Чтобы связать форт, построенный на месте замка, с привратными сооружениями, были предприняты следующие работы. Помещения западного фаса хорошо забутовывались и сооружались упомянутые арочки в конструктивных целях, чтобы по краю крепостной стены создать более прочный фундамент для предотвращения оползней, а по склону античной стены возводили сырцовую стену вроде пандуса для плавного спуска от форта к воротам. В основании новая стена стала иметь угол откоса 75°. Кроме того, в 9 м к югу от этой стены, была прослежена параллельная ей другая кладка из сырца 40×39×11 см, 40×42×10, 42×45×10—12 см, которая выступает на запад на 5 м по сравнению с первой кладкой. Наблюдения показывают, что в том месте, где

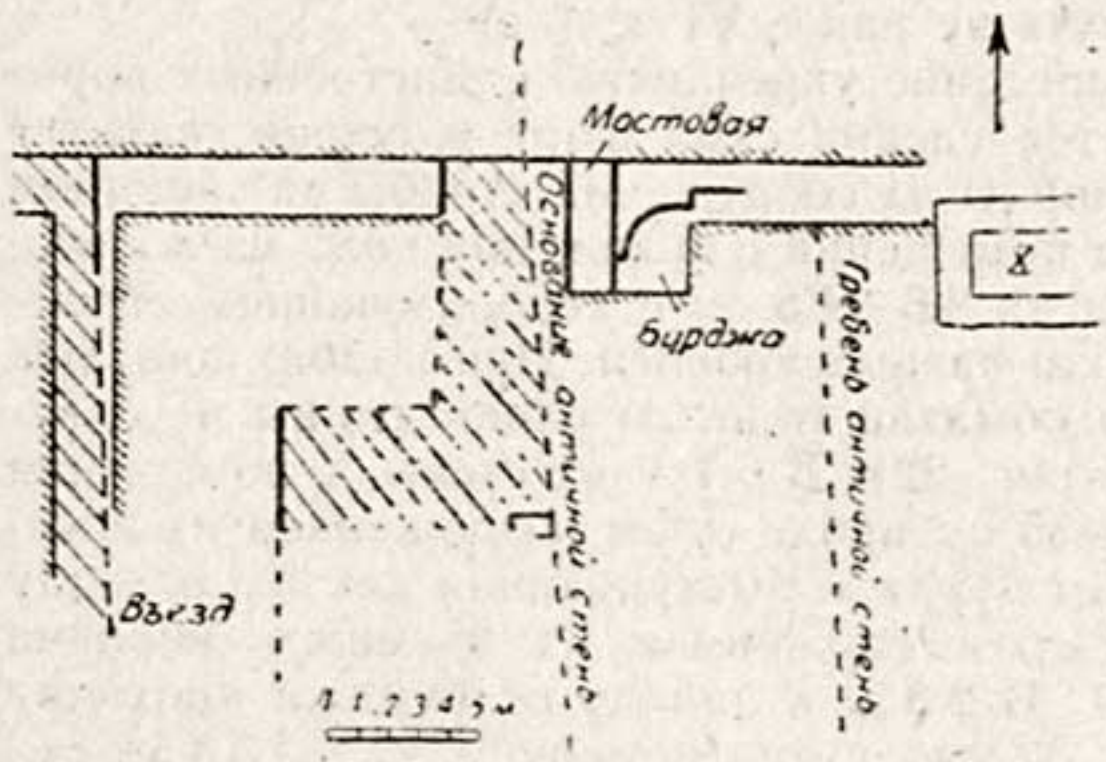


Рис. 20. План раскопа 5 на месте былых ворот цитадели.

пандус подводил к проему ворот, въезд был гораздо меньше по ширине, чем проезжая часть севернее. Такое сооружение напоминало колено, облегчавшее защиту ворот. Несмотря на то, что ворота в цитадель были со стороны города, все же на привратные укрепления обращали большое внимание. Это объясняется, видимо, и тем, что сасанидские правители побаивались народных волнений и придворных интриг и на всякий случай имели хорошо укрепленные ворота при достаточно надежных крепостных стенах. Со всей очевидностью вытекает, что форт в это время выполнял функции привратного укрепления (рис. 21). Создаются (сначала одна, а затем к ней впритык вторая) стены — контрфорсы с декоративными бойницами, усиливавшими впечатление мощности и обороноспособности крепости[59].

При устройстве бойниц применялись простые треугольные арочки, которые осуществлялись взаимным опиранием двух наклонно поставленных сырцовых кирпичей (рис. 19). Таким приемом перекрывались бойницы и щелевидные световые проемы в парфянских памятниках Мерва, Нисы, Дурнали, Чильбурджа, Кош-кала и др. Он имел очень широкое распространение во всей среднеазиатской архитектуре античной и раннефеодальной поры[60]. Свод одной только бойницы выложен путем напуска каждого последующего ряда кирпича (ложный свод)[61]. Стены с бойницами сохранили глиняную обмазку.

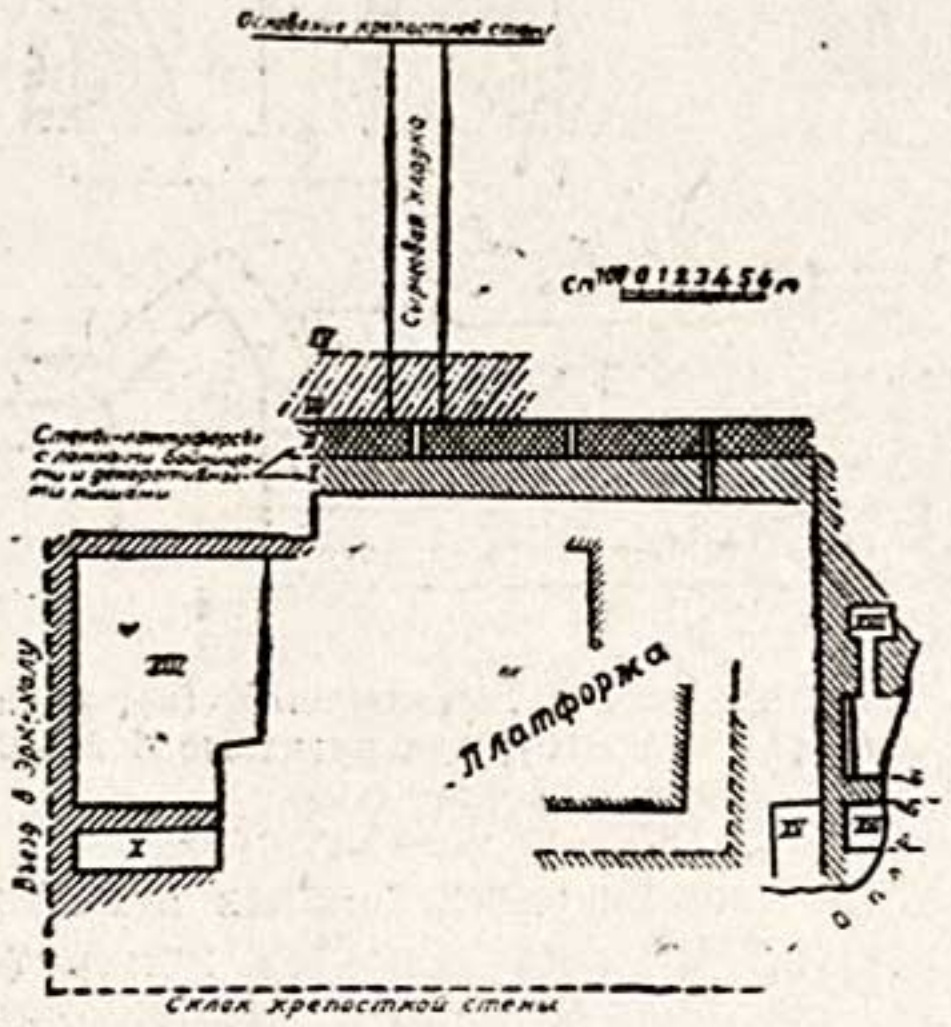


Рис. 21. План форта III—VII вв. н. э.

Фасадное оформление форта сводилось к созданию вида настоящей крепости: стены с откосом несут на себе вертикально поставленный декоративный контрфорс с ложными стреловидными бойницами. При разборке этих кладок были встречены медные монеты сасанидского чекана VI в. н. э., из которых одна принадлежит Хормизду IV (579—590 гг.). Последняя стена с бойницами могла возникнуть не ранее VI в. н. э.

Арабы уделяли большое внимание укреплению единственных ворот Эрк-калы. При них используется сасанидский форт и осуществляется ряд работ по строительству привратных сооружений. Арабы на западном фасе форта построили себе ряд помещений с вымосткой пола из жженого кирпича в стороне 18—19 см на 3,5—4,5 см с использованием строительного мусора для нивелировки разных уровней. При арабах плавный спуск от форта к воротам был обмазан толстым слоем глины и сооружены привратные укрепления (рис. 22). В 6,1 м от стены X помещения расчищена площадка шириной 55 см вроде суфы, выложенная из жженого кирпича. К суфе примыкает бурджа, выступающая как бы на одну четверть круга (по дуге 2,65 м) и сложенная из жженого кирпича 21×22×3—3,5 см, 20×7×3 см. В 2,5 м к западу от бурджи проходит мостовая шириной 1,65 м из жженого кирпича 22×21×3,5 см, 18,5×18,5×3,5 см в направлении с севера на юг, где через 12 м поворачивает на запад и обрывается, а в свое время вела прямо к въездной части ворот (рис. 23). При арабах пандус упирался в мощные укрепления из жженого кирпича, хорошо прослеживаемые и сейчас в промоинах. Уровень проезжей части ворот при арабах повысился на 2 м, что хорошо видно в разрезе на рис. 23. Толстая глиняная обмазка прослежена от мостовой на запад более чем на 6 м с некоторым понижением. Она перекрывает сасанидскую стену с углом откоса 75° и затем около 2 м идет почти горизонтально, а через некоторое время вновь повысилась. Над глиняной обмазкой слой средневекового завала и многовекового оплыва в настоящее время более 70 см. Везде в этой части у ворот скопление битого жженого кирпича, среди которого встречаются резные фигурные кирпичики (бантики, треугольники). Данные письменных источников и факты археологического порядка своим некоторым противоречием затрудняют датировку средневековых сооружений на Эрк-кале[62].

Рис. 22. Средневековая стена из жженого кирпича.

По письменным данным известно, что Эрк-кала при арабах продолжала функционировать как кухендиз, куда еще в IX в. регулярно подавалась вода через подземный канал, а в X в., по сообщению Макдиси, кухендиз был настолько разрушен, что подняться и войти в него можно было только с проводником. Тому, что в IX в. жизнь на Эрк-кале продолжалась, не противоречат и археологические данные.

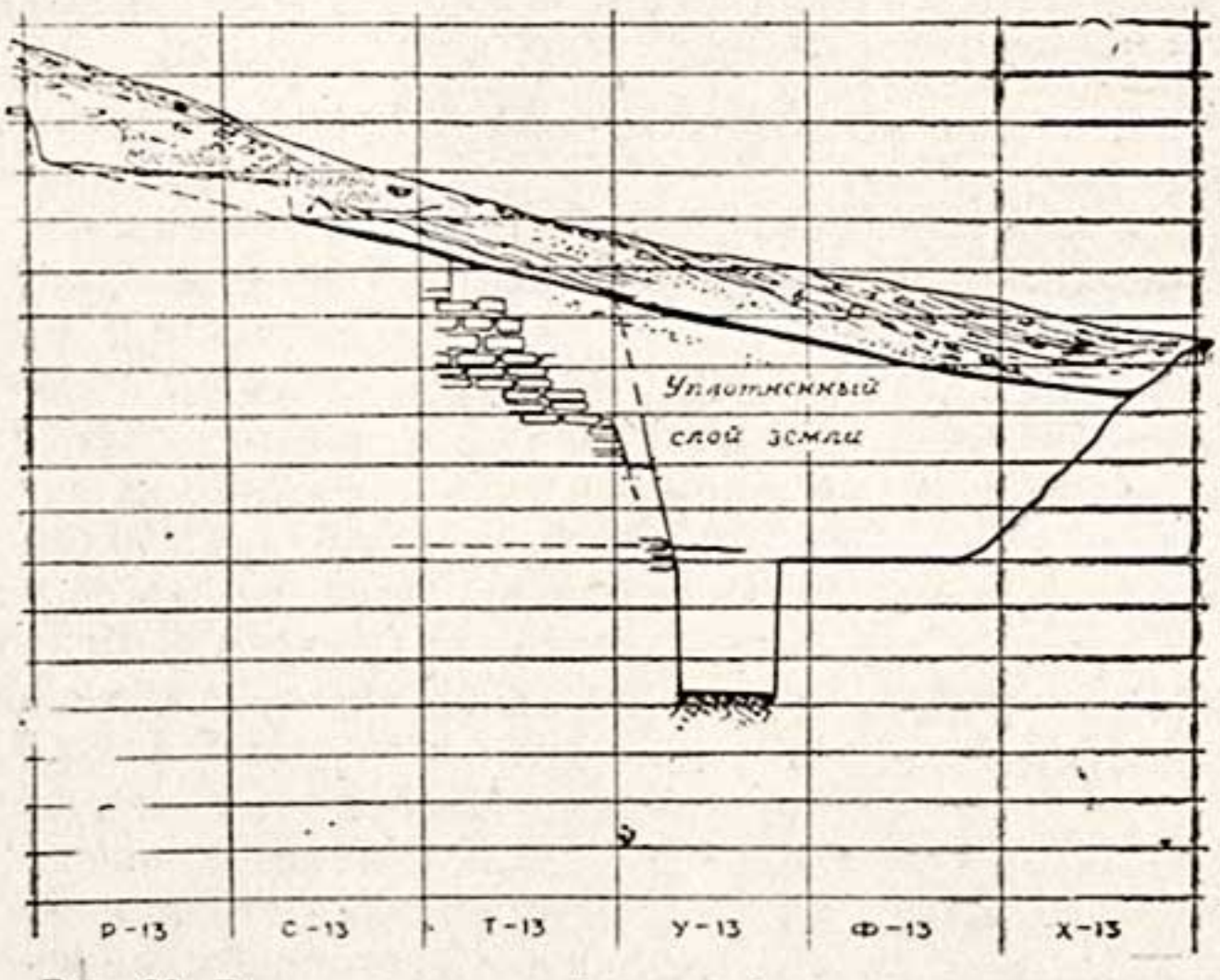


Рис. 23. Разрез в проезжей части былых ворот цитадели.

Привратные сооружения, построенные из жженого кирпича размером 19×19×3 см, 19×20×4 см, 22×22×3,5—4 см, 22×23×3,5 см, 22×10×4 см, выкладка пола, фундамента одного из помещений форта, осуществленная кирпичом 18×18×3,5 см, 19×19×4 см, и стены из сырца 30×30×6—7 см, относятся к этому времени.

В 1950 г. на центральном бугре Эрк-калы М. С. Мерщиевым было вскрыто здание VII—VIII вв., пол которого выложен из жженого кирпича 20×20×4,5 см ровного желтого цвета и только один имел размеры 19×19×3,8 см. На Гяур-кале в шурфе 2 во II ярусе была обнаружена выкладка из жженого кирпича размером 17×17×3,5 см. Согласно данным монет, этот уровень продатировался VIII—IX вв. Кирпичи с центрального бугра и шурфа 2 были подвергнуты анализу Н. С. Гражданкиной и установлено, что по своим физическим качествам и структуре они очень близки[63]. Что касается сырца, то все кёшки в окрестностях Мерва VIII—X вв. сложены из подобного кирпича[64]. Сосуществование сырца 30×30×6—7 см с некоторыми вариациями размеров сторон с жженым кирпичом-маломеркой очень характерно для VIII — начала IX в., и в X—XI вв., когда размеры кирпича увеличиваются до 23—24 см в стороне на 3,5—6 см, кирпич-маломерка продолжает использоваться наряду с крупным[65].

Рис. 24. Вид с запада на бровку, связывающую форт с местом былых ворот Эрк-калы. На переднем плане откос стены сасанидского времени, на втором — выкладка средневековой мостовой.

По письменным источникам известно, что первая арабская соборная мечеть в Мерве была построена из сырца и, как показали раскопки на месте этой мечети, сырцовый минарет намного позже был одет в футляр из жженого кирпича. Истахри указывает, что последующие мечети Мерва строились уже из жженого кирпича, из которого, кстати, был воздвигнут дом правления в Мерве при Абу-Муслиме в VIII в.[66] Принимая во внимание время появления жженого кирпича и исходя из стратиграфических наблюдений, устройство бурджи, мостовой, выстилку полов в помещениях форта следует отнести к поре правления наместника Хорасана аль-Мамуна, жившего в Мерве с 808 г. и оставшегося здесь после провозглашения его халифом (813 г.). Эрк-кала на некоторое время становится местопребыванием халифа и превращается в настоящую крепость. Интересные находки сделаны восточнее бурджи, где на суфе было найдено скопление глиняных необожженных круглых ядер диаметром 6—10 см. А на полу в помещении X (выше арочки) встречен железный наконечник копья длиной 19 см, втулка диаметром 3,5 см расширяется книзу и имеет длину 7 см (рис. 25). Наконечник листовидной формы, максимальная ширина 4 см,

ему по крайней мере 1 000 лет. Это оружие поры арабского завоевания, аналогичные наконечники для IX в. в собраниях среднеазиатских музеев представляют редкость[67]. Так в основных чертах выглядят наблюдения, сделанные на раскопе по отношению места прежних ворот цитадели.

Однако отдельных зачисток недостаточно для выяснения принципов устройства гигантской стены Эрк-калы. Земляные работы показали, какие требуются колоссальные физические усилия с большой затратой времени для осуществления хотя бы частичного разреза стены Эрк-калы, имеющей в самых приниженных местах высоту 22—23 м при ширине в основании около 80—90 м. С установлением по стратиграфическому шурфу изначального момента обживания территории Эрк-калы, закономерно встает вопрос о появлении первых стен Эрк-калы и времени возникновения города. Опыт многолетнего изучения крепостных стен Гяур-калы и отдельные наблюдения частного порядка над стенами цитадели позволили подойти вплотную к вопросу фортификации Эрк-калы[68].

Рис. 25. Железный наконечник копья IX в. н. э.

Большой разрез крепостной стены Эрк-калы начат был на западном ее фасе для выяснения устройства стены в целом и установления времени и приемов строительства этой самой ранней стены, а также для решения вопроса о вводе воды в цитадель. Как показывает микрорельеф, именно в северо-западной части Эрк-калы у крепостной стены есть свободная незастроенная полоса, в то время как в других местах культурные напластования подходят впритык к стене. Со стороны Эрк-калы в том месте, где заложен разрез, высота стены достигает 20,4 м, а со стороны Гяур-калы — 24,5 м.

Учитывая, что все позднейшие ремонтные стены Гяур-калы наращиваются во внешнюю сторону, разрез начат был на внутреннем склоне крепостной стены цитадели и доведен пока что до глубины 14,5 м. Установлены пока четыре разновременные стены. Сразу же под слоем пушонки

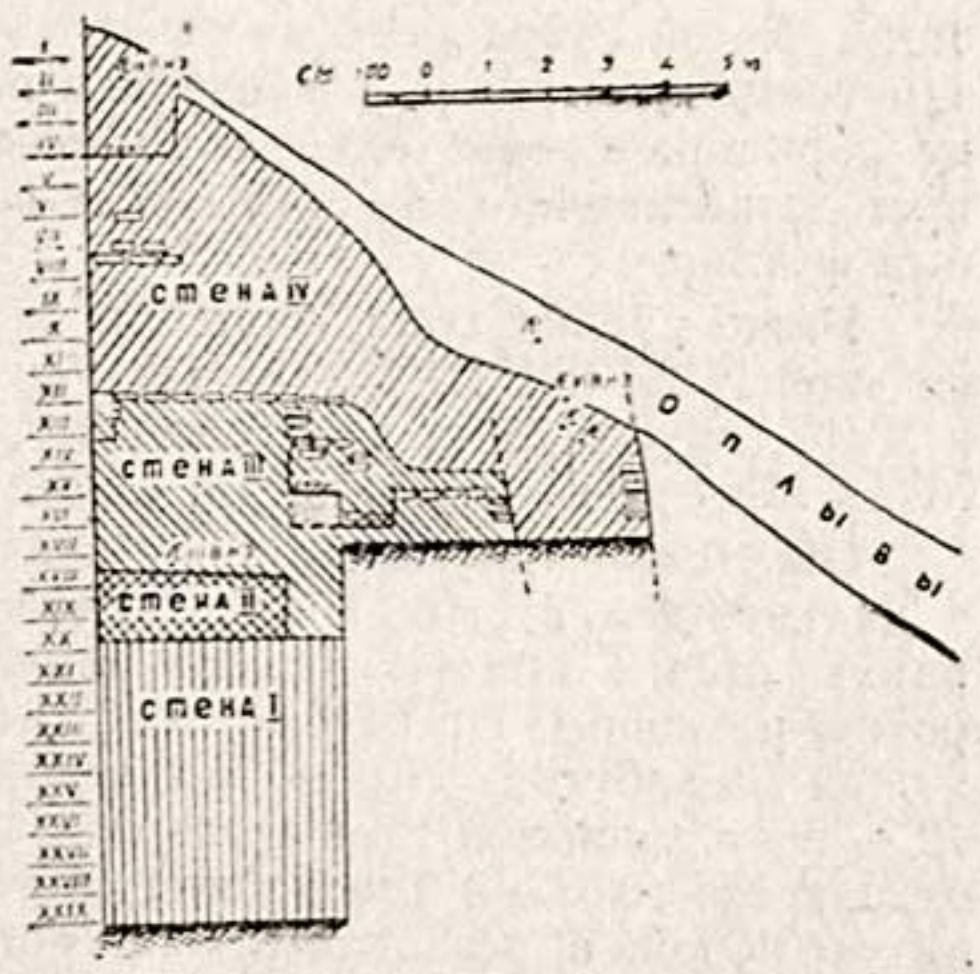


Рис. 26. Профиль разреза крепостной стены Эрк-калы на западном фасе (северная сторона).

был обнаружен коридор (возможно, внутристенное помещение), попавший в разрез частично. Ширина коридора 1,4 м, высота сохранившихся стен 1 м, толщина штукатурки 5—8 см, пол имеет глиняную обмазку. Под ним идет кладка стены из сырца в стороне 38—42 см на 10—11 см с клеймами в виде одной или трех полос. Иногда полосы

сопровождаются вмятинами или отпечатками нескольких пальцев. Высота кладки 4 м, максимальная ее ширина на этом уровне 6 м. Для строительных работ требовалось громадное количество сырца, но его, видимо, не хватало и поэтому прибегли к приему устройства сырцовых футляров, которые забивали землей, глиной, кусками битого кирпича. Поверх такой утрамбовки шло несколько рядов хорошей выкладки, затем картина забутовки повторялась. На шестом метре началась выкладка стены (стена III) из сырца размером 32×32×12, 35×35×12—15 см без клейм, с внутристенным сводчатым коридором высотой 2 м, шириной 1,6 м, идущим с севера на юг. Высота стены 2,3 м, край имеет угол наклона 80° и отстоит от западной стены разреза на 6,9 м.

Вплотную к стене III примыкает кладка упомянутой стены IV из плоского кирпича и имеет угол наклона 85°. Получается, что верхняя кладка берет как бы в футляр стену с внутристенным заложенным коридором. В нем при расчистке встречены фрагменты керамики, несколько круглых (2—4 см) и пирамидальных ядер в стороне 10—13 см. Южная и северная стороны полученного разреза стены дают примерно одну и ту же картину за исключением устройства коридора. На южной стороне хорошо сохранилась западная стена коридора благодаря возведенному при ремонтных работах устою (рис. 2б). Первоначально коридор шириной 2 м имел плоское перекрытие, не сохранившееся до нас, затем на стенки коридора нанесен толстый слой глины (до 15 см) и выведен свод, который, видимо, был не совсем прочный и для его поддержания на третьем этапе возвели подпорную стеночку в полтора кирпича. Когда всю стену брали в футляр, коридор тоже забутовали, при этом восточная стена его была уже частично разрушена. Северная сторона разреза дала другую картину. Здесь у западной стены коридора находилась суфа шириной 70 см, высотой 55 см, ширина коридора 1,5 м, сохранившаяся высота 1,4 м. Устой, подпиравший некогда восточную стену, заграживал проход коридора и сложен из такого же сырца, что и сама стена. Устой сохранился на высоту 90 см, а поверх него идет сплошная забутовка из сырца. С возведением подпорки доступ в северную половину коридора прекратился, в то время как южный сектор функционирует до последнего момента, когда вся стена целиком берется в ремонтный футляр.

Ниже уровня пола коридора (на глубине 8,5—9 м) кладка стены из сырца 32×32×12; 35×35×12—15 см стала плохо читаться. Здесь в XVII ярусе была найдена медная монета, определенная проф. М. Е. Массоном как сасанидский халк III в. н. э.

Отсутствие необходимого количества рабочей силы заставило в дальнейшем вести работы шурфом с целью уловить кладки более ранних стен, а затем по установленным уровням продолжать работы широким раскопом. На глубине 9 м начался слой толщиной около 1 м, похожий на забутовку и дающий четко читающуюся грань на расстоянии 12,7 м от западной стены разреза. Этот слой от вышележащей стены отделяется плотной прослойкой (более 2 см), напоминающей глину, залитую водой, в результате чего обычно образуется подобная корка. Прослойка идет с резким понижением в восточном направлении: на западной стене разреза она начинается в середине XVII яруса, а через метр к востоку полоса приходится уже на середину следующего яруса, а затем довольно плавно понижается до вертикальной грани стены. В этом слое сырцовые кирпичи плохо прослеживаются, только на западной стене разреза удалось замерить несколько кирпичей 34×35×15 см, 39—42 см в стороне на 10—12 см. Судя по сохранившейся вертикали, перед нами край стены (стена II), гребень которой находился западнее.

При расчистке края стены к востоку от нее встречены сырцовые

кирпичи в стороне 40 см на 10—12 см и в конце XVIII яруса найдены круглые глиняные ядра диаметром 12 см. Высота стены прослежена только на 1 м, ниже грань теряется.

В отдельных местах под этой стеной удалось уловить размеры продолговатого кирпича 52×31×10 см, 58×32×10 см. В составе сырца отмечен большой процент плотно отмученных глинистых вкраплений. Встречено несколько фрагментов керамики, среди которой можно выделить форму чашечки на плоском дне с резким изломом стенок и фрагмент стенки с подкосом в месте перехода к донцу. В XXI ярусе найден фрагмент керамики с изображением черной краской знака, напоминающего букву «мим» согдийского алфавита. В целом керамика может быть отнесена к периоду ранней античности, хотя такие формы тянут к комплексу Эрк-кала I. Разрез доведен на глубину 14,5 м, а кладка из прямоугольного сырца все еще продолжается вниз. На уровне 11—12,5 м кирпичи хорошей сохранности и четко прослеживается южный край кладки, имеющей направление с запада на восток.

Таким образом, в недоведенном пока до конца разрезе стены Эркалы мы отмечаем наличие четырех разновременных кладок. Первая стена из продолговатого сырца, пока что выявленная на высоту 5 и ширину 4 м, находит себе прямые аналогии с кладкой платформы высотой 15 м на центральном бугре и с платформой на раскопе 3 в Эркале[69]. Эти платформы сложены из кирпича 54×32×10—11 см; 52×26×10—11 см; 60×29×10 см; 52×31×10—11 см, который считается типичным для памятников позднеахеменидского времени в Средней Азии (Яз-депе, Хорезм, Кобадиан I)[70]. На гребне этой кладки сохранились остатки стены, использованной в качестве платформы для возведения другой стены из сырца 32—35 см в стороне на 10—15 см с внутристенным коридором. Высота стены III достигает 2,3 м, ширина — 6,9 м, угол наклона — 80°.

Последняя (четвертая) стена берет как бы в футляр третью стену по всему восточному фасу и перекрывает ее, угол наклона внутрь городища 85°, сырец в стороне 38—40 см на 10 см плохого качества. В заполнении верхнего коридора (помещения) встречена медная монета чекана IV в. н. э., в кладку стены был замешан керамический материал IV—VII вв. н. э. Все это позволяет датировать стену не ранее V—VI вв. н. э. Третью стену соответственно следует отнести к III—IV вв. н. э., учитывая находку медной монеты IV в. н. э. Сам строительный материал этих двух последних кладок является также определяющим фактором времени возведения стен. Многочисленными работами и наблюдениями на Эрк-кале установлено, что после поры кризиса качество кирпича ухудшается, размеры его не превышают 39—41 см в стороне на 10—12 см и в кладках из такого же сырца встречаются монеты сасанидского чекана V—VII вв. н. э.[71] Сырец 32×35 см не является случайным для Мерва, из него была построена стена, выявленная в разрезе городской стены Гяур-калы на западном стыке ее с Эрк-калой (раскоп 4)[72]. Было выяснено, что в античную эпоху на месте раскопа находились городские ворота (рис. 27). Позднее они были забутованы туюнной глиной, взятой прямо из канала, и на забутовке возвели стену из сырца 33×31×12 см; 33×32×12 см; 33×33×13 см; 34×32×12 см. Общая высота сохранившейся части стены составляет 8 м, ширина — 5,7, с внутренней стороны она шла с уклоном в 75°.

Следующим этапом в истории стены в данном месте является пристройка к ней с севера малой стены — протейхизмы толщиной 1,85 м и высотой 2,2 м. Сложена она из кирпича того же самого размера, что и первоначальная стена. Ширина свободного пространства между первой стеной и основным массивом стены 1,5 м.

В поздний период поверх протейхизмы вплотную к первоначальной

стене была выстроена новая стена II из кирпича-сырца размером 35×35×12 см; 38×37×12 см; 38×37×13 см; 39×39×12 см; 38×39×12 см с клеймами на обратной стороне (рис. 28). Стена с внешней стороны идет с откосом равным 70°. Как и протейхизма, эта стена построена частично на оплыве более ранней стены и для облицовки оплыва использована пахса.

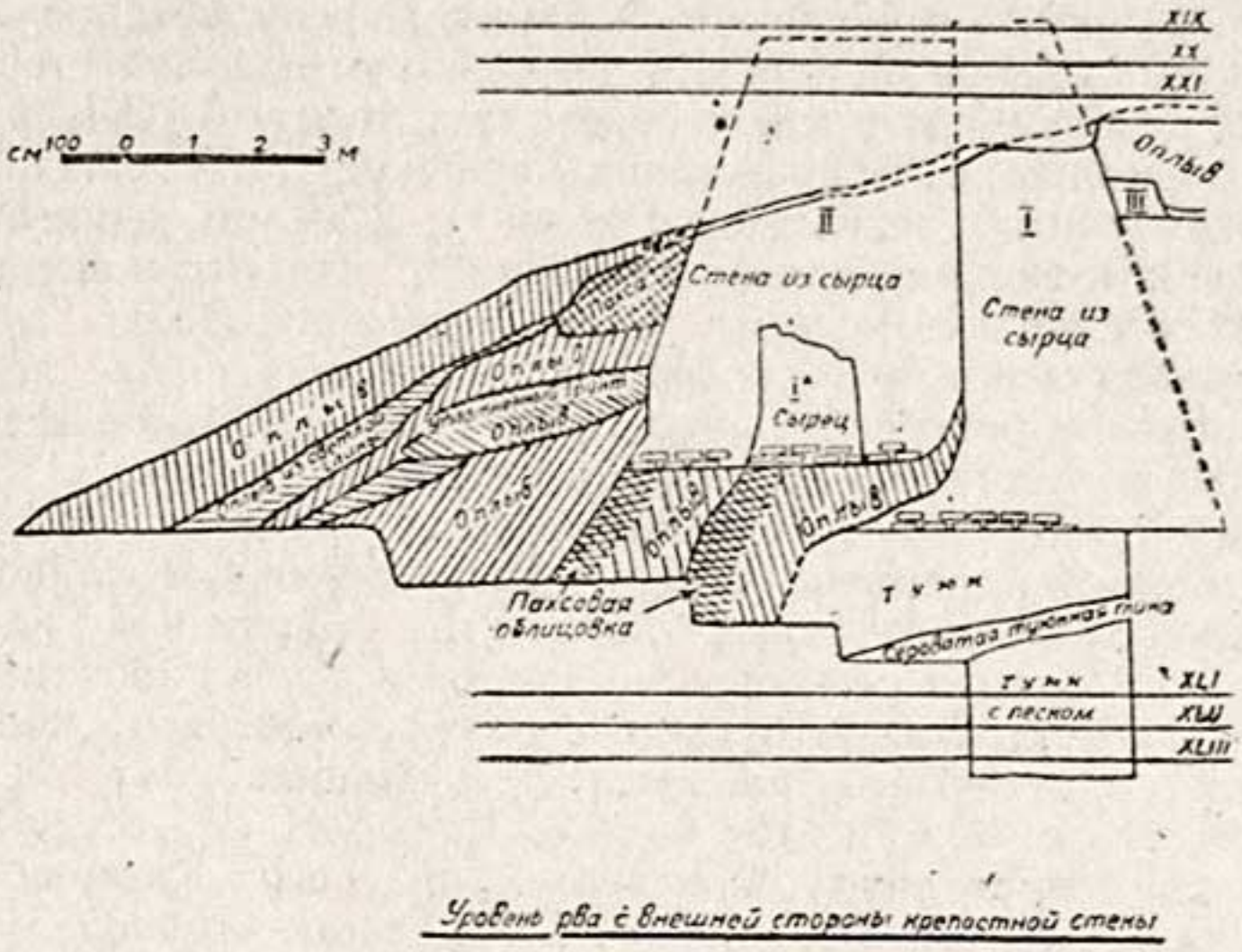


Рис. 27. Раскоп 4. Профиль разреза крепостной стены Гяур-калы (восточная сторона).

Сопоставляя эти факты с данными двух других разрезов стен Гяур-калы, Г. А. Кошеленко датирует первую стену III—IV вв. н. э., а сооружение протейхизмы — IV—V вв., связывая со временем гунно-эфталитской угрозы. Строительство второй стены относится ко времени правления Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), при котором сооружается также двойная стена, зафиксированная в разрезе стены Гяур-калы на раскопе 1[73]. Учитывая все данные по устройству городских стен Гяур-калы, мы не можем не отметить, что разрез стены Эрк-калы дает много общего со стенами Гяур-Калы, а в некоторых случаях прямо аналогичную картину (раскоп 4). Так, стена с внутристенным коридором в Эрк-кале сложена из такого же сырца в стороне 32—35 см на 10—12 см, что и стена I Гяур-калы. А стена, берущая ее в футляр, сложена из такого же сырца, что и стена II на раскопе 4. В кладках этих стен встречается керамический материал, позволяющий датировать кладки временем не ранее V—VI вв.

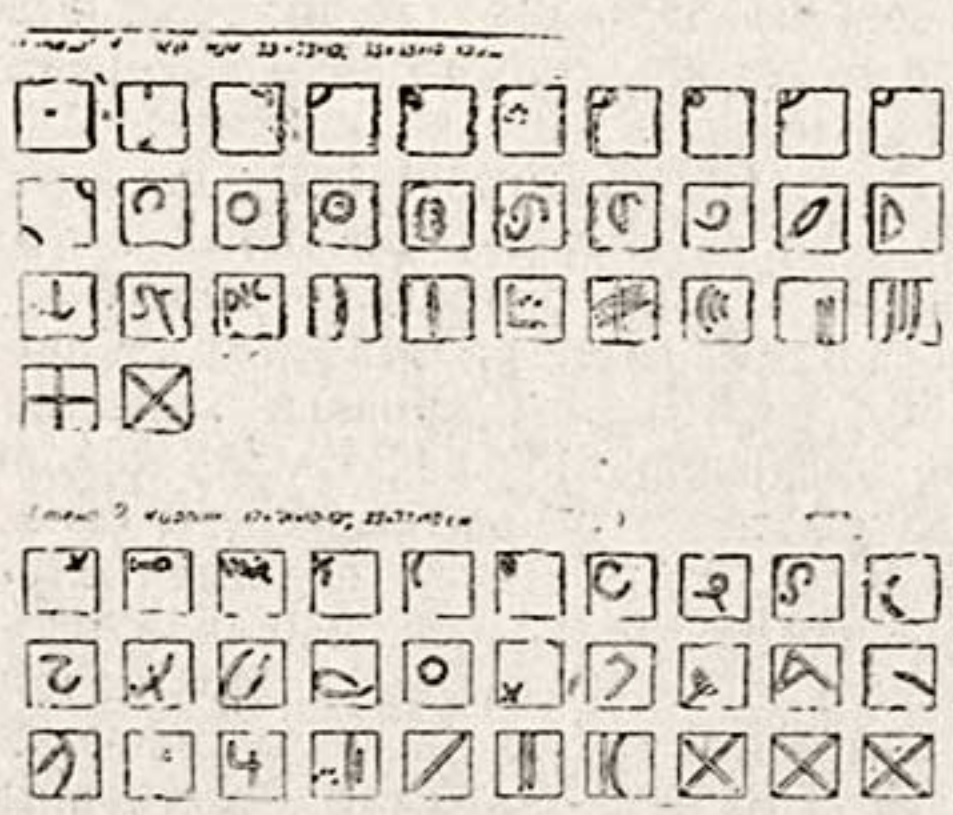


Рис. 28. Раскоп 4. Клейма на сырцовых кирпичах из первой и второй стен.

Отметим также, что стена (стена III), сложенная до IV—V вв., имеет хорошую сплошную сырцовую выкладку на прочном глиняном растворе, в то время как поздняя стена (стена IV) сложена из сырца плохого качества, кладка сочетается с забутовками. Из-за нехватки строительного материала прибегали к созданию футляров (кессонов), кото-

рые заполнялись строительным мусором, землей, в которой встречается керамический материал. Изучение Эрк-калы показало, что только в самой цитадели после кризиса велись большие работы по укреплению форта у единственных южных ворот, строится арсенал у западной стены цитадели, не говоря уже о значительных ремонтах по всему периметру стен Гяур-калы. Чтобы восполнить недостачу в кирпиче, разбирались старые здания, поэтому в поздних кладках встречается разнообразный сырец.

Параллельно с разрезом стены Гяур-калы в 1959—1961 гг. велась работа по вскрытию башни Эрк-калы, к которой вплотную подходили городские стены (рис. 29). Расчистка началась с уровня гребня стен Гяур-калы. Первый этап в истории башни Эрк-калы представлен стеной, к которой впритык подходит стена (I) Гяур-калы. Г. А. Кошеленко считает ее синхронной или несколько предшествующей по времени стене (I) Гяур-калы, относя условно к раннесасанидскому времени. Судя по кирпичу 35×35×12; 35×33×13, совпадающему с размером кирпича стены (I) Гяур-калы и стены (II) Эрк-калы, разрыв во времени между их сооружением должен быть минимальным. Башня по всей вероятности была прямоугольная с округленными передними углами.

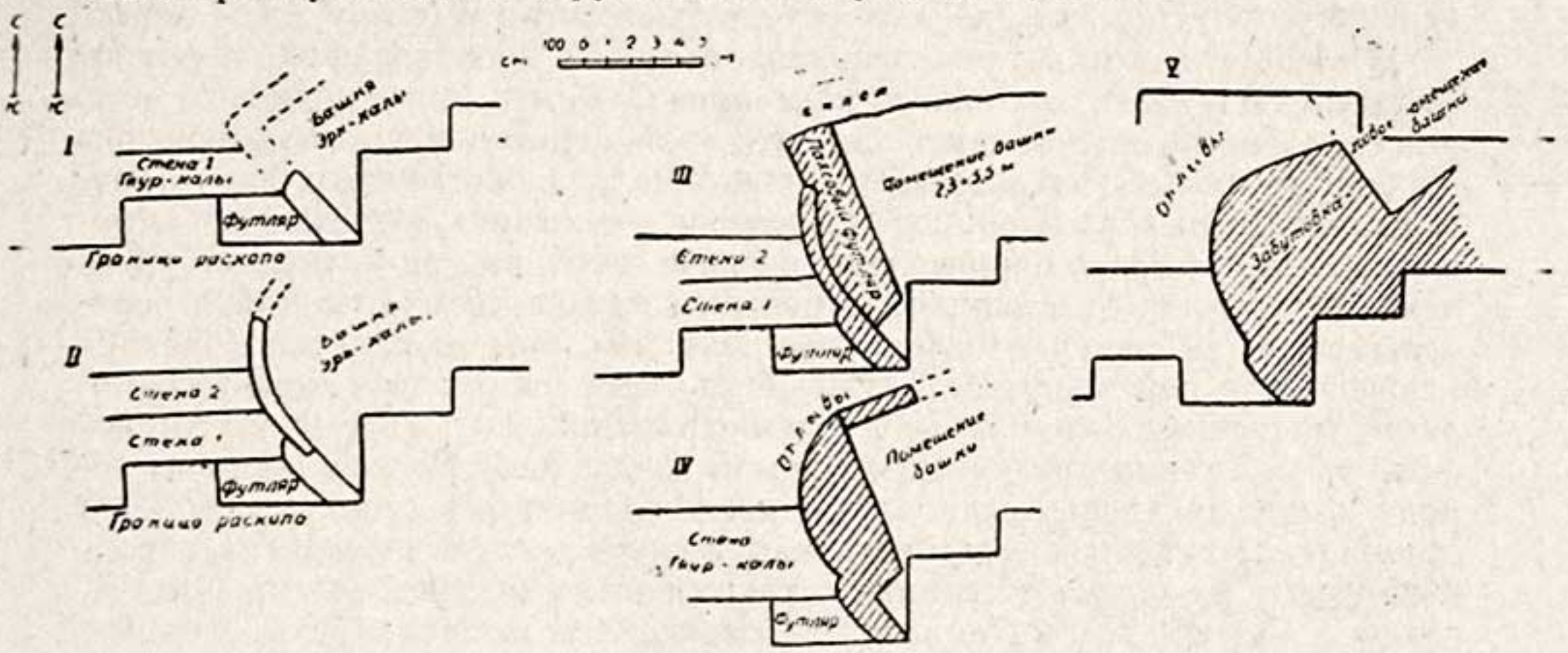


Рис. 29. Раскоп 4. Башня Эрк-калы; строительные этапы.

На втором этапе вместо рухнувшей передней части прямоугольной башни возводится стена, заоваленная в переднем фасе, из очень плохого кирпича. Сохранилась только западная и северо-западная части овала, длина которого 3,5 м, толщина 70 см. Он тоньше первой стены и частично перекрывает ее. К этой овальной стене примыкает стена (II) Гяур-калы. Северная часть башни не сохранилась.

На третьем этапе остатки стен овальной башни усиливаются пахсовой стеной шириной 2,5 м, выходящей далеко вперед. Она берет овальную стену в футляр и становится основной стеной башни Эрк-калы. Общая протяженность ее 10,7—12 м, с внутренней (восточной) стороны покрыта слоем штукатурки. Восточная стена башни рухнула и ее заменили стеной из темно-зеленой глины с примесью туюна. Размеры внутрибашенного помещения равны по ширине 2,3, по длине — 5,5 м.

На четвертом этапе у башни появляется новая стена с северной стороны и размеры внутрибашенного помещения сокращаются. Пахсовая стена, видимо, рухнула и на ее оплывах была создана подушка из зеленой глины, покрытая слоем обмазки, которая прикрывала северную стену башни. Сохранившаяся длина стены 3,5 м, ширина 70 м, высота 60 см.

Пятый этап в истории башни Эрк-калы связан с полной забутовкой

внутрибашенного помещения зеленой комковатой глиной с включениями большого количества туюна и использованием ее в качестве западной стены для нового боевого помещения, которое было перенесено восточнее. Ширина помещения 4 м, пол имеет глиняную обмазку, прослеживается на север на 1,3 м.

На данной стадии изученности башни последний этап связан с возведением монолитной платформы (с запада на восток протяженностью 12,5 м) на руинах башни Эрк-калы. Встреченные здесь монеты относятся к сасанидскому чекану VI в. н. э.

Исходя из изложенного надо подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, частичное вскрытие башни в среднем горизонте не дает возможности сейчас конкретно говорить о характере привратных сооружений со стороны Эрк-калы. Во-вторых, к моменту сооружения стены (I) Гяур-калы прямоугольная башня Эрк-калы уже существовала и стену подвели впритык к башне. В-третьих, новым шагом в области фортификации была замена прямоугольной башни овальной. Стена (II) была подведена к этой овальной башне впритык и построена одновременно со стеной IV Эрк-калы. Таким образом, основные строительные периоды башни Эрк-калы соответственно увязываются с последовательным возведением стен Эрк-калы и Гяур-калы в бывшем проеме городских ворот.

Подводя итоги изучения археологической стратиграфии и фортификации Эрк-калы, мы вынуждены признать, что незавершенный разрез стены не позволяет пока нам делать окончательных выводов по ряду еще не решенных вопросов, далеко не второстепенного характера. К их числу относится вопрос о времени возведения первых стен Эрк-калы. Если на первых порах своего существования эрк-калинское поселение и было неукрепленным, то позже, когда центр окончательно перемещается в район среднего течения Мургаба, оно укрепляется[74]. Не исключено, что первые стены могли быть невысокими и глинобитными, легко поддающимися размыву и выветриванию, и ко всему могли носить чисто административные функции, а главным оплотом обороны города была цитадель, располагавшаяся на мощной платформе[75]. Эти стены (вал) могли использовать как цоколь для более поздней городской стены. Сельские поселения с такими стенами известны нам по Серахсу и Яшгуч-депе в Тедженском оазисе. Здесь вдоль реки Теджен расположен целый ряд подобных сельских поселений (1—1,5 га), представляющих единое целое в археологическом отношении, и которые по керамике типа Яз II и Яз III могут быть датированы VI—IV вв. до н. э.[76] Яшгуч-депе состоит из четырех отдельно стоящих холмов. Заложенная на центральном холме траншея шириной 3 м выявила у основания депе глинобитную стену (вал), проходившую вокруг поселения. Стена высотой 60—75 м и толщиной 1,4—2,2 м вскрыта на 18,7 м. Затухание жизни на сельских поселениях Тедженского оазиса Р. Рахманова датирует IV в. до н. э. и связывает это явление с походом Александра Македонского[77]. А. А. Марущенко отмечаются также поселения городского типа, наподобие Елькен-депе у Коушута[78]. Заложенные им раскопы на восточной стене (см. его табл. XXIII), у северных и южных ворот показали, что «внешнее большое кольцо его стен возникло лишь в пору ЕД III (VI—IV вв. до н. э.)». Елькен-депе в этот период имел уже мощные защитные стены, сложенные из прямоугольного сырца 50×25×10, 60×30×11 см, причем «они стояли на гребне глинобитного, облицованного сырцовым кирпичом вала. Наружная сторона их имела легкий откос и была смазана 5—10-сантиметровым слоем глины. Позднее они были усилены, с наружной стороны лежащего в их основании вала был выложен откос из чередующихся, наклонно идущих, слоев кирпича-сырца и битой глины»[79]. Стратиграфический шурф на цитадели дал в верхних горизонтах культурный слой ЕД III, а на северном склоне—

остатки укреплений. На глинобитном основании высились две стены, сложенные из прямоугольного сырца 50×25×10 см. Внешняя стена имела толщину 1,4 м, за ней проходила двухметровой ширины стрелковая галерея, ограниченная второй стеной толщиной 6,6 м. Культурный слой ЕД III дал керамику типа Анау IV, Яз III и Эрк-кала I[80]. На примере Елькен-депе мы знакомимся с системой укреплений древнейших городищ середины I тыс. до н. э. Кольцевидный обвод стены вокруг цитадели является характерным не только для Елькен-депе, но и для Эрк-калы. Мощная монолитная кладка из продолговатого сырца высотой 5 м в разрезе стены Эрк-калы перекликается с кладкой платформы цитадели и свидетельствует о том, что город возник еще до похода Александра Македонского в Среднюю Азию.

Эрк-калу V—IV вв. до н. э. следует отнести к группе крупных укрепленных поселений с цитаделью, продолжающих традиции поселений начала I тыс. до н. э. (Яз-депе, Изат-Кули, Тахирбай-депе, Уч-депе и др.). В это время жизнь перехлестнула за стены поселения, о чем говорят нижние культурные слои Гяур-калы, содержащие ранний материал. По данным письменных источников, в IV в. до н. э. греки застали в Средней Азии большие и малые города и укрепленные сельские поселения[81]. К сельским поселениям, видимо, следует отнести такие памятники, как Яшгуч-депе, а Елькен-депе и Эрк-кала — к поселениям городского типа. Те же письменные источники указывают на широкую градостроительную деятельность Александра Македонского в завоеванных областях и в числе построенных им городов упоминается Александрия в Маргиане[82]. Действительно, из всех городищ на среднем Мургабе с культурным слоем IV в. до н. э. наиболее подходящей для Александрии Маргианской является Эрк-кала. Как установлено стратиграфическим шурфом, нижние культурные слои на Эрк-кале старше эпохи Александра Македонского, и в IV в. до н. э. здесь уже было укрепленное поселение городского типа с мощной цитаделью на 15-метровой платформе. Можно было бы предположить, что по приказу Александра Македонского только укрепили уже имевшиеся стены, окружавшие цитадель и этот факт строительной деятельности греков вошел в историю как основание Александром города на Мургабе (Маргиана), получившего название «Александрии Маргианской». Однако, судя по археологическим данным разреза, необходимость в дополнительном укреплении мощных стен Эрк-калы отпадала. Основной маршрут похода Александра Македонского в Среднюю Азию проходил южнее Маргианы через Бактрию на Мараканду и далее. По всей вероятности, он посылал один из своих отрядов в долину Мургаба и Теджена с целью закрепить эти районы за собой, что нашло отражение в тексте у Курция Руфа[83]. Греки застали здесь цветущий оазис с поселениями и городами, из которых самым крупным на Мургабе была Эрк-кала. В честь полководца ее именовали Александрией с намерением приумножить его боевую славу и причислили Эрк-калу к городам, построенным якобы по приказу Александра Македонского.

Более конкретными данными по древнему градостроительству мы располагаем для эпохи после Александра Македонского, благодаря разрезам и зачисткам крепостных стен Мерва. Сразу следует оговориться, что ни в одном разрезе стен на Гяур-кале не встречены кладки из продолговатого кирпича, это указывает на более позднее их строительство по отношению к стенам Эрк-калы.

Разрез стены Гяур-калы в ее юго-западном углу, осуществленный Ш. Ташходжаевым, показал, что первоначальная стена сооружена была из сырцового кирпича 38×38×10 и 42×42×12 см на невысоком пахсовом цоколе и имела незначительный уклон. Стена сохранилась на высоту 7,4 м, ширина ее в основании 6,6 м. С точки зрения оборono-

способности, стена была слабой, несмотря на ее выкладку с уклоном. Отсутствуют данные, указывающие на наличие башен и бойниц[84].

Керамический материал из этой стены представлен в основном фрагментами тонкостенной посуды, венчиками, дающими клювовидные профили, которые по эрк-калинской шкале относятся к IV—III вв. до н. э. и указывают на то, что первоначальная стена Гяур-калы действительно была возведена где-то в III в. до н. э. и ее можно отождествить со стеной Антиоха I Сотера[85]. Благодаря ей новый город принял очертание прямоугольника со срезанным северо-западным углом из-за протекавшего здесь оросительного канала Разик, подле которого возвышалась укрепленная Эрк-кала. Градостроители включили Эрк-калу в контур создаваемого города как готовую цитадель, подводя стены к ней с двух сторон так, что северный фас Эрк-калы слился с линией стен селевкидской Гяур-калы — Антиохии Маргианской. Об этом строительстве говорит Страбон в своей «Географии», когда речь идет об основании в Маргиане Антиохом Сотером города Антиохии[86]. Вот что сообщает Плиний о разрушенной «варварами» Эрк-кала (Александрии): «Когда Александрию разрушили варвары, то Антиох, сын Селевка, построил Селевкию на том же месте, по течению Марга (Мургаб), впадающий в Зотал. Но он предпочел назвать ее Антиохией»[87]. Местные жители не стали бы беспричинно разрушать свой город. Видимо, после смерти Александра Македонского волна недовольства против греческого ига захватила и Мерв, что привело к столкновению местного населения с представителями греческой власти и гарнизоном, засевшим в Эрк-кале, в результате чего разрушили Александрию. Так следует понимать текст Плиния о разрушении «варварами» Александрии. А когда смуты успокоились, Маргиана оказалась вновь во власти завоевателей (на этот раз селевкидов), которые стремились закрепить свое могущество не только военной силой, но и экономическими мероприятиями. Вторая половина текста Плиния как раз и повествует о строительстве Селевкии на том же месте (то есть рядом с Эрк-калой у канала Разик), по течению Марга (Мургаба), которую назвали Антиохией (Гяур-кала). Антиох не только построил в Маргиане город, «пораженный плодородием равнины», но обвел его стеной, имеющей в «окружности 1 500 стадий (ок. 230 км)», остатки которой доныне сохранились на севере Мервского оазиса[88].

Использовав Эрк-калу в качестве цитадели для нового города, селевкиды ограничились незначительными ремонтами древних стен, придав им небольшой уклон для прочности и устойчивости. С этого момента история Эрк-калы непрерывно связана с историей античного города.

При парфянах стены Гяур-калы (Антиохия) по всему периметру были подвергнуты основательному ремонту и селевкидская стена оказалась в футляре. Новая стена, сложенная из сырца 40×40×10 см, покоилась на пахсовом цоколе, подстилаемом слоем разрушения от стены селевкидского времени. Внизу толщина стены не менее 10 м, высота 6—6,5 м[89]. Оборона новых стен не была пассивной, ибо они фланкировались прямоугольными башнями, сложенными из сырца с откосом до 75°. Пахсовый цоколь башни также имел откос. Одновременно с этими ремонтами мы склонны связывать и возведение многогранника Эрк-калы, взявшего в футляр древнюю стену.

Стена многогранника, выложенная с откосом 45 и 50°, имеет высоту, намного превышающую высоту стен Гяур-калы этого же периода, а оплывы стен цитадели и сейчас выше оплывов стен самого города. Наклонная гладь стены высотой 16 м, над ней вертикаль стены 8 м и возвышавшиеся над ней башни, увенчанные зубцами — все это как нельзя лучше говорит о неприступности цитадели, внушавшей страх при одной только мысли осады такой твердыни. Изучение крепостных соору-

жений Мерва еще раз подтверждает, что возведение стен с откосом является одной из характерных черт архитектурных памятников античной поры для коренных районов Парфии и Маргианы[90]. Эрк-кала дает яркий пример этой традиции, нашедшей воплощение в архитектурных памятниках развитой и поздней античности, таких как Чильбурдж, Дурнали и др. В этих крепостях идея откоса использовалась при возведении цоколей (пахсовых и в сочетании с кирпичной кладкой), а кладка самих стен и башен (за исключением угловых) осуществлялась почти отвесно из квадратного сырца размером 40—42 см в стороне на 10—11 см. Причем, высота цоколя (7,70 м) вдвое ниже высоты стены и в три раза ниже высоты башни[91]. А в Эрк-кале стена с откосом (16 м) вдвое выше вертикальной, что перекликается с устройством угловых башен парфянских крепостей[92]. Возможно, что при возведении многогранника вертикальной стены не было, а стена с откосом заканчивалась зубцами, ниже которых располагались бойницы, как на угловых башнях античных крепостей Маргианы[93].

На примере Эрк-калы наглядно видно, как примененные здесь принципы парфянской фортификации нашли затем свое дальнейшее развитие и усовершенствование в парфянских памятниках и в системе сасанидской фортификации[94].

Если раньше овальный план Эрк-калы связывался со строительной деятельностью греков, а происхождение круглой планировки западных парфянских городов (Хатры и др.) искали в древнем приеме окружения лагеря кочевников кольцом телег при боевых столкновениях, то изучение архитектуры с древнейших времен в коренных областях Парфии показало, что этот прием планировки — стародавняя местная традиция городского строительства[95]. Она зародилась еще в период распада патриархально-родового строя и сложения в его недрах новых рабовладельческих отношений. Тогда возникают населенные пункты неправильной овальной конфигурации, повторенные затем при возведении более мощных крепостных стен в период развитого рабовладения (Елькен-депе у Коушута)[96]. Известно также, что у мидян их главный город Экбатаны имел круглую планировку. Бала Хисар — столица древней Бактрии — имеет овальный обвод стены, и все поздние футляры и стены повторяют эту первоначальную планировку древнего поселения VI—IV вв. до н. э.[97] Работами Хорезмской экспедиции установлено, что самые ранние городища очень часто имели неправильную овальную планировку, истоки которой, возможно, следует искать в погребальных сооружениях саков[98].

Для раннеантичного времени имеется ряд интересных круглых в плане памятников, таких как Султан-дешт в Туркмении и Кой-Крылган-Кала в Хорезме[99]. Султан-дешт у Коушута представляет собой сельское поселение, в центре которого располагалось укрепленное ядро в виде круглого глинобитного вала диаметром 100 м. Внутри вала густо застроенная часть включена в правильный двенадцатигранник, в центре которого высится холм главного здания (дом правителя или храм, как на центральном бугре в Эрк-кале). Вокруг вала располагались поля. После Елькен-депе Султан-дешт представляет собой следующий этап в развитии и оформлении «круглых» поселений на территории Южной Туркмении. В Султан-деште надо видеть предшественника эрк-калинского многогранника. В связи с этим следует отметить, что овал стен древнего города Бактр (Бала Хисар) тоже дает по внешнему фасу многогранную конфигурацию. Эрк-кала, будучи цитаделью Гяур-калы, разделяет судьбу Бала Хисара, выполнявшего тоже функцию цитадели для города Бактр IA, стены которого примыкают к южному фасу Бала Хисара. Сравнение стены Антиоха на Гяур-кале с устройством стены Бактр IA дает много общего. Стена Бактр IA имеет главный уклон с внешней стороны и к этой наклонной плоскости примыкает прямо-

угольная башня со сквозными декоративными бойницами. Башня стоит на цоколе высотой вполовину высоты стены, который выступает вперед из-под основания башни и дает довольно крутой скос. Башня высотой 11,4 м, выступ ее по отношению к куртине 4,6 м[100].

Стена Гяур-калы, построенная при Антиохе, стоит на невысокой платформе, выступавшей вперед за линию стены. Футляр, в который берется эта стена, подводится на пахсовом цоколе со скосом до 75° и к наклонной стене футляра примыкает прямоугольная башня на пахсовом цоколе.

Третья стена Гяур-калы сооружена во II—III вв. н. э. на оплывах парфянской стены. Впритык к ней была пристроена глинобитная стена с углом откоса около 45°. Конец ее сливается с основанием отвесной кладки, с помощью которой наращивается в высоту футляр стены Антиоха. Наклонная пахса имитирует мощный пахсовый цоколь, который на самом деле под стену не подводился, прием чисто психологический. Таким образом, стена Гяур-калы имела мощный пахсовый цоколь с откосом и вертикаль основной стены с бойницами. С этим периодом следует связывать пахсовые облицовки многогранника Эрк-калы. В Бактрах этому периоду соответствует возведение на оплывах стены IA глиняного массива стены II с наклоном, соответствующим наклону предшествующей стены[101]. Поскольку город Бактр II увеличивается по площади, возводится новая линия оборонительной стены, имеющая уже совершенно другой принцип устройства, однако и здесь на втором этапе сооружают из пахсовых блоков новый откос. Башни и стены куртин имеют декоративные бойницы, причем ими оформлялись и фасы, обращенные внутрь города, как это имело место в декорировке стен форта Эрк-калы. Поздние тимуридские закладки (Бактр III) закрыли эти стены с бойницами[102].

Наконец, последняя (четвертая) по времени стена Гяур-калы была построена при последних сасанидах из сырца 39×39×9—10 см и выдвинута вперед по сравнению со стенами предшествующих эпох. Стены этого времени хорошо изучены в разрезе на северном фасе Гяур-калы, установлено три периода жизни стены сасанидского времени, что подтвердилось также наблюдениями в разрезе городских стен на стыке с Эрк-калой[103].

Эрк-кала при сасанидах подверглась значительной перестройке. Благодаря поздним футлярам (стены III и IV), хорошо сохранились древние стены Эрк-калы, выявленные в разрезе 2. При сасанидах была проделана большая работа по утолщению крепостной стены Эрк-калы с внутренней стороны. На южном фасе это было связано с сооружением форта. К стилабату второго контрфорса с декоративными бойницами пристраивается кладка из сырца в стороне 39—40 см на 10—12 см, шириной более 8 м, с углом наклона 65°. Высота стены, если считать от основания контрфорса, около 12 м. Наклонная плоскость стены имела толстый слой глиняной обмазки. Наблюдения, сделанные на внутреннем склоне северного фаса, тоже относятся к сасанидской поре. Мощная сырцовая кладка из плохого сырца зеленоватого цвета, размером 37—38×39×10—12 см вперемешку с сырцом 42—45×42—44×10—14 см, взятым из старых зданий античного времени, расчищена на высоту более 10 м и на уровне основания этой кладки к ней примыкает плохо сохранившийся пахсовый контрфорс шириной около 7,5 м, возведенный на старых оплывах. Пахса прослежена на высоту 4—4,5 м.

Ближе к основанию стены расчищены остатки сырцовой кладки плохой сохранности, размеры кирпичей, такие же как и наверху 37—39×38—39×9—11 см. В пушонке встречались трехперые бронзовые наконечники стрел со скрытой и выступающей втулкой, фрагмент остракона, бусы из стекла, сердолика и бирюзы.

Если для Эрк-калы налицо возведение футляров и по внутреннему фасу стен, то для Гяур-калы характерно наращивание поздних стен и футляров больше во внешнюю сторону[104]. Путем разреза городских стен установлено, что северные ворота Антиохии Маргианской были первоначально на западном стыке стен Гяур-калы с Эрк-калой, а затем при сасанидах перенесены на восточный стык.

Сасанидская система городских укреплений, будучи глубоко самобытной в своей основе, стойко хранила целый ряд парфянских приемов, таких, как создание платформы для стен, умелое психологическое воздействие на противника, и вместе с тем постоянно была на уровне последних достижений военной мысли своего времени (строительство протейхизмы в V в. н. э., замена прямоугольной башни овальной).

Изучение гигантской крепостной стены Эрк-калы только начато. пройдено разрезом 14,5 м, вскрытие оставшихся 8 м до основания стены сулит много интересного по устройству крепостных сооружений цитадели и Мерва в целом, особенно для более ранних периодов. Дальнейшие земляные работы позволят сделать новый вклад в общую картину истории развития градостроительного искусства Средней Азии в рабовладельческую и раннефеодальную пору.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73. М.—Л., 1959, стр. 48, 163.

2. Усманова З. И. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-калы. Известия АН ТССР, 1960, № 4, стр. 34.

3. Там же, стр. 35.

4. Массон В. М. Цит. соч., стр. 40, 209, табл. XLI, XLII.

5. Там же, стр. 92.

6. Schmidt H. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv, в кн.: Pumpelly, Explorations in Turkestan, vol. I, Washington, 1908, стр. 186; Марущенко А. А. Старый Серахс. Труды ИИА и Э АН ТССР, т. II. Ашхабад, 1956, стр. 174; Там же. Марущенко А. А. Хосров-кала, стр. 125—126; Его же. Елькен-депе. Труды ИИА и Э АН ТССР, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 98—101; Там же. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана, стр. 149, 157, табл. VIII.

7. Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 178; Его же. Городища с жилыми стенами. КСИИМК, XVII, М.—Л., 1947, стр. 3; Его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98; Воробьева М. Г. Керамики Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат. М., 1954, стр. 4; Ее же. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. КСИЭ, XXII, 1955, стр. 84; Ее же. Керамика с городища Кюзели-Гыр. Труды ХАЭЭ, т. 2. М., 1958, стр. 329 и сл.; Ее же. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. Материалы ХАЭЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 76, рис. 6.

8. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). МИА, 37. М.—Л., 1953, стр. 273—275; Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир, там же, стр. 295—300; Дьяконов М. М. Древняя Бактрия. Сб.: «По следам древних культур». М., 1954, стр. 320.

9. Тереножкин А. И. Согд. и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 153. В настоящее время работами археолога Н. Б. Немцевой в районе Шах-и-Зинды получены новые интересные данные по культуре времени Афрасиаб I. Древний слой 70—90 см лежит непосредственно на материке и включает керамику в основном с подкосом в придонной части.

10. Массон В. М. Цит. соч., стр. 42—54.

11. Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 194—196.

12. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 40—41.

13. Массон В. М. Цит. соч., стр. 208, табл. XLI, XLII.

14. Герцман Н. И. Стратиграфический шурф на городище Гяур-кала. Машинопись. Ташкент, 1954, стр. 17 и сл., см. архив ЮТАКЭ за 1953 г.

15. Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, 1953. ВДИ, 1955, № 3, стр. 185—193; Его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1951—1954 гг., ВДИ, 1955, № 3; Воробьева М. Г. КСИЭ. Цит. соч., стр. 84, рис. 1.

16. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 99.

17. Воробьева М. Г. Керамика с городища Кюзели-Гыр. Цит. соч., стр. 330—346; Ее же. Керамика Хорезма античного периода. Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 66—84; Ее же. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, т. XXVI, 1957, стр. 113—117.

18. Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. Цит. соч., стр. 71.

19. Там же, стр. 76.

20. Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир. Цит. соч., стр. 195—299.

21. Массон В. М. Цит. соч., стр. 57.

22. Ghirshman R., Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, t. XIII, № 1, Paris, 1939, стр. 18—22.

23. Забелина Н. Н. Цит. соч., стр. 299; Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 275.

24. Массон В. М. Цит. соч., стр. 53.

25. Дурдыев Д. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Автореферат. М., 1954, стр. 8 и сл.; Раппопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1958 г. Материалы ХАЭЭ, вып. 6, стр. 141—143; Толстов С. П. По древним дельтам... Цит. соч., стр. 109.

26. Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР в 1962 г. Известия АН ТССР, 1963, № 3, стр. 49.

27. См. архив ЮТАКЭ за 1954 г. Усманова З. И. Дом ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. Машинопись. Ташкент, 1955, стр. 38, табл. 7—11; Ее же. Раскопки ремесленной мастерской... Цит. соч., стр. 188.

28. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 44 и сл.; Ее же. Античная и раннесредневековая керамика Мерва. Автореферат. М., 1963.

29. Усманова З. И. Раскопки ремесленной мастерской... Цит. соч., стр. 194—196.

30. Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 123, рис. 4.

31. Там же, стр. 122, рис. 3.

32. Усманова З. И. Керамические ядра из Мерва. Труды ТашГУ, вып. 172. Ташкент, 1960, стр. 40.

33. Марков А. К. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, VI, СПб., 1892, стр. 279.

34. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 123—125, рис. 5; Усманова З. И. Раскопки... Цит. соч., стр. 191, рис. 20—24.

35. Рутковская Л. М. Античная керамика... Цит. соч., стр. 50 и сл., рис. 4 и 5; Усманова З. И. Дом ремесленника... Цит. соч., стр. 35—38, табл. 5—6.

36. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 145, рис. 16; Усманова З. И. Раскопки... Цит. соч., стр. 170, рис. 6.

37. Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени кушанов. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ташкент, 1945, стр. 57, табл. II, 2, 3.

38. Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 284, рис. 20.

39. Рутковская Л. М. Цит. соч., стр. 56—57, рис. 6—8.

40. Усманова З. И. Раскопки... Цит. соч., стр. 189, рис. 18.

41. Debevoise N. C. Parthia pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor University of Michigan press, 1934, стр. 188—231; Stein S. A. Archaeological reconnaissances in North-Western India and south-eastern Iran. London, 1937, табл. XXXII; Gardin J. C. Céramiques de Bactres. Mémories de la délégation archeologique française en Afghanistan, Paris, 1937, стр. 93 и сл.

42. Рутковская Л. М. Цит. соч., стр. 67.

43. Усманова З. И. Раскопки... Цит. соч., стр. 185, рис. 14—16; Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 142, рис. 13; Рутковская Л. М. Античная керамика... Цит. соч., рис. 8.

44. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XI, стр. 120, рис. 1.

45. Там же, стр. 138, рис. 16—18; Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX. М., 1959, стр. 137, рис. 14.

46. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 141, рис. 12.

47. Сходство с материалами из Хорезма, Узбекистана и Таджикистана только в общих чертах и только сама Мервская округа и памятники Южной Туркмении дают нам идентичный материал, см.: Неразин К. Е. Керамика Хорезма Афригидского периода. Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ, IV. М., 1959, стр. 225—232; Дьяконов М. М. Археологические работы... Цит. соч., стр. 188; Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 68—97; Кобанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Труды Института истории и археологии АН УзССР, II. Ташкент, 1960, стр. 95; Его же. Согдийское здание V в. в долине К.-Дарьи (Узбекистан). СА, 1958, № 3, стр. 149, рис. 7.

48. Рутковская Л. М. Цит. соч., стр. 77, рис. 11, стр. 85; Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 146, рис. 17.

49. Литвинский Б. А., Гулямова Э., Павлова А. Е. Из истории ткачества в Западной Фергане (до арабского завоевания). Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. I (28), 1962, стр. 47.

50. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 192—204; рис. 17—22.

51. Массон В. М. Древнеземледельческое поселение Яз-депе. Известия АН ТССР, 1955, № 3, стр. 7; Его же. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. Известия АН ТССР, 1956, № 2, стр. 21; Его же. Поселение поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 63; Его же. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 48.

52. Обычно принято такие слои считать селитроносными, однако почвовед Н. Г. Минашина, подвергнув анализу образец из подобного слоя в шурфе № 3 на раскопе № 2 Гяур-калы, определила, что сизый цвет показывает на наличие в почве закислого железа, а не селитры.

53. Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Цит. соч., стр. 92. Подобное перемещение очень часто имело место в древности и в средние века, а руины Старого Мерва дают яркий пример перемещения городского центра в юго-западном направлении (Гяур-кала, Султан-кала, Абдулахан-кала и Байрам-Али-хан-кала). В Хорезме апасиакские городища и поселения были заброшены во II в. до н. э., что совпадает с массовым движением племен из присырдарьинских районов на юг. См. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Раппопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. Материалы ХАЭЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 52.

54. А. А. Марущенко было отмечено только характерное сочетание керамики типа Анау IV и форм уже характерных для античности. Этот материал сопровождался трехлопастными наконечниками стрел IV—III вв. до н. э. См. Марущенко А. А. Старый Серахс. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. II. Ашхабад, 1959, стр. 167.

55. У Л. М. Рутковской хронологические группы керамики несколько отличны. См. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва... Цит. соч., стр. 41—112.

56. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 152.

57. Усманова З. И. Эрк-кала. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 35 и сл.

58. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 131—132. Для раннефеодального зодчества Мерва (VI—VII вв.) характерно уменьшение размеров сырца до 34—35 см в стороне по сравнению с античной эпохой, что отмечено в стенах, возведенных при сасанидах в проеме бывших северных городских ворот в месте современного западного стыка стен Гяур-калы с Эрк-калой и в кладках стены цитадели.

59. Усманова З. И. Эрк-кала. Цит. соч., стр. 50—56, рис. 26—28.

60. Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 221, рис. 3; Ее же. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана. СА, 1964, № 4, стр. 82, рис. 10.

61. Таким приемом осуществлялась выкладка сводов в помещениях на восточном фасе описываемого форта, а также проходки в форме больших бойниц в стенах городища Старого Кишмана. См. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 147, рис. 8.

62. Булгаков П. Г. Из арабских источников в Мерве. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 220.

63. Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 73, 110.

64. Там же, стр. 38; Пугаченкова Г. А. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Там же, стр. 309.

65. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 153; Ее же. Новое по архитектуре средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 295.

Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1959, стр. 282, 283.

66. Истахри. МИТТ, I, стр. 192—194.

67. Рудо К. Н. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея. ТаджССР, вып. I. Душанбе, 1952, стр. 59—72.

68. Ташходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 95—118; Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений древнего Мерва. Известия АН ТССР, 1964, № 1, стр. 34—40. Зачистка внутреннего склона стены Эрк-калы на северном фасе была проведена в 1954 г.

69. Усманова З. И. Эрк-кала. Цит. соч., стр. 27—33.

70. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Известия АН ТССР, 1955, № 3, стр. 5; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Цит. соч., стр. 99.

71. Усманова З. И. Эрк-кала. Цит. соч., стр. 52.
72. Кошеленко Г. А., Усманова З. И. Цит. соч., стр. 36—37.
73. Там же, стр. 34—37, Ташходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы. Цит. соч., стр. 95—118.
74. Усманова З. И. Эрк-кала. Цит. соч., стр. 31—32. Следует иметь в виду, что Яз-депе в V—IV вв. было поселением без цитадели: цитадель в это время уже представляла собой нежилые, оплывшие руины. Поэтому полученные здесь данные об отсутствии оборонительных укреплений могут не относиться к другим поселениям, сохранившим в то время роль политических и административных центров. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Цит. соч., стр. 29, 153.
75. Там же, стр. 154; Марущенко А. А. Старый Серахс. Труды Института истории, археологии и этнографии АН СССР, II, 1959, стр. 171.
76. Рахманова Р. М. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход Александра Македонского. Автореферат. Л., 1964, стр. 10.
77. Там же, стр. 21.
78. Марущенко А. А. Елькен-депе. Труды Института истории, археологии и этнографии АН СССР, V, 1959, стр. 65 и сл.
79. Там же, стр. 65.
80. Schmidt H. Archaeological Excavations in Anau... Цит. соч., p. 145—149, fig. 220—233, pl. 17; Керамика этого типа была отмечена А. А. Марущенко для Мерва работами 1936—1937 гг. на центральном бугре цитадели. (Материалы хранятся в музее краеведения АН ТССР, инв. 197 и 200, опись 152 и 155). Уже тогда А. А. Марущенко констатировал характерное сочетание керамики типа Анау IV и новой, характерной для античного времени, что выделено нами в отдельный слой. См. Марущенко А. А. Старый Серахс. Цит. соч., стр. 176—178.
81. Арриан. Анабасис, III, 23, 6; 25, 1.
82. Английский историк В. Тарн в своей работе «Греки в Бактрии и Индии» писал о том, что до Александра Македонского в Средней Азии городов не было, были только поселения, крепости и «царские резиденции». «Если Александр хотел иметь в восточном Иране города, он должен был их построить». (W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, 2 ed, 1951, стр. 2—32). Такое утверждение противоречит сообщениям письменных источников. См. рецензии на работу В. Тарна, С. П. Толстова «Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока». ВДИ, 1940, № 4.
83. Q. Curtius Rufus, De rebus gestis Alexandri Magni, Zipsiae, 1840, VII, 10, 15.
84. Ташходжаев Ш. Разрез городской стены Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 99—101, рис. 3, 4.
85. Там же, стр. 102, рис. 5; стр. 103.
86. Страбон. География, XI, 10, 1—12.
87. Плиний. Естественная история, VI, 18.
88. Страбон. География, XI, 10, 2.
89. Ташходжаев Ш. Цит. соч., стр. 105—107.
90. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 26—59; Ее же. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2; Памятники с исконно-парфянской территории не отражены в зарубежной литературе. См. Reuther O. Parthian Architecture, SPA, I.
91. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 50—51. См. реконструкцию стен Дурнали и Чильбурджа.
92. Там же, стр. 46.
93. Там же, стр. 43, см. реконструкцию крепостных стен Мерва.
94. Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений древнего Мерва. Цит. соч., стр. 34—40.
95. Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, стр. 70.
96. Пугаченкова Г. А. Цит. соч., стр. 17; Марущенко А. А. Елькен-депе. Цит. соч., стр. 70.
97. M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres, Mémoires de la délégation archéologique française ene Afghanistan, tome XIX, Paris, 1964, стр. 72, pl. XXXIV, 1. До Д. Шламберже крепостные сооружения Бактр изучались А. Фуше в 1924/25 (Foucher A., Syria, XXXVII, 1960, стр. 152) и Р. Юнгом в 1953, см. Joung R. S., South Wall of Balkh-Bactra, American journal of Archaeology, 59, 1955, pp. 267—276.
98. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Раппопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. Материалы ХАЭЭ, вып. 4, М., 1960, стр. 23; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 77—88, Толстов С. П., Жданко Г. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. Материалы ХАЭЭ, вып. 6, № 1, 1963, стр. 30 и сл., рис. 14, 14а.

99. Пугаченкова Г. А. Пути развития. Цит. соч., стр. 19—20; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 117—127, рис. 58—65.

100. M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations Sur les remparts de Bactres. Цит. соч., стр. 79, fig. 15. pl. XXXVIII.

101. Там же, стр. 78, pl. XXXIV, 2. Зачистка стены в пункте W (башня № 6).

102. Там же, стр. 84, fig. 18, 3, pl. XLII, 2, XXXVII, XXXIX.

103. Ташходжаев Ш. Разрез городской стены. Цит. соч., стр. 113; Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений... Цит. соч., стр. 34—40.

104. В Бактрах наращивание поздних стен ведется также во внешнюю сторону с перекрытием гребня предшествующих стен (M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations Sur les remparts de Bactres. Цит. соч., fig. 15, pl. XXXVIII). Такая же картина характерна для памятников Хорезма, в частности, интересные наблюдения сделаны в Хазараспе. Ранние стены (IV—III вв. до н. э.) перекрываются стенами позднеантичного, афригидского и средневекового периодов, при этом выявлен характерный элемент фортификации, зародившийся еще в античную пору в Хорезме,— дополнительная выносная стена, опоясывающая основные сооружения крепости (протейхизма), которая в Мерве отмечена пока что для V в. См. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. Материалы ХАЭЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 188—191, рис. 16.

Е. Ф. ФЕДОРОВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ ТКАНЕЙ ИЗ РАСКОПОК ЮТАКЭ В СТАРОМ МЕРВЕ

Изучение раскопочных тканей открывает большие возможности для освещения важных сторон жизни народов древних цивилизаций. Разнообразие видов волокон, используемых для изготовления текстильных изделий, качество обработки пряжи, многообразие ткацких переплетений, способы крашения, гамма цветов окраски и приемы нанесения узоров на ткань — все это говорит об освоении прядильных и красильных растений, местных и иноземных, в сельском хозяйстве, об уровне технических навыков, эстетических традициях и канонах и, наконец, при обнаружении на тканях привозных материалов, об экономических связях между странами.

Сохранность и, следовательно, возможность изучения технологии археологических тканей неодинакова в различных странах и зависит от климатических условий в них, а также от религиозных воззрений народов, так как там, где производилось мумифицирование, одежда и предметы погребального обихода сохранялись лучше всего, а там, где происходило сожжение умерших, естественно, остались только поврежденные керамические и металлические предметы. Например, в Индии не сохранилось образчиков древних индийских тканей, но они были обнаружены Р. Пфистером[1] на мумиях из коптских захоронений в Сирии. Заключение об их происхождении было сделано на основе их технологического изучения. Таким же образом устанавливалось происхождение и других раскопочных тканей.

Средняя Азия и в частности Туркмения, занимают среднее место в отношении сохранности раскопочных тканей, так как, с одной стороны, вследствие многоплеменности и взаимовлияния населявших ее народов, могут встретиться разные типы погребений, а с другой стороны, жаркий и сухой климат способствовал сохранению бытовых тканей, обнаруживаемых при археологических изысканиях.

В течение работ ЮТАКЭ обнаруживались и кладик мелких монет, завязанный в кусочек ткани из растительного волокна, и довольно толстые шерстяные нити, по-видимому, для женского рукоделия и вкрапления в глину остатков красной ткани, из-за ветхости волокон которой было трудно установить микроскопическое строение, но по химическим реакциям, указывавшими на шелк.

Приводим диагнозы тканей, найденных ЮТАКЭ, анализ которых был сделан нами по методике исследования археологических тканей, изложенной в настоящей статье[2].

Все образцы тканей были найдены в Мерве на Эрк-кале при раскопках замкового сооружения в южной части городища, восточнее бы-

лых ворот (раскоп 1), и датируются сасанидскими халками чекана Арташира I (224—242 гг.), Шапура I (242—272 гг.), а также парфянскими медными монетами маргианской эмиссии конца II—III вв. н. э.[3]

Образец № 1

из кирпичной забутовки помещения VI (ЮТАКЭ, 1955, XVIII, МЭК, раскоп 1).

Анализ волокнистого материала. Образец представляет собой желтоватый грубоволокнистый, слежавшийся материал. При рассматривании в лупу можно видеть грубые волокна, напоминающие войлок, но в некоторых местах видны параллельные волокна. Материал сильно деформирован и часть волокон превратилась в порошок.

Волокна при сжигании не плавятся, характерный запах шерсти отсутствует, смоченную водой куркумовую бумажку продукты разложения волокна не окрашивают, лакмусовая бумага слегка розовеет.

При сгорании материал не дает пламени, но медленно обугливается, оставляя много золы.

Микроскопическое исследование. При микроскопическом исследовании образца обнаруживается характерная перевитость волокон, свойственная хлопку.

После обработки реактивом Швейцера испытуемые волокна приобретают бусообразное строение, типичное для волокон хлопка после обработки этим реактивом.

Химическое исследование. Образец материала не растворяется в 5% растворе едкого натрия при кипячении.

Щелочная вытяжка из образца, сделанная для проверки частичной растворимости материала, не дает осадка с уксусно-кислым свинцом (шерсть при этой реакции дает черный осадок или окрашивание, а шелк — белый осадок).

Аммиачная закись никеля испытуемых волокон не растворяет.

Реактив Швейцера растворяет образец после набухания. Образец, помещенный в пробирку с небольшим количеством воды, содержащей несколько капель 15% спиртового раствора α-нафтола дает при осторожном добавлении концентрата серной кислоты фиолетовое кольцо (характерное для углеводов), свойственное растительным волокнам.

Образец при нагревании со слабым раствором лимонной кислоты утрачивает желтоватый цвет.

Заключение. Микроскопическое исследование показало, что волокна исследуемого материала имеют структуру хлопкового волокна.

Сжигание образца и результаты химического исследования подтвердили данные микроскопического исследования в том, что волокна материала являются растительными.

Некоторое отклонение при сжигании, выражающееся в медленном обугливании и отсутствии пламени, по-видимому, объясняется пропитыванием образца минеральными солями. Наличие минеральных солей подтверждается большим количеством золы при сжигании образца.

Обесцвечивание материала слабым раствором лимонной кислоты показывает на отсутствие окраски.

Несмотря на почти полную деструкцию материала, все же можно предполагать, что исследуемый образец является деформированной тканью (наличие параллельности в отдельных участках материала и пластинчатость слежавшихся волокон).

Образец № 2

из слоя завала, образовавшегося в результате обрушения кирпичных закладок в восточной половине раскопа (ЮТАКЭ, 1957, XVIII, МЭК, раскоп 1).

Анализ ткани. Образец представляет собой светло-бурую ткань, сравнительно хорошо сохранившуюся, но сильно загрязненную лёссом, что придает ей грубоволокнистый вид. Переплетение ткани состоит из толстых нитей основы — по 5—6 на 1 см и значительно более тонких нитей утка — по 20—22 на 1 см. После очистки ткани спиртом и эфиром, она приобретает желтоватый цвет.

Микроскопическое исследование. Нити ткани, несмотря на разную толщину, составлены из волокна одного типа. Элементарные волокна имеют разную толщину от 14 до 31 мм. Каждая тонкая нить имеет приблизительно 16—20 элементарных волокон, которые имеют строение гладких нитей без характерной перевитости хлопка и поперечных черточек, свойственных льну, чешуйчатое строение шерсти также отсутствует.

Волокна резко очерчены темными контурами, как если бы они были покрыты посторонним веществом, не похожим по равномерности распределения на загрязнение.

Химическое исследование. При действии на волокно серной кислотой и α-нафтолом волокно растворяется, но фиолетовое окрашивание, свойственное углеводам, отсутствует, следовательно волокна имеют животное происхождение и растворимость, свойственную шелку. Животное происхождение волокон подтверждается и растворимостью в щелочах.

Растворимость волокон в серной и соляной кислотах, отсутствие черной окраски с плумбатом натрия (свойственную шерсти) подтверждают, что нити ткани состоят из шелковых волокон.

При сжигании нитей как утка, так и основы в золе обнаружен алюминий, следовательно они были окрашены по протраве.

Исследование на наличие окраски. Образец, смоченный слабым раствором щелочи, приобретает заметный желтый цвет. Раствор уксуснокислого свинца увеличивает интенсивность желтого цвета необработанных волокон.

Розовое окрашивание с магнием и соляной кислотой (после предварительной обработки волокна кислотами) отсутствует, вероятно, вследствие ничтожного количества оставшегося на волокне красителя. На основании полученных реакций можно предполагать, что нити ткани были окрашены желтым растительным красителем.

Заключение. Образец представляет собой шелковую ткань, имевшую желтый цвет, сделанный растительным красителем по алюминиевой протраве.

Образец № 3

из кирпичной забутовки в проходе XVIII помещения (ЮТАКЭ, 1957, XVIII, МЭК, раскоп 1).

Анализ ткани. Материал, вкрапленный в глину, имеет вид остатков ветхой темно-красной ткани полотняного переплетения, то есть состоящего из приблизительно равного числа нитей по основе и по утку, направленных друг к другу перпендикулярно. Длина нитей ткани 0,4—0,5 см.

Микроскопическое исследование. Нити ткани состоят из волоконец трубкообразного строения, имеющих вид волокон шелка. Каждая нить состоит из 20—30 волоконец, каждая толщиной 4—6μ.

Химическое исследование. Ткань растворяется в концентрированной соляной кислоте и в щелочи. При снимании окраски с ткани разбавленной соляной кислотой, а затем эфиром, последний окрашивается в желтый цвет. Исследование эфирного слоя по методу Кононова В. Н. показало присутствие двух красителей антрахинонового ряда.

Темно-красный цвет ткани, более похожий по внешнему виду на окраску кермесом, чем на окраску мареной, вызвал необходимость дальнейшего исследования.

При обработке ткани пиридином, последний окрасился в вишнево-красный цвет, но окраска ткани сохранилась.

Хромотографическое исследование окрашенного раствора пиридина наряду со стандартными растворами алиярина и пурпурина, вытяжками из марены и карминоносных червецов как среднеазиатских, так и европейских видов[4] показало, что красители, содержащиеся в пиридиновом растворе, полученном после обработки тканей, идентичны алузарину и пурпурину марены.

Заключение. Образец представляет собой сильно разрушенную, по-видимому, шелковую ткань, окрашенную мареной. Вследствие частичного разрушения волокна в образце, кроме окрашенных волокон, находятся главные красители марены — алазарин и пурпурин, получившиеся в результате осыпания окраски с исчезнувших волокон.

Образец № 4

из XIV помещения в проходе под промазкой пола в трухе между порогом и кирпичом кладки. Вместе с нитями встречена медная монета мервского сасанидского правителя второй половины III в. н. э. (ЮТАКЭ, 1957, XVIII, МЭК раскоп 1).

Анализ нитей. Образец представляет собой три типа нитей: 1) красноватые нити, скрученные из двух нитей; 2) синие нити плохой сохранности; 3) нити, скрученные из розоватых и синих нитей. Толщина нитей различная, толстых нитей — 1,2—1,8 мм, тонких — 0,6—0,9 мм. Синие нити имеют разрыхленный вид и в пестрых нитях из красных и синих волокон, последние во многих местах утратили свой цвет.

Микроскопическое исследование. Волокна всех нитей имеют характерное чешуйчатое строение волокон овечьей шерсти. Толщина отдельных волокон 7—8 μ.

Химическое исследование. При осторожной очистке нитей спиртом и эфиром от мельчайших частиц лёса, растворители остались бесцветными, нити стали ярче, но характер окраски не изменился.

Красноватые нити. При кипячении с разбавленными минеральными кислотами с последующим извлечением эфиром, красители с волокна переходят в эфир, окрашивая его в желтоватый цвет.

При извлечении красителей, по методу Кононова В. Н., остроконечной полоской бумаги с последующей разгонкой их по бумаге эфиром, появляются две желтые полоски, которые при проявлении аммиаком приобретают красный и красновато-фиолетовый цвет, соответственно двум главным красителям — марены амуарину и пурпурину. В водном растворе после извлечения эфиром обнаружен алюминий.

Волокно нитей после освобождения от окраски приобрело светлый рыжеватый цвет, не снимающийся растворителями и, следовательно, природный.

Синие нити. При кипячении нитей с разбавленными кислотами и последующем извлечении эфиром, волокна не изменяют своего цвета, эфир остается бесцветным и красителей в нем не обнаруживается. Обработка пиридином дала слабое желтоватое извлечение. Нити при погружении в щелочной раствор гидросульфита приобретают желтый цвет, превращающийся снова в синий при вынимании волокон из раствора.

Пестрые нити имели реакции красных и синих нитей, описанных выше.

Волокна, освобожденные от окраски, были подвергнуты дальнейшему исследованию. При сжигании волокна имели характерный запах жженой шерсти. Волокно не растворялось в 80% серной кислоте. При действии α-нафтолом и концентрированной серной кислотой, раствор, содержащий волокна, окрашивается в красновато-желтый цвет, свойственный животному волокну.

Плумбат свинца окрашивает волокна в черный цвет, характерный для шерстяных волокон.

Заключение. Все три типа нитей — красные, синие и пестрые — изготовлены из овечьей шерсти рыжеватого цвета. Синие нити окрашены индигоносным растением, а красные — мареной.

Образец № 5

из кирпичной забутовки XXII помещения; найден при расчистке лестницы (ЮТАКЭ, 1957, XVIII, МЭК, раскоп 1).

Анализ волокон. Образец представляет собой сильно разрушенный волокнистый материал серовато-желтого цвета, находящийся в слипшихся комочках глины, и кусочек блестящей пластинки неправильной формы желтовато-бурого цвета, местами переходящего в красноватый.

Микроскопическое исследование. Волокнистый материал состоит из скопления нитей без переплетения, толщиной 7—8 μ каждая. По характеру строения нити имеют вид волокна кенафа.

Красновато-желтая пластинка имеет слоистое строение с разбросанными по ней в разных местах черноватыми точками. Правильного строения, напоминающего строение животных организмов, не имеет.

Химическое исследование. Волокнистый материал сгорает, почти не оставляя золы. Пластинка не горит и не обугливается. Обработка разбавленными кислотами с последующим извлечением эфиром цвета волокна не изменяет, а эфир остается бесцветным. Обработка различными химическими реактивами изменения окраске волокон не дает. При действии на суспензию волокон серной кислотой и α-нафтолом появилось характерное фиолетовое окрашивание, свойственное растительным волокнам.

Заключение. Материал представляет собой остаток веревки, а пластинка имеет неорганическое происхождение, напоминает осколок глазури с керамического предмета.

Как видно из приведенных технологических диагнозов раскопочных тканей ЮТАКЭ, древний народ, населявший территорию Туркменской ССР, имел развитое сельское хозяйство, на что указывает нахождение хлопкового волокна в образце № 1 и волокна кенафа из образца № 5, причем кенаф был обнаружен и на ткани растительного происхождения, в которую был завернут и кладик медных монет, в последнем случае она имела тонкую обработку и была отбелена (вероятно, таким же способом, как отбеливается лен).

В образце № 6 установлены шерстяные волокна, вероятно, местного происхождения, а в образцах № 2 и 4 — шелковые нити. Следует отметить, что наихудшую сохранность в раскопочных тканях имеет шелк. Он обладает свойством со временем распадаться на микроскопические палочки и превращаться в порошок. В образце № 4 красящие вещества осыпались с волокна и находились среди распавшихся волокон. Исследование показало, что это красители марены, находившиеся в виде неразложившегося алюминиевого лака, следовательно древние красильщики Туркмении знали способы протравного крашения.

Переплетение в тканях было полотняное, следовательно простое.

По-видимому, страна имела экономические связи с Китаем и Инди-

ей, на первое указывает наличие раскопочных шелковых тканей, а на второе — окраска нитей посредством индиго, последнее было обнаружено также при одном из анализов обугленной ткани растительного происхождения.

Марена красильная (чоб-бояк), которой была сделана окраска волокон красного цвета, вероятно, была местной.

В заключение можно сказать, что археологические ткани свидетельствуют не только о хозяйственной и культурной жизни народов, но и о долговечности тех материалов, с помощью которых были сделаны или окрашены текстильные изделия, что следует учитывать при изготовлении ценных предметов прикладного искусства. С этой точки зрения место волокон кенафа в современной текстильной промышленности кажется автору незаслуженно малым и тонкая светлая ткань, получавшаяся из него в древности, показывает, что его техническая современная обработка должна быть улучшена, а широта бытового и художественного использования увеличена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Pefister R. Textilles de Palmyre, Paris, 1934. Он же, Les toiles imprimees de Fostat et l′ Hindustan, Paris, 1938.

2. Федорович Е. Ф. Методика исследования археологических тканей. «Советская археология», 1965 (в печати).

3. Усманова З. И. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве. Известия АН ТССР, 1961, № 2, стр. 44—50; Ее же. Эрк-кала. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 68—74.

4. Образцы червецов были получены из коллекции П. П. Архангельского.

Г. Я. ДРЕСВЯНСКАЯ

БУСЫ С ГОРОДИЩ СТАРОГО МЕРВА

Древним бусам и подвескам—наиболее распространенным украшениям — посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных археологов. Наряду с публикациями, где отводится главная роль описанию, сравнительным аналогиям, имеются работы с уклоном к технологическому исследованию. Изучению бус Восточной Европы и Кавказа посвящены статьи советских ученых Ю. Л. Щаповой, З. Львовой, М. А. Безбородова, А. В. Арциховского, Н. Н. Погребовой, В. Б. Диопик, Г. Г. Лемлейна, В. П. Фоменко[1].

По бусам из районов Средней Азии написаны работы А. С. Бобровой[2], И. В. Пташниковой[3], С. А. Трудновской[4], З. И. Усмановой и И. Ахрарова[5], Е. Атагарриева[6]. В ряде публикаций описываются иногда среднеазиатские бусы из раскопов погребений и жилых комплексов.

Большое внимание уделяется изучению бус в Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Наиболее ранние, палеолитические бусы-раковины встречены А. П. Окладниковым[7]. Бусы эпохи бронзы описаны в работе В. М. Массона[8]. Античные бусы упоминаются в работе М. Е. Массона[9] и послужили частью дипломной работы С. Б. Лунинoй[10]. Изучению бус поздней античности и средневековья уделен раздел дипломной работы Д. П. Вархотовой[11], часть из которых упоминается в статье К. Кацуриса и Ю. Ф. Бурякова[12].

КАМЕННЫЕ БУСЫ

Двести двенадцать экземпляров, из них хорошо датированный комплекс II—III вв. н. э. с раскопов 6 и 13 городища Гяур-кала и XI—XIII вв. н. э. с раскопов 7 и 10 Гяур-калы, раскопа 1 Султан-калы, раскопа 1 рабада Султан-калы, а также одна бусина V—VI вв. н. э. с городища Битик и еще одна бусина X в. н. э. из шурфа 1 Султан-калы. Разумеется, и в пору кризиса рабовладельческой системы на Среднем Востоке и в эпоху зарождения и развития феодализма бусы оставались по-прежнему наиболее распространенными украшениями, но, к сожалению, пока нет достаточного материала для четкого выделения бус этих веков. И в отношении датированных бус следует помнить, что это даты не изготовления, а лишь последнего употребления украшений. Формы каменных бус см. рис. 1.

Бусы II—III вв. н. э.

Гяур-кала, раскоп 6

Мраморовидный оникс. Пятьдесят бусин кольцевидной формы. Диаметр 4—11 мм, толщина 3—8 мм, Д отверстия 1—1,5 мм.

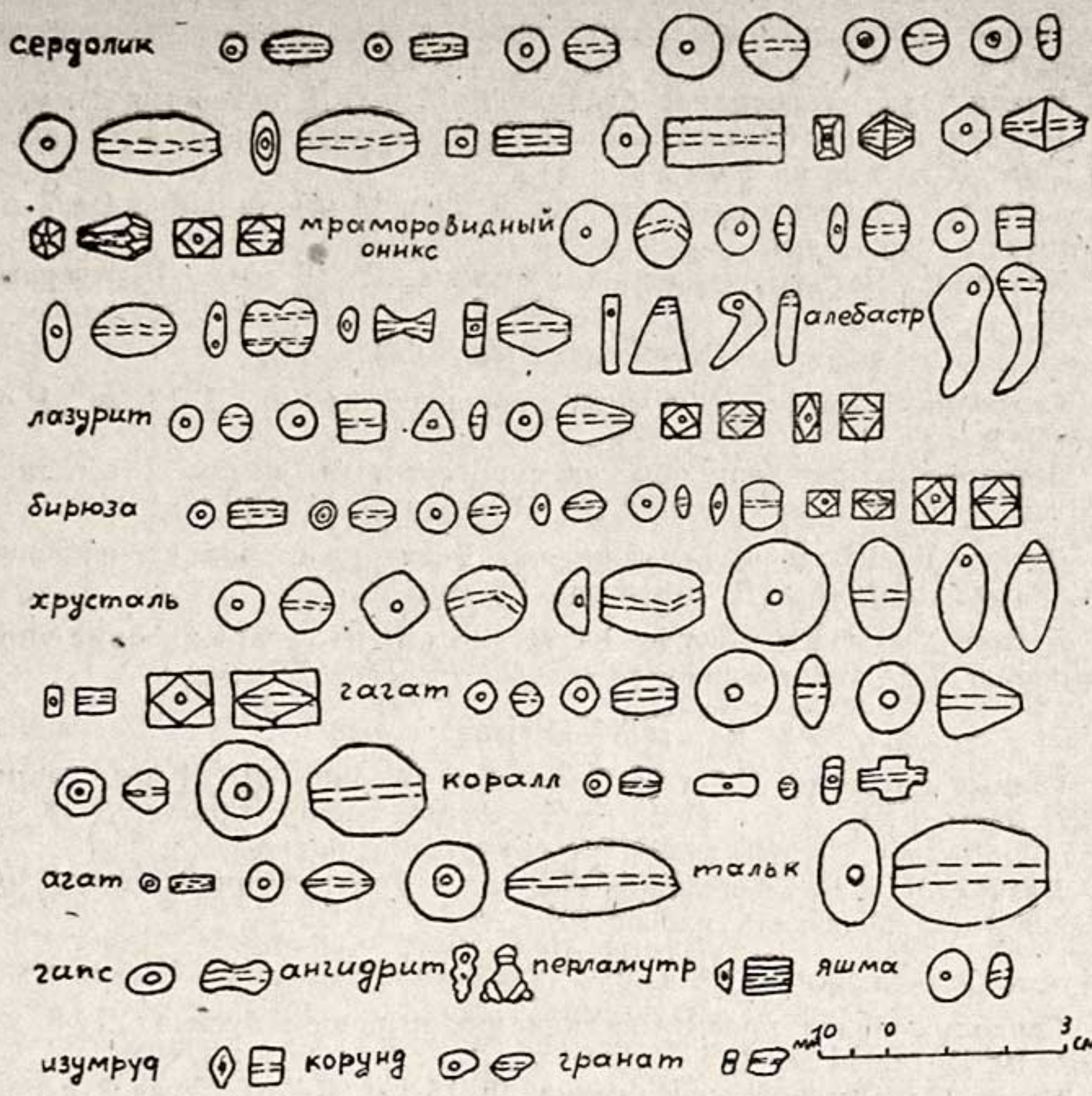


Рис. 1. Формы каменных бус.

Сердолик. Десять шаровидных бусин, Д — 6—14 мм, Д отверстия— 1—2 мм, из них две орнаментированы содой, одна сплошь покрыта скобками, обращенными острыми концами навстречу друг другу; вторая имеет на боку зубчатое изображение, отдаленно напоминающее арабскую букву «син»; три цилиндрические бусины, Д 5—7 мм, длина 7—13 мм, Д отверстия 1,5 мм. Одна из этих бусин покрыта содовым орнаментом в виде пятиугольников; дипирамидальная шестигранная, Д 8 мм, длина 14, Д отверстия 1,5 мм; одна бусина в форме параллелепипеда со срезанными углами, в поперечном сечении имеет квадрат со стороной 7, длиной 6, Д отверстия 2 мм.

Бирюза. Одна кольцевидная бусина, Д — 6, толщина 1,5, Д отверстия 1 мм; одна овалоидная, Д — 7, толщина 4, длина 8, Д отверстия 1 мм; одна заготовка для бусины цилиндрической формы со следами начатого сверления, Д 4, длина 11 мм.

Горный хрусталь. Одна линзовидная бусина, Д 13, толщина 9. длина 22, Д отверстия 2 мм.

Коралл. Четыре цилиндрические бусины, Д 3—5 мм, длина 3—6 мм, Д отверстия 1,5 мм.

Гранат. Четыре бусины неправильной формы, приближающиеся к параллелепипеду, Д 5—7 мм, толщина 3—5 мм, Д отверстия 1 мм.

Агат. Одна эллипсоидная бусина, Д 14 мм, длина 31, Д отверстия 2.

Тальк. Две овалоидные бусины, Д 16—18 мм, толщина 10—15 мм, длина 30 и 31 мм, Д отверстия 7 и 5 мм. Первая из них бракованная.

имеет отверстие, вышедшее в бок бусины (вследствие косого положения сверла).

Кварц. Одна шаровидная бусина, Д 15 мм, Д отверстия 2 мм.

Перламутр. Две бусины в форме усеченного конуса, Д 5 мм, длина 3 и 7 мм, Д отверстия 1 мм.

Гагат. Две кольцевидные бусины, Д 11 и 14 мм, толщина 4 и 7 мм, Д отверстия 2,5—3 мм.

Халцедон. Четыре шаровидные бусины, Д 10 мм, Д отверстия 1,5 мм.

Гяур-кала, раскоп 13

Сердолик. Шаровидная бусина с воронкой выкола, Д 13 мм, Д отверстия 2 мм.

Бирюза. Оваллоидная бусина с поперечным овалу отверстием, Д 6 мм, толщина 2 мм, длина 4 мм, Д отверстия 1 мм.

Бусина V—VI вв. н. э. с городища Битик из сердолика, шаровидной формы, Д 10 мм, Д отверстия 1,5 мм.

Бусина X в. н. э. из шурфа 1 Султан-калы из гагата в форме упругого шара, Д 15 мм, толщина 13 мм, Д отверстия 2,5 мм.

Бусы XI—XII вв. н. э.

Горный хрусталь. Одна эллипсоидная бусина, Д 11 мм, длина 15 мм Д отверстия 2 мм и еще одна в форме упругого шара, Д 18 мм, толщина 10 мм, Д отверстия 1 мм (Гяур-кала, раскоп 7).

Лазурит. Одна кольцевидная бусина, Д 9 мм, толщина 3 мм, Д отверстия 2 мм (Гяур-кала, раскоп 10).

Бусы XII—начала XIII в. н. э. (Султан-кала, рабад, раскоп 1).

Сердолик. Одна призматическая шестигранная бусина, Д 8 мм, длина 19, Д отверстия 2.

Гагат. Одна шаровидная бусина, Д 15 мм, Д отверстия 2,5; одна эллипсоидная, Д 15 мм, длина 20 мм. Д отверстия 2,5 мм; одна кольцевидная, Д 14 мм, толщина 10 мм, Д отверстия 2 мм; одна кольцевидная с шестью ребрами, Д 9 мм, толщина 8 мм, Д отверстия 2.

Бусы XI—XIII вв. н. э.

Султан-кала, раскоп 1

Сердолик. Одна призматическая четырехгранная бусина с белым содовым орнаментом в виде зубчатых линий, расположенных поперек бусины. В поперечном сечении представляет собой квадрат со стороной 5 мм, длиной 13 мм, Д отверстия 1,5 мм.

Гагат. Две шаровидные бусины, Д 10 и 17 мм, Д отверстия 3 и 7 мм.

Гипс. Одна бусина глобоидальной формы имеет наибольший диаметр 7 мм, наименьший диаметр 5 мм, длина 9 мм, Д отверстия 3 мм.

ПОДЪЕМНЫЕ БУСЫ

Мраморовидный оникс. На городище Гяур-кала поднята двадцать одна кольцевидная бусина, Д 4—10 мм, толщина 3—6 мм, Д отверстия 1—1,5; две шаровидные, Д 4 и 10 мм, Д отверстия 1 мм; две цилиндрические, Д 4—6 мм, длина 4 и 7 мм, Д отверстия 1 мм; одна глобоидальная, наибольший диаметр 5 мм, наименьший диаметр 3 мм, длина 6 мм, Д отверстия 1 мм; одна оваллоидная бусина-пронизка с двумя параллельными отверстиями, Д 10 мм, толщина 6 мм, длина 13 мм, Д отверстия 1 мм; одна трапециевидная бусина-подвеска, высота 13 мм, длина оснований: нижнего 12 мм, верхнего 5 мм, толщина 4 мм, Д от-

верстия 1 мм; одна заготовка для клыковидной бусины без отверстия и с отломанным краем, Д 16 мм, толщина 3—8 мм. На Эрк-кале найдена одна шаровидная бусина, Д 4 мм, Д отверстия 1 мм; одна кольцевидная, Д 4 мм, толщина 3 мм, Д отверстия 1 мм; одна клыковидная бусина-подвеска, Д 12 мм, толщина 4 мм, Д отверстия 1 мм. С городища Мунон-депе имеется одна кольцевидная бусина, Д 5 мм, толщина 4 мм, Д отверстия 1 мм. На городище Султан-кала были встречены бусы: шесть кольцевидных, Д 4—8 мм, толщина 3—6 мм, Д отверстия 1—1,5 мм; одна шаровидная, Д 5 мм, Д отверстия 1 мм; на северном обводе Султан-калы найдены: одна битрапециоидная бусина, наиболее широкая часть 8 мм, на концах по 5 мм, длина 11 мм, толщина 3 мм, Д отверстия 1,5 мм; одна оваллоидная, Д 4 мм, толщина 2 мм, длина 5 мм, Д отверстия 1 мм. С Шаим-калы имеется одна оваллоидная бусина, Д 7 мм, толщина 4 мм, длина 8 мм, Д отверстия 1 мм.

Сердолик. На Гяур-кале встречено три шаровидные бусины, Д 7—8, 10 мм, Д отверстия 1 мм, у последней имеется воронка выкола и Д отверстия 2 мм; одна эллипсоидная, Д 8 мм, длина 19 мм, Д отверстия 2 мм; две бочонковидные, Д 8 и 9 мм, длина 9 и 15 мм, Д отверстия 2 мм; две кольцевидные, Д 7 и 11 мм, толщина 5 и 8 мм, Д отверстия 2 мм; две дипирамидальные, одна с четырьмя гранями, Д 6 мм, длина 11 мм, Д отверстия 2 мм, вторая имеет шесть граней, Д 16 мм, длина 14 мм, Д отверстия 2 мм; одна оваллоидная, Д 10 мм, толщина 6 мм, длина 18 см, Д отверстия 2 мм. На Эрк-кале поднята одна цилиндрическая бусина, Д 6 мм, длина 12 мм, Д отверстия 1 мм. На Султан-кале найдена одна шаровидная бусина, Д 12 мм, Д отверстия 2 мм; одна каплевидная, уплощенная с продольным отверстием, Д наиболее широкой части 7 мм, толщина 5 мм, длина 11 мм, Д отверстия 1 мм; одна в форме куба со срезанными углами со стороной 5 мм, Д отверстия 1 мм. На северном обводе Султан-калы найдена одна шаровидная бусина, Д 6 мм, Д отверстия 1 мм. На городище Хурмузфарра встречена одна цилиндрическая бусина, Д 6 мм, длина 10 мм, Д отверстия 1 мм.

Гагат. На Гяур-кале поднята одна шаровидная бусина, Д 9 мм, Д отверстия 25 мм; одна кольцевидная, Д 13 мм, толщина 8 мм, Д отверстия 5 мм, орнаментирована тремя кругами Д 4 мм, в которых находятся четыре кружка с точкой Д 1 мм, около четырехмиллиметровых кругов с двух сторон изображены по две параллельные палочки с маленьким кружком с точкой на конце, и между большими кругами, заключенными параллельными линиями, находится еще один кружок с точкой и двумя отходящими от него штрихами. Он расположен так, что вместе с кружками на параллельных палочках образует треугольник. На Султан-кале найдена одна цилиндрическая бусина, Д 6 мм, длина 10 мм, Д отверстия 1 мм; две кольцевидные, Д 13—14 мм, длина 5 и 10 мм, Д отверстия 2,6 мм; одна кольцевидная с шестью гранями Д 11 мм, толщина 8 мм, Д отверстия 2 мм; одна грушевидная, Д 13 мм, длина 13 мм, Д отверстия 3 мм; одна эллипсоидная, Д 18 мм, длина 15 мм, Д отверстия 7 мм, орнаментирована путем процарапывания. Бусина разделена на шесть частей продольными параллельными парами прямых линий. В одной части изображено четыре кружка с точкой Д 2 мм, расположенных крестообразно, в остальных частях по одному кружку с точкой.

Бирюза. На Гяур-кале найдена одна бусина в форме параллелепипеда со срезанными углами, в поперечном сечении квадрат со стороной 4 мм, длиной 7 мм, Д отверстия 1 мм; одна цилиндрическая, Д 4 мм, длина 10 мм, Д отверстия 1 мм; одна эллипсоидная, Д 5 мм, длина 8 мм, Д отверстия 1 мм. На Эрк-кале встречена одна оваллоидная бусина с двумя гранями, Д 7 мм, толщина 4 мм, длина 7 мм, Д отверстия

1 мм; одна оваллоидная, Д 4 мм, толщина 3 мм, длина 7 мм, Д отверстия 1 мм. На Султан-кале поднята одна шаровидная бусина, Д 15 мм, Д отверстия 3 мм. На северном обводе Султан-калы найдена одна кольцевидная бусина пуговичной формы из костяной бирюзы (одонтолит), Д 12 мм, толщина 6 мм, Д отверстия 3 мм.

Горный хрусталь. На Гяур-кале найдена каплевидная бусина-подвеска, Д 10 мм, высота 20 мм, Д отверстия 2 мм; одна в форме куба со срезанными углами, сторона 11 мм, Д отверстия 2 мм. На Султан-кале обнаружены: одна кольцевидная бусина, Д 10 мм, толщина 6 мм, Д отверстия 1 мм; две шаровидные, Д 6 и 8 мм, Д отверстия 1 мм; одна в форме параллелепипеда со срезанными углами, в поперечном сечении квадрат со стороной 10 мм, длиной 12 мм, Д отверстия 2 мм; одна в форме параллелепипеда, высота 5 мм, ширина 3 мм, длина 5 мм, Д отверстия 1 мм.

Лазурит. На Гяур-кале встречены две бусины в форме параллелепипеда со срезанными углами, одна имеет в поперечном сечении квадрат со стороной 5 мм, длиной 6 мм, Д отверстия 1 мм, вторая в продольном сечении представляет квадрат со стороной 6 мм, толщиной 4 мм, Д отверстия 1 мм; одна треугольная бусина имеет длину основания треугольника 9 мм, высоту 6 мм, толщина бусины 2 мм, Д отверстия 1,5 мм. На Эрк-кале найдена одна цилиндрическая бусина, Д 7 мм, длина 7 мм, Д отверстия 1,5 мм. С Султан-калы имеются две бусины в виде параллелепипедов со срезанными углами: одна — высота 8 мм, толщина 5 мм, длина 7 мм, Д отверстия 1,5 мм; вторая в поперечном сечении представляет собой квадрат со стороной 6 мм, длиной 8 мм, Д отверстия 1,5 мм; одна каплевидная, Д 6 мм, длина 12 мм, Д отверстия 1,5 мм; одна кольцевидная, Д 5 мм, толщина 5 мм, Д отверстия 1 мм; одна шестигранная дипирамидальная, Д 12 мм, длина 18 мм, причем наибольший диаметр смещен с центра и делит бусину на 7 и 11 мм, Д отверстия 2 мм.

Коралл. На Султан-кале встречены три цилиндрические бусины, Д 3—4 мм, длина 4—7 мм, Д отверстия 1 мм; одна крестовидная, высота 6 мм, толщина 2 мм, длина 9 мм, ширина сторон креста около 3 мм, Д отверстия 1 мм; один кусок коралла, заготовка для изделия, Д 5 мм, длина 25 мм. На Шаим-кале найдена одна цилиндрическая бусина с поперечным отверстием, Д 4 мм, длина 10 мм, Д отверстия 1 мм.

Халцедон. На Эрк-кале поднята одна шаровидная бусина, Д 10 мм, Д отверстия 1,5 мм.

Агат. На Эрк-кале встречена одна цилиндрическая бусина, Д 4 мм, длина 6 мм, Д отверстия 1 мм, агат полосчатый — тонкие светло-серые и белые полоски чередуются в поперечном бусине направлении. На Султан-кале обнаружена одна эллипсоидная бусина, Д 9 мм, длина 12 мм, Д отверстия 1 мм, агат черный с белой широкой полосой посредине и несколькими белыми узкими прослойками по краям широкой белой полосы. Бусина сделана так, что полосы расположены поперек бусины.

Тальк. На Султан-кале найдена бусина-подвеска трапецевидной формы. Длина нижнего основания 8 мм, верхнего 3 мм, высота 9 мм, толщина 4 мм, Д отверстия 2 мм. Орнаментирована насечками: две параллельные линии отделяют вершину трапеции и нижние углы так, что в центре трапеции получается вписанный треугольник с вершиной, лежащей на нижнем основании трапеции.

Змеевик. На Гяур-кале поднята одна шаровидная бусина, Д 10 мм, Д отверстия 2 мм.

Гематит. Встречена на Гяур-кале бочонковидная бусина, Д 10 мм, длина 13 мм, Д отверстия 3 мм.

Яшма. На Гяур-кале найдена кольцевидная бусина, Д 8 мм, толщина 3 мм, Д отверстия 2 мм.

Алебастр. На Гяур-кале обнаружена бусина-подвеска клювовидной формы, высота 25 мм, толщина 6 мм, ширина 9 мм, Д отверстия 2 мм.

Корунд. Поднята на Гяур-кале бусина неправильной формы, приближающейся к шару, Д 6 мм, Д отверстия 1 мм.

Изумруд. На Султан-кале найдена бусина овалловидной формы с двумя гранями, Д 5 мм, толщина 3 мм, длина 5 мм, Д отверстия 1 мм.

Многие разновременно употреблявшиеся бусины по форме и материалу идентичны. Исходя только из внешних данных датировать подобные объекты трудно.

Цветной камень добывался в большом количестве обычно весной, некоторые камни, такие как сердолик, прокаливали на огне, после охлаждения качество его заметно повышалось. Иногда, чтобы придать красивый оттенок полосам оникса, его кипятили с медом[13]. Но большинство камней не подвергалось особой предварительной обработке.

Форма изделия зависела от свойств материала. Наиболее многочисленными по формам являются бусины из сердолика различной прозрачности и оттенка, иногда орнаментированные содой. Орнамент, как правило, наносился на округлые бусины, поскольку граненые, где подчеркивалось главное достоинство самоцвета, не имело смысла украшать.

Способы изготовления бус зависели от твердости поделочного материала. Все минералы имеют определенную единицу твердости. По этому принципу можно разделить все поделочные камни на две большие группы по показателю твердости, взяв за основу шкалу твердости Мооса. Условно, минералы, из которых изготовлены бусы, имеющие твердость ниже 5, можно назвать мягкими, минералы, твердостью 5 и выше— твердыми. Изготовление бусины складывается из получения заготовки, сверления отверстия, шлифовки и полировки. По поводу очередности этих процессов существует ряд мнений. Э. Маккей[14] и вслед за ним С. А. Трудновская[15] считали, что сверление происходило в последнюю очередь. Д. А. Рейзнер полагает, что сверление происходило после шлифовки, но до полировки[16]. Г. Г. Лемлейн доказывал, что сверление предшествовало шлифовке и полировке, так как при этом было легче исправлять ошибки центрировки отверстия[17].

Часть бус сверлилась в последнюю очередь, об этом свидетельствует мервская заготовка для бусины из оникса, хорошо отполированная, но без отверстия, а также заготовка для бусины из бирюзы со следами начатого сверления на полированной поверхности. Некоторые бусы из группы кварца сверлились после шлифовки, но до полировки. Подтверждением могут служить две бусины из кварца и горного хрусталя. По замыслу мастера, по-видимому, они должны были быть гранеными, но вследствие неудачного сверления (отверстия сильно отклонялись от оси и вышли сбоку бусин), путем полирования, пытались исправить неточность сверления, придали бусинам форму очень близкую к шару.

Бусы группы кварца полировали порошком из пережженных раковин на увлажненном куске или вращающемся валике из дерева «ушари»[18]. Бусы из бирюзы обрабатывали напильником, смоченным в масле[19]. Таким образом, возможно, обрабатывали прежде всего граненые бусы и заранее просверленные. Просверленные бусины удобнее обрабатывать, придерживая их проволокой, пропущенной через отверстие. Бусы, обработанные при помощи напильника, вращающегося валика или диска, имеют плоские грани, острые вершины и углы. Существовал способ полировки изделий в кожаном мешочке с сердоликовой пылью и ножданым порошком. При этом безразлично, полируются ли сверленные бусины или только заготовки. Чтобы отверстия бусин не забивались абразивом, могли полировать в мешке еще не сверленные бусины. Поверхность их при такой полировке кажется обсаданной, углы

Сравнительные результаты анализов бусин из бирюзы и

Местонахождения	Цвет	Твердость	Удельный вес	Показатель преломления в иммерсионной жидкости	Si	Al	Ca	Na
Бирюза								
Ак-турпак	небесно-голубой	5—6	2,70—2,80	1,633—1,625	4	5	3—4	—
Ак-турпак	" "	5—6	2,83	1,634—1,633 1,619—1,612	3	5	2	—
Унгурли-кан	яблочно-зеленый	4—5	2,60—2,70	1,624—1,616	4	5	3	—
Шаугаз-сай	" "	5—6	2,85	1,641—1,630	4	5	3	—
Исфара	" "	6	2,60—2,80	1,621—1,618	5	5	4	—
Карамазар (Бирюзовый разлом)	небесно-голубой	5	2,60—2,80	1,621—1,618	3—4	5	3	—
Ходжент (Бирюза-кан)	яблочно-зеленый	5—6	2,60—2,80	1,621—1,618	5	5	4	—
Ходжент (Бирюза-кан)	небесно-голубой	5	2,60—2,80	1,621—1,618	5	5	4	—
МГК Р-6	" "	5	2,60—2,80	1,612—1,609	3	5	3	3
МГК Р-6	яблочно-зеленый	5—6	2,60—2,70	1,609—1,606	3	5	3	—
Лазурит								
Бадахшан	синий	5,5	2,38—2,42	1,5—1,498	5	5	5	5
Бадахшан	"	5,5	2,38—2,42	1,5—1,498	5	5	5	5
МГК Р-10	"	5,5	2,38—2,42	1,5—1,498	5	5	5	5

и вершины сглажены[20]. В мешочках полировались в основном округлые бусины, граненые — редко. В Средней Азии издавна применялся еще один малоизвестный способ полировки драгоценных камней в желудке курицы. Камень давали заглатывать курице и в желудке под действием загложенного песка, твердых частиц, естественного перетирания и других факторов происходила полировка камня[21].

Сверление происходило с одной или с двух сторон. Бусы из перламутра, коралла, гипса, талька, змеевика, гагата, то есть из камней, имеющих твердость ниже 5, всегда сверлились с одной стороны. Большая часть бусин из оникса (твердость 7) также сверлилась с одной стороны, но это относится к бусинам, длина которых не превышала 7 мм. Бусины длиннее 7 мм сверлились с двух сторон. Бусы из камней твердостью 5 и выше (бирюза, лазурит, гематит, группа кварца, группа корунда), как правило сверлились с двух сторон. Только бусина из изумруда и четыре бусины из граната сверлились с одной стороны, несмотря на их высокую твердость. Но это можно объяснить их незначительными размерами. Диаметр отверстия бусин из твердых минералов колеблется около 1,5 мм, не более 2 мм. Диаметр сверла, значит, был несколько меньше, а длина сверла не менее 12 мм, судя по длине канала в самой длинной бусине до соприкосновения с встречным отверстием. Диаметр отверстия бусин из мягких материалов (гипса, гагата, талька и др.) сильно варьирует, достигая иногда 5—7 мм. Многие бусины имеют небольшую сточенную площадку для установки сверла, иногда с насечками для предохранения сверла от соскальзывания в начальный момент сверления.

При рассмотрении разновременных каменных бус не было замечено больших различий в технологии обработки изделий. По-видимому, можно говорить о преемственности в развитии ювелирной техники.

Таблица 1

лазурита и образцов с некоторых месторождений

K	Fe	Mg	P	Ba	Sr	Mn	V	Ti	Cr	Ag	Cu	Pb	Zn	Ni	Co	Mo	Zr	Se	Ga	As
—	4	2	5	2—3	2	1	1	1–2	2	—	5	—	2	—	—	—	1	—	—	—
—	4	1	5	1—2	—	1	1	2	2	—	5	—	2—3	—	—	—	—	—	—	—
—	4	2	5	2	—	1	1	1–2	—	—	5	—	2	—	—	—	1	—	Сл.	—
—	5	2	5	—	—	1	1	3	2	—	5	—	2	—	—	—	1—2	1	1	2
—	5	1	4	5	3	1	4	2	3	—	1	1	2	2	1	—	—	Сл.	—	—
—	5	2—3	5	—	—	1	—	2	2	—	5	—	—	—	—	Сл.	—	Сл.	Сл.	—
—	5	3	5	2	2	1	—	2	2	1	5	—	2	—	—	Сл.	—	Сл.	—	—
—	5	3	5	2	2	1	1	2–3	2	—	5	1	2	—	—	Сл.	—	Сл.	Сл.	—
—	3	2	5	2	2	1	—	2	—	—	5	—	2	—	—	—	—	—	—	—
—	3	2	4	2	—	1	1	2	—	—	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—
5	4	5	—	3	2	2	1	3	—	—	1	1	—	—	—	Сл.	1	—	1	—
—	5	5	—	2	2	2	1	3	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	Сл.	—
5	5	5	—	2	2	2	2	3	1	—	1—2	1	—	2	1—2	—	2	Сл.	1	—

Произведены спектральные, рентгеноструктурные и иммерсионные анализы минералов бус*. Бирюза представлена двумя типами по цвету — яблочно-зеленая и небесно-голубая. Для анализа бралась средина бусины, менее подверженная влиянию внешней среды. Кроме бирюзы имеется смесь минералов из группы бирюзы: бирюза плюс халькосидерит или алюмохалькосидерит с примесями кварца и иногда лазурита. Были сделаны анализы из следующих доступных месторождений: Карамазар, «Бирюзовый разлом», «Ходжент», «Бирюза-кан», Исфара, Актурпак, Унгурли-кан, Шаугаз-сай (см таблицу 1)[22]. По полученным данным нельзя определить, из какого месторождения добыта бирюза. Исключение составляют две бусины, очень близкие к бирюзе из Ходжента. Пока остаются недоступными образцы минералов с территории Афганистана. Анализы лазурита указывают на наличие в них авгита, феррофранкилита или магнетита. Сравнение лазурита бусин с образцами лазурита из Афганского Бадахшана дает возможность предполагать их родство, хотя наличие в бусинах следов цезия и германия вносят элемент сомнения. По-видимому, бусины сделаны из бадахшанского лазурита, но так как мы располагали очень немногими образцами минерала с месторождениями, то могли не отметить в них этих редких примесей. Сердолик, вероятно, даже несреднеазиатского происхождения, поскольку почти не имеет общего с известными в настоящее время месторождениями Султан-Уиз-Дага и Ангрена.

---

* Спектральные анализы сделаны в лаборатории Института геологии АН УзССР, расшифровка инженера М. Я. Камцон по каталогу Калинина. Рентгеноструктурные анализы произведена лабораторией Среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья; расшифровка инженера З. Дехты по каталогу Михеева. Иммерсионные исследования проведены в лаборатории геологического факультета ТашГУ на тубусном микроскопе при скрещенных николях инженером Г. М. Шевченко.

Из-за недостатка сравнительного материала нельзя еще уверенно говорить о месторождениях, но проведенный опыт показывает, что применение указанных и других методов исследования открывает широкие перспективы в этом направлении.

Часть мервских бус местного происхождения, об этом говорят заготовки для бусин и бракованные бусины. По-видимому, местными являются бусины из гипса, гагата, корунда, яшмы, талька, змеевика, алебастра, частично, может быть, из лазурита, бирюзы, горного хрусталя, граната, поскольку разработки этих минералов имелись в Средней Азии, а Мерв был крупнейшим городом Востока с хорошо развитым ремесленным производством.

Наиболее распространенными были бусы из оникса, месторождения которого имеются в долине реки Зеравшан[23], добыча доступна. Частично он мог и привозиться, тем более, что на Востоке издавна применялся так называемый «тебризский мрамор» с берегов Урмийского озера[24]. Месторождения гагата имеются в Фергане. Большинство самоцветных камней добывалось в Бадахшане, где, кроме лазурита, большой известностью пользовались месторождения граната и горного хрусталя[25]. Лучшей по своей чистоте считалась бирюза из Кармании[26] и Нишапура[27]. Выходы гипсов известны в Таджикистане[28], в горах Шудмана — корунд. Тальковые минералы добывались в горах Султан-Уиз-Дага, яшма — в Нуратинских горах, змеевик — в горах Илака[29]. Кварц не является редкостью и встречается повсеместно. Кораллы, перламутр привозились со Средиземного моря или с Индийского океана. Месторождения изумруда на территории Средней Азии до сих пор не известны.

Местное население приписывало камням чудодейственную силу. Лапис-лазурь употреблялась при глазных заболеваниях и при меланхолии[30]. Считалось, что сердолик облегчает роды, спасает во время землетрясения, успокаивает гнев, укрепляет сердце, внушает ужас врагу[31]. Бирюза гарантирует от приближения змей и скорпионов, созерцание бирюзы по утрам обостряет зрение[32]. Гагат предохраняет от сглаза[33]. Носящий гагат может не бояться козней врагов, легко избежать опасности во время землетрясения. Гранат, напоминающий рубин, дает владельцу власть над людьми, изумруд — ясность и спокойствие мыслей. Истолченный в порошок горный хрусталь употреблялся в качестве средства, которым присыпали раны и удаляли с зубов винный камень[34].

Для увеличения магической силы бус их часто вырезали в форме амулетов. Примером могут служить бусы-подвески из оникса и алебастра клювовидной и клыковидной формы, являющиеся отзвуком древнейшего культа. Люди из клыков убитых животных изготавливали ожерелья еще в пору палеолита, веря, что они принесут силу, удачу. В эпоху развитого классового общества подвески в форме клыка или клюва, сделанные из материалов, напоминающих кость, служили талисманом, оберегом, предохраняющим от опасностей и болезней. Бусами часто обшивались платья, шаровары, обувь и у мужчин, и у женщин. Подтверждением могут служить находки археологов при раскопках курганов остатков одежды, обуви с нашитыми бусинами, многочисленные терракотовые статуэтки Мерва, Афрасиаба, Бухарского оазиса. Это можно проследить по фрескам Пянджикента и Балалык-тепе, по целому ряду миниатюр и т. д.

В настоящее время бусы по-прежнему являются самым распространенным украшением. Их носят на шее, обшивают головные уборы, а туркменские женщины племени нахурли вплетают бусы в косы и носят в ушах на красной нитке[35]. Мужчины сейчас не носят ожерелий, но на мужские ладанки и до настоящего времени нашиваются одна или несколько бус[36].

Бусы из перечисленных камней и почти всех указанных форм встречены в Греции, Египте, Индии, Поволжье, Пскове, в Крыму, на Кавказе, в Сибири, Таджикистане, Казахстане, Киргизии. Только в Туркмении найдены в различных местах бусы из хрусталя, сердолика, бирюзы, лазурита, гагата, датируемые серединой II тыс. до н. э.— XVII в. н. э. или, например, сердоликовые дипирамидальные бусы встречены на Кавказе, на памятниках IV—V вв., в Туркмении — V—VI и XVII вв., в Хорезме — III—IV вв., в Фергане — VII—VIII вв. и т. п.

Датировать подъемные бусы по аналогиям нельзя, особенно, если принять во внимание, что на груди современных женщин-туркменок можно увидеть даже античные геммы. Изделия из камня бытуют очень долго, они передаются по наследству, население часто, особенно после дождя, ходит собирать различные предметы по старым городищам. Так было, конечно, и в средние века и раньше. Однако дальнейшая тщательная систематизация бус позволит говорить более определенно о рамках бытования украшений.

Часть мервских бус, как указывалось, местного происхождения, безусловно привозными можно считать бусы из перламутра, коралла, изумруда и др. Но они могли привозиться и в виде сырья, доказательством чего может служить кусок необработанного коралла, и в виде готовых изделий. Мерв стоял на пересечении караванных путей, и торговля даже с отдаленными городами была интенсивной.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ (89 штук).

(формы стеклянных бус даны на рис. 2а)

По стратиграфическим данным могут быть хронологически уточнены следующие типы и формы бус.

Бусы II—III вв. н. э.

Гяур-кала, раскоп 6

Цилиндрические. Две бусины желтого цвета и две сильно ирризированы. Диаметр 3,5—5 мм, длина 4—5 мм. Одна бусина со сложным инкрустированным орнаментном в виде красно-желтых глазков с черными усиками на голубом фоне с белыми разводами, Д 8 мм, длина 12 мм. Фрагмент темно-синей бусины, Д 10 мм.

Бочонковидные. Темно-синяя, зеленая и две ирризированные, Д 5—9 мм, длина 5—7 мм.

Колечковидные. Две зеленые, три медово-желтого цвета, пять ирризированы, Д 3—14 мм, длина 2—10 мм; две бусины имеют поверхность, обработанную продольными бороздками, образующими гофры, Д 10 мм, длина 6 мм.

Биконическая бусина сильно ирризирована, Д 6 мм, длина 2,5 мм.

«Лимонка». Под этим термином в литературе известна бусина, по форме напоминающая два спаренных шара лимонно-желтого цвета, Д 4 мм, длина 7 мм, Д узкой части 2 мм, ширина перехвата 1 мм.

В форме упругого шара восемь бусин зеленого, синего, медово-желтого цвета, четыре ирризированы, Д 4—7 мм, длина 3,5—6 мм; одна бусина гофрирована продольными 9 бороздками, Д 15 мм, длина 12 мм.

Шаровидные. Одна прозрачная, бесцветная, одна синяя, бракованная с многочисленными пузырьками воздуха и вмятиной на боку; одна желтовато-зеленая, одна ирризирована, Д 5—20 мм.

Призматические шестигранные две бусины, одна зеленого цвета и другая прозрачная с зеленоватым оттенком, Д 8 мм, длина 9 мм.

В форме параллелепипеда со срезанными углами. Две зеленые, одна темно-синяя, Д 4, 6, 10 мм, длина 5, 7, 15 мм.

Каплевидные слегка уплощенные. Две бесцветные, прозрачные, с нанесенными голубыми пятнами на поверхности, в одной отверстие продольное, Д 7 мм, толщина 5 мм, длина 10 мм. Вторая бусина-подвеска, Д 15 мм, толщина 10 мм, длина 28 мм.

Гяур-кала, раскоп 9

Каплевидная бусина зеленого цвета, Д 5 мм, длина 4 мм.
Шаровидная бусина голубого цвета, Д 8 мм.
В форме куба со срезанными углами, сильно ирризирована, со стороной, равной 8 мм.

Бусина IV—VI вв.

Гяур-кала, раскоп 12

Эллипсоидной формы зеленого цета, Д 10 мм, длина 17 мм.

Бусина VI—VII вв н. э. с Мунон-депе

Бочонковидная светло-зеленого цвета с темно-зелеными продольными полосами, Д 7 мм, длина 7 мм.

Бусы XI—XII вв.

Гяур-кала, раскопы 7 и 10

Две одинаковые бусины в форме параллелепипеда со срезанными углами, в поперечном сечении — квадрат со стороной 5 мм, длина 7 мм.

Бусы XI—XIII вв.

Султан-кала, раскоп 1

Шаровидная синяя бусина, Д 6 мм.
Каплевидная голубая бусина-подвеска, Д 8 мм, высота 15 мм.

Бусы XI—XIII вв.

Султан-кала, рабад, раскоп 1

Оваллоидная сильно ирризированная, Д 10 мм, толщина 5 мм, длина 11 мм.

ПОДЪЕМНЫЕ БУСИНЫ С ГОРОДИЩА ГЯУР-КАЛА

Цилиндрическая бусина инкрустированная красными поперечными полосами на черном фоне, Д 6 мм, длина 10 мм.
Бочонковидные две бусины светло-зеленого и темно-синего цвета, Д 6 и 8 мм, длина 7 и 9 мм.
Колечковидные бусины белого, синего и три зеленого цвета, Д 3—7 мм, длина 1—4 мм.
Дисковидная бусина состоит из желтых и зеленых квадратиков, расположенных в шахматном порядке, Д 20 мм, длина 6 мм.
Шаровидные бусины. Три инкрустированы цветными нитями стекла, один фрагмент зеленоватой прозрачной бусины с выемками для глазков, три голубого, зеленого и черного цвета и одна бусина с мелкими глазками в белом обрамлении на синем фоне, имеет глиняное тело, лишь покрытая слоем стекла толщиной 1—2 мм. Диаметр бусин 4—30 мм.
Каплевидная бусина темно-синего цвета, Д 9 мм, длина 1,5 мм.

Пирамидальная подвеска-печать прозрачная, слегка зеленоватого цвета. Размеры основания 10×11 мм, высота 10 мм. На основании подвески изображены две противостоящие фигуры людей. Изображения испорчены сколотым углом.

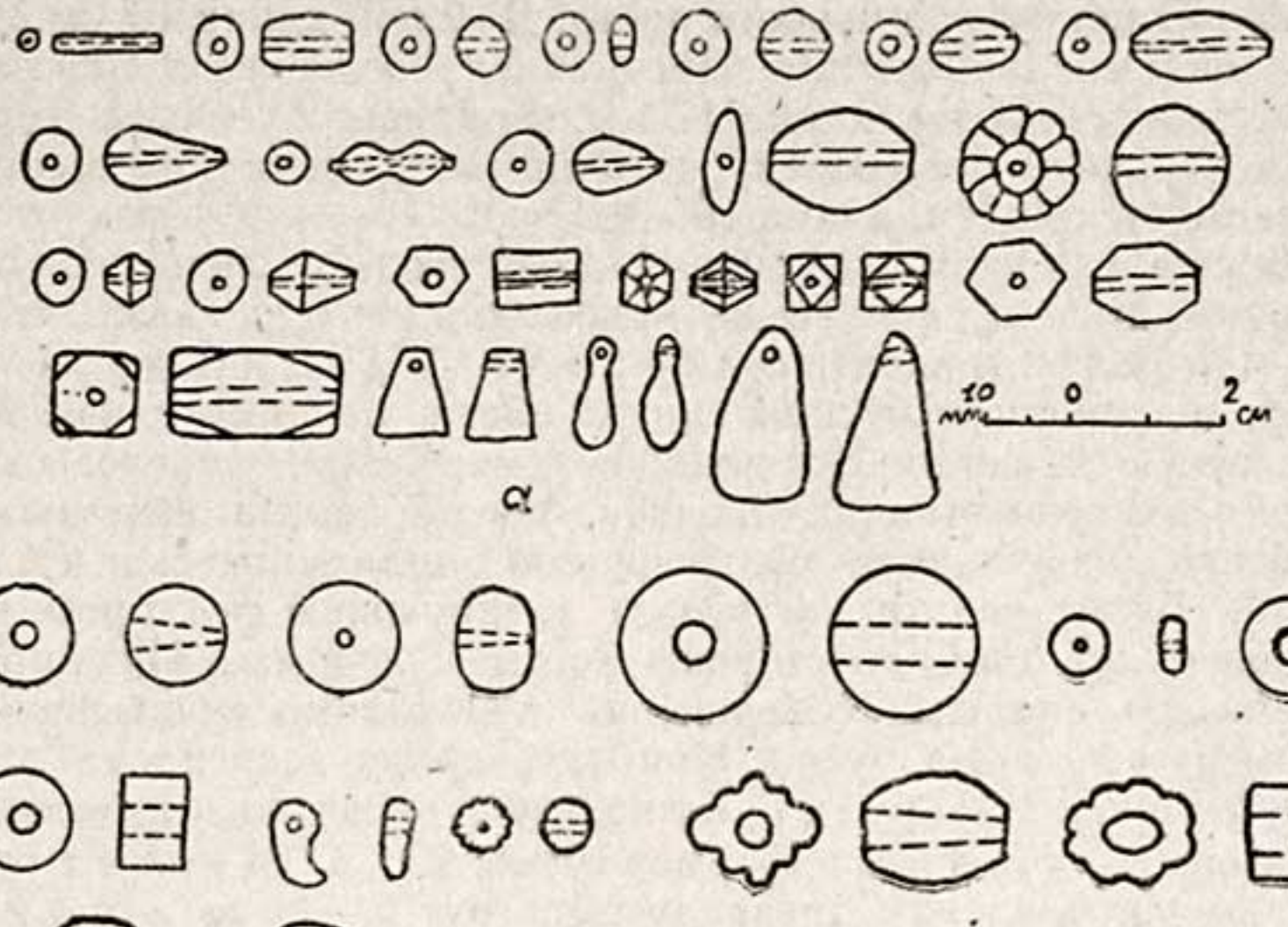


Рис. 2. *А.* Формы стеклянных бус; *Б.* Формы кашинных бус; *В.* Орнаментация края кашинных подвесок.

ПОДЪЕМНЫЕ БУСЫ С ГОРОДИЩА СУЛТАН-КАЛА

Цилиндрическая бусина, типа стекляруса, прозрачная, зеленого цвета, Д 2 мм, длина 15 мм.

Колечковидные три бусины. Две зеленого цвета, Д 6 мм, длина 3 мм. Одна инкрустирована по черному фону голубыми в белом обрамлении глазками, Д 10 мм, длина 8 мм.

Шаровидные восемь бусин. Зеленая, Д 5 мм, две гофрированные бороздками, бусины голубого и синего цвета, Д 7 мм. Остальные инкрустированы: одна переплетающимися белыми и зелеными полосами на черном фоне, Д 8 мм; вторая имеет желтые, красноватые и черные волнистые полосы, расположенные меридиально, Д 8 мм. Бусина, орнаментированная белой волнистой полоской на черном фоне, имеет Д 13 мм. Фрагмент бусины с красными зубчатыми полосками на белом фоне, Д 20 мм. Кроме перечисленных подъемных бусин с Султан-калы, имеется часть бусины с Шаим-калы с мелкими овальными голубыми глазками в белом обрамлении, Д 20 мм.

Дипирамидальная бусина с 14 гранями темно-синего цвета, Д 8 мм, длина 5 мм.

Две **эллипсоидные** бусины. Одна синего цвета, Д 12 мм, длина 17 мм; вторая с желтыми и зелеными продольными полосами, Д 8 мм, длина 15 мм.

Грушевидная бусина черного цвета, Д 9 мм, длина 10 мм.

Оваллоидные две бусины. Прозрачная зеленовато-синего цвета, Д 10 мм, толщина 3 мм, длина 17 мм. Фрагмент бусины с Хурмузфарры орнаментирован белыми зубчатыми полосками на черном фоне, Д 12 мм, толщина 6 мм, длина 10 мм.

Пока еще слишком мало материала, чтобы делать окончательные обобщающие выводы, но тем не менее бросается в глаза, что многие бусы II—III вв. почти идентичны бусам VI—VII вв. и даже XI—XIII вв., например, шаровидная бусина синего цвета, бочонковидная и другие.

Большое количество бус, подобных мервским, встречено на самых разновременных памятниках Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы, особенно шаровидной, кольцевидной, цилиндрической, многогранной формы. Бусы вряд ли могут быть датирующим фактором, если изучаться они будут лишь со стороны цвета и формы. При проведении сравнительного анализа совершенно необходимо учитывать состав и способы изготовления бусин. Наиболее полно исследовал вопрос изготовления стеклянных бус Н. Бекк[37]. Он насчитывает четыре типа: витые, рубленые, согнутые и формованные. Ю. Л. Щапова описывает два метода изготовления древнерусских бус[38]—витые и нарезные из стеклянной трубки, полученной при помощи стеклодувной трубки.

Стеклянные бусы с городищ Старого Мерва можно разделить по способу изготовления на семь основных групп с вариантами.

1. Каплю остывающего стекла протыкали медной палочкой; вариант этого метода — стеклянный жгут нарезался на части и протыкался. Таким образом получали колечковидные бусины.

2. Стеклянную нить обвивали вокруг медной проволоки или керамической трубочки. Так делали кольцевидные, шаровидные, биконические и грушевидные бусины, имеющие следы витков и небольшие бугорки оборванной нити. Если бусину вторично нагреть, она оплавится и следы витков исчезнут. Инкрустированные полосчатые и глазчатые бусины изготовлялись методом навивки. Вариантом этого метода является оригинальный способ покрытия неостывшей бусины тонковолокнистым гипсом. Поверхность такой бусины легко подвергалась обработке; при помощи заостренной палочки можно нанести любой рельефный орнамент, по прочности бусина превосходит гипсовую. Гофрированная бусина со стеклянной сердцевиной и гипсовой поверхностью обнаружена на Гяур-кале в раскопе 6 (II—III вв.).

3. Полоску стекла обертывали вокруг проволоки и вытягивали в трубочку, затем нарезали. Так делали стеклярус и мелкие колечковидные бусы — бисер. Могли нарезать и приготовленную стеклодувом полую трубочку, получая цилиндрические и колечковидные бусины.

4. Полоску стекла обвивали вокруг проволоки и сразу же нарезали. Ясно видимый шов на боку бочонковидной бусины II—III вв. с раскопа 6 говорит в пользу этого метода.

5. Бусы, изготовленные в формах. Форма состоит из двух половинок с заключенным в них стержнем для отверстия. Формованные бусы часто имеют по бокам швы — следы сдвига форм, особенно хорошо заметные на синей дипирамидальной и на синей гофрированной бусинах, поднятых на Султан-кале. На голубой каплевидной бусине XI—XIII вв. с Султан-калы раскопа 1 следы от формы едва заметны, по-видимому, бусина подвергалась дополнительной обработке, подчистке, шлифовке.

6. Огранка бусин на шлифовальном станке в холодном состоянии.

Призматическая бусина из чуть зеленоватого прозрачного стекла, найденная на Гяур-кале, раскопа 6, имеет острые ребра и углы, явно шлифованные грани. Огранка производилась с целью лучшего подражания каменным изделиям, в данном случае горному хрусталю.

7. Кусочку размягченного стекла при помощи несложного инструмента, типа лопаточки, могли придать желаемую форму. Часть многогранных бусин изготавливалась таким способом. Бусины имеют оплывшие, нечеткие, неправильные грани. Две каплевидные бусины с синими пятнами на поверхности с раскопа 6 Гяур-калы имеют уплощения — следы соприкосновения с поверхностью стола. При таком способе бусины часто получаются деформированными. Обрабатывали их, по-видимому, на оси. Гофрированные стеклянные бусы, как правило, изготавливались в формах, но одна бусина голубого цвета с Султан-калы имеет бороздки не одинаковой глубины и длины, расположенные на разных расстояниях друг от друга, и две бороздки даже не параллельно отверстию. Создается впечатление, что бороздки сделаны от руки острым инструментом, для удобста бусина обрабатывалась в пластическом состоянии на оси.

Инкрустированные бусы двух типов — глазчатые и полосчатые. Техника изготовления их была известна с древнейших времен[39]. Производство глазчатых бус описаны А. С. Бобровой[40]. Мягкая тягучая масса навивалась на керамическую или медную палочку. Затем вдавлением в теле бусины делали выемки, в которые втирался раствор белой гипсообразной массы и вставлялись глазки. На территории Гяур-калы поднят фрагмент шаровидной зеленоватой бусины с выемками для глазков. Бусина была явно бракованной, что свидетельствует о ее местном происхождении, сильно деформирована, с выемками разной глубины, ее, возможно, разбили, чтобы пустить в переплавку, и часть ее затерялась. Инкрустированные полосчатые бусы изготавливались путем вдавления в мягкое тело бусины стеклянных цветных нитей в определенной последовательности и необходимых сочетаниях. Чтобы придать цветной нити зигзагообразное расположение, ее особым инструментом в виде гребня оттягивали вверх и вниз[41]. Последняя операция состояла в окончательной отделке, то есть подчистке и оплавке бусины. Дискообразная бусина с клеточным желто-зеленым орнаментом, найденная на Гяур-кале, сделана следующим образом: пучок стеклянных палочек зеленого и желтого цвета, собранных в шахматном порядке, нагревали до пластического состояния и нарезали на нужные отрезки. Существовал еще один способ изготовления инкрустированных бус. На поверхности стола раскатывали полосу стеклянной массы, в ней делали сквозные отверстия для глазков. Глазки могли втирать упомянутым способом в раствор гипсообразной массы, и могли вставлять непосредственно в отверстия. Поднятый на Гяур-кале кусочек зеленого стекла имеет глазки желтого цвета с коричневыми ободками. Подобные глазки делали следующим образом. Стеклянную палочку одного цвета, в данном случае желтого, обмакивали в жидкое стекло другого, коричневатого цвета, при остывании нарезали на отрезки и затем вставляли в заготовленные отверстия, для прочности оплавляли. Этот кусочек стекла мог являться промежуточным полуфабрикатом для изготовления сосудов и, может быть, бус. На Гяур-кале поднята глазчатая шаровидная бусина на глиняной основе. Глазки мелкие, у полюсов овальные, вытянутые в продольном направлении, затем постепенно становятся крутыми и в середине опять овальные, но вытянутые в поперечном направлении. По-видимому, заранее приготовленным листиком инкрустированного стекла обертывали глиняную бусину. При натягивании мягкого стекла, форма глазков изменялась в зависимости от силы и места растяжения листика.

Цилиндрическая бусина с Гяур-калы, инкрустированная по черному

Результаты спектрального

Местонахождение, цвет и форма бусин	Si	Al	Ca	Na	K	Fe	Mg	P	Ba	Sr	B	Mn	V
МГК Р-6. Прозрачная, зеленоватая, призматическая	5	5	5	5	5	4	5	—	2	2	—	2	1
МГК Р-6. Синяя, бракованная, шаровидная	5	5	5	5	5	5	5	—	2	2	—	2	1
МГК Р-6. Темно-синяя, шаровидная	5	5	5	5	5	5	5	—	2	2	—	2	1
МГК Р-6. Желтовато-зеленая, шаровидная	5	5	5	5	5	4—5	5	—	2	2	—	>1%	1
МГК Р-6. Инкрустированная, цилиндрическая	5	5	5	5	5	5	5	—	2	2	—	2—3	1
МГК Р-9. Голубая, шаровидная	5	5	5	5	4	5	5	—	2	2	—	2—3	1
МГК П. Инкрустированная, шаровидная	5	5	5	5	4—5	4—5	5	—	2	2	—	3	1—2
МГК П. Желтого и зеленого цвета, дисковидная	5	5	5	5	5	4—5	5	—	2	2	—	2	1
МСК П. Зеленовато-синяя, оваллоидная	5	5	5	5	—	5	5	—	2	2	—	3	1
МСК П. Синяя, шаровидная	5	5	5	5	—	4	5	—	2	2	—	2—3	1
МГК Р-6. Медово-желтая, шаровидная	5	4—5	3—4	4	3	4	5	—	1	2	—	2	1
МГК Р-7. Синяя, параллелепипедная	5	4	4—5	5	—	4—5	5	—	2	2	—	4	1
МГК П. Зеленая, шаровидная, бракованная	5	5	5	5	5	4	5	—	2	2	—	2	1
МСК П. Зеленая и желтая, эллипсоидная	5	5	5	5	5	4—5	5	—	2	2	—	3	1
МШК. Глазчатая, шаровидная	5	5	5	5	5	5	5	—	2—3	2	—	>1%	1
МСК П. Белая, зеленая, черная, шаровидная	5	5	5	5	5	5	5	—	2—3	2	—	4	1
Хурмузфарра. Белая, черная, оваллоидная	5	5	5	5	5	5	5	3	2	2	—	3	1
МСК П. Черная, грушевидная	5	5	5	5	5	4	5	—	2	2	—	3—4	1
МСК Р-1. Голубая каплевидная	5	5	5	5	5	4	5	4	1	2	—	2	—
Современное стекло													
Темно-синяя, бочонковидная	5	5	5	5	5	4	4	5	3	2	4	3	1
Красная, кольцевидная	5	5	4	5	—	4	3	—	3	—	5	2	1
Голубая, шаровидная	5	5	4—5	5	—	4	4	—	3	—	5	3	1
Желтая, кольцевидная	5	4	4—5	5	—	4	4	—	2	2	5	2	1
Белая, коническая	5	5	5	5	4	4	4	—	2	2	—	3—4	1

фону красными поперечными линиями, имеет характерную особенность — шов на боку. Красные полосы инкрустации не совпадают в месте соединения. Ясно, эту бусину делали путем обертывания вокруг проволоки уже инкрустированной полоски стекла.

Прозрачные бесцветные стекла встречаются довольно редко из-за трудности получения чистого стекла. Современное стеклоделие знает четыре стадии варки стекла[42]. Древние мастера при существовавшей технике невысоких температур могли получать лишь вязкую стеклянную массу с включениями пузырьков воздуха и различных примесей, вне-

Таблица 2

анализа стекла бус

Ti	Cr	Ag	Cu	Pb	Zn	As	Bi	Ni	Co	Sb	Mo	W	Sn	Ta	Nb	It	Ib	Ir	Ga
3	1	—	1	1	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2	1
3	2	Сл.	3	5	—	—	—	2	3—4	—	Сл.	—	5	—	—	—	—	1	1
3	2	1	5	5	5	—	—	1	1	—	—	—	4	—	—	—	—	2	1
3	2	—	1	2	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1
3	2	1—2	4	4	2	—	—	2	3	—	—	—	5	—	—	—	—	1	1
3	1	—	5	1	3	—	—	2	3	—	Сл.	—	1	—	—	—	—	1	Сл.
3	2	1	3	—	—	—	—	1—2	2—3	—	—	—	4	1—2	2	1—2	Сл.	—	1
3	1	2	4	—	—	—	—	1—2	1	—	—	—	5	—	2	—	—	1	1
3	1	2	5	—	2	2—3	—	2	2	3	—	—	>1%	—	—	—	—	1	1
3	1	2	5	—	—	—	—	1	—	2	Сл.	2	>1%	—	—	—	—	1	Сл.
3	2	—	5	3—4	—	—	—	1	—	—	—	—	3—4	—	—	—	—	1	1
3	2	—	2—3	1	2	—	—	1	3	—	—	—	Сл.	—	—	—	—	1	Сл.
3	1	—	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
3	2	2	5	5	—	—	1	2	2	2	—	—	>1%	—	—	—	—	2	1
3	1	Сл.	2	4	—	—	—	2	1	—	—	—	>1%	—	—	—	—	2	1
3	1	1	5	4	—	—	—	1	1	—	—	—	>1%	—	—	—	—	1–2	1
3	1	1	2	4	2	—	—	1	1	—	—	—	>1%	—	—	—	-	1	
3	1	Сл.	1—2	2–3	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1
2	1	1	5	3	2	—	—	1	—	2	—	—	1	—	—	—	—	1	—
3	2	Сл.	5	4	3	3	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	2	1
3	—	—	2	3	5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
3	2	—	3	4–5	3	3	—	1	>1%	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1
3	—	—	2	3	5	3	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1
3	—	—	2	3	3	3	—	1	—	4	—	—	—	—	—	—	—	2	1

сенных сырьем, поэтому цветные стекла были намного привлекательнее. Стекло воспринималось как суррогат цветного камня, и цветные стеклянные изделия стремились подражать каменным.

Бусины из темно-синего стекла напоминают бусы из лазурита. Медово-желтые бусы имитируют янтарь, голубые — бирюзу. Зеленые, может быть, подражают изумруду, белые — мраморовидному ониксу, черные — гагату. Бесцветные прозрачные бусины, по-видимому, сделаны в подражание горному хрусталю. Инкрустированные бусы преследовали ту же цель. Например, поднятая на Гяур-кале крупная шаровидная бу-

сина очень искусно имитирует малахит. Наряду с явлением подражания стекла камню, наблюдается интересный факт варки стекла из битого хрусталя. Возможно, отходы от производства хрустальных изделий или куски хрусталя невысокого качества не выбрасывали, а переплавляли. Плиний Старший сообщает, что в Индии стекло изготавливалось из битого хрусталя «и по этой причине никакое стекло с ним не сравнится»[43]. В коллекции имеются две бусины каплевидной неправильной формы II—III вв. н. э. с раскопа 6 Гяур-калы, сделанные из такого «хрустального» стекла. На неостывшую бусину наносили капли жидкого синего стекла, которые расплывшись, радуют взор бесчисленными оттенками — от синего до светло-голубого тонов, делая удивительно привлекательной даже явно деформированную бусину.

В настоящее время среднеазиатские мастера-кустари продолжают изготавливать бусы в древней технике-навивки. Довольно часто встречаются бусы, определяемые термином «согнутые», когда полоску стекла обертывают вокруг проволоки и на боку оставляют шов. Разноцветные бусы, сделанные этими способами, носят обычно как ожерелья. Интересными являются бусы, сделанные способом навивки, с белыми выпуклыми глазками на черном фоне. Глазки представляют собой капли застывшего стекла, прикрепленные в пластическом состоянии непосредственно к телу бусины без всякой предварительной обработки. Такими бусинами обшивают детские тюбетейки, по одной бусине на каждом углу и иногда по одной или нескольку в центре. Подобных бус, носимых в качестве ожерелья, автору не приходилось видеть ни в городах, ни в кишлаках. Все это приводит к мысли, что глазчатые бусы служат, по-видимому, оберегом. Может быть, чудодейственная сила приписывалась глазчатым бусам с древности.

Состав стекла бус исследовался при помощи спектрального и рентгенометрического анализов. Пользуясь случаем, приношу огромную благодарность за ценные советы и замечания доктору геологических наук А. А. Малахову. Спектральные анализы сделаны в лаборатории Института геологии Академии наук УзССР. Проба в виде мелкоизмельченного порошка сжигалась между двумя угольными электродами на спектрографе ИСП-22. Расшифровка инженера М. Я. Камцон при помощи атласа С. К. Калинина[44]. Для обозначения концентрации элемента предложена следующая шкала. Доза менее 0,001% обозначается как след. «Сл.»; ~ 0,001% — 1; 0,005—0,01% — 1—2; ~ 0,01%—2; 0,05—0,1% — 2—3; ~ 0,1%—3; 0,5—1%—3—4; ~ 1%—4; >3%—5 (см. таблицу 2).

Стеклянные бусы по основным показателям разбиваются на три большие группы. В I группу входят магнезиально-калиевые бусы II—III, IV вв. с раскопов 9 и 6 Гяур-калы. II группу составляют стекла магнезиально-натриевые. Эти стекла чище, лучшего качества, железа содержат меньше. К этой группе относятся бусы подъемные с городищ Гяур-кала и Султан-кала и бусы XI—XII вв. раскопов 6 и 7 Гяур-калы. III группа очень близка по составу к I группе, тип тот же, магнезиально-калиевый. Это подъемные бусы XI—XIII вв. (Султан-кала, раскоп 1) и подъемные с городищ Хурмузфарра и Шаим-кала (см. табл. 3).

По-видимому, стекла I и III групп сделаны из местного сырья. Об этом свидетельствуют бракованные бусины, относящиеся по составу к магнезиально-калиевому типу, что соответствует определению М. А. Безбородовым среднеазиатского стекла, как магнезиально-калиевого[45], Песок плохо промытый. В нем, исходя из данных полного спектрального анализа и состава породообразующих минералов песков, кроме кварца, можно предположить наличие калиевых полевых шпатов, плагиоклазов и даже минералов тяжелых фракций (рутил, минетил и др.). Второстепенные показатели I и III групп, как явствует из таблиц,

Таблица 3

Три типа состава стекла древних бус и состав стекла бус современного кустарного производства

Типы	Si	Al	Ca	Na	K	Fe	Mg	Ba	Sr	Mn	V	Ti	Cr	Ag	Zn	As	Ni	Sb	Mo	Sn	Ir	Ga
I	5	5	5	5	5	5	5	2	2	2	1	3	2	1	—	—	1–2	—	Сл.	—	1–2	1
II	5	5	5	5	—	4–5	5	2	2	2–3	1	1	1–2	1–2	—	—	1–2	2	.	—	1	Сл.
III	5	5	5	5	5	4–5	5	2	2	—	1	3	1	1	–	—	—	—	—	1%	1–2	1
IV	5	5	4–5	5	3–4	4	4	2–3	2	2–3	1	3	Сл.	B 5	3–5	3	Сл.	—	—	1–2	1–2	1

Примечание: IV тип — современное кустарное стекло.

указывают, что пески брались из разных месторождений. Возможно, до арабов в Мерве было хорошо налаженное стекольное производство. Арабское завоевание на некоторое время нанесло удар по всем видам ремесла. После того, как жизнь нормализовалась, песок — необходимое сырье для стеклоделия — стали брать с какого-то другого места.

Красителями являлись минеральные краски. В этом качестве выступают окись меди, марганец, соединения железа, свинец, но, по-видимому, не чистый, а церрусит $PbCO_3$. Месторождения их известны и в самых близких к Мерву горах Султан-Уиз-Дага. Синий цвет в относительно недорогих стеклянных бусах для широкого употребления получали путем окрашивания окисью меди. Бусы с более дорогим красителем кобальтом, привозимым из Бадахшана, были рассчитаны, вероятно, на более взыскательного покупателя. Применяя медь и ее соединения, получали стекла от светло-голубого до темно-синего цветов, а также зеленые различных оттенков. Соединением железа окрашивали в желтые и коричневые цвета. Черное стекло получали при помощи соединения железа, меди и марганца. Древние способы получения цветных стекол описаны в статье Е. А. Давидович[46]. Бусы, относящиеся ко II группе, могут быть привозными, они лучшего качества и обработки. К этой группе относится бусина, имитирующая малахит, месторождения которого известны в Средней Азии, но, по-видимому, интенсивно не разрабатывались. По крайней мере, изделий из малахита археологами еще не встречено. Бусина, имитирующая неизвестный или очень малоизвестный в Средней Азии минерал, привозная. Это подтверждается и тем, что бусина включает редкоземельную группу элементов: итрий, итербий, необий, тантал. Эти элементы, иногда встречаемые в песках в виде россыпей, в Южной Туркмении до сих пор не обнаружены. Бусы привозились из разных мест. Говорить, откуда они привозились, можно будет лишь после изучения состава бусин и месторождений сырья по областям.

Для сравнения были сделаны анализы бус современного кустарного производства (IV группа). Стекла натриевые. В них мало кальция, калия, железа по сравнению с древними, но в значительном проценте присутствует бор. Мастера пользуются случайным стеклянным ломом.

Рентгенометрические анализы произведены в лаборатории Среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья. Аппарат УРС-55а. Условие съемки — излучения железа, напряжение на трубке 40 киловатт, сила тока 17 миллиампер, экспозиция 1—3 часа, диаметр чехла 0,5 мм, диаметр камеры 57,3 мм. Расшифровка инженера З. Дехты по интенсивности линии, определенной по возрастающей десятибалльной шкале и по межплоскостным расстояниям, рассчитанным по формуле Вульфа-Брэка с использованием каталога М. Михеева[47].

Рентгенометрическое исследование стекол II—XIII вв. (табл. 4) установило в стеклах XIII в. отсутствие всяких линий, то есть стекло аморфное. В стеклах, начиная с XI до II вв. обнаружены слабые линии α-кварца (тригональная сингония), которые, возможно, в стекле связаны с наличием механических вкраплений кварца, загрязненного песка.

Одновременно наблюдается с XI до II вв. сначала появление, потом усиление интенсивности линий α-кристобалита $\frac{d}{n}$ α 2,834 и 2,481 и в стеклах II—III вв. наблюдается большое количество линий α-кристобалита значительной интенсивности. Следует отметить факт, который можно считать предположительным, что стекло в условиях пустынных областей Средней Азии рентгенометрически не перекристаллизовывалось в течение семи веков, в то время, как в областях с иными климатическими условиями перекристаллизация возможна. Несмотря на то, что пока сделано мало анализов, они показывают определенную закономерность.

При внимательном рассмотрении разновременных стеклянных бус с городищ Старого Мерва не было замечено разницы в способах изготовления бусин. Преемственность техники производства стеклянных бус прослежена до настоящего времени. Изучение состава стекол показало, что основная масса бус, по-видимому, местного производства и сырье брали из двух месторождений. Рентгенометрическое исследование части хорошо датированных бус дает определенную закономерность раскристаллизации стекла по времени и возможность в будущем по степени раскристаллизации датировать подъемные стекла и может быть даже уточнять датировки археологических объектов по стеклянным изделиям.

КАШИННЫЕ БУСЫ И ПОДВЕСКИ

По украшениям из кашина нет ни одной специальной работы. Даже упоминания о найденных кашинных бусах встречаются очень редко и без детального описания. Между тем, кашинные изделия не являются редкостью при археологических раскопках.

Кашин — «местный фаянс». А. И. Поп связывает этот термин с городом Кашан — центром керамического производства на Востоке и приводит утверждения Якута — автора XIII в., что прекрасный фаянс, производимый в Кашане, называется «каши»[48].

В состав кашина входят те же компоненты, что и в современный фаянс, но в различных дозировках. Считается, что фаянс идет под прозрачные глазури. Черепок фаянса имеет пористость 14—15%. Черепок кашина в большинстве случаев легко царапается ногтем, размеры частиц крупнее, чем у фаянса, пористость достигает 45%.

Таким образом, среднеазиатский термин «кашин» в общепризнанной терминологии в мировом масштабе можно отнести к фаянсу, но, исходя из различий в структуре, дозировке, мы оставляем термин «кашин» для обозначения среднеазиатской разновидности фаянса.

Рис. 3. Бусы и подвески из кашина.

Бусы и подвески из кашина, покрытые голубой глазурью, с городища Султан-кала Старого Мерва насчитывают 54 экземпляра, из них 39 бусин и 15 подвесок (формы кашинных бус см. рис. 2, б и рис. 3).

Результаты рентгенометрического анализа стекла бус II—XIII вв. н. э.

α-кристобалит SiO_2		II в. н. э. МГК р. 9		V—VI вв. н. э. МГК р. 6						IX—XI вв. н. э. МГК р. 7				Кварц SiO_2 механические примеси	
I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α	I	d/n α
								р. п.	5,2						
												2 р	4,65	2	4,69
								р. п.	4,6						
				1 р	4,3	1	4,2			3	4,30				
				1 р	4,15									5	4,24
												3	4,09		
10	4,03			1	3,75	1	3,75			2 р	3,81	2	3,72	5	3,68
				1	3,34					5	3,38	3	3,31	10	3,34
6	3,13	5	3,20												
				1	3,12					5	3,10				
												сл.	3,03		
7	2,834	10	2,82	1	2,82	2	2,83	2	2,82	2 р	2,82	1 р	2,81		
														2	2,70
				1 ш	2,61	2 ш	2,60	2	2,59					2	2,51
8	2,481														
4	2,461					1 ш	2,47			2 р	2,49	1 р	2,49		
														5	2,45
										1	2,30			2	2,34
														5	2,280
														4	2,231
														1	2,176
														5	2,123
5	2,112									1 р	2,10				
5	2,015	10	2,00	1 р	2,05			сл.	2,01						
														4	2,000
														4	1,975
6	1,924														
6	1,867													1	1,839
2	1,754													0	1,812
4	1,726														
						1 р	1,69							3	1,696
6	1,687														
												сл	1,66	5	1,668
														2	1,656
2	1,630	4	1,631												
6	1,608														
4	1,597														
4	1,567													9	1,539
6	1,530														
				3 р	1,52	5 р	1,52	4	1,523	2 р	1,524	2	1,522	2	1,521
														3	1,512
6	1,4916														
5	1,4284														
4	1,4168	1 р	1,402												
														4	1,416
4	1,3951													8	1,380
												сл	1,37	9	1,372
5	1,3627														
														1	1,352
2	1,3494														
2	1,3431														
5	1,3305														
						1 р	1,31							1	1,320
														1	1,304
5	1,2963													1	1,299
														6	1,2852
5	1,2784														
		8	1,256											1	1,2698
														7	1,2535
2	1,2304														
														5	1,2260
4	1,2209														
2	1,2034														
														8	1,1978
														1	1,1910
														8	1,1822
4	1,1812														
														7	1,1779
4	1,1725														
2	1,1610														
2	1,1529														
														7	1,1512
		7	1,148												
														2	1,1399
														1	1,1177
														1	1,1130
4	1,1076														
5	1,0954														
5	1,0935														
														1	1,0892
1	1,0852														
														8	1,0798
2	1,0760	1	1,075												
1	1,0664													2	1,0622
														1	1,0570
														6	1,0462
														5	1,0420
														7	1,0330
														7	1,0132
														2	1,0084
														2	0,9999
														7	0,9876
		1	0,959												
		2	0,939												
		2	0,916												
		1	0,8914												

Примечание. Стекло XI—XIII вв. (Султан-кала, раскоп 1) — аморфное, т. е. ощутимая перекристаллизация отсутствует.

Бусы

1. Правильной шаровидной формы — 2 шт. Д 12 мм, отверстия конические, Д 1—3 мм.

2. В форме упругого (сжатого) шара—3 шт. Д 11—13 мм, длина 9—10 мм. Отверстия конические, Д 1—2 мм.

3. Неправильной формы, приближающейся к шару — 16 шт. Д 10—20 мм, отверстия цилиндрические, Д 5—5 мм.

4. Колечковидные — 2 шт. Д 1—1,5 мм.

5. В форме усеченного конуса — 5 шт. Д широкой части 11—12 мм, Д узкой части 8—10 мм, отверстия конические, Д 3,5—4 мм, причем, больший диаметр отверстия на вершине конуса, то есть в наиболее узкой части бусины.

6. Цилиндрической формы — 1 шт. Д 11 мм, длина 8 мм; отверстие цилиндрическое, Д 4 мм.

7. Бусины, по форме напоминающие коготь или клык,— 2 шт. Размеры верхней части с отверстием — 6 мм, толщина 4 мм, высота 10 мм, отверстие коническое, Д 1,5—2 мм.

8. Гофрированные бусины — 8 шт.

а) шаровидная бусина орнаментированная 11 глубокими продольными бороздками, Д 7 мм, отверстие цилиндрическое, Д 2,5 мм;

б) 2 шаровидные бусины со слабо выраженными тонкими 20 продольными линиями, Д 20 мм, отверстия цилиндрические, Д 4 мм;

в) бусина оваллоидной формы, орнаментирована бороздками, образующими 6 мелких и между ними 2 крупные гофры; размеры поперечного сечения 15×17 мм, длина 13 мм, отверстие коническое, Д 5—6 мм;

г) смятой цилиндрической формы с 8 продольными бороздками. Размеры поперечного сечения 13×16 мм, длина 14 мм, отверстие цилиндрическое, овальное, размеры 5×8 мм;

д) в форме усеченного конуса, орнаментированная 6 глубокими продольными бороздками. Основание конуса бусины гладкое, Д широкой части — 22 мм, Д узкой части 10 мм, длина 20 мм; отверстие цилиндрическое, Д 5 мм;

е) эллипсоидной формы с 6 резко выраженными продольными бороздками. Д средней части 13 мм, длина 10 мм, отверстие цилиндрическое, Д 2 мм;

ж) 2 бусины неопределенной формы с плохо сохранившимися сжатыми продольными гофрами, Д 8—12 мм, длина 8—12 мм; отверстия конические, Д 3—5 и 3—4 мм.

ПОДВЕСКИ

1. Дисковидной формы — 3 шт. Размеры 1,5—5,5 мм; толщина 4—8 мм.

2. Овальной формы — 3 шт. Приблизительные размеры: высота до 10 см, ширина до 6 см, толщина 7—8 мм. Остальные подвески очень фрагментарны и не позволяют судить об их размерах. По этой же причине не представляется возможным дать подробное описание. Декоративные мотивы представлены стилизованно-растительным орнаментом в виде четырехлепестковой розетки и геометрическим в виде вдавленных кружков-проколов, волнистых пересекающихся линий и пр. По характеру обработки края подвески, можно выделить три типа: 1—фестончатые, украшенные на выступах вдавленными горошинами, 2—зубчатые, образованные поперечными бороздками; 3 — ровный край, отделанный по лицевой линии стилизованными перлами (орнаментацию края подвесок см. рис. 2, *в* и рис. 3).

По данным кандидата технических наук Н. С. Гражданкиной, кашин мервских изделий аналогичен кашинной керамике Сурхан-Дарьинской области и Хорезма. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Н. С. Гражданкиной за ценные советы и замечания.

По своему химическому составу наш кашин также близок к древнеегипетским фаянсам[49].

SiO_2	R_2O_3	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	Потери при прокаливании	K_2O+Na_2O
92,84	2,70	2,10	0,60	1,51	1,28	1,61

Глинистой связки очень мало. Глина составляет около 5%, кальций около 1,5%, внесен отчасти глиной или небольшой дозой извести, введенной, по-видимому, для осветления черепка и для придания прочности необожженному изделию. Щелочи не являются составной частью кашина, они привнесены глазурью. Основной компонент—чистый кварцевый песок. Перемешивание некачественное, о чем свидетельствует много пустот. Часть пустот заполнена глазурью в смеси с кашином. Следует отметить мощный промежуточный слой, составляющий 2 от слоя чистой глазури. Глубокое проникновение глазури в черепок происходит благодаря пористости массы. Размер частиц приблизительно до 0,3 мм. Спектральные анализы кашина и глазури качественного порядка определили наличие мелких примесей, внесенных сырьем: Zr, V, Ti, Ag, Ni и др. Глазурь щелочная — красителем является окись меди.

Вопрос об изготовлении фаянсовых бус рассматривался А. Лукасом[50]. Многие методы изготовления древнеегипетских бус являются приемлемыми и для бус Мерва.

По способу изготовления бусы делятся на 2 большие группы: бусы формованные и бусы, сделанные ручным способом. Способ изготовления бус второй группы исследовался автором опытным путем. Наиболее простой метод — скатанный шарик кашинного теста протыкался заостренной палочкой. В этом случае на бусине иногда остается своеобразный рисунок следов, какие обычно остаются при скатывании, например, кусочка воска. Таким же образом получались бусы в форме упругого шара. Скатанный шарик слегка прижимался к поверхности стола, на котором делали бусы, и затем протыкали. Бусы в форме усеченного конуса также делались от руки. Пальцами легко кусочку теста придать форму конуса, затем заостренной палочкой протыкали его от вершины конуса к основанию, поэтому диаметр отверстия у вершины конуса больше, чем у основания. Бусы, по форме напоминающие коготь или клык, делались следующим образом. Из кусочка кашинной массы приготовляли небольшой вытянутый конус, его протыкали сбоку в широкой части у основания, а вершину слегка загибали.

Цилиндрические, колечковидные и бусы, по форме приближающиеся к шару, делались на оси. На ось наносили слой формовочной массы, прокатывали на столе и ножом делили на нужные отрезки. Полученным колечкам или цилиндрикам легко придать при желании округлую форму. Осью служили, возможно, стебли камыша или чия. Гофрированные бусы иногда несут сбоку следы сдвига форм. Крупные бусы шаровидной, эллипсоидной формы и бусы в виде усеченного конуса с правильными гофрами сделаны в формах, которые могут быть двух типов: с готовым стержнем для отверстия и формы с двумя отверстиями без стержня, в этом случае отверстие получали путем протыкания бус в форме через специально приготовленные отверстия. Часть гофрированных бус делалась методом ручной лепки. Гофры получали двумя способами. На теле бусины вырезалась острым ножом контргофрировка. Получались

глубокие бороздки с резким краем гофр. Второй способ проще, бороздки не вырезались, а надрезались или процарапывались, при этом контргофрировка часто сглажена глазурью.

Все подвески, вероятно, сделаны при помощи штампа — калыпа, подобного калыпам для статуэток, часто встречаемым в Мерве. Ввиду хрупкости высушенного материала, можно предположить, что производился двойной обжиг — утильный и политый. Покрытие происходило путем погружения изделия в шликер. Стенки отверстия большинства бус покрыты глазурью. Часть бус имеет чистые, без подтеков поливы отверстия, значит их глазуровали и обжигали на оси, на которой и формовали. При обжиге ось (камыш или чий) выгорала. Но так как основная масса бус имеет глазурованные стенки отверстия, то можно полагать, что их погружали в раствор нанизанными на тонкую нитку или проволоку, диаметром меньше отверстия. Это относится к бусам, отверстия которых протыкались палочкой. Обжигались изделия два раза. Первый обжиг при температуре 1100—1200°, второй — при более низкой температуре, соответствующей плавкости глазури.

Как уже было отмечено, описания кашинных украшений в литературе встречаются очень редко. Подвески и бусы, возможно, подобные нашим гофрированным, встречены в Хорезме на городище Шах-Сенем[51]. Шаровидные бусы и фрагменты подвесок с зубчатым краем обнаружены в Фергане на Шунгак-тепе в раскопках археологов: кандидата исторических наук В. А. Левиной и Д. П. Вархотовой. Бусы неправильной шаровидной формы найдены в Ташкенте на Минг-Урюке, по свидетельству археолога Ю. Ф. Бурякова. Изделия, подобные мервским, имеются на городище Шехр-Ислам в Туркмении[52] и на Афрасиабе (хранятся в Институте истории и археологии АН УзССР). Украшения в виде клыка известны в Таджикистане в замке Калои-Бало[53]. В Музее истории УзССР хранится коллекция бус, сбора Кастанье 1913 г.[54] почти всех описанных форм.

Бусы и подвески Мерва являются хорошо датированными общим комплексом находок XII в. на объектах: Султан-кала, шурф 1, раскоп 1; Султан-кала, рабад: раскоп 1, отвал; Султан-кала, северный обвод — раскоп 3, печь 2. Бусы обжигались вместе с керамикой, одна бусина встречена на поде печи. Ремесленник, производивший посуду, делал и украшения, рассчитанные на широкое потребление. Даже крупнейшая мервская керамическая мастерская в какой-то степени занималась их изготовлением[55]. Все кашинные украшения покрыты голубой поливой. Голубой цвет был издавна любимым на Востоке.

Из камней самоцветов наибольшей популярностью пользовалась бирюза, которая, по верованию населения, обладала рядом чудесных свойств[56]. Стеклянные бусы, которые делали в подражение каменным, часто окрашивались в голубой цвет. В архитектуре голубой цвет также был широко распространен, ассоциировавшийся с цветом неба. Постепенно ставший традиционным, «счастливый» голубой цвет перешел и на кашинные украшения, к тому же голубая глазурь была наиболее употребительна и могла использоваться попутно.

Бусы, нанизанные на нитку, в различных сочетаниях гладких и гофрированных, могли применяться непосредственно как ожерелья, носимые на шее. Мелкие бусы могли нашиваться на головной убор, на платье. Крупные бусы использовались и как четки, и как украшения для животных. Массивные дисковидные и овалоидные подвески перекликаются с крупными металлическими брошами, которыми закалывают ворот платья. Они являются любимым украшением туркменских женщин. Круглые, диаметром около 10 см, металлические броши по краю орнаментированы вставными стеклышками — перлами. Кашинные подвески

нанизывались на нитку вместе с бусами таким образом, что подвеска находилась в середине ожерелья.

Многие изделия грубоваты, не все сделаны качественно, имеются даже явно бракованные, они были рассчитаны на широкое потребление, были относительно недороги и пользовались большим спросом у населения.

Кашинные украшения, как и вообще кашин, ранее XI—XII вв. не встречаются. Но, несмотря на то, что кашинные изделия продолжают бытовать и в XIV—XV вв., случаи обнаружения бус и подвесок из кашина позднее XII — начала XIII вв. пока не известны.

Рассмотренный комплекс мервских бус предполагает местное производство части каменных и стеклянных и, безусловно, местное производство кашинных изделий.

Формы бусин не подчинялись законам времени, переживают века. Возможно, в разные эпохи существовала мода на бусы различного цвета, формы, размеров и на определенные сочетания бус различных окрасок, форм, размеров. Это можно будет выяснить после тщательного изучения хорошо датированного материала. Выяснение места, откуда могли привозиться украшения, является наиболее трудным вопросом, который, конечно, будет разрешен с накоплением фактического материала и даст новые данные о торговых и культурных связях Южной Туркмении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55. М.-Л., 1956; Ее же. О применении качественного спектрального анализа при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА. М., 1960, № 1; Ее же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА. М., 1962, № 2; Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи. МИА, № 75. М.-Л., 1959; Ее же. Технологическая классификация стеклянных бус домонгольской Руси. СГЭ, XIV. Л., 1958; Безбородов М. А. Стеклоделие древней Руси. Минск, 1956; Арциховский А. В. Сердоликовые бипирамидальные бусы. Труды САРАНИОН, т. 1, 1926; Его же. Курганы вятичей. М., 1930; Погребова Н. Н. Мавзолей Неаполя Скифского, КСИИМК, XXI. М.-Л., 1947; Диопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-V вв. СА, № 3, М., 1959; Лемлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII. М.-Л., 1947; Его же. Опыт классификации каменных бус. КСИИМК, XXXII. М.-Л., 1950. Фоменко В. П. Стеклянные изделия средневекового городища Оренкала XI—XIII вв. Археологические исследования в Азербайджане. Сб. статей. Баку, 1965.

2. Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, вып. XXX. М.-Л., 1949, стр. 121—125.

3. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 105—119.

4. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 119—135.

5. Усманова З., Ахраров И. Бусы Кувы. ТашГУ им. В. И. Ленина. Научные труды, вып. 200, Археология Средней Азии, VI. Ташкент, 1963, стр. 86—98.

6. Атагаррыев Е. О некоторых средневековых украшениях из Шехр-Ислама. Известия АН ТССР, серия общественных наук. Ашхабад, 1965, № 1.

7. Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Труды ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953, стр. 90—92, 102—103.

8. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, вып. 73. М.-Л., 1959, стр. 14, 19, 23, 27, 101.

9. Массон М. Е. Народы и области Южной части Туркмении в составе парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 57.

10. См. Архив ЮТАКЭ, 1954. Лунина С. Б. Раскоп новых производственных помещений парфянского времени в северном архитектурном комплексе городища Старая Ниса. Дипломная работа, машинопись. Ташкент, 1955 (см. экскурс: парфянское стекло).

11. См. Архив ЮТАКЭ, 1957 г. Вархотова Д. П. Археологические работы 1956—1957 гг. в квартале ремесленников-мукомолов на городище Гяур-кала. Дипломная работа, машинопись. Ташкент, 1958.

12. Кацурис К., Буряков Ю. Ф. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 134, 154, 160, 161.

13. Бируни. Извлечения из «Книги собраний о познании драгоценных камней». Перевод А. М. Беленицкого и Г. Г. Лемлейна, Бируни. Сборник статей. Л., 1950, стр. 115, 118.
14. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 121.
15. Трудновская С. А. Украшения... Цит. соч., стр. 122.
16. Reisner G. A. Kerma. p. 93—94.
17. Лемлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII. М.-Л., 1947, стр. 23.
18. Бируни. Извлечения из книги...Цит. соч., стр. 119, 120.
19. Там же, стр. 119.
20. Там же, стр. 120.
21. Устное сообщение сотрудника Института искусствознания АН УзССР Н. А. Аведовой.
22. Частично использовались анализы ревизионно-тематической партии Главного геологического управления УзССР. Начальник партии С. В. Лопатин.
23. Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934, стр. 70.
24. Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, т. 1. Петроград, 1920, стр. 351.
25. Массон М. Е. Из истории горной... Цит. соч., стр. 16, 18—20, 31, 33.
26. Там же, стр. 67.
27. Семенов А. А. Из области воззрений мусульман на качество и значение некоторых благородных камней. Мир ислама, т. 1, № 3, СПб., 1912, стр. 298.
28. Массон М. Е. Из истории горной... Цит. соч., стр. 71.
29. Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 6, 11, 15, 18, 24, 26, 65.
30. Семенов А. А. Из области воззрений... Цит. соч., стр. 311—312.
31. Там же, стр. 314.
32. Массон М. Е. Из истории горной... Цит. соч., стр. 67.
33. Пташникова И. В. Бусы древнего... Цит. соч., стр. 117.
34. Массон М. Е. Из истории горной... Цит. соч., стр. 33.
35. Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, стр. 170, 173.
36. Устное сообщение кандидата исторических наук этнографа А. С. Морозовой.
37. Beck H. C. Classification and Nomenclature of Beads and Pendents, Archeologia, 2 seria, v. XXVII. Oxford, p. 60—69.
38. Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА, № 2, 1962, стр. 82—86.
39. Ляпунов К. С., Матье М. Э. История техники эллинистического, римского и коптского Египта. Сб.: Очерки по истории техники древнего Востока. М.-Л.., 1940, стр. 338.
40. Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, XXX. М.-Л., 1949, стр. 121—123.
41. Ляпунова К. С., Матье М. Э. История техники... Цит. соч., стр. 33.
42. Качалов Н. Стекло. М., 1959, стр. 23.
43. Плиний Старший. Вопросы техники в Naturalis historia. ВДИ, № 3. М.-Л., 1949, стр. 337.
44. Калинин С. К., Явнель В. А., Неймарк Л. Э., Алексеева А. Н. Атлас спектральных линий для кварцевого спектрографа. М., 1952.
45. Безбородов М. А. Стеклоделие... Цит. соч., стр. 30.
46. Давидович Е. А. Стекло из Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 396.
47. Михеев М. Рентгенометрический определитель минералов. М., 1957.
48. Pope A. U. A survey of Persian art. From prehistoric times to the present, v. II. London and Newyork, 1939, p. 1567.
49. Petrue W. M. F. The art craft of Ancient Egypt. London, 1923. p. 536.
50. Lucas A. Ancient Egyptian materials of Industries. London, 1948, p. 56—59.
51. Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958, стр. 415.
52. Атагаррыев Е. О некоторых средневековых... Цит. соч., стр. 11—12.
53. Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН ТаджССР, т. XXXI. Душанбе, 1956, стр. 124.
54. Коллекционная опись Музея истории УзССР, № 54.
55. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—XIII вв. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 355—356.
56. Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934, стр. 68, 78.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО.

НЕКРОПОЛЬ ДРЕВНЕГО МЕРВА

(материалы раскопок 1955 г.)

За пределами рабада Султан-калы, в 4 км к юго-западу от мавзолея султана Санджара среди полей колхоза им. Шверника Байрам-Алийского района, находятся оплывшие бугры, небольшие по своим размерам вследствие неоднократных попыток разровнять их. При распашке земель весной 1954 г. на одном из бугров были обнаружены захоронения человеческих костей в глиняных сосудах крупных размеров. Получив сообщение об этих находках, сектор археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР направил на раскопки открытого древнего кладбища археологический отряд, который в течение трех лет производил вскрытие одного из могильных холмов[1].

При осмотре местности осенью 1955 г. было обнаружено, что два бугра, находящиеся к северу от вскрытого, покрыты бороздами. На взрыхленной поверхности лежали человеческие кости и крупные фрагменты разбитых хумов. Севернее этих двух бугров находилось еще несколько холмов лучшей сохранности.

Западнее этих холмов, на расстоянии около 300 м, расположено вытянутое с северо-запада на юго-восток городище длиной около 150 м и шириной около 100 м. Северо-западная сторона городища крутая и выше нежели юго-восточная, которая более пологая. Внутренняя поверхность городища образует как бы впадину, ибо она находится ниже окружающих ее стен. Высота городища на северо-западе немногим меньше 4 м. Вокруг этого городища простираются поля и только юго-западнее имеется одно небольшое тепе, которое, как показал его осмотр, относится к позднему времени. На ровной поверхности городища совершенно отсутствуют фрагменты керамики, которыми, как правило, усеяны все городища Южного Туркменистана. Осмотренное городище, которое местное население называет Варрык-депе[2], из-за его близости к древнему кладбищу и необычному виду, видимо, является частью большого погребального комплекса, существовавшего за пределами городской округи древнего Мерва. Исходя из этих данных, начальник ЮТАКЭ М. Е. Массон предложил автору настоящей статьи исследовать один из могильных холмов для того, чтобы установить стратиграфию погребений некрополя и получить необходимые данные, определяющие типы погребений во времени.

Для исследования был намечен бугор, находящийся северо-восточнее раскопанного сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Выбранный для раскопок бугор округлый в плане, он покрыт кустарниками солянок и верблюжьей колючки. Восточная часть бугра перепахана, на северо-востоке этого вспаханного участка лежали поднятые плугом из земли фрагменты толстых стенок хумов или же других крупных сосудов из глины светло-желтого обжига. Там же на-

ходилось несколько разбитых костей человека. Диаметр бугра 36, высота 2 м. Для вскрытия холма за нулевую отметку была принята самая высокая точка бугра, находящаяся ближе к его южной границе.

Раскопки холма велись по секторам, ориентированным по сторонам света, с оставлением бровок-останцов. Вся вскрываемая поверхность бугра была разбита на квадраты и пронивелирована. Вследствие того, что в раскопках на некрополе принимало участие небольшое количество рабочих, основные работы были сосредоточены в юго-западном секторе бугра, ближайшем к вскрытому в 1954—1955 гг. сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН ТССР[3]. В остальных же секторах были вскрыты только верхние слои в зависимости от глубины залегания в них погребений. Раскопки могильного холма велись по ярусам высотой в 0,5 м каждый[4] (рис. 1). Разрезы холма с севера на юг и с запада на восток (см. рис.1 и 2).

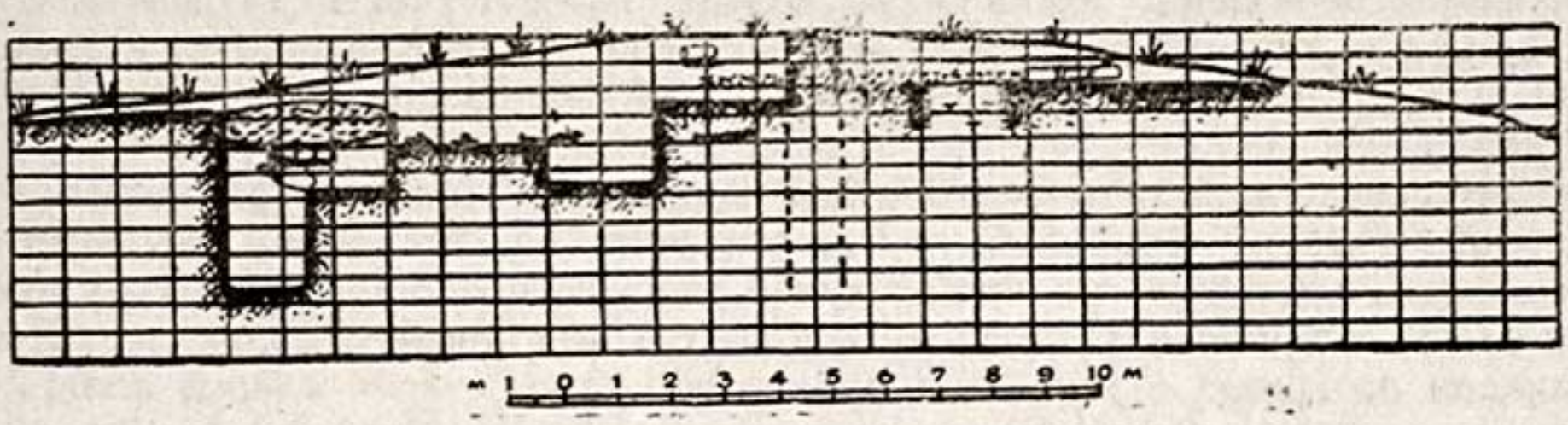


Рис. 1. Разрез могильного холма с запада на восток.

При вскрытии северо-восточного сектора, поверхность которого вспахана плугом, сразу же в верхнем рыхлом слое неподалеку от центра бугра были обнаружены костная труха и фрагменты сосуда типа тагора. Чуть северо-восточнее этой трухи на глубине около полуметра был найден фрагмент керамического цилиндра из глины светло-серого, местами красноватого обжига. Вокруг этого крупного фрагмента лежали более мелкие, перемешанные с землей и с разбитыми костями человека. Далее к северу от этих фрагментов цилиндров лежали разрозненные кости скелета ребенка лет 7—9, причем, судя по их положению, они были ориентированы по линии север—юг. К западу от этих костей, у бровки-останца был найден фрагмент горлышка сосуда из глины серого обжига. При расширении раскопа в этом секторе на север, на расстоянии 10 м от центра, в рыхлом, перепаханном слое были найдены фрагменты костей взрослого человека. Слой, в котором найдены кости, представляет собой сильно разрушенный сырцовый кирпич и большое количество фрагментов толстенных хумов из глины красноватого обжига со светло-серым ангобом на внешней поверхности. Неподалеку от этих костей, у восточной стенки северной бровки-останца находилась груда костей, захороненных по зороастрийскому погребальному ритуалу. В связи с небольшой глубиной залегания, менее 0,5 м от поверхности, кости сильно истлели, и попытки расчистить череп не увенчались успехом. Он рассыпался при малейшем прикосновении щетки.

Южнее этой группы костей, в 2 м от центра, на глубине около 60 см лежал скелет в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ступни ног отсутствуют, череп очень плохой сохранности и сильно разрушен. Никакого инвентаря при скелете не было найдено.

Южнее этого скелета был найден другой, который лежал головой на юго-восток, с лицом повернутым к юго-западу, то есть череп лежал на левой щеке. Средняя часть скелета с тазом лежит в углублении, то есть ниже по отношению к грудной клетке и ногам. Левая нога ске-

лета вывернута пяткой кверху и закинута на правую ногу. Рядом с этим скелетом, южнее, находилась верхняя часть туловища, до пояса, третьего скелета. Ориентирована эта половина скелета головой на северо-восток, причем череп повернут лицом на северо-запад. Кости рук слегка согнуты в локтях и немного отведены в стороны. Таз этого скелета отсутствует, а рядом, южнее, лежали кости ног, обращенные ступнями к западу — юго-западу. Оба эти скелета, то есть второй и третий, находились в натечном слое, при расчистке костей земля отслаивалась характерными ломтиками, что служит указанием на то, что трупы не были преданы земле, а брошены на поверхности или же в незасыпанную яму, и со временем кости были погребены под натечными слоями. Само же положение скелетов и находка одного из них в расчлененном состоянии говорят о фактах насильственной смерти. Севернее этих трех скелетов был обнаружен еще один скелет, который лежал в вытянутом на спине положении головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях и прижаты кистями к плечам, левая к левому плечу, а правая к правому. Как и у всех предыдущих захоронений, инвентарь полностью отсутствовал.

В северо-западном секторе при вскрытии около центра холма под дерновым слоем обнаружен костяк человека. Скелет лежал в вытянутом на спине положении головой на северо-восток, позвоночный столб скелета слегка искривлен, руки согнуты в локтях под прямым углом, левая положена на грудную клетку, а правая на живот, череп слегка повернут на северо-запад. Ввиду близкого залегания скелета к поверхности лобная часть черепа истлела и превратилась в труху. Никакого инвентаря около этого скелета не было, несколько севернее этого скелета, в западной стене северной бровки, сразу же под дерновым слоем был обнаружен череп и плечевая кость правой руки. Череп сильно разрушен, сохранилась лишь затылочная часть. Около плечевой кости правой руки лежали две бронзовые поделки вазообразной формы, причем одна из них венчиком надевалась на другую, для чего у одной из этих бронзовых «ваз» был сделан на венчике уступ. Высота этих поделок 2,5 см. Диаметр венчика 3 см.

Севернее первого скелета был найден второй. Он лежал в вытянутом на спине положении ногами на запад—юго-запад. Череп скелета отсутствовал, нет также костей левой руки, таз разбит, а ниже его был найден один зуб. Южнее этого костяка, ниже уровня, на котором были обнаружены скелеты, находилась бесформенная груда костей, видимо, захороненных по зороастрийскому погребальному ритуалу. Западнее этой груды костей при снятии земли в ней обнаружена костная труха.

Севернее этих погребений при расширении раскопа на север обнаружено погребение, перекрытое жженым кирпичом. Кирпичи поставлены на ребро и, опираясь один на другой, образуют двухскатное перекрытие могилы. Некоторые кирпичи упали, другие же сильно расслоились, образуя крошку из жженого кирпича. Кирпичи сделаны из глины с саманом красного обжига, на некоторых кирпичах имеется алебастровая обмазка. Размеры кирпича: 34,5×36×5,5 см; 28×29×5 см; 30×30,5×5,5 см. Ориентирована эта могила с юго-запада на северо-восток. В юго-западном конце перекрытия лежали плашмя четыре кирпича, образуя прямой крест, который является продолжением двухскатного перекрытия. Длина перекрытия могилы 1,9, ширина 0,45 м. Длина крестообразной выкладки 0,55, ширина 0,9 м. Под двухскатным перекрытием могилы находился скелет, который лежал в вытянутом на спине положении головой на северо-восток. Левая рука скелета согнута под прямым углом и положена кистью на пояс, правая же согнута в лок-

те и положена кистью на грудную клетку. Череп слегка повернут направо к плечу. Никакого инвентаря при скелете не оказалось. Это погребение находилось почти на одном уровне с описанными ранее. Расширение раскопа в северном направлении до границы могильного холма в северо-восточном и северо-западном секторе не дало никаких результатов. На этом раскопки в северной половине могильного холма были закончены.

В юго-восточном секторе верхний слой был рыхлый и представлял собой сильно разрушенный сырцовый кирпич из глины с саманом. В этом слое в большом количестве встречались фрагменты толстостенных хумов из глины красного обжига со светло-серым ангобом снаружи. При углублении в этом слое неподалеку от центра холма была найдена круглая бусина из сердолика и медная монета, плохо читаемая, но отнесенная М. Е. Массоном к чекану Арташира I (224—242 гг.).

Восточнее центра холма был обнаружен скелет, лежащий в вытянутом на спине положении головой на северо—северо-восток. Руки скелета вытянуты вдоль туловища. В ногах скелета было найдено большое количество фрагментов толстостенных хумов. Около левой руки скелета находились фрагменты сильно истлевшего черепа. Ниже этого скелета около его правого плеча находился другой череп. При расчистке скелета было установлено, что он лежал в натечном слое. Восточнее этого скелета, при углублении в нижележащий слой, были найдены два черепа плохой сохранности и фрагменты длинных костей около них. Северо-западнее этих двух черепов находился третий череп, принадлежащий подростку. Большое количество длинных костей выступает из восточной стены южной бровки у центра холма. Южнее и восточнее этих костей найден череп, лежащий на левой щеке, обращенный глазницами на северо-запад. Южнее его лежали два черепа один на другом. Нижний обращен глазницами на юг, а верхний лежит теменем на нижнем и обращен глазницами в ту же сторону. Сохранность этих черепов очень плохая.

Южнее этих черепов обнаружен детский скелет, лежавший в вытянутом на спине положении, ногами скелет обращен к юго-западу. Череп и кости ног ниже колен отсутствовали. Сверху на этом скелете, закрывая его правое плечо, лежала затылочная часть черепа взрослого человека очень плохой сохранности. Все эти захоронения костей находились на одном уровне, то есть на глубине не более одного метра от нулевой точки могильного холма. Погребения же с трупоположением делались в одно время с захоронением костей по зороастрийскому погребальному обряду. Поэтому при устройстве могил для трупоположения нарушались ранее положенные кости зороастрийских захоронений и наоборот, как это видно по детскому погребению.

Под слоем этих костей обнаружена кладка из сырцового кирпича размером 42×42×11 см. Кладка шириной в два кирпича тянется с северо-запада на юго-восток. Ширина швов между кирпичами до 7 см. При углублении южнее окончания этой кладки обнаружена плохо прослеживаемая кирпичная кладка, вытянутая с северо-востока на юго-запад, то есть обе кладки образуют прямой угол. Плохая сохранность этой кладки объясняется тем, что она находится ближе к южной границе холма и имеет над собой незначительный слой земли. Снаружи эта кладка засыпана рыхлым песком. В западном конце этой кладки на глубине 1,5 м от нулевой точки холма была найдена медная поздняя парфянская монета.

Восточнее захоронения костей по зороастрийскому погребальному ритуалу, почти у южной стены восточной бровки, на небольшой глубине от поверхности, были обнаружены три керамических цилиндра, вытянутых в одну линию с северо-востока на юго-запад. Сверху эти цилиндры

были повреждены, а внутри заполнены землей. Длина каждого цилиндра 0,6 м, диаметр 30 см, толщина стенок 2 см. Глина цилиндров светло-желтого обжига. При расчистке цилиндров оказалось, что внутри находится скелет, лежавший в сжатом положении, ориентирован скелет головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и сложены крест-накрест на тазе. Ноги сжаты и плотно соединены в коленях. Никакого инвентаря при скелете не было. Однако уровень залегания и ориентация идентичны ранее описанным погребениям с трупоположениями в грунт. На этом же уровне находились и завалы костей, захороненных по зороастрийскому погребальному ритуалу.

В юго-западном секторе около южной стенки, западней бровки, в двух метрах от центра холма под дерновым слоем был обнаружен керамический цилиндр из глины светло-желтого обжига. Длина цилиндра 60 см, диаметр 30 см, толщина стенок 2 см. На 2 см ниже края цилиндра снаружи прочерчена до обжига линия, идущая по окружности. Ориентирован керамический цилиндр длинной осью с запада—юго-запада на восток—северо-восток. Северо-восточный край цилиндра уходил в южную стенку западной бровки, из которой выступал край второго цилиндра, примыкающий к первому. Внутренность цилиндра была заполнена землей. Южнее этого керамического цилиндра в земле было видно большое количество костной трухи. Расчистка цилиндров показала, что в них находится скелет, лежавший в сжатом положении, головой скелет ориентирован на северо-восток, никакого инвентаря при скелете не было.

Чуть ниже керамического цилиндра лежал скелет, стопы ног которого уходили под цилиндр. Скелет лежал в вытянутом на спине положении ногами на северо-запад, череп у этого скелета не сохранился.

Слева от этого скелета находился второй, лежащий в вытянутом на спине положении, ориентированный ногами на северо-запад, левая рука согнута и прижата кистью к плечу, череп также не сохранился, то есть истлел, превратившись в костную труху.

Оба эти скелета находились в могилах, которые были вырыты в сильно разрушенной сырцовой кладке. К востоку от скелетов в земле хорошо виден сильно разрушившийся сырцовый кирпич, размеры которого установить не удалось. Сохранность костей обоих скелетов очень плохая. Оба эти скелета находились на глубине около полуметра от нулевой точки. Ниже этих скелетов на глубине около одного метра от нулевой точки, то есть на том же самом уровне, что и в юго-восточном секторе, под слоем разбитого и разрушившегося кирпича из глины с саманом находился слой костей и черепов, захороненных по зороастрийскому погребальному обряду. В северо-восточном углу сектора из бровки выступала тазовая кость, а западнее ее лежали два сильно разрушенных черепа. Южнее их, у бровки лежал череп лучшей сохранности, а далее лежали длинные и мелкие кости человека, среди них и нижняя челюсть. Южнее этих костей находился детский скелет без черепа, ноги которого были ориентированы на северо-запад. Скелет имел слегка искривленный на восток позвоночник. Западнее этих костяков лежала верхняя часть скелета, позвоночный столб с ребрами и руками до локтя. Череп этой половины скелета уходил под бровку, нижняя половина скелета отсутствовала. Южнее детского скелета, который лежал неподалеку от центра холма, находился костяк взрослого человека. Скелет лежал на правом боку, головой он ориентирован на северо—северо-восток, череп хорошей сохранности. Ноги скелета были сомкнуты в коленях и слегка подогнуты. Левая рука согнута в локте, а кисть покоится на нижней части живота. Череп лежал на правой стороне, обращенный глазницами на юго-запад.

Южнее этих погребений обнаружены остатки могилы, сложенной из жженого кирпича, фрагменты жженого кирпича встречались выше,

в рыхлом перепаханном слое. От могилы сохранилось несколько кирпичей, среди них два кирпича, стоящие под углом, размер кирпича 26×?×7 см. Ориентированы эти кирпичи с запада на восток. Углубление по всей площади юго-западного сектора показало, что слой, соответствующий третьему ярусу, то есть полутораметровой глубине залегания от нулевой точки холма, представляет собой мелкую крошку сырцового кирпича, в которой встречаются фрагменты каких-то крупных толстостенных сосудов (хумов?).

При углублении неподалеку от центра холма в слое мелкой крошки сырцового кирпича была найдена медная монета, определенная как сасанидская V в. Ниже этой монеты были найдены фрагменты черепа и часть костей скелета, захороненных по зороастрийскому погребальному обряду. Ниже этих костей залегал плотный слой земли с гипсовыми фракциями в ней.

В западной части этого сектора на небольшой глубине обнаружен завал костей, который сверху имел вид костной трухи, смешанной с землей. Завал из костей в плане округлый, диаметром местами более 4 м. Углубившись вокруг завала, сняли слой земли на глубину 1,5 м от нулевой отметки. При расчистке завала костей и углублении вокруг него, было найдено более двух десятков монет главным образом позднепарфянского времени и раннесасанидского. Сасанидские монеты были найдены в самом завале костей. При углублении к востоку от завала костей был обнаружен скелет, лежавший в вытянутом на спине положении головой на северо-восток. Позвоночный столб скелета слегка искривлен в правую сторону, череп повернут направо и лежит на правой стороне, руки вытянуты вдоль туловища. В ногах этого скелета лежали два целых и один обломанный жженые кирпичи размером 37×37× 7 см. С левой стороны этого скелета, около его левой ноги, ниже бедра, лежал детский скелет, ориентированный, как и скелет взрослого человека, головой на северо-восток. Позвоночный столб детского скелета искривлен в левую сторону, череп лежит на правой стороне глазницами к бедру большого скелета. Правее скелета, в ногах у которого лежали жженые кирпичи, было обнаружено еще три полных костяка взрослых людей. Лежавший справа от него скелет ориентирован головой на северо-восток. Лежал он в вытянутом на спине положении, руки вытянуты вдоль туловища.

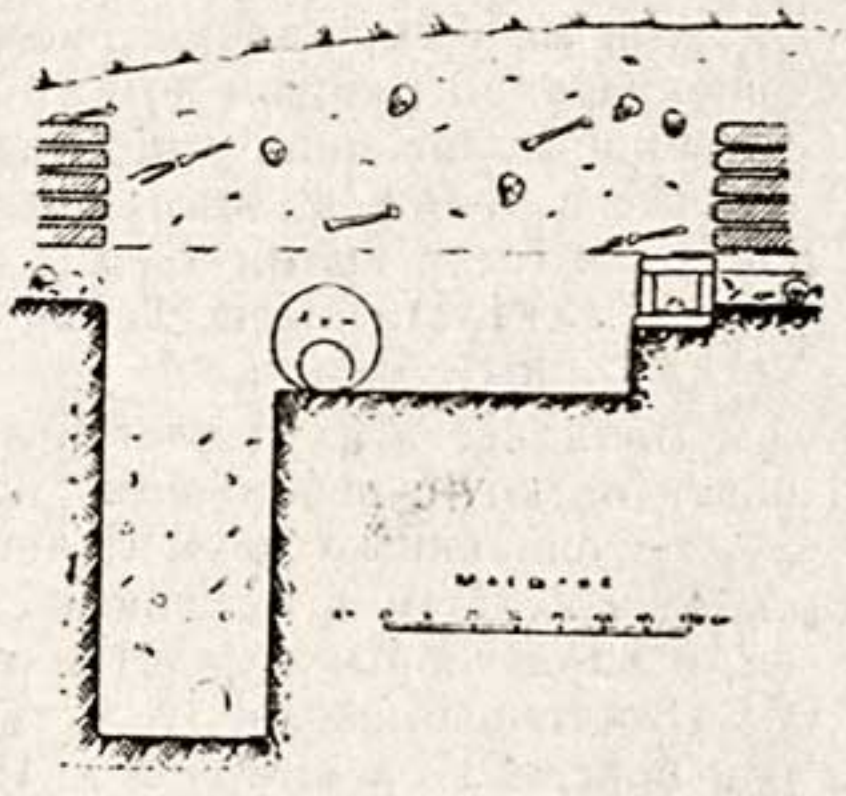


Рис. 2. Разрез помещения с хумом с севера на юг.

Правее этого скелета лежали еще два, ориентированные головами прямо на восток, первый из них, находящийся справа от предыдущего, лежал в вытянутом на спине положении, правая рука согнута в локте и кистью положена на таз. Правее него у самой бровки находился третий скелет. Этот скелет лежал в вытянутом на спине положении. Руки вытянуты вдоль туловища. В ногах у этого скелета перпендикулярно ему находились ноги четвертого скелета, а туловище было скрыто в бровке-останце. Никакого инвентаря при этих скелетах не было найдено.

Южнее взрослого скелета, лежавшего вместе с детским, обнаружены еще два, причем около крайнего с левой стороны лежал детский

скелет. Оба взрослых скелета лежали в вытянутом на спине положении, ориентированы они головами на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища.

У левого бедра второго скелета, то есть южнее этой пары скелетов взрослых, лежал детский скелет, ориентированный так же, как и взрослые, головой на северо-восток. Детский скелет лежал на целом жженом кирпиче и на фрагменте. Целый жженый кирпич был обмазан алебастром, размер его 44×26×7 см.

Юго-восточнее детского скелета, лежащего на жженом кирпиче, находились два полных скелета, лежавшие в вытянутом на спине положении и кости третьего. Целые скелеты лежали в вытянутом на спине положении, головами на северо-восток, с небольшим отклонением к востоку. В ногах у скелета, лежащего ближе к детскому, находился крупный фрагмент жженого кирпича. У скелета, лежащего южнее, череп повернут и лежит на правом плече, над черепом лежит фрагмент жженого кирпича, около левого плеча лежал другой фрагмент жженого кирпича.

Далее к юго-востоку от этих скелетов находились еще два скелета, лежавших в вытянутом на спине положении, головами на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, а у лежащего южнее скелета ноги закинуты одна на другую, то есть перекрещенные. У стоп лежал фрагмент жженого кирпича. У лежащего севернее скелета ноги согнуты в коленях и лежат отклоненные в левую сторону. Череп этого скелета повернут к лежащему южнее его скелету. За черепом около правого плеча лежал фрагмент жженого кирпича. Западнее этих скелетов к юго-востоку и югу от завала костей лежало без всякой системы большое количество скелетов, порой навалом, один на другом. Два крайних с востока скелета лежали «валетом», один, лежавший с восточной стороны, ориентирован головой на северо-запад, около обломанного жженого кирпича. Другой ориентирован головой на юго-восток. Оба скелета лежали в вытянутом на спине положении, у лежавшего головой на север левая рука согнута в локте и положена кистью на живот. У скелета, лежавшего головой на юг, руки были вытянуты вдоль туловища, а череп повернут на восток. Оба эти скелета были сверху покрыты слоем крошки сырцового кирпича из глины с саманом.

Западнее этих скелетов лежало еще два ориентированных головой почти на юг, с небольшим отклонением к востоку. Лежащий ближе к уже описанным двум лучшей сохранности, нежели второй. Оба эти скелета лежали в натечном слое, при расчистке земля снималась тонкими характерными пластинками.

Восточный скелет, то есть лучшей сохранности, лежал на спине, череп повернут на юго-запад. Правая рука согнута слегка в локте и немного отведена в сторону. Ноги скелета согнуты в коленях и отведены влево, левая рука вытянута вдоль туловища. У кисти правой руки лежал череп другой особи. Согнутые ноги скелета ступнями лежали на длинных костях ног другого скелета, от которого лежала лишь нижняя часть с тазом. Ориентирована эта нижняя часть скелета ступнями ног на северо-восток. На ступнях ног, покрывая их, лежал крупный фрагмент жженого кирпича, рядом с которым находился еще один череп. Левее скелета с согнутыми ногами лежал худшей сохранности, у которого череп был разбит, а ребра и позвоночный столб сильно истлели. Лежал скелет в вытянутом на спине положении, с разведенными в стороны ногами. Слева, рядом с разбитым черепом этого скелета, лежал другой череп лучшей сохранности.

Западнее этих скелетов на расстоянии около одного метра находилось большое количество человеческих костяков, лежащих в полном беспорядке, то есть ориентированных по разным сторонам света и ле-

жащих один на другом. Два скелета, крайние с востока, лежали в вытянутом на спине положении головой на юг. У крайнего справа правая рука согнута в локте и лежит на поясе кистью около локтя левой руки, череп этого скелета повернут направо, а левая рука вытянута вдоль туловища.

У лежащего около него с левой стороны скелета отсутствовали кости рук. Правее голени правой ноги этого скелета лежали два черепа. В ногах у этих скелетов, упираясь черепом в стопу левой ноги лежащего с правого края скелета, лежал третий в вытянутом на спине положении головой на восток. Рядом с левой рукой этого скелета параллельно ей лежали кости ног от колена до ступней. На ногах скелета, по линии колен, перпендикулярно ногам лежала бедренная кость какого-то скелета, а рядом с ней другая бедренная кость.

Южнее этого скелета в полном беспорядке лежали длинные кости рук и ног, а южнее их находилось несколько верхних частей скелетов от таза до черепа, но без рук. Ориентированы эти верхние части скелетов черепами в южную сторону. Далее к югу сразу за головами этих полускелетов лежало несколько черепов.

С запада замыкали эту группу беспорядочно лежащих костяков два скелета, лежавших «валетом». Один из них лежал головой на юг в вытянутом на спине положении, руки лежали вдоль туловища. Другой скелет расположен головой на север, а ноги его лежали на руках и плечах скелета, лежавшего головой на юг. Руки ориентированного на север скелета были согнуты в локтях и отведены в стороны, а кистями упирались в таз, то есть скелет лежал как бы «подбоченясь». У плечевой кости левой руки скелета, лежавшего головой на юг, находился череп.

Далее к западу, отдельно от этой группы скелетов лежал одинокий костяк в вытянутом на спине положении, головой на север с вытянутыми вдоль туловища руками. При расчистке этих скелетов над ними и под ними были найдены медные монеты позднепарфянского чекана Маргианы, сасанидского правителя Мерва, сасанидские Шапура I (242—272 гг.) и даже арабский фельс II в. хиджры. Среди монет превалировали позднепарфянские, в основном маргианской эмиссии. Судя по находкам монет, они почти все были не сопровождающим инвентарем имевших здесь место погребений, а монетами, характеризующими тот культурный слой, в котором совершались захоронения.

Никакого инвентаря, никаких украшений при скелетах не было найдено. Все вскрытые скелеты располагались веерообразно, охватывая полукольцом с северо-запада на юго-запад лежащий в середине костный завал (см. рис. 3 и рис. 4).

При расчистке костного завала было установлено, что кости лежали в натечном слое, то есть они клались или сбрасывались на это место под открытым небом без покрытия землей. Кости сильно истлели и сверху, перемешавшись в землей, они имели вид костной трухи. Толщина этого слоя костей с костной трухой, покрывающей его сверху, местами достигала чуть более полутора метра. При вскрытии костного завала в верхней его части был найден позвоночный столб с черепом. В этом слое костей были также целые костяки и найдены монеты главным образом сасанидские. После снятия костного завала оказалось, что он заполнял сложенное из сырцового кирпича сооружение, причем кости покрывали стены этого сооружения сверху. Сооружение, находившееся под костным завалом, в плане почти квадратное, со сторонами 3,51 и 3,62 м. Ориентировано оно с северо-востока на юго-запад, сложено из сырцового кирпича, приготовленного из глины с саманом, размеры кирпичей 43×43×11 см и 42×42×11 см. Вертикальные швы между кирпичами достигают ширины 8 см. Кирпич очень плохого качества, то есть сильно разрушившийся. Кладка стен этого помещения сохранилась

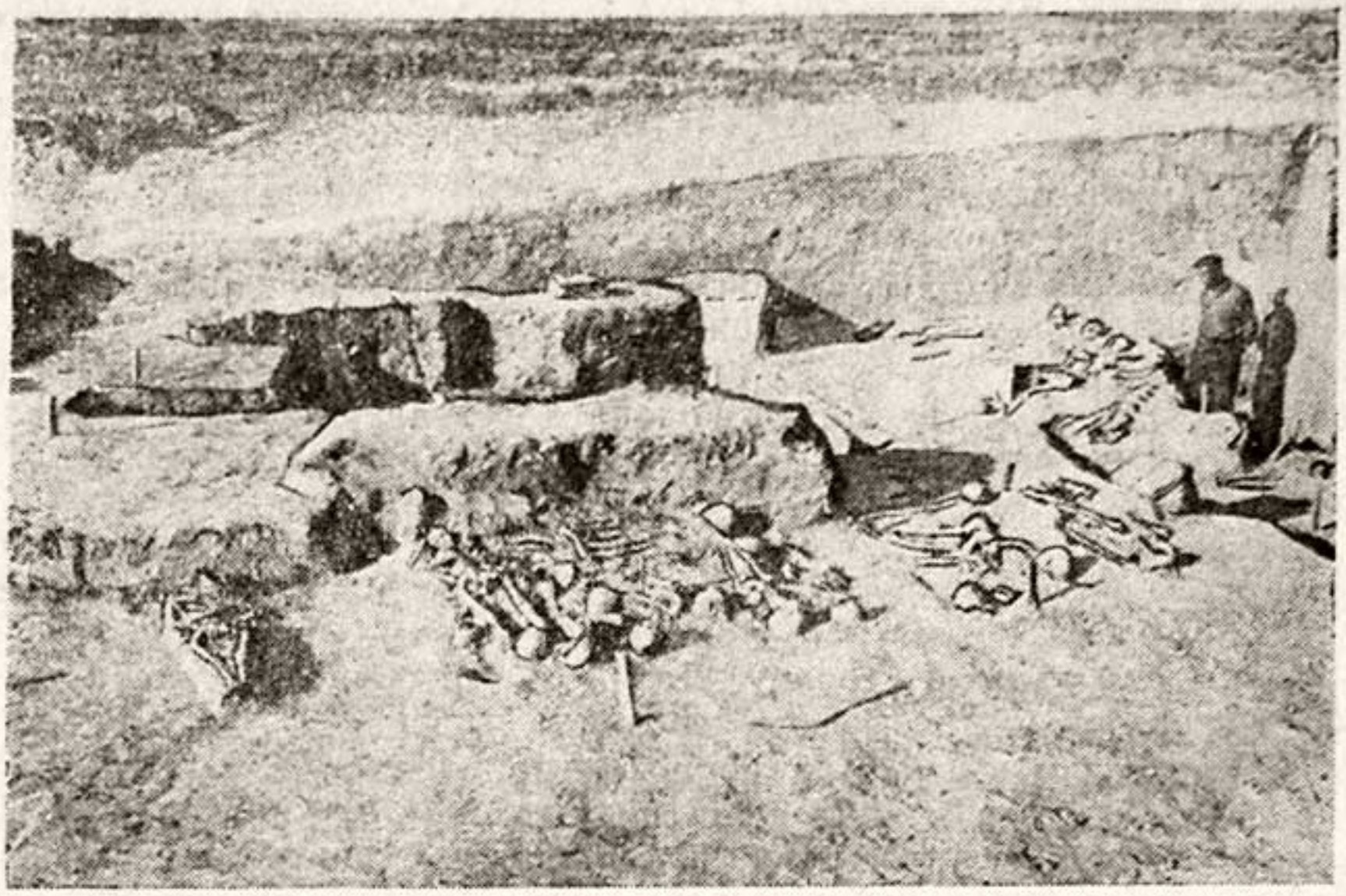


Рис. 3. Общий вид юго-западного сектора после раскопок.

Рис. 4. Группа бессистемных захоронений южнее помещения с хумом.

на шесть рядов кирпича и достигает в некоторых местах почти метровой высоты. Внешняя сторона стен не была прослежена из-за того, что стены снаружи были повреждены погребениями, которые находились вокруг завала из костей. Однако, судя по удалению скелетов от внутренних границ стен, толщина их была около 2 м. Около северо-западной стены этого сооружения, служившего наусом и одновременно дахмой, ибо в костном завале были найдены целые скелеты, находилась могила, сложенная из жженого кирпича, обмазанного алебастром

(см. рис. 5). Размер кирпича могилы 43×26×7 см. Пол могилы выстлан жженым кирпичом, на который поставлены на́ ребро кирпичи, образующие длинные боковые стенки. Перекрыта могила положенными плашмя жженными кирпичами. С тыловых сторон могилу закрывают поставленные на ребро кирпичи. Ориентирована могила с северо-востока на юго-запад, в южном конце могилы из-под торцового кирпича выступает наполовину кирпич пола. Длина могилы 1,45 м, ширина 46 см, высота 35 см. Перекрытие могилы находится чуть ниже самого нижнего ряда кладки стен науса. С западной стороны могилы, за торцовым кирпичом находился слой земли, образованный завалом фрагментов сырцового кирпича из глины с саманом. Вскрытие и расчистка могилы показали, что в ней в слое натечной земли лежал скелет подростка в вытянутом на спине положении головой на северо-восток—восток. Череп отделен от позвоночника и лежал выше правого плеча. Левая нога скелета была согнута в колене и придвинута от колена голенью к голени правой ноги, руки были вытянуты вдоль туловища. Никакого инвентаря около скелета не было. Судя по натечному слою, находившемуся внутри могилы, и по остаткам завала с западной стороны могилы, она была опущена в наус, когда он уже разрушался, но на небольшую глубину, иначе не образовался бы в могиле натечный слой.

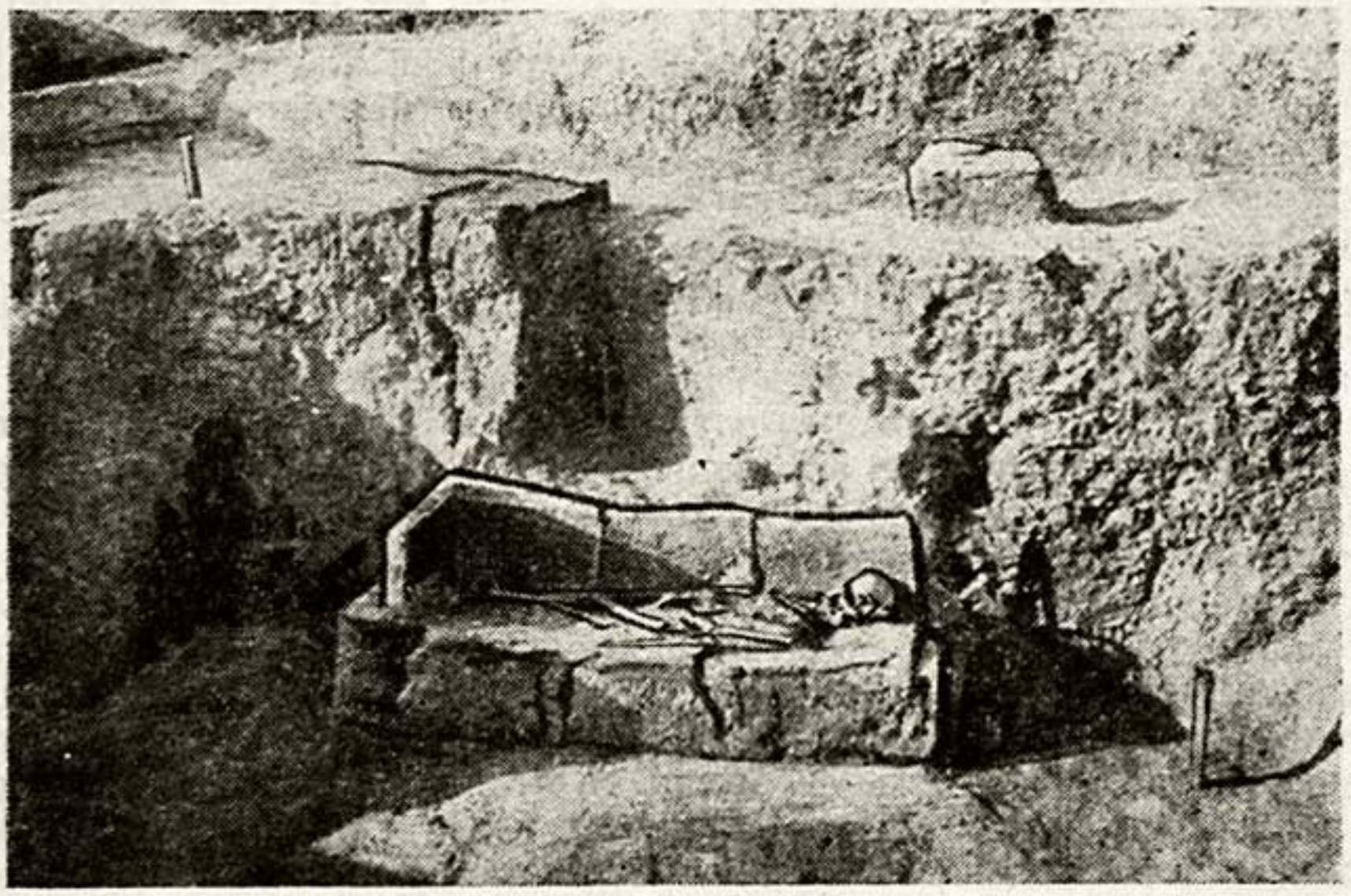


Рис. 5. Могила в виде „ящика" из жженого кирпича после вскрытия.

Южнее могилы, почти в центре помещения, ниже уровня кладки науса, то есть чуть ниже «пола» находился хум, раздавленный еще в древности. Хум лежал на боку и был обращен горловиной к западу. Сделан он из глины светло-желтого обжига, на плечиках у него были две вертикально поставленные ручки. Высота хума 82 см, диаметр в средней части 62 см, диаметр венчика хума 40 см. Горловина хума была закрыта крупным обломком клинчатого кирпича.

Расчистка хума показала, что в нем в натечном слое земли лежали сильно истлевшие кости двух особей человека, было найдено два черепа и две пары длинных костей ног. Кости при их захоронении в хум были присыпаны чистой землей, которая местами под действием влаги слежалась в комки. Никаких вещей с костями в хуме не было. На расстоя-

нии 1,4 м от юго-западного угла науса в западной стене имелся проем шириной около полуметра. Этот проем был засыпан рыхлой землей с большим количеством истлевших костей.

При расчистке южной стены помещения на глубине 20 см от нижней границы кирпичной кладки находилась прослойка костей, уходящая под кирпичи стены. Тут же, на глубине почти двух с половиной метров от нулевой точки, был найден фрагмент остракона с раннепехлевийскими письменами на нем[6]. В прослойке костей под стеной видны были разрушенные черепы и мелкие кости, в этом слое была найдена позднепарфянская монета маргианского чекана, на реверсе которой имеется п-образный знак с точкой в середине.

Для того, чтобы выяснить наличие наслоений и их характер, ниже уровня, на котором находился хум и была могила, в юго-западном углу науса был опущен шурф площадью 1,5×1 м. Углубление в шурфе показало, что он прорезает культурный слой, в котором находились небольшие фрагменты керамики, тонкостенные из глины серого и кирпично-красного обжига. На глубине 2 м культурный слой кончился и начался материковый слой чистой земли без каких-либо включений. Таким образом было установлено, что наус был возведен на остатках костного слоя, который в свою очередь покоился на культурном слое толщиной более 2 м. Общая же толщина культурных наслоений могильного холма местами достигает 5 м.

Совокупность всех установленных при раскопках могильного холма данных, а также нумизматические нэходки позволяют проследить не только типы погребений, но и их последовательность, а также сочетание разных по характеру захоронений на одном и том же отрезке времени.

По археологическим данным и полученным наблюдениям возникновение и функционирование могильного холма в окрестностях древнего Мерва представляется следующим образом. В парфянскую эпоху в данном пункте существовало кладбище с захоронениями костей по зороастрийскому погребальному ритуалу. К этому времени относится захоронение костей в хуме, находящемся ниже уровня «пола» оградки, сложенной из сырцового кирпича. Хум по аналогиям с хумами такого же типа, найденных в квартале мукомолов на городище Гяур-кала, относится к позднепарфянскому времени, то есть к первым векам новой эры. Наличие слоя этого времени на могильном холме подтверждают и находки парфянских монет именно в нижнем слое. На этом слое в раннесасанидскую эпоху был построен наус из сырцового кирпича, имевший вид ограды, без перекрытия. В этом наусе, после его возведения и какого-то времени запустения устраивается впускное погребение в «ящике» из обожженного кирпича. При опускании этой могилы в наус была задета его северная стена. Затем в наусе делались захоронения костей по зороастрийскому погребальному ритуалу, но без оссуариев, причем наус в это время служит и дахмой, о чем свидетельствуют целые костяки, обнаруженные в костном завале. Сочетание науса и дахмы характерно для последнего периода существования этого погребального ритуала, когда делается заметным отступление от канонов ортодоксального зороарстризма. Этот период функционирования науса следует отнести к позднесасанидскому времени вплоть до арабского завоевания Мерва в середине VII в.

Погребение же в «ящике» из жженого кирпича следует отнести к периоду, предшествующему появлению завала из костей и ко времени после возведения науса, то есть ориентировочно его можно отнести к VI в. н. э., а именно ко времени кризиса рабовладельческой формации, когда Мервский оазис стал хиреть. Само же погребение можно считать ранним христианским для этого времени, то есть для IV в., известно уже наличие христианской общины в Мерве и несторианского

епископа[8]. Рядом с костным завалом, покрывающим гребень стен ограды полукольцом с северо-запада на юго-запад, находится большое количество скелетов, лежащих в полном беспорядке, без определенной ориентации и определенного положения. Некоторые скелеты лежат в расчлененном состоянии, другие же — один на другом. Эта беспорядочность трупоположения наводит на мысль о том, что эти захоронения появились в результате насильственной смерти. Трупы были брошены на поверхности или же, в лучшем случае, были слегка присыпаны землей. Вполне возможно, что эти захоронения в некрополе относятся ко второй половине VII в., когда Хорасан восстал и вновь был завоеван арабами (см. рис. 6)[9].

В последний период функционирования кладбища на нем делались захоронения в грунтовых могилах с разной ориентацией, в вытянутом на спине положении. Одновременно делались погребения в могилах, сложенных из жженого кирпича и с выкладкой в виде прямого креста, а также захоронения в керамических цилиндрах.

Наряду с этими типами погребений продолжали существовать захоронения костей по зороастрийскому погребальному ритуалу. В это же время делались захоронения и по мусульманскому погребальному обряду, в скорченном положении на боку, головой на северо-запад, с лицом обращенным к юго-западу.

Погребения в грунтовых могилах, очевидно, следует считать христианскими так же, как и погребения в могиле из жженого кирпича с крестом и в керамических цилиндрах. Подобного типа погребения пока не были известны среднеазиатской археологии. Эти погребения в цилиндрах похожи на христианские захоронения в цилиндрических сосудах в некрополе Сфакса (Северная Африка)[10]. Функционировать некрополь начинает в первых веках новой эры, а забрасывается — во II в. хиджры, то есть в VIII в., в период, когда Хорасан прочно входил в состав арабского халифата, и начинался интенсивный процесс исламизации населения[11].

Раскопочные работы на городище Варрык-депе имели разведывательный характер с целью выяснения его функционального назначения, а также времени сложения. Для этого с западной стороны городища был заложен разведочный раскоп в виде траншеи, вытянутой с запада на восток шириной в два метра.

Раскопки выявили три стены, идущие параллельно одна к другой. Первая стена внешняя была сложена из пахсы с прокладкой из сырцового кирпича из глины с саманом размером 43×43×11 см. Толщина стены менее одного с половиной метра в средней части. Возведена она была на мощном оплыве, образовавшемся вследствие разрушения находящейся за ней, восточнее, второй стены. Прослежена первая стена с восточной стороны на глубину более 3,5 м от разрушенного гребня. С западной, то есть наружной стороны стены находились мощные натечно-надувные слои, прослеженные на запад на расстоянии более восьми метров. В северной части открытой раскопками стены, уходящей в толщину культурных наслоений, видна промоина высотой в 1,3 м. В натечно-надувном слое у внешнего фаса стены в верхней части хорошо прослеживается слой сильно разрушенного сырцового кирпича из глины с саманом. Видимо, верхняя часть стены была возведена из этого кирпича.

В четырех метрах восточнее этой стены находилась вторая стена, сложенная из пахсы. У этой стены была открыта верхняя часть, толщина ее чуть меньше четырех метров. Пространство между двумя этими стенами было заполнено натечно-надувными слоями. Местами встречались твердые прослойки, видимо, не успевшие сильно разрушиться куски пахсы. Имеется и плотно слежавшийся земельный слой толщиной

местами в несколько десятков сантиметров. У восточного фаса первой стены на глубине около одного метра была найдена медная парфянская монета.

Восточнее второй стены траншея была не глубокой, от полутора до одного метра. Верхний слой был рыхлым, а ниже шел более плотный, в котором был найден полнотелый кувшин без ручки с короткой горловиной и отогнутым наружу округлым венчиком. Кувшин был изготовлен на гончарном круге и снаружи покрыт красной краской. В этом же слое находились небольшие обожженные кирпичи со скошенной стороной, то есть эти кирпичи были какого-то специального назначения.

В десяти метрах к востоку от второй стены находилась третья, сложенная из сырцового кирпича размером 42×42×11 см и 41×41×10 см. У восточного фаса этой стены была найдена позднепарфянская монета маргианской эмиссии, а ближе ко второй стене была найдена монета сасанидского чекана Арташира I (224—242 гг.), толщина третьей стены в верхней части 3,2 м. В двадцати двух метрах восточнее третьей стены траншея, которая вскрыла только верхний слой, оканчивалась. Здесь был опущен шурф на глубину четыре метра от современной поверхности. На трехметровой глубине культурный слой кончился и начался материковый слой. При опускании шурфа были сняты натечно-надувные слои и слои, образовавшиеся вследствие разрушения каких-то сооружений. Никаких определенных уровней в шурфе не было обнаружено. Находки были представлены маловыразительными фрагментами неполивной керамики. В нижнем слое были обнаружены фрагменты керамики древнемаргианского облика. Из находок в шурфе следует отметить парфянские монеты.

Раскопки на Варрык-депе установили наличие культурного слоя парфянского времени, характерно также, что кроме трех стен не было обнаружено никаких остатков других сооружений, что, однако, может объясняться небольшим объемом раскопочных работ. Вследствие этого трудно сделать какое-либо определенное заключение о характере этого объекта. Однако близость его к некрополю и наличие на нем наслоений того же времени дает возможность считать Варрык-депе составной частью погребального комплекса древнего Мерва. Вполне очевидно, что до наших дней дошли только остатки некрополя, который функционировал долгое время, а, следовательно занимал и большую, нежели сейчас, площадь.

Изучаемый некрополь, несомненно, является городским кладбищем — местом погребения жителей древнего Мерва и его округи[12]. Поэтому изучение некрополя дает ценные сведения об идеологических представлениях жителей древнего Мерва парфянской и сасанидской эпох. Как показали раскопки, в Мерве этого периода сосуществовали зороастрийский и христианский погребальные обряды; причем каждый из этих обрядов разнообразен по способам погребения. Изучение некрополя показало, что городское общество древнего Мерва не было единым по своим религиозным убеждениям, а представляло известную пестроту религиозных верований. Дальнейшее изучение некрополя древнего Мерва откроет много новых страниц в изучении древних религий, в частности зороастризма и христианства в Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). Труды Института истории, археологии и этнографии, т. 5. Материалы по археологии Туркменистана, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 160, примечание 9, стр. 161.

2. Название Варрык-депе, как сообщил Д. М. Овезов, переводится на русский язык — крутой, обрывистый бугор. Местное же население называет городище Варрык-

депе по имени местного жителя Варрыка, которому принадлежали эти земли до коллективизации.

3. Настоящая работа, ввиду ограниченного объема раскопочных работ на могильном холме и городище Варрык-депе, преследует цель публикации материалов для введения их в научный оборот, с тем, чтобы они могли послужить дополнением к тем материалам, которые будут получены при дальнейших раскопках некрополя древнего Мерва.

4. В раскопках некрополя принимали участие студенты кафедры археологии Средней Азии ТашГУ Я. Крикис, Е. Заурова и А. Агзамова.

5. Все определения монет, найденных при раскопках на могильном холме и городище Варрык-депе, сделаны М. Е. Массоном во время полевых работ осенью 1955 г.

6. Определение сделано М. Е. Массоном во время полевых работ.

7. История Туркменской ССР, т. I, книга I. Ашхабад, 1957, стр. 137.

8. История таджикского народа, т. I. М., 1963, стр. 429.

9. Ал-Белазури. Китаб Футухал-булдан. Перевод С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939, стр. 69.

10. Cabrol Fernan. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, t. I. Paris, 1907, p. 731.

11. История Туркменской ССР, т. I. Ашхабад, 1957, стр. 176.

12. Производивший раскопки в 1954—1956 гг. С. А. Ершов считает некрополь местом погребения не столько жителей города, сколько жителей прилегающих к нему сельских местностей и связывает его функционирование с маздакизмом. (См. Ершов С. А. Указ. соч., стр. 180).

Р. С. СУСЕНКОВА.

ДОМУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ СТАРОГО МЕРВА

(по данным раскопок 1956 г.)

Археологические работы на некрополе Старого Мерва в 1956 г. явились продолжением работ 1955 г. Была выделена группа в составе двух человек: дипломантки Р. Сусенковой и младшего коллектора Я. Крикиса. В задачи исследования входило выяснение и уточнение стратиграфии захоронений и их датировок. Работы производились под непосредственным наблюдением начальника экспедиции М. Е. Массона. К раскопкам группа приступила 19 сентября и закончила их 13 октября.

Работы начались с юго-восточного сектора (см. рис. 1), первый ярус которого был снят в 1955 г. Сразу же со второго яруса началась кладка из сырцовых кирпичей, расчистка которой дала возможность вскрыть две стены: восточную и южную, образующие углы I помещения, сохранившего стены на высоту 60 см. Сверху прослеживается четыре ряда горизонтально положенных кирпичей, ниже которых идет пахсовое основание. Восточная стена имеет толщину в 1 м, южная — 1,35 м. Сырцовый кирпич имеет следующие размеры 40×40×? см; 41×41×10 см. Две другие стены этого помещения, уходящие в юго-западный сектор, разрушены более поздними погребениями.

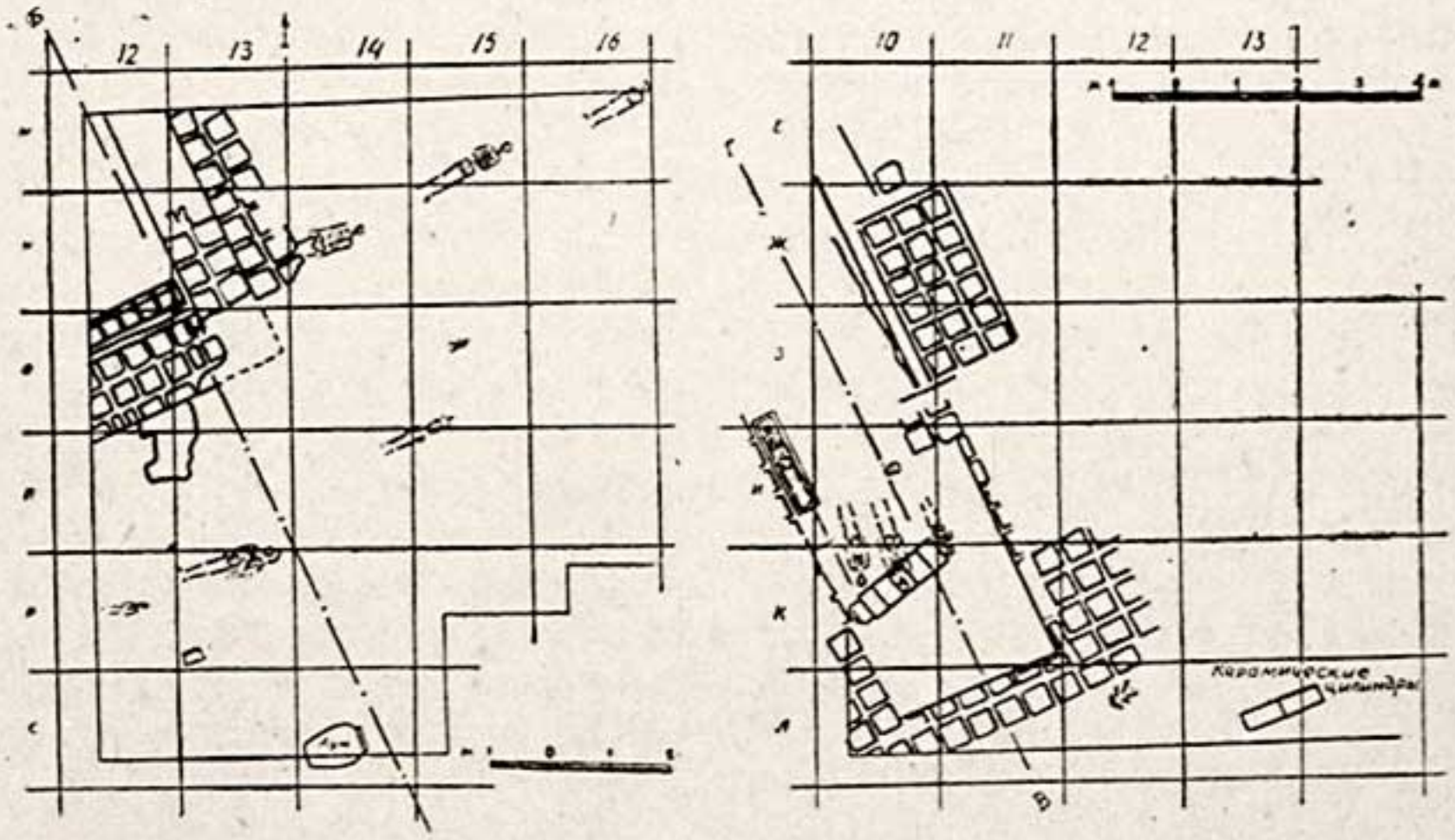


Рис. 1. Некрополь. План юго-восточного сектора (слева) и северо-восточного сектора (справа).

Помещение было завалено плотным слоем земли с примесью мелких кусков сырцового кирпича и фрагментов керамики. Поверх этого завала был насыпан слой костей. Снаружи, к восточной стене I поме-

щения, пристроена и идет параллельно ей другая стена толщиною в 1,5 м. Сложена она из двух рядов сырцового кирпича, размером 42×42×11 см. Это западная стена II помещения, его южная и восточная стены разрушены впускными захоронениями.

Внутри I помещения, вдоль южной стены не параллельно ей, а отступая одним концом на 12 см находится могила № 1, сложенная из поставленных на ребро жженых кирпичей по шесть штук по обеим длинным сторонам могилы, причем, шестой кирпич в ногах поставлен слегка наклонно. С торцовых сторон могила покрыта такими же кирпичами. Кирпич имеет следующие размеры: 32×32×5 см; 33×33×6 см; 34×34×5 см; 35×35×8 см. Кирпичи желтовато-сероватого обжига имеют на стороне, обращенной внутрь могилы, клейма в виде одной полосы и рядом небольшой подковки, расположенной в верхнем правом углу, в виде русской буквы «Т», в виде перекрестия или крестообразного знака, в виде буквы «Р», в виде кольца.

Снаружи могила с северной стороны обложена лежащими на ребре тремя кусками жженого кирпича и одним фрагментом стенки хума. Так как могила не плотно примыкает к стене помещения своей южной стороной, то образовавшийся зазор между кладкой стены и могилой был заполнен слоем рыхлой земли шириною 10 см. Могила была перекрыта шестью жженными кирпичами, положенными плашмя, следующих размеров: 31×31×5 см; 32×32×5 см; 35×35×8 см; 34×34×7 см. Снаружи и изнутри могила покрыта неровным слоем алебастра — более тонким на кирпичах, перекрывающих погребение на полу могилы, и более толстым в местах стыка кирпичей. Сверху могила была покрыта рядом сырцовых кирпичей размером 40×40×10 см, которые лежали на 3—4 см ниже сохранившейся кладки верхнего ряда кирпичей южной стены I помещения.

Внутренность могилы была засыпана слоем рыхлой земли с коркой, образовавшейся от проникновения влаги. Слой земли залегает неровно. Между ним и крышкой могилы имеется пустота. Земля, очевидно, попала внутрь могилы при ее засыпке. Под слоем земли был скелет, лежащий в вытянутом положении на спине. Головою он ориентирован на северо-восток. Правая рука слегка изогнута и кистью касается тазовой кости, левая рука согнута в локте. Костяк плохой сохранности.

К востоку от I помещения в 3,25 м от бровки на глубине 1,5 м от дневной поверхности в рыхлом слое земли с примесью большого количества песка и фрагментов расслоившейся керамики лежал скелет № 1 на спине. Голова ориентирована на северо-восток—восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги уходят в разрушенную кладку стены, идущей параллельно восточной стене I помещения.

На том же уровне и по той же оси, на расстоянии метра друг от друга и от первого скелета лежат еще два костяка № 2 и 3 в том же положении, что и предыдущий, но только у скелета № 2 руки согнуты в локтях.

На расстоянии 2,75 м от южной стены описанного помещения и 25 см от западной бровки на два метра ниже репера находился плохой сохранности скелет ребенка, № 4. В 50 см к северо-востоку от него находился еще один скелет № 5, лежащий на спине, руки вытянуты вдоль туловища. На том же уровне, что и скелеты № 4 и 5 в рыхлом слое с примесью большого количества расслоившихся фрагментов керамики был скелет № 6 плохой сохранности. Все три скелета ориентированы, так же как скелеты № 1, 2, 3.

В трех метрах от костяка № 5, южнее его, на уровне 2,5 м от репера точки, на самом склоне холма, в слое с большой примесью гумусных отложений и фрагментов хумов, был обнаружен хум, лежавший на боку. Высота его 80 см, диаметр горловины 43 см, диаметр дна 31 см.

Хум сделан из глины хорошей отмучки, обжиг ровный, розовый. Тулово его ангобировано и сплошь покрыто орнаментом в виде вертикальных насечек. В хуме находились кости детского скелета, присыпанные просеянной землей. Сохранность костей плохая.

В процессе раскопок юго-восточного сектора было зафиксировано небольшое количество отдельных костей, разбросанных по всей поверхности и встречающихся небольшими кучками.

В северо-восточном секторе (см. рис. 1) раскопки позволили вскрыть II помещение, находящееся ниже уровня дневной поверхности на 55 см. На этом уровне начинается кладка стен помещения из сырцового кирпича размерами 40×40×10 см; 41×41×10 см; 42×42×11 см. В высоту стены сохранились на 60 см, толщина стен 1,3 м. Западная стена имеет протяженность 5,75 м, южная — 2,95 м, восточная — 4,10 м. Северная стена сохранилась на протяжении одного метра, а остальная часть ее разрушена впускными погребениями. Помещение было засыпано обломками сырцового кирпича и невыразительными фрагментами толстостенной керамики, а сверху находились кости, разбросанные по всей поверхности в сильно разрушенном состоянии, перекрывавшие стены помещения. Внутри него, ниже дневной поверхности на 75 см, лежали три скелета № 7, 8, 9, отстоявшие друг от друга на 30—40 см. Они лежали в вытянутом положении, на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Только у скелета № 8 правая рука несколько откинута, а левая согнута в локте и обращена кистью к плечу. Головами они ориентированы на юго-восток. К северу от них находился скелет № 10, на том же уровне и с той же ориентировкой, а несколько выше и западнее их, на уровне первого сверху кирпича кладки западной стены отмечен костяк № 11, ориентированный головой на север, хорошей сохранности. В помещении, которое было перекрыто костяками, на глубине 50 см от начала кладки стены, в 1,70 м от юго-западного угла, перпендикулярно западной стене, находилась могила № 2, длинные стороны которой сложены из пяти поставленных на ребро жженых кирпичей и половинки шестого. С короткой стороны к могиле приставлено по одному кирпичу. Кирпичи зеленоватого обжига, имели клейма в виде полосы, прямого креста и в виде кольца. Размеры кирпичей следующие: 31,5×31,5×5,5 см; 32×32×5,5 см; 33×33×6 см; 32×32×7 см; 32×32×6,7 см.

Северная стена снаружи обложена кусками жженого кирпича, которые заполнили пространство шириной в 6—7 см между могильной ямой и стеной могилы. Могила была перекрыта прямоугольными жженными кирпичами, положенными плашмя: первый кирпич лежит на самом краю кирпичей, стоящих на ребре, а остальные нависают над стенами могилы на 5 см. Размеры прямоугольных кирпичей: 41×25×5 см; 50×31×5 см; 50×32×5 см.

Внутри и снаружи могила была обмазана неровным слоем алебастра, вкрапления которого находились в засыпке могильной ямы на высоте 5—6 см от перекрытия.

Сверху на могилу был положен ряд сырцовых кирпичей размером 40×40×10 см. В могиле лежал костяк плохой сохранности, значительная часть костей его превратилась в труху. Скелет был присыпан небольшим слоем земли, попавшей внутрь при обрушении перекрытия могилы. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, с руками вытянутыми вдоль туловища, ориентирован он головой на северо-восток. В 1,55 м от могилы № 2 и выше ее на 38,5 см, вдоль западной стены вскрыта могила № 5, сложенная из жженых кирпичей, более крупных размеров, чем в предыдущих могилах. Размеры его 32×32,5×6 см; 33×33,5×6,5 см; 33×34×4,7 см; 34×34×7 см; 35×33×7,5 см. Клейм на них, в отличие от ранее описанных могил, не было.

Конструкция этой могилы такая же, как и могил № 1 и 2. Между западной стеной могилы и стеной помещения положен в образовавшуюся пустоту, шириной в 7 см, ряд сырцовых кирпичей длиною по 10 см каждый. Скелет хорошей сохранности, лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с лицом повернутым на запад.

К северу, западу и востоку от II помещения идут кладки из сырцового кирпича, который отмечался выше, но из-за прекращения раскопочных работ система кладки не была выявлена.

Наличие этих кладок дает возможность говорить о целом ряде помещений, примыкающих к вышеописанным двум и образующим вместе с ними систему помещений погребального назначения. К востоку от II помещения, в рыхлом слое, на глубине 20 см от дневной поверхности встречено захоронение в керамических цилиндрах, лежащих один за другим. Длина каждого цилиндра 66 см, диаметры обращенных друг к другу сторон 34 см, а противоположных, прикрытых большими кусками жженых кирпичей,—30 см. Они были заполнены серовато-зеленоватым песком, в котором находился костяк ребенка. Скелет ориентирован головой на северо-восток. Труп был втиснут в цилиндр в вытянутом положении.

В северо-западном секторе была произведена расчистка, которая выявила кирпичную кладку, принадлежащую, видимо, еще целому ряду помещений, подобных описанным, но в большей степени разрушенных впускными погребениями, нежели предыдущие; к западу от кладки площадь в 8 м² покрывал двадцатипятисантиметровый рыхлый крупитчатый слой коричневого цвета, состоявший из разрушенного сырцового кирпича, костной трухи, кусков жженого кирпича, алебастра и фрагментов хумов. В этом слое находилась могила, точнее, ее остатки, состоявшие из двух жженых кирпичей, положенных рядом, один размером 34×34×5 см, другой — 36×36×8 см. За ними был приставлен обломок такого же кирпича, а потом лежал плашмя сырцовый кирпич размером 42×42×11 см. Оба жженых кирпича были обмазаны алебастром, который сохранился в швах. Под кирпичами, в небольшом углублении, сделанном в кирпичной кладке длиною в 80 см, был обнаружен присыпанный землей череп ребенка плохой сохранности и одна косточка от ребра. Это остатки впускного погребения, сделанного в разрушившиеся стены помещения. Все могилы, как правило, безынвентарные. Из находок удалось зафиксировать один небольшой кувшинчик, имеющий полное, слегка приплюснутое в середине тулово, которое переходит в горловину со слабо отогнутым назад венчиком. Высота кувшинчика 8 см, диаметр дна 3,5 см, диаметр горловины 4,5 см, высота горловины 2,5 см. Во II помещении, в кирпичной кладке восточной стены найдена медная монета очень плохой сохранности.

Заканчивая описание, можно подвести некоторые итоги археологического вскрытия указанного участка некрополя, позволившего выявить несколько периодов функционирования кладбища.

1. Первый период существования некрополя надо связывать с возведением погребальных сооружений типа наусов, в настоящее время сохранивших стены в 60 см высотою, сложенные из сырцовых кирпичей с пахсовым основанием. Вероятно, они имели сводчатое перекрытие. Остатки свода отрезками отмечены в одном из помещений, вскрытых в 1954 г. на вышеупомянутом раскопе. Назначение их пока еще не ясно. Может быть, они предназначались для захоронений оссуарного типа.

2. Ко второму периоду относятся захоронения, сделанные в могилах, обложенных жженым кирпичом, и скелеты, лежащие в вытянутом положении на спине, без всякого погребального инвентаря на том же уровне и имеющие ту же ориентацию, что и скелеты в могилах, обложенных жженым кирпичом.

3. К третьему периоду относится костный завал, перекрывающий стены и сами помещения, сложенные из сырцового кирпича.

4. Четвертый период представлен более поздними погребениями, произведенными в разрушенные помещения.

5. Далее идут захоронения в цилиндрах.

Следовательно, наблюдается несколько типов погребений на данном участке некрополя. Слои с захоронениями имеют толщину от 3 до 4 м. Могильник был обильно насыщен разного рода захоронениями и, вероятно, принадлежал к числу больших кладбищ древнего Мерва.

В результате работ на некрополе древнего Мерва в полевом сезоне 1956 г. были вскрыты остатки двух наусов, являвшихся двумя звеньями единого погребального комплекса, каждый из которых представлял собою надземный, возведенный из пахсы и сырцового кирпича склеп, вероятно, имевший сводчатое перекрытие, судя по остаткам уже упомянутого свода отрезками.

Сооружения кладбищенского типа предназначались для погребений, связанных с зороастрийским культом.

Наблюдения, сделанные в ходе изучения некрополя, показали, что при строительстве вышеописанных погребальных сооружений использовались приемы и строительные материалы, характерные для Южного Туркменистана в позднепарфянский и раннесасанидский периоды. Один из наусов (№ 2) имеет более или менее точную дату: в одном из кирпичей кладки восточной стены этого помещения была обнаружена медная монета плохой сохранности, замешанная в глину при выделке кирпича. Она датирует время изготовления кирпича и его употребления. Монета была определена М. Е. Массоном, как монета позднемаргианской эмиссии.

Значит, начало возведения этих сооружений надо связывать с позднепарфянским временем (не ранее!), а дальнейшую пристройку к ним подобных же помещений — с сасанидским.

Подобные сооружения в Средней Азии неединичны. Так, например, аналогичные постройки были открыты в результате работ Таджикской экспедиции на пянджикентском некрополе, датируемом VII—VIII вв. н. э. Раскопки пянджикентского кладбища дали исчерпывающий материал для реконструкции наусов, которые представляли собою невысокие, однокомнатные помещения с узким и низким лазом—входом, оформленным арочным перекрытием. Наус был перекрыт сводом, снаружи скрытым, видимо, рядами сырцовых кладок[1].

Рис. 2. Разрез через северо-восточный и юго-восточный секторы некрополя.

Погребения, обнаруженные в процессе раскопок, стратиграфически и типологически можно разбить на несколько групп (см. рис. 2):

1. Захоронения костей в хумах.
2. Захоронения, представленные беспорядочным навалом костей.
3. Трупоположение в могилах, обложенных жженым кирпичом.
4. Трупоположение в грунтовых могилах.
5. Трупоположение в керамических цилиндрах.

Все погребения не имеют никакого сопровождающего их инвентаря. Поэтому для установления датировок будут привлечены все дан-

ные, главным образом косвенные, которые помогут разрешить ряд вопросов, связанных со временем бытования тех или иных вышеупомянутых типов погребения.

В процессе раскопок 1955 и 1956 гг. было зарегистрировано два случая захоронений костей в хумах. Но, кроме двух целых сосудов было найдено много фрагментов стенок, венчиков от хумов, что может служить доказательством нашего утверждения о существовании этого типа захоронений в широких масштабах. В хуме с ручками высотою 82 см, диаметром в средней части 2 см, найденном ниже уровня кладки стен помещения, раскопанного в 1955 г. в юго-западном секторе, находились захоронения костей двух особей человека.

Во втором хуме, найденном за I помещением в юго-восточном секторе, на южном склоне могильного холма, на глубине 2,5 м от репера, в рыхлом слое зарегистрированы очень плохой сохранности кости ребенка. Подобные хумы в квартале ремесленников на городище Гяур-кала находят в слоях, относящихся к позднепарфянской и раннесасанидской эпохам.

По аналогии с ними, хумы с некрополя можно датировать III—IV вв. н. э., что хорошо увязывается со временем возведения наусов. Погребения оссуарного типа, связанные с зороастрийским погребальным ритуалом, имели широкое распространение в Средней Азии.

Захоронения оссуарного типа, в частности в хумах, зарегистрированные на мервском некрополе, не являются единичными и случайными, а являются широко распространенным на всей территории Средней Азии типом погребения, связанным с зороастрийским ритуалом.

Вторым типом погребения, генетически связанным с первым, является тип, представленный на нашем кладбище беспорядочным навалом костей, в котором надо усматривать погребения отдельными кучками костей. Этот тип имеет место в вышеуказанном зороастрийском погребальном ритуале и связан с теми же его принципами, то есть предварительно труп очищается от мяса, только чистые кости складывались не в сосуд, а просто в отдельную кучку, соблюдая при этом старую традицию. Возможно, это связано с имущественной дифференциацией общества.

Третий тип захоронения — трупоположение в могилах, сложенных из жженого кирпича, датируется приблизительно временем не ранее IV в. н. э., а вернее позже его.

Кирпич, из которого были сложены могилы, зафиксирован при раскопках квартала ремесленников на городище Гяур-кала в слое, относящемся к раннесасанидскому времени и более позднему. Клейма же на этих кирпичах перекликаются со знаками на сырцовых кирпичах Эркалы поздней поры рабовладельческого общества. Знаки на кирпичах, которыми выложены могилы, не являются обязательными, но часто встречаются. Они прорисованы на поверхности кирпичей до их обжига. Нельзя утверждать, что они имеют отношение к погребальному обряду, поскольку для погребения используются не специально изготовленные, а обычные кирпичи.

С трупоположением в могилах, сложенных из жженых кирпичей, одновременны захоронения в грунтовых могилах и, очевидно, они относятся к одному и тому же погребальному обряду. В пользу этого предположения говорят следующие факты: они находятся в одном и том же стратиграфическом слое, имеют одинаковое трупоположение и ориентировку. Захоронение их было произведено в пору, когда погребальные помещения были заброшены и стали разрушаться. Вероятно, это надо связывать со временем кризиса рабовладельческого общества, при котором наблюдается упадок городской жизни в Мерве.

О том, что эти погребения впускные и не связаны с помещениями, можно судить по следующим наблюдениям, сделанным в процессе раскопок в 1956 г.: во-первых, эти могилы находятся не на полу помещений, а ниже его. Они спускались в него сверху, в заранее вырытую яму, которая делалась больших размеров, чем сама могила. Пустое пространство между могилой и могильной ямой было заполнено для большой устойчивости кусками жженых кирпичей и фрагментами хумов. Это же подтверждает другой факт: у южной стенки могилы обмазка алебастром в месте стыка крышки со стенкой дает выкружку наружу валиком тонким слоем, между которым и кирпичом крышки отмечается небольшой слой рыхлой земли. Последняя, по-видимому, могла насыпаться сверху на перекрытие могилы до того, как ее покрыли штукатуркой. Во-вторых, могила подходит не вплотную к южной стене помещения, а отступает от нее и идет не параллельно ей, а отходит от стены западным концом своим на 12 см. Другим не менее важным фактом в пользу этого утверждения является то, что у скелета № 1, лежащего в вытянутом положении в грунтовой могиле, ноги находятся в разрушенной кладке стены, то есть это говорит о том, что захоронение было произведено в то время, когда помещения окончательно разрушались и не использовались как наус.

К этим двум типам погребений относится подавляющее количество костяков, как правило, они лежат в вытянутом положении на спине, руки вытянуты вдоль туловища или слегка согнуты в локтях; в двух случаях руки согнуты в локтях так, что кистями касаются плеч. Большинство костяков ориентировано головами на северо-восток—восток и только три имеют ориентировку по линии север-юг, головой на юг. Ни в одном погребении не встречено инвентаря.

Для того, чтобы решить вопрос о принадлежности этих погребений к определенной религии, необходимо напомнить, что Авестой запрещено предавать трупы земле, а мусульманский погребальный ритуал предписывает хоронить трупы, ориентируя их головой на север с лицом повернутым на кыблу. Вероятнее всего, что эти захоронения делались согласно христианскому погребальному обряду.

Трупоположения в грунтовых могилах и могилах с перекрытием из саманного кирпича отмечены А. Н. Бернштамом в Чуйской долине[2]. Устройство могил с перекрытием из саманного кирпича напоминает устройство мервских могил, обложенных жженными кирпичами. А. Н. Бернштам не относил их ни к какому определенному погребальному обряду.

Подобные погребения в Киргизии встречены при раскопках городища Сусамыр. А. К. Кибиров называл их захоронениями, сделанными в ящиках из сырцового кирпича. Правильнее называть эти захоронения не в ящиках из сырцового кирпича, а захоронения, обложенные сырцовыми кирпичами. Вещественного материала в этих могилах, как и в предыдущих, не найдено. Автор так же не связывает их с каким-либо определенным обрядом[3].

В связи с начавшимися работами по постройке Таласской плотины около Джамбула в районе горы Тик-Турмас обнаружено кладбище с грунтовыми могилами, имеющими перекрытие из каменных плит[4]. Эти могилы, как и предыдущие, по аналогии с таким же типом погребений мервского некрополя можно отнести также к христианскому религиозному обряду. Подтверждение этому предположению можно найти в исторических данных, говорящих о том, что начиная с IV в. н. э. началось массовое движение христиан в Среднюю Азию. Отдельные миссионеры проникали туда гораздо раньше[5]. В Мерве и его окрестностях жило много христиан.

В VI в. официальной религией Сасанидского государства по-прежнему считался зороастризм. Но ко времени последних представителей этой династии внутреннее содержание этой развитой дуалистической системы в значительной степени утеряло свою силу. В это время христианство удачно соперничает с зороастризмом.

Вышеописанные типы погребений по времени совпадают с распространением в мервском оазисе христианства. А так как они не принадлежат ни к зороастрийскому, ни к мусульманскому погребениям, то правильней их будет увязать с христианским ритуалом захоронения. Судя по археологическим данным, покойников клали в могилах, сложенных из жженых или сырцовых кирпичей, или просто в грунтовых ямах и в том, и в другом случае в вытянутом положении на спине. В строгом смысле правила для положения рук покойников, как видно, не применялись. Что же касается разнообразия ориентировки покойников в могилах—это, вероятнее всего, можно объяснить различием во взглядах у разных сект.

Захоронения в керамических цилиндрах, вероятно, тоже можно отнести к христианским погребениям, судя по положению костяка и его ориентации. Прямых указаний на датировку этого типа погребений у нас нет. Аналогичные захоронения в таких кабурах-цилиндрах отмечались в могильнике, расположенном вдоль скошенного северо-западного наружного фаса Гяур-калы. Этот могильник тянется вдоль стены метров на 50. Ясно, что возникновение его надо связывать с периодом запустения Гяур-калы, наступившим, вероятно, вскоре после завоевания Мервского оазиса арабами.

Остатки древних христианских кладбищ более позднего времени по археологическим исследованиям были известны в Семиреченской области с конца прошлого и начала нашего столетия. Известно кладбище близ города Пишпека[6]. Некоторые могилы здесь выкладывались жженым кирпичом, а сверху клались надгробные камни разной формы и величины, на которых изображались кресты и сирийские надписи.

Второе подобное кладбище было вскрыто в Чуйской долине близ города Токмака, недалеко от башни Бурана[7], третье — при обследовании древнего Алмалыка[8], четвертое — в 40 км от города Пржевальска по течению реки Зарк[9]. Эти памятники датируются XII—XIII вв.

Находка вышеописанных христианских могильников подтверждает тот факт, что христианские типы погребений, отмеченные на мервском некрополе, не являются одинокими.

Помимо христианских погребальных памятников, в Южной Туркмении зарегистрированы развалины средневекового христианского храма, расположенного в 15 км к северу от Старого Мерва[10]. В Геок-депе был найден клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. В результате раскопок выявлено несколько периодов существования кладбища, первый из которых связывается с позднепарфянским временем. Могильный холм как кладбище продолжал функционировать вплоть до завоевания мервского оазиса арабами.

2. Исследование некрополя дало пять типов захоронений с зороастрийским и христианским обрядами погребения.

3. Раскопками на мервском могильнике был зафиксирован один из самых ранних типов христианского погребения в Средней Азии.

Использование материалов некрополя как исторических источников позволяет осветить некоторые вопросы, связанные с идеологией и историей культуры народов, некогда обитавших на территории современной Туркмении.

Для разрешения сложных вопросов, касающихся этногенеза турк-

мен, имеет большое значение антропологическое исследование черепов с мервского некрополя, произведенное В. Я. Зезенковой. Исследование показало, что основной тип населения древнего Мерва был долихомезокранный, европеоидный, близкий к средиземноморскому. Наличие монголоидных черт, в качестве примеси, отмечается в V в. Одновременно с долихомезокранным типом на территории Мерва обитал брахицефальный, европеоидный и брахицефальный смешанный тип.

Исследование краниологического материала говорит о наличии обычая деформировать головы с древних времен (V в. н. э.). Существовало два вида кольцевой деформации, отличающихся по месту наложения деформирующей повязки. Деформация не изменяет исходный тип.

Весь исследуемый палеоантропологический материал подтверждает то, что исходным типом населения Туркмении был европеоидный, долихомезокранный[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стависский Б. Я. Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат. Л., 1954, стр. 12.

2. Бернштам А. Н. Обзор археологических исследований в 1938—1940 годах в Чуйской долине. МИА, № 14. М.-Л., 1950, стр. 34.

3. Кибиров А. К. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Киргизской ССР, вып. 1. Фрунзе, 1955, стр. 129—130.

4. Маргулан А. Х., Агеева Е. И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. Известия АН Казахской ССР, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 130.

5. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВОРАО, т. VIII. СПб., 1893, стр. 6.

6. Пантусов Н. Н. Христианские кладбища близ города Пишпека в Чуйской долине. ЗВОРАО, 1886, т. 1. СПб., 1887, стр. 74—77.

7. Там же, стр. 78—82.

8. Пантусов Н. Н. Надгробные христианские памятники в Алмалыке. Протоколы ТКЛА, год VII. Ташкент, 1902, стр. 52—54.

9. Пантусов Н. Н. Христианское кладбище у ущелья Зауке. Протоколы ТКЛА, год XIII. Ташкент, 1909, стр. 14—15.

10. Пугаченкова Г. А. Хароба-Кошук. Известия АН ТССР, 1954, № 3, стр. 13—15.

11. Зезенкова В. Я. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 111—123.

С. Б. ЛУНИНА

АРХЕОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА СУЛТАН-КАЛА, ЕГО ОБВОДОВ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПРИГОРОДА

Изучение крупных древних, в частности средневековых городов Средней Азии, игравших значительную роль в ее истории,— одна из наиболее интересных, важных и вместе с тем наиболее трудных задач, стоящих перед среднеазиатской археологией, которая всегда, как пишет об этом М. Е. Массон, «уделяла особое внимание именно крупным местным древним городам, исходя из того, что их археолого-топографическое изучение в самом широком понимании, с охватом развития производства, ремесла, торговли, классовой борьбы и т. п. представляет собой часть истории общества»[1]. К числу городов с многовековой и достаточно сложной историей относится одно из городищ Старого Мерва — Султан-кала, город, история которого будет когда-нибудь воссоздана совместными усилиями историков и археологов. На первых же этапах его изучения особую значимость приобретают данные археолого-стратиграфического и историко-топографического характера.

Не останавливаясь в данной работе на истории изучения городища, считаем необходимым отметить, что изучение истории города, его исторической топографии, сопоставление с данными письменных источников связано с именами таких ученых, как В. А. Жуковский, В. В. Бартольд, М. Е. Массон и др. Неоднократно привлекал к себе внимание исследователей находящийся в центре города мавзолей султана Санджара. Всесторонне исследовала архитектурные памятники Мерва Г. А. Пугаченкова.

Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и пригорода — рабада связано с основной проблематикой Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), каковой является, как это сказано в Положении об ЮТАКЭ, «участие в разрешении вопросов по уточнению периодизации в истории Туркмении за все эпохи деятельности здесь человеческого общества». С другой стороны, вопросы стратиграфии культурных наслоений находятся в тесной связи с вопросами исторической топографии городищ Старого Мерва, начала обживания этой территории, времени сложения средневекового города и его пригорода, интенсивности жизни здесь в различные периоды. Задачи стратиграфического изучения ставились с самого начала работ ЮТАКЭ на городищах Старого Мерва.

В результате работ на ряде раскопов и стратиграфических шурфов, заложенных на площади городища Султан-кала, его северного и южного обводов и в западной части пригорода—рабада, был получен обильный фактический материал, дающий возможность сделать некоторые выводы по истории Мерва, вместе с тем все это позволяет поставить новые

задачи по археологическому и археолого-стратиграфическому изучению упомянутого городища и его окрестностей.

Перечислим вкратце в хронологическом порядке раскопы и шурфы, на которых так или иначе решались археолого-стратиграфические задачи. В 1953 г. Г. А. Пугаченковой был заложен шурф внутри мавзолея султана Санджара. Начиная с 1954 г. ежегодно ведется изучение западной части рабада города с закладкой ряда раскопов и стратиграфических шурфов. В 1955 г. М. Аминджановой был доведен до материковых слоев шурф у крепостной стены Султан-калы. В 1957 г. Я. Крикис осуществил шурфование в разных частях городища. В 1959 г. Е. З. Заурова вскрывала кладбище в северном обводе и заложила здесь шурф. В 1960 г. был заложен шурф в юго-западном углу города, а также в северном обводе, в здании так называемой «каптархоны», где на протяжении двух лет проводилось также вскрытие помещений. В 1961 г. велся раскоп холма в южном обводе и одновременно до материковых слоев был доведен здесь стратиграфический шурф. С этого же года началось и продолжается ежегодно вскрытие жилого дома на раскопе 1 в северо-западной части городища, также сопровождавшееся шурфованием. В полевом сезоне 1964 г. на двух участках было начато изучение остатков ремесленного производства на городище Султан-кала, в том числе в юго-западном углу городища. Рядом с остатками печей был заложен доведенный до материка шурф. Сопровождался шурфованием и раскоп печи XIII—XIV вв. в центральной части городища. Большинство названных вскрытий велось либо под наблюдением автора, либо при нашем участии. Некоторые материалы и датировки были пересмотрены нами. Общее руководство работами осуществлялось начальником экспедиции проф. М. Е. Массоном, которому автор благодарен за ценные советы и указания, а также за предоставленную возможность пользоваться архивами ЮТАКЭ. Приносим благодарность также Г. А. Пугаченковой, предоставившей в наше распоряжение графические материалы и описание закладки шурфа в мавзолее султана Санджара.

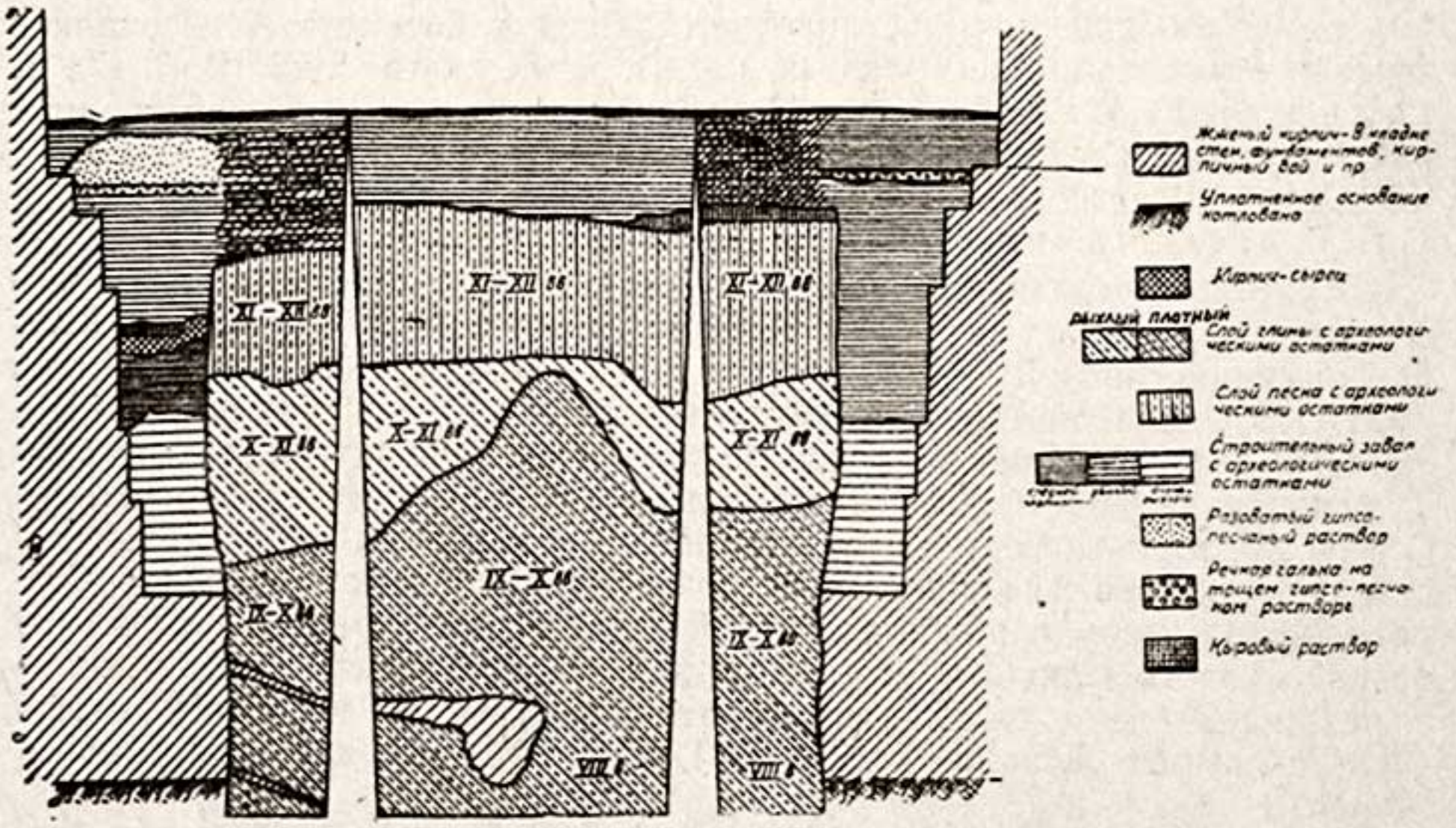


Рис. 1. Развертка стен шурфа в мавзолее султана Санджара.

Как упомянуто выше, в 1953 г. Г. А. Пугаченковой был заложен шурф у южной стены мавзолея султана Санджара внутри него. Площадь шурфа 2×1 м. Шурф дал различный характер наслоений

в южной и северной своей части. В южной части слои связаны в основном с котлованом фундамента мавзолея. Последовательность их была следующей: вверху недавняя смазка пола глиной с саманом (4—6 см), под ним небольшой трухлявый слой засыпки, видимо, предшествующего ремонтного пола, далее плотный слой речной гальки, сцементированной гипсо-песчаным раствором. Г. А. Пугаченкова считает, что этот слой отражает уже строительный этап, связанный с заравниванием поверхности для пола после окончания основных строительных и отделочных работ в мавзолее. Здесь найдены фрагменты сероглиняного тонкого сосуда с рельефной штампованной орнаментацией: надписи почерком насх, звериным гоном и мотивом ислими. Сосуд относится к керамике, типичной для Мерва XII в. Далее идет 7—8 см галечника на тощем гипсо-песчаном растворе. Ниже котлован забутован глиной с большой примесью битого кирпича, угольков, фрагментов керамики и пр. Затем идет толстая прослойка серого кырового раствора. Последняя сменяется завалом средней плотности в 40—50 см, включающим глину с кусками кирпича, костями и пр., за которым в свою очередь на глубину свыше 1 м тянется очень рыхлый завал с кусками сырцовых и жженых кирпичей, угольками, фрагментами стеклянных и керамических изделий X—XII вв.

Больший интерес для нас представляет смежная часть шурфа, которая принадлежит не котловану фундамента, а тому массиву, в котором некогда этот котлован отрывался. Под слоем поздней смазки и засыпки в 15 см толщиной шел рыхлый завал кусков кирпича, земли, керамики XI—XII вв., который местами перемежался кирпичными кладками, выведенными всухую на глине. Размеры кирпича 22×22×3,5 см и 23×23×4 см. На глубине 1 м начался очень плотный слой пахсы, замешанной на самане. В начале слоя была обнаружена медная монета сельджукидского чекана. В пахсу оказались замешаны фрагменты керамики XI—XII вв., угольки, кусочки стекла. Этот слой протянулся на 90—100 см. По мнению Г. А. Пугаченковой — это остатки старой постройки из числа тех, что примыкали к зданию мечети, снесенной в XII в. при строительстве мавзолея. Ниже пошел более рыхлый слой глины с различными археологическими остатками, в том числе с отходами различных ремесленных производств. Здесь были найдены три железные крицы, сюргучно-красный шлак, трехножки — сипая от печного припаса гончара, шлаки, угольки. Фрагменты керамики содержат материал X—XI вв., главным образом XI в. Этот слой сменяется идущей на значительную глубину плотной сбитой глиной, в которой встречались отдельные куски жженых кирпичей-маломерок 19—20×19—20×3—3,5 см, а также угольки, кости, зола. Обнаруженные здесь фрагменты керамики могли быть датированы X—XI вв. Видимо, котлован был заполнен водой, в связи с чем произошло уплотнение того культурного слоя, на котором был воздвигнут мавзолей. Этот однородный слой был прослежен на глубину 1,8—2,7 м, причем на последнем метре характер керамического материала изменился — это исключительно безглазурная светло-желтой глины керамика, датированная VIII в. На глубине в этот слой вклинивается прослойка разрушенного кирпича-маломерки толщиной в 3 см, видимо, относящаяся к той же эпохе. Слой этот Г. А. Пугаченкова расценивает как остатки того аббасидского Мерва, где близ канала Маджан при Абу-Муслиме возводится новая соборная мечеть, дом правления и пр. До материковых слоев шурф доведен не был.

Несколько стратиграфических шурфов было заложено на городище Султан-кала в 1957 г. Для получения более четких данных, все они были связаны с остатками средневековых архитектурных сооружений. Шурф 1 площадью 16 м² был заложен в юго-восточном углу городища,

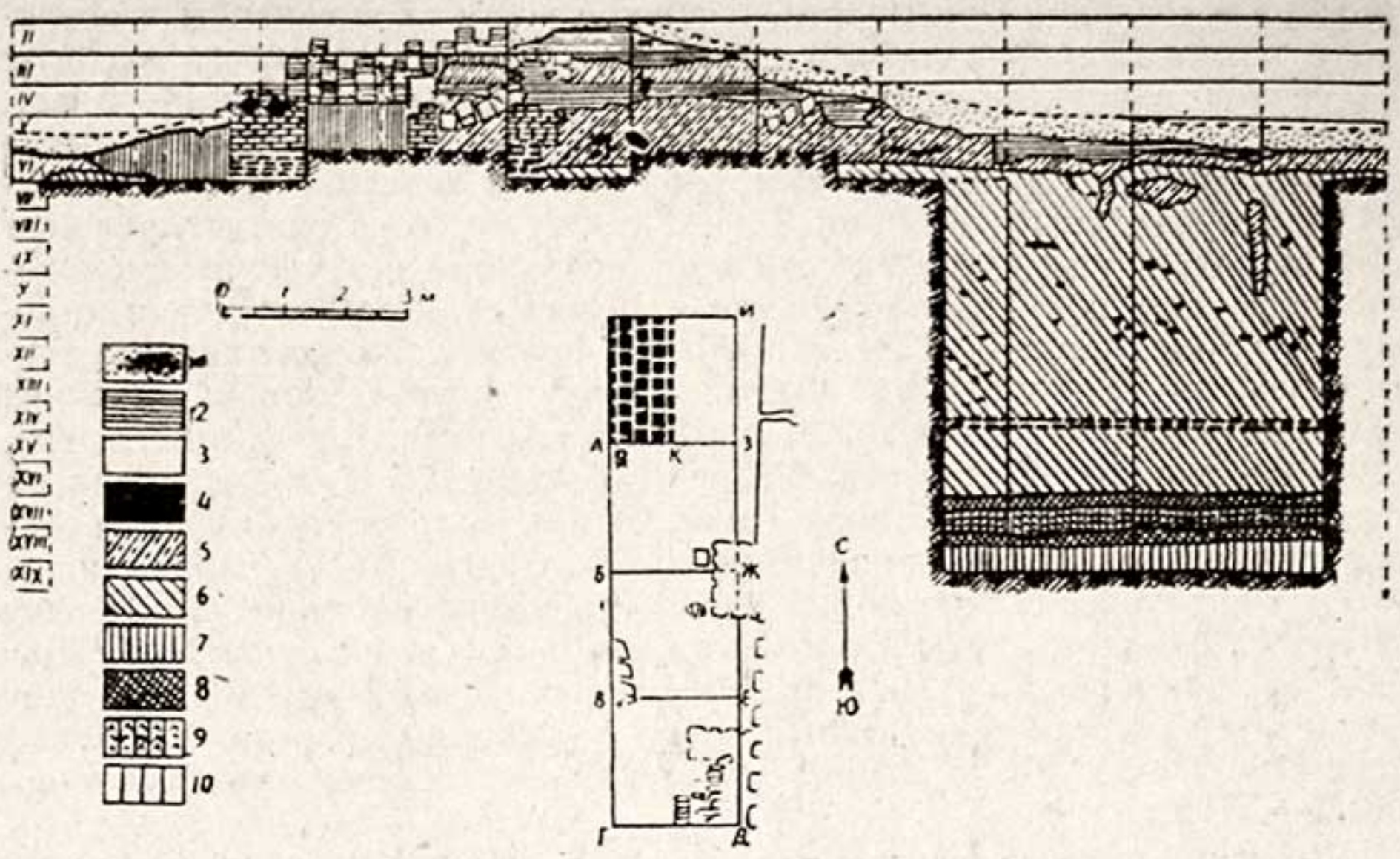
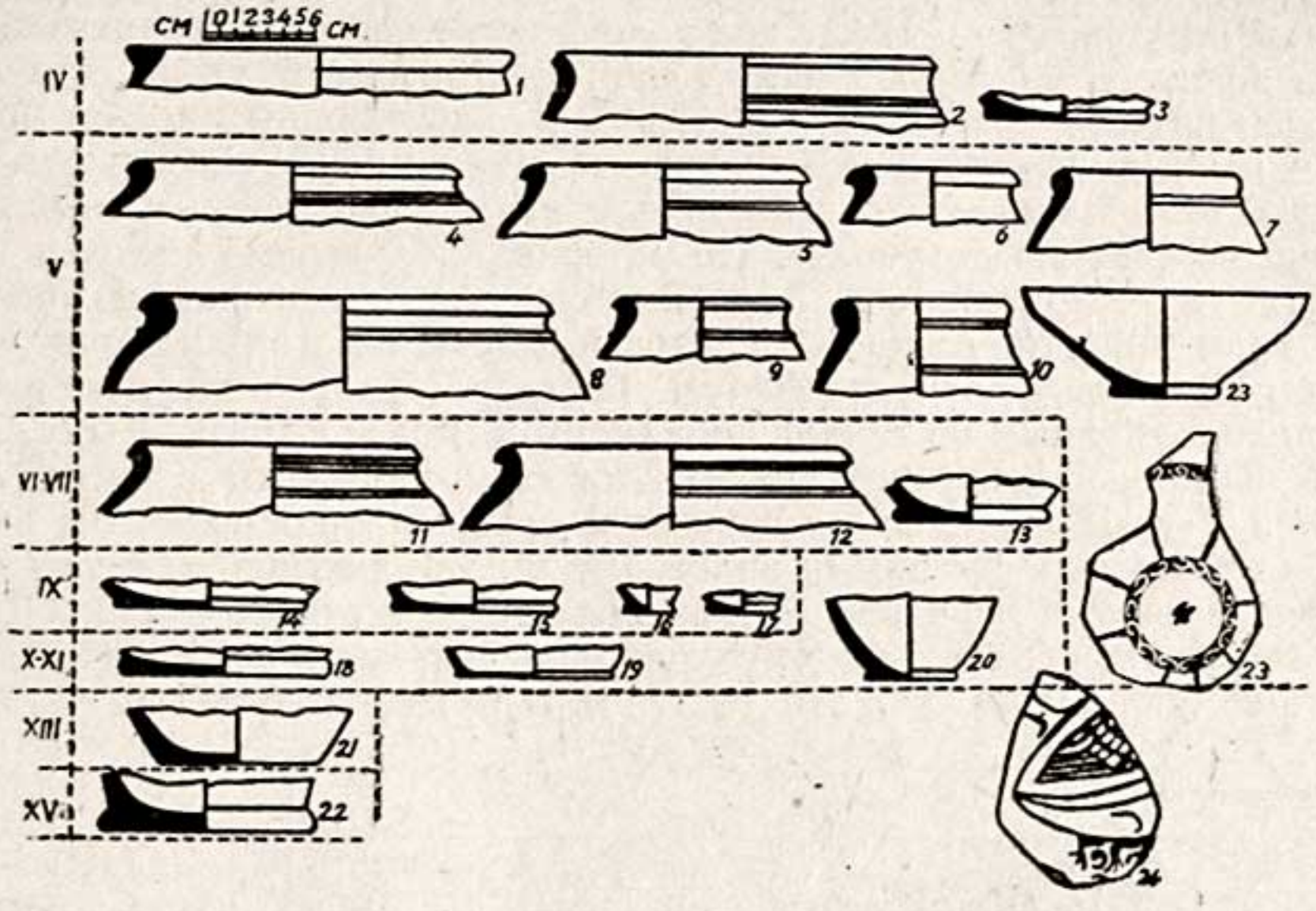


Рис. 2. Развертка стен шурфа № 1 (в юго-восточном углу городища): *1* — песок; *2*—натечный слой; *3*—сырец; *4*—жженый кирпич; *5*—рыхлый завал с кусками кирпича и угольками; *6*—плотная земля с тем же содержанием; *7*—пахса; *8*—зеленый слой; *9*—слой глины; *10*—туюн.

внутри продолговатого в плане помещения здания, являвшегося, по-видимому, одним из сохранившихся доныне в Мерве и его округе средневековых кёшков. В завале над упавшим сводом была обнаружена медная монета второй половины XII в., что явилось подтверждением факта запустения дома к середине XII в., возможно, со времени гузской смуты. Культурный слой достигал в шурфе мощности 5,7 м. Слой пушонки в 35—40 см включал в себя рыхлый завал с примесью фрагментов сырцовых и жженых кирпичей. Последние имели размеры 22×?×4; 23×?×4; 23,5×?×5; 26×?×5 см и были, надо думать, квадратными по форме. Один найденный здесь целый жженый кирпич был размером в 20×20×4 см. В этом же слое имелись остатки кладки из сырцовых кирпичей 28×28×7 см. Уровень пола здания находился на рубеже V и VI ярусов и слои, расположенные здесь, имели темно-зеленый цвет и включали золу, кости мелких животных, бусинки, фрагменты керамики, в том числе здесь было найдено донце чаши диаметром 7 см, где по белому фону нанесен орнамент зеленой и коричневой красками, а по последнему еще процарапана дополнительная орнаментация. Фрагмент явно мог быть датирован XII в. Две бусины из черной стеклянной пасты были яйцевидной и шестигранной формы, одна бусина из голубого стекла. Ниже уровня пола начался плотный натечно-надувной слой с включением фрагментов кирпичей, золы, угольков, фрагментов керамики, костей животных, местами с растительными остатками, шедший на значительную глубину (до 4,7 м). Фрагменты жженых кирпичей, попадавшиеся здесь, имели толщину 4—5 см. В середине XIV яруса слой этот прерывался вымосткой из жженых кирпичей 18×18×3,5 см и 24×24×5—5,5 см. В расположенном выше вымостки культурном слое были встречены фрагменты керамики, не дающие полной формы, в том числе венчики горшкообразных сосудов, донца блюд и кувшинов. У поливных чаш черепок в изломе красноватого или серого цвета, полива белая и темно-зеленая, встречены фрагменты с поливой ишкорного типа. На одном фрагменте донца по белому фону было нанесено изображение

птицы темно-коричневой и зеленой красками. Отдельно над туловищем показано большое крыло, разделанное чешуйками и параллельными линиями. Найденная в слое неполивная керамика была серого цвета с прочерченными параллельными прямыми и волнистыми линиями. На наш взгляд, слой этот можно датировать X—XI вв. Ниже выстилки из жженых кирпичей, относящейся, видимо, к X в., шла невыразительная керамика с красноватого цвета черепком в изломе, которую лишь по расположению в слое можно датировать началом X в., возможно, концом IX в., ибо никакого запустения между этими слоями не наблюдается. Ниже пошли слои материкового характера, где перемежались слои плотной темно-коричневой глины с плотной землей, имеющей оттенки зеленоватого и ржавого цветов, то есть включающей растительный перегной, и прослойками песка. Таким образом, культурный слой в целом датируется X (самое раннее IX) — XII вв.



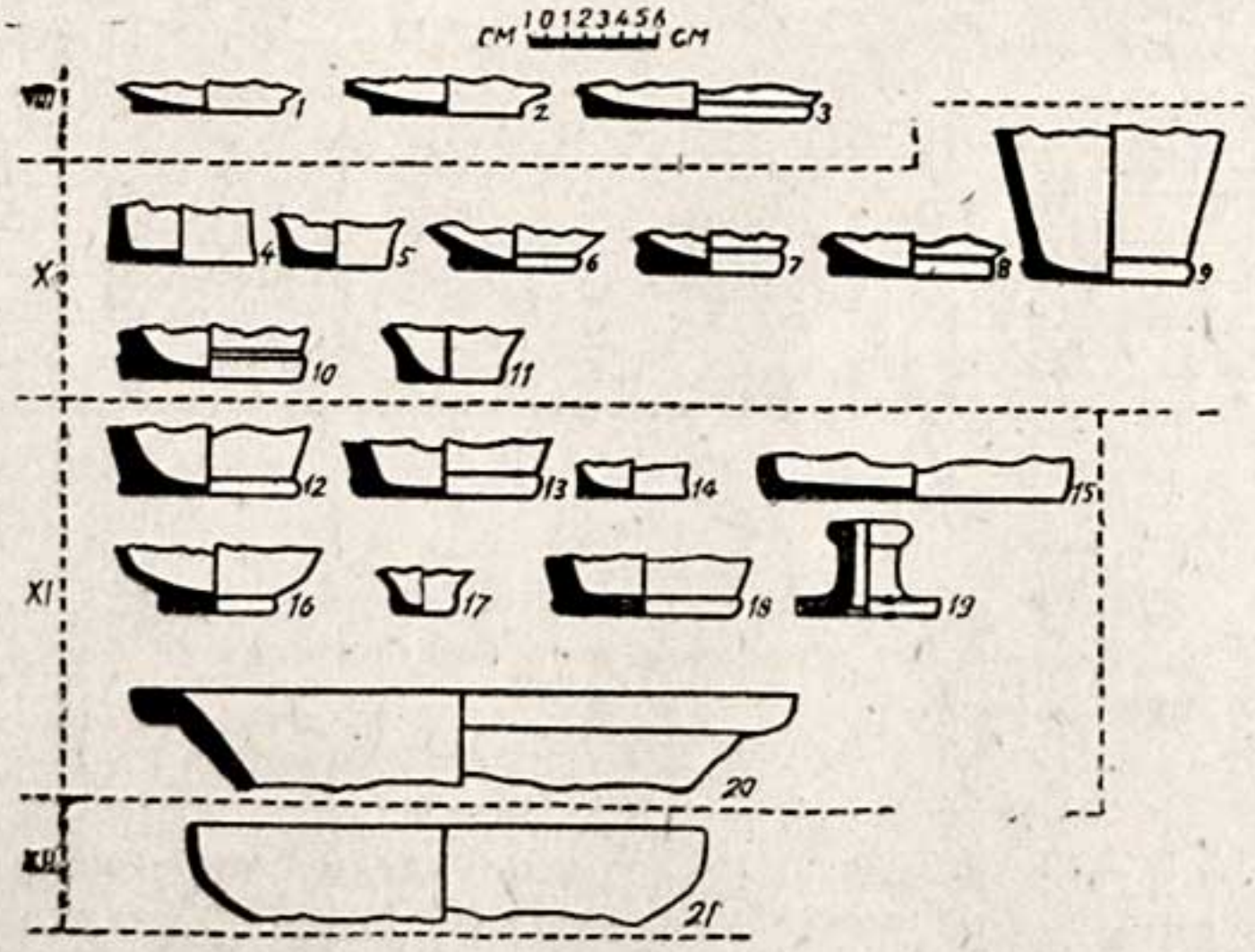


Рис. 3. Керамика из шурфа № 1 (вверху) и из шурфа № 2 (внизу).

Шурф 2 площадью 8 м² был заложен с внешней стороны у фундамента двухэтажного гофрированного кёшка, сложенного из сырцового кирпича 32×32×8 см и расположенного в северо-западной части городища Султан-кала. В отдельных частях здания был применен жженый кирпич 29×29×5 см. Как было выяснено в результате закладки шурфа, культурный слой этой части городища имеет, согласно данным Я. Крикиса, мощность в 2,3 м (по его же чертежу несколько больше). Дерновый слой имел здесь толщу в 25—30 см, его сменяет рыхлый натечно-надувной слой с примесью разрушенных сырцовых кирпичей и фрагментов жженых толщиной 4 см, включениями золы и кусков белой штукатурки (толщина слоя до 50 см). Вслед за ним идет на большую глубину слой плотной земли, перемежающейся в XV ярусе прослойкой золы в 10—12 см. Шурф был продолжен вниз еще на 1,1 м, на всем протяжении которых шла песчаная глина материкового неантропогенного характера. Вышеупомянутая прослойка в 10—12 см, показанная на чертеже как зольная, описывается в тексте как полоса песка серовато-зеленого цвета, показывающего на период запустения. Я. Крикис считал, что слои шурфа и археологический материал из него однородны на всем протяжении и поэтому описывая одновременно керамику, найденную в различных ярусах, что делает в настоящее время невозможным ее разграничение во времени, тем более, что материал, полученный в этом шурфе, недостаточно выразителен. Отдельные фрагменты венчиков и донец не дают полной формы сосудов. Черепок в изломе серого или коричневого цветов. Найдены фрагменты фануза (футляра для светильника) и тагора с процарапанным по венчику орнаментом. Более выразительны фрагменты поливной керамики, среди которых преобладают с чисто-белой поливой, с мраморовидной, с черным и красным орнаментом на белом фоне (в том числе с черными полосками и изображением трилистника). Черепок в изломе коричневого, красноватого и розового цветов. Думается, что керамику (во всяком случае большую часть ее) следует датировать не XI—XII вв., как это делает Я. Крикис, а X—XI вв.

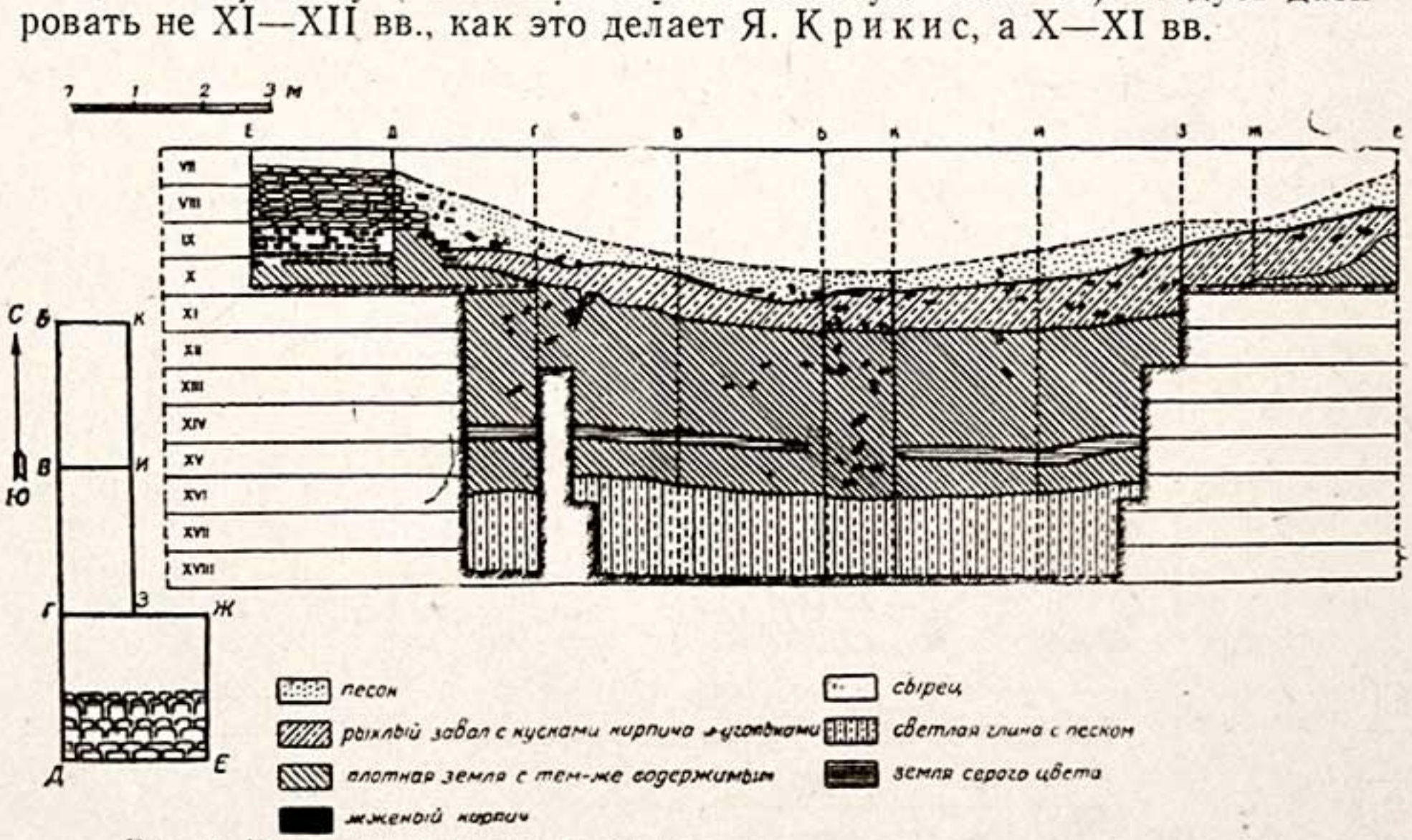


Рис. 4. Развертка стен шурфа № 2 (в северо-западном углу городища).

Шурф № 3 был заложен в 1957 г. в цитадели Султан-кала Шахрияр-арке с восточной стороны у фундамента гофрированного здания, сложенного из сырцовых кирпичей 26×26×7 см, 27×27×7 см, 29×29×7 см и 30×30×7 см. Стены здания с внутренней стороны оформлены квад-

ратными гнездами. Дом этот, по мнению Г. А. Пугаченковой, представлял собой здание правительственно-административного назначения, скорее всего зал государственного совета[2]. Появление же нишек М. Е. Массон связывает с изменением функционального назначения здания и превращения его в дынехранилище (разведочный шурф, заложенный в 1961 г. внутри здания. подтвердил превращение здания на одном из этапов его существования в складское помещение). Основная постройка датируется XI—XII вв.

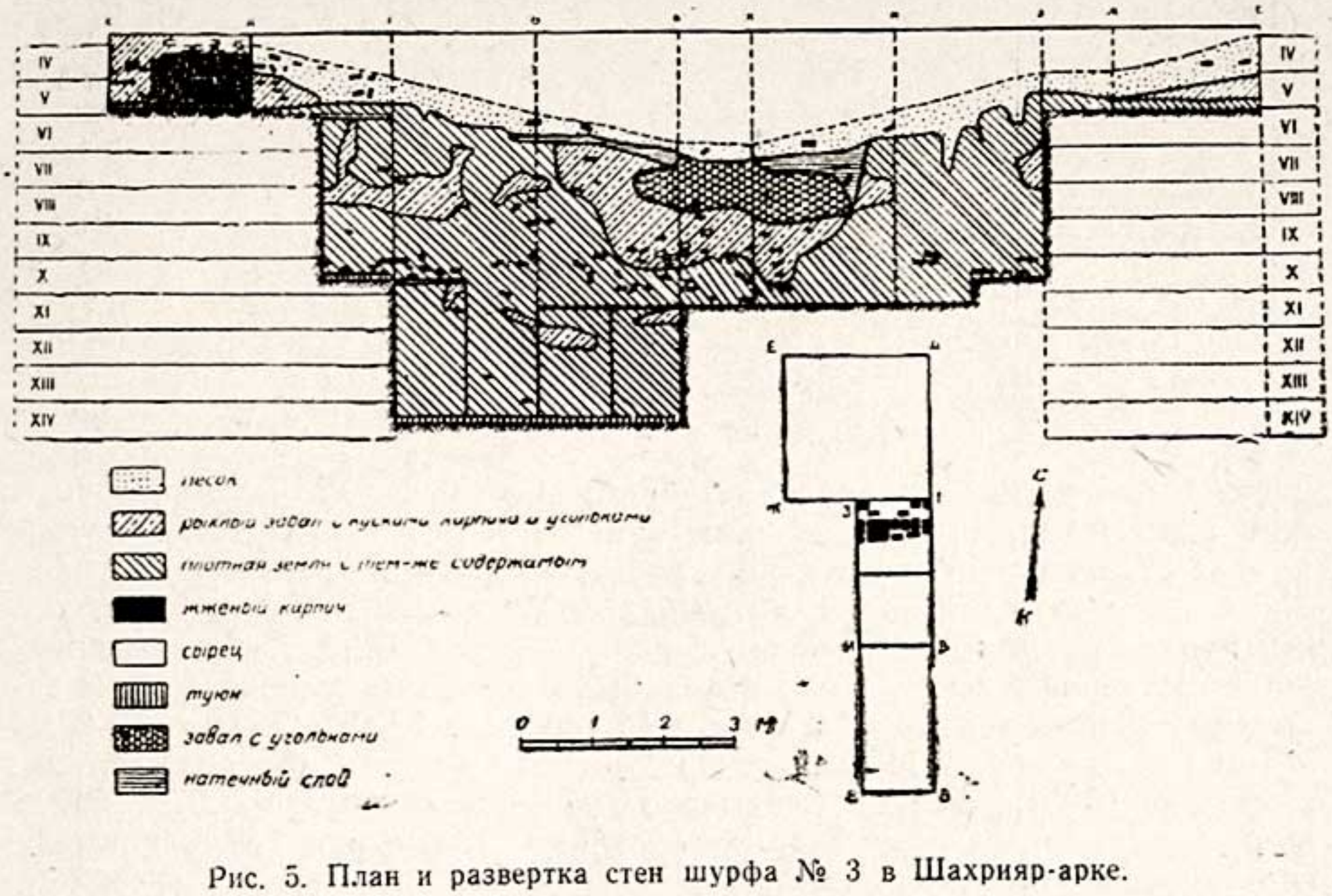


Рис. 5. План и развертка стен шурфа № 3 в Шахрияр-арке.

Мощность культурного слоя, выявленная шурфом, 4,5 м. В верхней части шурфа на 20—25 см идет слой с массой разрушенных жженых кирпичей размером 19×19×4 см, 20×20×4 см и 25×25×4 см. Среди завала есть и включения золы, и фрагменты разрушенных сырцовых кирпичей, и ганчевая штукатурка. Далее на всем протяжении идет плотный слой земли, в который дважды вклинивается рыхлый натечно-надувной слой, причем в одном из углов шурфа он достигает мощности в 1,5 м. В оба этих слоя включены фрагменты сырцовых и жженых кирпичей, пятна золы, фрагменты керамики. В самом верхнем слое встречен резной кирпичик в виде крестовинки, принадлежавший, надо думать, внешнему убранству самого здания (множество таких кирпичиков разных типов валяются вокруг). Я. Крикис датирует весь слой почти в 2 м толщиной XI — началом XIII в. На наш взгляд, есть возможность выделить два культурных слоя: X—XI вв. и XII — начало XIII в., хотя провести точную границу между ними теперь уже невозможно. К первому слою относятся встреченные в нижних ярусах фрагменты керамики с белой и мраморовидной поливой, фрагмент донца с коричневой надписью поперек него на белом фоне, прочитанной М. Е. Массоном как благопожелание «альюмн», ко второму же — характерные для XII — начала XIII в.—фрагменты неполивной керамики, в частности футляра для чирага и пр. В слое, предшествующем материку, встречен единственный фрагмент неполивного сосуда, имеющего черепок в изломе ярко-коричневого цвета, толстостенного, грубоватого, покрытого светлым ан-

гобом и совершенно невыразительного для датировки. Материк представлен плотной землей темно-коричневого цвета без каких бы то ни было включений.

Довольно сложную стратиграфию наслоений дал шурф, заложенный в 1960 г. в юго-западном углу городища. Шурф (2×2 м) был опущен на глубину 2,7 м и до материковых слоев доведен не был. Сразу под слоем пушонки в 10—12 см удалось расчистить остатки рухнувшей стены из сырцовых кирпичей, лежавших на ребре, ниже, на протяжении III и IV ярусов, шел плотный натечно-надувной слой коричневого цвета, в который вклинивалась тонкая (10 см) прослойка рыхлого слоя темно-серого цвета. В южной части шурфа в этом же слое были расчищены остатки выкладки из обломков жженых кирпичей непонятного назначения, опускавшейся местами до 8 рядов кирпичей, причем кладке старались придать форму круга. В юго-восточном углу шурфа после плотного слоя пошел рыхлый слой темно-серого цвета с отдельными включениями фрагментов сырцовых кирпичей. В юго-западной же части шурфа в начале VI яруса была встречена вымостка пола из жженых кирпичей разного формата (в основном 22×22×3 см и 25×25×5 см) в один ряд. По всей площади этой вымостки над ней шел на высоту до 40 см слой из бесформенных кусочков ганча. В разных частях шурфа и на разных уровнях в описанные прослойки вклинивались слои золы и угля. Судя по отдельным фрагментам керамики, верхний культурный слой, связанный с рухнувшей стеной, можно датировать XIV в. Отдельные же фрагменты керамики, найденные ниже, хотя и не дают возможности выделить отдельные периоды, могут быть датированы в целом XII в.

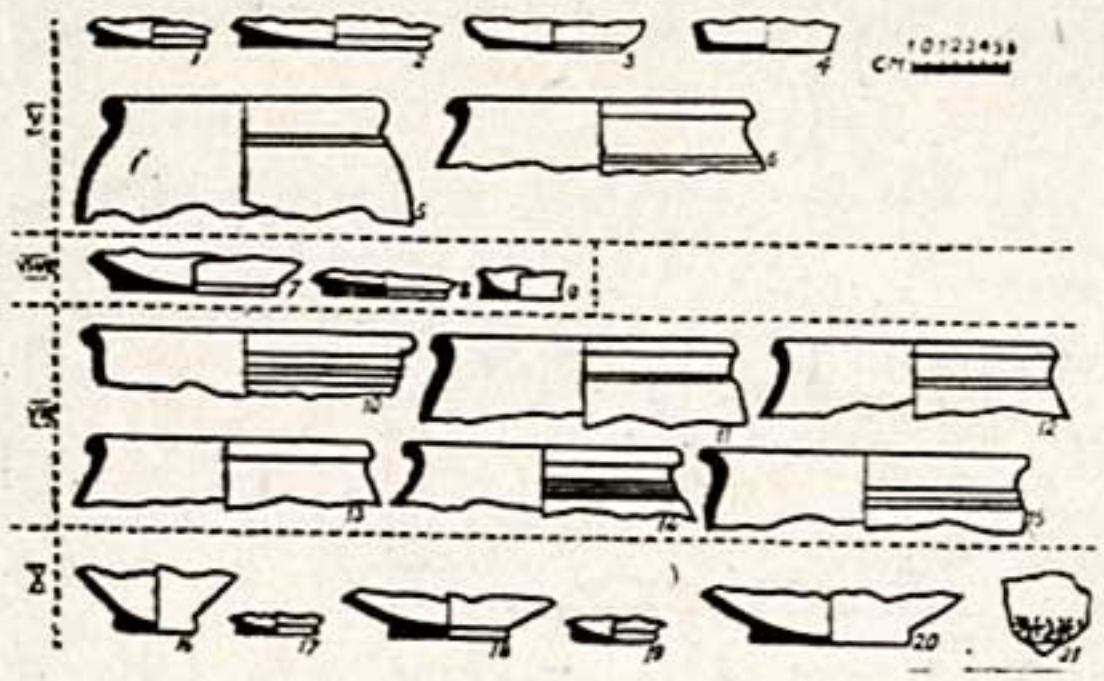


Рис. 6. Керамика из шурфа № 3.

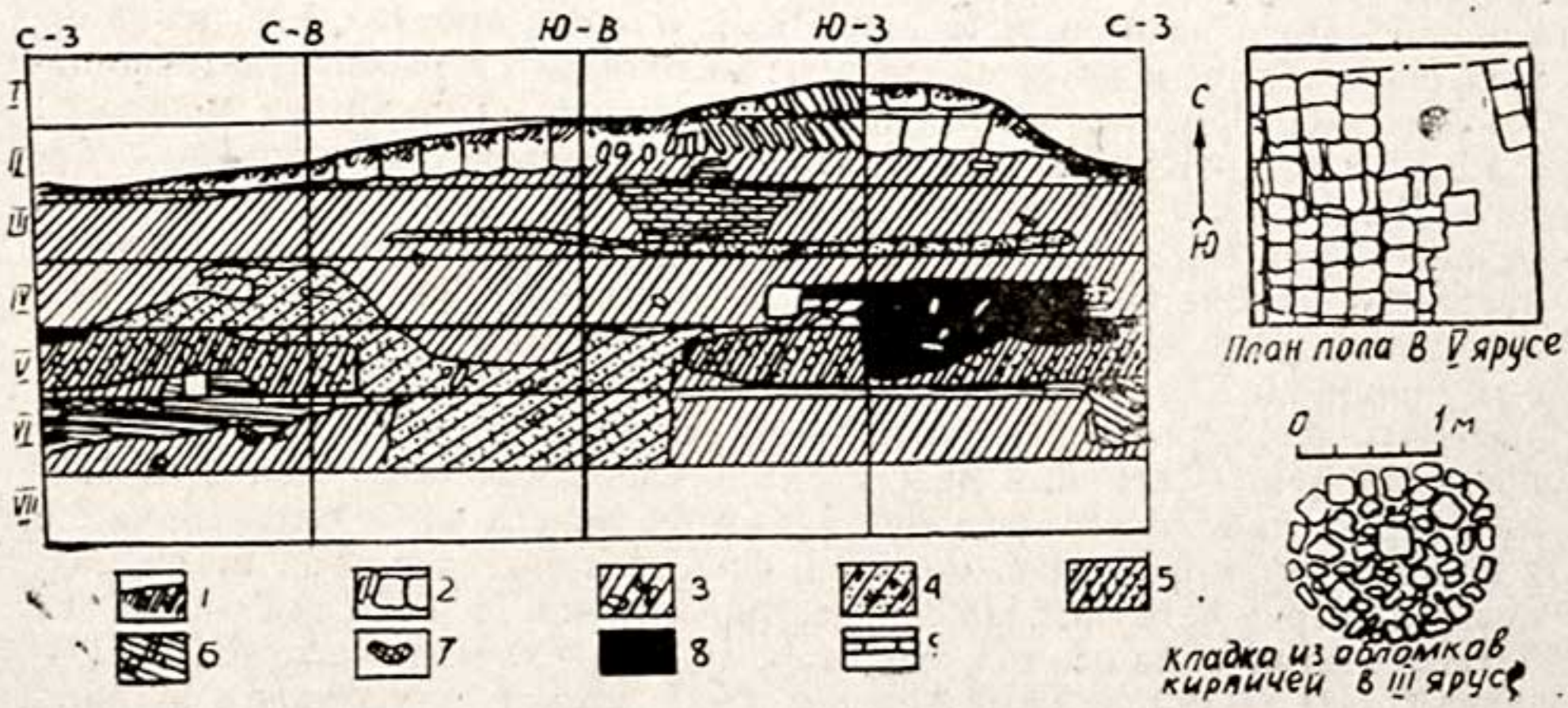


Рис. 7. Развертка стен шурфа в юго-западном углу городища: *1*—пушонка; *2*—рухнувшая стена; *3*—плотный слой желтоватого цвета; *4*—рыхлый слой темно-серого цвета; *5*—ганчевый отвал; *6*—обгоревший слой красноватого цвета; *7*—слой саксаульных углей, *8*—зольный слой серого цвета; *9*—пол из жженого кирпича.

В 1955 г. был заложен стратиграфический шурф у крепостной стены Султан-калы площадью 1,5×2 м и общей глубиной 5,5 м. Последовательность наслоений в шурфе следующая: на 70—80 см идет пахса средней плотности с небольшим включением керамики. Ниже идет слой забутовки с большим включением битого жженого кирпича, видимо IX—X вв. Затем на 1,3—1,9 м идет плотная глинобитная основа без единого включения. По северной стенке шурфа эта глинобитная основа дает резкую линию скоса, что, по мнению М. Аминджановой, дает возможность говорить о существовании раннего средневекового кёшка VII—VIII вв., находившегося здесь до возведения стены. Часть шурфа под самой стеной дала в основном неорнаментированную неполивную керамику хорошего качества, аналогичную той, которая вцементировалась в нижние слои пахсы стены и датированную VIII—X вв. Другая же половина шурфа вне стены дала глазурованную керамику XII—XIII вв.

Разрез крепостной стены Султан-калы дал керамику, характерную, по мнению М. Аминджановой, для XI в. — посуду с белой поливой и росписью марганцево-фиолетовой и красной краской, а также штампованную с измельченным орнаментом. Это дало возможность высказать предположение, что возведение стены связано с именем Алп-Арслана. Второй же этап ее строительства связывается с именем султана Санджара. Кроме того, перед нашествием монголов здесь, видимо, проводились широкие ремонтно-реставрационные работы.

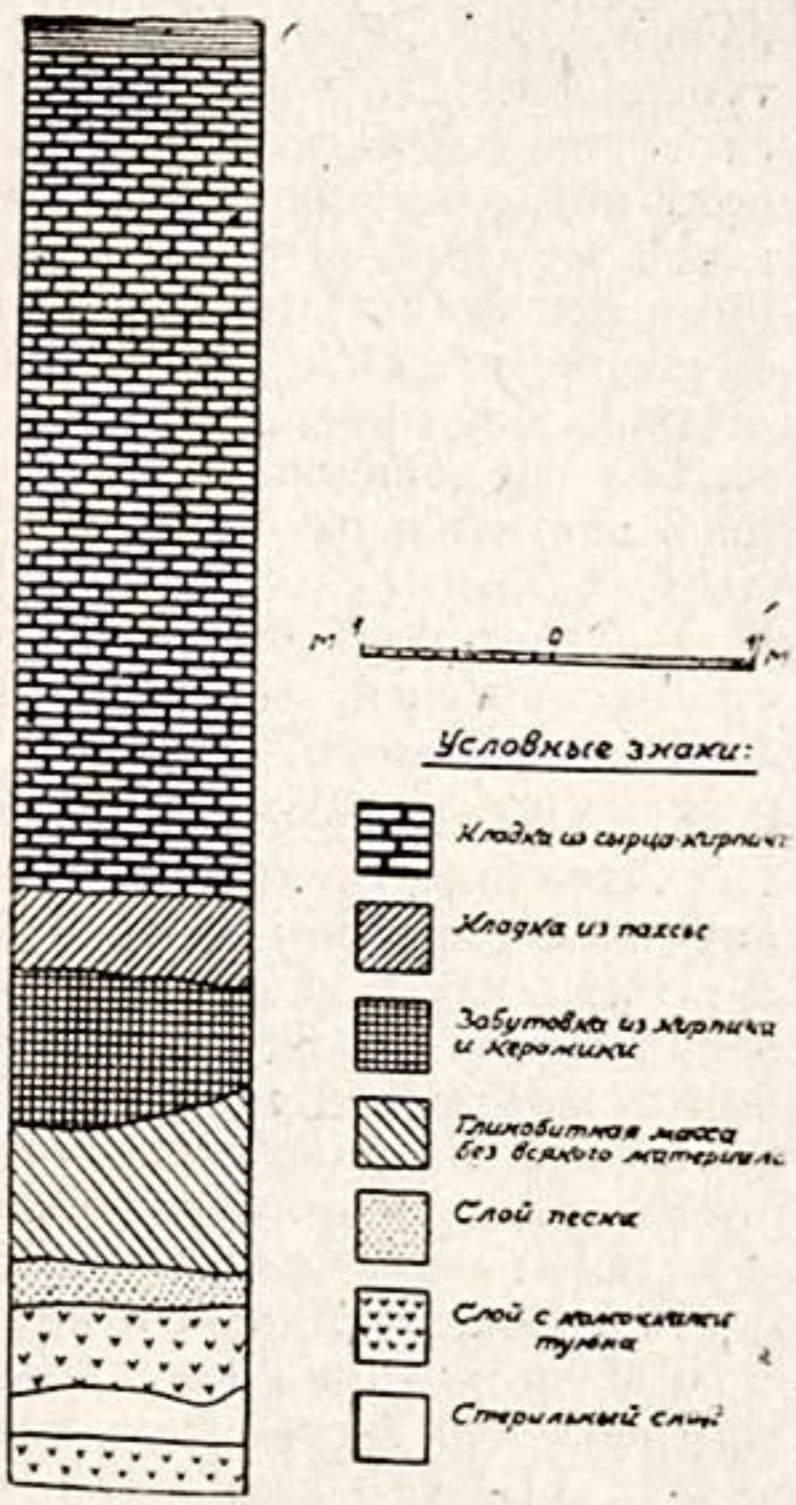


Рис. 8. Шурф у крепостной стены Султан-калы.

Из оплыва стены была извлечена керамика, в числе которой есть как раннесредневековая (VII—IX вв.), так и более поздняя (XI—XIII вв.). Как правило, это неполивная керамика, иногда с процарапанным орнаментом, но есть и черепки с прозрачной бесцветной поливой и орнаментом зеленого и коричневого цветов, фрагменты мраморовидной керамики с подглазурным процарапанным орнаментом, кувшинчик и чаша с грязно-зеленой поливой конца XII—начала XIII в. По-видимому, здесь оказалась перемешанной ранняя керамика, попавшая в строительный материал, а также керамика, попавшая в силу различных обстоятельств на стену во время ее длительного функционирования, ремонтов и перестроек.

В 1961 г. на городище Султан-кала был заложен первый широкий археологический раскоп. Для такого раскопа в северо-западной четверти городища был выбран холмик, на котором при археолого-топографическом обследовании в 1960 г. было поднято несколько фрагментов фигурных поливных изразцов, позволивших предполагать наличие здесь остатков интересного архитектурного сооружения. Холмик находился приблизительно в 450 м от западной стены Султан-калы и в 250 м от северной. От улицы, рассекающей город с юга на север и идущей к Кушмейханским воротам, ответвляется уличка в направлении юго-восток—северо-запад, подходящая к большой площади, в западной части кото-

рой и был расположен объект, подвергшийся археологическому вскрытию. В 50 м южнее находятся всхолмления, планировка которых позволила Тургунову, производившему съемку, предполагать наличие здесь остатков какого-то крупного сооружения типа медресе или караван-сарая.

Раскоп широкой площадью на интересующем нас объекте и закладка шурфов дали интересную картину стратиграфии данного участка, периодов строительства и перестроек богатого жилого комплекса, связанную с историей самого города. В силу этого считаем необходимым дать краткое описание комплекса и полученного из него материала.

Было вскрыто пять основных помещений и примыкающий к ним с севера обширный двор. Приведем описание вскрытых помещений. Помещение I имеет размеры 5,4×1,8 м, причем кладки стен его выполнены различными методами. Восточная стена комнаты сложена целиком из сырцовых кирпичей размером 28,5×28,5×5,5 см, 29×29×6 см, 30×30×6—7 см. Толщина стены 50 см, наибольшая высота сохранившейся части 1,7 м (25 рядов сырцовых кирпичей). Стена была оштукатурена сначала глиняной штукатуркой толщиной 1 см, по ней тонким слоем идет белая алебастровая штукатурка, причем на высоте 1,3 м от пола проходит ярко-синяя полоса, выше которой располагался орнамент такой же ярко-синей краской, обведенный тонкими волнистыми полосками. In situ на стене сохранился лишь маленький кусочек штукатурки с росписью в виде кружков и гирлянд, но значительное число кусков штукатурки с росписью черной, синей и голубой красками было найдено на полу помещения, причем наряду с геометрическими в росписях имелись растительные мотивы. Поверх алебастровой штукатурки идет толстый (2—3 см) слой штукатурки глиняной с саманом. По последней в северной части стены выполнена декоративная стрельчатая арочка. В северо-восточном углу помещения находится проход на восток шириной 1 м. В проходе описанная стена отремонтирована внизу фрагментами и целыми жженными кирпичами, приложенными к стене плашмя.

Западная стена помещения имела цоколь в 14 рядов из жженых кирпичей размером 22×22×3,5 см, 22,5×22,5×4 см и 23×23×4 см, выше сохранилось два ряда кирпичей сырцовых, из которых была сложена верхняя часть стены. Стена обмазана глиняной штукатуркой с большой примесью самана толщиной 1,5 см, а поверх нее тоненькой белой алебастровой. Ширина стены 75 см. Интересен сам принцип кладки цоколя стены — по краю стена обкладывалась целыми жженными кирпичами и их фрагментами, но также целой стороной наружу, создавая видимость хорошей кладки, а внутри стена набивалась фрагментами кирпича и мелким кирпичным боем. Подобный принцип кладки стен широко употреблялся в строительстве помещений гончарных мастерских XII — начала XIII в. в квартале керамистов, расположенном за западной стеной городища.

Южная стена сложена вперемежку из кирпичей сырцовых и жженых, причем здесь имелся проход на юг шириной 1,35 м, заложенный позднее. Ширина стены 50 см. Северная стена помещения является, по-видимому, перегородкой, построенной в один из периодов существования комплекса (об этом будет сказано ниже) своеобразным методом. Ширина ее всего 30 см. Внизу проходил цоколь из шести рядов жженых кирпичей, а выше стена сложена из сырцовых кирпичей следующим образом: два кирпича на ребро перпендикулярно к линии стены, затем два кирпича также на ребро, но плашмя к стене, так что между последними образовывалось свободное пространство, затем снова два кирпича перпендикулярно к ним и так далее. Пустые пространства забиты рыхлой землей.

Пол помещения вымощен жженными кирпичами, причем по длине помещения по краям его выложены кирпичи крупных размеров (31×31×4 см, 31,5×31,5×5 см и 32×32×5 см), а между ними идут ряды мелких жженых кирпичей (21,5×21,5×3,5 см, 22×22×4 см и 23×23×4 см), образуя таким образом своеобразный узор.

В помещении I найдено большое количество деталей архитектурного декора — остатки штукатурки с росписями, резного штука (преобладают мотивы геометрические и стилизованно-растительные) и резьбы по черной пластичной глине. Последняя довольно оригинальная и представляет особый интерес. На глиняную штукатурку толщиной 3—4 см нанесен слой черной глинки толщиной 2—3 см, по которой проведена резьба орнамента глубиной 5—12 мм, сверху узор покрыт очень тоненьким слоем белого алебастра. Узор тонкий с мотивом кругов, растительного побега и трилистников. По-видимому, контраст изящного белого орнамента с черным фоном, усиливаемый глубиной резьбы, производил эффектное впечатление.

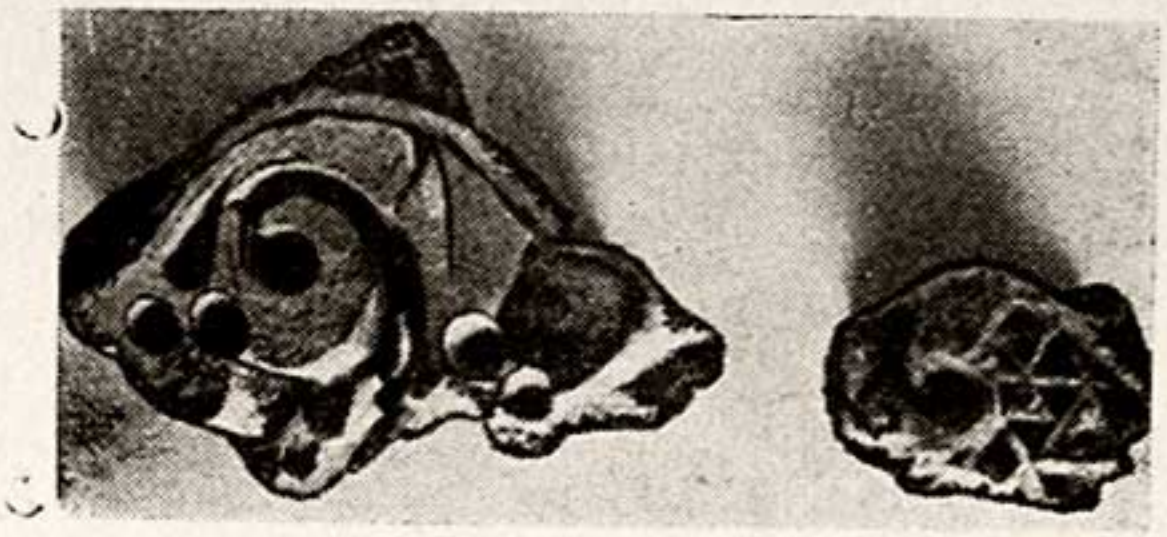


Рис. 9. Фрагменты резного штука.

Что касается резного штука, то он скорее всего располагался в верхней части стен в виде фриза. В пользу этого говорит, в частности, и обнаружение кусков белой алебастровой штукатурки, дающей загиб от 8 до 10 см, возможно этот уступ был сделан специально для размещения на нем в верхней плоскости стен алебастрового декора.

Помещение II, расположенное западнее, имеет ширину всего 0,9 м. Западная его стена имеет цоколь из жженых кирпичей, выше идет кладка из кирпичей сырцовых, линия которой отступает от цоколя на 2—3 см. Толщина глиняной штукатурки 1—1,5 см. Размеры сырцовых кирпичей 26×26×5,5 и 27×27×6 см. В нижней части южной стены идет кладка из сырцовых кирпичей, выше два ряда жженых, а затем снова два ряда сырцовых кирпичей.

Восточнее комнаты № 1 располагалось помещение III шириной 3,5 м (длина его не выяснена). Северная стена шириной 1 м сложена из пахсы и со стороны коридора, ведущего от прохода I помещения, отремонтирована приложенными плашмя к стене фрагментами и целыми жженными кирпичами. Южная стена сложена из кирпичей сырцовых, пол здесь из плотно утрамбованной земли. Отметим сразу же, что характер археологического инвентаря из этой комнаты явно говорит в пользу хозяйственного ее назначения — здесь найдено большое количество фрагментов неорнаментированной керамики: хумов, хумча, тагора, крупных кувшинов, два фрагмента симабкузачи.

Севернее I помещения находится V помещение размерами 4,2×1,6 м, видимо, когда-то составлявшее одно целое с первым. Северная стена имеет внизу цоколь из жженых кирпичей, выше доложена кирпичом сырцовым. Вероятно, при ремонте в угол стены оказался вмазанным кусок восьмиугольного кирпича с голубой поливой. Местами сохранилась вымостка пола из жженых кирпичей. В юго-восточном углу помещения расположена суфача размерами 90×50 см, очень тщательно обмазанная глиняной штукатуркой толщиной до 5 см, причем над ней, на восточной стене из сырцовых кирпичей, сохранилась алебастро-

вая тонкая штукатурка, на которой в разных направлениях процарапаны полосы. Западная половина комнаты отделана небрежно сложенной перегородочкой толщиной 30 и высотой 15 см, уровень пола за которой на 18 см ниже уровня пола помещения (последний находится почти на одном уровне с полом помещения I). На этой вымостке стоял хум без дна. К западной стене комнаты во всю ее ширину также примыкает суфа шириной 50 и высотой 45 см. На суфе местами отмечены следы золы и мелких угольков. Возможно, здесь ставился переносный очажок, расставлялась посуда. Суфа сложена из чередующихся слоев жженых и сырцовых кирпичей. Над ней сохранилась глиняная штукатурка толщиной 3 мм со следами красной и розовой красок. Видимо, в поздний период обживания помещение имело подсобно-хозяйственное назначение.

Явно к позднему периоду относится и IV помещение, для постройки которого было забутовано фрагментами сырцовых и жженых кирпичей более раннее помещение, от которого сохранилась южная стена и планировку которого предстоит выяснить в ходе дальнейших работ. Размеры комнаты 5×4,5 м. Уровень пола на 90 см выше, чем в I помещении. Пол был вымощен жжеными кирпичами размером 18,5×18,5×3,5 см, 19×19×? см и 23,5×23,5×4 см. В северо-западном углу находилось, по-видимому, приспособление для умывания размерами 1,05×1,15 м и глубиной 45 см. Пол его был выложен по косой сетке жжеными кирпичами, таковыми же обложены стенки. Резервуар имел в северной стенке сток высотой 12 см, выходивший за пределы помещения к двум вставленным друг в друга кабурам, причем последние попадали в остатки хума без дна. Западнее приспособления на вымостке сложено возвышение из сырцовых кирпичей, на котором имеет место довольно толстый до 10 см слой золы, а сами кирпичи несколько прожжены сверху до красноватого цвета. Надо думать, что здесь стоял мангал для подогрева воды, предназначенной для умывания.

Южнее расположена прямо на вымостке подставка под сандал в виде небольшого прямоугольного участка, обмазанного алебастровой штукатуркой и окруженного барьерчиком шириной в нижней части 20, в верхней 9 см и высотой 9 см. Сохранился один угол этого сооружения со сторонами в 38 см. Барьерчик и пространство внутри него покрыты девятью слоями очень гладкой прекрасно сделанной алебастровой штукатурки, причем почти каждый слой штукатурки внутреннего пространства нес следы обожженности. По-видимому, стоявший здесь сандал служил для обогрева этого большого помещения.

Западной стены комнаты не сохранилось (высота до уровня дневной поверхности всего 40—50 см), но уровень ее дает и край южной стены, и край приспособления для умывания. В южной стене имелся проход на юг шириной 90 см. При вскрытии этого помещения, служившего, надо думать, парадным залом, были найдены фрагменты архитектурного декора — резного штука и поливных изразцов голубого и марганцево-черного цветов. Фрагменты последних встречались и в помещениях предыдущего периода. Использовались ли поливные изразцы для вымостки пола или для оформления панелей, сказать трудно, ибо все они были найдены в завалах. Однако исходя из форм кирпичей можно дать реконструкцию вариантов орнамента, который составляли в прошлом эти изразцы (рис. 10).

Севернее описанных помещений находился большой дворик, сплошь вымощенный аккуратно жженым кирпичом. В центре дворика оказался вкопанным в землю хум, внутренняя высота которого 1,25 м, диаметр венчика 48 см. Венчик находится на уровне нижнего края кирпичей вымостки пола и обмазан заподлицо с вымосткой тонким слоем хорошей гладкой алебастровой штукатурки, причем так же обмазана

и вымостка пола вокруг хума. Видимо, содержимое хума не использовалось часто, ибо в противном случае тонкая штукатурка оказалась бы разрушенной.

В северной части дворика и на 75 см выше уровня вымостки его пола были расчищены остатки фигурной кладки из сырцового кирпича, очевидно, представляющие собой рухнувшую стену, тем более, что по внутренней стороне идет слой белой алебастровой штукатурки. Подобные участки рухнувших стен прослежены и в других местах раскопа. Во дворе встречено несколько резных фигурных кирпичиков: з-образной формы, в виде цифры 8, а также в виде квадрата с расположенными по сторонам от него ромбами и с такими же ромбами, но с прямоугольником между ними, растительного завитка и другие. Очевидно этот декор принадлежит оформлению внешней стены здания. Здесь же были найдены фрагменты алебастровой панджары с вписанными в нее кусочками цветного стекла (синего и зеленоватого) и в двух случаях с круглым прозрачным оконным стеклом с закраинками.

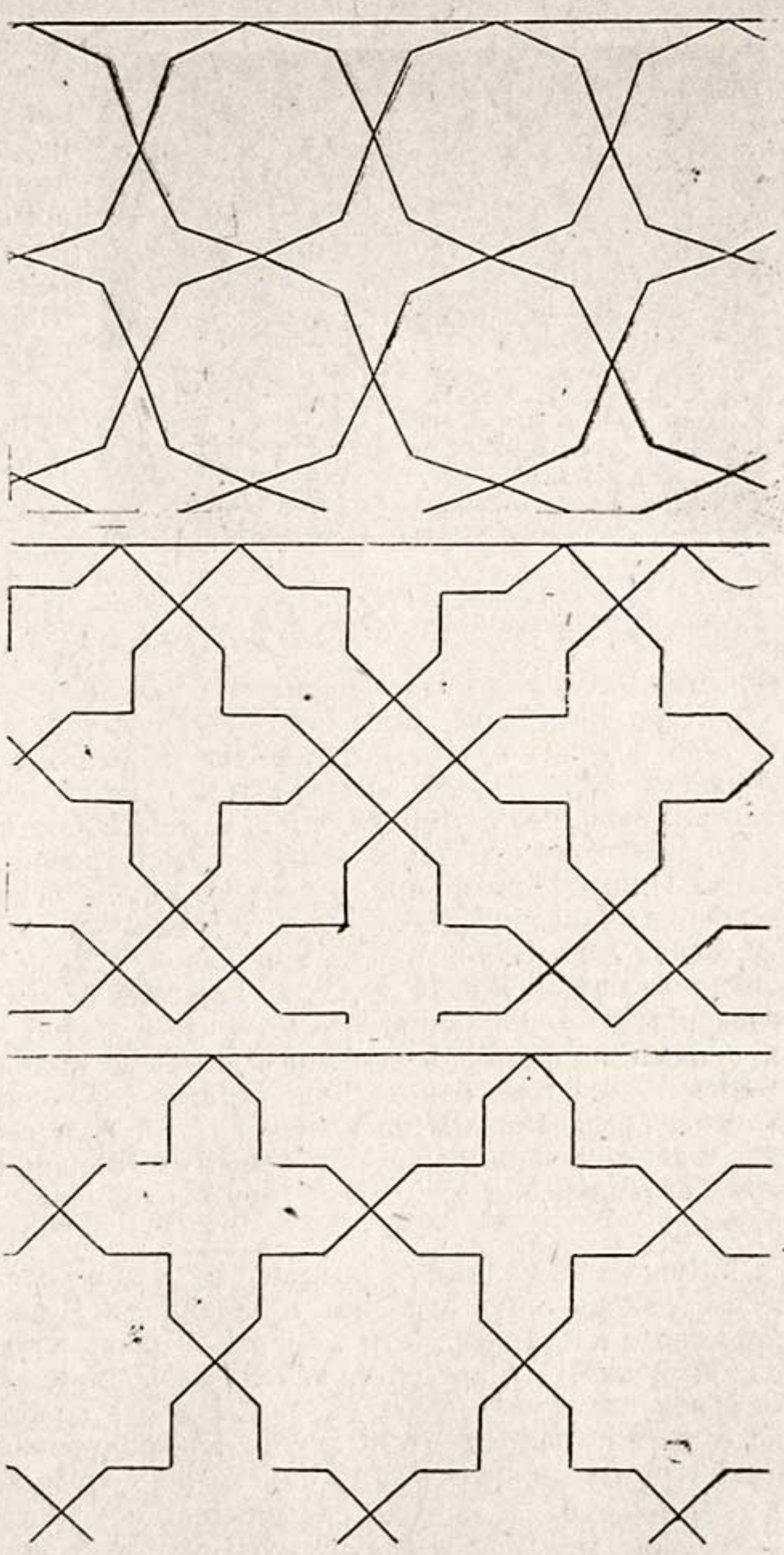


Рис. 10. Реконструкция орнамента пола или панели из поливных изразцов (вверху); два варианта реконструкции орнамента другого пола или панели из поливных изразцов (в середине и внизу).

Фигурные вымостки полов (в описываемом комплексе они имеются в I помещении и в водосливном сооружении) хорошо известны по археологическим раскопкам комплексов X — XIII вв. на различных территориях Средней Азии. Так фигурно выстлано жженым кирпичом полкомнаты XII в., раскопанной на го-

родище Старого Термеза[3]. На этом же городище имелась фигурная кладка пола в дворцовом здании XI—XII вв.[4] X—XI вв. датировалось здание в Старом Пайкенде, в некоторых помещениях которого имели место сложные вымостки из жженого кирпича[5]. Богаты разнообразным рисунком вымостки полов в помещениях X—XII вв. на цитадели городища Хульбук в Таджикистане[6].

По разным памятникам X—XII вв. известны и находки решеток, отверстия в которых заполнены цветным стеклом. Фрагменты таких решеток были найдены, например, в айване, примыкавшем к дворцовому залу в Термезе[7], обломки решеток встречены на территории того же городища в комнате XII в.[8] Широко было распространено застекление окон и в Хорезме XII в.[9] Надо думать, что в нашем здании панджара были вставлены в верхней части стен, и свет из центрального дворика через цветные стекла проникал в помещения, придавая украшенным резьбой по ганчу, росписями и фигурными вымостками помещениям особенно парадный вид.

Рис. 11. Вымостка пола двора из жженых кирпичей. В центре виден вскопанный хум.

Керамика последних периодов существования здания (слоев XII — начала XIII в.) в общем однородна и отличается значительным разнообразием форм. Среди них имеются чаши и пиалы, вазы на ножках и тагора, кувшины и горшки, чираги-светильники и футляры для них. Чаши имеют диаметр дна 4—6 см, диаметр венчика 8—16 см, высоту 3—6 см. Иногда у чаш прямой венчик, чаще венчик отгибается наружу, а стенки округло изгибаются в средней части. Стенки пиал прямые. Встречаются чаши и пиалы с поливой, а также без таковой. Полива обычно гладкая, белая, зеленая, коричневая, желтоватая, иногда с подглазурным процарапанным орнаментом, редко с орнаментом цветными красками, например, зелеными и желтыми крапинками по белому фону. Черепок в изломе, как правило, красно-коричневого цвета. Почти целая тагора, встреченная в раскопе, дала следующие размеры: диаметр дна 26, диаметр венчика 40 см, высота 12 см. Венчик отогнут наружу, по бортику его нанесена линейная процарапанная орнаментация в семь рядов.

Кувшины мелких и средних размеров сделаны очень аккуратно, представлены они в основном горловинами. Черепок в изломе серого или кремового цвета. Диаметр венчика 3—6 см, кувшины обычно снабжены одной ручкой. Интересен фрагмент вазы, по-видимому, на четырех ножках, несколько отогнутых наружу (высота ножек 3 см), черепок кремового цвета, полива отсутствует. Профилированная массивная ножка диаметром в нижней части 8 см, также скорее всего принадлежит вазе.

Найденные в раскопе светильники обычного типа с небольшим резервуаром, маленьким сплюснутым пальцами носиком и кольцеобразной ручкой, поднимающейся над стенками чирага. Последние покрыты поливой зеленого, желтого, коричневого цветов. Иногда носик значительно вытянут, а на ручке имеется миндалевидный налеп для удобства дер-

жания пальцами, причем на налепе имеется отштампованный стилизованно-растительный орнамент. Футляры для чирагов (фанузы) представлены фрагментами труб с сильно отогнутой наружу закраиной размером 8 см, а также стенок с круглыми и треугольными прорезанными насквозь отверстиями.

Несколькими фрагментами представлены сосуды со штампованной орнаментацией, в которой имеют место растительный побег, восьмилепестковый цветок, обведенный концентрическими кругами, пара птиц, как бы перекрещивающихся туловищами в шестиугольном картуше и, наконец, надпись на фоне стилизованно-растительного орнамента на втором плане. Фрагменты тонкостенной сероглиняной керамики немногочисленны и появляются лишь на последнем этапе, но среди них особый интерес представляют фрагменты с процарапанным орнаментом, в том числе с эпиграфическим на фоне, сплошь прочерченном в косом направлении процарапанными линиями, а также часть горловины такого сосуда с прикрепленной сбоку цедилкой. Подобный сосуд встречен нами впервые. Диаметр горловины его 8 см. Сохранившаяся высота цедилки 4,5, длина 5, ширина 2,2 см. Примерно посередине нее сделана горизонтальная перегородка, в которой проткнуто несколько рядов дырочек. Поскольку дырки протыкались, видимо, в сырой глине острой палочкой, внизу остались большие «заусеницы». Ниже перегородки имеется небольшое отверстие в стенке сосуда шириной 2,4 см, заостренное внизу, благодаря которому содержимое из сосуда выливалось через цедилку. Снаружи цедилка оформлена двумя маленькими лепешкообразными налепами по краям и несколькими рядами процарапанной волнистой орнаментации по ее стенке.

В раскопе найдено большое количество фрагментов посуды из кашина. Донце таких сосудов диаметром 7—10 см имеет, как правило, высокий кольцевой поддон. Сосуды эти имели в основном форму чаш, венчик их то прямой, то несколько отогнутый наружу, диаметр венчика 10—24 см. Кашин белый, иногда с чуть сероватым оттенком. Одним фрагментом представлен чайничек из кашина с маленьким носиком, поднимающимся под углом к стенке сосуда. Посуда из кашина чаще всего покрыта снаружи и внутри гладкой белой или голубой поливой, в одном случае под белой поливой имелся подглазурный процарапанный линейный орнамент, а венчик здесь был оформлен маленькими фестонами. Из кашиновой массы сделаны круглые украшения-подвески, также в большом количестве найденные в раскопе. Украшения с обеих сторон покрыты голубой поливой, диаметр их 4—5 см. В верхней части имеется петля для подвешивания, отверстие в которой идет параллельно самому украшению. Края оформлены мелкими фестонами. Внутреннее поле, как правило, заполнено неглубоким отштампованным орнаментом, чаще всего стилизованно-растительным. Иногда в центре подвески или в нижней части имеется сквозное отверстие. Украшение это благодаря игре света и тени выглядит очень эффектно.

Нередко встречаются в раскопе фрагменты сосудов на кашиновой основе с люстровой поливой. Несмотря на то, что в Мерве найдены остатки печи, в которой обжигалась такого рода посуда, пока трудно сказать, местного или привозного происхождения сосуды, о которых идет речь. Все они имеют орнаменты золотисто-желтого или золотисто-зеленого цвета на белом фоне. Эффектен фрагмент, видимо, крупного сосуда, где в нижней части проходит пояс стилизованной надписи, затем широкая полоса и выше стилизованный же растительный орнамент. Стилизованные растительные и эпиграфические мотивы имеются в разных вариантах на других фрагментах. На одном фрагменте изображена пара птичек, соприкасающихся внизу хвостами, между ними геометрический орнамент.

Явно к привозным сосудам принадлежат фрагменты с поливой типа миная. Здесь имеются мотивы геометрические, стилизованно-растительные, эпиграфические и антропоморфные. Так, например, на одном фрагменте сосуда по венчику проходит синяя полоса, ниже которой тонкими красными линиями обведены прямоугольники, в которых нарисован синей краской тонкий стилизованный орнамент. Между прямоугольниками проведены полосы золотистой краской. С внешней стороны фрагмента, ниже венчика проходит изящная надпись красной краской. На другом фрагменте выше надписи, нанесенной синей краской, идет растительный орнамент голубой краской, обведенный тонким черным контуром, а в поле разбросаны красные крапины, сложное переплетение орнамента черной и красной красками имеется на другой стороне фрагмента. Миниатюрным черепком представлен сосуд, где в круглом картуше, обведенном тонкой синей полосой, было помещено изображение человека. Сохранилась лишь часть лица последнего с глазом и бровью, показанными тонкими черными линиями и часть головного убора, данного также черной краской. Лицо человека окрашено в розовый цвет. Остальной орнамент дан золотисто-зеленой краской типа люстр. Двумя фрагментами представлена селадоновая керамика Последняя могла появиться в Мерве лишь при наличии торговых связей с Китаем. Селадоновая керамика, равно как керамика типа люстр и миная, говорит о связях с Ираном.

Среди многочисленных фрагментов стеклянных изделий выделяются по своему количеству воронкообразные донца сосудов. Диаметр этих донец самый различный, колеблется в пределах от 3 до 12 см. Высота «воронки» 1,2—3,5 см. Однако высота эта совсем не обязательно возрастает пропорционально диаметру донца. Иногда при большом диаметре высота эта бывает совсем незначительна. Иногда толщина «воронки» равномерна, иногда она значительно увеличивается к верхушке, стенки обычно прямые, реже — чуть волнообразно изогнутые. Стенки сосуда отходят от дна под углом, а затем иногда поднимаются вертикально вверх, иногда же отходят почти горизонтально в стороны. Толщина стенок 1,5—3 мм. Стекло обычно зеленоватого цвета, полупрозрачное, лишь одно донце имело коричневый цвет. В стекле, как правило, видно множество мельчайших пузырьков воздуха. Патина сероватого или белого цвета то покрывает все донце, то располагается участками. В середине донца с внешней стороны часто сохраняется след откола стеклодувной трубки. На внешней стороне некоторых донец имеются круглые вмятины, видимо, орнаментировавшие весь сосуд, на одном донце такие круглые вмятины диаметром 3 мм идут концентрическими кругами от центра донца. Такие сосуды, у которых украшалось даже дно, явно были парадными.

Изящен тонкий венчик сосуда диаметром 14 см, по-видимому, типа глубокой чаши. Стекло зеленоватого цвета, полупрозрачное, белая патина расположена участками. Венчик чуть отгибается наружу. Маленькая чашечка диаметром 8 см имеет стенки толщиной 1,5 мм, стекло также зеленоватого цвета сплошь покрыто серой патиной. В стенках чаши такого же диаметра с чуть заметным утолщением венчика в верхней части хорошо прослеживаются вытянутые в горизонтальном направлении пузырьки воздуха.

Видимо, средних размеров кувшинчику принадлежит венчик диаметром 6 см, от которого прямые стенки чуть расширяются вниз, стекло белое с зеленоватым оттенком, а небольшому кувшинчику — фрагмент горловины с отбитым венчиком (диаметр горловины в верхней части 3 см). Стекло зеленоватого цвета, полупрозрачное, местами покрыто черной патиной. По горловине проходит налепная округлая полоска, в одном месте волнообразно изгибающаяся. Отсутствует совершенно па-

гина на фрагменте горловины кувшина из стекла зеленого цвета, по которой проходит широкая (до 1,8 см) налепная полоса с косыми глубокими насечками. Наряду с мелкими пузырьками воздуха, здесь встречаются крупные, вытянутые в вертикальном направлении. Сохранилась горловина маленького изящного кувшинчика с вытянутым носиком-сливником (стекло белое, с зеленоватым оттенком). Пузырьки воздуха довольно крупные, вытянуты по направлению к концу сливника.

Несколькими фрагментами представлены ножки бокалов. Внизу они стоят на округлой лепешкообразной подставке диаметром 2—2,2 см. Подставка чуть прогибается внизу, где в средней части прослеживается след откола стеклодувной трубки. От подставки поднимается сплошная ножка бокала, высота ее (там, где можно проследить) 2,5 см. Лишь в одном случае сохранилось начало самого бокала. Здесь, в месте перехода от ножки к бокалу, расположен тонкий округлый диск диаметром 3,2 см, как бы несколько сдвинутый в одну сторону по отношению к своей оси. Выше него начинается резервуар тонкого узкого бокала (наибольший диаметр сохранившейся части 1,2 см, причем выше стенки поднимаются почти вертикально). Стекло зеленоватого цвета, почти сплошь покрыто серо-черной патиной.

Встреченные в довольно большом количестве стенки стеклянных сосудов имеют толщину 1,5—10 мм, причем последние принадлежали, по-видимому, крупным сосудам типа бутылей. Некоторые фрагменты стенок имеют ячеистую поверхность, полученную путем смыкания рядов шестиугольников, данных легким рифлением. На одном фрагменте сохранилась массивная небрежно выполненная ручка почти округлая в сечении (диаметр 1,3 см). Длина ручки 5,5 см. Стекло зеленоватого цвета.

Дисковидное оконное стекло имеет диаметр 24—30 см. Стекло белое с чуть зеленоватым оттенком, прозрачное. Патина иногда отсутствует, иногда же напротив плотно покрывает всю поверхность стекла. Толщина стекла обычно в 0.5 мм. Многочисленные пузырьки воздуха как бы вытягиваются по направлению круга. Диски имеют закраину, образованную загибом наружной части диска внутрь. Ширина закраины 3—7 мм. Иногда она довольно плотно соприкасается с самим диском, иногда здесь остается свободное пространство, каплевидное в сечении. Выше говорилось уже о том, что обнаружены куски ганчевой решетки со вставленными в нее дисковидными оконными стеклами.

Стеклянные изделия не могут пока служить материалом для уточнения датировки слоя. Однако все обнаруженные в раскопе 1 изделия находят широкие аналогии с таковыми же из разных мест Средней Азии домонгольского периода (IX — начало XIII в.). Так, например, широко была распространена форма бокалов[10], равно, как и форма кувшинов[11] и чаш[12], в том числе сходные с нашими.

Составной частью хозяйственного инвентаря раскопанного дома являются изделия из талькохлорита (или, как их принято называть, стеатитовые). Найдено несколько фрагментов больших котлов, причем все они сильно закопчены с наружной стороны, что наглядно свидетельствует об употреблении их в хозяйстве скорее всего для приготовления пищи. Диаметр венчика одного котла 26 см, венчик прямой, стенки плавно округло изгибаются, по бортику венчика беспорядочно нанесены косые насечки. С двух сторон непосредственно у венчика располагаются подпрямоугольного очертания выступы-ручки длиной 5,5 см. Диаметр другого котла с чуть отогнутым наружу венчиком 30 см, по бортику венчика его довольно неровно процарапаны непрерывным рядом ромбы. Есть и фрагмент стенки котла с ручкой-выступом подтреугольным в сечении. Интересна нижняя часть какого-то изделия, довольно тонкостенного,

в виде прямого дна и отходящих от него вертикально стенок (диаметр дна 26 см). Снаружи изделие сильно закопчено. Следует предположить, что высота его была незначительна и оно могло выполнять функцию жаровни-сковородки. Из талькохлорита сделан и употреблявшийся в этом доме чираг. Диаметр его резервуара 8, высота 4, длина носика 5,5 см. В центре стенки резервуара с наружной стороны орнамент в виде косой сетки из прочерченных полос. На носике следы закопченности — явный признак непосредственного использования и быту.

Большое количество обнаруженных в раскопе железных гвоздей с небольшими шляпками и разной длины стержнями (от 3 до 8 см) свидетельствуют о существовании каких-то деревянных частей сооружения, которые ими скреплялись (возможно, перекрытия).

Интересную картину дала закладка стратиграфического шурфа во II помещении. Здесь ниже уровня пола I помещения начинается более ранний культурный слой с типичными фрагментами керамики, идущий на 75 см, на глубине же 2,5 м от поверхности он непосредственно сменяется слоем плотной земли материкового характера темно-коричневого цвета с ржавыми и серыми оттенками с включением мельчайших ракушек. Указанный более ранний культурный слой встречен не только в шурфе, но и повсеместно на площади раскопа — под полами I и II помещений, под уровнями верхних полов в мощеном дворике. Керамика этого времени представлена в основном чашами диаметром венчика 18—22 см и донец 4,4—10 см. Чаши, как правило, имеют перелом, а иногда и два при переходе к донцу. Черепок в изломе кремового или красно-коричневого цвета, отмучка хорошая. Интересна верхняя часть довольно толстостенного сероглиняного сосуда с диаметром венчика 18 см, который имеет по горловине ряд штампованных, вписанных друг в друга маленьких ромбов, такие же ромбы располагаются по плечикам, но тут между ними еще по две вдавленных немного изогнутых полоски. По-видимому, на этом изящном сосуде мы имеем раннее, еще очень робкое, применение штампованного орнамента, который позднее получит столь широкое распространение.

Поливная керамика разнообразна — есть сосуды, покрытые гладкой белой поливой или же гладкой зеленой, сосуды с поливой мраморовидной, иногда с подглазурным процарапанным орнаментом, а также с орнаментами в черном, красном, коричневом, желтом и зеленом тонах. Распространены черные надписи на белом фоне, черные строенные точки на белом фоне и на таком же фоне черные четырехлепестковые цветочки, белые стилизованные надписи на черном фоне, различные орнаменты на красновато-коричневом фоне, стилизованно-растительные мотивы. Комплексы такого рода керамики хорошо известны по раскопам в квартале средневековых керамистов Мерва, где они хорошо датированы. Отсутствие здесь керамики ишкорного типа говорит, очевидно, в пользу датировки этого слоя XI в.

Особенно важными для стратиграфии раскопа 1, как и для истории города, явились находки, обнаруженные в небольшом шурфе, заложенном в I помещении. Здесь было найдено три фрагмента ранней керамики — два фрагмента венчиков тонкостенных чаш, несколько отличающихся профилей и фрагмент донца сосуда. Диаметр венчиков чаш 18 см. Черепок в изломе кремового цвета, несколько пористый, хорошего обжига, легкий и звонкий, покрыт внутри и снаружи светлым ангобом. У одной из чаш венчик загнут внутрь и отгибается в наружную сторону вниз, у другой он образует как бы широкий бортик чаши. Диаметр донца сосуда 5 см. Черепок в изломе зеленовато-серого цвета, пористый.

Выше дна по стенке сосуда на фоне светлого ангоба проходит неширокая полоса черной краски, а еще выше сохранился несколько неправильной формы округлый налеп.

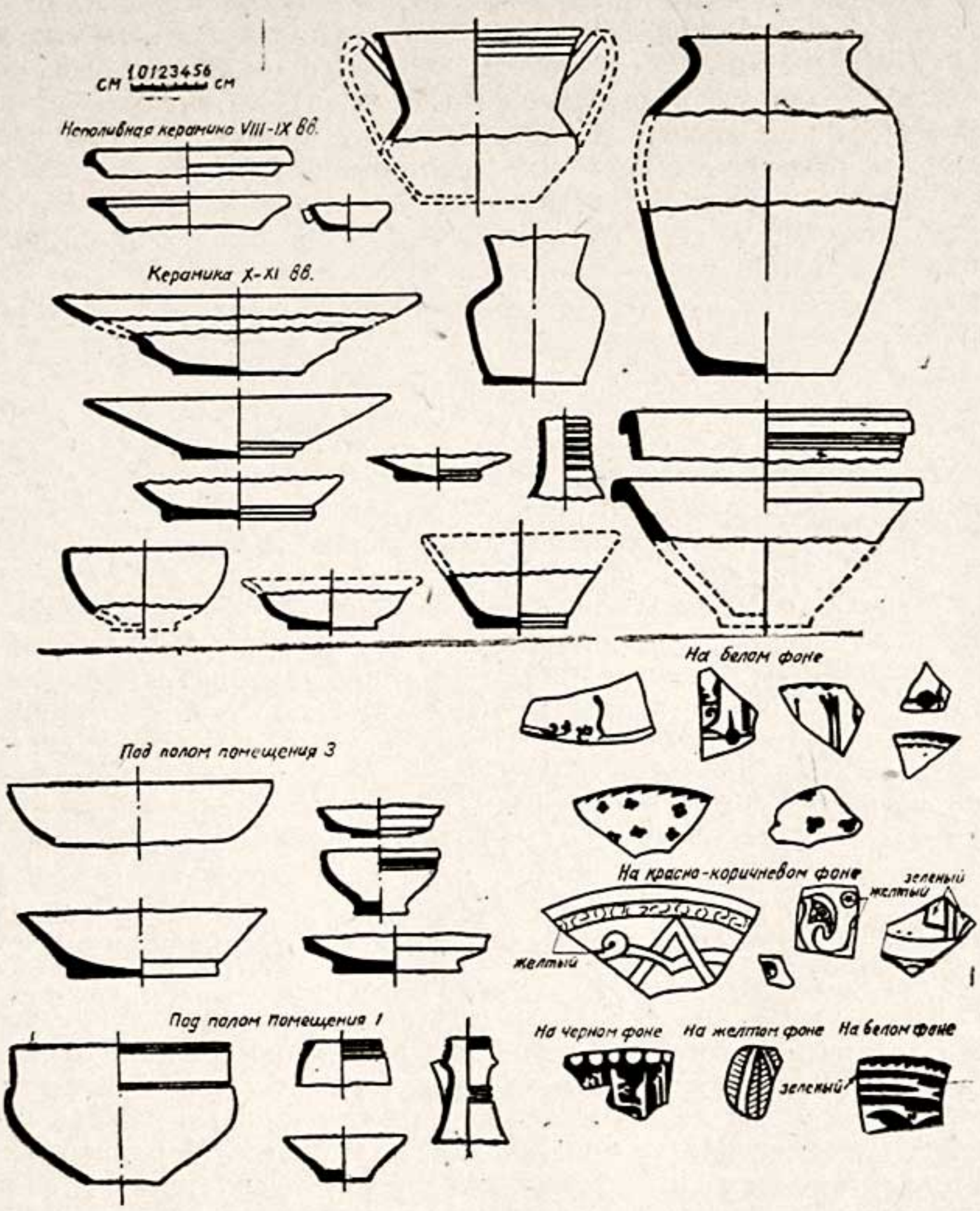


Рис. 12. Керамика VIII—IX и X—XI вв. из раскопа 1.

Венчики чаш, отогнутые и внутрь, и наружу, описаны для VII—VIII вв. Е. З. Зауровой[13]. Кроме того, именно к этому времени в Мерве относятся изделия с кремовым, а иногда зеленоватым цветом черепка, покрытые светлым ангобом. Для этого же периода характерны и налепы лепешкообразной формы или в виде шишечек. Наконец, среди этой керамики встречались экземпляры с раскраской. При этом Е. З. Зауровa справедливо отмечает, что подобные чаши восходят в Мерве к более раннему времени (V—VI вв.)[14].

Несмотря на то, что описанные фрагменты были найдены в одном слое с более поздним материалом (X—XI вв), наличие на небольшом участке фрагментов от трех одновременных сосудов не могло быть случайным. Естественно предположить, что на данном участке был культурный слой VIII—IX вв., который был нарушен при строительстве крупного жилого комплекса.

Для более полного выяснения этапов строительства, переделок, ремонтов комплекса был проведен ряд зачисток, нивелировка и сопоставление уровней полов, расчистки вдоль фундаментов стен. В сопоставлении с археологическим (в основном керамическим) материалом история комплекса представляется в настоящее время в описываемых ниже контурах. Следует однако оговорить, что объект оказался очень сложным, существовавшим на протяжении нескольких периодов и изменявшимся внутри этих периодов, подвергавшимся многочисленным мелким переделкам, ремонтам, в силу чего некоторые детали строительства остаются пока неясными. Детализировать намечаемые контуры — дело будущих раскопок, когда для выяснения деталей строительства придется, видимо, сносить поздние вымостки, стены и пр.

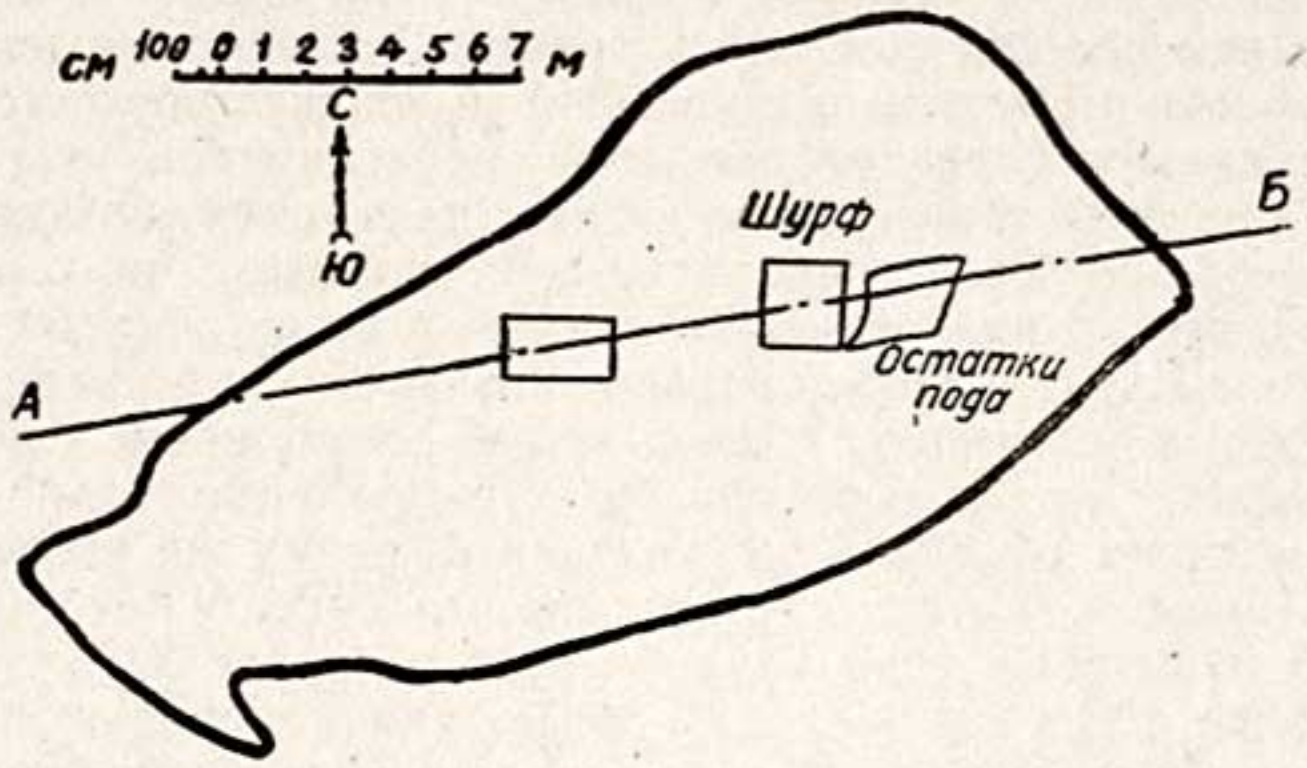
Как следует из вышесказанного, жилой комплекс начали строить, очевидно, на месте, обживавшемся в VIII—IX вв., первый же период строительства самого дома следует отнести, судя по содержимому культурного слоя, к XI в. В это время здесь строятся крупные помещения. Так первоначально помещения № 1 и № 5 составляли единое целое, так же как и помещения № 2 и № 4. С востока комнаты ограничивались глухой стеной (цоколь ее был обнаружен под поздней вымосткой пола), а вход осуществлялся через дверной проем в южной стене комнаты № 1. Под более поздними вымостками полов обнаружена обмазка стен белым алебастром. Слой, связанный с функционированием здания в этот период, был обнаружен в помещениях №1—5 и связан с цокольной частью основных стен, хорошо прослеживается, в частности, соответствующий этому времени цоколь северной стены, неоднократно впоследствии надстраивавшейся. Северная стена комплекса являлась глухой и, видимо, пространство, где позднее располагался двор, никак не использовалось, здесь накопился за это время значительный культурный слой со строительным мусором. На каком-то этапе этого периода, видимо, были сокращены размеры первого помещения возведением сплошной тонкой перегородки в северной его части, а также разделены стеной II и IV помещения, причем она была пристроена впритык к южной стене.

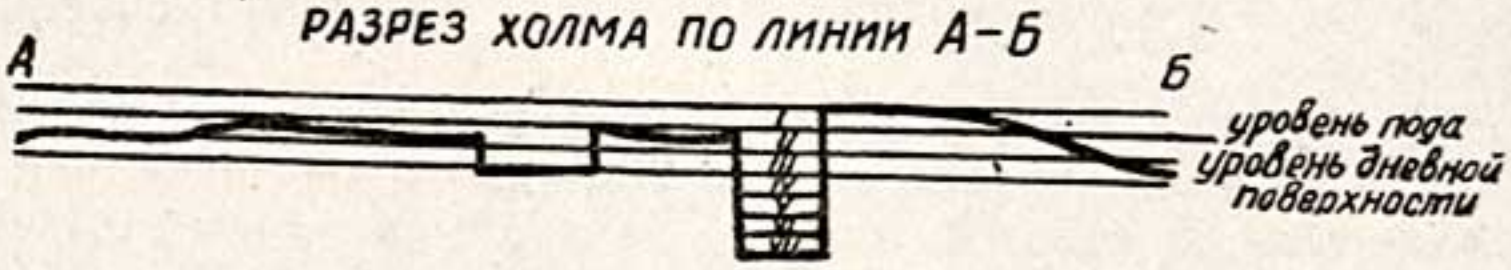
Видимо, уже в начале XII в. появляется вымостка из крупноформатных кирпичей за северной стеной, оформляя пространство двора, однако вход в него был не прямо из дома, а где-то сбоку. Эта выстилка находится уже на 60 см выше нижнего ряда кирпичей цоколя стены. В первой половине XII в., при сельджукидах, когда Мерв переживает значительный подъем, дом принадлежал богатому владельцу, по-новому оформившему комнаты. Центральным парадным залом служило I помещение, тщательно вымощенное жженым кирпичом и богато украшенное разными видами архитектурного декора, причем украшение стен зала как бы нарастало снизу вверх от гладких стен с белой алебастровой штукатуркой к росписи по ней и, наконец, к бордюру из резного штука. Был заложен южный вход в комнату и главным входом в здание стал восточный, где был оформлен вестибюль, также вымощенный жженым кирпичом. Новый пол был настлан в помещении № 3, новую вымостку получил двор, в центре которого был врыт в землю хум. Несколько разрушилась к этому времени общая северная стена комнат и на ее остатках возвели новый цоколь из жженых кирпичей, соответствующий новому уровню полов, а выше стена была надставлена кирпичом сырцовым. Двор был соединен проходом непосредственно с комнатами дома, соответствовал этому проходу и новый проем в перегородке, разделявшей комнаты № 1 и 5. Последняя начала использоваться для хозяйственных целей.

Позднее, в связи с неизвестными нам обстоятельствами (судя по времени, возможно, гузской смутой), дом приходит в запустение и лишь позднее, во второй половине XII — может быть, в начале XIII в., при хорезмшахах, жизнь возобновляется, причем здесь снова поселяется богатый хозяин, строящий на забутованных развалинах парадный зал, где можно было погреться у сандала и помыть руки перед едой и где, видимо, от последней проведенной здесь трапезы остались на полу осколки богатой керамики местной и привозной и множество костей животных. Наличие в этом слое тонкостенной сероглиняной керамики с процарапанной орнаментацией, в том числе с надписями, подтвердило особенно четко указанную выше датировку, ибо, как известно, керамика подобного типа на территории Южной Туркмении не встречается раньше второй половины XII в. и позже поры монгольского завоевания. Однако новый хозяин, по-видимому, нашел, что и I помещение еще пригодно для обживания. Оно было расчищено, стены его тщательно оштукатурены толстым слоем глиняной штукатурки. К этому же последнему периоду или последнему его этапу следует, видимо, отнести крупные участки капитальных рухнувших стен. Так или иначе, в начале XIII в. заканчивается длительное (XI — начало XIII вв.) функционирование комплекса и, видимо, не будет натяжкой поставить его запустение в прямую связь с монгольским завоеванием. Жизнь на этом участке больше не возобновлялась.

При обследовании юго-западной четверти городища выяснилось, что в западной ее части на расстоянии 200—250 м от западной стены почти параллельно ей тянется, видимо, квартал, связанный с функционированием гончарных и кирпичеобжигательных печей. Для закладки шурфа был выбран холмик, как бы замыкающий с юга упомянутый квартал. На поверхности здесь прослеживались красноватые пятна обгоревшей земли и были видны фрагменты сырцовых обожженых кирпичей. Площадка расположена в 250 м на восток от западной стены города и в 250—300 м от его южной стены. Первая пробная площадка не дала ничего кроме сплошного завала сырцовых обожженных кирпичей, в том числе размером 25×25×6 см, 26×26×5 см, 27×27×4 см и 28×28×5 см, а также кусков гончарных шлаков. Здесь явно находилась когда-то гончарная обжигательная печь, разрушенная до основания. В шести же метрах восточнее удалось зачистить находившийся прямо под пушонкой участок пода обжигательной печи, рухнувший прямо в топочную камеру. Ширина сохранившейся части пода 1,2 м, в одном месте прослеживается отверстие пода диаметром 10 см. Однако в целом сохранность печи такова, что восстановить ее план и устройство не представилось возможным. С остатками печи связаны в основном находки фрагментов неполивной сероглиняной керамики, в том числе с волнистым очень плотно процарапанным орнаментом, а также фрагментов керамики с орнаментом черной, зеленой и желтой красками на белом фоне и с несохранившейся поливой, с черным орнаментом на белом фоне под прозрачной глазурью, с гладкой зеленой поливой. Весь этот материал может надежно датировать остатки печи X в. Западнее остатков печи был заложен стратиграфический шурф, давший следующую последовательность наслоений. В среднем на 20—25 см прошел слой с завалом фрагментов сырцовых и сырцовых обожженных кирпичей, который на большей части площади шурфа сменился слоем рыхлой земли толщиной в среднем 40—80 см. В этот слой в юго-восточном углу вклинилась прослойка золы толщиной 15—20 см. Ниже по всей площади шурфа этот слой сменился слоем очень плотной земли, прошедшей в среднем на глубину до 1,5 м. В этом однородном слое были встречены фрагменты керамики с белой и зеленой гладкой поливой, фрагмент блюда с черной стилизованной надписью на белом фоне, фрагмен-

ты с мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом, фрагменты керамики «ишкорного» типа, а также ряд фрагментов неполивной посуды, в том числе с красным в изломе черепком и плотным волнистым процарапанным орнаментом. Этот комплекс керамических изделий может быть также датирован X в.



РАЗРЕЗ ХОЛМА ПО ЛИНИИ А–Б

РАЗВЕРТКА ШУРФА

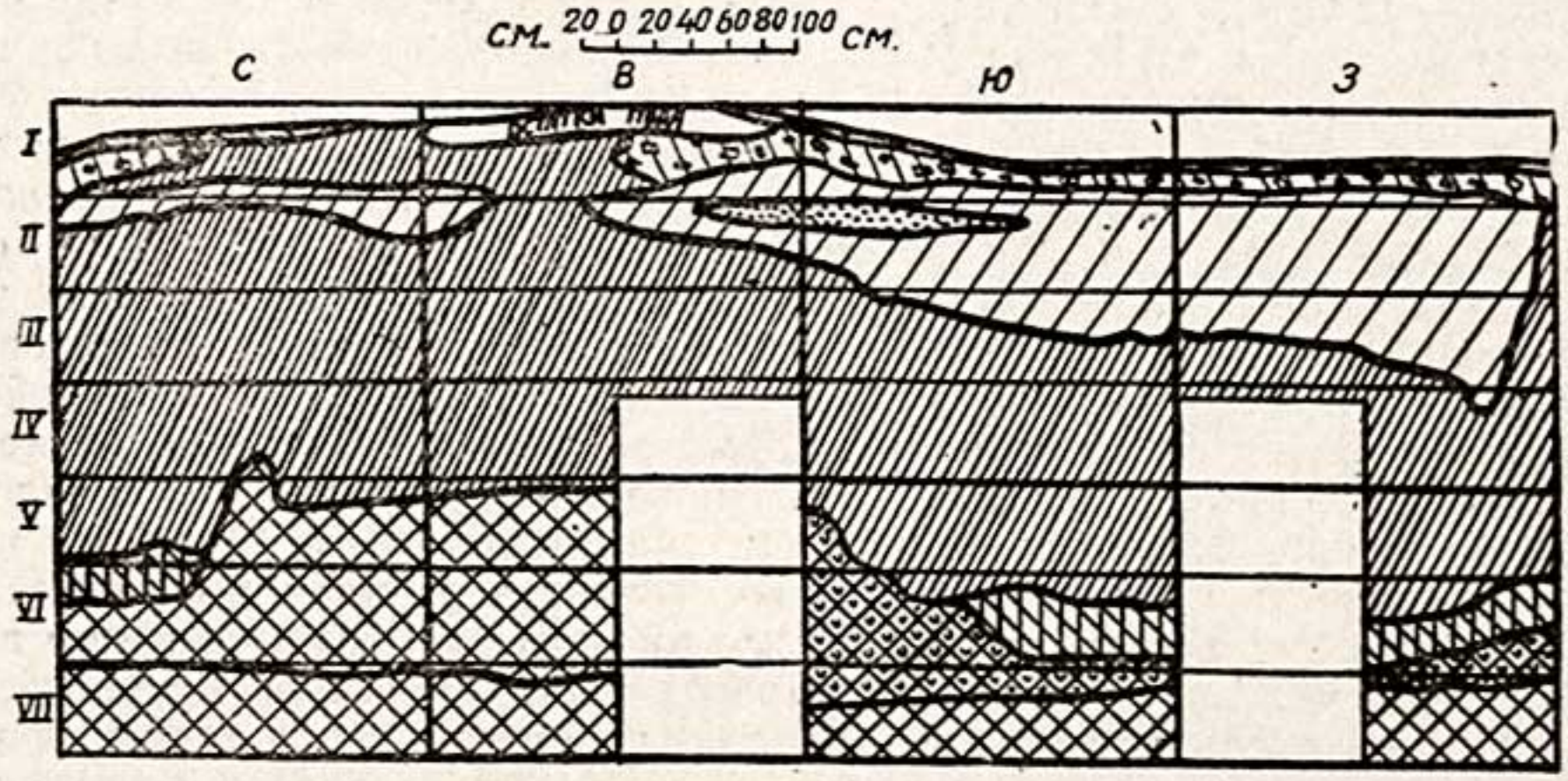


Рис. 13. План раскопа 3 (в юго-западной четверти городища) и развертка стен шурфа.

Ниже плотной земли в части шурфа начался слой темно-коричневого цвета земли с серыми и ржавыми оттенками—следами сгнивших растительных остатков, в южной же части шурфа на этом уровне начался слой песчаной земли (20—35 см). В первом слое в начале его встречались отдельные невыразительные черепки неполивной керамики. Однако слой этот носит характер культурно-ирригационного наноса и не отражает уже характер обживания этой части города. Ниже по всей площади шурфа уже прошел слой более светлого оттенка, но такого же характера земли материкового характера без каких бы то ни было остатков деятельности человека. Последний был прослежен на глубину до 50 см. Все эти прослойки, как любезно определила это канд.

наук Г. Н. Лисицына, связаны с отложениями стоячей или полустоячей воды.

Шурф в юго-западной четверти городища дал ряд фактов по истории этой части средневекового города. Во-первых, юго-западный угол города начал обживаться не ранее X в., во-вторых, именно в X в. здесь успел накопиться значительный (свыше 2 м) культурный слой, в-третьих, в том же X в., скорее всего в конце его, в успевший накопиться культурный слой была вкопана гончарная обжигательная печь, наконец, впервые удалось зафиксировать in situ следы ремесленного производства X в. на территории самого города. Следовательно, наряду с функционированием в X в. квартала гончаров, поодаль от территории густой жилой застройки отдельные участки (а судя по микрорельефу и подъемному материалу, возможно, и небольшие кварталы) использовались для постройки ремесленных мастерских и на территории самого слагающегося города.

Большое значение для истории города имела фиксация следов гончарного производства XIII—XIV вв. на городище, а затем и вскрытие обжигательной печи этого времени и частичная расчистка принадлежащего ей отвала бракованной керамики, предметов печного припаса и элементов архитектурного декора. Это особенно важно в связи с очень слабой изученностью техники гончарного производства XIII—XIV вв. на территории Северного Хорасана, а также в связи с тем, что большая часть керамических комплексов этого времени получена в качестве подъемного материала. Это затрудняло проведение аналогии с добытым нами материалом и вместе с тем делало его особенно интересным для последующего изучения керамики этого времени.

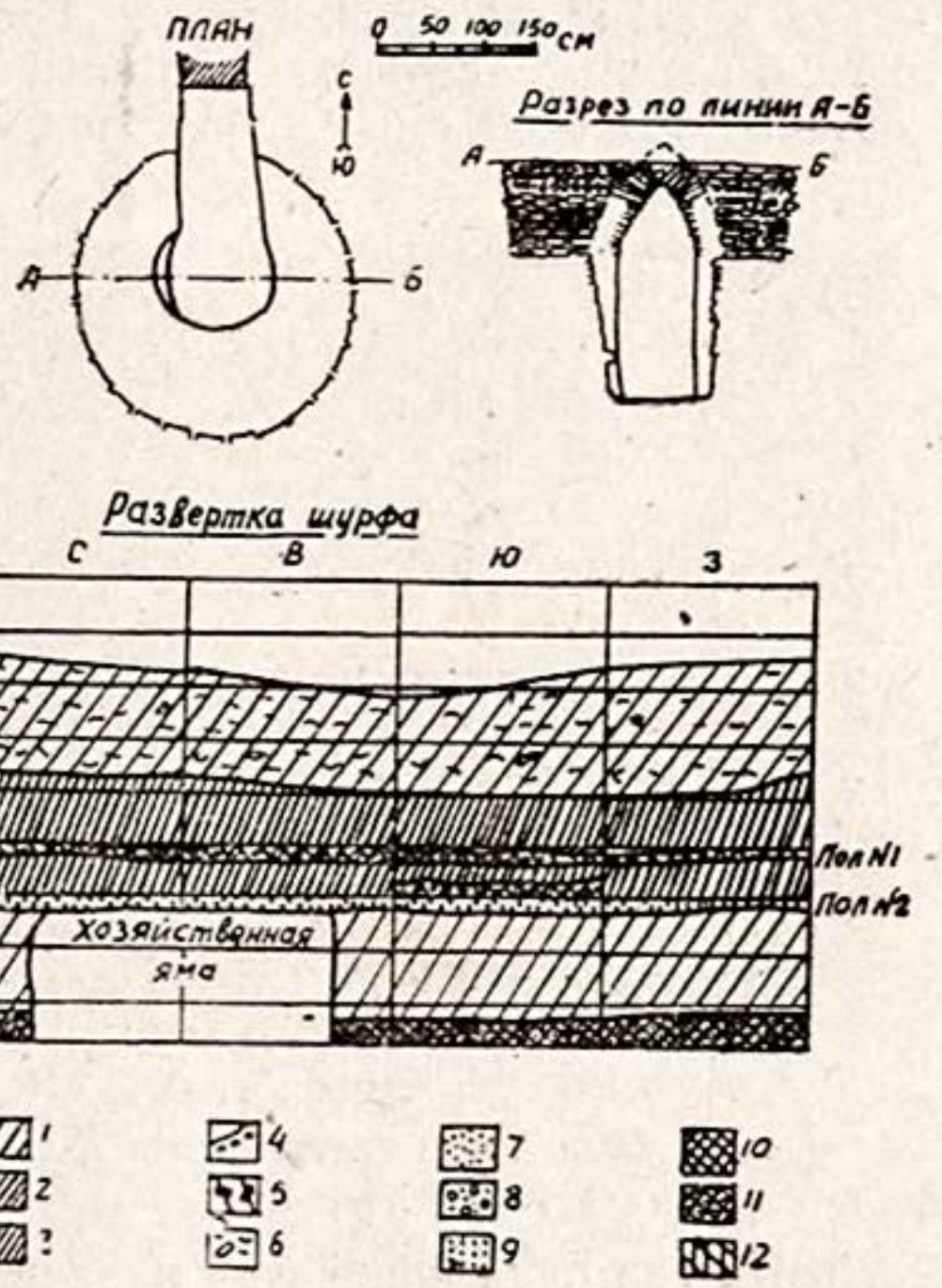


Рис. 14. План и разрез гончарной печи XIII—XIV вв. и развертка стен шурфа, заложенного около нее: *1*—рыхлый натечно-надувной слой; *2*—натечно-надувной слой средней плотности; *3*—плотный натечно-надувной слой; *4*—пушонка; *5*—завал из фрагментов сырцовых и жженых кирпичей; *6*—отвал бракованной керамики; *7*—зола; *8*—комковатый слой; *9*—плотный утрамбованный слой; *10*—плотная глина материкового характера; *11*—слой земли с ржавыми и зеленоватыми оттенками; *12*—песчаная глина.

Яма с отходами, связанными с гончарным производством XIII в., была расчищена при закладке шурфа на позднем городище Анау на глубине 3,3 м от дневной поверхности. Здесь были найдены немногочисленные предметы печного припаса в виде конуса и сипая, а также грубоватая неполивная и поливная керамика. В. А. Левина характеризует этот комплекс как относящийся к провинциальному производству на нужды маленького поселения[15]. На некоторых городищах отмечены отвалы бракованной продукции XIII—XIV вв., в том числе на городище Месториан с керамикой, близкой к кашанским

и султанабадским типам[16]. Свое развитое керамическое производство существовало в ту пору в Абиверде[17]. Этим, собственно, и ограничивается история изучения гончарного производства XIII—XIV вв. на территории Южной Туркмении. Разумеется, здесь не идет речь о комплексах керамики этого времени, полученных на разных городищах.

Доказано, что в середине XIII в. начинает налаживаться керамическое производство Хорезма[18]. Остатки гончарного производства XIII—XIV вв. зафиксированы Хорезмской археологической экспедицией на ряде городищ.

Вскрытая на городище Султан-кала печь находится в 210 м севернее дороги, ведущей к воротам Фируза (западным воротам города), в 250 м восточнее городской стены. Печь, дающая в плане почти правильный круг, имеет диаметр 2,7 м. Устье топки находится с северной стороны ее. Описываемая гончарная печь относится к типу печей с открытым пламенем, когда топка не отделяется каким-либо горизонтальным перекрытием от обжигательной камеры. Разрушена верхняя часть стен печи и перекрытие, в остальном печь сохранилась довольно хорошо. Кладка стен печи начинается непосредственно от дневной поверхности, стены сложены из сырцового кирпича размером 29—30×29—30×5—6 см. Кирпич прокалился, как правило, на глубину 5—10 см. Сверху сохранилось три ряда кирпичей, под которыми шел, видимо, наглухо вмазанный в стену печи ряд штырей, некоторые штыри сохранились в печи in situ, в том числе три штыря, идущих подряд. Расстояние между центрами штырей 10 см, диаметр штырей 4—5 см. Ниже стенка дает уступ на 10 см. Видимо, это было сделано специально для более прочного закрепления штырей. На три ряда кирпичной кладки ниже снова идет ряд отверстий для штырей, но здесь были уже сделаны специальные гнезда путем закладки фрагментов кирпичей, пространство между которыми заполнялось обмазкой так, чтобы осталось круглое отверстие. Это давало возможность маневрировать штырями в зависимости от обжигаемых изделий. Расстояние между центрами отверстий 12—14 см, диаметр отверстий 5—7 см. Судя по затекам голубой глазури на стенках печи, где-то выше первого сохранившегося ряда отверстий для штырей располагался еще один. Таким образом, в печи, видимо, имелось три ряда штырей. На пять рядов кирпичей ниже нижнего ряда штырей начинается полка, на которой также расставлялись изделия для обжига (общая высота сохранившейся части стен от поверхности до полки в среднем 86—95 см). Ширина полки к западу и востоку от топки 70 см, к югу — 1 м.

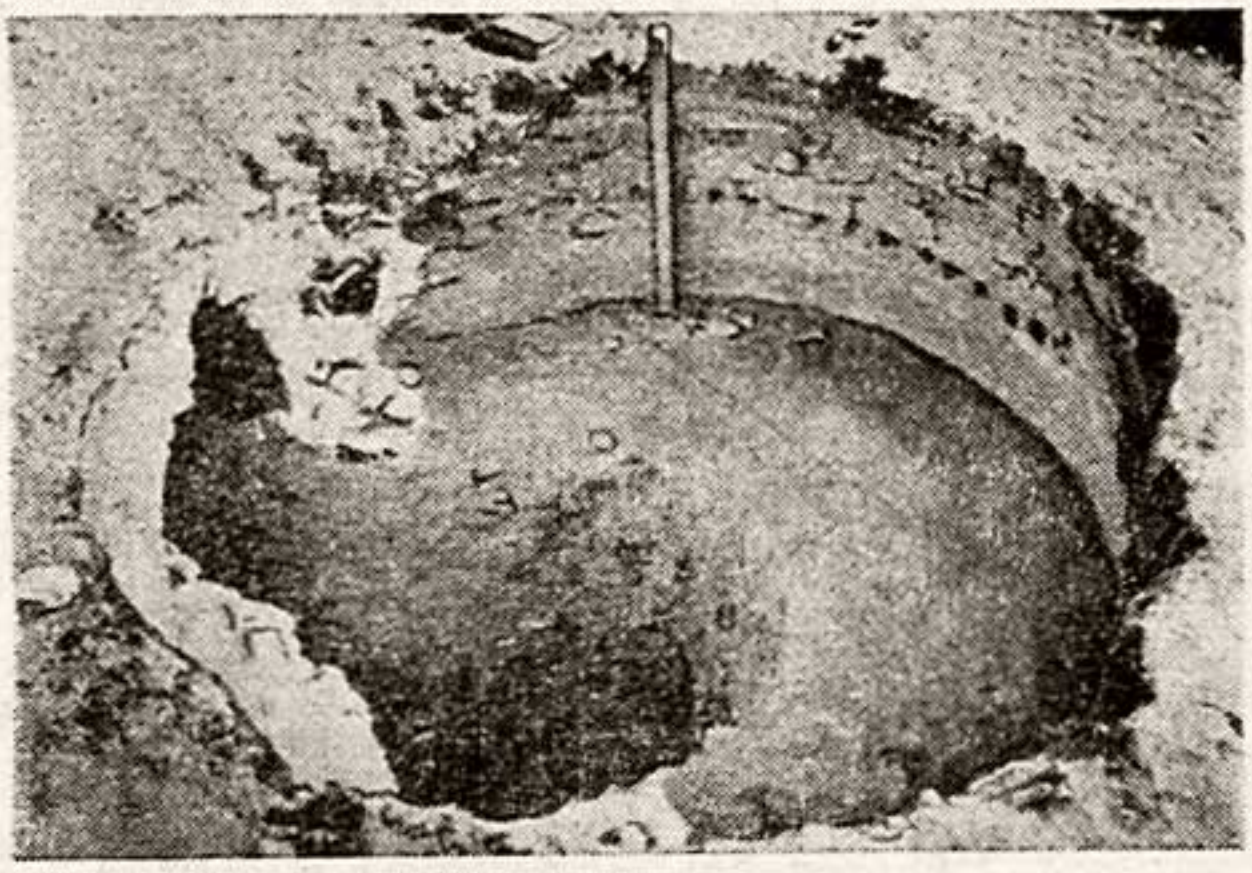


Рис. 15. Общий вид круглой печи XIII—XIV вв.

Топка печи имеет чуть неправильную форму, округло расширяясь от устья. Диаметр ее 1,3—1,4 м, глубина топки 1,4 м. На три ряда кирпичей ниже уровня полки начинается ошлакованность стен печи сильными

гладкими потеками, свидетельствующими о весьма продолжительном периоде функционирования печи. Ошлакованность кончается на высоте 15—20 см от дна топки. На последнем сохранился слой золы толщиной 5 см, видимо, от сгорания саксаула. Высота устья топки, перекрытого аркой, 2,15 м, ширина 70 см. Арочное перекрытие осуществляется путем постепенного расширения швов между концами кирпичей. Длина устья топки до встретившейся здесь закладки 65 см. Топочное устье чуть сужается наружу. Закладка топки произведена на высоту в 1,15 м и сильно обожжена изнутри. Возможно, закладка эта была произведена не на время функционирования печи, а для того, чтобы сократить высоту топочного устья, ибо производить закладку на такую значительную высоту во время работы печи каждый раз было непроизводительной затратой труда. Объем печи говорит о значительной вместимости продукции для обжига.

С последним обжигом в печи связаны обнаруженные при ее вскрытии находки. К ним относятся 28 трехножек — сипая, многочисленные фрагменты штырей и плоских подставок, относящихся к печному припасу и несущих следы голубой глазури, ряд фрагментов кирпичей со скруглением покрытых голубой поливой, один фрагмент изразца с переплетающимися белой и фиолетовой полосами на голубом фоне, ряд фрагментов керамики с голубой поливой, в том числе непосредственно на дне топки лежала целая, лишь немного смятая в результате переобжига, чаша с диаметром венчика в 21 см, диаметром дна 6,5 см и высотой 8,5 см, покрытая голубой поливой с прилипшей к ней в центре трехножкой — сипая. Весь этот материал перекликается с массовым комплексом керамики, предметов печного припаса, архитектурных деталей, поливных кирпичей, найденных при закладке шурфа на отвале бракованной продукции, расположенном восточнее печи, рядом с ней.

Прямую аналогию описанной печи дает печь, раскопанная ранее в квартале керамистов, расположенном западнее западной стены городища Султан-кала, и датирующаяся второй половиной XII—началом XIII в. Круглая в плане печь имеет почти такой же диаметр — 2,75 м и такое же конструктивное устройство — несколько неправильной формы углубленную топку, широкую полку и ряды отверстий для штырей. Совпадают и размеры сырцовых кирпичей, из которых сложены печи[19]. Однако появляется подобная конструкция печей в Мерве несколько раньше. Такова вскрытая в том же квартале керамистов печь X — начала XI в., круглая в плане с грушевидной формы топкой и широкой полкой вокруг нее.

Из печи и принадлежащего ей отвала был извлечен набор предметов печного припаса, предназначенных для наиболее рационального размещения керамической продукции в печи. Припас представлен круглыми в сечении штырями, трехножками — сипая, плоскими подставками, коромыслицами, своеобразными уголками и неправильной формы толстыми глиняными лепешками. Как указано выше, в печи сохранилось два ряда отверстий для штырей, причем в некоторых из них in situ остались обломки штырей. Фрагменты последних в довольно большом количестве были встречены и в самой печи, и в отвале. Они имеют черепок в изломе обычно кремового или красноватого цвета, пористый. Наибольший диаметр штырей 4—5 см, в конце они несколько сужены и затуплены. На поверхности многих штырей сохранились капельки и потеки голубой поливы. Трехножки — сипая отличаются значительным колебанием размеров в связи с разными диаметрами изготовлявшихся здесь чаш и блюд, различаются сипая и по своей форме. Черепок их в изломе желтого или кремового, реже серого цвета, иногда пористый, обжиг зачастую несколько неровный. Маленькие сипая имеют расстояние между ножками 5,5—6 см, высоту ножек 2—2,2 см, ножки, как правило, за-

острены. Сипая среднего формата имеют расстояние между ножками 9—9,5 см при высоте последних 2—2,5 см. Есть, однако, и экземпляры с широкими ножками, у которых высота их достигает 4,5—5 см. И, наконец, встречаются гигантские сипая, с расстоянием между ножками 15,5—16 см (судя по одному фрагменту, до 20 см), шириной их 2,5—3 см и высотой до 5 см. Последние явно предназначались для обжига каких-то крупных блюд, остатков которых пока в раскопе не встречено. Сипая же мелких и средних размеров в ряде случаев найдены прилипшими к поливе на донцах сосудов на дне самой печи, как упоминалось выше, найдена целая чаша, в центр которой вплавилась сипая.

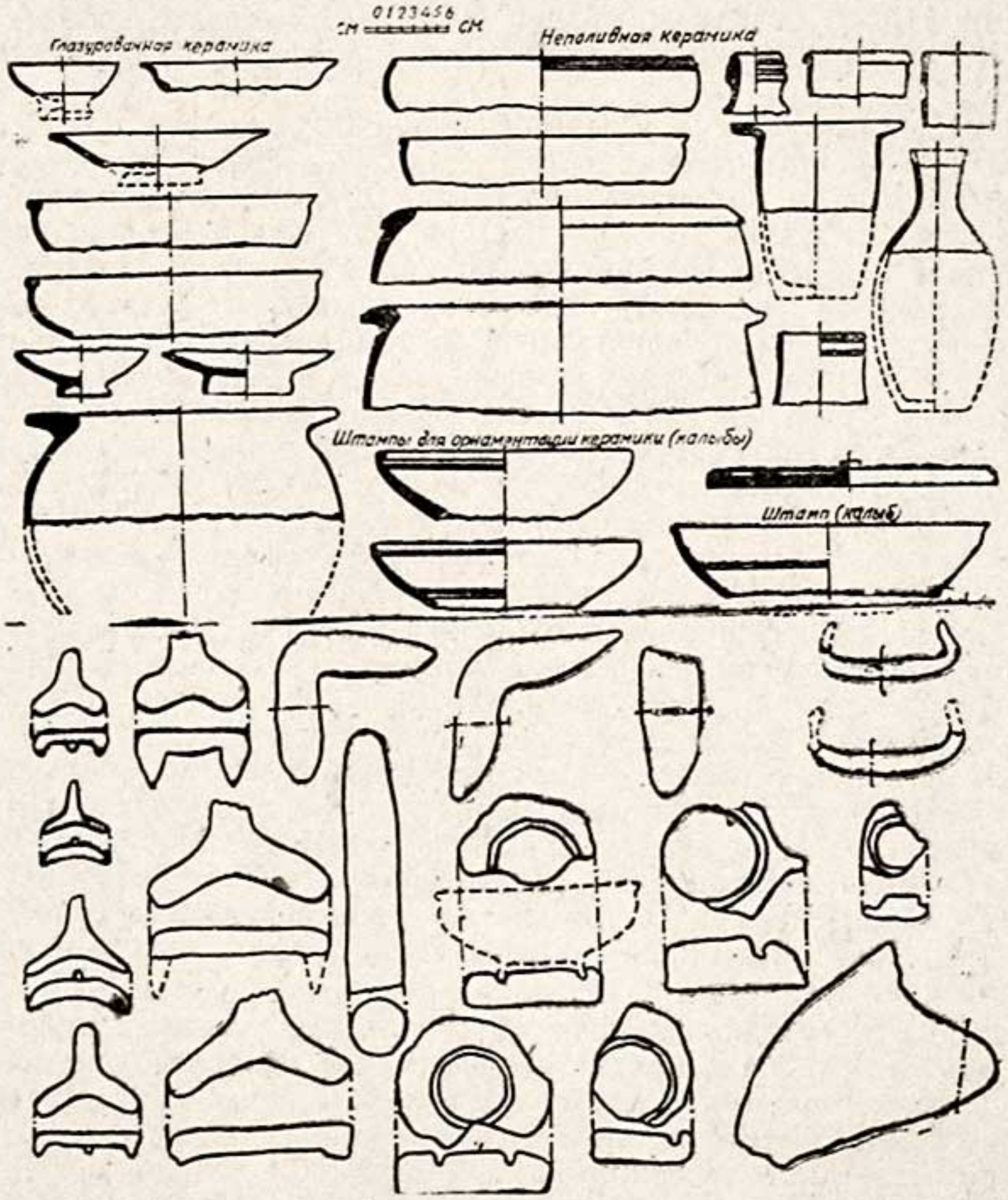


Рис. 16. Керамика и предметы печного припаса XIII—XIV вв.

Трехножки грубой выделки встречаются редко, как правило, они сделаны тщательно. Преобладают сипая обычной формы — плоские в верхней части, но довольно значительный процент падает на сипая с витыми ножками, сделанными путем перекручивания сырой глины. Выделяется также группа, не имеющая загнутых вниз и заостренных ножек. Такие сипая несколько прогнуты в нижней части, а наверху оформлены в виде остроребериых выступов, иногда заканчивающихся совсем острым краем. Эти сипая отличаются совсем тонкой выделкой. Думается, что эту группу следует рассматривать как результат творческих поисков мастера, который так и не отдал им предпочтения в силу их не-

значительной устойчивости. Особая тщательность выделки многих сипая, стремление украсить их свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в данной мастерской эти предметы печного припаса изготовлялись не только для внутреннего потребления, но и на продажу в другие мастерские. Об этом же говорит и общее количество найденных сипая — на небольшом участке раскопа при незначительной глубине отвала их было найдено свыше 1000.

Следующее место по количеству найденных экземпляров занимают толстые лепешки глины, которым руками грубо придавали округлую форму. Никаких следов дополнительной обработки, заглаживания эти предметы печного припаса не несут. Диаметр их 6—14,5 см, толщина 2—4 см. Все они в верхней плоскости несут следы отпечатавшихся кольцевых поддонов чаш. Судя по всему, эти грубо обработанные комки глины служили для установки в печь стопок посуды с целью более устойчивого их равновесия. Для этой цели первую нижнюю чашу вминали в округлый комок еще сырой глины. Видимо, употреблялись эти глиняные подставки только один раз, ибо обожжены они очень слабо. Диаметр отпечатавшихся в них донец от 5 до 9 см, что соответствует диаметру кольцевых поддонов сосудов, найденных в раскопе. Эта своеобразная разновидность предметов печного припаса, так же как и описанные ниже уголки, не встречались в более ранних гончарных мастерских Мерва и являются своего рода рационализацией производства, примененной впервые в XIII—XIV вв. в связи с появлением на сосудах кольцевых поддонов.

Для закрепления стопок посуды сбоку предназначались глиняные уголки в виде полос глины, изогнутых почти под прямым углом. При изготовлении их округлую в сечении полоску глины клали на ровную поверхность, загибали под углом и сминали пальцами внутреннюю сторону. Следы обработки пальцами видны почти на всех уголках. В сечении с внешней стороны они высоки и округлы, с внутренней — уплощены. Длина сторон уголков 12—14 см, ширина их 3,5—5 см, толщина 0,5—3 см, черепок в изломе кремового, реже красноватого цвета.

Плоские глиняные подставки для расстановки посуды были круглой и прямоугольной формы, однако ни одного целого экземпляра встречено не было. Толщина их в изломе колеблется в пределах 0,8—1,5 см. Черепок в изломе кремового, чаще в результате пережига зеленоватого цвета. Подставки, как правило, несут на поверхности капли голубой глазури. Отдельными фрагментами представлены небольших размеров коромыслица и крючки, также служившие для закрепления стопок посуды. Длина крючков с двумя загнутыми в одну сторону концами 12—13 см, длина загнутых концов 3 см, диаметр в изломе 1,6—1,8 см, черепок серо-желтого цвета.

Если сипая и штыри известны в гончарном производстве Мерва начиная с X в., то в целом набор предметов печного припаса более всего находит аналогии в таковом же, происходящем из печи второй половины XII—начала XIII в., в упомянутом выше квартале керамистов[20], а также из отвала бракованной продукции, связанного с другой печью этого же времени[21]. Предметы печного припаса представлены в последних штырями, трехножками — сипая, языковидными подставками и загнутыми с обеих сторон крючками. Вместе с тем с описанной печью связано появление новых видов печного припаса — толстых, неправильной формы глиняных лепешек, различных плоских подставок, уголков, а также поиски новых форм сипая и в ряде случаев новое их оформление.

Поливная керамика представлена на раскопе в основном чашами и своеобразной формы котлами, реже попадаются фрагменты глазурованных чирагов-светильников (рис. 16).

Все донца чаш без исключения на кольцевом поддоне, иногда очень

высоком. Диаметр донцев чаш 4—9,5 см, высота поддона 1—1,5 см (реже до 2 см). Поддон идет либо вертикально вниз, либо чуть расширяется наружу, черепок в изломе желтого цвета, иногда пористый. Полива покрывает либо только внутреннюю сторону донца, либо и внутреннюю и внешнюю, не заходя, однако, внутрь поддона. Наиболее распространены венчики чаш диаметром 16—24 см (последний размер встречается особенно часто) с чуть загибающимся вовнутрь и сильнее отогнутым наружу венчиком, а также неглубокие чаши, у которых стенка переходит в сильно отогнутый наружу бортик. У первых довольно глубоких чаш стенка округло изгибается в средней части. Черепок чаш в изломе желтого реже красноватого цвета, часто пористый, обжиг ровный. Абсолютно преобладающим в этой группе керамических изделий является красивый чистый ярко-голубой цвет поливы без орнамента. Встречено, однако, и несколько фрагментов с росписью марганцево-фиолетового и черного цветов по голубому и зеленовато-голубому фону, один с растекшейся росписью зеленой и коричневой красками по белому фону и один с гладкой белой поливой. Орнаментация в этих случаях была очень нечеткой, расплывчатой, однако на двух черепках явно имела место радиальная композиция орнамента. Чаши покрыты поливой внутри и снаружи.

Красный и кремовый цвет глины дали чаши из слоев XIII—XIV вв. на городище Анау. Характерны для них и кольцевые поддоны, наряду с черным цветом орнамента встречается и фиолетовый, а орнаментация дает радиальные композиции[22]. Кольцевой поддон чаще всего имеет керамика XIII—XIV вв. с городища Шехр-ислам, покрытая голубой поливой различных оттенков с подглазурной росписью черной и марганцевой красками[23]. Керамика с голубой глазурью и лиловато-черной подглазурной росписью хорошо известна для комплексов Нисы XIV в.[24] Чаши здесь имеют обычно высокий кольцевой поддон и, судя по некоторым опубликованным экземплярам, диаметр венчика их приблизительно, такой же, как в наших чашах[25].

Голубой цвет поливы начинает применяться в Мерве в X—начале XI в.[26], однако используется очень редко, робко и далеко не всеми мастерами. В комплексах же XI—первой половины XII в. такого цвета поливы не встречено. Зато красивого оттенка ярко-голубая полива очень характерна для керамики Мерва второй половины XII—начала XIII в.[27] Однако формы чаш, профилировка венчиков здесь иная, отсутствуют полностью и кольцевые поддоны.

Своеобразны глазурованные котлы. Диаметр венчика их 18—20 см. Венчик чуть отгибается наружу, стенки отходят изгибаясь округло, непосредственно от него. Черепок в изломе желтого, реже розового цвета, пористый, хорошей отмучки. Непосредственно от венчика, сливаясь с ним, отходят в стороны четыре сплошные ручки-выступы, идущие горизонтально, длина их 2—3 см. Имитируя явно ручки котлов хозяйственного назначения, предназначенные для закрепления котла над очагом, в данном случае ручки являются оригинальным декоративным оформлением сосуда. Глазурное покрытие осуществлялось либо и внутри, и снаружи сосуда, либо же сплошь внутри и, несколько опускаясь за край венчика, снаружи. Все сосуды этого типа покрыты ярко-голубой поливой. Такого же цвета поливой покрыты два крупных носика чирагов длиной 8, высотой 4,5 см, подпрямоугольной формы в верхней части. Черепок в изломе желтого цвета.

Неполивная керамика дала меньший процент находок, однако большее разнообразие форм (рис. 16). Среди последних чаши, кувшины, фляги-мустахара, горшкообразные сосуды, сосуды крупных размеров, крышки, тувак (принадлежность детской колыбели). Некоторые чаши по форме в точности повторяют глазурованные и их надо рассматри-

вать как прошедшие первый обжиг и подготовленные под поливу, но есть и своеобразные формы, характерные именно для безглазурной керамики — таковы, например, крупные чаши (диаметр венчика 24 см) с сильно изогнутыми округлыми стенками, прямым венчиком и несколькими бороздками под ним с внешней стороны. Черепок их в изломе и ангоб красноватого цвета.

Кувшины представлены разнообразными горловинами и плоскими чуть выступающими по отношению к стенкам донцами (диаметр последних 8—10 см). Диаметр венчика горловин 4—8 см, они бывают прямыми, вертикальными, чуть утончающимися книзу, иногда с внешней стороны их проведены один или два желобка, иногда венчик округло отгибается наружу. В одном случае узкая горловина заканчивается широким бортиком с проведенными по нему желобками, ниже которого стенка почти сразу отходит под углом в сторону. Черепок в изломе красного и кремового цвета, реже серого и в результате пережига зеленоватого, иногда пористый, обжиг обычно ровный. Для оформления горловин наряду с желобками применяются еще и тонкие параллельные процарапанные полосы.

Крупные сосуды имеют диаметр венчика 24—30 см. Венчик их либо чуть наращен по отношению к стенке сосуда, либо отгибается сильно наружу, образуя бортик, причем последний в одном случае оформлен защипами снизу вверх, образующими фестончатый край. Кстати, на этом же сосуде имеет место процарапанная орнаментация в виде полос и стилизованно-растительного орнамента, явно перекликающаяся с процарапанным орнаментом на керамике Мерва второй половины XII—начала XIII в., так что в данном случае также вполне можно говорить о сохранении традиции в украшении керамики. На одном из венчиков крупных сосудов имелась процарапанная надпись из трех буквенных знаков неясного начертания.

Крышка сосуда диаметром 24 и толщиной 0,8 см имела черепок в изломе коричневого цвета, была оформлена по краю вмятинами пальцев, образующими фестоны, и имела в центре выступ-держатель. Тувак с почти прямыми вертикальными стенками имеет диаметр венчика 14 см и сильно выступающий отогнутый бортик, с помощью которого он закреплялся в колыбели. Черепок в изломе красноватого цвета. Отдельно встречены также довольно длинные (до 8 см) носики сосудов, чаще прямые, иногда чуть расширенные в средней части. Четырьмя фрагментами представлены фляги-мустахара с боковыми ручками и неширокой горловиной.

В отвале бракованной продукции обнаружен ряд фрагментов керамики со штампованной орнаментацией и штампов-калыбов для нанесения орнамента на сосуды (рис. 17). Последние тонкостенны, отличаются большой тщательностью выделки. Предназначались штампы для орнаментации отдельной верхней и нижней половин сосуда. Диаметр их в верхней части 21—26 см, толщина в изломе 0,5—1,0 см, черепок кремового или красноватого цвета, несколько пористый. Венчик либо прямой, либо чуть отогнут наружу, в одном случае он загнут округло внутрь и это, видимо, брак производства, ибо вынимать сосуд с отштампованным орнаментом из такого штампа было бы очень трудно. Внутренняя часть штампов покрыта углубленным орнаментом — в одном случае это сплошные ряды шестилепестковых цветочков, на другом фрагменте сплошь идут очень густо посаженные рядами, не оставляя места для гладкого фона, восьмилепестковые розетки, причем в одном месте эти ряды прерывает круглый картуш с шестнадцатилепестковой розеткой в центре него. Орнамент четкий и довольно глубокий, сделан очень изящно. Встречен, очевидно нанесенный на калыб отдельными штампиками, орнамент из больших круглых картушей, расположенных на фоне

сплошь заполненном чередованием шестилепестковых розеток и кругов с сеточками внутри. Единственным экземпляром представлена заготовка конусовидного штампика для нанесения отдельных элементов орнамента. Высота его 4,5 см, диаметр 3,4 см.

Фрагменты штампованной керамики имеют черепок в изломе кремового и темно-серого цвета. Есть несколько фрагментов со сплошными рядами из выпуклых шестилепестковых цветочков, один фрагмент со сложным плетеным орнаментом, с крупными круглыми заполненными орнаментом картушами на фоне из четырехлепестковых цветов и овалов также с вписанным в них орнаментом.

Рис. 17. Фрагменты штампованной керамики XIII—XIV вв. и калыбов для ее орнаментации.

Расцвет производства штампованной керамики в Мерве падает на первую половину XII в., однако изготовлять ее продолжают до начала XIII в. и, как это доказано впервые, традиции ее производства сохраняются и значительно позже. Штампы для орнаментации сосудов становятся более тонкостенными, но техника изготовления и орнаментации керамики остается прежней, как восходят к XII в. и мотивы орнаментов. Возможно, сохранение традиции изготовления штампованной керамики в XIII—XIV вв. является местной особенностью Мерва, бывшего для областей Северного Хорасана в XI—XII вв. крупнейшим центром по изготовлению такой и экспортировавшего ее в другие области. Во всяком случае, для других городов и поселений Южной Туркмении этого времени остатков штампованной керамики или следов ее производства пока не отмечено. Однако утверждать это категорически преждевременно.

Кувшины с отштампованными матрицами узорами на верхней их половине были характерны для гончарного производства Хорезма XIII—XIV вв. В Ярбекире, в Замахшаре, на Даудан-кале были найдены и штампы для их орнаментации[28]. Однако сходство с мервскими сосудами ограничивается только техникой производства, во всем остальном на первый план выступают отличия — и в форме кувшинов, и в традиции украшать орнаментом только плечики сосуда, и в цвете поверхности, и в применении пятен бирюзовой поливы и, наконец, в мотивах орнаментации.

В описанной выше керамике явственно продолжаются (и это особенно бросается в глаза) традиции предшествующего времени (особенно второй половины XII — начала XIII в.). Надо думать, что после монгольских погромов остались в живых отдельные мастера-ремесленники, либо где-то укрывавшиеся, либо пощаженные монголами. Они-то и передали сложившиеся традиции изготовления и орнаментации сосудов следующему поколению керамистов. В то же время выпускаемая продукция отвечала новым требованиям времени, что сказалось в выпуске новых видов гончарных изделий, в том числе таких, как фляги. Последние изготовлялись, очевидно, на потребу части населения, ведшей кочевой образ жизни. Не менее интересно, что и в самой печи, и в отвале из нее был найден ряд фрагментов деталей архитектурного деко-

ра, в том числе переобожженных, явно изготовлявшихся в данной мастерской и в этой печи обжигавшихся. Наиболее многочисленными среди них были фрагменты кирпичей со скруглением одной стороны, предназначавшихся скорее всего для оформления полуколон в каких-то зданиях. Один целый кирпич такого рода имел следующие размеры: сторона, противоположная скругленной, 24 см, боковые грани 8,5 см, наибольшая ширина 11 см, толщина кирпича 3,5 см. Все кирпичи по скругленной стороне покрыты ярко-голубой поливой. Несколькими фрагментами представлены тоненькие полоски, покрытые голубой поливой, шириной 1,5—1,8 см. Такой же поливой покрыт по краю фрагмент кирпича со скошенной гранью.

Несколькими фрагментами представлены также кирпичи с косыми гранями и поперечными глазурованными полосками разных цветов. Изготовлялись эти детали из потесаных кирпичей, размеченных на полоски глубоким прочерчиванием. В одном случае ширина передней грани кирпича была 3,5 см, боковой правой 3,5 см, а левой 1,5 см. Ширина же полосок 3,5—3,8 см. Чередуются полоски голубого и марганцево-фиолетового цветов. В другом случае полоски начинаются, отступя от края кирпича на 3 см, идут на 3 см и затем продолжаются на скошенной и на боковой гранях. Ширина полосок 1,5 см, чередование то же, что и указанное выше. Толщина кирпича 3,8 см. В одном случае на кирпиче (толщина 3,5 см) имелись идущие вертикально параллельные голубая и фиолетовая полосы, последняя оформляет закругленный угол.

Наконец, одним большим фрагментом представлен кирпич толщиной 5 см, где на голубом фоне пересекаются белая и марганцево-фиолетовая полосы, образовывавшие какой-то узор. Желтоватый цвет глины кирпича, его толщина, техника изготовления, цветовое сочетание глазурей напоминают кирпичные плиты из буддийской кумирни Мерва, датируемой второй половиной XIII в.[29] Во всяком случае обжигавшиеся в описанной печи изразцы явно также предназначались для облицовки панелей, и, возможно, образовывали в своем сочетании узор, аналогичный реконструируемому Г. А. Пугаченковой. Подобные вышеописанным детали архитектурного декора и аналогичные цветовые сочетания известны и по другим памятникам среднеазиатской архитектуры XIV столетия. Так, например, в бухарском мавзолее Буян-кули хана (середина XIV в.) широко применены полосы с чередованием поперечных голубой и марганцево-фиолетовой полосок. В таком же сочетании цветов употреблены здесь чередующиеся отдельные маленькие поливные кирпичики. В этом же мавзолее в трехчетвертных колонках применены голубые кирпичики со скруглением, однако они тоньше наших и скруглены меньше.

Особо следует отметить обнаружение в отвале маленького фрагмента плитки штампованной терракоты, покрытой голубой поливой с остатками надписи почерком насх. Плитка с надписью столь мелкими буквами могла принадлежать скорее всего намогильнику.

Декоративная плитка XIV в. со штампованным орнаментом и голубой поливой была найдена в шурфе на городище Анау[30]. Скопление плиток резной поливной терракоты голубой поливы имело место в рабаде городища Шехр-ислам[31], много таких фрагментов собрано и в подъемном материале с городища. Плитки со штампованным растительным узором, покрытые голубой поливой, широко отмечены для Нисы[32]. Резные терракотовые плитки с голубой поливой, в том числе и бракованные, найдены на кладбище Гёк-гумбез[33]. Такие же плитки появились на мавзолее Астана-баба в XIV в. при его ремонте[34]. Трехцветная плитка штампованной терракоты известна по находкам на Парз-тепе.

Концом XIII — первой половиной XIV в. датируется найденная одним из отрядов ЮТАКЭ на кладбище Челык на Нисе изразцовая рель-

ефная плитка сине-зеленой поливы с арабской надписью почерка насх. Содержала дату 1279/1280 г. трехцветная плитка штампованной терракоты с надписями от намогильника, найденная на Султан-кале. Насколько нам известно, выполненные в рельефе терракотовые поливные плитки, а также детали оформления зданий с указанным цветовым сочетанием известны для Хорасана лишь начиная с последней четверти XIII в. По мнению Г. А. Пугаченковой, рельефные изразцы являются специфической особенностью среднеазиатского зодчества.

Изготовление в Мерве описанных элементов архитектурного декора и приведенные аналогии показывают, что развитие архитектуры здесь, так же как и для других городов Хорасана и для Мавераннахра, характеризуется в XIII—XIV вв. рядом изменений, появлением новых качеств, что в Мерве, как и в других городах Северного Хорасана, существовали в это время капитальные, богато оформленные архитектурные сооружения, для которых и обжигались в печи упомянутые детали декоративного убранства и примером которых в определенном отношении является буддийская кумирня второй половины XIII в.

Анализ комплекса керамики и найденных деталей декоративного оформления, сравнение их с таковыми же из других средневековых городов Южной Туркмении, наличие общих черт с комплексами второй половины XII — начала XIII в.— все это позволяет датировать печь и принадлежащий ей отвал керамики концом XIII — первой половиной XIV в.

Попробуем уточнить, к какому именно этапу названного периода можно отнести функционировавшую здесь мастерскую. В 1243 г. правление в Хорасане перешло. к эмиру Аргуну, причем известно, что при нем было проведено некоторое строительство в Мерве и его окрестностях, в частности, с его именем связывается, как это указано выше, строительство в Мерве буддийской кумирни. В составе государства Хулагуидов Хорасан просуществовал с 1256 по 1335 гг.

В 1295 г. к власти приходит Газан-хан, в правление которого, и это особенно заметно после полосы войн и набегов 80—90-х годов, жизнь в Хорасане несколько упорядочивается. Была проведена серия реформ, начинается известное оживление городской жизни, торговли, ремесла, строительной деятельности. Начинается подъем экономики в конце XIII—XIV вв. и в областях Южного Туркменистана, однако Г. А. Пугаченкова связывает его не с деятельностью Газан-хана, а с нарастанием антимонгольских тенденций в местной среде и фактическим освобождением отдельных областей[35]. Сам Газан-хан также проявлял определенное внимание к данной территории. Так, видимо, по его распоряжению был в конце XIII в. капитально отремонтирован мавзолей шейха Абу-Саида Мехнейского, была добавлена изразцовая облицовка и роспись внутри него[36]. Так или иначе именно с этим периодом подъема, думается нам, следует связать вскрытую на городище Султан-кала печь и, если датировать этим же временем зафиксированные на городище отвалы с совершенно аналогичной керамикой, это дает возможность говорить о начавшемся новом подъеме гончарного производства Мерва.

Для середины XIII в. мы имеем свидетельство Плано Карпини о том, что монголы «забирают всех лучших ремесленников и приставляют к своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего ремесла». Известно, что при Газан-хане, ввиду полного упадка производительности ремесленников, власти начали скупать у последних нужные им изделия по определенной цене, хотя и более низкой, чем на рынке. Очевидно, это создавало у ремесленников большую заинтересованность в выпуске продукции, улучшении ее качества, чем в прежнее время, когда монгольские власти заставляли, по словам Рашид-эд-дина, работать ремесленников в порядке натуральной повинности, выдавая им

содержание в виде небольшого количества продовольствия. Думается, что это может также служить косвенным доказательством того, что нашу мастерскую следует датировать временем правления Газан-хана или периодом, непосредственно за ним последовавшим. Ассортимент продукции, ее качество, попытки нововведений в процессе производства, новые формы предметов печного припаса — все это говорит об определенной заинтересованности мастеров в повышенном качестве продукции.

Таким образом, в 1964 г. на городище Султан-кала впервые была вскрыта обжигательная гончарная печь второй половины XIII — начала XIV в., причем было выяснено, что этот период в истории Мерва очень тесно связан с периодом, предшествующим монгольскому завоеванию (второй половины XII—начала XIII в.). Это сказалось и на технике гончарного производства (конструкция печи, основные предметы печного припаса) и в самих керамических комплексах. Впервые удалось так четко проследить сочетание традиций с новыми веяниями. К предшествующему периоду восходит применение ярко-голубой поливы, традиция украшения посуды штампованным и процарапанным орнаментом. Вместе с тем преобладающими становятся кольцевые поддоны, совершенно не характерные для более ранних периодов, по тому же голубому фону впервые появляется роспись марганцево-фиолетового и черного цветов, изготовляется поливная керамика новых своеобразных форм, применяются новые предметы печного припаса.

Впервые были получены доказательства местного производства элементов архитектурного декора и намогильных плит. В комплексе с подъемным материалом, а также со вскрытым ранее зданием буддийской кумирни, это говорит о существовании в Мерве богато украшенных монументальных зданий, выполненных в новых традициях архитектуры второй половины XIII—XIV вв.

Восточнее печи, в нескольких метрах от нее, как упоминалось выше, был заложен стратиграфический шурф сначала на площади 4×2 м, затем площадь его была сокращена до 2×2 м. Здесь, начинаясь непосредственно от дневной поверхности, прошел в среднем на глубину до 85 см слой отвала золы, бракованной керамики, предметов печного припаса, связанный с деятельностью мастерской, которой принадлежала описанная печь. Отвал был чрезвычайно насыщен фрагментами керамических поделок. Достаточно упомянуть снова, что при небольшой сравнительно площади шурфа одних трехножек—сипая было найдено свыше 1000. Ниже слоя отвала в среднем на 60 см прошел слой средней плотности земли с редким включением угольков, затем после тонкого слоя строительного завала прослеживался уровень пола помещения. Судя по найденным здесь фрагментам керамики — от сосуда с зеленой поливой, с зеленой росписью на белом фоне и кашинового сосуда — слой может быть датирован XII в. Почти на 35 см ниже упомянутого уровня пола прослеживается уровень еще одного хорошо утрамбованного пола со слоями обмазки. Выше встречались фрагменты жженых кирпичей размером 17×17×3 см, 19×19×4 см и 21×21×3,5 см. Очень интересно обнаруженное здесь железное изделие с сильно загнутым тонким и, видимо, острым краем. Скорее всего это садовое орудие, возможно, как-то связанное с занятиями хозяина дома. Оба уровня полов следует отнести к XII в. Ниже на 1 м идет рыхлый слой натечно-надувной земли с включением фрагментов сырцовых и жженых кирпичей, в который в северо-восточном углу вклинивается яма, очевидно, для хозяйственных отбросов, в которой обнаружены многочисленные черепки керамики XII в., в том числе от кувшинчика с носиком, ручка фонаря—фануза, чираг с голубой поливой со следами употребления. Наконец,

ниже рыхлого слоя пошел слой, очевидно, материкового характера с серыми и ржавыми оттенками. В таком случае общая толщина культурных слоев на данном участке 3,5 м.

Как следует из вышесказанного, отвал отходов гончарного производства из печи XIII—XIV вв. осуществлялся здесь на развалившиеся жилые постройки XII в., то есть этот участок, находящийся почти в центре города близ одной из центральных его улиц, пришел в запустение после монгольского завоевания, что сделало возможным расположение здесь гончарных мастерских и выброс тут же отходов их работы.

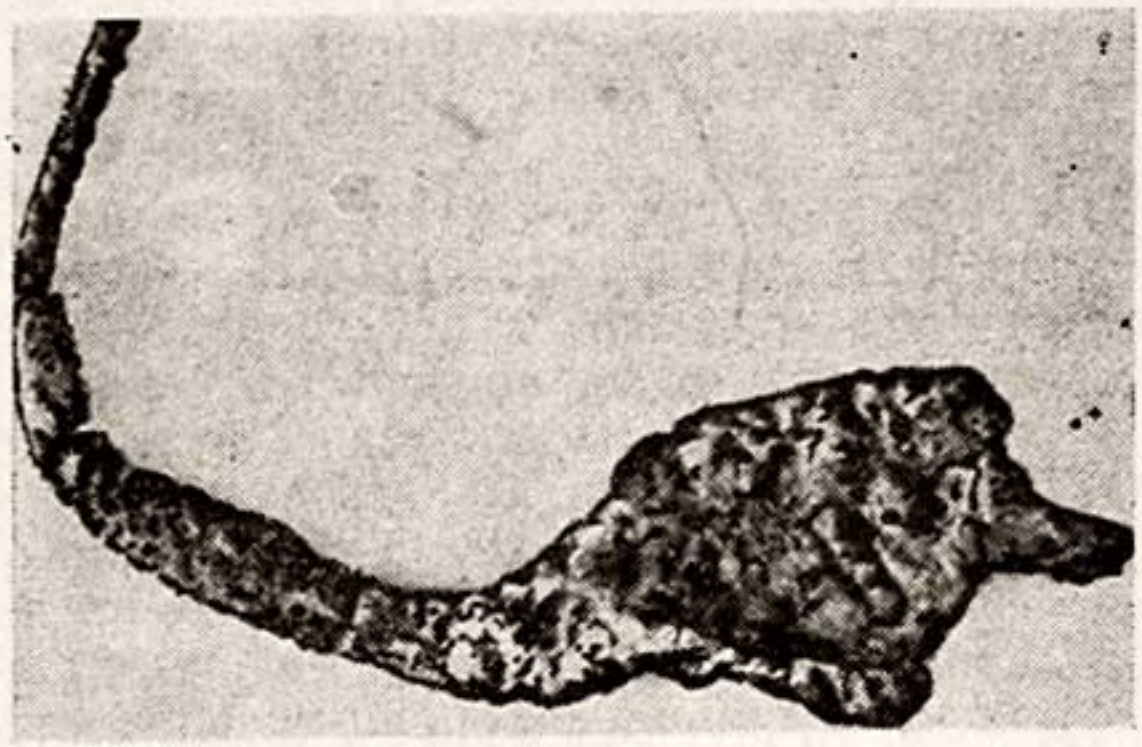


Рис. 18. Железное орудие XII в. (из шурфа раскопа 4).

Из приведенных описаний шурфов следует, что слои материкового характера на Султан-кале представлены очень плотной глиной темно-коричневого цвета, а также песчаной глиной. Такие слои прослежены в северо-западной части городища и в Шахрияр-арке. В юго-восточной и юго-западной частях городища эти слои перемежаются со слоями глины, имеющей ржавый, серый и зеленоватый оттенки, в шурфе у крепостной стены — со слоями песка толщиной до 50 см. Такой же плотной глиной темно-коричневого цвета представлен материк в южном и северном обводе (об этом пойдет речь дальше). Видимо, все эти слои так или иначе связаны с отложениями в пойме реки.

Мощность культурного слоя, выявленного в результате закладки шурфов на самом городище, 2—5,7 м. Следует сразу оговориться, что в центре городища еще не было заложено шурфа, который дошел бы до материка, в частности не был доведен до материковых слоев и шурф в мавзолее султана Санджара. Есть все основания предполагать, что мощность его в центре города будет значительно выше. Наименьшую толщину культурного слоя (2—3 м) дает северо-западная часть городища. Чем это вызвано, пока объяснить трудно. Возможно, однако, это связано с тем, что, во-первых, эта территория начала заселяться несколько позднее остальных, хотя находка керамики VIII в. на раскопе 1 говорит о том, что в какой-то степени в VIII в. обживалась и эта площадь, и, во-вторых, тем, что здесь располагались капитальные постройки, менее подверженные действию времени, а перепланировка города затрагивала в основном центральную его часть. По микрорельефу здесь, например, отмечены остатки какого-то крупного сооружения, возможно, медресе, руины большого средневекового кёшка сохранились до наших дней. Кстати сказать, шурф, заложенный у последнего, не дал материала ранее XI в. Видимо, к XI в. здесь еще имелись незастроенные площади.

Интересную и в известной мере характеризующую историю города картину дало обследование зольных отвалов на городище Султан-кала. Прежде чем сделать некоторые выводы, считаем необходимым дать описание отдельных отвалов по подъемному материалу на них. При внимательном осмотре городища бросаются в глаза холмы с темной от выброшенной сюда золы поверхностью. Таков холм, расположенный севернее мавзолея султана Санджара, приблизительно в 300 м южнее

северной стены городища, вся поверхность которого покрыта золой, угольками, где встречаются ошлакованные кирпичи, большие куски керамического шлака, железные шлаки, много фрагментов посуды из кашина и типа грандери. Метрах в 20 на северо-запад встречены куски железных шлаков и кусок ошлакованной стенки явно плавильной печи.

Холм размером 30×15 м находится в 100 м севернее раскопа 1 на городище. Здесь имеет место большой отвал золы, бракованных кирпичей, фрагментов жженых кирпичей, а также железные и медные шлаки, фрагменты стеклянных изделий. Бросается в глаза обилие фрагментов бракованного кашина. Керамический материал с холма датируется второй половиной XII — началом XIII в.

Большой (93×30 м) отвал золы и ошлакованных кирпичей располагается в северо-западном углу городища на расстоянии 100 м от западной стены и 200 м от северной. Здесь найдены также обломки медных изделий, кусок тигелька, фрагменты бракованного кашина. Приблизительно в 250 м на юго-запад от Шахрияр-арка обследован холм размером 43×28 м, поверхность которого покрыта золой, фрагментами ошлакованных кирпичей, невыразительными фрагментами керамики и стекла. К юго-западу от этого холма рядом еще холм размером 33×22 м, на котором встречены фрагменты бракованных кирпичей и бракованной же керамики, сипая, фрагменты керамики с голубой поливой, стеклянных изделий.

Большой холм, поверхность которого почти сплошь покрыта золой, находится в 250 м к северо-востоку от мавзолея султана Санджара, то есть в непосредственной близости от центра города. Здесь на поверхности встречены ошлакованные кирпичи, ряд фрагментов сипая, фрагмент бракованного кашина, свыше 20 фрагментов керамики XIII—XIV вв., фрагменты люстровой керамики, а также фрагмент донца сосуда типа миная с прекрасно выполненным на ней изображением стоящих друг против друга лошадей (одна из них дана серой краской, другая — черной). Между ними рельефом выполнено древо с довольно широко раскинутыми ветвями — сюжет, который может послужить темой специального исследования. Лошади показаны реалистично, и весь сюжет выполнен с большим мастерством. На этом холме был заложен небольшой пробный раскоп, давший остатки разрушенного помещения — уголок стены со сторонами 1,1×0,6 м, сложенной из жженых кирпичей размером 19×19×4 см; 20×20×4 см; 21×21×4 см в восемь рядов кирпича. По найденным здесь фрагментам керамики помещение может датироваться X—XI вв. Зольные слои перекрывают это помещение слоем в 20, местами в 30 см. В золе встречен черепок с синим и черным орнаментом по белому фону, тонкостенный, который может датироваться XIV и даже XV в. К северо-востоку от остатков помещения зольный слой опускается на 35—40 см, затем идет небольшой слой обожженной земли и снова зольный слой в 15—20 см. Было выяснено, что этот слой не связан с отходами какого-либо производства и решено было раскоп не расширять в связи с тем, что перед группой стояли задачи по выяснению ремесленного производства на городище, однако данные стратиграфического порядка здесь представляют интерес. Судя по всему, на этом участке в X—XI вв. располагались дома богатых горожан с принадлежавшими им большими участками дворов, хорошо прослеживаемыми сейчас по микрорельефу в виде незастроенных площадей-низин. Кроме того, рядом (западнее), в 14—15 м, проходила главная улица города в направлении север—юг. В подъемном материале вокруг раскопа на холме преобладает керамика XIII—XIV вв., фрагменты керамики XIV или XV в. встречены в зольном завале. Материал этого времени явно не потерян здесь случайно, а связан с обжитием холма, причем зола, накапливавшаяся в это время

в домах, выбрасывалась тут же неподалеку от них. Нельзя не вспомнить в этой связи, что еще ранее при сборе подъемного материала на городище, в первые годы работ ЮТАКЭ, а также позднее Б. Тургуновым было отмечено, что керамика XIII—XIV вв., встречаемая вдоль главных улиц города, отмечает их обживание в эти века. Обход большого зольного бугра и небольшая зачистка, произведенная здесь, лишний раз подтвердили это предположение. Запустение большей части города в это время позволяло выбрасывать мусор, золу из домов тут же рядом, на остатки ранних строений, почти в самом центре города.

Холм отвала площадью 52×28 м находится в 100 м к северо-западу от мавзолея султана Санджара, высота его не менее 5 м. Отвал состоит из золы, пережженных костей, фрагментов жженых кирпичей и ошлакованных сырцовых, больших кусков гончарных шлаков, керамики, в том числе с синей, голубой и зеленой поливой, есть здесь также кусок бронзового шлака, куски железных криц. Еще один зольный отвал метрах в 300 западнее мавзолея султана Санджара явно содержит также отходы гончарного производства — переобожженную керамику, гончарные шлаки. Размеры его приблизительно 20×15 м. Западнее рядом еще холм площадью 30×30 м. Видимо (частично во всяком случае), он также связан с отходами гончарного производства — тут имеют место ошлакованные кирпичи, гончарные шлаки, переобожженная и бракованная керамика.

Крупный отвал расположен севернее дороги, идущей от центра города к воротам Фируза, рядом с ней, приблизительно в 200 м к востоку от ворот, опять-таки частично, он явно связан с гончарным производством, причем на нем преобладает керамика второй половины XII — начала XIII в., но встречается и керамика XIII—XIV вв. Тут же во множестве разбросаны гончарные шлаки, бракованная керамика, ошлакованные кирпичи, пережженные кости, угольки. Размеры холма 35×25 м.

Целая цепь огромных холмов отвалов идет к югу и юго-западу от мавзолея султана Санджара в 200 м от него. Здесь зольные слои (эти бугры издалека выделяются своим серым цветом), масса битой керамики, фрагменты жженых кирпичей, есть куски гончарных шлаков, много фрагментов керамики с синей поливой, с поливой белой, керамики типа грандери, ряд фрагментов симабкузача (сфероконусов), в том числе явно бракованных, несколько кусков железного шлака, есть сургучно-красный шлак, фрагменты железных изделий. На другом холме (рядом в одном ряду) переобожженные кости, ошлакованные кирпичи, спекшиеся кирпичи, бракованная керамика, много фрагментов кашина, несколько с синим рисунком на белом фоне. Есть несколько фрагментов бракованного кашина. Интересно, что бракованный кашин имеет место на целом ряде холмов на городище. Это дает возможность предположить довольно широкое местное его производство (ранее производство изделий из кашина было засвидетельствовано при раскопках мастерских в западной части рабада). Упомянутые холмы тянутся с запада на восток на 150 м, ширина их в среднем 30 м.

На юго-восток и восток, в 100 м от мавзолея султана Санджара, находятся бугорки с мелкими кусками железного шлака. На одном из них найдена железная криница. На восток от мавзолея, приблизительно на середине между ним и восточной стеной Султан-калы, находятся огромные отвалы, занимающие значительную площадь. Таков, например, бугор зольных отвалов с железными шлаками, ошлакованными кирпичами, гончарными и бронзовыми шлаками, сургучно-красными шлаками с вкраплениями меди, кусками медных изделий, фрагментами стеклянных сосудов. Этот большой холм покрыт отдельными маленькими холмиками. Впечатление такое, что сюда свозили и сваливали в

отдельные маленькие кучки мусор. Керамика встречается с синей, голубой и зеленой поливой, довольно много фрагментов штампованной керамики, керамики грубоватой с черным орнаментом на синем фоне. датирующейся XIII—XIV вв., а также тимуридской керамики с синим и черным орнаментом на белом фоне. Основной холм здесь имеет размеры 120×78 м, но к нему примыкают еще отдельные холмы, тянущиеся на восток и север.

Ряд больших холмов с отвалами золы, обожженными ошлакованными кирпичами, железными шлаками, массой фрагментов битой керамики зафиксированы и в южной части городища.

Весьма характерно, что ни на одном из упомянутых отвалов не встречено керамики IX—XI вв. Даже если предположить, что более ранние отвалы перекрываются поздними наслоениями, керамика упомянутого времени должна была бы встречаться у подножия этих холмов. Отсюда вполне естественен вывод о том, что в IX—XI вв. мусор, золу, отходы производств явно вывозили за пределы города. Напротив, керамика второй половины XII — начала XIII в. и более поздняя в изобилии встречается на холмах отвалов. Последние при этом имеют, как правило, смешанный характер — сюда выбрасывали золу как бытовую, так и из ремесленных мастерских, разбитую посуду, наконец, отходы различных производств — железоделательного, гончарного, из мастерских по выделке медных, бронзовых и стеклянных изделий и пр. Мастерские эти, видимо, также находились в пределах города (обнаружены остатки кирпичеобжигательных и гончарных печей). Следовательно, со второй половины XII в. все эти отходы скапливались непосредственно в городе, в том числе в самом центре его, они наваливались поверх уже разрушенных построек. Это обстоятельство дополнительно характеризует городскую жизнь в Мерве при Хорезмшахах — во второй половине XII — начале XIII в., свидетельствуя о меньшей густоте застройки в этот период, о запустении части города, которое коснулось даже его центра, о меньшей заботе о благоустройстве города, когда золу из очагов и печей, разбитую посуду и стеклянные изделия из жилых комплексов, ошлакованные кирпичи, гончарные шлаки, бракованную керамику, железные шлаки из работавших где-то на территории города ремесленных мастерских не трудились вывозить за пределы города, а сваливали тут же огромными отвалами в определенных местах. В XIII—XIV вв. отходы выбрасываются на эти же отвалы. Вряд ли повидав город во второй половине XII в. или позже, Ал-Истахри счел бы возможным отметить особо его чистоту.

Особо следует отметить холмы, которые несомненно содержат отходы гончарного производства XIII—XIV вв. Таков отвал, находящийся недалеко от описанного раскопа XIII—XIV вв., в 50 м к востоку от западной стены городища. Он тянется на 50 м параллельно стене и на 70 м на восток. Здесь на поверхности зола и явные следы гончарного производства — отдельные штампики, фрагменты калыбов, сипая, керамика с голубой и синей поливой на глине, а также кашиновая и керамика типа люстр на синем фоне.

В 125 м к западу от раскопа прослеживается участок красной обожженной земли, явно соответствующий находившейся тут же печи, и здесь же фрагменты керамики с голубой поливой, в том числе донца чаш с высоким кольцевым поддоном, фрагменты штырей и сипая. Такого же характера отвал находится в юго-западной четверти городища, в 400—450 м от его южной стены. Он, несомненно, может быть связан с гончарным производством XIII—XIV вв. Наконец, остатки гончарной печи этого времени находятся рядом с описанной печью, западнее нее. Все эти данные представляют значительный интерес для истории города в XIII—XIV вв.

Городище Султан-кала представляет собой в плане прямоугольник, к которому с севера и с юга примыкают дополнительные окруженные стенами площади в форме полукругов, именуемые ныне северным и южным обводами. В. А. Жуковский справедливо считал эти площади неотъемлемой частью города и отмечал, что стены здесь окружали кварталы, наиболее близкие к городу, заселенные и богатые[37]. Г. А. Пугаченкова пишет: «Бурное развитие Мерва при сельджукидах побуждает в начале XII в. включить в особые обводы стен густо заселенные к югу и северу территории города»[38].

Рассмотрим данные, полученные при археолого-стратиграфическом изучении северного и южного обводов города. В 1950 г. на территории южного обвода архитектурным отрядом ЮТАКЭ проводилось специальное историко-архитектурное изучение памятников у могил асхабов, в 1956 г. М. Аминджановой было отмечено, что стены обвода играли скорее архитектурно-декоративную, нежели фортификационную роль, в 1960—1961 гг., когда Б. Тургуновым производилась археолого-топографическая съемка Султан-калы с ее обводами, он предположил, исходя из характера микрорельефа, что территория южного обвода была сравнительно мало обжита, однако им намечались площади предположительного местонахождения караван-сараев, было обнаружено место скопления резных фигурных кирпичей. Им же была отмечена площадь, где могло находиться древнее кладбище, и описаны остатки древних могил. В 1962 г. представилось необходимым начать раскопочные работы на территории южного обвода и прежде всего попытаться установить его стратиграфию.

Для стратиграфического изучения был выбран холм, расположенный у южной стены южного обвода, в 12 м от нее. Холм этот один из самых крупных на территории южного обвода. Высота его по отношению к уровню окружающей земли 5,7 м, длина с севера на юг 32 м, с запада на восток 28 м. Сбор подъемного материала на холме дал керамику исключительно X в. — ишкорного типа, мраморовидную с подглазурным процарапанным орнаментом, керамику с коричневым и черным орнаментом на белом фоне, а также с зеленой поливой.

Зачистки, осуществлявшиеся с северной и южной сторон, показали, что располагавшийся здесь замок стоял на высокой платформе, причем с южной стороны кирпичи давали горизонтальную обычную кладку с вертикальной линией в конце ее высотой 3,8 м, а с северной стороны на протяжении 4,7 м кладка была осуществлена наклонно под углом, только в конце давая вертикальную линию в 1 м, опять-таки кирпичами, поставленными наклонно. Размеры сырцовых квадратных кирпичей в кладках 32×32×6 см и 33×33×6—8 см, причем часто в кладке употреблялись и половинки кирпичей размером 33×16—18×6—8 см.

Раскоп, заложенный в западной части холма, выявил наличие здесь двух крупных помещений, вытянутых в направлении запад—восток. Одно из них сохранило на южной стене переход к своду от горизонтальной кладки кирпичей к кирпичам, поставленным на ребро, и закругление свода. Шурфик, заложенный в северо-западном углу помещения, показал, что уровень пола находится на 4,3 м ниже самой высокой части сохранившихся остатков свода. Видимо, помещение могло иметь высоту до 5 м. Расположенное южнее помещение имеет размеры 5×2,9 м. Ширина стены между ними 1,65 м. Ширина южной стены последнего помещения 2,25 м. Восточная стена комнаты № 1 имеет ширину 1,65 м, восточнее нее имелось помещение, или коридор шириной 3,6 м. Здание сложено из сырцовых кирпичей размером 30×30×6—8 см и 32×32×6 см.

Керамический материал из помещений немногочисленен, но твердо датирует комплекс X — началом XI в., преобладают фрагменты кера-

мики с росписью черной краской, желтой и зеленой под прозрачной поливой. В верхнем же культурном слое при расчистке кирпичей найдены фрагменты керамики XIV в. с орнаментами синей краской по белому фону и черной по синему, сохранившиеся скорее всего от когда-то существовавшего здесь архитектурного сооружения этого времени. Последнему, возможно, принадлежат и фрагменты жженых кирпичей, встречающиеся на поверхности. Господство замка над окружающей местностью, величина высоких помещений основного строительного периода — все это свидетельствует о принадлежности замка лицу, занимающему видное общественное положение.

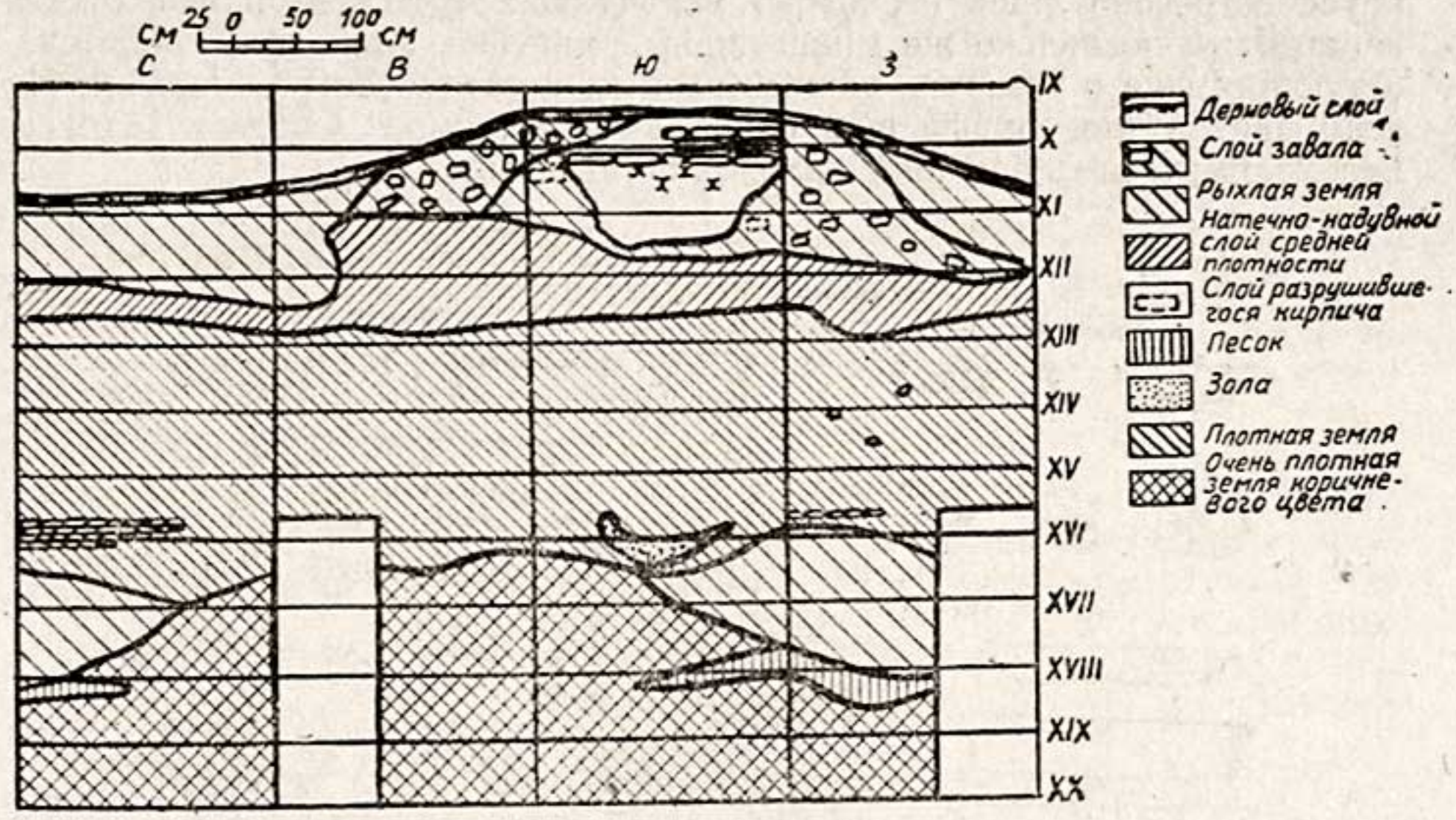


Рис. 19. Развертка стен шурфа в южном обводе городища.

Стратиграфический шурф 2×2 м был заложен на северном склоне холма на 4,3 м ниже реперной точки (с IX яруса). Северная стенка шурфа вплотную примыкает к концу наклонной кладки кирпича, связанной с платформой, которая здесь на высоту 1 м дает вертикальную линию. Однако кладка кирпича и здесь дана наклонно. На север от этой кладки, захватывая X и XIV ярусы, идет слой завала фрагментов сырцовых кирпичей, смешанный с рыхлой землей. Ниже этой кладки на высоту 10—50 см идет слой разрушившегося кирпича, явно относящегося к этой же кладке, но ни определить границы рядов, ни замерить размеры кирпича здесь уже невозможно. В этих же ярусах, там, где не прослеживаются слои завала, идет чистая рыхлая земля с небольшой примесью керамики. Кладку эту и слой завала кирпичей подстилает в XII ярусе натечно-надувной слой средней плотности, который почти на границе XIII яруса сменяется по всей площади шурфа плотным слоем земли коричневого цвета с отдельными включениями фрагментов жженых кирпичей, керамики, костей животных, причем в южной стенке шурфа в этот слой вклинивается линза золы толщиной в средней части до 30 см.

В южной части шурфа на 30 см ниже верхней границы XV яруса сохранились остатки кладки стены из жженых кирпичей. Длина сохранившейся части стены, прослеженной в раскопе, 1,2 м, ширина 80 см, сохранилось в высоту от 2 до 4 рядов жженых кирпичей (до 20 см в высоту). Стена сложена в основном из обломков жженых кирпичей, но удалось замерить размеры одного кирпича (22×22×4 см). На уров-

не верхнего ряда кирпичей в западной стенке шурфа прослеживаются также остатки кладки из жженых кирпичей в один ряд на 80 см в длину. От этого уровня площадь шурфа решено было сократить, оставив участок кладки, и далее шурф велся площадью 1,2×2 м. Ниже кладки еще несколько опускался плотный слой, который в восточной части шурфа непосредственно сменился чрезвычайно плотным, а в западной части его подстилал слой рыхлой земли толщиной до 55 см. В западной же части шурфа под этим рыхлым слоем проходит прослойка плотного желтоватого песка толщиной 10—30 см, которая сменяется проходящим уже на всей площади шурфа очень плотным слоем коричневого цвета, в XIV ярусе получающим оттенки серого и ржавого цвета. В этом же ярусе встречено лишь несколько мельчайших фрагментов неполивной керамики и несколько же миниатюрных ракушек ниже них, свидетельствующих уже о том, что данный слой не является антропогенным. На всем протяжении шурфа шла однородная керамика. Считаем, однако, необходимым дать описание находок по ярусам.

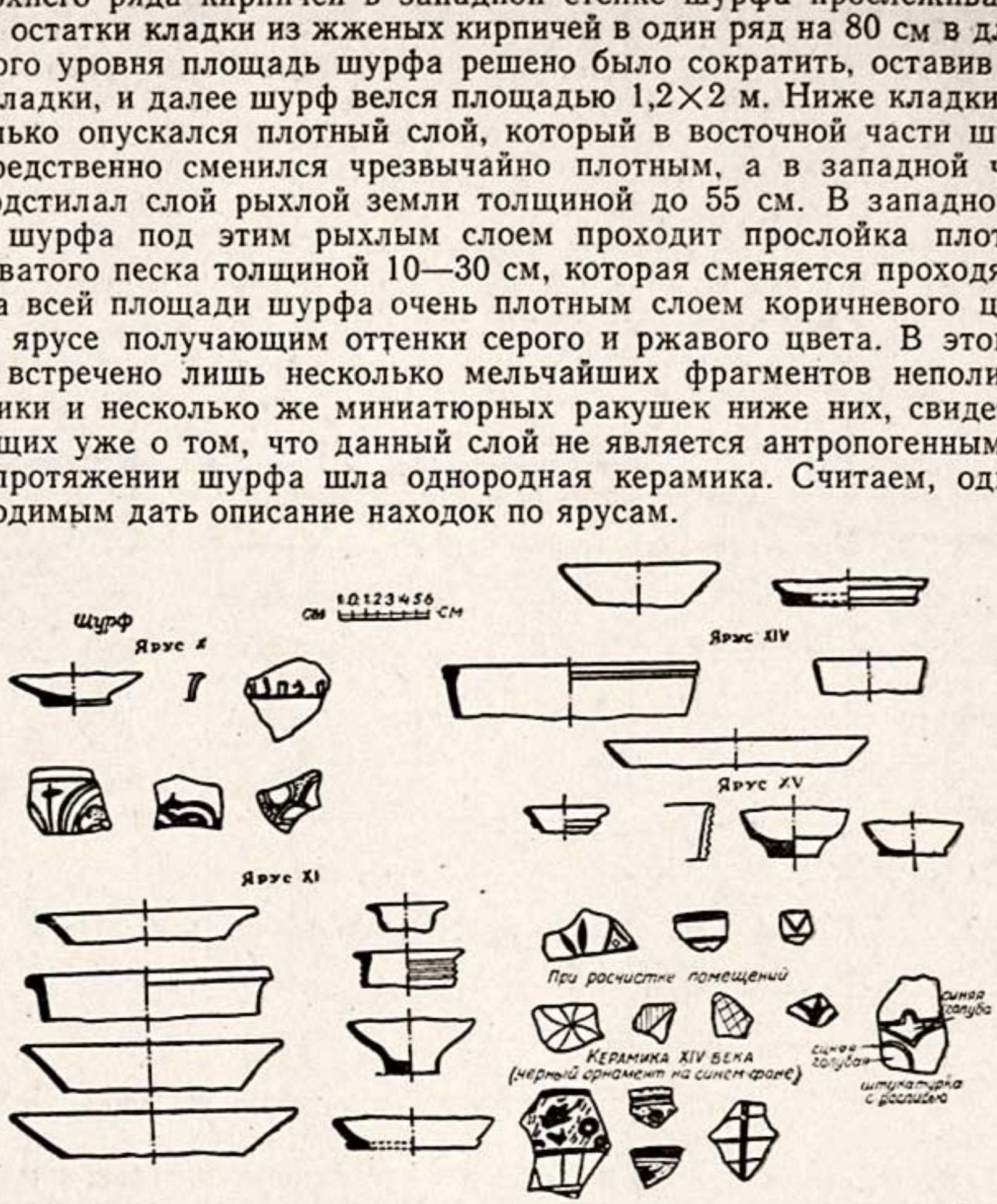


Рис. 20. Керамика из шурфа в южном обводе городища.

В X ярусе шурфа у кладки кирпичей, поставленных наклонно, было встречено несколько фрагментов керамики с орнаментом в черном, зеленом и желтом тонах по белому фону и один с мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом. На остальной площади шурфа найдено свыше 50 фрагментов неполивной керамики, средне- и толстостенной, причем на некоторых фрагментах имеется процарапанный волнистый и линейный орнамент. Этим же сосудам принадлежат и крупные ручки с несколькими продольными желобками, а также два фрагмента витых ручек. Остальные фрагменты принадлежат керамике поливной. Диаметр донца чаш 5--8 см. Среди фрагментов поливной керамики три фрагмента с ишкорной поливой, три с зеленой гладкой, два фрагмента сосудов с коричневым орнаментом по белому фону (в том числе с имитацией надписи) и один фрагмент с зеленовато-голубым орнаментом по белому фону и, наконец, один же фрагмент с красновато-коричневой поливой с внутренней и с внешней сторон. Цвет черепка поливной керамики в основном красного и коричневого оттенков, отмучка средняя, обжиг, как правило, ровный.

XI ярус шурфа дал в основном фрагменты неполивной керамики средней толщины, в том числе два фрагмента крупных ручек, а также

три фрагмента керамики с зеленой поливой и два с белой. Диаметр венчика чаши с белой поливой 20 см, диаметр другого донца с таковой же поливой 10 см, черепок розового цвета, пористый. Среди иных находок несколько фрагментов жженых кирпичей (они попадались и в X ярусе), несколько кусков костей, три куска керамического шлака, три фрагмента стеклянных изделий и один фрагмент котла из талькохлорита.

В XII ярусе также обнаружено свыше 20 фрагментов неполивной керамики средне- и толстостенной, в том числе два фрагмента венчика хума с волнистым процарапанным орнаментом. Фрагменты донец небольших сосудов имеют диаметр 4,2—5 см и желобок, прочерченный в дне, фрагмент венчика банкообразного сосуда имеет диаметр 18 см и, наконец, горловина кувшина диаметром 8 см имеет стенки, профилированные несколькими желобками и отогнутый наружу венчик. Все перечисленные фрагменты дают в изломе черепок серого цвета, покрыты серым ангобом, хорошо отмучены и ровно обожжены. Диаметр венчиков поливных чаш 16—22 см, черепок розового и желтоватого цветов. Встречен также фрагмент детской чашечки с диаметром венчика 6 см. Есть фрагменты с поливой белой, темно-зеленой и светло-зеленой.

Совершенно однородную керамику дали XIII и XIV ярусы, всего здесь насчитывается около ста фрагментов неполивной средне- и толстостенной керамики, в том числе несколько фрагментов крупных ручек, три фрагмента венчиков хумчи и лишь несколькими фрагментами представлена керамика тонкостенная (диаметр венчика 8—12 см) сероглиняная, с серым ангобом и звонким черепком. Диаметр венчика неполивных чаш 12—20 см, черепок в изломе красновато-коричневый и серо-желтый, отмучка средняя. Полива преобладает белая, покрывающая сосуд с внутренней и внешней сторон. Есть здесь и несколько фрагментов керамики с ишкорного типа поливой. Несколькими фрагментами представлены и стеклянные изделия.

В XV ярусе на уровне остатков кладки стены из жженого кирпича найдено свыше 20 фрагментов толстостенной неполивной керамики, а также несколько фрагментов тонкостенной сероглиняной, в том числе фрагмент горловины, сплошь профилированной желобками. На этом же уровне идет и несколько фрагментов керамики ишкорного типа с черным и зеленым орнаментом по белому фону. В числе иных находок четыре фрагмента очень тонкого белого прозрачного стекла и несколько кусков костей. В XIV ярусе обнаружен фрагмент венчика очень крупного хума с диаметром не менее 50 см, ручка крупного сосуда шириной 6 см, один фрагмент стенки закопченного снаружи кухонного сосуда с черепком коричневатого цвета и большой примесью дресвы, а также донце стеклянного сосуда интенсивного синего цвета без патины с мельчайшими пузырьками воздуха внутри. В XVII ярусе имели место три фрагмента жженых кирпичей толщиной 6,5—7 см, много костей, в том числе несколько сильно обгоревших, два фрагмента ручек крупных сосудов, один фрагмент поливной керамики с черепком желтоватого цвета, внутри и снаружи белая полива. Последние археологические находки в шурфе были сделаны в XVIII ярусе, где найдено свыше 30 фрагментов стенок средне- и толстостенных сосудов и два фрагмента стеклянных изделий.

Однородный по своему характеру материал из шурфа находит аналогии в четко датированной керамике из квартала керамистов в западной части рабада Мерва и может с полной уверенностью быть отнесен к X — началу XI в.

Шурф, заложенный в южном обводе, показал, во-первых, что эта территория (во всяком случае изученная ее часть) начала обживаться

в X, может быть, в самом конце IX в. и, во-вторых, что жизнь на протяжении X в. протекала настолько интенсивно, что за это время здесь успел накопиться еще до строительства замка культурный слой мощностью в 4,5 м. Последняя цифра выглядит весьма внушительной, особенно если учесть, что речь идет не о центре города, а о его окраине, намного позднее основной территории города, обнесенной стенами. Закладка дополнительных шурфов в разных частях обвода должна дать более полную картину его истории. Не менее важно и то обстоятельство, что жизнь в южном обводе продолжалась, пусть в небольших масштабах, и в XIV в., после монгольского нашествия.

Сам замок относится к категории традиционных замков дихкан, которые, по мнению Г. А. Пугаченковой, в IX—X вв. характеризуются стабилизацией общего типа и форм[32]. Именно этим временем датируется и стандарт сырцовых кирпичей, употребленных в его строи-
тельстве.

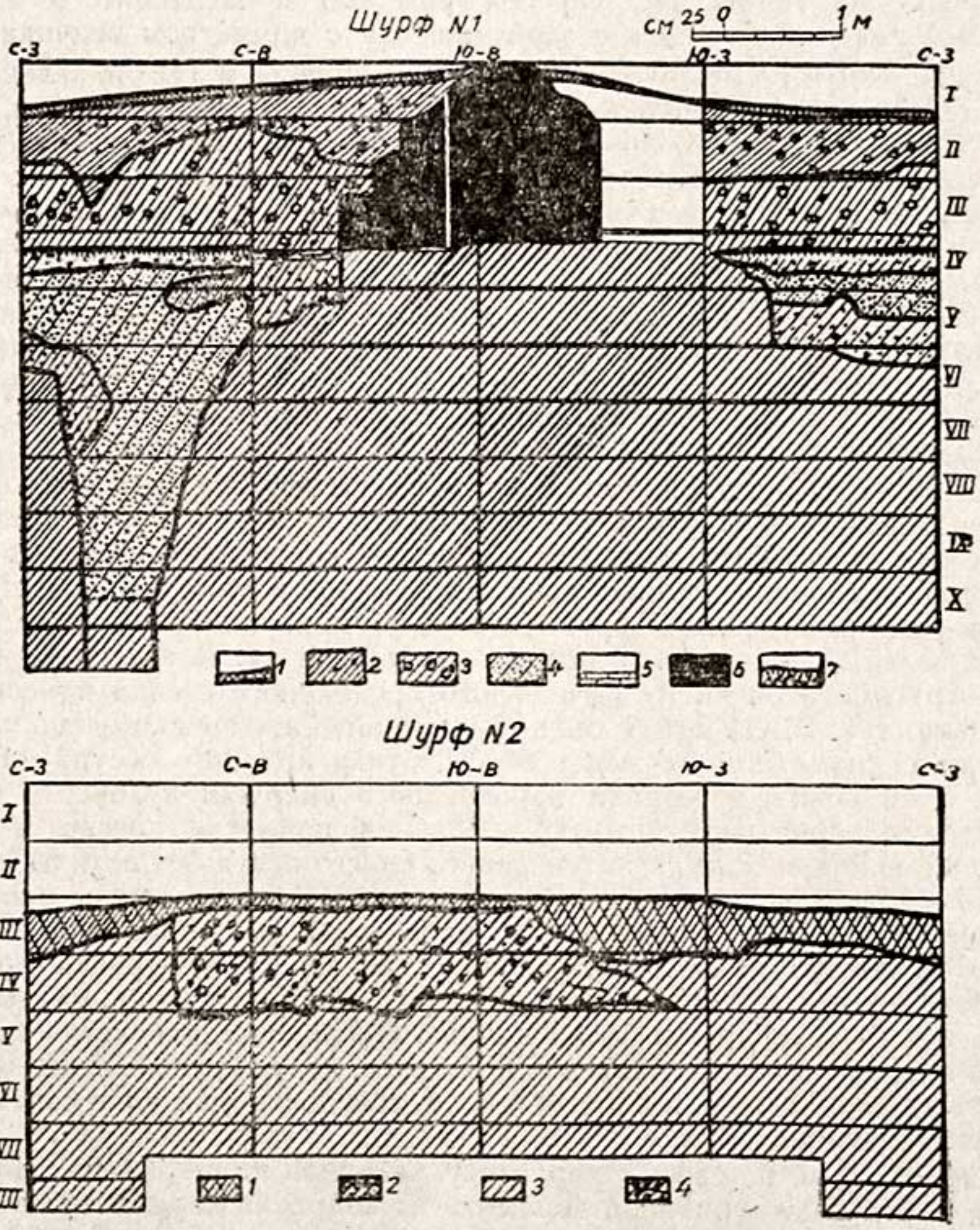


Рис. 21. Развертка стен шурфов, заложенных в здании в северном обводе городища.

Шурф 1. *1*—пушонка; *2*—плотный слой с обломками кирпича и пахсы; *3*—слой средней плотности с обломками кирпича и пахсы; *4*—рыхлый слой; *5*—кирпичная кладка; *6*—стена; *7*—уровень пола. Шурф 2. *1*—дерновый слой; *2*—комковатосерый слой различной плотности; *3*—плотный слой коричневого цвета; *4*—зеленая прослойка.

Несколько небольших стратиграфических шурфов было заложено и на территории северного обвода городища, причем все они связаны с раскопками отдельных объектов. Один из них был заложен в вестибюльной части вскрывавшегося в полевых сезонах 1960—1961 гг. здания, известного под названием «каптархона» и являвшегося, однако, в действительности крупным дынехранилищем Мерва. Здание функционировало в XII в., и культурный слой, накопившийся в самом здании. состоит в основном из натечно-надувных слоев средней плотности, включающих обломки кирпичей и пахсы, весьма на значительную порой высоту от пола (до 1,2 м), содержащих многочисленные обломки несколько загадочных бездонных сосудов с тремя или четырьмя круглыми боковыми отверстиями и встречающимися ближе к уровню пола остатками небольших по диаметру балок и балочек, вставлявшихся, очевидно, в арочные нишки, покрывающие внутри стены помещений, а на самом полу слой рыхлой земли желтоватого оттенка.

Шурф почти совпал с имевшей какое-то функциональное назначение и располагавшейся в вестибюле ямой, заполненной рыхлой землей. Однако восточная, южная и западная стенки шурфа оказались за пределами ямы и дают однородную картину наслоений в этой части городища — на протяжении 3,3 м от уровня пола помещений идет плотный натечно-надувной слой, весьма мало насыщенный культурными остатками и свидетельствующий об отсутствии интенсивной жизни на этой площади в предшествующее строительству здания время. На протяжении 1,5 м от уровня пола встречались редкие совершенно невыразительные фрагменты безглазурной керамики, найдена одна терракотовая фигурка коня и монета. Ниже шел уже совершенно чистый натечный слой, который с упомянутой глубины в 3,3 м начал включать миниатюрные ракушки типа *Planorbis*.

Почти аналогичную картину дал шурфик, заложенный с внешней стороны у западной стены здания. Здесь после довольно мощного дернового слоя (до 40 см толщины) шел такой же однородный плотный натечно-надувной слой коричневатого цвета на глубину свыше 2 м, причем до этого уровня встречались отдельные мелкие фрагменты неполивной керамики, а глубже этот слой стал включать ракушки упомянутого выше типа.

В восточной части северного обвода располагалось вскрывавшееся в 1959 г. кладбище XII в., где были похоронены, по мнению проф. М. Е. Массона, зажиточные обитатели колонии согдийских купцов[40]. Здесь, в выложенных жженым кирпичом могильных ямах, были обнаружены остатки деревянных резных и окрашенных гробов.

Шурф, заложенный Е. З. Зауровой на кладбище, дал следующую картину: сначала на 50 см от дневной поверхности шел завал жженых кирпичей с фрагментами керамики XI—XII вв., ниже шел натечный слой с плотными туюнными (?) прослойками, а на глубине 1,55 м пошел сплошной туюн с маленькими невыразительными черепками неглазурованной керамики. Всего глубина шурфа 2,1 м. Надо думать, что здесь мы имеем дело с неверной терминологией. Ярко выраженных слоев туюна на площади Султан-калы и в других местах северного обвода встречено не было, так же как вряд ли на глубине 2 м мог иметь место туюн, включающий керамику и носящий тем самым характер культурно-ирригационного наноса. Быть может, речь идет просто о более плотном натечном слое.

Несколько кирпичеобжигательных печей было раскопано в северном обводе Е. Пругером. Он датирует их второй половиной XII—XIV вв., причем считает, что к этому времени обвод находился в полузаброшенном состоянии и что глину для кирпичей могли брать с его стен. Быть может, печи, раскопанные Е. Пругером, действи-

тельно следует датировать указанным временем, однако нам думается, что кирпичеобжигательное производство на этой территории могло возникнуть значительно раньше. Судя по микрорельефу, печи здесь располагаются не на остатках разрушившихся строений, а на обширных свободных площадях, где было удобно разместить кирпичные майданы. И хотя датировка их XIII—XIV вв. была бы чрезвычайно важна для лучшего понимания жизни города в это время, она нуждается в уточнении. Во всяком случае мотивировка этой даты Е. Пругером тем, что в XII—начале XIII в. территория северного обвода была настолько густо обжита, что здесь не могли обосноваться кирпичники, не представляется нам достаточно убедительной.

Интересные археолого-стратиграфические данные были получены при изучении квартала керамистов в западной части рабада Мерва, которое ведется с 1954 г. В квартале велись работы по вскрытию разновременных гончарных мастерских, отвалов бракованной керамики, здесь же, за западной стеной Султан-калы, изучались остатки средневековой мечети — намазгох. Все эти раскопы преследовали также и цель выяснить стратиграфию данной территории, для чего почти на всех раскопах закладывались стратиграфические шурфы, как правило доведенные до материковых слоев. Большинство этих раскопов и заложенные на них шурфы описаны нами[41]. Здесь мы остановимся лишь на итогах изучения (по раскопам) и более подробном описании тех раскопов и шурфов, результаты работ на которых еще не опубликованы. Работы на последних велись А. Абдукадыровым, Н. Галочкиной, Л. Жуковой, Б. Кочневым под нашим наблюдением.

Самым большим по вскрытой площади явился раскоп 1, где вскрыто три крупные гончарные мастерские. Одна из них, самая значительная по занимаемой площади, количеству печей и подсобных помещений, именуемая нами мастерской Иноятона, функционировала на протяжении двух периодов, первый датируется XII в., а второй — второй половиной XII — началом XIII вв. Мастерская была построена на месте как-то обживавшемся в X—XI в., причем культурные слои здесь идут на довольно большую глубину. Севернее располагалось крупное гончарное хозяйство второй половины XII — начала XIII в., а рядом небольшая мастерская первой половины XII в.

Чрезвычайно интересные данные для характеристики гончарного производства средневекового Мерва дает изучение отвалов бракованной керамики в квартале керамистов, вместе с тем заложенные на них стратиграфические шурфы дали много очень ценных фактов по истории квартала.

Закладывались, в частности, шурфы с западной и восточной сторон большого холма отвала (размером 70×40 м), связанного в основном с деятельностью мастерских раскопа 1. В восточном конце упомянутого отвала был заложен стратиграфический раскоп площадью 8 м². В верхнем слое непосредственно под пушонкой шел слой отвала бракованной керамики XII — начала XIII в. толщиной 15—50 см, ниже которого в северной части раскопа на глубине 95 см от поверхности были встречены остатки керамической обжигательной печи, сохранившейся в ширину на 1,1 м. Судя по немногочисленным фрагментам керамики, находившимся в ней, печь может быть датирована XII в. В южной части раскопа был заложен шурф, в V ярусе которого были встречены остатки вымостки пола из жженых кирпичей размером 20×20×3 см, 22×22×4 см, 24×24×? см и 25×25×4 см. Вымостка идет в направлении юго-восток—северо-запад. На уровне этой вымостки шли немногочисленные, но чрезвычайно выразительные фрагменты поливной керамики X в. с черными надписями на белом фоне, белыми строенными точками на черном фоне, черным и желтым орнаментом на красновато-

коричневом фоне, а также несколько фрагментов ишкорного типа. Интересно, что почти на том же уровне шли остатки вымостки пола в западной части холма.

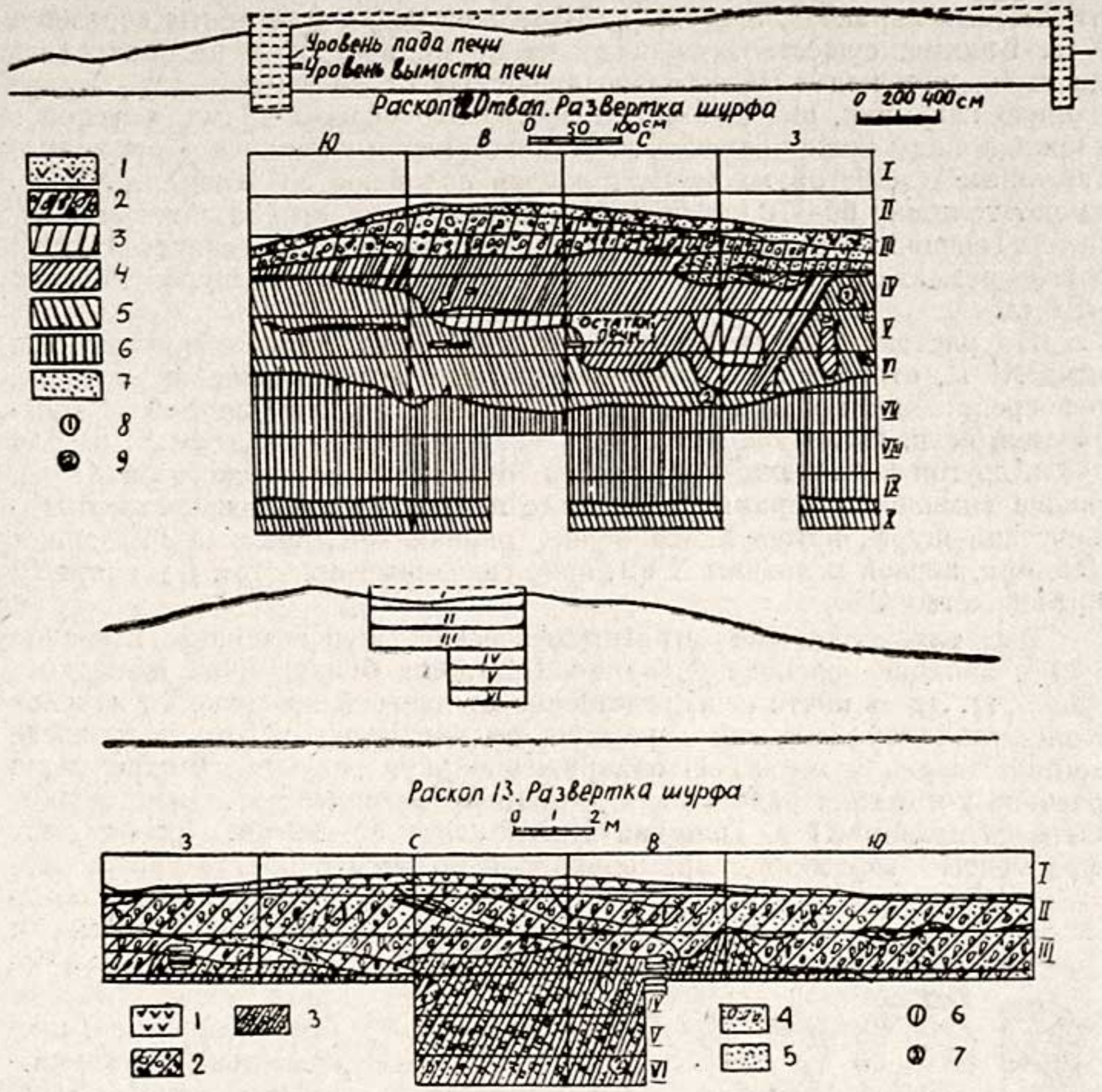


Рис. 22. Разрез холмов отвала бракованной керамики и развертка стен шурфов. Раскоп 12: *1*—пушонка; *2*—слой керамического брака; *3*—рыхлый слой земли; 4—слой земли средней плотности; *5*—мягкий слой земли; *6*—плотный слой песка; *7*—слой золы с угольками; *8*—фрагменты штампа—калыба; *9*—монета.

Раскоп 13. *1*—слой пушонки с включением фрагментов керамики и предметов печного припаса; *2*—рыхлый слой земли с включением фрагментов керамики и золы; *3*—слой земли средней плотности с включением фрагментов керамики и золы; *4*—слой фрагментов штырей; *5*—слой земли; *6*—фрагмент поливного сосуда с изображением всадника; *7*—фрагмент сосуда с изображением человека.

Ниже вымостки шел плотный слой земли с отдельными включениями фрагментов керамики и жженых кирпичей, в котором в начале VII яруса был встречен аббасидский фельс, вместе с ним, однако, шла керамика, которая может быть датирована X в., так что монета оказалась более ранней по отношению к содержимому культурного слоя. На глубине 2,5 м от поверхности начался слой очень плотного песка желтоватого цвета, прошедший на глубину 1,3 м и сменившийся очень плотным темно-коричневым слоем земли материкового характера.

Стратиграфический шурф в западной части отвала был опущен на глубину 6,2 м от поверхности, причем в южной части на глубину до

6 м продолжался отвал бракованной керамики и лишь затем пошла чистая земля с редким включением отдельных мелких фрагментов керамики ишкорного типа. Несколько иная картина наблюдалась в северной части шурфа. Здесь в конце VI яруса были обнаружены остатки вымостки из жженых кирпичей, а также на этом же уровне фрагменты керамики X в. Видимо, существовавшая в это время постройка располагалась на небольшом холме. И когда позднее сюда стали выбрасывать бракованную керамику, она заполняла постепенно склоны холма, опускаясь в южной части ниже уровня X в. Напластования в верхней части холма, связанные с работой мастерских второй половины XII—начала XIII в., имеют толщину 60—70 см, весь остальной массив отвала занимают отбросы гончарного производства первой половины XII в., свидетельствуя о его размахе в это время. До материковых слоев шурф доведен не был.

На раскопе 2 была вскрыта круглая гончарная обжигательная печь XI в., относящиеся к ней производственные помещения, а ниже, непосредственно под ней, находились остатки другой круглой обжигательной печи, датирующейся второй половиной X — началом XI в. Для той и другой печи были получены из отвалов керамического брака хорошие комплексы керамики. Рядом с печами был заложен стратиграфический шурф, который дал более ранний керамический материал (видимо, первой половины X в.), явно связанный при этом с гончарным производством.

Был также заложен стратиграфический шурф общей глубиной 4,75 м западнее раскопа 2, на холме отвала бракованной продукции (рис. 22). Здесь почти непосредственно от дневной поверхности начался слой отвала бракованной керамики, по характеру своему в точности соответствующий керамике, обнаруженной при вскрытии верхней печи раскопа 2 и отвала рядом с ней, и поэтому комплекс этот явно может быть датирован XI в. Толщина этого слоя 50—90 см. Преобладают фрагменты керамики с мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом, с черным орнаментом на белом фоне (мотивы геометрические, растительные, зооморфные, эпиграфические), орнаментами желтой и черной красками на красновато - коричневом фоне, черной краской на желтом фоне и пр. Отсутствуют черепки ишкорного типа, выполненные в черно-желто-зеленой тональности. После этого слоя шла тонкая прослойка надувной земли, сменившаяся слоем нового отвала. Этот слой протянулся более чем на 2 м, причем он полностью связан с функционированием ранней гончарной печи, вскрытой на раскопе 2. Этот слой характеризуется керамикой описанного выше типа, но с добавлением в большом количестве черепков посуды, выдержанной в черно-желто-зеленой гамме по белому фону. Датируется этот слой второй половиной X—началом XI в. Ниже пошел слой земли с примесью золы и керамики, но явно не характера отвала,

Рис. 23. Керамика XI в.

хотя кусочки шлака, видимо, свидетельствуют о связи с гончарным производством.

На глубине же 4 м от поверхности пошла плотная земля сначала с мелкими невыразительными фрагментами керамики, а далее были встречены фрагменты, которые могут быть датированы временем не позднее VIII в. н. э.—факт, впервые полученный при раскопках квартала керамистов. Здесь найден фрагмент сосуда с орнаментацией налепной, восходящей к барботинной технике, фрагмент стенки сосуда с прочерченными концентрическими кругами, фрагменты с рифленой поверхностью, несколько фрагментов с плотным красным ангобом, а также фрагмент чашки, венчик которой округло изгибается внутрь широким валиком и др. Подобного типа керамика была обнаружена Е. З. Зауровой при вскрытии печей VII—VIII вв. и отвалов из них в ранне-средневековом квартале керамистов, расположенном в южной части Гяур-калы[42].

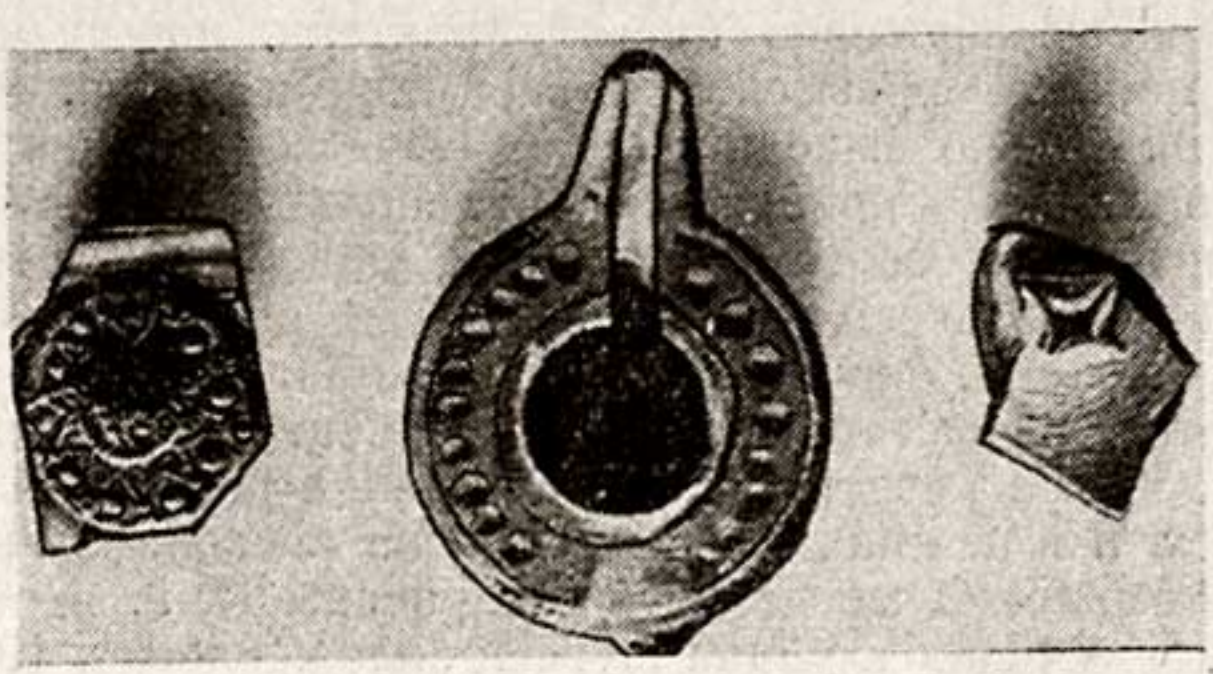


Рис. 24. Керамика VIII в.

На раскопе 3 была вскрыта обжигательная печь второй половины XII—начала XIII в. В 1962 г. был заложен стратиграфический шурф (раскоп 14) западнее печи раскопа 3 на холме отвала бракованной керамики. Шурф этот дал мощный отвал бракованной керамики второй половины XII—начала XIII в. высотой 3—4 м. В разрезе видны не только слои бракованной керамики, но и слои золы, угольков и сырцовых обожженных кирпичей (последний слой, видимо, образовался в результате проведения ремонта одной из печей, когда была выброшена сюда разрушившаяся часть ее стенки). Из отвала получен разнообразнейший комплекс керамики второй половины XII—начала XIII в., представленный различными видами керамических изделий: банкообразными и горшкообразными сосудами, чашами, блюдами, пиалами, кувшинами, тагора, чирагами обычными и на ножках, футлярами для чирагов, детскими игрушками, кормушками для птичьих клеток и пр. Наибольшее количество черепков пришлось здесь на долю керамики с желтой гладкой поливой, несколько меньше было извлечено изделий с гладкой зеленой поливой и различными орнаментами на белом фоне красной, черной, зеленой и коричневой красками. При этом фон почти ни в одном случае не был чисто белым — обычно он принимал различные оттенки: коричневатый, желтоватый, зеленоватый. Встречались здесь и фрагменты керамики с гладкой коричневой и ярко-голубой поливой. Разнообразны были и мотивы орнаментации—геометрические и растительные, зооморфные и антропоморфные. В небольших масштабах мастера, жившие в это время, занимались и изготовлением штампованной керамики, явно подражавшей продукции мастерской Иноятона, но худшего качества. Найден ряд фрагментов штампованной керамики, а также несколько фрагментов грубовато исполненных калыбов, в том числе один с процарапанной непосредственно по нему надписью, причем при отпечатывании она получалась бы неверно, в зеркальном отображении. В большом количестве был представлен и печной припас.

Слой отвала бракованной керамики подстилает чистая земля с небольшой примесью фрагментов жженых кирпичей (один из них разме-

ром 17×17×3 см) и керамики, характерной для X в.— с орнаментами белой, черной, коричневой, красной и болотного цвета красками по белому фону. Слой этот имеет толщину от 50 см в северной части шурфа до 1,5 м в южной. В этом же слое найдены и фрагменты штырей и потому, хотя данный слой не является отвалом, следует предполагать наличие где-то поблизости гончарного производства этого времени. Несколько ниже описанного слоя однако снова пошел отвал керамики, но уже совершенно иного характера, насыщенный предметами печного припаса, фрагментами керамики и золой. Штыри длинные, тонкие, тщательно выделанные, необычных размеров, имеются и миниатюрные штырьки — прокладки. У неполивной керамики серый и кремовый в изломе, звонкий, хороший, тщательно отмученный черепок. Изящно сделано несколько миниатюрных кувшинчиков, в том числе один типа эйнохойи, округлый большой чираг новой формы и др. Поливная керамика представлена лишь фрагментами с гладкой зеленой поливой. Подобного качества и цвета черепка неполивная керамика была встречена и в нижних слоях шурфа на раскопе 4. И в том, и в другом случае комплексы могут быть датированы IX в.

Общая глубина шурфа, заложенного в 1962 г., 5,3 м. Ниже описанного слоя пошла более плотная земля с отдельными включениями кусков жженых кирпичей и фрагментов керамики.

В 1963 г. здесь продолжались работы по изучению отвала керамики второй половины XII—начала XIII в., а в полевом сезоне 1964 г. шурф был расширен и в своей юго-восточной части доведен до материка. Здесь был получен дополнительно комплекс керамики второй половины XII—начала XIII в., а затем основное внимание уделялось нижним культурным слоям. В верхних слоях шурф показал картину весьма мощных по глубине (до 3,5 м) отвалов бракованной керамики, золы, предметов печного припаса, сырцовых и сырцовых обожженных кирпичей, связанных с работой печи упомянутого времени. То это слои золы, перемешанной с керамикой, то слои, явно связанные с ремонтом печей. Начиная с X яруса площадь шурфа сократили до площади 1×1 м. С XI яруса уже начались слои, связанные с другим периодом функционирования квартала, в частности пошел слой зеленоватого цвета (с перегноем каких-то растительных остатков) земли с включением фрагментов сырцовых обожженных и жженых кирпичей, а также с включением отвала керамики, фрагментов тонких и миниатюрных штырей и пр.

Начиная с этого слоя, абсолютное преобладание получила тонкостенная описанная ниже неполивная керамика. Этот слой селитроносной земли прошел на 60—80 см, и приблизительно он соответствует культурному слою этого времени. Однако керамика этого времени, зола и пр. продолжали идти и ниже. Это связано с тем, что в конце XII яруса были обнаружены края идущей вглубь мусорной ямы, врубленной уже в слои материкового характера.

Какими же прослойками представлены эти последние? Сначала идет слой комковатой земли коричневого цвета толщиной в 35 см, ее подстилает слой глины с серыми и буро-ржавыми оттенками, идущей также на 20 см, еще ниже проходит прослойка песка (15—20 см), которую сменяет идущий на глубину до 1 м слой темно-коричневой земли, также связанный с речными отложениями по руслу реки полустоячей воды. Ниже снова идет слой песка, прослеженный на глубину до 30 см. Общая глубина ямы свыше 1,5 м, дно ее доходит до последнего слоя песка. Сама яма была заполнена чередованием слоев зольных и земли зеленоватого цвета, причем и те и другие включали однородную в основном неполивную керамику. Эти нижние слои явно связаны с отходами гончарного производства IX в. Общая мощность культурных слоев

в шурфе (включая яму) 7 м, если же считать накопление культурных слоев только выше уровня ямы, то и тогда они достигают 5,5 м.

На раскопе 4, как это уже описано нами[43], вскрыты две круглые печи X—начала XI в. и принадлежащий им отвал керамики и предметов печного припаса. Раскоп сопровождался закладкой шурфа, в результате чего на раскопе 4 было получено три разновременных культурных слоя, между которыми не наблюдается большого разрыва. Первый из них, очевидно, может быть датирован по керамике IX в., второй— первой половиной X в., третий — связан уже с функционированием самих печей.

В ходе работ на раскопе 5 была вскрыта большая обжигательная печь, у южной стены которой был заложен стратиграфический шурф. Были обнаружены остатки небольшой прямоугольной печи и принадлежавший ей отвал бракованной керамики и предметов печного припаса, причем отвал этот заходил под стену упомянутой круглой печи. Удалось получить интересный комплекс керамики, который явно может датироваться первой половиной X в., тем более, что расположенная выше круглая печь раскопа по нумизматическим данным совершенно четко датируется второй половиной X—началом XI в.

Раскоп 7, заложенный в центральной части квартала, дал два выразительных разновременных комплекса керамики[44]. Первый из них связан со вскрытой на этом раскопе круглой обжигательной печью, найден в отвале около нее и может быть датирован второй половиной X—началом XI в. Самую же печь заполнял отвал бракованной керамики из печи, функционировавшей где-то поблизости во второй половине XII—начале XIII в.

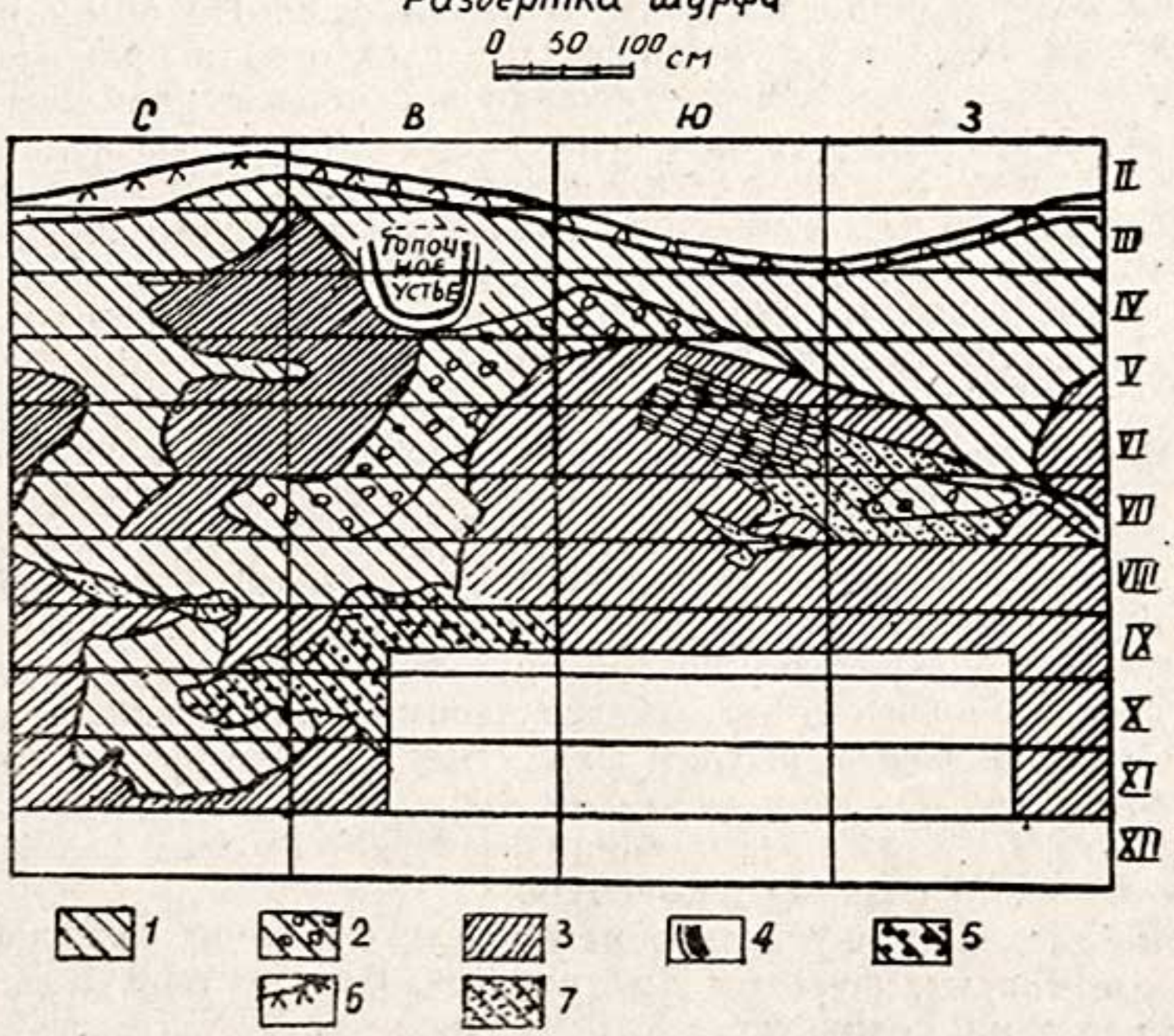


Рис. 25. Развертка стен шурфа раскопа 12: *1*—рыхлый слой; *2*—рыхлый слой с включением фрагментов обожженных кирпичей и керамики; *3*—плотный натечно-надувной слой; *4*—обмазка устья печи; *5*—плотный слой с ржаво-зелеными пятнами; *6*—пушонка; *7*—рыхлый слой с примесью золы и фрагментов керамики.

На раскопе 12, заложенном в квартале керамистов в 1962 г., были выявлены остатки двух прямоугольных гончарных печей. Сохранность

обеих печей плохая. Поскольку результаты работ по их вскрытию не публиковались, вкратце опишем и их. У печи № 1 сохранились лишь остатки пода с западной и восточной сторон (размеры пода 2,2×2,1 м) с тремя подовыми отверстиями. Разрушена и топочная камера, для которой удалось замерить только глубину в 1,9 м от уровня пода. Топка была несколько сбита к югу по отношению к оси пода. Топка имела три арки-устоя. Топочное устье, расположенное с западной стороны, оказалось заложенным, а кирпичи изнутри обожженными, то есть печь была брошена во время ее работы и лишь в связи с разрушением пода не удалось получить достаточно полный комплекс керамики. При расчистке печи были найдены в основном фрагменты неполивной керамики, но встречено также несколько фрагментов с голубой и зеленой поливой, а также несколько с поливой типа ишкорной.

Размеры пода печи № 2 — 2,7×2 м, размер топки — 3×1,2 м. Топочное устье расположено с восточной стороны, причем оно вынесено на 1,2 м за линию пода печи и заовалено в плане. В этой печи были также обнаружены в основном фрагменты неполивной сероглиняной керамики, а также с зеленой поливой и снова несколько черепков ишкорного типа. Печи эти по комплексу керамики могут быть датированы X в., что подтвердило ранее высказанное нами предположение об одновременном существовании в Мерве круглых и прямоугольных печей, причем последние, видимо, предназначались в основном для обжига керамики неполивной.

У западной стенки печи № 1 был заложен стратиграфический шурф 2×2 м, углубленный на 5 м от поверхности земли. Под дерновым слоем в 10—15 см начался рыхлый натечно-надувной слой земли с примесью фрагментов жженых кирпичей и керамики, в который лишь в северо-восточном углу вклинивался более плотный слой. На 50 см ниже топочного устья печи № 1 начался рыхлый слой отвала бракованной керамики и золы, не связанный с функционированием упомянутой печи, а явно несколько более ранний, относящийся к печи, располагавшейся где-то неподалеку. К южной стенке шурфа на этом же уровне примыкают остатки кладки из жженых кирпичей с большим углом наклона. Видимо, западная часть стенки просела в результате того, что под ней находился очень рыхлый слой. Кладка имела 10 рядов кирпичей размером 17—18×?×6—7 см и 20×20×3 см. В восточной части шурфа этому же уровню соответствует рыхлый слой с включением фрагментов керамики и сырцовых обожженных кирпичей, видимо связанный с ремонтом той же ранней печи, которой принадлежит и отвал. Эти рыхлые слои подстилает более плотный слой с отдельными включениями керамики, который в IX ярусе постепенно сменяется очень плотной землей темно-коричневого цвета с серыми и ржаво-зелеными оттенками материкового характера, в котором обнаружены мельчайшие ракушки.

Следует оговорить сразу же, что керамика, встреченная в отвале, а также в окружающем рыхлом слое земли и даже несколько ниже в более плотном слое, совершенно однородна и относится к одному времени, кроме того, между этими слоями и строительством печей, видимо, не было большого разрыва во времени.

Отвал дал керамику разнообразной формы: чаши, кувшины, бокалообразные сосуды, футляры для чирагов, фрагменты хумов, хумчей, а также керамику поливную.

Разнообразны по формам узкогорлые и широкогорлые кувшинчики среднего формата, обычно сложно профилированные по горловине. Иногда венчик расширяется над горловиной, образуя как бы чашечку с вертикальными стенками. Встречены и горловины кувшинов крупного формата. Все кувшины снабжены односторонней ручкой. Интересны бокалообразные сосуды, аналогичные найденным на раскопе 7 (диа-

метр венчика 12 см, высота 17 см, диаметр донца 6 см). Два фрагмента верхней части банкообразных сосудов имеют множество проведенных по стенкам параллельных желобков. Черепок в изломе, как правило, серого или кремового цвета, реже коричневатого. Особо следует отметить обнаружение двух фрагментов сосудов, имеющих черепок в изломе коричневого цвета с красноватым ангобом и темным красно-коричневым полосчатым лощением. В этих же слоях встречаются и фрагменты глазурованных сосудов, чаще всего чаш и кувшинов. Полива зеленая, часто ею покрываются сосуды и с внутренней, и с внешней стороны, имеют место строенные черные крапины по белому фону и довольно часто встречались фрагменты керамики типа ишкорной, выдержанной в черно-желто-зеленой гамме орнаментации по белому фону. Любопытен фрагмент сосуда, видимо, курильницы, со сквозным прорезным орнаментом, покрытый зеленой поливой.

Рис. 26. Керамика X в. из шурфа раскопа 12.

В IX ярусе шурфа в одном из углов начался слой материкового характера, на остальной же площади продолжался плотный натечно-надувной слой с редким включением фрагментов керамики, явно пред-

шествующий слоям отвала керамического производства. В этом ярусе был найден один целый жженый кирпич размером 17×17×3,5 см и несколько фрагментов видимо тех же размеров жженых кирпичей. Среди довольно большого количества фрагментов керамики не встречено ни одного поливного черепка. По формам абсолютно преобладают чаши разного диаметра (от 9—10 до 30 см), особенно интересны два фрагмента венчика чаш и несколько фрагментов стенок сосудов, имеющих в изломе черепок кремового цвета и покрытых внутри и снаружи густым красным ангобом. Отдельные черепки керамики встречались вплоть до XII яруса, в котором был найден фрагмент сосуда с мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом, а также несколько кусков керамического шлака, что указывает явно на связь данного слоя с гончарным производством. И этот слой явно можно датировать временем не ранее X в. Мощность культурного слоя в этой части квартала, выявленная шурфом, 5,5 м. Следует подчеркнуть, что такой значительный слой накопился за относительно небольшой промежуток времени, на чем мы еще остановимся ниже.

Новая площадка для закладки стратиграфического шурфа была выбрана в 1964 г. в центре квартала к северо-востоку от раскопа 3. Здесь на поверхности был собран материал второй половины XII — начала XIII в. и, следовательно, можно было ожидать достаточно полную картину культурных напластований. В верхних ярусах здесь чередовались в основном слои отвала, связанные то с зольными отвалами, то с выбросом фрагментов сырцовых обожженных кирпичей, связанных с ремонтом близлежащих печей. Преобладали в основном зольные слои мощностью иногда до 60—70 см. Керамика была немногочисленна, однако среди фрагментов попадались и черепки бракованной посуды, так что слои эти также можно явно отнести к отвалам, связанным с гончарным производством, не говоря уже о расположении площадки в самом центре квартала керамистов. В этих же слоях, однако, были найдены и куски штукатурки, в том числе один несший 13 ее слоев, то есть где-то поблизости здесь располагались какие-то жилые или общественного характера постройки.

На протяжении 2,5 м от дневной поверхности в упомянутых слоях шла керамика, хорошо известная уже по комплексам второй половины XII—начала XIII в., однако, начиная с VII яруса, в слое земли с фрагментами сырцовых, сырцовых обожженных и жженых кирпичей начали попадаться фрагменты керамики X—XI вв. (с белой поливой, с орнаментом болотной и красной красками на белом фоне и др.). В конце же VIII яруса были встречены остатки стены из жженых кирпичей. Ширина (сохранившаяся) 33, длина ее 65, высота 30 см. Она вступает в шурф в юго-восточном его углу. Размеры кирпичей, употребленных в строительстве стены и найденных рядом: 17×?×3,5 см, 18,5×18×3 см, 22×?×3,5 см, 24×24×4,5 см, 28×?×5 см. Здесь на уровне стены обнаружены фрагменты керамики, которые могут хорошо датировать этот слой — мраморовидная керамика с подглазурным процарапанным орнаментом, с орнаментами черной и красной красками на белом фоне, фрагмент чаши со сложным стилизованно-растительным орнаментом черной краской на белом фоне, а также керамика ишкорного типа с орнаментом черной, зеленой и ярко-желтой красками на белом фоне, в том числе с известным мотивом ступенчатых зубцов. Все это вместе взятое может датировать слой времени X — не позднее начала XI в.

Начиная же с IX яруса, встречается керамика несколько иного типа — неполивная тонкостенная и фрагмент кувшина с белой поливой и орнаментом — потеками, нанесенными краской бирюзового цвета, весьма характерного для IX в. Наконец, в северо-западном углу шурфа, в X ярусе его, были обнаружены остатки прямоугольной гончарной об-

жигательной печи, в частности, остатки арок, перекрывавших топку. В этом же слое найдены характерные фрагменты керамики, в основном неполивной, имеющей черепок в изломе серого и кремового цвета. Это фрагмент горловины широкогорлого кувшина (диаметр венчика 10 см), по краю венчика с наружной стороны процарапан один ряд волнистого орнамента; два фрагмента уплощенных сверху венчиков чаш, имеющих рифление под венчиком с внешней стороны (диаметр венчика 22 см), один фрагмент чаши с прямым венчиком (диаметр 20 см), имеющей внутри яркокрасный, а снаружи светлый цвет; фрагменты донец, выступающих по отношению к линии стенок; фрагменты венчиков кувшинов, несколько загибающихся вовнутрь и наружу, и, наконец, два бракованных фрагмента поливной керамики ишкорного типа с орнаментом в черно-зеленой тональности по белому фону. В последнем случае на одном из венчиков чаши с внешней стороны сохранились широкие и длинные (4,5 см), проведенные в несколько косом направлении вниз сплошь по тулову чаши черные полосы. Этот комплекс керамики перекликается с полученным из нижних слоев раскопа 14 и может быть датирован IX в. Особенно важно, что обнаружены остатки печи этого же времени.

Вскрытые за западной стеной Султан-калы остатки мечети-намазгох, а также обнаруженный здесь принадлежавший ей декор — разнообразные резные кирпичи, резной штук, росписи—могут быть датированы первой четвертью XII в. От более ранних сооружений на этом месте ничего не сохранилось, но Б. Д. Кочнев считает, что некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что таковые были. К числу доказательств этого он относит, во-первых, то обстоятельство, что площадь для загородной мечети в XII в. была явно недостаточна и что возобновили ее здесь лишь в силу приверженности к месту расположения старой мечети, во-вторых, то, что площадь к востоку от развалин оставалась незастроенной, то есть, возможно, здесь уже в IX, а то и в VIII в. было место, предназначенное для праздничных богослужений. Данные письменных источников, в частности известное для X в. свидетельство Истахри о том, что мечеть-намазгох находилась между каналами Хурмузфарра и Маджан, не противоречат этому. В. В. Бартольд также предполагал, что в XII в. мечеть оставалась на том же месте, что и в X в.

Для нас представляет интерес, что два небольших стратиграфических шурфа, заложенных на площади вскрываемой мечети-намазгох за западной стеной Султан-калы, не дали никакого материала ранее XII в., а на небольшой глубине от поверхности начался слой материкового характера коричневой земли с ржавыми оттенками. Видимо, действительно мечеть строилась на обширном свободном пространстве. Остался только несколько неясным вопрос о том, с чем связано отсутствие культурного слоя с остатками здания X в.

Как следует из вышесказанного, толщина культурного слоя в западной части пригорода-рабада Султан-калы колеблется в пределах 2—5,5 м, причем слои материкового характера представлены здесь темно-коричневой или светло-коричневой землей с серыми и ржавыми оттенками, перемежающимися обычно с прослойками плотного серо-желтого песка, который либо проходит над упомянутыми слоями земли, либо вклинивается в них (толщина прослоек от 10 до 80 см). В одном случае над этими слоями земли проходил мощный, свыше 1 м, слой плотного надувного песка желтоватого цвета. В остальных случаях материковые слои явно связаны с протоками реки.

Подытожим полученные при археолого-стратиграфическом изучении квартала керамистов данные по отдельным хронологическим периодам.

Самый ранний материал, свидетельствующий о начале обживания территории будущего квартала керамистов в VIII в., был получен в шурфе на холме отвала западнее раскопа 2, где имела место характерная неполивная керамика с орнаментом налепным и прочерченным, а также с характерными профилями. При значительном количестве заложенных шурфов в других частях квартала подобного раннего материала обнаружено не было. Видимо, к этому времени относится существование здесь отдельных построек. Во всяком случае и доныне высятся в западной части рабада Мерва раннесредневековые кёшки Большая и Малая Кыз-кала, а на территории самого квартала находится высокое оплывшее тепе, очевидно, также относящееся к этому времени.

IX же век представлен уже на раскопе 14 отвалом с предметами печного припаса и очень характерной неполивной керамикой, а на раскопе 16 слой этого времени дал не только керамику, но и остатки самой обжигательной печи. Этим же временем датируется нижний культурный слой на раскопе 4. Все это позволяет говорить о том, что в IX в. идет уже не только обживание данной территории, но и сложение здесь квартала керамистов, хотя он в ту пору был явно небольшим по размерам (об этом говорит, в частности, отсутствие материала этого времени во многих других шурфах на территории квартала).

В первой половине X в. идет дальнейшее развитие гончарного производства и дальнейшее освоение этой территории. Именно к первой половине X в. относится слой, связанный с гончарным производством на раскопе 2, слой с кусочками керамического шлака и керамикой на отвале, относящемся к этому же раскопу, слой, связанный с остатками обжигательной печи в шурфе на раскопе 5, и, наконец, слой с поливной керамикой в черно-желто-зеленом тонах на раскопе 4. X в. датируются прямоугольные печи раскопа 12, слой бракованной керамики и остатки кладки из жженых кирпичей, обнаруженные в шурфе ниже упомянутых печей, и, наконец, шедший еще ниже слой, не носящий характера керамического отвала, но явно также связанный с гончарным производством и также могущий быть датированным X в. (итого мощность культурного слоя X в. здесь 5,5 м). К X в. относятся вымостки полов из жженых кирпичей, обнаруженные в западной и восточной частях отвала раскопа 1, а также кладка из сырцовых кирпичей и фрагменты керамики, обнаруженные в шурфе на раскопе 1.

Для второй же половины X — начала XI в. можно с уверенностью говорить о сложившемся здесь к этому времени квартале гончаров с многочисленными обжигательными печами. К этому времени относятся нижняя печь на раскопе 2, печи, вскрытые на раскопе 4, печь раскопа 5, печь и связанный с ее функционированием отвал керамики на раскопе 7, слой на раскопе 14, не являющийся отвалом, но имеющий фрагменты штырей и, следовательно, также связанный с гончарным производством. XI веком датируется верхняя печь на раскопе 2 и слой на отвале бракованной керамики западнее нее.

О новом расцвете гончарного производства в XII в. свидетельствуют раскопки мастерской Иноятона, мастерской № 3 на раскопе 1, печи в восточной части отвала бракованной керамики, связанного с раскопом 1, и относящийся к этому времени здесь же слой отвала бракованной продукции мощностью до 5,5 м. Первой половиной XII в. датируются раскопанные остатки мечети-намазгох.

Наконец, во второй половине XII—начале XIII в., после гузского погрома, восстанавливается работа в мастерской Иноятона, возникает новая мастерская № 2 севернее иноятоновской, функционирует печь раскопа 3 и в отвале бракованной продукции к западу от нее, мощность

С У Л Т А Н — К А Л А

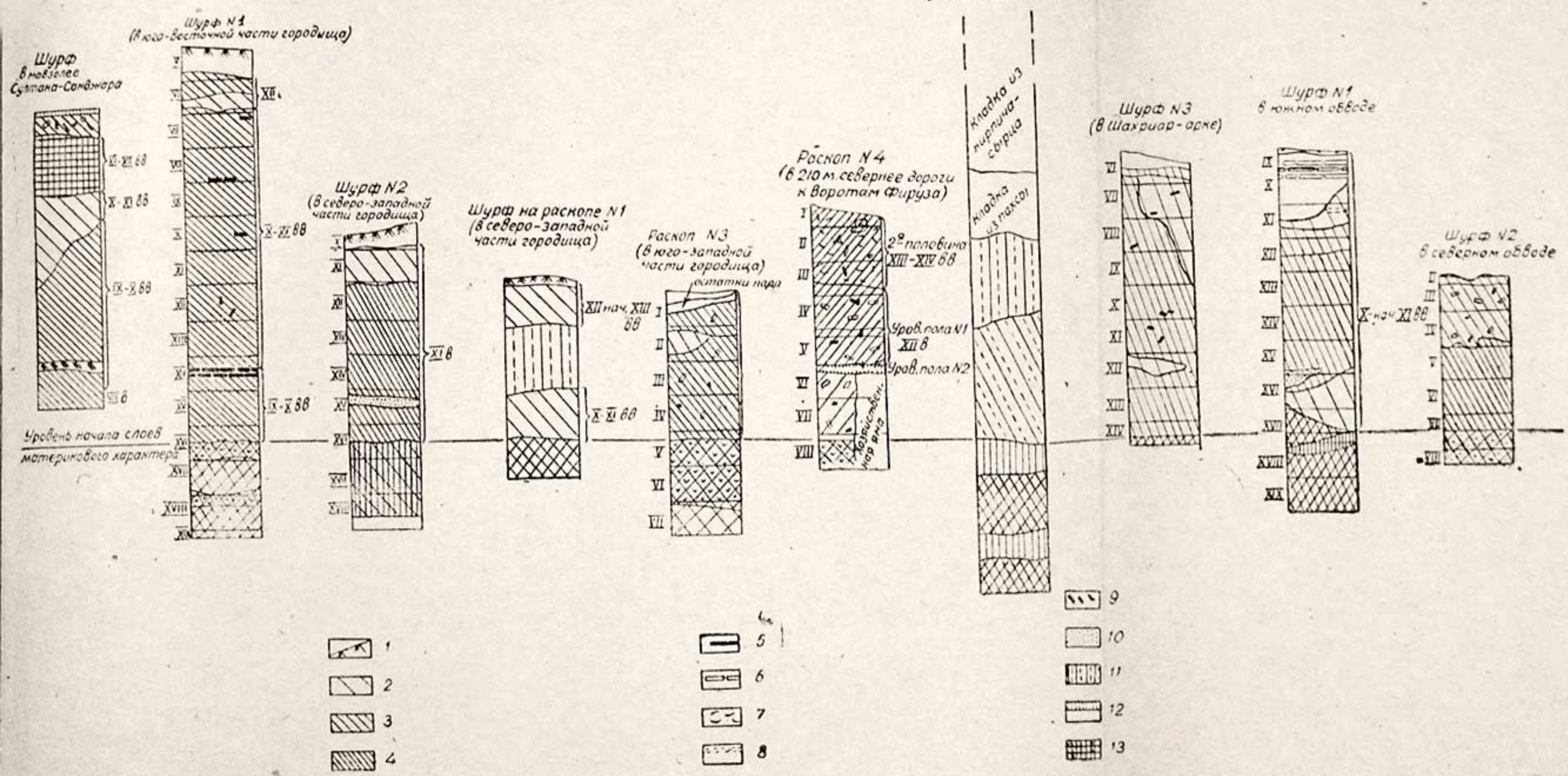


Рис. 27. Сопоставление наслоений по данным шурфов, заложенных на территории городища Султан-кала, его обводов и пригорода-рабада. Султан-кала. *1*—дерновый слой; *2*—рыхлый натечно-надувной слой; *3*—натечно-надувной слой средней плотности; *4* — плотный натечно-надувной слой; *5* — жженый кирпич; *6* — сырцовые кирпичи; *7*—фрагменты керамики; *8*—остатки кладки из сырцовых кирпичей; *9*—слой фрагментов жженого кирпича; *10*—зола; *11*—забутовка; *12*—плотный утрамбованный слой; *13*—пахса.

слоя этого времени достигает 3—4 м. К этому времени относится отвал бракованной продукции, обнаруженный в печи раскопа 7 и, наконец, правда, незначительной мощности слои на отвале бракованной керамики раскопа 1.

Таким образом, археолого-стратиграфическое изучение западной части рабада Султан-калы показало непрерывность исторического развития данной территории. Разница между всеми упомянутыми выше культурными слоями идет в пределах десятилетий без каких-либо больших разрывов. Даже после такого потрясения, каким был для Мерва гузский погром, жизнь в квартале довольно быстро возобновляется и лишь монгольское завоевание положило конец функционированию квартала.

Наиболее мощный культурный слой до 5,5 м накопился в центральной части квартала керамистов, где раскоп 14, в частности, дал значительную глубину слоя отвала бракованной керамики второй половины XII—начала XIII в., сменившегося затем слоем с материалом, характерным для X в., и, наконец, что особенно интересно, вслед за ним пошел слой, снова связанный с гончарным производством, который с уверенностью можно датировать IX в. Таким образом, удалось доказать не только раннее заселение человеком этой территории, но и возникновение здесь уже в IX в. гончарного ремесленного производства. Впоследствии близость воды, а возможно и пригодных для гончарства глин, а также некоторая отдаленность от района, где концентрируется городская застройка, создали благоприятные предпосылки для возникновения здесь квартала керамистов.

Снова подтвердился и раскопочными работами, и закладкой шурфов вывод о расцвете городской жизни и экономики Мерва, в том числе его ремесленного производства, в X—начале XI в. Вскрыт не только ряд печей и мастерских этого времени, но слой, относящийся к нему, повсеместно, на всей территории, занимаемой кварталом, встречен в шурфах. Характер этого слоя, однако, различен. Если в южной части квартала он представлен остатками жилых сооружений и бытового инвентаря (кладка из сырцовых кирпичей на раскопе 1 в шурфе, вымостка полов из жженых кирпичей в шурфах на отвале бракованной керамики, расположенном восточнее, подъемный материал), то в центральной и северной частях квартала этот слой мощностью до 3 и более метров повсюду связан с гончарным производством. Естественно будет предположить, что в южной части квартала в X — начале XI в. располагались жилые постройки работавших неподалеку мастеров.

В XII же — начале XIII в., когда в квартале возникают крупные ремесленные мастерские и работают отдельные обжигательные печи, они, напротив, не захватывают северной части квартала, где наслоения и печи X—XI вв. не перекрываются позднейшими.

Ниже попытаемся суммировать некоторые первичные итоги археолого-стратиграфического изучения городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода (рис. 27).

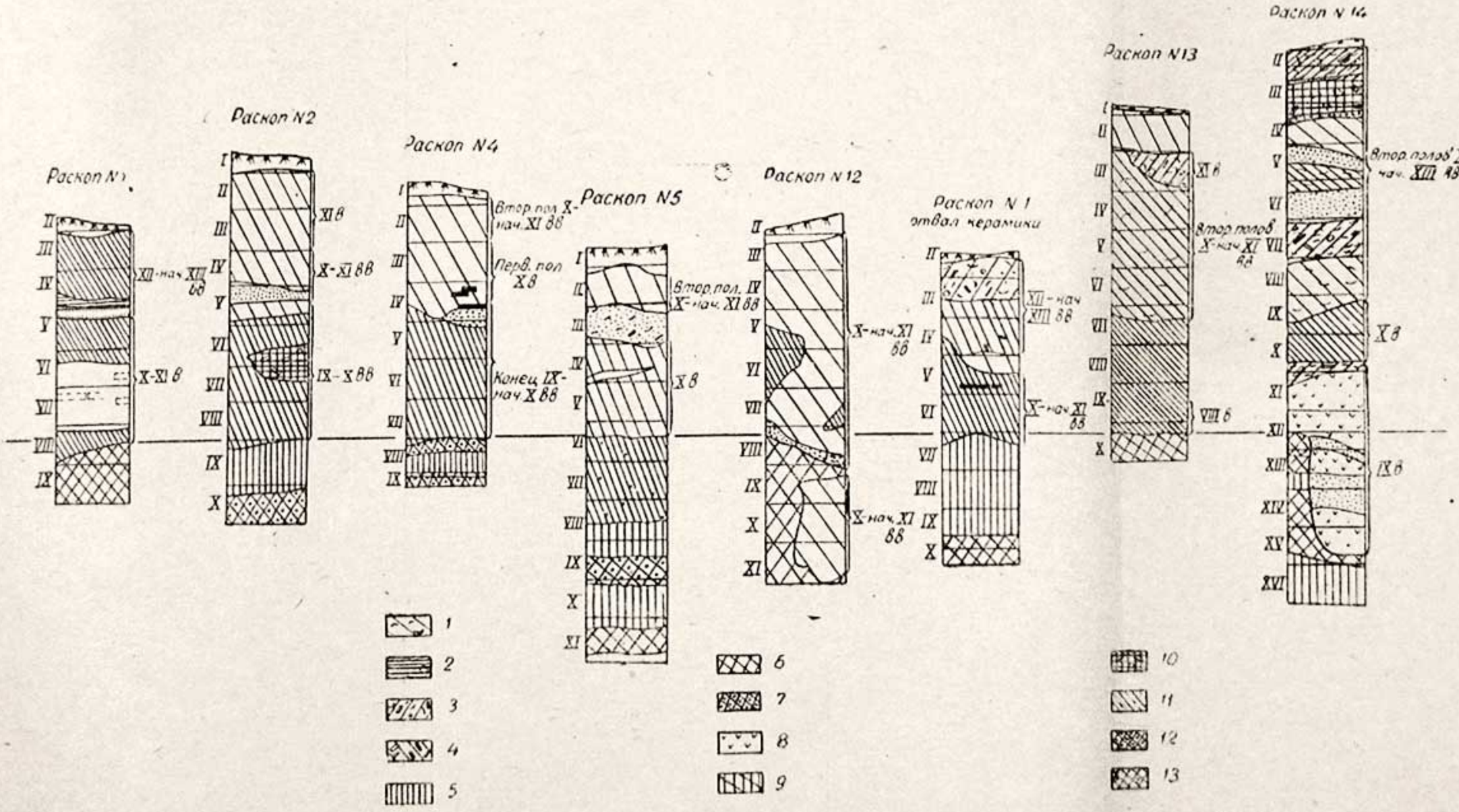
Самой ранней датой обживания изучаемой территории являются пока VII—VIII вв. VIII в. датируется нижний слой в шурфе, заложенном внутри мавзолея султана Санджара. К тому же времени относится несколько черепков из шурфа на раскопе 1 в северо-западной части городища Султан-кала. Глинобитная основа с резкой линией скоса в шурфе у крепостной стены города дала возможность М. Аминджановой предположить наличие здесь остатков раннего кёшка VI—VIII вв., перекрытого затем крепостной стеной. Кроме того, в нижние слои пахсы стены была вцементирована и в шурфе под самой стеной обнаружена неполивная неорнаментированная керамика хорошего качества, датируемая М. Аминджановой VIII—X вв. (скорее

VIII—IX вв.—*С. Л.*). Керамика VII—IX вв. получена при разрезе крепостной стены Султан-калы из ее оплыва. Если учесть, что земля для сооружения стен бралась где-то рядом, возможно из примыкающего к стенам рва, можно говорить о наличии и в этой части культурного слоя VII—VIII вв. Фрагменты керамики VIII в. были извлечены из нижних слоев шурфа раскопа 13 в квартале керамистов за западной стеной Султан-калы. Оставшись в стороне от площади интенсивной застройки города и южнее слагавшегося за западной стеной города квартала керамистов, сохранились до нашего времени раннесредневековые кёшки Большая и Малая Кыз-кала, являющиеся, как это убедительно доказала Г. А. Пугаченкова, замками мервских дихкан VI—VII вв.[45]

Сохранившиеся до наших дней архитектурные сооружения VI—VII вв., обнаруженный на отдельных участках культурный слой этого времени, датирующиеся VII—VIII вв. фрагменты керамики, наконец, обнаруженные в одном из шурфов остатки постройки VII—VIII вв. вместе с данными о сокращении жизни на территории античного города Гяур-кала свидетельствуют о постепенном освоении обширной площади к западу от упомянутого города, площади, на которой впоследствии складывается средневековый город с его обводами и пригородом. Первоначально это, по-видимому, лишь отдельные замки феодалов, окруженные принадлежащими им сельскохозяйственными участками. Позднее появляются и постройки общественного назначения, хотя данных для суждения о них в нашем распоряжении пока не имеется. Однако письменные источники X в. содержат указание на то, что после восстания Абу-Муслима (746 г.) «дом правления», новая соборная мечеть и базар были построены в пригороде у канала Маджан. Достоверность этих данных подтверждается, по мнению М. Е. Массона, тем обстоятельством, что в VIII в. обжигательные печи гончаров появляются уже на гребнях стен Гяур-калы, что было возможно лишь в пору заброса шахристана[46]. М. Е. Массон считает даже, что к этому времени на запад перемещаются не только административный и торговый центры, но и вообще основная городская жизнь Мерва[47]. Как уже отмечено, Г. А. Пугаченкова расценивает слой VIII в. в шурфе в мавзолее султана Санджара, то есть в самом центре города, как остатки аббасидского Мерва.

М. Е. Массон писал, что недостаточно освещен археологически некоторый спад в жизни города после перенесения в 20-х годах IX в. столицы из Мерва в Нишапур[48]. Добавим, что в нашем распоряжении почти нет археологических данных для суждения об облике города, его гражданских и культовых постройках периода его расцвета в начале IX в., когда он становится на время резиденцией халифа Мамуна и фактически играет роль столицы халифата, когда отсюда рассылаются распоряжения халифа, назначаются наместники в другие области, отправляются войска для усмирения врагов[49]. Трудно предположить, что этот блестящий период в жизни Мерва не был отмечен подъемом строительства и в том числе возведением капитальных сооружений. Обнаружение их — дело будущего. Для IX в. мы имеем доказательства возникновения на территории будущего квартала керамистов гончарного производства, хотя работы, проведенные на территории Гяур-калы, показывают, что гончарное производство этого времени развивается и в самом городе, даже в центре него, занимая заброшенные жилые кварталы.

В X в. продолжается (и это подтверждено археологически) резкое сокращение жизни на Гяур-кале и на площади ее былого рабада за исключением западной его части. Данные археолого-стратиграфического изучения последней территории показывают, что именно в X в. здесь идет интенсивное освоение все новых и новых участков, причем



Западная часть рабада. Квартал керамистов.

1—слой земли средней плотности с включением бракованной керамики; *2*—слоистый натек; *3*—слой керамического брака; *4*—строительный завал; *5*—песок; *6*—плотная глина темно-коричневого цвета материкового характера; *7* — плотная глина темно-коричневого цвета материкового характера с включением ракушек; *8*—селитроносный слой, *9*—песчаная глина; *10*—завал фрагментов сырцовых и обожженных кирпичей; *11*—глинобитная масса; *12*—слой глины с ржавым и зеленоватым оттенком; *13*—плотный слой с включением ракушек.

в некоторых из них за это столетие накопились весьма значительные культурные наслоения. Достаточно вспомнить снова, что шурф в южном обводе дал культурный слой X в. мощностью 4,5 м, на одном из раскопов в западной части рабада таковой же достиг 5,5 м, что шурф, заложенный Я. Крикисом в юго-восточной четверти городища Султан-кала, дал культурные слои IX—X и X—XI вв. (сейчас трудно разграничить их по более дробным периодам) мощностью 4,7 м. Данные эти важны не только для стратиграфии и исторической топографии мервских городищ, но и как прекрасное доказательство того, что в X в. происходит быстрое экономическое развитие областей Хорасана, подъем производительных сил, городской жизни.

Слои IX—XI вв. мощностью 1,8—2,0 м зафиксированы в шурфе, заложенном внутри мавзолея султана Санджара, мощные слои этого времени с выстилкой полов X в. отмечены в юго-восточной четверти городища, почти трехметровый культурный слой X—XI вв. накопился в северо-западной части города, что зафиксировано шурфом у средневекового кёшка. Расположенный в этой же части города раскоп 1 показал, что в X—XI вв. идет сложение здесь большого жилого комплекса. Более чем на 2 м идет культурный слой указанного времени в шурфе, заложенном у здания правительственно-административного назначения в Шахрияр-Арке, слой забутовки IX—X вв. прослежен в шурфе у крепостной стены Султан-кала. Видимо, можно говорить о том, что культурные слои X—XI вв. имеются на площади, занимаемой городищем, едва ли не повсеместно. Этим подтверждается то обстоятельство, что в начале XI в. действительно возникла необходимость обнести стеной уже оформившуюся территорию густо застроенного города.

К X же веку относится оформление большого квартала керамистов за западной стеной города. X — началом XI в. датируются здесь многочисленные раскопанные и зафиксированные на поверхности и по подъемному материалу гончарные печи, культурный слой этого времени прослежен по всей территории квартала, получены прекрасные комплексы керамики. Интересен, однако, и тот зафиксированный раскопом факт, что отдельные печи этого времени, и, возможно, даже и маленькие кварталы функционируют в X в. непосредственно на территории самого слагающегося города.

Не совсем ясно, почему такую значительную мощность культурного слоя X в. дал южный обвод города, а территорию эту не сочли необходимым включить в площадь, которая была обнесена стенами. Надо думать, что не вся территория обвода обживалась в это время достаточно интенсивно, хотя в источниках говорится о располагавшихся здесь кварталах, таких как Джассин и Тувик. Кстати сказать, первый квартал носил и другое название — Танургеран, то есть был заселен мастерами-керамистами и это проливает свет на указанные обстоятельства. Если здесь действительно находился квартал ремесленников, то он мог быть, так же как и квартал керамистов за западной стеной города, умышленно не включен в городскую черту. Все это, безусловно, нуждается в проверке шурфованием, а по возможности и раскопами.

Время наибольшего развития феодального Мерва падает, как это было доказано ранее, на XI — первую половину XII в.[50] Действительно, где-то в начале XI в. город был обнесен стеной, несколько позднее дополнительными стенами были обведены его северный и южный обводы, до наших дней сохранились руины ряда строений XII в., в числе которых замечательное архитектурное сооружение — мавзолей султана Санджара, здание первой половины XII в. в юго-восточной части городища, ряд сооружений в Шахрияр-Арке, хозяйственного назначения здание в северном обводе и др. Богатый жилой дом (раскоп 1) в северо-западной части городища был в XII в. украшен внутри разнообраз-

ным декором. Обильно представлен XII в. в подъемном материале с городища. Наконец, культурный слой этого времени выявлен в ряде шурфов. На интенсивность обживания центральной части города в XII в. указывает факт, полученный в результате закладки шурфа в мавзолее султана Санджара. Здесь были обнаружены остатки постройки XII в., видимо, из тех, что примыкали к зданию мечети, располагавшейся на месте будущего мавзолея. Насыщенный культурный слой XII в. был обнаружен в шурфе в юго-западном углу городища, слой XII — начала XIII в.—в шурфе у здания в Шахрияр-Арке, на развалинах здания XII в. была построена в XIII—XIV вв. описанная выше гончарная печь.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, можно считать, что жизнь на территории северного обвода протекала менее интенсивно, чем на площади самого города и его южного обвода. Культурный слой, выявленный шурфами, заложенными в разных частях площади северного обвода, колеблется в пределах всего лишь 1,5—2 м. Возможно, что обживание его проходило также позже по отношению к упомянутым территориям. Кроме того, наличие в микрорельефе больших незастроенных площадей наводит на мысль о том, не располагались ли здесь частично бахчи, урожай с которых хранился и перерабатывался в расположенном здесь же производственно-складском помещении, именуемом ныне «каптархоной», и во всяком случае, что здесь же, около кирпичеобжигательных печей, находились майданы, где эти кирпичи изготовляли и сушили, а также складывали готовую продукцию. Заметим, однако, что изучение северного обвода — одна из интересных задач будущего археологического изучения Мерва. Интересен, в частности, вопрос о соотношении здесь жилых построек (очевидно, таковые будут в дальнейшем обнаружены) и ремесленных производств, а также построек иного назначения, что при несложности стратиграфии яснее поможет представить картину застройки одной из частей средневекового города, хотя здесь вряд ли имел место заранее обдуманный план.

Мы уже отмечали, что на XII в. падает интенсивное развитие гончарного ремесленного производства в квартале керамистов за западной стеной Султан-калы, когда здесь работает большое количество гончарных мастерских, выпускающих самые разнообразные изделия[51]. Прекрасно прослеживается по мастерским в квартале и период второй половины XII—начала XIII в., тогда гончарное производство развивается, но уже не достигает того размаха, что в первой половине XII в. При хорезмшахах начинается и определенное запустение города, когда, например, внутри него начинают накапливаться отвалы золы, отходов производства и пр.

Особый интерес для истории города имеет изучение периода XIII—XIV вв. Выдвинутый впервые В. А. Жуковским тезис о том, что после монгольского разгрома Мерв оставался в руинах в течение двухсот лет[52], был поддержан затем В. В. Бартольдом и рядом других ученых. Будучи основан на данных некоторых письменных источников, он продержался в науке довольно долго. С прекращением существования Мерва в этот период пытались даже связать концентрацию городской жизни в менее значительных городах[53]. Иную картину показывает археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, соответствующего средневековому Мерву. Впервые тот факт, что город начал оправляться с середины XIII в. был отмечен М. Е. Массоном[54], который писал, что работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) «выявлена новая эпоха в истории развития этого города за XIII—XIV вв.»[55], а также выделял три этапа внутри этого периода[56]. М. Е. Массон считал, что город занимал в это время в основном территорию Султан-калы, где располагались кварталы зажиточных горожан, и что в качестве цитадели с двор-

цом правителя функционировал Шахрияр-Арк. В 1950—1951 гг. к югу от южного обвода Султан-калы вскрывалось здание буддийской кумирни, строительство которой, по мнению М. Е. Массона, связано с деятельностью монгольского наместника Аргуна и которое, по словам Г. А. Пугаченковой, являет собой образец сочетания монголо-китайских и местных хорасанских архитектурных элементов[57]. Однако интересные и верные выводы о возобновлении жизни в Мерве с середины XIII в. были сделаны в основном на основании историко-топографического обследования и сбора подъемного материала, их необходимо было подкрепить археологическим материалом, изучением стратиграфии городища. Ряд такого рода фактов и был получен за последние годы в результате работ одной из групп XVIII отряда ЮТАКЭ на городище Султан-кала и его обводов, о чем говорилось выше.

В данной статье нами описана вскрытая на городище гончарная обжигательная печь второй половины XIII—XIV вв. и выпускавшаяся здесь продукция, в состав которой входила не только разнообразная керамика, но и детали архитектурного декора для строившихся здесь в это время зданий. Этим же временем датируются зафиксированные в разных частях городища отвалы гончарного производства. Все это вместе взятое позволяет говорить о довольно значительном развитии гончарного производства на территории города в интересующий нас период времени. Следует особо отметить и ряд других фактов. Первой половиной XIV в. можно датировать по фрагментам керамики верхний культурный слой шурфа в юго-западном углу городища, где прослеживались на этом уровне остатки рухнувшей стены из сырцовых кирпичей. Так же датировал М. Е. Массон располагавшиеся в этой же части городища остатки какого-то чтимого мазара.

Небольшие шурфы, заложенные геолого-разведочной экспедицией в 100 м к западу от мавзолея Санджара, дали в верхних слоях фрагменты керамики (чаще всего донца с высоким кольцеобразным поддоном) с поливой синего цвета, датирующиеся явно XIII—XIV вв. Б. Д. Кочнев считает, что в конце XIII—XIV вв., когда жизнь в Мерве в какой-то степени была восстановлена, производится некоторая подправка пришедшей в упадок мечети-намазгох, располагавшейся за западной стеной Султан-калы. XIV в. датируются кирпичеобжигательные печи, раскопанные на территории северного обвода, что в свою очередь свидетельствует (если эта датировка верна) о довольно интенсивном строительстве, ведущемся в это время. М. Е. Массон особо отмечал факт возобновления во второй половине XIII в. деятельности монетного двора Мерва, как доказательство достаточного подъема его экономического уровня. Здесь выпускались золотые динары, серебряные и медные монеты.

Керамика XIII—XIV вв. обильно представлена в подъемном материале с городища, особенно хорошо она отмечает обживание главных улиц города в эту пору. Необходимо отметить также некоторые другие находки на городище, относящиеся к этому периоду. 1279/1280 г. н. э. (678 г. хиджры) датируется найденная в Шахрияр-Арке трехцветная поливная плитка штампованной терракоты от торцовой части парадного ступенчатого намогильника с остатками надписей цветущим куфи и почерком «дивани». К XIV в. относится фрагмент боковой части каменной намогильной плиты XIV в.

Именно благодаря археологическим данным стало известно, что уже к середине XIII в. оправилась от последствий монгольского завоевания Ниса[58], особенно интенсивное обживание которой относится к XIV в.[59], когда были густо заселены цитадель и кала. К концу XIII в. относят археологи и начало подъема на Нисе разных видов ремесленного производства[60]. Начинается возрождение городской жизни в Дахистане,

Генугирде, Анау[61], на городище былого Ахура, в Парау[62]. В конце XIII—XIV вв. достигает значительной величины Шехр-ислам[63].

Чрезвычайно важны для истории Мерва свидетельства историка Джувейни. Общеизвестны его данные о том, что монголы в первый свой приход уничтожили все население Мерва за исключением 400 ремесленников и некоторой части детей, что «стены были разрушены, укрепления сравнены с землей, и сожжена ханифитская соборная мечеть»[64]. Однако Джувейни говорит и о том, что некоторым жителям удалось укрыться в потайных местах и что их оказалось около 5 000. Оставленный монголами местный правитель Зия-ад-дин Али вскоре приказал восстановить мервские стены и вал. О сменившем Зия-ад-дина сподвижнике султана Джелал-эд-дина Куш-тегин-пехлеване так же говорится, что он принялся за восстановление города и земледельческого хозяйства, «задался целью восстановить городские стены, постройки»[65]. Не менее важны данные о том, что «к этому времени из разных мест люди собирались в Мерв, так как в нем было лучше». Вскоре вновь прибыло монгольское войско, город был взят и «большинство домов, замков, мечетей и мест поклонения было разрушено», а население перебито. Но и после этого жители, находившиеся в деревнях и ушедшие в пустыню, стали снова собираться в Мерв. Отдельные монгольские военачальники продолжали, однако, свои набеги на Мерв и в конечном итоге, по словам Джувейни, город был окончательно превращен в пустыню. Как показали археологические материалы, история города на этом не кончилась. Важнее для нас данные о целом ряде сменявших друг друга на протяжении первой половины XIII столетия периодах упадка и восстановления города, его построек, городских укреплений. Возможно, при последующих археологических работах удастся проследить и эти периоды.

Явно преувеличено свидетельство о Мерве Хафизи-Абру, восславлявшего деятельность тимуридов и особенно Шахруха. Хафизи-Абру писал: «Вследствие напастей и превратностей судьбы Мерв стерт и уничтожен уже очень давно. Город, который был украшен столпами мира, при сказанном бедствии стал обителью гиен и хищных зверей, и от деревьев его не осталось в целости ни одной ветки, а от дворцов его ни одного портика. Столь славный пункт превратился в ровное и гладкое место. Гневный создатель до такой степени постиг народ тот, что около 200 лет ни для какого путника не было тени, в которой он отдохнул бы хоть минуту, а у жителя не было соседа, которому он мог бы рассказать о происходящих ударах судьбы»[66]. Все это сказано, дабы подчеркнуть еще раз значение деятельности Шахруха по строительству нового города. Особенно характерно в этом смысле последовавшее за приведенной цитатой восклицание: «Да и какой (там) житель до наступления 812 г.?» (812 г. хиджры соответствует 1409/1410 г. н. э.). Вторит Хафизи-Абру и использовавший его сочинения Абд-ар-раззак Самарканди: «Шахрух... приказал заново отстроить г. Мерв, пришедший в упадок и разрушение, и привести в культурное состояние эту область, ...пришедшую в упадок под ударами судьбы и частыми бедствиями и от построек которой (в настоящее время), кроме груды обломков, ничего не осталось»[67]. Слова Казвини «сейчас этот город разрушен»[68] не следует понимать в том смысле, что город в это время не существовал. Город не был полностью восстановлен, часть его находилась в развалинах, и это, видимо, дало повод Казвини, помня о последствиях завоевания, написать приведенные слова.

М. Е. Массон считает, что город начал оправляться уже с середины XIII в., восстановительные работы начались также и в его пригороде, сначала на территории Разик-абада, находившегося юго-восточ-

нее Султан-калы, затем на площади между городищами Султан-кала и Гяур-кала, а также в руба'а Маджан и руба'а Хурмузфарра[69].

Приведенные выше данные о вскрытии гончарной печи, фиксации отвалов бракованной керамики, отходов кирпичного производства, а если датировать некоторые отвалы по подъемному материалу, то и следов обработки железа и меди — все это, безусловно, говорит об определенном экономическом подъеме, оживлении городской жизни в Мерве XIII—XIV вв. Было доказано обживание города не только вдоль главных улиц, но центральной и восточной его частях, в юго-западной четверти, в южном и северном обводах. Ясно, что о полном прекращении жизни в городе после монгольского завоевания не может быть и речи. Вместе с тем не представляет сомнения, что значительная часть города продолжала лежать в развалинах. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие культурного слоя указанного времени в ряде раскопов и шурфов, заложенных в разных частях городища, расположение отвалов бракованной керамики, золы, прочих отходов не только на территории самого города, но иногда и в центре его.

В археологической стратиграфии городища Султан-кала еще много нерешенных вопросов. Прежде всего необходима закладка новых шурфов в разных частях городища для проверки стратиграфии его наслоений. Предстоит и закладка более глубоких шурфов для окончательного выяснения содержимого культурно-ирригационных наносов. Вместе с тем археолого-стратиграфическое изучение ставит и ряд новых задач. Так, например, одним из первоочередных вопросов в изучении Султан-калы является исследование расположения ремесленных производств— выделялись ли они в отдельной части города, располагались ли кварталами, перемежались ли с городскими постройками в основной период функционирования города, либо же существовали в то время, когда город не был еще обнесен стеной и планировка его не устоялась.

Весьма желательным представляется обнаружение комплексов VIII—IX вв., могущих дать материал для характеристики процесса перехода жизни с городища Гяур-кала на новую территорию. Кроме того, актуальной задачей остается изучение комплексов керамики и других предметов материальной культуры IX в., ибо недостаточное знание таковых иногда не дает возможности точно выделить слои этого времени. Недостаточно изучено пока и гончарное производство XI в.— вскрыта лишь одна печь и часть принадлежащего ей отвала керамики. Следует думать, что печи этого времени еще будут вскрыты в квартале.

Параллельно должно вестись и изучение северного и южного обводов города, являвшихся его неотъемлемой частью, выяснение характера их застройки и обживания, их связи с основной площадью застройки города. В первую очередь представляется необходимым изучение жилых кварталов в северном обводе, времени их возникновения и функционирования в связи со стратиграфией отдельных частей города. Наконец, особое место занимают вопросы дальнейшего выяснения всего, что связано с периодом XIII—XIV вв: подъемного материала, культурных наслоений, отдельных комплексов, ибо для истории Мерва эти данные имеют принципиальное значение.

Автор понимает, что часть приведенных им данных еще нуждается в дальнейшей проверке, однако уже сейчас археолого-стратиграфическое изучение городища уточняет и детализирует вехи истории одного из городищ древнего Мерва — средневековой Султан-калы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 7.

2. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 218.

3. Сухарев И. А. Комната XII века на площади II приамударьинской части городища Термеза. Труды УзФАН СССР. Серия I. ТАКЭ 1936 года. Ташкент, 1940, стр. 197—198.
4. Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. Там же, стр. 191.
5. Зимин Л. Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда. ПТКЛА, XIX, 1914, стр. 109.
6. Гулямова З. Раскопки цитадели на городище Хульбук в Таджикистане. Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXVII, 1961, стр. 148.
7. Жуков В. Д. Развалины... Цит. соч., стр. 181.
8. Сухарев И. А. Комната XII века .. Цит. соч., стр. 197.
9. Трудновская С. А. Стекло с городища Шах-сенем. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 421.
10. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, стр. 123.
11. Там же, стр. 119.
12. Там же, стр. 110.
13. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 205.
14. Там же, стр. 207.
15. Левина В. А. Позднее городище Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 365—366.
16. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 366.
17. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 60.
18. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 300.
19. Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 361—362.
20. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начале XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 394, рис. 93; стр. 395, рис. 94.
21. Лунина С. Б. Новая гончарная печь средневекового Мерва. Научные труды ТашГУ, вып. 200. Археология Средней Азии, VI. Ташкент, 1963, стр. 130.
22. Левина В. А. Позднее городище... Цит. соч., стр. 359, 365.
23. Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 269.
24. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 78.
25. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая... Цит. соч., стр. 58, рис. 50.
26. Лунина С. Б. Новая гончарная... Цит. соч., стр. 130.
27. Там же, стр. 132.
28. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация... Цит. соч., стр. 306, 308.
29. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 355.
30. Левина В. А. Позднее городище... Цит. соч., стр. 367.
31. Литвинский Б. А. Отчет о работе... Цит. соч., стр. 261.
32. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 253.
33. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Стр. 369.
34. Там же, стр. 370.
35. Там же, стр. 357.
36. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 241.
37. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийской области. СПб, 1894, стр. 133.
38. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 192.
39. Там же, стр. 149.
40. Массон М. Е. К изучению прошлого... Цит. соч., стр 15.
41. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч.
42. Заурова Е. З. Керамические печи... Цит. соч.
43. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч., стр. 226—229, 256—263.
44. Лунина С. Б. Новая гончарная... Цит. соч.
45. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 141.
46. Массон М. Е. К изучению прошлого... Цит. соч., стр. 14.
47. Там же, стр. 14.
48. Там же, стр. 15.
49. Булгаков П. Г. Из арабских источников о Мерве. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 217.

50. Массон М. Е. К изучению прошлого... Цит. соч., стр. 15.
51. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч., стр. 397.
52. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 69.
53. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Изучение Така-Языра, Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 318.
54. Массон М. Е. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и Пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 76.
55. Массон М. Е. К изучению прошлого... Цит. соч., стр. 16.
56. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 219.
57. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 356.
58. Массон М. Е. Городища Нисы... Цит. соч., стр. 78.
59. Там же, стр. 79.
60. Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 165.
61. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 358.
62. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая... Цит. соч., стр. 59.
63. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Изучение Така-Языра... Цит. соч., стр. 317.
64. Джувейни. Извлечения из «Тарих-и-джехангуша» Ала-ад-дина ата-мелика. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 491.
65. Там же, стр. 492.
66. Хафиз-и-Абру. Извлечения из географического сочинения. Там же, стр. 525.
67. Абд-ар-раззака Самарканди. Извлечения из «Матла ас-са'дейн». Там же, стр. 530.
68. Хамдаллах Казвини. Извлечения из «Нузхат ал-кулуб». Там же, стр. 508.
69. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ... Цит. соч., стр. 219.

П. П. ГАВРЮШЕНКО

ГОРОДИЩЕ ШАИМ-КАЛА СТАРОГО МЕРВА
(лагерь сельджукских войск)

В 1962 г. в связи с созданием в восточном районе Старого Мерва крупнейшего в республике плодо-овощеводческого совхоза Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) было предпринято срочное изучение памятников, попавших в зону строительства. По предложению начальника ЮТАКЭ проф. М. Е. Массона было начато археолого-топографическое и последующее стратиграфическое обследование Шаим-калы. Эта работа была тем более необходима, что восточное руба'а изучено гораздо меньше по сравнению с другими районами Старого Мерва.

Во второй половине XIX в. упомянутое городище было отмечено на планах русских военных топографов при съемке Мервского оазиса[1]. В конце этого же столетия в описаниях начальника Закаспийской области А. В. Комарова[2] и Д. И. Эварницкого[3] оно упоминается наряду с другими городищами Мерва, без какой-либо его интерпретации, последний, кроме этого, упоминает канал Шаим-яб[4].

Начало изучения памятника связано с именем В. А. Жуковского, который, помещая городище на юго-востоке от Гяур-калы, отмечает, что оно «...принимается некоторыми также за остатки города. Это четырехугольник почти в одну квадратную версту, обнесенный глинобитными плохо сохранившимися стенами, прилегающий западной своей стороной к старому каналу того же имени Шаим-Яб; внутри он совершенно пустой и ровный,—нет ни обычного в городищах кремля, ни следов зданий, ни признаков былого жилья в виде бугров и возвышений, только в юго-западном углу его видны остатки обжигательных печей».

Такой вид калы заставляет думать, что тут мы имеем дело не с городищем, а с большим, может быть, военным станом, в котором приготовлялись военные снаряды вроде виденных нами на поверхности Гяур-калы керамических ядер, и не монгольские ли полчища Тули-хана стояли здесь в 616 (1219) году? В истории нет положительно никаких данных принимать Шаим-калу за городище вообще и мервское в особенности. Название «Шаим-кала» есть, по всей вероятности, исковерканное «Шахин-кала» شاهين قلعه, что может означать «Крепость сокола», если не искать большей испорченности названия «Шахи-кала» شاهى قلعه — царская крепость[5].

В самом начале XX в. в путеводителе по Туркестану приводилось очень краткое описание городища, которое не дает ничего нового по сравнению с описанием В. А. Жуковского. При этом отмечается, что «вероятно, здесь было не городище, а военный стан»[6], но дальнейшие комментарии этого положения отсутствуют.

Касаясь вопросов исторической топографии Мерва, В. В. Бартольд отмечает, что лагерем войск Тули-хана в момент взятия им

Мерва могла служить Гяур-кала[7], а в примечании: «Если принять такое объяснение действий монголов, то, конечно, отпадает предположение В. А. Жуковского, что лагерь монголов мог быть на месте городища Шаим-кала»[8].

В 1913 г. вышла работа В. И. Масальского, где он описывает многие археологические памятники Туркестана, но Шаим-кала здесь лишь упоминается[9].

К атласу, вышедшему примерно в это же время, был приложен план Мургабского государева имения, где отмечено наше городище, изображенное в виде неправильного четырехугольника с замкнутым периметром. Через Шаим-калу протекал пятый канал Государева имения[10]. Очевидно, за основу взята съемка русских военных топографов.

Этим исчерпывается изучение городища дореволюционными исследователями. Следующий этап изучения связан с работами ЮТАКЭ.

В 1947 г. по линии ЮТАКЭ был организован специальный отряд для изучения развалин Старого Мерва, который занимался параллельно изучением исторической топографии его. После произведенного осмотра Шаим-калы было отмечено, «что в IV—VII вв. на территории городища были здания из сырцового кирпича 39×39×9 см (одна траншея прорезала такое здание) и что в период X—XI вв. в южной части Шаим-калы было значительное по размерам сооружение (судя по величине холма). Там же видели и четырехугольные в плане (размерами 5×6 м) печи для обжига, видимо, кирпичей, может быть, ядер (В. А. Жуковский)»[11].

Осенью 1950 г. начальником ЮТАКЭ профессором М. Е. Массоном производилась археолого-топографическая съемка Старого Мерва, в числе прочих объектов осмотрены и отсняты на план развалины Шаим-калы[12]. Наблюдения над фортификацией и внутренней застройкой дали основание считать неправомерным мнение В. А. Жуковского о том, что здесь располагался лагерь войск Тули-хана.

Произведенный осмотр подъемного материала, указывающего в массе на время XI—XII вв., дал основание М. Е. Массону для заключения об отождествлении Шаим-калы с лагерем войск великих сельджуков[13]. Развалины, известные среди местного населения и в специальной историко-археологической литературе под названием «Шаим-кала», лежат в полутора километрах к юго-востоку от Гяур-калы. Их исследование в 1962 г., производившееся автором данной работы, было начато с обхода и тщательного осмотра, сопровождавшегося сбором подъемного материала, опросом местного населения и выявлением таким образом легенд и других разнообразных сведений о памятнике. Археолого-топографическая съемка с поднятием археологического микрорельефа внутренней застройки была завершена составлением схематического плана (рис. 1-а[14]). Произведен разрез северной лагерной стены (рис. 1-б). Осенью 1963 г. работы продолжались на следующих объектах: вскрыта юго-западная часть северо-западной угловой башни, комплекс привратных сооружений у южных ворот, заложен стратиграфический шурф на центральных развалинах внутренней застройки.

Любопытны бытующие у местного населения легенды о крепости. Так, например, сохранилась легенда в нескольких вариантах, объединенных общим смыслом. Некогда очень жестокий падишах Шаим решил построить крепость, на строительство которой было согнано огромное количество людей, подносивших землю с окрестных мест в больших корзинах. Тех, кто приходил на работу после восхода солнца, падишах приказывал закладывать живыми в стену. Один молодожен опоздал на работу и, уходя, поведал жене своей об ожидавшей его участи. Когда он предстал перед падишахом, то по совету жены подбросил вверх яб-

локо, чтобы узнать свое будущее. Лошадь под падишахом испугалась и ринулась в сторону, и тот, упав с нее, разбился. После этого люди, строившие крепость, разбежались, и она осталась недостроенной, но в память о жестоком падишахе стала называться его именем «Шаим-кала». Или еще. Это было в пору правления Гяур-хана, резидировавшего в Гяур-кале. У него в государстве процветала торговля и был некий караван-баши по имени Шаим. Для него и была построена крепость, чтобы во время пребывания в Мерве он мог оставлять здесь своих верблюдов. После смерти Шаима крепость стала носить его имя —«Шаим-кала». А вот третья, не менее интересная, легенда. Во время одной из войн Абдулла-хана с бухарским эмиром, Абдулла-хан с войском был окружен эмирскими войсками и, таким образом, лишен продовольствия и питьевой воды. На помощь ему пришел один богатый человек Шаим, который снабжал войска Абдулла-хана продовольствием и питьем. Благополучно выйдя из окружения, последний предложил Шаиму любое вознаграждение; тот пожелал иметь крепость, и его просьба была немедленно удовлетворена. Крепость эта после смерти Шаима получила его имя — «Шаим-кала».

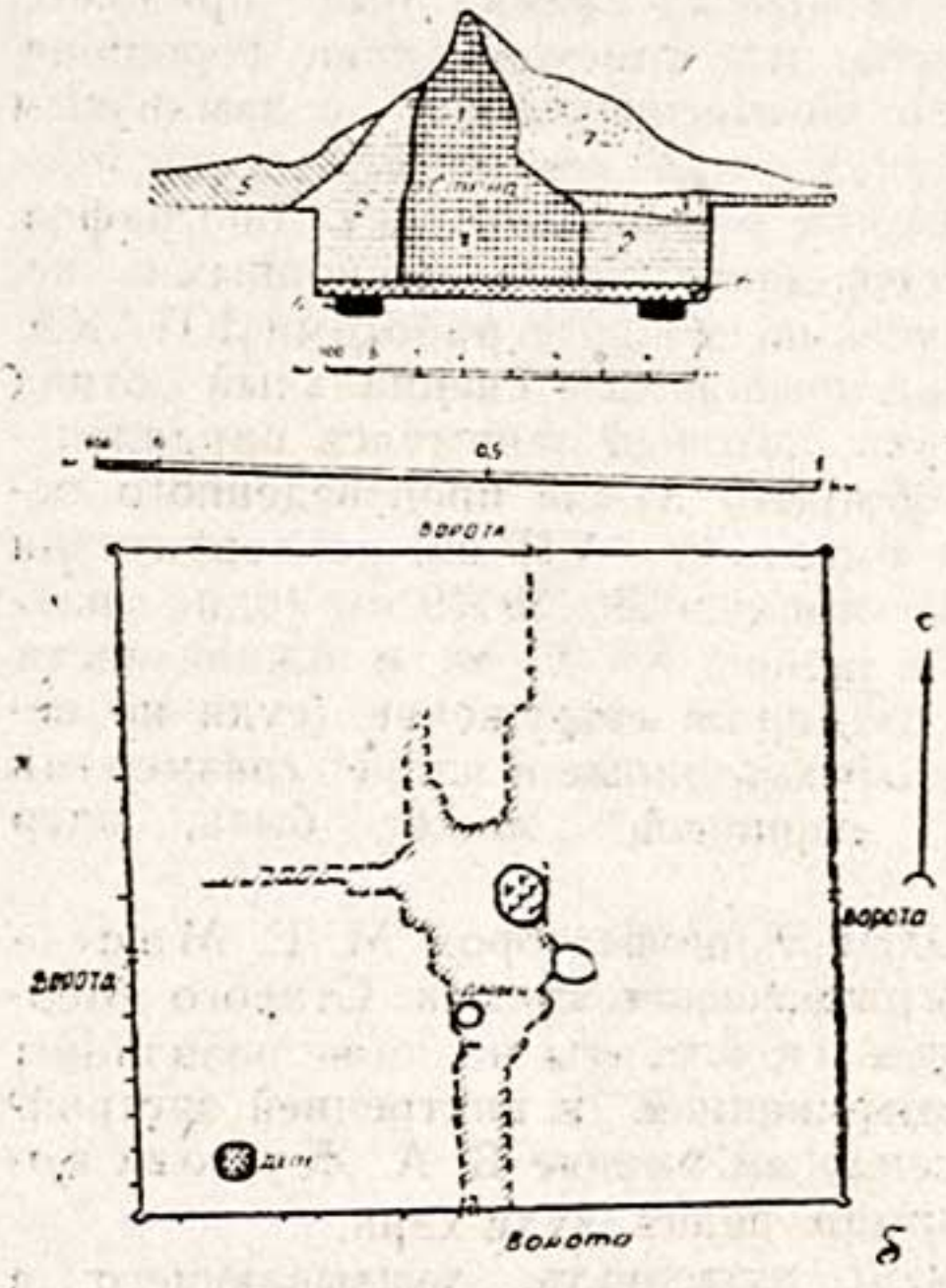


Рис. 1. а) Разрез северной стены; *1*—пахса; *2* — оплыв пахсы; *3* — рыхлый натечно-надувной слой; *4* — мелкий желтоватый песок; *5* — уплотненный слой песка с глиной; *6* — погребенная пахса; *7* — надувной песок; б) План Шаим-калы.

Таким образом, в одном случае о времени строительства говорится как о чем-то очень неопределенном; в другом — возведение Шаим-калы отнесено ко времени, когда ядром Мерва была теперешняя Гяур-кала; в третьем—к эпохе Абдулла-хана. Одно неизменно, во всех случаях слово «Шаим» — основа названия развалин — фигурирует в качестве имени человека. Хотя теперь такого имени у местных туркмен встретить не удалось, но оно бытовало прежде в Средней Азии[15], в качестве же топографического названия слово встречается неоднократно[16]. На наши постоянные просьбы объяснить значение слова, местные жители отвечали, что оно происходит от персидского «шах», но затем перешло в имя и приобрело свою настоящую транскрипцию — Шаим. Такое объяснение очень близко к одному из толкований В. А. Жуковского, по которому слово возникло в результате искажения персидского «Шахи-кала» شهی قلعه — царская крепость[17].

В настоящее время сохранилась только западная часть городища, восточная — почти до линии южных и северных ворот снивелирована под поле расположившимся здесь совхозом. После некоторой реконструкции, произведенной на основании плана М. Е. Массона и нашей съемки, объект выглядит так: в плане это четырехугольник, по форме

близкий к квадрату, площадью 1,28 км², ориентированный сторонами по сторонам света с поворотом на 3° влево, с прямыми углами на южном фасе, что же касается углов на северном фасе, то северо-западный на 1,5° меньше, а северо-восточный—больше прямого. По периметру городище обнесено пахсовыми стенами и имеет проемы для ворот на всех четырех фасах, причем, каждые из противолежащих ворот смещены относительно друг друга, а все — относительно осей четырехугольника: северные — к востоку на 115 м, южные — к западу на 25 м, западные — к югу на 125 м, восточные — к югу же на 25 м. Стены фланкированы ложными бурджами-контрфорсами толщиной до 2 м, длиной 1,5—1,7 м, остатки которых сохранились ныне на западной и южной стенах (рис. 2). На северном фасе проследить их не удалось из-за мощного слоя надувного песка и оплывов со стены, отложившихся по всей длине ее; на восточном имеются остатки одной бурджи. Лучше всего они сохранились в южной части западной стены (рис. 3), где располагаются через каждые 50—55 м, при этом к северу расстояния между ними увеличиваются до 200 м. Очевидно, первоначальные ложные бурджи-контрфорсы фланкировали все четыре стены и располагались с интервалами в 50—60 м.

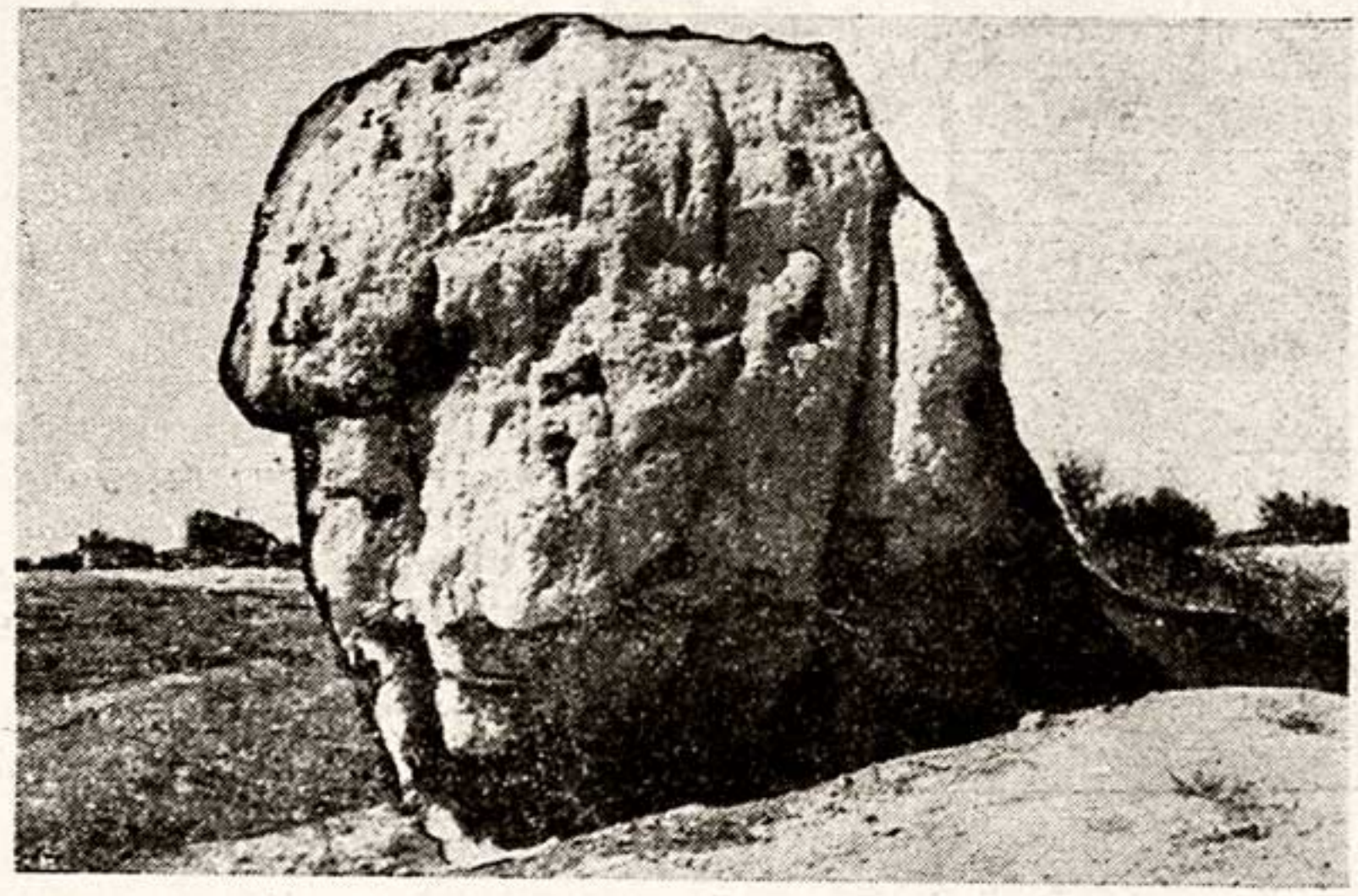


Рис. 2. Бурджа-контрфорс.

Круглые в плане угловые башни, выступая за линии стен до 5,6 м, имеют внутрибашенные пространства, соединяющиеся с внутренней частью городища посредством угловых по расположению проходов.

В направлении северных и южных ворот проходит основная линия внутренней застройки с небольшим ответвлением в середине к западу, которая возвышается над уровнем остальной поверхности на 0,5—3 м. Восточная часть ее по всей линии север.— юг уничтожена при нивелировке поля, поэтому план и размеры внутренней застройки могут быть установлены лишь с приблизительной точностью. Примерно в центре ее находится ныне не функционирующее кладбище, известное среди местного населения под названием Казак-мазар. По словам жителей здесь хоронили казахов окрестных сел, причем, последние погребения совершены в 40-х и даже 50-х годах XX столетия. Остатки отдельно стоящей постройки к юго-востоку от него дают жженые кирпичи и ке-

рамику XI—XII и даже самого начала XIII в. Южнее кладбища, в 115 м от него, лежат руины квадратного в плане сооружения, со стороной около 45 м, возвышаясь над остальной поверхностью до 1 м, и занимая, таким образом, главенствующее положение в общем комплексе внутренней застройки. Здесь же сконцентрировано большое количество наиболее выразительного подъемного керамического материала XI—XII вв. Очевидно, в этом месте располагались центральные сооружения.

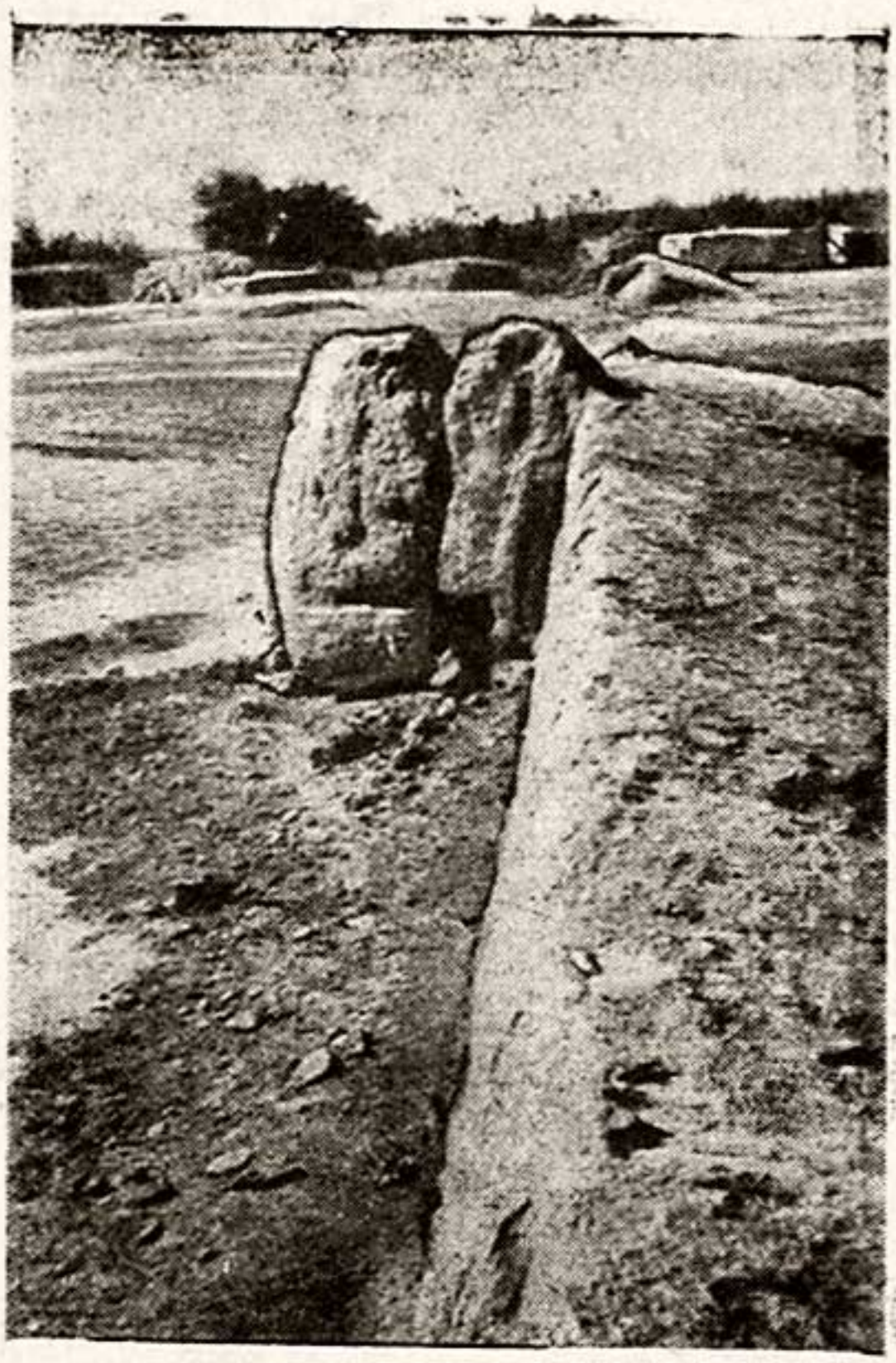


Рис. 3. Бурджа на южном фасе.

В юго-западном углу городища на тепе, высотой до 4 м и размерами по основанию 40×45 м, собран подъемный материал XI—XII вв., который определяет лишь наиболее поздние размытые слои; судя по общему виду, оно в своей основе, несомненно, имеет более древние наслоения, а в XI—XII вв. было использовано в качестве базы под постройку. Считаем необходимым привести описание подъемного керамического материала, собранного с территории внутренней застройки[18].

1. Два фрагмента боковин и три фрагмента прямых венчиков, покрытые белой и желтой ишкорной поливой, по которой нанесен черной краской растительный и геометрический орнамент. Могут быть определены IX—X вв.[19]

2. Плоскодонная пиала с белой поливой имеет аналогии в керамике Мерва X—XI вв.[20]

3. Массивный отогнутый наружу венчик тагора относится к X—началу XI в.[21]

4. Два фрагмента донец и боковина. По грязно-белой поливе нанесен орнамент красной и черной красками, на одном из донец вихревая розетка. Подобные сочетания цветов встречаются в керамике Мерва X—начала XI в.[22]

5. Фрагмент боковины, покрытый белой поливой, по которой темно-коричневой краской нанесен эпиграфический орнамент. Характер орнаментации находит аналогии в керамике X—начала XI в.[23]

6. Небольшие группы поливной керамики — в основном боковины, но имеются и венчики пиал, чаш и кувшинов, плоские донца, с цветами поливы от бело-зеленого до темно-зеленого, преимущественно без орнамента. Может быть отнесена к XI в.[24]

7. Несколько боковин, где по бело-зеленому с оттенками фону процарапан подглазурный геометрический и растительный орнамент, который иногда обведен красками: болотного, темно- и светло-зеленого цвета. По характеру орнаментации и сочетанию красок могут быть определены XI в.[25]

8. Штампованная сероглиняная очень хорошего качества керамика

насчитывает около десятка черепков. Характер орнаментации геометрический и стилизованный растительный, в одном случае, возможно, эпиграфический. В пору развитого феодализма этот тип керамики в Мерве бытовал с конца XI по начало XIII в.[26]

9. Два фрагмента венчиков чаш-тагора отогнуты наружу и венчик горшкообразного сосуда сильно отогнут наружу в виде клювика; орнаментированы процарапанными концентрическими кругами. Находят подобие в керамике XI—начала XIII в.[27]

10. Несколько фрагментов керамики на кашинной основе с голубой поливой датируются концом XII—началом XIII в.[28]

11. Размеры подъемных жженных кирпичей в см:

17×17×3	21×21×3,5	25,5×2×6
? × ?×3	22×22×3,5	27 ×27×5,5
18×18×4	25×25×4,5	28× ?×6
20×20×3,5	25×25×5	28,5×?×6

Большинство приведенных размеров укладывается в шкалу XI—XII вв.

Итак, большая часть подъемного материала относится к XI—началу XIII в.

Таким образом, внутренняя застройка, занимающая едва ли 0,1 часть площади городища имеет слои XI—XII в., причем, как было показано, подавляющая часть подъемного материала относится именно к этой эпохе. И другое: теперешняя площадь внутренней застройки близка по размерам к площади обжития Шаим-калы в XI—XII вв., так как интенсивное обживание района временно затихает в начале XIII в., а это значит, что отсутствуют позднейшие перекрывающие наслоения. Поэтому дошедший до нас археологический микрорельеф в своих верхних слоях должен отражать территорию, занятую постройками в XI—XII вв. Погрешности могут быть допущены если не учесть позднейших разрушений микрорельефа, безусловно имевших место, но они затронули лишь второстепенную часть Шаим-калы, и даже в этом случае здесь можно распознать наличие огромной незастроенной площади, занимающей чуть ли не все пространство к востоку от центральных развалин. К тому же приведенные выше описания городища, восходящие в отдельных случаях к концу прошлого столетия, отмечают отсутствие сколько-нибудь значительной внутренней застройки. Итак, можно считать, что стена Шаим-калы первоначально была возведена не вокруг густозаселенного, развивающегося города или селения, а скорее ограживала полупустую часть сельскохозяйственного предместья Мерва.

Лагерные стены, сложенные из пахсы, высота рядов которой 1—1,2 м, лучше всего сохранились на южном участке западной стены, где прослеживается до пяти рядов пахсы. Стена довольно сложно профилирована: внешняя плоскость основания, возвышающегося на 1 ряд пахсы, очень хорошо сохранилась у северо-западной угловой башни (рис. 4) и подкошена по отношению к горизонтали на 55°[29]. Внутренние плоскости основания и стены над ним здесь же совпадают и подкошены на 77°30′, в месте же разреза северной стены с внутренней стороны имеется «шлейф» на высоту одного ряда пахсы, создающий дополнительную мощность в 1 м. Очень неплохая сохранность этого участка вызвана отсутствием позднейших разрушений, доказательством этому служат нетронутые оплывы пахсы, покрытые слоем надувного песка, отложившегося позднее, возможно, даже частично в пору кризиса XVIII в. И совсем по-другому протекали эти процессы у северо-западной угловой башни (рис. 5). В результате ирригационных работ на при-

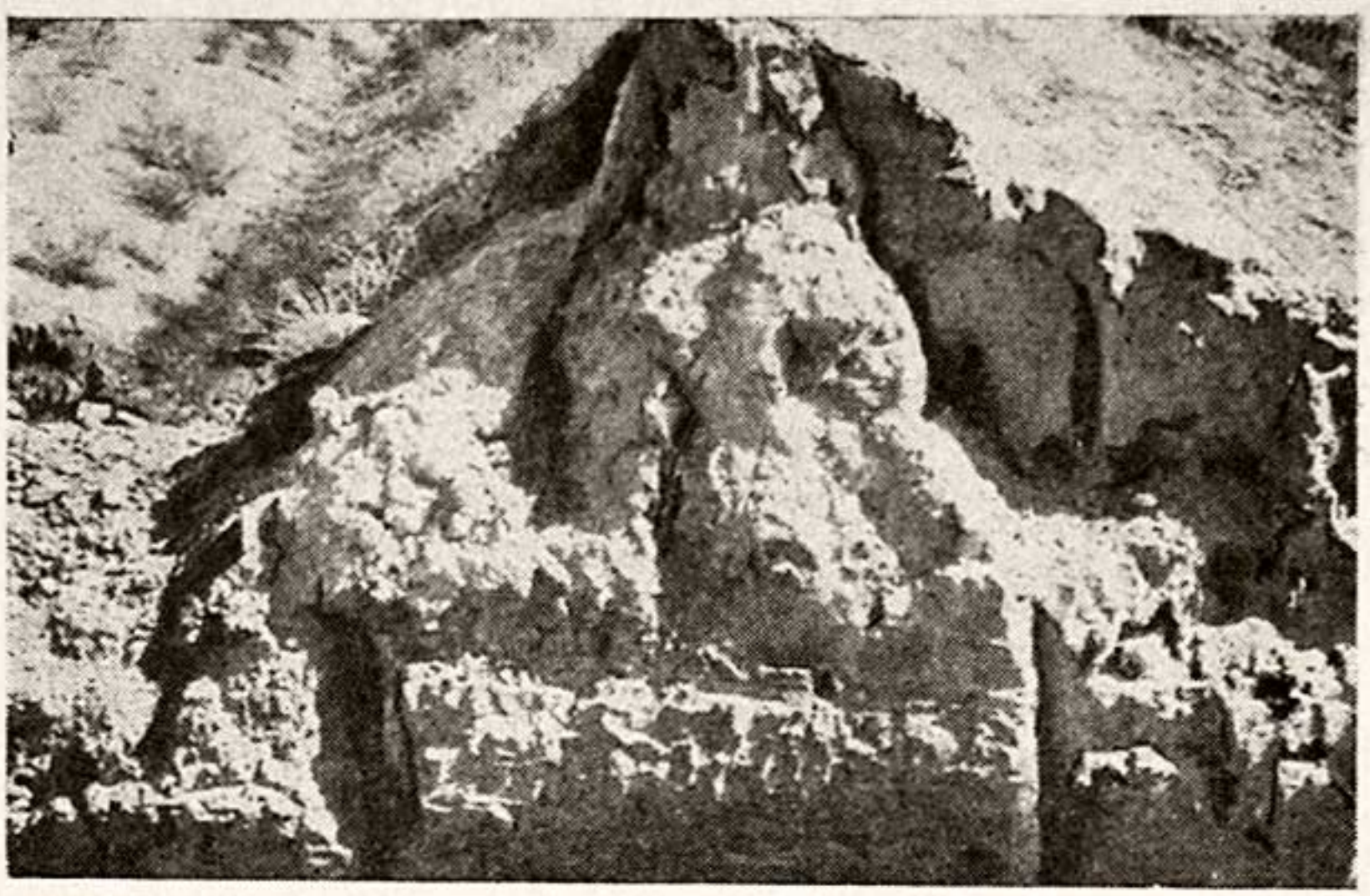


Рис. 4. Разрез северной стены.

усадебных участках, подступающих непосредственно к стене, были уничтожены не только накопления у стены, но, очевидно, и нижняя часть внутренней плоскости ее. Следовательно, вполне возможно, что первоначальная толщина основания стены была около 5 м. Над основанием она сужается до 2,5 м, а плоскости подкошены совершенно одинаково. Следует отметить, что определение уклона плоскостей произведено при допущении равномерного их разрушения, а это значит, что дошедшие до нас плоскости не являются первоначальными, но могут быть близкими к таковым. Высота стен в реконструкции, произведенной на основании полученных таким образом наклонов плоскостей ее, должна составлять 6 м, первоначальная же высота стен была несколько больше, так как уклон их плоскостей определен без учета несомненно имевших место разрушений.

При неоднократных обходах городища и в процессе разреза северной лагерной стены получен комплекс нумизматических и керамических материалов[30]. Поскольку весь материал, попавший в пахсу, переотложен, в датировке может участвовать только наиболее поздний, каковым должно считать комплекс керамики IX—XI вв.:

1. Два прямых венчика и донце с ишкорной поливой на них. Могут быть датированы IX—X вв.

2. Фрагмент боковины и плоское донце, покрытые белой поливой, на внутренней стороне которых по глазури нанесен черными красками растительный орнамент. Подобные сочетания цветов и характер орнаментации встречаются в керамике Мерва с конца X по XI в.[31]

3. Три фрагмента керамики расписаны растительным орнаментом, нанесенным желтовато- и темно-зелеными красками по светло- и темно-зеленому фону.

Таким образом, весь керамический комплекс, насчитывающий всего несколько фрагментов, дает время IX—XI вв. И следовательно, отбрасывая опять-таки ранний материал, можно считать, что наши стены построены не ранее XI в.

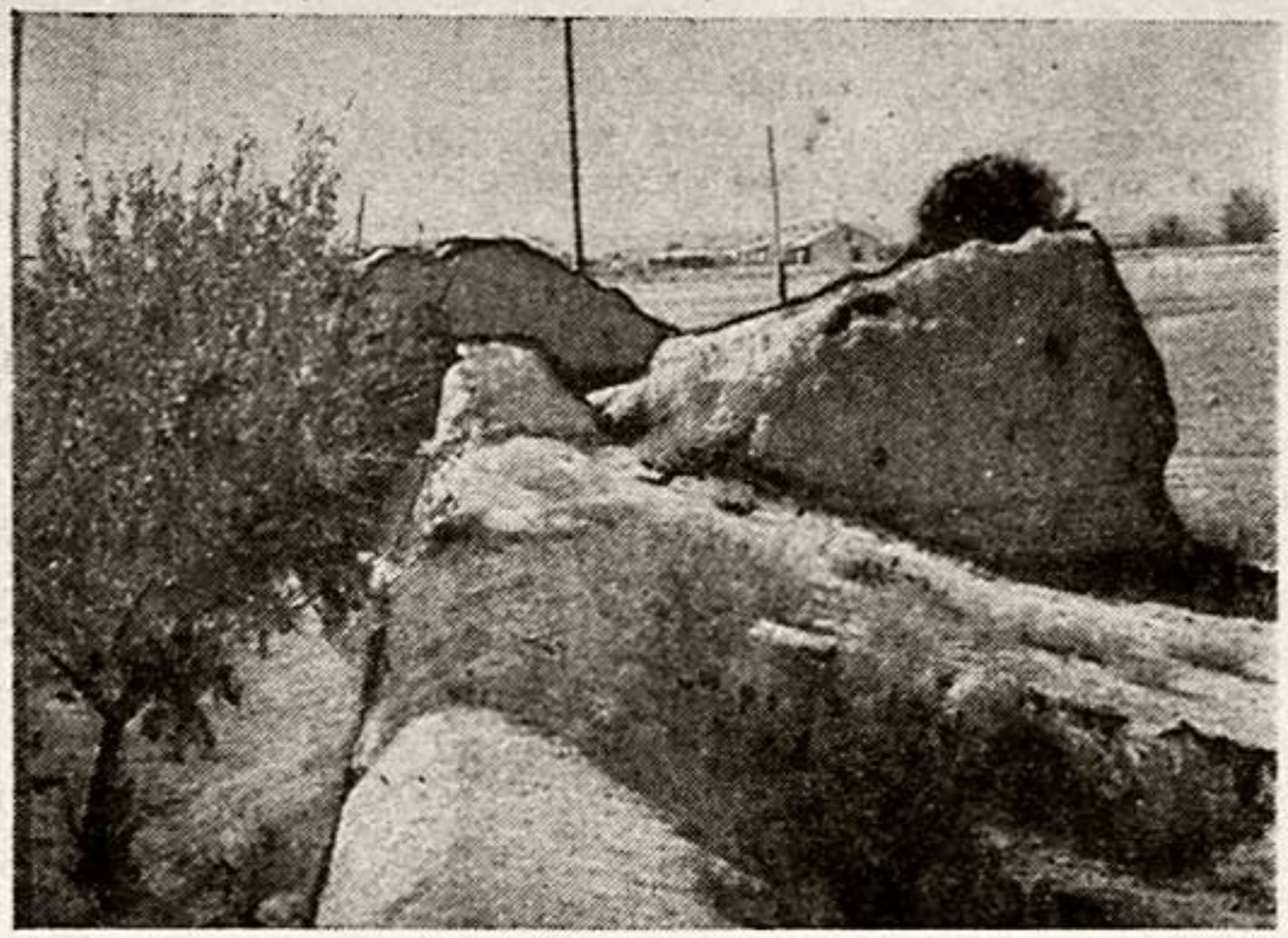


Рис. 5. Северо-западная угловая башня.

Северо-западная угловая башня (рис. 6)[32] диаметром 9,95 м и толщиной стен по основанию 1,75 м поставлена на монолитную платформу, сбитую из смоченной глины. Платформа утрамбована гораздо слабее лагерных стен. Она возвышается над уровнем оснований лагерных стен на полтора метра, а ее поверхность, служившая полом внутрибашенного пространства, понижается к проходу на 3°. Это понижение поверхности пола, возможно, связано с неравномерным его износом. Башенные стены сложены из крупноблочной пахсы с размерами блоков 1,70 м при высоте ряда 1,50 м. Швы в кладке регулярно перевязаны, и каждый из них приходится на середину выше- и нижележащего блоков. Башенные стены соединяются с лагерными «впритык», а швы между ними получились наклонными за счет внешних плоскостей лагерных стен, в толще которых сделан проход, по расположению в четырехугольнике лагеря — угловой, имеющий ширину в глубине внутрибашенного пространства 1,75 м, а с противоположной стороны — 1,40 м. Из лагеря во внутрибашенное пространство ведет пандус под углом 25° к горизон-

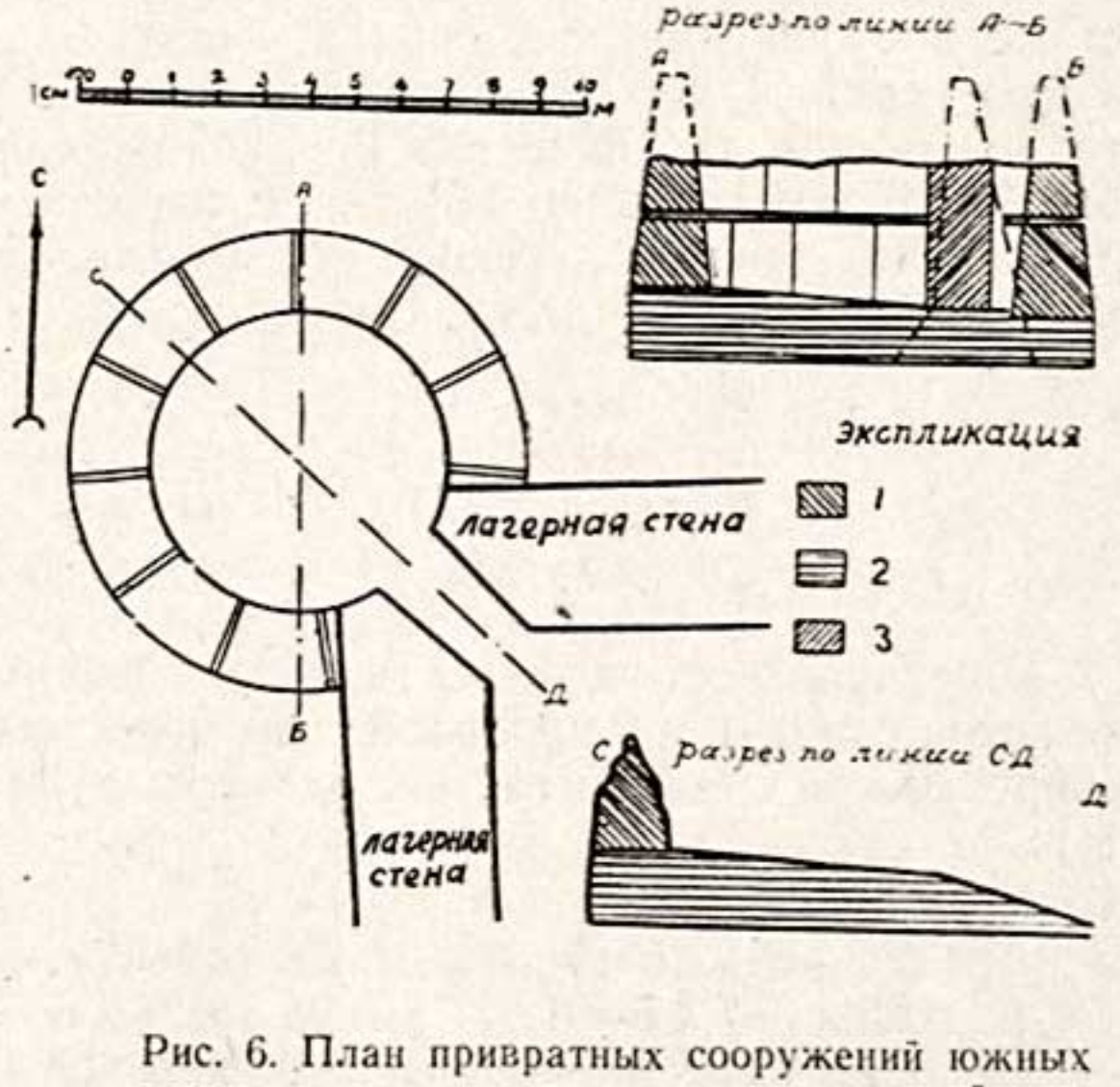


Рис. 6. План привратных сооружений южных ворот; план и разрезы северо-западной угловой башни.

тали. По высоте башенные стены должны быть не менее лагерных, а это значит, что их минимальная высота составляет 4,5 м. Если учесть возможную погрешность в определении высоты лагерных стен, то необходимо допустить, что первоначальная высота башенных стен была более 4,5 м. При вскрытии северо-западной угловой башни, заполнение которой оказалось незначительным по мощности, встречено небольшое количество керамики: несколько черепков, главным образом боковин, не дающих форм, покрыты белой поливой, на двух из которых нанесен орнамент черной и красной красками. Они дают дату X—XI вв.[33] Два фрагмента боковин покрыты грязно-зеленой и зеленовато-синей поливой без орнамента, которые в сочетании с приведенным выше материалом могут указать на время X—начало XIII в.; IX в. отпадает, так как лагерные стены построены не ранее XI в., остается XI — начало XIII в.

Следовательно, время постройки, функционирования и запустения башни приходится опять-таки на пору XI—начала XIII в. Необходимо оговорить лишь, что выводы базируются на очень незначительном количестве фактического материала.

Допущения о высоте башенных стен никак не могут быть оправданы наличием 4,5-метрового по высоте одноэтажного внутрибашенного помещения, так как в этом случае башня как фортификационная деталь при отсутствии бойниц теряет всякий смысл. Поэтому нужно предположить два этажа: первый из них мог выполнять роль караульного помещения и джувахана[34], второй должен был служить дозорной площадкой, возможно, открытого или полуоткрытого типа. Межэтажное перекрытие, очевидно, было в виде легкого деревянного настила, а на второй этаж, должно быть, вела легкая передвижная лестница[35]. Из трех других угловых башен — две до нашего времени не дошли, но, вероятно, все они были аналогичными описанной.

Вскрытие сооружений у южных лагерных ворот (рис. 6), произведенное в очень короткий срок и выполненное главным образом с помощью серий шурфиков, заложенных после уяснения общепланировочных принципов для проверки предположений о планировке комплекса, позволило выявить общий план привратных сооружений. «Черновой» 10-метровый проем в лагерной стене сужен до 5 м с помощью 2-метровых по ширине устоев арки, сложенных из жженых кирпичей размером в см:

25 ×?×5	26 ×26×?	
25,5×?×5	26,5×? ×5—6,5	
26 ×?×5,5	26,5×26×6,5	27,5×27×5,5

В верхней восточной части, если говорить о западном устое, там, где устой сливается с продолжением суфы, сырцовые кирпичи положены «вперемежку» с жженными. Их размеры в см:

Сырцовые		Жженые
24—25×25×?	25 ×26×?	25,5×?×5
25× ?×4,5—6	25,5×26×6	26 ×?×5
24×25,5×5	26 ×26×?	27 ×?×5
25×25 ×?	26 ×26×5,6	27 ×?×6

По сторонам 10-метрового проема располагаются удлиненные по линии лагерной стены помещения 4,5×3,75 м — джувахана, их всего два. Южную часть помещений занимали суфы шириной 2,65 м, роль которых выполняют заниженные до 90 см участки лагерной стены. Стены помещений толщиной до 75 см над лагерной стеной выложены

из жженых и сырцовых кирпичей вперемежку, причем южные плоскости их стоят «под закрой» с южной плоскостью лагерной стены. Джувахана частично надстроены над ней, а большую часть занимают широкие суфы. Размеры кирпичей в стенах джувахана в см:

Сырцовые	Жженые
25 ×?×?	26,5×?×5
26 ×?×5,6	26,5×?×6
27 ×?×?	
25,5×?×5	27 ×?×5

Стены сложены комбинированной кладкой: два пояса из жженых кирпичей по три ряда в каждом, между которыми 12 рядов сырца. Над верхним поясом жженой кладки идет опять сырец, от которого сохранилось пять рядов. Вход в западное помещение мог осуществляться с северо-восточного угла, в восточное — с северо-западного на северных стенах — это почти несомненно, хотя проемы за незначительностью остатков стен по высоте не были обнаружены.

Предположение обоих местонахождений основано на следующем. На южных стенах проходов не могло быть, потому что они внешние, к тому же они вскрыты полностью; то же самое относится и к отрезкам стен, идущим к югу от арочных устоев; стены, ограничивающие комплекс привратных сооружений с запада и востока, вскрыты полностью и проходов не имеют; северная стена в западном помещении вскрыта на участке до стены, ограничивающей комплекс с запада и идущей к северу от джувахана. Остается отрезок северной стены длиной в один метр у северо-восточного угла западного помещения за стеной, ограживающий комплекс с запада. Точно также, очевидно, было и с восточным помещением, потому что обе эти половины привратных сооружений, как показали раскопки, абсолютно симметричны и в деталях повторяют друг друга. Вход в джуванхана осуществлялся через суфы, расположенные в глубине проема ворот за устоями по линии север-юг, длиной 5,5 м, шириной 3 м. Обе суфы приложены соответственно западной и восточной сторонами к 55-сантиметровым по ширине стенам, длиной около 10 м каждая, ограничивающим проезд с запада и востока. Стены сложены из сырцовых и жженых кирпичей вперемежку. Размеры жженых кирпичей в см:

25 ×?×5	26 ×?×5,5
25,5×?×5,5	26,5×?×5,5
25,5×?×6	27,5×?×5
26 ×?×4,5	27,5×?×5,5

Реконструируя суфы по их остаткам, можно предположить, что они были высотой в 13 рядов из жженого кирпича, что составляет около 1,1 м; размеры кирпичей восточной суфы 25×?×5 см, 26×?×5 см, 26,5×?×5 см.

Въезд венчала арка с пятиметровым пролетом, опиравшаяся на устои, она была сложена из жженых кирпичей на алебастровом растворе. Часть упавшей арки обнаружена у западного конца восточного устоя, толщина швов в кладке 2—5 см, размеры кирпичей в см:

25,5×26 ×6	26×?×6
25,5×27,5×6	27×?×6
26 × ?×6,5	27×26×6

При вскрытии проема ворот по линии арочных устоев встречено множество кусков алебастрового скрепляющего раствора и жженых кирпичей с его остатками размером в см:

25,5× ?×6	27 × 27×5
26 × 26×6	27 × ?×5,5
26 × ?×7	27 × ?×6
26,5×26,5×5,5	27,5×27,5×6,5
26,5×26,5×6 см	28 × ?×5

В других местах кладка на алебастровом растворе отсутствует, очевидно, он применялся в наиболее ответственных участках, одним из которых является арка.

Несколько слов о назначении деталей комплексов. Боковые помещения определены как джувахана, потому что их интерьеры устроены очень необычно и трудно объяснимы с точки зрения применения их для других целей. Большую роль интерьеров занимают суфы для оружия и прочих боеприпасов, оставляя на севере неширокие, немногим более одного метра коридорообразные проходы. В комплексе привратных сооружений, где безусловно несли караульную службу, необходимость в такого рода подсобных помещениях должна быть несомненной, а их местонахождение не только соответствовало назначению, но выбор его тщательно продуман. С одной стороны, близость их к караулу, а это обеспечивало как охрану находящегося там оружия, так и возможность быстрого его использования, с другой, — изолированность от постороннего взгляда. Поражают вместе с тем учет территориальной экономии и чрезвычайная простота конструкции. Суфы в проезде могли предназначаться для помещения на них смены караула, а своим расположением непосредственно у прохода, подступая к нему с двух сторон, они как нельзя лучше отвечали своему назначению — охранять его. Идущий по линии проезда хорошо просматриваемый 13-метровый по ширине коридор, образованный стенами, располагающимися позади суф и уходящими в северном направлении, — безусловно, необходимая деталь, которая при многочисленных каждодневных проездах войск как бы предупреждает выезжающих о необходимости перестроиться, создает зону для наблюдения караулу и этим облегчает его задачу.

Таким образом, необычайно простой по замыслу комплекс привратных сооружений планировочно закончен и имеет все необходимые атрибуты.

За годы работы ЮТАКЭ разработана уже достаточно дробная хронологическая шкала размеров кирпичей для всех эпох и многих районов Туркменистана. При раскопках южных привратных сооружений нами произведено более 70 промеров, что количество дает достаточный материал для обоснований датировки, тем более, что наряду с жженными кирпичами, которые часто добывались со старых развалин, в строительстве участвовали сырцовые, факт же вторичного использования последних менее вероятен. Общий модуль как сырца, так и жженого кирпича — квадрат:1:1:1/5: 1/6, при стороне квадрата жженых — от 25 до 28 см, сырцовых—от 24 до 28 см, и толщине соответственно: от 4,5 до 7 см и от 4 до 7 см.

Размеры кирпичей, обнаруженных при вскрытии южных привратных сооружений Шаим-калы, полностью укладываются в хронологическую шкалу размеров XI—XII вв. для архитектурных памятников Мерва и его округи.

В 1962 г. на месте предполагаемых северных ворот расчищена кладка из сырцовых и жженых кирпичей, которая, судя по расположению,

может быть принята за одну из стен западной джувахана. Общий характер микрорельефа культурных наслоений здесь дает некоторые основания считать оба комплекса (северный и южный) аналогичными в планировочном отношении. Северные и южные ворота располагались на основной линии внутренней застройки, что соответствует направлению главных дорог из Южного Хорасана на Амуль и далее в Мавераннахр, очевидно, поэтому оформлены более парадно.

В фортификационном отношении Шаим-кала не представляет исключение из ряда построек этого времени. Примерно так же выглядели цитадель Ахура[36] и входившая в комплекс укрепленного поселения крепость у поселка Иляклы[37], занимающая площадь свыше 1,5 га, стены которых имели угловые башни с промежуточными бурджами. Сложение города с цитаделью Ахура восходит к X в., а на городище Иляклы встречается подъемный материал IX—X и до XIV вв. Возведенная в IX в. стена Хурмузфарра[38], в XI—XII вв. Абиверда[39] были фланкированными бурджами с башнями по углам. В конце правления халифа Абдаллаха ибн Тахира[40] построен рабат Фарау[41], площадью около 9 га, внешние стены которого укреплены угловыми башнями и промежуточными бурджами. Такие же архитектурно-планировочные принципы присущи некоторым караван-сараям, например, караван-сараю в Хурмузфарре[42], сохранившемуся лучше других.

Этим очень коротким перечнем далеко не исчерпывается круг аналогий нашему памятнику в фортификационно-планировочном отношении, который можно было бы расширить и территориально и по времени.

Несомненно, имея много общего с фортификацией синхронных ей памятников, Шаим-кала отличается от них бо́льшими размерами, что не могло не сказаться на ослаблении ее укреплений. Очень незначительная толщина стен не дает возможности защищать их с помощью банкета, следовательно, более чем на 4-километровую длину стены приходится восемь активных точек. Угловые башни, больше традиционные, чем предназначенные для обороны, в силу небольшой толщины стен и отсутствия бойниц могут выполнять лишь функции дозорных пунктов; а факт существования джувахана, надстроенной над лагерной стеной в комплексе привратных сооружений, где по существу та заменена очень тонкой кирпичной стенкой, ослабляет самые уязвимые места.

Невольно напрашивается вывод, что фортификация в целом никак не предназначена, да и не смогла бы выдержать сколько-нибудь длительной осады, и, следовательно, Шаим-кала не могла быть хорошо укрепленным фортификационным сооружением, предназначенным для обороны.

Стратиграфический шурф 2×3 м, заложенный на центральных развалинах, возвышающихся над незастроенной частью до 3 м, позволил выявить два строительных горизонта (рис. 7). В основании заложения шурфа, доведенного до 4 м, лежит 15-сантиметровый слой надувного песка, который перекрывают погребенные почвы слоем 50 см. Затем идут слои, содержащие архитектурные остатки.

Первый строительный горизонт залегает на глубину до 3,35 м, включает архитектурные остатки в виде пахсовых стен и характеризуется III и IV уровнями полов, залегающих на глубине соответственно 2,20—3,30 м. Планировка вскрытого участка полностью совпадает с планировкой II строительного горизонта, а стены последнего надстроены над пахсовыми. Каждый из уровней полов составляет строительный период. В заполнении частью натеки с песком, частью завалы строительного мусора. В основаниях стен положен ряд сырцовых квадратных кирпичей со стороной 39 см при толщине 10—11 см. Строение из такого же

кирпича на Шаим-кале было отмечено VIII отрядом ЮТАКЭ[43]. Подобные размеры кирпичей в строительстве Мерва встречаются с III по VI—VII и даже в VIII в. Небольшое количество очень невыразительной керамики из этого слоя представлено серовато-зеленоватыми боковинами, уплощенными ручками, несколькими донцами и венчиками. Дошедшим до нас черепкам почти невозможно подобрать сравнительный материал, но по качеству и некоторым другим признакам их можно отнести к V—VII вв. С большой долей условности слой можно определить временем VI—VII вв.

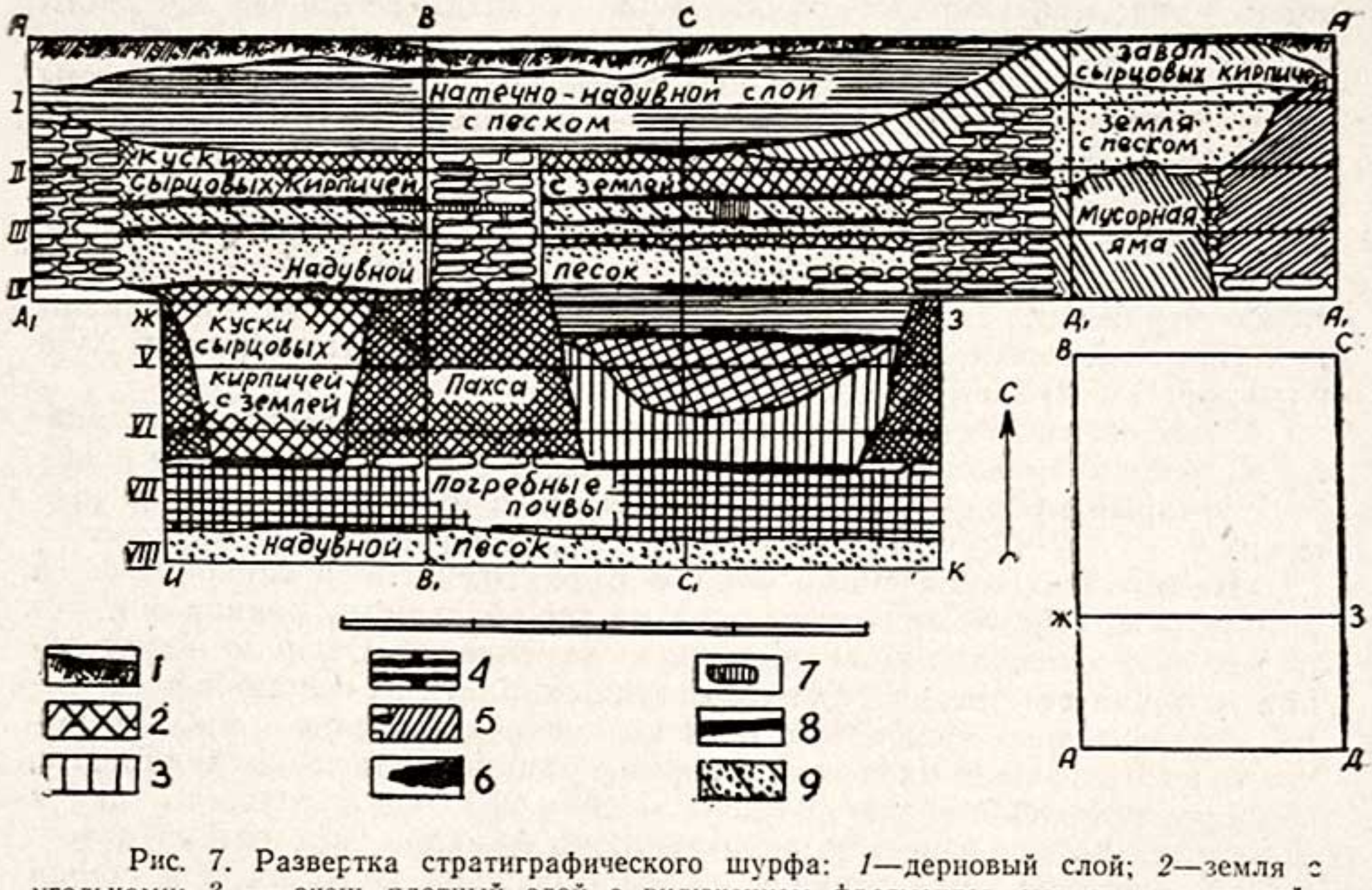


Рис. 7. Развертка стратиграфического шурфа: *1*—дерновый слой; *2*—земля с угольками; *3* — очень плотный слой с включением фрагментов сырцовых кирпичей; *4*—кладка из сырцовых кирпичей; *5*—разрушенная часть стены из сырцовых кирпичей; *6*—зола; *7*—жженые кирпичи; *8*—промазка пола; *9*— земля с золой.

Второй строительный горизонт, залегая на глубину до 1,90 м, включает архитектурные остатки в виде стен из сырцовых кирпичей и характеризуется I, Ia, и II уровнем полов, залегающих соответственно на глубине: 1,20; 1,40 и 1,90 м. Стены толщиной 0,8—1,1 м, пересекаясь под прямым углом в южной части площади заложения, уходят одна — в северную, другая — в восточную и западную бровки раскопа. Они повернуты в ориентации влево на 17°, сложены, как указывалось, из сырцовых кирпичей размерами 34×?×9 см, 35×?×7 см, 35×?×9 см, 37×22×9 см, ?×19×8 см, 35×?×10 см, ?×20×8 см. Три уровня полов, с разницей высотных отметок 20—50 см, представляют практически три строительных периода, которые надлежит рассмотреть в хронологической последовательности.

К первому из них должен быть отнесен II уровень полов и описанные выше кирпичные стены, заканчивающиеся на уровне пола. К северной плоскости стены, идущей в восточном направлении, впритык примыкает суфа шириной 80 см, сложенная из сырцовых кирпичей таких же (размером), как и в стенах. От суфы сохранилось два ряда кладки. Заполнение состоит из слоя надувного песка, в юго-восточной части — мусорная яма. Керамики очень мало.

Второй период характеризуется Iа уровнем полов и остатками стен. В северо-восточной части шурфа вскрыт квадратный в плане очажок, сложенный из жженых кирпичей, размером 24×12×4 см, поставленных на ребро. В северной части стены, уходящей под северную бровку, на глубине 1,37 м встречена выстилка из жженых кирпичей, размерами 18×18×3 см, 19×19×3 см, 20×20×3 см, 30×30×3 см, 31×31×3 см.

В квадратное отверстие, устроенное в середине выстилки, вставлен кувшин с пробитым дном горловиной вниз. Под ним остатки кабура, уходящего наклонно в северную бровку. Верхняя часть его имеет вырезку, предназначенную, очевидно, для подсасывания воздуха и поглощения скоплений влаги. Длина звена 36 см, толщина стенки 1 см, диаметры соответственно, верхний и нижний 7,5 и 4,8 см. Черепок в изломе желтовато-белый, тесто белое хорошей отмучки, обжиг ровный. Совершенно несомненно, что выстилка составляет одну из частей влагопоглощающего устройства. Таким образом, в один из периодов стена, идущая в направлении север-юг, во всяком случае в северной части заложения, была разрушена, а на этом месте построено влагопоглащающее устройство. В заполнении надувной песок с землей, в юго-восточной части шурфа бровка его прорезает мусорную яму с характерным рыхлым заполнением, причем керамики встречается очень мало.

Керамический материал в слое, содержащем архитектурные остатки II строительного горизонта, малочисленен и не дает комплекса по формам.

Четвертый ярус. Керамика представлена в основном хумными фрагментами, боковинами, практически не дающими даты, характерно полное отсутствие поливной керамики.

Третий ярус. Широкогорлый кувшин без покрытий с горлом в виде раструба, плавно переходящим в сужающееся к плоскому донцу вместилище, может быть датирован X—началом XI в. Венчик, покрытый зеленовато-белой плохого качества поливой, и поливная боковина с росписью коричневой краской по белому фону, очевидно, относятся к этому же времени.

Второй ярус. Здесь обнаружена основная масса поливной керамики — 11 фрагментов, из них четыре венчика чаш, остальные — боковины. Полива по большей части белая, но встречаются оттенки: зеленоватый, желтый и красный, орнаментация отсутствует. Восстановленная форма одной из чаш датируется XII—началом XIII в.

Первый ярус. Встречается поливная керамика, по большей части боковины, с мутнобелым и зеленоватым покрытием, которая по качеству поливы условно может быть отнесена к концу XII—началу XIII в. К этому же времени относится и восстановленная форма пиалы[44].

Второй строительный горизонт, содержащий керамические материалы X—начала XIII в., должен быть признан основным слоем внутренней застройки, синхронным по времени укреплениям Шаим-калы и представляющим в основе остатки построек XI—XII вв. Скудность материала в шурфе указывает еще раз на специальное назначение построек. Слой XI—начала XIII в., являясь основным, содержит архитектурные остатки, синхронные укреплениям городища, составляющие внутреннюю застройку последнего. Это подтверждает подъемный керамический материал, большая часть которого относится также к XI—началу XIII в.

В начале XI столетия Мерв в качестве наместничества входил в государство Газневидов, которые в это время ведут безуспешную борьбу против поднимающихся сельджуков. О строительстве укреплений Шаим-калы в это время не может быть и речи, потому что даже вновь складывающееся ядро Мерва к западу от старого города на канале

Маджан не имелс стены, которая была построена лишь во второй половине XI в. (при Алп-Арслане и Мелик-Шахе). Остается вторая половина XI—начало XIII в., из них нескольким больше столетия правят «Великие сельджуки», в середине XII в. Мерв подвергся страшному разграблению со стороны гузов; затем ненадолго — до завоевания монголами — устанавливается власть хорезмшахов, при которых город не получил сколько-нибудь высокого развития. Наиболее вероятным временем строительства укреплений Шаим-калы можнс считать вторую половину XI—первую половину XII в.

Несколько слов о строительной политике в государстве сельджуков. Эпоха характеризуется бурным ростом городов, «многие из которых достигают максимальных размеров. Прежде всего это относится к Мерву, бывшему резиденцией нескольких сельджукских султанов»[45]. О некоторых архитектурных памятниках последнего сообщалось выше; при Мелик-шахе (1072—1092 гг.) его городское ядро получает окончательное оформление, связанное с возведением крепостной стены, в северо-восточном углу теперешнего четырехугольника Султан-калы выделяется цитадель Шахрияр-арк, позднее достраиваются северный и южный обводы.

В результате работ ЮТАКЭ выявлено огромное количество памятников XI—XII вв. как в ядре города, так и за его пределами.

В. А. Жуковский, не говоря определенно о времени постройки Шаим-калы, считает, однако, ее лагерем войск Тули-хана, что само собой определяет верхнюю хронологическую границу[46]. Касаясь этого же вопроса, В. В. Бартольд высказал предположение, что Тули-хан мог избрать местом лагеря своих войск территорию, возможно, опустевшей к тому времени Гяур-калы, оборонительные сооружения которой послужили бы «превосходным опорным пунктом для осаждающих»[47]. Кроме того, Гяур-кала занимает более выгодное положение, находясь в непосредственной близости от объекта осады, что давало возможность осаждающим постоянно наблюдать за городом. В источниках[48] содержатся данные о количественном составе армии Тули-хана, которая насчитывала 80 000 человек, причем процент кавалерии в ней был, надо полагать, достаточно велик. Вместить такое количество Шаим-кала не могла.

Известен ряд военных лагерей арабов, некоторые из которых превратились позднее в города, ибо, кроме чисто военных функций, в стационарных лагерях часто сосредотачивалась власть управления землями округи, здесь селились люди, занятые самым разнообразным трудом.

Во время военных походов при ночном или длительных привалах, а также при остановках для боя, арабское войско сооружало лагерь, фортификация которого, как правило, состояла из рва и вала[49]. Возможно, и форма его была простейшей, напоминающей римские военные лагери.

Эпоха завоевания арабами Средней Азии и владычества их здесь дает несколько очень интересных типов постоев войск. При этом необходимо учесть, что процессы завоевания и исламизации населения были крайне трудными для завоевателей. Уже в год завоевания Мерва арабами (651 г.) в Хорасане вспыхивает восстание[50]. В 653 г. после нового восстания Мерв был завоеван вновь Абдаллахом ибн Амиром[51]. По сообщениям Табари, в 657/8 г. в Хорасане возникает еще одно крупное выступление против арабов[52]. В связи с восстанием 665 г., подавленным наместником Мерва Умейром ибн Ахмаром[53], Гардизи сообщает небезынтересные для нас сведения: «Он (Умейр ибн Ахмар—*П. Г.)* установил в качестве обычая отбирание у людей домов для войска. Причиной этого было то, что Умейр ибн Ахмар встал лагерем у

ворот Мерва в островерхих палатках. Наступил сильный холод, дехканы Мерва испугались, что Умейр и его войско погибнут от холода, и дали поэтому им место в своих домах. Когда прошло несколько дней, они пожалели о том, что сделали и хотели захватить это войско у Умейра. Это намерение возымели люди базара и городской сброд (айаран), а Бераз ибн Махуйе, который был начальником (салар) и дехканом города, узнав об этом намерении, тот час сообщил об этом Умейру ибн Ахмару... После жестокой расправы над восставшими, люди Мерва собрались, избрали посредников, обещали уплатить деньги и просили у Умейра прощения, так что он отозвал воинов, и эта смута прекратилась; после этого стало обычаем для войск отбирать дома»[54].

При совершенно определенной классовой сущности и направленности этого выступления, сообщаемые Гардизи сведения дают некоторые представления о сути самого арабского завоевания, которое, как достаточно красноречиво показывает и пример завоевания Бухары, имело две стороны: захват территорий и идеологическое приобщение покоренных народов, что вызвало бурное сопротивление со стороны последних. То же самое относится, очевидно, и к Самарканду поры арабского завоевания, где местные жители должны были совершенно покинуть город и уступить его арабам[55]. На вновь завоеванных территориях арабы предпринимают строительство укрепленных пограничных пунктов-рабатов, которые служили местом пребывания арабского гарнизона и наряду с этим выполняли различные другие функции[56]. В арабском анониме для VIII—IX вв. упоминается термин «стоять в гарнизонах»[57]. Также приведен случай, когда один йеменец, а позднее с ним и целая группа людей избирают своим занятием участвовать в набегах и стоять в гарнизонах, с этой целью они отправляются на границу[58]. Может быть в данном случае имеются в виду постои арабских войск в пограничных гарнизонах типа рабатов. Возможно, даже речь идет об укрепленной границе[59]. О строительстве рабатов в Средней Азии встречаются упоминания в арабских и персидских источниках[60]. В результате систематически проводимых по линии ЮТАКЭ археолого-топографических исследований на территории Южной Туркмении опознаны руины некоторых из них. В том числе Фарава, ему соответствует городище Парау близ Кизыл-Арвата, Мехне — городище Меана у одноименного селения, Куфен — городище Чугундор около станции Артык, Дахистан — городище Мисриан[61]. Обследование городища Шахр-ислам, расположенного в 19—20 км к северу от железнодорожной станции Бахарден, позволяет считать его рабатом[62]. В. А. Лавров отмечает для домонгольского периода, что «города на границе с кочевниками имели целую систему укреплений»[63], выделяя три типа их: рабаты, укрепленные караван-сараи и хиты — небольшие крепости, защищавшие подступы к городу. А. Н. Бернштам приводит для Таласской долины серию таких рабатов (рибатов), располагавшихся в северо-восточной части ее по линии от с. Шаповаловка (колхоз им. Буденного) по течению р. Талас до урочища Андрейтал[64].

Приведенный далеко не полный перечень дает, однако, некоторое представление о распространенности подобного рода сооружений, а так же об их устройстве. Большинство авторов[65] считают их прямоугольными в плане с длиной стороны 300 и более метров, ворота и стены часто укреплены башнями, к тому же стены иногда фланкированы промежуточными бурджами. В планировочном отношении рабаты отнюдь не занимают исключительного места, но составляют одно из звеньев общей линии развития фортификационных построек лагерного типа, уходя своими корнями в доарабскую эпоху, и имеют несомненно много общего с римскими лагерями.

Что касается непосредственно постоев войск для эпохи арабского завоевания и военных лагерей, то в доступных нам арабских и персидских источниках и в специальных исследованиях имеются очень незначительные сведения. В первой половине IX в. по распоряжению Абдаллаха ибн Тахира в предместьях Нишапура был построен военный городок—лагерь войск Шадьях[66].

Ибн-ал-Асир приводит небезынтересные обстоятельства, при которых возник этот лагерь: «...Причиной постройки было то, что он (Абдаллах) увидел красивую женщину, ведущую лошадь на водопой. Он спросил ее об ее муже, и она сообщила ему его (имя). Он потребовал его к себе и сказал ему: «Уход за лошадьми более подобает мужчинам, почему сидишь дома и пссылаешь свою жену с лошадью». Человек заплакал и сказал: «Твои притеснения заставляют нас делать это». Он спросил: «Как это?» Тот ответил: «Потому что ты размещаешь войска вместе с нами в наших домах, если уйдем я и моя жена и останется дом пустым, то солдат заберет то, что есть у нас, если пойду поить лошадь я, то я не спокоен за свою жену из-за солдата. Я решил оставаться дома и поручить жене уход за лошадью». Это дело стало невыносимым для него (Абдаллаха ибн Тахира), он тотчас ушел из города, поселился в палатках, велел войскам уйти из домов людей, построил Шадьях, как жилище для себя и своего войска (разрядка наша. — *П. Г.*) и поселился там с войском...»[67].

Легенда, вероятно, заимствованная автором у кого-то из своих предшественников, может быть, у Табари, полной редакцией сочинения которого Ибн-ал-Асир пользовался при написании своей истории, повторена позднее Якутом[68]. Скорее всего первая часть легенды отражает, если допустить наличие в ее основе реальных исторических фактов, начальную пору правления Абдаллаха ибн Тахира — в это неспокойное время возможно и даже необходимо расквартирование войск в городе, иное положение складывается в пору процветания города.

В сочинении Худуд-ал-алем упоминается еще один загородный лагерь: «Джахудан — город цветущий и изобилующий благами. Расположен у подножия горы. (Там) резиденция гузганапского князя. Он (князь) живет в военном лагере. Расстояние от города до лагеря один фарсах с половиной. Лагерь называется Дар-и-Андара. Это место, укрепленное и расположенное у подножия горы, а климат его приятнее и здоровее (климата) Джахудана «Парьяба»[69]. Вполне возможно, что эпизод отражает эпоху конца X в., так как автор, написавший сочинение, жил при дворе гузганапского князя Абу-л-Хариса Мухаммеда ибн Ахмеда и для него же в 982/83 г. начал писать свой труд[70]. Но даже в любом другом случае мы получили совершенно новый, большой доли достоверности факт бытования укрепленного загородного лагеря войск. Пребывание эмирских войск в 12—13 км, как в данном случае, за городом, а не расквартирование их в городе, можно допустить только в пору внутригосударственного спокойствия, если не принимать во внимание внешнеполитические причины и обстоятельства.

В 5—6 км к северу от Буета у деревни Ляшкари Базар в Кандагарской провинции имеются руины военного лагеря — загородней резиденции Газневидов, упоминаемые арабскими авторами под названием ал-Аскер, персидскими—Ляшкергах, которые раскапывались Французской археологической миссией в течение нескольких лет, начиная с 1949 г.[71] Возведение некоторых построек лагеря относится к концу X в., а его возникновение связано с именем одного из могущественных правителей династии Газневидов — султана Махмуда. При его преемнике — султане Масуде,

часто останавливавшемся здесь во время приездов в Буст, было возведено несколько построек[72]. Среди построек лагеря известны королевские дворцы, различные административные и военные учреждения, казармы, мечети, охотничий сад, где охотились на антилоп, и др. Лагерь был обнесен общей стеной.

Для поры правления Масуда Бейхаки упоминает в разные времена гарнизоны войск в городах Газневидского государства — в Рее, Серахсе, Гургане, Герате, Каине, Нишапуре, Мерве и др.[73]

Мы не приводим здесь довольно частых упоминаний в арабских и персидских источниках о походных лагерях, разбивавшихся при остановках в походах, а также во время сражений. Упоминания эти, как отмечалось, чрезвычайно многочисленны, но в абсолютном большинстве таких случаев не приводится описание как самого лагеря, так и его укреплений. Совершенно несомненно, что войскам в их практике походной и боевой жизни каждодневно приходилось иметь дело с постройкой такого рода фортификационных сооружений. А их общий вид, вследствие вполне определенной традиционности, почти не вызывает разноречивых мнений. В этом отношении очень интересно описание лагеря Масуда во время битвы его с сельджуками у дех-и-Базерганана: «Когда войско расположилось (на отдых) по военным правилам — в центре поместился султан, правый фланг держал салар Али, левый — старший хаджиб Сюбаши и в арьергарде Тегин Урук... с ними было много пехотинцев. Они устроили рвы вокруг лагеря и все, что возможно было сделать в целях предосторожности, сделали».[74]

Этот небольшой экскурс, доведенный по времени до завоевания Средней Азии монголами, никак не претендует на исчерпывающую полноту, но позволяет вместе с тем, сделать некоторые выводы о войсковом расположении на средневековом Востоке. Расквартирование войск в городах, часто сопряженное с отбиранием домов у местных жителей, производилось в политически неспокойное время, — как это было в Нишапуре в пору крестьянских восстаний и становления династии Тахиридов, и в особенности в период больших военных кампаний, когда желательно было не только покорение новых территорий, но и идеологическое приобщение завоеванных народов. Достаточно красноречивым подтверждением последнего служат примеры завоевания арабами Мерва, Бухары, Самарканда и др. В политически спокойное время, если города переживают подъем, в особенности становясь столичными, войска, по-видимому, не могут быть расквартированы в них, а располагались за городом или на его окраине. Кроме того, известны факты постоев войск в рабатах, создания пограничных форпостных крепостей, где также находились сколько-нибудь постоянные гарнизоны. Перечень был бы неполным, если не вспомнить о чисто частных и местных крепостях — гарнизонах, создававшихся в период отдельных кампаний, например, раннеарабские лагери. Итак, что касается войсковых постоев, то, по имеющимся у нас данным, они были: расквартирование войск в городах; постои в рабатах, крепостях, лагерях, игравших роль форпостов; гарнизонное расположение в лагере — военном городке, находящемся часто неподалеку от столицы. Лагери войск известны однодневные, временные и постоянные.

Постоянная, хорошо вооруженная армия составляла основу могущества сельджукидского государства. В Сиасет-намэ достаточно определено оговорен племенной состав войска, внутренняя дисциплина его, снабжение [75] и отмечается, что его благополучие во многом зависит от распорядительности визиря[76]. Курс политики Низам-ал-Мулька в числе прочего предусматривает: «Держать постоянно наготове большое хорошо дисциплинированное и вооруженное войско, опираясь на

которое, можно вести широкую завоевательную политику и поддерживать порядок внутри страны...»[77]. Надо полагать, что большая часть его, гвардейское ядро во всяком случае, располагалось в столице государства — Мерве.

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, наряду с другими задачами археологического изучения Старого Мерва, систематически проводит историко-топографическое обследование его, что позволило решить целый ряд вопросов, в частности наметить основные моменты исторической топографии города XI—XII вв.[78]

Западный район рабада Мерва был наиболее густо заселен, чего нельзя, по-видимому, сказать о других раба'а, в особенности о восточном, занимающем территорию по каналу Асада ал-Хоросани. Как и прежде, в нем помещались земли владетельных особ, а район, являясь больше сельскохозяйственным, чем ремесленным, представлял собой, очевидно, сельскохозяйственное предместье города. В XI—XII вв. здесь были отдельные кёшки, остатки двух из них видны и теперь к северу от Шаим-калы, и одноулочные кварталы, между которыми очень много свободной земли, должно быть, использовавшейся под сады, виноградники и прочие посевы. К северу от северных ворот Шаим-калы вскрыт восьмиугольный в плане мавзолей XI—XII вв.

Находясь несколько в стороне от бурной городской и ремесленной жизни, эта часть рабада наиболее подходила для расположения постоянного гарнизона.

Приведенный фактический материал и анализ данных специальной историко-археологической литературы, арабских и персидских источников позволяет сделать несколько общих выводов.

Очень незначительная по площади внутренняя застройка Шаим-калы, на что обращали свое внимание некоторые исследователи, выдвигает памятник в число не совсем обычных и требует объяснения.

И другое — очень слабая фортификация, заключающая в себе больше традиционности, чем расчета на сколько-нибудь длительную оборону, с точки зрения городских укреплений не выдерживает никакой критики. На специальное назначение памятника указывает и исключительно небольшое наличие бытового материала.

К тому же укрепленное поселение, расположенное в непосредственной близости от ядра Мерва XI—XII вв., которым служила теперешняя Султан-кала, не имеет смысла.

Наблюдения на городище; историко-топографический анализ Мерва XI—XII вв., и привлечение данных о военном искусстве дают основания считать Шаим-калу лагерем гвардейского ядра армии великих сельджуков. Почти безусловная необходимость в такого рода сооружении становится очевидной после привлечения данных различных источников о войсковых постоях на средневековом Востоке, а многие детали памятника, связанные с устройством и общей планировкой, находят объяснение при подобном допущении. Так, например, наличие свободных территорий объясняется потребностью лагеря в площадях, необходимых для войсковых построений и т. д. По простоте конструкций и строгости планировки памятник напоминает постройки лагерного типа; очень слабая фортификация представляет в данном случае во многом лишь традицию.

Расположение лагеря в восточном районе Мерва вызвано желанием изолировать армию от постороннего взгляда. Возможности фуражирования и другого снабжения войск были несравненно большими, так как проделать это в сельскохозяйственном предместье в условиях столичного города гораздо легче, а расположение войск в западных районах, как было показано выше, невозможно. Постоянные построения и

маневры войск, в особенности кавалерии, требовали более или менее свободных территорий. Наконец, здесь было легче получить участок под разбивку лагеря.

Общую историю Шаим-калы—лагеря гвардейского ядра армии «великих сельджуков» можно представить себе следующим образом: первоначальную разбивку лагеря могли произвести в первой половине XI в., в момент пребывания в Мерве первых сельджуков, окончательное же оформление его было произведено одним из государей «великих сельджуков», может быть даже султаном Санджаром.

Археолого-топографическое обследование Шаим-калы, кроме выводов о датировке памятника, его отождествления и наблюдений над фортификацией и общей планировкой, дает некоторые основания для суждений о военном искусстве сельджукидов; отождествление памятника решает конкретный вопрос по исторической топографии Мерва XI—XII вв. Обследование памятника впервые на конкретном примере кладет начало изучению былых военных лагерей Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это нашло свое отражение в приложении к описанию Мерва А. М. Дондукова-Корсарова, посетившего Мерв в 1884 г. См. Дондуков-Корсаров А. М. Поездка главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе в Мерв. Туркменистанский сборник, т. 411.

2. Комаров А. В. Закаспийская область в археологическом отношении. ТВ, 1888, № 25.

3. Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893, стр. 35.

4. Там же, стр. 35.

5. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийского края. МАР, 16, СПб., 1894, стр. 173.

6. Дмитриев-Мамонов. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1912, стр. 199.

7. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 18.

8. Там же, примечание 4, стр. 18.

9. Масальский В. И. Туркестанский край. Россия, т. XIX, СПб., 1913, стр. 147.

10. Атлас Азиатской России. СПб., 1914, план № 40.

11. Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада Старого Мерва в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 411.

12. Массон М. Е. Дневник начальника ЮТАКЭ, 1950 (рукопись).

13. Позднее это нашло свое отражение в плане Мерва XI—XII вв., составленном М. Е. Массоном, где Шаим-кала фигурирует как лагерь войск.

14. При его составлении был использован план М. Е. Массона для нанесения восточного фаса, восточных и западных ворот, а также для уточнения некоторых других деталей.

15. Например, в Убайдулла-намэ приведено имя Шахим бий. См. Амин-и-Бухари Мир Мухаммед. Убайдулла-намэ, перевод А. А. Семенова. Ташкент, 1957, стр. 49, 53, 130, 198.

16. Так названы, например, колодцы. См. Массон М. Е. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). Известия АН ТССР, 1955, № 1, стр. 10.

17. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 173.

18. По формам керамический материал не дает комплекса, поэтому не сведен в таблицы.

19. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 235.

20. Там же, стр. 239—240.

21. Там же, стр. 243.

22. Там же, стр. 244—245.

23. Там же, стр. 270.

24. Там же, стр. 276—277.

25. Там же, стр. 277—278.

26. Там же, стр. 291.

27. Там же, стр. 249, 351.

28. Там же, стр. 355.

29. Ниже все откосы учтены также по отношению к горизонтали.

30. Самым ранним из материалов является эфталитская монета V в., обнаруженная в пахсе во время разреза северной лагерной стены.

31. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч., стр. 245, 277—278 и др.

32. Осенью 1963 г. вскрыта юго-западная половина северо-западной угловой башни и башенный вход.

33. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч., стр. 245, 277—278 и др.

34. Джувахана — помещение для хранения оружия.

35. Никаких остатков межэтажного перекрытия, а также лестницы, ведущей на второй этаж, не обнаружено, может быть, действительно они были деревянными и растащены, поскольку недостаток в лесе ощущался в Туркмении до последнего времени.

36. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 30.

37. Городище Иляклы расположено в 44 км к северу от Кизыл-Атрека.

38. Массон М. Е. Городище средневекового Хурмузфарра Тязе-Кишман. Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1962, № 2.

39. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская... Цит. соч., стр. 53.

40. Халиф Абдаллах ибн Тахир правил с 830 по 844 г.

41. Рабат Фарау соответствует городищу Парау.

42. Массон М. Е. Городище средневекового Хурмузфарра... Цит. соч.

43. Альхамова З. А. Полевой отчет... Цит. соч., стр. 411.

44. Лунина С. Б. Гончарное производство... Цит. соч., стр. 351.

45. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская... Цит. соч., стр. 52.

46. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 173.

47. Бартольд В. В. К истории орошения... Цит. соч., стр. 18, там же, примечание 4.

48. Данные Хафизи Абру, цитируется кн.: Жуковский В. А. Развалины... Цит., соч., стр. 65. Позднее у Хаджи Хальфи приводится цифра 60 тысяч; В. А. Жуковский приводит цифру 70 тысяч, то, что собрал Тули по дороге в Мерв; однако из контекста видно, что какое-то количество войск у него было перед этим. См. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 51.

49. Разин Е. А. История военного искусства, т. 2. М., 1956, стр. 116.

50. Булгаков П. Г. Из арабских источников о Мерве. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 216.

51. Там же.

52. Там же.

53. Транскрипция по МИТТ, т. I, стр. 227.

54. Гардизи. Зейн-ал-Акбар. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 227.

55. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 23.

56. Лавров В. А. указывает, что, кроме прямого назначения, здесь осуществлялась торговля с кочевниками, и местное население могло укрываться во время опасности. См. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 79; Литвинский Б. А. считает, что вынесенные далеко за пределы населенной полосы рабаты, кроме указанного выше, должны были вести разведку в кочевнической среде и предупреждать оседлое население об опасности. См. Литвинский Б. А. Отчет о работе V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1953. стр. 287. В. А. Нильсон полагает, что на первых порах рабаты могли выполнять функции намазго. См. Нильсон В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, стр. 54 и примечание 99 на стр. 141.

57. Арабский аноним XI в., перевод П. А. Грязневича. М., 1960, стр. 91, 99.

58. Там же, стр. 99.

59. См. об этом выше в настоящей работе.

60. Ибн Хаукаль. Китаб ал-месалик ва-ал-мемалик. МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 181. Макдиси. Ахсан ат-Такасим фи ма'рифат ал-акалим. Там же, стр. 189 и др.

61. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 143.

62. Там же.

63. Лавров В. А. Градостроительная... Цит. соч., стр. 79.

64. Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 39.

65. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская... Цит. соч., стр. 47, 49, 53; Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 143.

66. Сведения о постройке его приводились: Я'куби. Китаб ал-булдан. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 147; Ибн-ал-Асир. Ал-камиль фит-тахри. Там же, стр. 400; Якут. Му'джам ал-булдан. Там же, стр. 425.

67. Ибн-ал-Асир... Цит. соч., стр. 400.

68. Якут... Цит. соч., стр. 425.

69. Худуд-ал-алем. МИТТ, т. М.—Л., 1939, стр. 215.

70. Ромаскевич А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении. Там же, стр. 41.

71. Результаты раскопок получили отражение в следующих публикациях: Schlumberger D. L'es foiles de Lashkari Bazar, Afganistan, 1949, № 2; Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., 1963, стр. 114—116, 119—122.

72. Бейхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. Перевод А. К. Арендса. Ташкент, 1962, стр. 155.

73. Там же, стр. 253, 388—389, 401, 436, 448, 462, 463, 470.

74. Там же, стр. 278.

75. Сиасет-намэ. Перевод Б. Н. Эаходера. М.—Л., 1949, стр. 106—108, 129—130 и др.

76. Там же, стр. 25.

77. Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 112.

78. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская... Цит. соч.; Его же. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения южного Туркменистана. Известия АН ТССР, 1951, № 1; Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч.; Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР в 1962 г. Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1963, № 3 и др.

М. Е. МАССОН

КУФИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ МАВЗОЛЕЯ МУХАММЕДА СЫНА ЗЕЙДА В СТАРОМ МЕРВЕ

В западной части руин пригорода-рабада Старого Мерва, несколько севернее начала старинной Абивердской дороги, на правом берегу крупного магистрального канала, носившего в средние века название Хурмузфарра, примерно в 1 км к СЗЗ от места былых западных городских ворот Фируза[1], в 700 м к западу от опознанной автором площади средневековой загородной мечети Намазгах в четырехугольной ограде былого квартала Рас-ал-Майдан и в 400 м восточнее проходящей в виде вала поблизости части западного фаса внешней стены городской округи, среди саксаульной рощицы небольшого кладбища, теперь несколько одиноко, расположена группа разновременных сооружений (рис. 1).

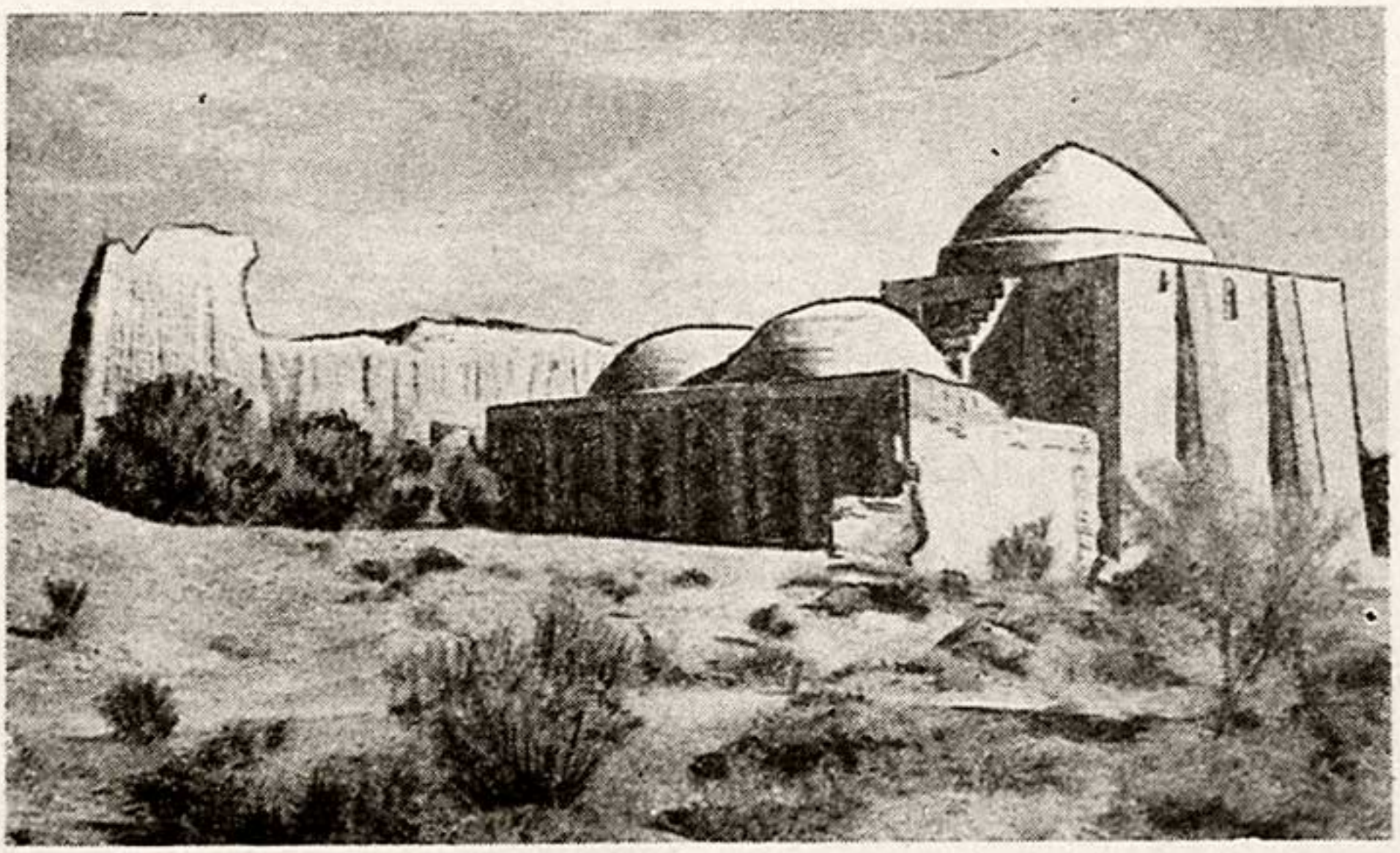


Рис. 1. Мнимый мавзолей „Мухаммеда Ханапья" слева позади руины кёшка VII в.

Самое крупное из них—бугорообразные оплывшие от времени развалины некогда двухэтажного раннесредневекового дехканского замка, по-видимому, VII в., выведенного из сырцового кирпича 35(36)×35(36)×8(9) см. В рощице уцелели остатки сложенной из жженого кирпича от 22×22×4 см до 25×25×5 см на гидравлическом пуццолановом растворе купольной цистерны сардобы XII в., внутренний диаметр кругло-

го водоема которой имеет около 6,25 м. Вода в нее подводилась по короткому протоку из русла протекавшего рядом арыка[2]. Несколько деревцев ак-саксаула густо покрыты разноцветными узкими лоскутками материй и прикрепленными к веткам подвесными игрушечными люльками-качалками с положенными в них тряпичными куколками — вотивными приношениями женщин-туркменок, жаждавших иметь ребенка или нуждающихся в какой-либо помощи «свыше». С восточной стороны кладбища отстроены скромные по размерам и своему облику, не очень старые, сакельного типа жилые и хозяйственные отчасти купольные постройки, которые использовал еще недавно проживавший здесь старый туркмен-меджеур. Он обслуживал посетителей, приходивших сюда из окрестностей для совершения обряда поклонения-зиарата местной святыне в виде почитаемых могил, находящихся под сводами изумительного средневекового памятника, выведенного из жженого кирпича с фигурной кладкой (подтесанный облицовочный кирпич — 18×18×3,5 см и 19×19×3,5 см) и упоминавшийся в старой научной литературе чаще всего под названием «мечети Мухаммеда Ханапья».

Своим названием здание обязано не очень четким народным представлениям, сложившимся взамен забытым точным сведениям после обезлюдения и запустения страны в пору тяжелого упадка ее в XVIII в., когда в Средней Азии почти повсеместно произошли значительные перемещения как кочевого, так и оседлого населения, в массе покидавшего насиженные места и переходившего на жительство в новые районы. Как передавали в XIX столетии опекавшие памятник меджеуры, в Мерве якобы проживал в давние времена шестой «непорочный» имам Джафар б. Мухаммед ас-Садык. Вместе со своей матерью Юпор-биби или Дурды-гуль они якобы обитали здесь в ныне разрушившемся замке-кёшке. Для своей могилы имам будто бы отстроил рядом уцелевший до наших дней парадный купольный мавзолей, а мать завещала похоронить себя в его небольшом коридорообразном помещении, где и сейчас указывают ее намогильник без всяких надписей. В действительности же скончавшийся в 765 г. имам Джафар, чьи мнимые могилы разбросаны в разных районах Средней Азии, был погребен на кладбище ал-Баки в Медине в общей могиле со своим отцом, дедом и сыном халифа Али, Хасаном. Место погребения его матери остается неизвестным.

По другому, не менее до сих пор популярному варианту, под главным куполом Мервского памятника покоится будто бы прах основателя широко распространенного в Средней Азии ханифитства, одного из четырех мазхабов (правоверных толков ислама) имама Мухаммед ибн ал-Ханафийя, сына халифа Али и Хаулы из арабского племени ханифе. Датой его рождения считают 16 г. х. (то есть 637 г. н. э.), а смерть — чаще всего относят к 81 г. х. (то есть к 700 г. н. э.), хотя в мусульманской литературе имеются и другие указания на 72, 73, 83 и даже на 114 г. х. На обладание подлинной могилой Мухаммеда Ханапья претендует ряд пунктов в мусульманских странах: Медина, порт Басры-Убулэ, Таифе и другие[3]. Указывают мнимые могилы этого имама и в разных частях Средней Азии. В частности даже в Южном Туркменистане второе место его погребения называют мавзолей Ярты Гумбез, расположенный примерно в 8 км к ЮВВ от развалин Старого Серахса[4].

В средневековых письменных источниках пока не встречено известий о мервском памятнике, мечети или мавзолее Мухаммеда Ханапья.

Краткие упоминания о нем в научной литературе начинают встречаться, по-видимому, только после присоединения Мерва к России в 1884 г. Характерно, что даже А. В. Комаров, вообще очень внимательно относившийся ко всякого рода историко-археологическим объектам, не упомянул его в своем обзорном докладе о древностях Закаспий-

ской области, сделанном им в 1888 г. в Петербурге на заседании восточного отделения Русского археологического общества[5]. Между тем, он знал о находящейся под куполом мечети Мухаммеда Ханапья надписи и даже держал в руках фрагмент последней, который ему показался деревянным[6].

Подлинная история научного изучения рассматриваемого мервского памятника начинается исследованиями В. А. Жуковского, ознакомившегося с ним на месте в 1890 г. Критически разобрав сообщенные ему предания о происхождении здания, прочитав персидские надписи на двух обломках каменной намогильной плиты XV в., найденных незадолго перед тем меджеуром при чистке арыка и вмазанных им в мнимые намогильные сооружения Джафара и его матери, В. А. Жуковский в виде предположения высказался о том, что мечеть Мухаммеда Ханапья может быть является усыпальницей сельджукского султана Алп-Арслана (1063—1072 гг.). Вместе с тем, он сам признавал неторую шаткость этого довода, поскольку по письменным источникам, павший от руки убийцы в 1072 г. на берегу Аму-Дарьи Алп-Арслан был погребен в Мерве около могил своего отца Дауда и дяди Тогрул-бека в купольном здании, связанном с соборной мечетью или медресе на Маджане[7], то есть в середине города, а не в пригородной части, в значительном удалении от центра на Хурмузфаре, где находится памятник Мухаммеда Ханапья[8]. В своем описании «мечети Мухаммеда Ханапья» В. А. Жуковский упоминает и интересующую нас надпись под главным куполом: «По поясу купола видны остатки надписи полукуфического почерка, которая была сделана, как в некоторых местах надгробия султана Санджара, из кусочков кирпича и терракоты, и также сохранившая только наиболее длинные буквы; по этим остаткам можно судить, что слово الله —'бог' в надписи встречалось довольно часто»[9]. В момент осмотра памятника В. А. Жуковским внутри главного помещения царил полумрак, и света, проникавшего через пролом в куполе, было недостаточно, чтобы осуществить фотографирование интерьера, который исследователь вынужден был осматривать со свечой. В силу указанного обстоятельства надпись не была подвергнута расшифровке, а в ее характеристику вкрались некоторые неточности. Датировки здания В. А. Жуковский не предложил.

В дальнейшем до самой революции памятник мало привлекал к себе внимания. В вышедшем в 1893 г. специальном историко-археологическом путеводителе по пунктам, прилежащим к Среднеазиатской железной дороге, он фигурирует под именем «мечети Имам Запар Садык», ему уделяется двенадцать строк текста, основанного на искаженной передаче местных преданий, а время основания, со слов мулл, определяется в 1200 лет[10]. Для малой популярности этого объекта характерно, что он не был включен в опубликованный в 1915 г. по линии Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока сводный список археологических и исторических памятников Закаспийской области[11], хотя здание «мечети Мухаммеда Ханапья» или «Имам Джафар Садык» упоминается вскользь, в некоторых дореволюционных путеводителях по Туркестану[12].

Остававшийся в течение длительного времени без капитального ремонта этот средневековый памятник постепенно приходил в упадок, и, когда в 1927 г. Б. Н. Засыпкин по поручению Средазкомстариса произвел обследование его в техническом отношении, в главном помещении были сильно разрушены как стены, так и купол. В составленном описании мавзолея Мухаммеда Ханапья, который Б. Н. Засыпкин на основании историко-архитектурного анализа относил к зданиям домонгольского периода и под вопросом датировал XI—XII вв., он писал

про находившуюся внутри надпись, что она «выполнена из кирпича, чрезвычайно глубоким рельефом, куфическими буквами с сильно развитым растительным орнаментом, заполняющим фон»[13].

Два года спустя, обходивший в конце июля и начале августа в течение двух недель городище Старого Мерва А. Ю. Якубовский вместе с сопровождавшим его студентом Некрасовым снял несколько прекрасных фотографий общего вида здания и недоступной в свое время для В. А. Жуковского подкупольной надписи, негативы которых хранятся в Ленинграде в архиве ЛОИИМК[14].

В 1936 г. по линии сектора истории материальной культуры Туркменского государственного научно-исследовательского института на памятнике производились исследовательские, обмерные и реставрационные работы под руководством Н. М. Бачинского. Подкупольная надпись была вновь подвергнута фотофиксации. В мае 1939 г. в Ашхабаде на отдельных ее фотоснимках автором статьи была разобрана дата 506 г. х., то есть 1112/13 г. н. э., относящаяся к восстановлению здания усыпальницы, что и было сообщено тогда же Н. М. Бачинскому, зафиксировавшему это собственноручно на фото фрагмента надписи. По словам В. А. Крачковской, дату эту также расшифровал А. Ю. Якубовский в 1937 г.[15] Тем не менее, памятник оказался введенным с неверной датой в научный обиход Н. М. Бачинским, который в опубликованном в конце 1939 г. труде «Архитектурные памятники Туркмении» писал, что расшифровка надписи на мавзолее Мухаммеда Ханапья Институтом истории (под ним, по-видимому, подразумевается Туркменский государственный научно-исследовательский институт истории) в 1937 г. (причем в сноске указано: «прочитана А. Ю. Якубовским») «позволяет теперь приводить дату 1157—1158 гг. как год перестройки этого мавзолея: в надписи содержится указание также и о том, что мавзолей этот воздвигнут над местом погребения Мухаммед Ханапья, что подвергалось сомнению прежними исследователями»[16].

Несколько лет спустя А. Ю. Якубовский опротестовал эти слова, заявив для печати, что он «не давал Н. М. Бачинскому указанной даты, так же как и того, что мавзолей «воздвигнут над местом погребения Мухаммеда Ханапья». В надписи дана другая дата, а именно 506 г. х.—1112—1113 г. н. э. Надпись над указнным мавзолеем местами разрушилась, в силу чего она мною прочитана не целиком, хотя и в значительной своей части»[17]. Что именно А. Ю. Якубовскому, кроме даты, удалось прочесть и что перевести из указанной надписи, остается до сих пор неизвестным.

На допущенную Н. М. Бачинским и В. И. Пилявским неточность уже в 1949 г. обратила внимание В. А. Крачковская, которая в одной из своих работ дала первую общую эпиграфическую характеристику надписи. По словам В. А. Крачковской, в Мервском мавзолее Мухаммеда Ханапья «был создан ритмический рисунок в верхней зоне фриза с помощью обоих дополнительных элементов (добавочных стволов и U-образных украшений), но не связан гармонично с текстом: орнаментальные вставки помещены то над вершиной одной буквы, то над двумя соседними буквами, то над начальным выступом трехзубчатой буквы; сплетения букв немногочисленны, причем встречаемые здесь узлы конечного йа надолго закрепляются в эпиграфике Средней Азии»[18]. Несколько лет спустя, снова касаясь этого вопроса, В. А. Крачковская, отмечая, что установленная датировка отнюдь не уничтожает гипотезы В. А. Жуковского о принадлежности самого здания усыпальнице Алп-Арслана, указывала на возможность разбора всего текста подкупольной надписи мавзолея Мухаммеда Ханапья[19]. К тому

времени это было уже осуществлено автором настоящей статьи в процессе исследования памятника Г. А. Пугаченковой по линии VII отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции в 1950 г.[20] (рис. 2).

С помощью невысокой лестницы удалось непосредственно приблизиться к надписи. В царящем в главном помещении полумраке почти в течение всего дня, за исключением последнего вечернего часа, когда луч клонящегося к закату солнца ненадолго прямо. попадает в единственное оставленное в перекрытии отверстие, надпись была последовательно полностью срисована с восстановлением на ощупь и при свете свечи сбитых мест ее текста. Выяснилось, что протянутая как фриз по всем четырем стенам непосредственно под нижним уровнем угловых тромпов, она является трехпланной. Буквы ее, составленные из отдельных выточенных из кирпичиков элементов, закреплены в оставленном при выкладке стен гнезде на ганчевом растворе. Фоном для них служит несколько утопленная вглубь рельефная резьба по ганчу в виде измельченного и стилизованного, растительного орнамента (рис. 3).

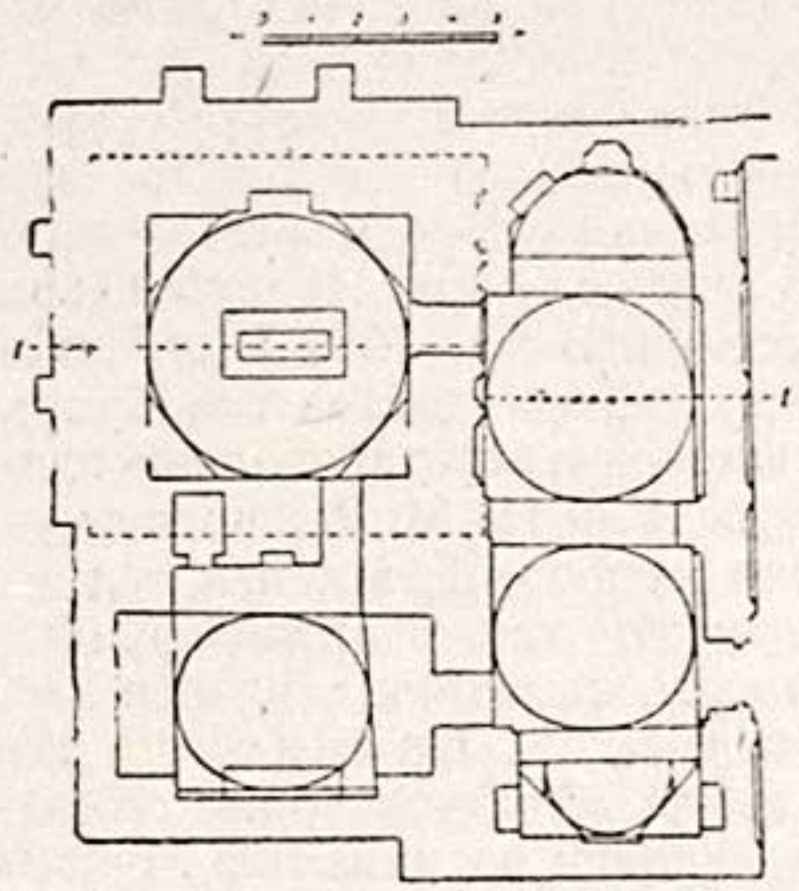


Рис. 2. План мавзолея Мухаммеда сына Зейда. Составлен Г. А. Пугаченковой в 1950 г.

Монументальный куфический почерк надписи достаточно строг. В нем отсутствуют сложные плетения, и только несколько конечных йа и нун оканчиваются первые — скромными узлами, вторые — полупетлей. Прямые вертикали обычно завершаются подтреугольным острием с небольшим шипом и лишь изредка венчаются отходящими влево завитками (например, ‘та’ в слове «Тахир» или ‘ха’ в слове «пятьсот»). Открытые айны представлены тремя начальными и тремя срединными вариантами. Если учесть хорошие пропорции, несходство начертаний ра и нун’а, соответствие между «спуском» и «подъемом», то надпись этого мервского памятника следует признать образцовой, беря за эталон характеристику превосходного арабского письма, приведенную В. А. Крачковской из труда «As Suli, Abd-al-kuttab», Каир 1341/1922[21]. Мастером, выкладывавшим куфическую надпись в мервском мавзолее, лишь кое-где допущены некоторые «вольности», как например, в слове تعالى вытянутая до верху вертикаль буквы та, которая по своему начертанию становится похожей на лам. Возможно, что это одна из «описок», типа допущенной в слове المرقد , где вставлен лишний алиф. Последний едва ли был в проекте надписи, составленной катыбом, на бумаге и появился, вероятно, в процессе выкладки ее мастером, может быть введшим дополнительную букву для заполнения образовавшегося у него около северо-западного угла мавзолея пустого пространства, равного по ширине двум вертикальным кирпичикам.

По общему стилю к ней ближе всего фрагмент наружной, лишенной алебастрового резного фона надписи на упоминавшемся выше мавзолее Ярты-гумбез близ Серахса, отстроенном не ранее самого конца

XI в., а может быть даже в начале XII в., поскольку в 1947 г. мне удалось разобрать единственно сохранившиеся там слова:

...آخر سنه آحد و تسعين و اربعمايه

то есть «...(месяца джумада) второго года хиджры 491». Эта дата, явно относящаяся к смерти погребенного в усыпальнице лица, приходится на промежуток между 6 мая и 4 июня 1098 г. н. э. В архитектурной надписи Ярты-гумбеза та же техника выкладки букв из отдельных выточенных из кирпича элементов, те же пропорции, те же венчания и концы, тот же открытый 'айн' и петлеобразный нун.

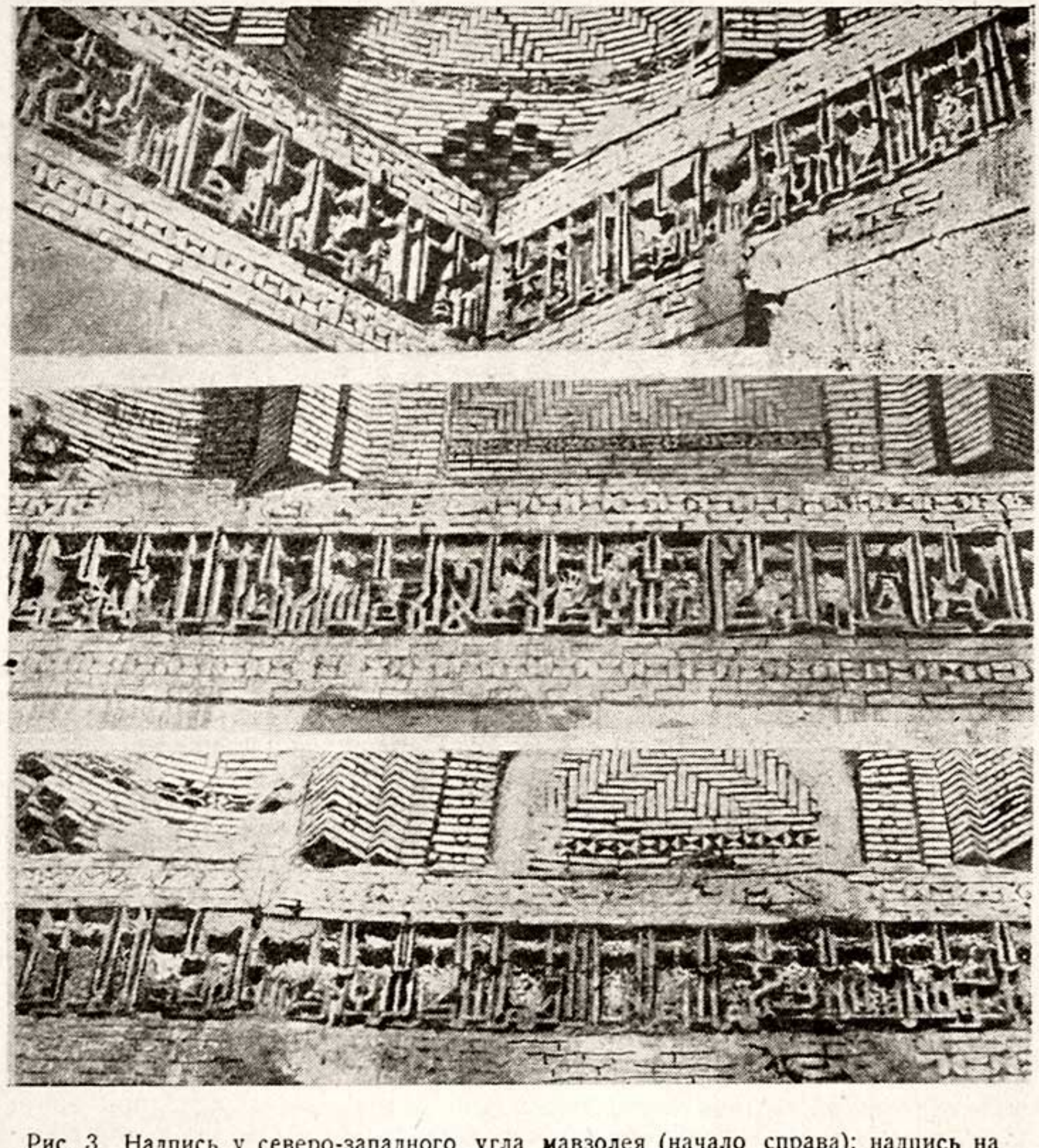


Рис. 3. Надпись у северо-западного угла мавзолея (начало справа); надпись на восточной стене с именем Шереф-ад-дина Абу Тахира С'ада; надпись на северной стене; справа до средины указание даты 506 г. х.

Незначительное отличие заключается в основном в более сложных U-образных украшениях над рядами низких букв и в добавочном варианте начертания вав с двумя изломами загнутого вверх и вправо конца. Невольно возникает мысль об едином источнике происхождения надписей на обоих мавзолеях, которые если и не выполнены одним и

тем же мастером (что не исключено), то во всяком случае сработаны по единому образцу.

Довольно близки к ним выполненные в той же технике и в том же стиле надписи на Джар-Курганском минарете, отстроенном в пору правления Санджара в Мерве серахским мастером Али сыном Мухаммеда в 502 г. х., то есть 1108/9 г. н. э. Его надписи, особенно в верхней части ствола минарета, выглядят более изысканными благодаря введению дополнительных горбатых, приподнятых вверх изломов при соединении букв в целях создания не бросающегося в глаза их растягивания для заполнения свободных мест (например, в слове الله), острому навершию над ним, большому количеству изломов для каф и плавности, приближающейся к скорописной, для начертания букв группы ха. Иллюзию некоторого загромождения свободного поля создают измельченные рельефные кирпичные украшения, в действительности вполне соответствующие даже более богатой алебастровой резьбе фона в мервском памятнике.

По материалу, технике исполнения и чисто стилистически родственными эпиграфике рассматриваемого мервского мавзолея являются относительно небольшие фрагменты наиболее старых крупных надписей на пештаках хорасанского Рабата-Шерефа, развалины которого находятся в пустынной местности на старой мешхедской дороге из Серахса, на расстоянии около 36 км от последнего и в 6 км южнее урочища Шурлаг. Этот памятник, детально изучавшийся А. Годаром и введенный его подробной публикацией в научный обиход, в своей основе считается автором относящимся к середине второго десятилетия XII в., поскольку он находит возможным реконструировать дату, от которой в конце надписи уцелела лишь цифра единиц «8», как 508 г. х., то есть 1114/15 г. н. э. Капитальный ремонт этого парадного двудворового караван-сарая восходит по другой надписи к 549 г. х., или к 1154/5 г. н. э., когда на здании появилась и новая декоративная отделка. В данном случае нас интересуют надписи периода сооружения здания, выполненные искусным серахским писцом-катыбом, носившим при жизни вполне заслуженное прозвище «редкостный». Дошедшие до нас в одной из относительно некрупных надписей его имя, соимя, прозвище и нисба были — Али (А)боди (?) Абу Мансур Асад, сын Мухаммеда, ал-Тараифи ас-Серахси[22]. Остатки исполненных им надписей пропорциями и схемой построения букв в равной мере близки всем вышеприведенным эпиграфическим памятникам. В частности, у них совершенно такие же, как у Мервского мавзолея, узловатые конечные йа, петлеобразные конечные нун, двухлепестковая подтреугольная форма начальных и средних ха; идентичное построение начертания слова «Мухаммед» и т. д. Главные отличия заключаются в изображении букв группы ха, имеющей в приподнятой вверх части на два излома меньше; в более скромном начертании закрытых ‘айн’; в понижающихся справа налево трех коротких вертикалей букв группы син и в основном в навершиях высоких букв и U-образных украшений, острия которых, будучи спаренными, благодаря орнаментальным добавлениям образуют как бы пышный санджак, что вполне уместно в парадном государственном караван-сарае. Надписи Рабата-Шерефа поры его реставрации в середине XII в. дают разные образцы употреблявшегося в монументальной эпиграфике на памятниках Хорасана «цветущего куфи».

Для этого времени характерно, что на появившемся около середины XII в. мервском мавзолее султана Санджара (правившего в Хорасане с 20 апреля 1097 г. по 6 мая 1157 г.) в небольших, наружных, вы-

ложенных из кирпичиков надписях его верхней галереи, заключающих в себе краткие благочестивые восклицания (вроде البقالله, السلام لله и др.), употреблен, как и подобает, довольно строгий куфи, но даже и в нем округлые части некоторых букв, например группы каф, приобретают форму приподнятого на ножке пятилепесткового цветка, а поле украшают четырехлепестковые розетки.

Нет особой надобности увеличивать количество эпиграфических примеров с близких по времени разных хорасанских памятников, из которых для сравнения вообще могут быть привлекаемы лишь те, где надписи выполнены из того же материала и той же техникой, то есть набором из отдельных выточенных кирпичиков, которые уже сами в значительной мере определяют особый стиль и некоторые общности. Одновременно употреблявшиеся в архитектуре гипсовый штук и резная терракота как в XI, так и в XII в. обеспечили в Хорасане и в Средней Азии появление на парадных зданиях этой эпохи надписей «цветущим куфи» с пышным измельченным орнаментом наверший стволов высоких букв. Стиль самих букв в штуковых и терракотовых куфических надписях этого времени резко отличен от стиля буквенных знаков, выложенных из кирпичиков. Под влиянием материала иными становятся все пропорции; буквы приобретают бо́льшую стройность и легкость; разнообразятся соединения; выводится больше плетений и замысловатых окончаний слов. Это легко проследить по надписям сельджукского медресе в Харджирде, отстроенного там Низам-ал-Мульком в последней четверти XI столетия; на остатках Абивердского портала, относимого нами по употребленной в надписе титулатуре к первой половине XII в.; в вычурной подкупольной надписи в небольшом здании с датой 535 г. х. (1140/41 г. н. э.) в Сангане и т. д.[23] Обилие таких памятников с разнообразными архитектурными надписями «цветущим куфи» исключительно. Но наряду с ними мы имеем и такие, как минарет в Дахистане (Мешхеди-Мисриан), отстроенный мастером Али-Зия в 1102 г.[24], где в нижнем поясе кирпичами выложен исторический текст с датой очень низким, строгим, почти архаическим почерком куфи. И даже в начале XIII в., когда в 609 г. х. (1212/3 г. н. э.) в Гунабаде возводят мечеть-джами и в ее наружной надписи снова прибегают к использованию кирпичиков, несмотря на многие десятилетия, отделяющие ее от памятников времени существования государства «великих сельджуков», ее почерк оказывается очень похожим на надписи Ярты-гумбеза и рассматриваемого мервского мавзолея[25]. Почти полное отсутствие украшений в поле придает ей характер суровой сухости, вообще типичной для уставного куфи IX—X вв. Одновременное сосуществование на Среднем Востоке в XI—XII вв. многих почерков группы куфи не может не поставить перед эпиграфистами очередных задач, с одной стороны, по установлению различных видов куфи, их характеристике, систематизации и созданию соответствующей более дробной, чем современная, научной номенклатуры, а с другой — выявление несомненно существовавших и преобладавших в определенных районах типов и разновидностей этого классического почерка.

Куфическая надпись в Мервском мавзолее начинается в середине северной стены благочестивым восклицанием:

اللهم اشكر سعير من تولى

После того следует приводимый в транскрипции с сохранением орфографии подлинника основной ее текст:

هذا الا مرقد رحمه [С.—З. угол] لشفر الله هذا مشهد السيد محمد بن زيد بن على زين العابدين بن الحسين بن على بن [Ю.—З. угол] ابى طالب رضو الله عليهم اجمعين [разделительный

امر بتجديد عمارته العبد المذنب الرا [Ю.—В. угол] جى رحمه ربه تعالى شرف الدين знак].
ابو طاهر سعد بن على بن غسين تقبل الله منه و غفرله [С.—В. угол] و لوالد [узел счастья;
8] به بتاريخ شهور سنه ست و خمسمايه

«Эта могила (милость [С.-З. угол] Аллаха стороне [ее]!) — это [есть место] мученической гибели сейида Мухаммеда, сына Зейда, сына Али-Заин-ал-Абиддина, сына ал-Хусейна, сына Али, сына [Ю.-З. угол] Абу Талиба (одобрение Аллаха [да распространится] на всех их!) [разделительный знак]. Приказал возобновить его обитель торжества правитель области, надею-[Ю.-В. угол]щийся на проявление милосердия всевышнего (то есть Аллаха) Шереф-ед-дин Абу Тахир Са'д, сын Али, сына Гусейна (—да примет его Аллах [в царствие небесное] и да простит [грехи] ему [С.-В. угол] и родителям его!) [«узел счастья»]. [И было дано это распоряжение] в исчисление месяцев лунного года пятьсот шестого».

506 год хиджры соответствует промежутку между 28 июня 1112 г. и 18 июня 1113 г. н. э.

Мухаммед, сын Зейда, над могилой которого возведен мервский мавзолей, согласно приведенной в надписи родословной, является потомком халифа Али в пятом поколении. Как и многие другие алиды, он вместе со своим братом Яхъей в протекавшей в VIII в. в халифате борьбе за власть искал опору в Хорасане, где шиизм находил немало сторонников в среде местной знати. Яхъя, сын Зейда был убит в 125 г. х. (742/3 г. н. э.) в Гузгане (область Шапургана и Андхоя) при столкновении с омейядскими войсками хорасанского наместника Насра ибн Сейяра, которыми командовал Салма ибн Ахвез. Последний для устрашения населения отдал распоряжение распять тело Яхъи на городских воротах, и труп оттуда был снят только несколько лет спустя после того, как Абу Муслим одержал в Хорасане решительную победу в пользу Аббасидов. Печальной оказалась и участь второго брата. Судя по словам расшифрованной куфической надписи, что могила Мухаммеда сына Зейда является одновременно «машхадом», то есть местом его гибели как шахида или мученника в борьбе за веру, очевидно он во время пребывания в Мерве проживал в упоминавшемся выше рядом расположенном пригородном раннесредневековом кёшке и на территории его усадьбы стал жертвой своих врагов. Поскольку алиды пользовались особой популярностью в Хорасане, не исключена возможность, что уже в VIII в. над местом погребения этого праправнука халифа Али было устроено намогильное сооружение, которое не могло быть мавзолеем, так как возведение специальных зданий усыпальниц в первые века хиджры не практиковалось. К началу XII столетия старое намогильное сооружение (может быть типа сагана) пришло, вероятно, в плохое состояние, почему было вынесено решение о «возобновлении обители торжества», как упомянуто в надписи, а по существу возвели совершенно новый дошедший до нас мавзолей, созданный в полном соответствии с архитектурным стилем, сложившимся к этому времени на территории Хорасана, входившего в состав владений «великих сельджуков».

Отдавший распоряжение о возведении этого памятника, упомянутый в надписи Шереф-ед-дин Абу Тахир Са'д (или Са'д-ад-дин) сын Али, сына Гусейна, больше известный как Шереф-ед-дин ал-Кумми[26], прибыл из своего родного города Кумма в Хорасан в конце 80 гг. XI столетия (в 481 г. х.) и на протяжении почти четырех десятков лет занимал видные административные должности в Мерве. К моменту соору-

жения мавзолея над могилой Мухаммеда сына Зейда, что делалось с определенным политическим расчетом, он состоял правителем Мервской области, а по прошествии девяти лет (в 515 г. х.) на самое короткое время стал везирем султана Санджара, скончавшись задолго до трагического конца царствования этого государя. Шереф-ед-дину ал-Кумми приписывают также построение упоминавшегося выше «рабата Шерефа», известного в первой половине XIII в. по упоминанию Хамдаллаха Казвини, в его труде «Нузхат-ал-кулюб» (1340 г.) под названием «Рабат-Абгин», то есть «Рабат-зеркало», очевидно, своей эпохи или «Рабат-брильянт»[27].

Никаких иных, связанных с архитектурой надписей на мавзолее Мухаммеда сына Зейда ни снаружи, ни внутри не усматривается, но не исключена возможность, что где-нибудь под позднейшей облицовкой и штукатуркой таковые впоследствии и выявятся. Закладывавшиеся снаружи непосредственно у стен здания разведочные шурфы установили наличие тут захоронений по шиитскому ритуалу. В одном из них не позднее XVIII в. нами обнаружена плоская миндалевидная плитка спресованной и отштампованной священной в глазах шиитов земли из Мешхеда с могилы алида Имама Ризы или Абу-л-Хасана Али ибн Муса-ар-Рида, в начале IX в. провозглашенного Мамуном в Мерве наследником халифского престола, а через несколько лет отравленного в Тусе в 203 г. х.

Результаты расшифровки и анализа рассмотренной куфической надписи сводятся к следующему:

. Во-первых, окончательно установлено, что само здание является мавзолеем, а не мечетью, как это до работ ЮТАКЭ трактовалось кое-кем из современных исследователей[28].

Во-вторых, выяснено, что этот памятник как возведенный над могилой алида Мухаммеда сына Зейда в бо́льшей мере является шиитской «святыней» и стал объектом почитания со стороны туркмен-суннитов под вымышленным именем, по-видимому, не ранее двух последних столетий, а вернее даже позднее[29].

В третьих, поскольку надпись содержит не только точную дату возведения сохранившегося до наших дней здания, но и имя «заказчика», каковым является крупный вельможа сельджукского двора Шереф-ед-дин ал-Кумми, это дает возможность для более полноценного понимания самого памятника, раскрывая его содержание в связи с биографиями лиц к нему причастных.

В четвертых, вскрыв еще одну деталь из протекавшей на территории Хорасана борьбы за власть в арабском халифате VIII в., расшифрованная надпись интересна для понимания исторической топографии Мерва этого времени в части осмысления его пригорода на территории руб'а Хурмузфарра.

Наконец, в пятых, приведенный выше сравнительный эпиграфический анализ куфической надписи на мавзолее Мухаммеда сына Зейда, с одной стороны, дает основание с большой долей вероятности утверждать, что тип ее почерка характерен для ряда хорасанских памятников поры существования государства «великих сельджуков», а с другой стороны, делает особенно убедительным выдвинутое Г. А. Пугаченковой предположение о существовании в то время в Хорасане, с возможным центром в Серахсе, своей школы эпиграфистов, поскольку нисба «ас-Серахси» сопровождает ряд разобранных нами за последние годы на памятниках имен средневековых хорасанских зодчих, включая создателя величественного мавзолея Санджара.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. А. Жуковский ошибочно указывал расстояние от Султан-калы до «мечети Ханапья» равное трем и даже трем с лишним километрам. См. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. «Материалы по археологии России», № 16, СПб., 1894, стр. 151 и 157. На приложенной к этому труду карте (таблица V) мечеть имама Мухаммеда Ханапья показана с еще большей погрешностью на расстоянии почти 4 км к западу от городища Султан-кала. Позднее Н. М. Бачинский также преувеличенно указывал расстояние между мавзолеями султана Санджара и мавзолеем Мухаммед Ханапья в 2,5 км. См. Архитектурные памятники Туркмении, в. 1, М.—Ашхабад, 1939, стр. 33. На самом деле расстояние между двумя упомянутыми памятниками лишь несколько больше 1,5 км.

2. Купол сардобы в начале 30-х гг. был разобран Байрам-Алийским горместхозом ради получения жженого кирпича для строительных нужд.

3. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 155.

4. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Дахистана, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951 (1953), стр. 237.

5. (Комаров А. В.) Закаспийская область в археологическом отношении. «Новости». СПб., 1888, № 62—65; перепечатка в «Туркестанских ведомостях», 1888, № 24—25.

6. Личное сообщение А. В. Комарова. См. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 153, примечание 1.

7. Бартольд В. В. К истории Мерва. ЗВО, XIX. СПб., стр. 11.

8. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 154—157.

9. Ibid, стр. 153.

10. Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом отношениях. Ташкент, 1893, стр. 44—45.

11. Тейле Э. Э. Список развалин, пещер, курганов и других памятников, находящихся в Закаспийской области. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, в. 1, Асхабад, 1915.

12. См., например, Дмитриев-Мамонов Д. И. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской, изд. VIII. Пг., 1915, стр. 234; Масальский В. И. Туркестанский край, «Россия», т. XIX. СПб., 1913, стр. 647 («Мечеть Мухаммед-Ханапья..., представляющая в сущности мавзолей над какой-то могилой») и др.

13. Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. 2. М., 1928, стр. 47, 48 и 51. Б. Н. Засыпкин посетил в 1927 г. развалины Старого Мерва вместе с В. Л. Вяткиным.

14. Якубовский А. Ю. ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. КСИИМК, VI. М.—Л., 1940.

15. Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии, «Эпиграфика Востока», VII. М.—Л., 1953, стр. 36.

16. Бачинский Н. М. Мавзолей Мухаммад Ханапья, «Архитектурные памятники Туркмении». Цит. соч., стр. 33. Та же неверная дата приведена в статье В. И. Пилявского. Сырцовые сооружения древнего Мерва. «Сообщения института истории и теории архитектуры» Академии архитектуры СССР, вып. 8. М., 1947, стр. 48. Среди иллюстраций работы Н. М. Бачинского имеется графическая передача с орфографическими ошибками конечного фрагмента надписи с датой, причем буквы даны в схематизации, искажающей стиль, пропорции и их подлинные начертания, и, кроме того, пропущен разделительный орнамент «Узел счастья» (см. стр. 42). В вышедшем позднее автореферате своей диссертации Н. М. Бачинский приводит уже верную дату из надписи на рассматриваемом Мервском мавзолее. См. его «Искусство старых зодчих Туркмении». М., 1950, стр. 26—27.

17. Якубовский А. Ю. Основы политики «великих Сельджуков». Очерки по истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 116.

18. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии, «Эпиграфика Востока», III. М.—Л., 1949, стр. 18—19. В вышедшей в 1950 г. работе В. И. Пилявского, хотя и утверждается, что самая древняя часть постройки мазара Имам-Джафар Разык (sic!) именно «и есть мавзолей Мухаммед Ханапья», но со ссылкой на А. Ю. Якубовского приводится уже правильная дата 506 г. х., или 1112—1113 г. н. э. Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва. «Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института», вып. 10. М.—Л., 1950, стр. 103.

19. Крачковская В. А. Эпиграфика Средней Азии, Цит. соч., стр. 55—56.

20. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 годы. «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 218.

21. Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. «Эпиграфика Востока», X. М.—Л., 1955, стр. 60.

22. Godard A. Khorasan. Robat Sharaf. «Athar-é-Iran», t. IV, f. I. Haarlem, 1949, pp. 7—67. Во французском переводе у А. Годара приведена ошибочная транскрипция Ta'iii; p. 54.

23. Herzfeld E. Damascus. Studien in architectur, II. «Ars Islamica», v. X, 1948, pp. 16—19; Godard A. L'origine de la madrasa, «Ars Islamica», v. XV—XVI, 1951, p. 23; Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники... Цит. соч., стр. 231; Godard A. Khorasan... Цит. соч., p. 15.

24. Массон М. Е. Новые данные о надписях одного мешхеди-мисрианского минарета. ЭВ, VII. М.—Л., 1953.

25. Godard A. Khorasan... Цит. соч., f. 52, p. 63.

26. В тексте письма Махмуда Рада, опубликованного А. Годаром, допущена или ошибка, или описка, так как там Шереф-ад-дин Абу Тахир назван сыном Са'д-ад-дина, сына Али. См. Godard A. Khorasan... Цит. соч., p. 11. Ошибочно именует это лицо и Е. Цамбаур, называя его внуком Иса-ал-Кумми, тогда как, согласно надписи на мервском мавзолее, дедом его был Гусейн. См. Zambaur E. Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam, Hanovre, 1927, p. 224.

27. Godard A. Khorasan... Цит. соч., p. 11.

28. Определенную путаницу в этот вопрос вносят публикации А. М. Прибытковой, к тому же ошибочно относящей рассматриваемый нами мервский памятник без каких-либо фактических данных к XI в. лишь на основании упоминания в надписи на нем о «возобновлении» намогильного сооружения в начале XII в. и не учитывающей, что в тексте не говорится ни о времени первоначального сооружения, ни что оно собою представляло. На протяжении ряда лет автор совершенно не критически воспринимала указанный памятник именно как мечеть. См. А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-баба (на самом деле, как установлено Г. А. Пугаченковой, мечеть Намазгах.—*М. М.*). Сообщения института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 8. М., 1947, стр. 34; ее же. Мавзолей Абул-Фазла в Серахсе, «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, стр. 299; ее же. Караван сарай Дея-Хатын. «Архитектурное наследство», 3. М., 1953, стр. 100 и 101. В последней по времени публикации наличествует уже двойственность в понимании памятника, который именуется то «мечетью Мухаммад Ханапья», то «мавзолеем Мухаммад Ханапья», но с сохранением женского рода в местоимении «ее» (вместо «его»). Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. М., 1955, стр. 90 и 96.

29. О живучести среди туркмен в XIX в. алидских преданий, помимо приурочения к различным мазарам имен самих алидов и их сподвижников (например, могилу спутника и слуги Али, Канбера, указывали на правом берегу Мургаба в урочище Баба-Гамбер, а мазар мнимого юного оруженосца этого халифа Али-Абу-Даккака до сих пор существует на землях селения Багир), свидетельствуют сказания, включенные в сборники, написанные в прошлом столетии среди туркмен-теке. См. ЗВО, т. IX. СПб., 1896, стр. 301. Это интересно сопоставить с показанием арабского автора конца X в. Макдиси, писавшего про современных ему жителей Хорасана, что «потомки Али среди них в почете до крайней степени». BGA, III ٣٢٢ ; МИТТ, т. 1, стр. 201.

Т. АСИЛОВ, С. Б. ЛУНИНА

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗДАНИЙ ТИПА «КАПТАРХОНА»

Археологическое изучение северного обвода городища Султан-кала — дополнительной обведенной стенами территории города — было начато в ходе работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции на городищах Старого Мерва. Была проведена археолого-топографическая съемка, обследовались стены обвода, изучались кирпичеобжигательные печи, вскрывалось кладбище XII в. и, наконец, в 1960—1961 гг. специальной задачей было поставлено изучение единственного сохранившегося на территории северного обвода здания. Последнее располагается в северо-западной части обвода. Это длинное прямоугольное здание (описание его будет дано ниже), стены которого внутри сплошь покрыты ячейками. Подобного рода сооружения обычно фигурируют в литературе под названием «каптархона» («голубятня»). Раскоп, заложенный в здании на территории северного обвода (рис. 1), имел своей целью выяснить вопрос о том, что же представляли собой мервские «каптархона», каково было их назначение, какова их датировка.

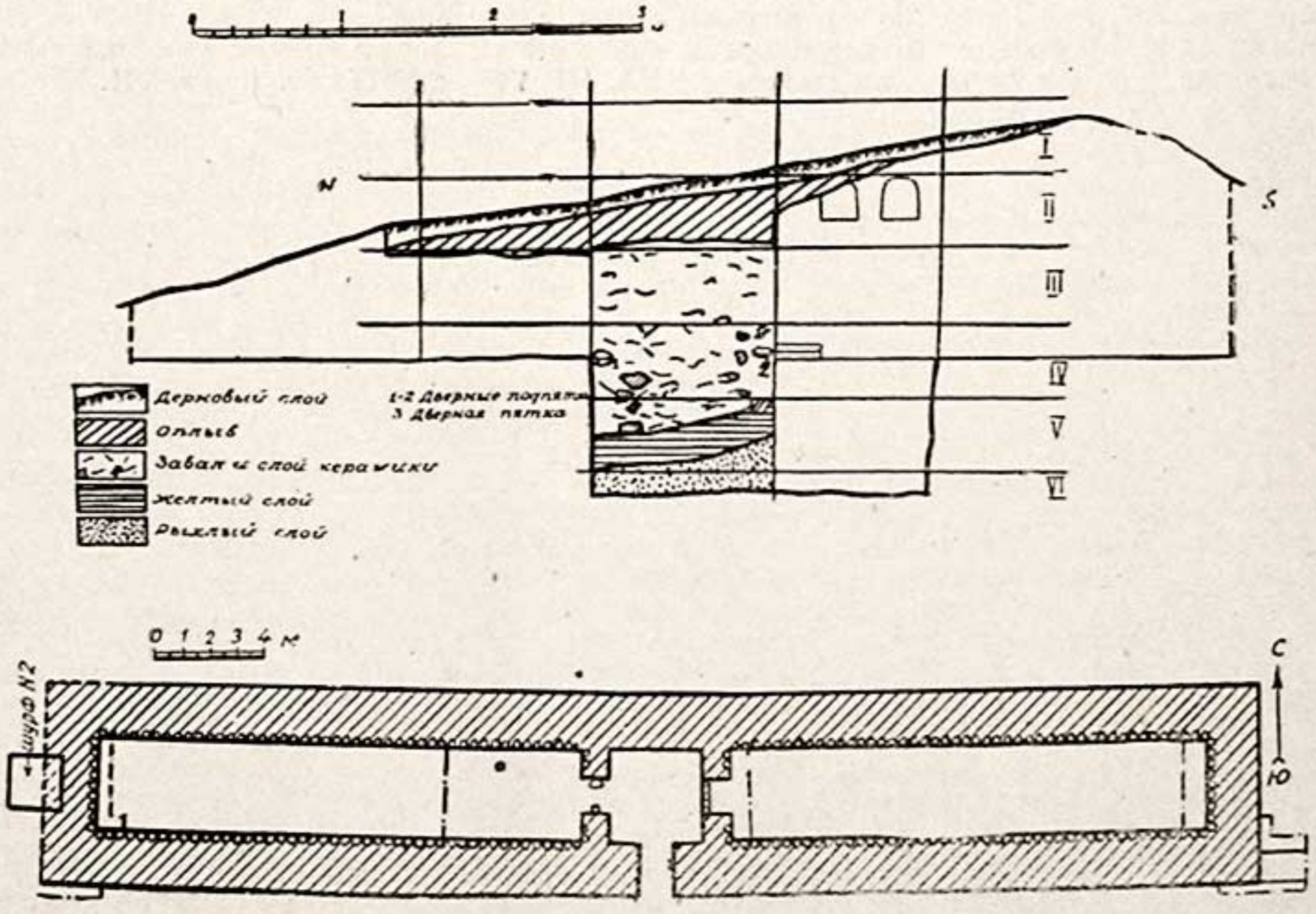


Рис. 1. Здание типа „каптархона" в северном обводе Султан-калы—план и разрез через западное помещение.

Здание в северном обводе имело несколько неправильный прямоугольный план и размеры 45,5×7,5 м². Оно лежит вытянувшись с востока на запад и заключает в себе два длинных узких помещения с вестибюлем в середине. Полезная площадь каждого помещения 18×3,5 м², вестибюль квадратный в плане площадью 3,5×3,5 м². Выяснилось, что вход в здание осуществлялся с южной стороны. Дверной проем сделан здесь в толще пахсовой стены шириной 1,35 м, но с одной стороны имеется кладка из целых и половинок сырцовых кирпичей размером 29×29×6 см, иногда 30×30×6,5 см. Этот тип напоминает фигурную кладку. Здесь были обнаружены дверная пятка с подпятником, лежащие один на другом, сделанные из жженого кирпича толщиной 5 см. Дверная пятка имеет обточенную округлую форму с выемом в центре, а подпятник имеет форму трапеции. Сохранившаяся здесь высота стен 90—110 см.

После вскрытия вестибюля выяснилось, что он свободен от ячеек и служил для прохода в другие помещения. От других помещений его отделяли тонкие пахсовые стены толщиной 1,1—1,5 м; в них сделаны входы в западное и восточное помещения. У входа в западное помещение также обнаружены дверная пятка с подпятником, сделанные из жженого кирпича. Последний имеет неправильную форму шестиугольника толщиной 5 см, а пятка имеет обточенную округлую форму толщиной 3,5 см.

У входа в восточное помещение имеется кладка из целых и половинок жженых кирпичей размером 26×26×3,5 см. Ширина дверных проемов 1,25 м. Слои в вестибюле накопились от рухнувшего перекрытия, видимо, сводчатого, а также от рухнувших и оплывших стен самого здания, до 1,6 м толщины от уровня основания стены и намечаемого уровня пола. В нем содержатся различные мелкие фрагменты поливной и неполивной керамики, стекла, обломки жженых (их мало) и сырцовых кирпичей. В нижних слоях встречаются в массовом количестве фрагменты бездонных сосудов.

Основное внимание было уделено вскрытию помещения, расположенного западнее вестибюля (площадь его указана выше). Стены здания построены из мощных пахсовых блоков толщиной в основании 2 м, стены снаружи постепенно сужаются кверху. Сохранившиеся остатки стен имеют в отдельных местах высоту до 5,3 м. Пахсовые блоки толщиной до 1 м чередуются с одним рядом сырцовых кирпичей размерами 28×28×6 см, 29×29×6 см. Подобные сырцовые кирпичи употреблялись при строительстве различных сооружений XI—XII вв. Внутренняя поверхность стены данного помещения (так же как и восточного) заполнена многочисленными ячейками — нишками следующих размеров: ширина 20—25 см, высота 30 см, глубина до 25 см. Они сделаны в толще пахсовой стены во время ее постройки и оформлены в виде стрельчатой арочки. Внутренняя поверхность нишек чаще гладкая, реже обработана грубо. Ячейки-нишки расположены на остатках стен максимум в 10 рядов, причем идут они в шахматном порядке. Приблизительно в обоих помещениях насчитывалось не менее 1500 ячеек. Поверхность стен, включая ячейки, оштукатурена глиной с примесью самана. Толщина штукатурки 2—5 см.

Содержимое культурного слоя до 2 м, толщиной внутри помещения составлял завал целых и фрагментов иногда лежащих стопками на ребро сырцовых кирпичей, а также вперемежку с ними в огромном количестве фрагменты крупных описанных ниже сосудов, специально сделанных без дна и с боковыми отверстиями (рис. 2). Достаточно сказать, что всего на площади раскопа было собрано свыше 8000 фрагментов таких сосудов. Толщина слоя с черепками достигала местами 1,2 м.

Можно считать, что на каждый квадратный метр площади внутри помещения приходилось по 10—12 целых сосудов. Скопления сосудов без дна при этом находились в основном у стен помещения, в средней части их было очень мало и это заставляет предполагать наличие здесь специально оставленного прохода посреди помещения.

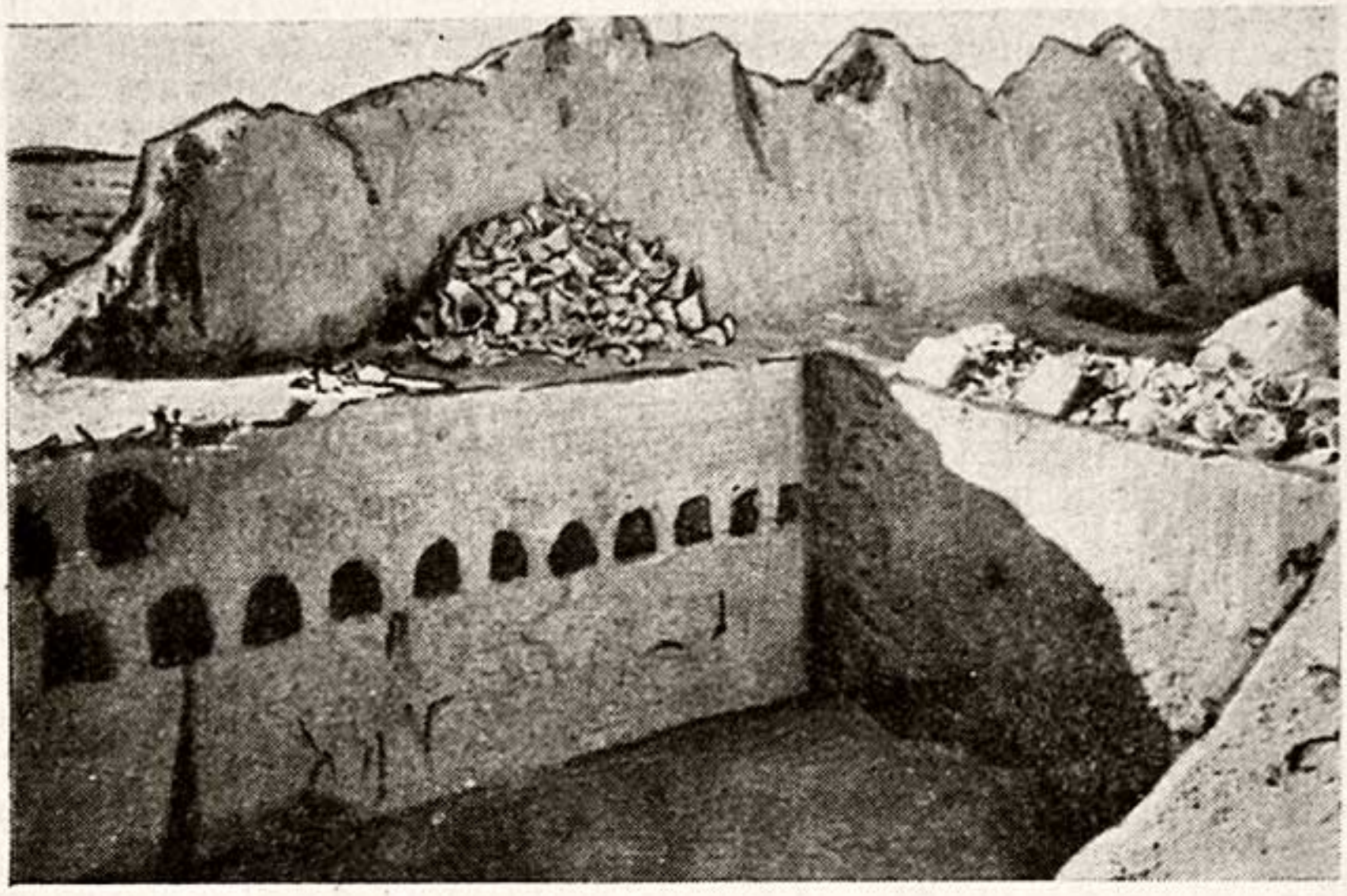


Рис. 2. Раскоп западного помещения; видны фрагменты сосудов без дна.

Ниже слоя, насыщенного фрагментами керамики, шел слой рыхлой земли с ярковыраженным желтым оттенком, проработанный насекомыми, явно связанный с содержимым, заключавшимся в этих сосудах, либо хранившимся в этих помещениях. Слой этот имеет толщину в основном 10—25 см, там, где пол прогибается, несколько большую. Накапливался этот слой непосредственно на полу помещения. В этом же помещении обнаружены разнообразные остатки полуистлевших деревянных балок и балочек. Таковы балочки длиной 40 см и диаметром 5 см, длиной 45 см и диаметром 14 см, сучковатая палка длиной 65 см, диаметром 5—6 см, длиной 50 см и диаметром 9—10 см, палка с рогатиной на конце и др. Они лежали как в направлении запад-восток, так и север-юг.

В культурном слое было найдено много косточек персика, вишен, винограда, несколько косточек сливы и абрикоса, а также семян арбузов и дынь. Ниже приводим определения этих косточек и семян, проведенное сотрудниками Среднеазиатской опытной станции Всесоюзного института растениеводства.

Принадлежность семян тыквенных культур № 6 и 7 определяла научный сотрудник кандидат сельскохозяйственных наук А. С. Щукина. Принадлежность косточек плодовых культур № 1—5 определяла научный сотрудник А. С. Татаурова. Семя винограда (№ 8) определял Г. К. Мухамедов.

№ 1. Все косточки персика относятся к виду персиков обыкновенных — *Persica vulgaris* Mill.

№ 2. Косточка сливы относится к виду домашней — *Prunus domestica* Lam.

№ 3. Косточка вишни относится к виду вишен обыкновенных *Cerasus vulgaris* Mill.

№ 4. Косточка абрикоса относится к виду абрикоса обыкновенного — *Armeniaca vulgaris,* Lam.

№ 5. Косточка миндаля относится к виду миндаля обыкновенного — *Amigdalis communis,* Lam.

6. Семена арбузов относятся к видам арбузов столовых — *Citrulus eadulis* Pang., причем можно различать три различных сорта.

№ 7. Семена дыни относятся к роду *Cucumis melo,* Lam., поздние, зимние сорта, годные для хранения.

№ 8. Виноградное семя относится к роду *Vitis vinifara* Lam.

Как отмечено выше, при раскопках внутри помещения был обнаружен в массовом количестве керамический материал специального назначения. Это сосуды без дна и с отверстиями в тулове (рис. 3). Опи-

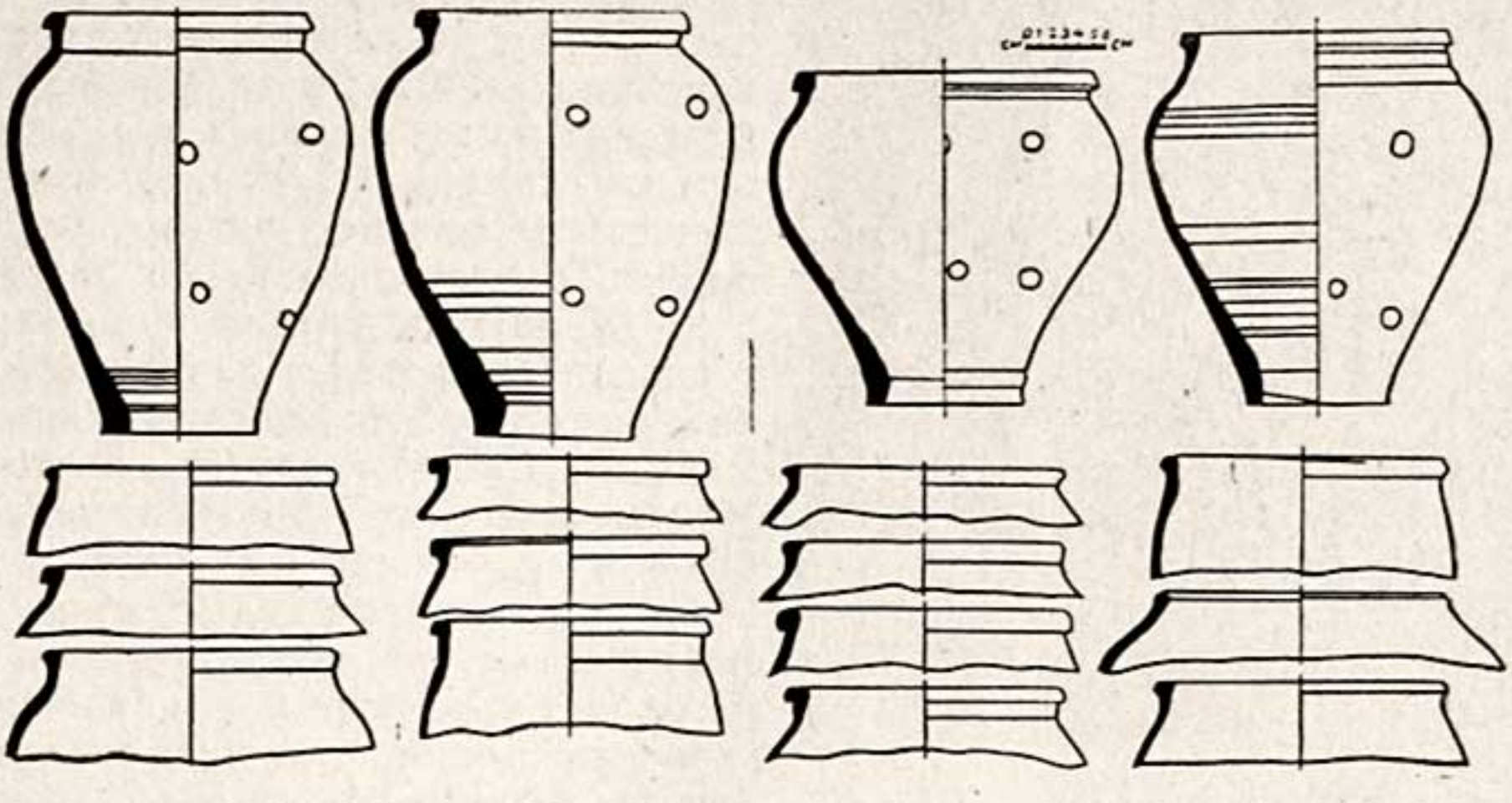


Рис. 3. Сосуды без дна и варианты их венчиков.

сания таких сосудов нами нигде не встречено. У всех сосудов этого рода стенки заглажены в нижней части, дно отсутствует, в стенке сосуда сбоку сделано три, чаще четыре отверстия. Они имеют горшкообразную форму. Венчики иногда слабо отогнуты наружу, иногда прямые, иногда сильно загибаются к внешнему краю, со слабо выраженной горловиной и расширяющимся туловом, постепенно сужающимися ко дну стенками. Стенки сосудов тоньше в верхней части, а книзу постепенно утолщаются. Иногда на горловине имеются 3—5 процарапанных линий. На внутренней поверхности сосудов видны сильно выраженные следы гончарного круга. Они изготовлены из крупноотмученной сероватой, иногда розоватой глины. Обжиг преобладает нормальный. Диаметр венчиков 16—23 см, толщина стенки 0,7—4 см. Диаметр дна в среднем 12 см, а отверстия на дне 8—9 см, диаметры боковых отверстий 0,9—1,2 см. Они сделаны при помощи пальца чаще с внутренней стороны, иногда с наружной. Два отверстия расположены в тулове ближе к плечику, расстояние между ними 10—11 см, отступая от них на 10—15 см в нижней части тулова расположена следующая пара отверстий, расстояние между ними 5—6 см. Особенно интересно, что точно такие же сосуды были встречены при раскопках мастерской № 2 раскопа 1 в квартале средневековых керамистов в западной части рабада Мерва, в том числе один бракованный, смятый в результате пережига экземпляр (рис. 4), то есть эти сосуды явно изготовлялись в

данной мастерской и, очевидно, в числе заказчиков керамистов был владелец описываемого здания.

Назначение этих сосудов остается несколько неясным. Хранить в них сыпучие или жидкие вещества нельзя. Интересно, что как бы в дополнение к ним были найдены донца глазурованных чаш со специально отбитыми краями и дырочкой в центре, вставлявшиеся в дно этих сосудов. Но найдено их было всего несколько штук. Возможно, однако, что употреблялись они в тех случаях, когда надо было как-то регулировать процесс изготовления содержащегося в сосудах вещества. Профессор М. Е. Массон предполагает, что таким веществом могла быть патока. Однако большинство сосудов, видимо, предназначались для хранения фруктов или дынь, а возможно и для их перевозки. Нельзя не упомянуть в этой связи, что фрагменты таких сосудов были найдены в караван-сарае Ал-аскер при посещении его одним из отрядов ЮТАКЭ. В нашем помещении сосуды, видимо, помещались в несколько рядов вдоль стен (и по горизонтали и по вертикали). Отверстия в дне и в стенке сосуда обеспечивали максимальный доступ воздуха внутрь. Менее вероятно предположение, что эти сосуды находились в подвешенном состоянии, однако и оно не исключено, ибо в данном помещении явно имели место балочки, закрепленные в нишках-гнездах (такое же назначение ячеек предполагает М. Е. Массон и для гофрированного дома в Шахрияр-Арке).

Рис. 4. Сосуд без дна, найденный в квартале средневековых керамистов Мерва.

Имеется три предположения относительно расположения балок: 1) расположение балок на противоположных ячейках (в таком случае нижние ряды ячеек остаются свободными от использования); 2) расположение балок на противоположных ячейках в том случае, когда верхние противоположные ряды ячеек с балками находятся на высоте человеческого роста, а нижние ряды ячеек тоже имеют балки, но последние закреплены при помощи деревянных устоев, и не доходя до центра помещения образуют узкий проход; 3) расположение балок только при помощи деревянных устоев с сучками. В этом случае образуется узкое пространство от пола до конца последнего верхнего ряда ячеек. На эти балки, судя по всему, подвешивали для хранения свежие фрукты, дыни, арбузы, возможно, ломти дынь для сушки. Ни этнографы, ни местное население не знают подобной формы сосудов. однако, старики-туркмены также предположили, что они могли использоваться в качестве тары для хранения фруктов, дынь, овощей.

Сохранению постоянной невысокой температуры в помещении способствовали размеры и высота его (сохранившуюся высоту стен в 5,3 м надо нарастить не менее чем на 1—1,5 м), толщина стен. Помещение к тому же не имело световых проемов, в него вел единственный небольшой вход.

Интересно, что в ходе закладки шурфа в вестибюле было выяснено,

что здесь имел место в одном из углов подвал глубиной более 2,5 м, на стенках которого сохранились следы инструментов, употребленных при его рытье и ведущих вниз ступенек для лаза. Не исключено, что в данном подвале (а следы такового же были обнаружены и при вскрытии самого помещения) в жаркие летние дни хранился снег, что также способствовало понижению температуры в помещении.

Помимо фрагментов описанных сосудов в помещении найдены и фрагменты иного рода керамики, однако они не многочислены. К ним следует отнести прежде всего керамику с зеленой, желтой поливой, с коричневым орнаментом на белом фоне. Восстановить форму сосудов однако ни по одному из фрагментов не представилось возможным. Найдены чираги с зеленой и темно-зеленой поливой и выступом овальной формы над ручкой. У последних плоские донца, широкие резервуары и узкие носики. Найден один фрагмент штампованной керамики — стенки сосуда с сочетанием орнамента эпиграфического, растительного и зоморфного. Здесь же встречена стеклянная бусина. Приведенный керамический материал немногочисленен, однако явно может датировать здание XII в. На эту же датировку указывает и то обстоятельство, что именно в XII в. в печах квартала керамистов обжигались сосуды без дна. XII—XIV вв. датирует такого рода здания в Хорезме С. П. Толстов[1].

Закладкой шурфа было также решено проверить содержимое культурных слоев в «доме правителя» в Шахрияр-Арке—цитадели Султан-калы, где стены внутри также имели ячейки (рис. 5).

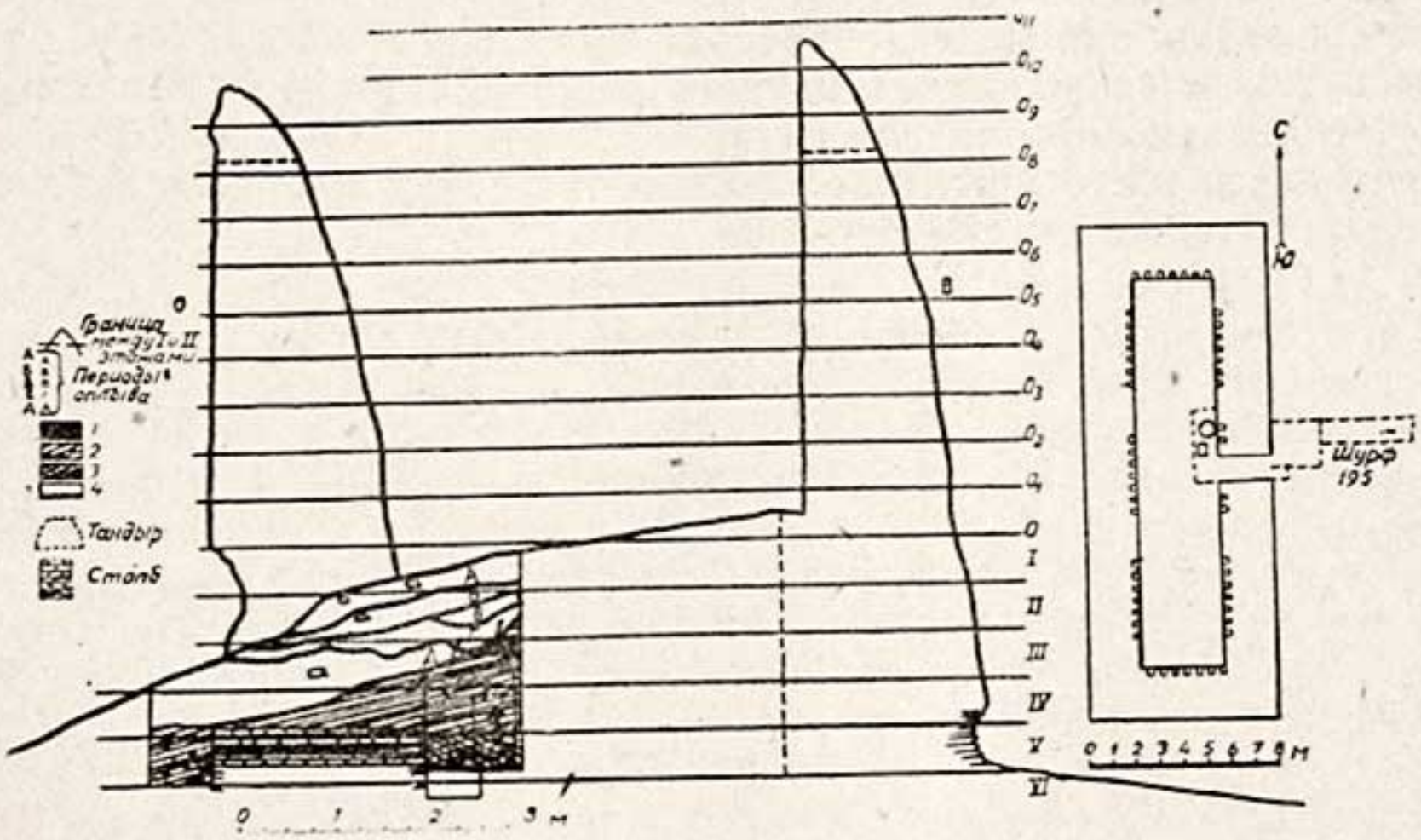


Рис. 5. План и разрез через гофрированный дом в Шахрияр-Арке: *1*—зольный слой; 2—завал; *3*—завал с фрагментами сосудов без дна; *4*—уровень пола.

Первые описания гофрированного дома в Шахрияр-Арке сделал В. А. Жуковский[2] в конце прошлого столетия. Изучением и обмером занимался также В. И. Пилявский[3]. Сведения о нем имеются в опубликованной монографии Г. А. Пугаченковой[4], в статье Н. С. Гражданкиной[5] и др.

В плане постройка представляет собой сильно вытянутый прямоугольник, ориентированный с юга на север. Длина здания 22 м при ширине 8 м в основании. Стены с внешней стороны покрыты непрерывным рядом полуцилиндров. Полуцилиндры начинаются на отметке около 3 м выше современного уровня земли и тянутся вверх несколько более 4 м.

Внутреннее пространство здания занимает единственное удлиненное помещение размерами около 18 м длины и немного более 3,5 м ширины.

Здание построено из сырцовых кирпичей размером в стороне 27—29 см и толщиной 6 см; в цоколе, который выложен из 11 рядов жженых кирпичей разных размеров: 20,5×20,5×4,5 см; 23×23×4 см и прочих. Характерными для этого здания являются квадратные ячейки, которыми заполнены торцовые стены и поверхность стены между пилястрами продольных стен, они разделены клеточной выкладкой из сырцовых кирпичей по три кирпича в стопку, в результате чего образуется множество ячеек, расположенных в шахматном порядке с сечением 20×20 см, глубиной 28—30 см.

Был вскрыт вход в помещение шириной 1,05 м и заложен небольшой раскоп внутри него. К западу от входа были обнаружены остатки устоя, выложенного из сырцового кирпича на цоколе из жженых кирпичей. Этот устой, надо думать, поддерживал здесь балки, вставлявшиеся в ячейки-нишки. Было выяснено, что цокольная часть здания была выложена из жженых кирпичей, но таким образом, что целые кирпичи клались по краю, а середина стены заполнялась обломками и половинками. Наслоения внутри здания образовались за счет рухнувшего перекрытия и оплыва мощных стен, здесь много фрагментов сырцовых и жженых кирпичей, алебастровой штукатурки, небольших фрагментов поливной и неполивной керамики, и, наконец, что особенно интересно, в этом же слое на уровне пола помещения и несколько выше было обнаружено 140 фрагментов сосудов без дна того же образца, что и описанные выше для здания «каптархона» в северном обводе. Кроме того, их здесь также сопровождал идущий ниже них тонкий желтоватый рыхлый слой явно органического происхождения (толщиной 2—5 см). Наконец, здесь же были найдены многочисленные косточки персика и винограда, а также семена арбузов.

Г. А. Пугаченкова считает гофрированное здание в Шахрияр-Арке, в котором был заложен описанный небольшой раскоп, залом государственного совета[6], М. Е. Массон же высказывал предположение, что ячейки в здании появились позднее, возможно, в XV в., когда здание использовалось в качестве сушилки для дынь. Без проведения широкого раскопа внутри здания трудно говорить о периодах его функционирования, однако обнаружение непосредственно на уровне пола сосудов без дна, хорошо датированных по другим комплексам, возможно, позволит несколько передвинуть вглубь время изменения в функциональном назначении здания.

В юго-восточном углу городища расположено небольшое здание площадью 12,5×6,5 м, причем при закладке шурфа внутри него оказалось, что на его стенах сохранилось до пяти рядов (а было явно больше) сплошных маленьких квадратных гнезд 20×20 см глубиной 28—30 см. Очевидно, гнездами были покрыты все внутренние стены здания. Содержимое культурного слоя было маловыразительным и говорить о назначении здания здесь трудно. Можно, однако, предположить, что оно использовалось, также как и два предыдущих. Здание датируется XI—XII вв. По мнению Я. Крикиса, дом был разрушен гузами и отремонтирован после их нашествия. Материала позже начала XIII в. здесь не встречено.

Здания типа «каптархона» довольно часто встречаются на территории Средней Азии. Так, например, В. А. Шишкиным описано здание подобного типа на территории Старого Термеза к югу от Тешик-Пештака, сложенное из сырцового кирпича, внутренние стены которого почти сплошь покрыты правильно чередующимися в шахматном поряд-

ке небольшими нишами-ячейками, довольно сильно углубленными[7]. Однако наиболее характерны такого рода здания для Хорезма эпохи великих Хорезмшахов. При этом каптархона, как правило, входит здесь в комплекс помещений домов крестьянских усадеб. Планировка их в Хорезме довольно разнообразна — это не только прямоугольные в плане здания, но и в виде сторон прямого или тупого угла, в виде буквы «Т» и другие. С. П. Толстовым в ряде работ описаны и приведены планы зданий типа каптархона, входивших в состав крестьянских усадеб Кават-Калинского оазиса[8]. Зарегистрирована каптархона во многих пунктах Хорезмского левобережья. О. А. Вишневская при описании средневековых сельских поселений хорезмшахского времени, обследованных в 1959 г., упоминает прямоугольную каптархону на поселении к юго-западу от Замахшара, а также каптархоны на усадьбах в урочище Дарьялык[9].

По поводу назначения подобного рода зданий с нишками внутри высказывались самые разнообразные точки зрения. Делались, в частности попытки установить их функциональное назначение исходя из названия (слово «каптархона» означает «голубятня»), то есть считать их либо просто голубятнями, либо станциями голубиной почты. Подобная точка зрения была аргументированно отвергнута С. П. Толстовым[10]. Последний же после проведения раскопок одного из зданий такого рода и обследования других пришел к заключению, что вопрос об этих загадочных постройках может быть решен окончательно, если предположить, что каптархона «соединяла в себе функции жилого помещения парадного характера (нечто вроде михман-ханы «гостиной» современного узбекского дома) с функциями хозяйственного хранилища»[11]. При этом С. П. Толстов считает, что нишки делались для украшения стен парадных помещений[12] и являлись «гипертрофированным декоративным развитием обычных нишек любого средневекового и современного азиатского дома»[13], причем они стали здесь почти бесполезными.

В. И. Пилявский в одной из своих работ говорит об утилитарном назначении нишек в таких зданиях; проводя аналогии с интерьером современного узбекского жилого дома, где нишки служат для хранения посуды и хозяйственных мелочей[14]. Позднее этот же автор высказал предположение, что здание с ячейками в Шахрияр-Арке могло служить книгохранилищем, что дескать глубина гнезд позволяла хранить в них свитки рукописей или книги[15]. В противоположность этому мнению Г. А. Пугаченкова считает, что таких размеров нишки не могли служить для хранения восточных манускриптов[16]. Она же сопоставляет каптархоны хорезмских усадеб XI—XII вв. с позднетуркменскими «дингами», которые в неспокойные дни служили оборонными башнями, а в обычное время использовались в качестве подсобнохозяйственных помещений[17].

Итак, давно большинством исследователей отвергнута возможность трактовки этих зданий как «голубятен», каковыми именует их обычно местное население, а Г. А. Пугаченковой убедительно доказан тот факт, что здания такого рода не могли служить книгохранилищами. Таким образом, на территории средневекового города Султан-кала и его обводов в Старом Мерве находятся три здания, имеющих прямоугольный продолговатый план, стены которых внутри покрыты ячейками. Раскопки двух из этих зданий дали слой с огромным количеством фрагментов очень своеобразных сосудов без дна с боковыми отверстиями, слой желтого цвета с перегноем каких-то растительных остатков при полном или почти полном отсутствии инвентаря, который мог бы быть связан с жилыми и тем более парадными помещениями. Несмотря на оставшееся несколько неясным назначение сосудов без дна,

можно с уверенностью говорить об отсутствии связи данных помещений с жилыми комплексами и, наоборот, утверждать, что мервские «каптархона» явно имели производственно-хозяйственное или производственно-складское назначение. Особенно показательно в этом отношении обнаружение большого количества семян дынь, арбузов, косточек винограда, персиков, вишен, слив, абрикосов, миндаля. Нам представляется, что эти здания в Мерве служили для хранения, сушки, и, очевидно, переработки садово-бахчевых культур. Как сказано выше, М. Е. Массон рассматривал здание в Шахрияр-Арке на втором этапе его существования как сушилку для дынь. Нам думается, что, наряду с такой функцией, эти здания служили чаще всего для длительного хранения в целях более позднего использования продуктов садоводства и особенно бахчеводства, продажи в зимнее время, а, возможно, и последующего экспортирования в другие районы. Нельзя не отметить, что вокруг каптархоны в северном обводе имеется обширное незастроенное (это хорошо видно по микрорельефу) пространство, где в непосредственной близости от хранилища могли располагаться сады или бахчи. Очевидно и эти участки, и само хранилище могли принадлежать одному и тому же лицу.

Средневековые авторы неоднократно говорят о хорошем качестве садово-бахчевых культур Мерва, многие из которых служили предметом вывоза за его пределы. Приведем некоторые свидетельства письменных источников. Так, Истахри пишет: «...сухие плоды Мерва — виноград (изюм) и прочее предпочитаются таковыми из других мест... На отменность мервских плодов указывает то, что дыни режутся ломтями и вывозятся в Ирак, и я не знаю, возможно ли это в каком другом городе»[18]. «В нем много винограда и вишен», — пишет Макдиси и далее сообщает: «Нет подобных... сладостям, сладким корням и дыням Мерва...»[19]. В «Худуд-ал-алем» среди предметов вывоза из Мерва упоминается виноградный уксус[20]. Казвини сообщает, что «из фруктов его (Мерва) хорошими являются груши, виноград, дыни: их сушат и везут во многие области»[21]. Не менее интересно свидетельство Хафизи Абру: «Дыни в Мерве растут прекрасно; их сушат и в таком виде называют «как», из сока дынного делают вареный сок»[22].

М. Е. Массон в своей статье, посвященной истории разведения дынь в Туркмении[23] приводит для X в. данные Ибн-ал-Факиха о том, что хорасанские дыни, славившиеся большой сладостью, приятным вкусом и ароматом привозились халифам в медных котлах. Известно также, что ко дворам халифов хорезмские дыни доставлялись в особой свинцовой таре[24]. Не исключено, что своеобразной тарой служили и описанные сосуды без дна.

Таким образом, средневековые авторы отмечают особо высокие вкусовые качества мервских дынь, винограда, груш, вишен, причем, судя по приведенным данным, в Мерве употреблялись и из Мерва вывозились фрукты и бахчевые не только в натуральном виде, но и в переработанном: сушеные дыни, изюм, вареный дынный сок (очевидно нечто вроде патоки), виноградный уксус и пр.

Нам представляется, что здания типа «каптархона» в Мерве служили прежде всего в качестве складов, где хранились разнообразные продукты садоводства и бахчеводства. Владелец такого здания в северном обводе мог хранить здесь как урожай, полученный со своего участка, прилегающего к зданию, так и продукты, скупленные в прилежащих сельских местностях. Однако эти здания несли в себе и функции помещений производственного назначения. Здесь производилась, видимо, сушка дынь, и, возможно, изготовление патоки, во всяком слу-

чае связь описанных своеобразных сосудов с какими-то производственными процессами несомненна.

Раскопки мервских каптархона показали иное их назначение по сравнению с хорезмскими. Прежде всего здания этого типа расположены в Мерве не только на территории северного обвода — дополнительно пристроенной к городу территории, не только на территории самого города, в его юго-восточном углу, но даже и в самой цитадели города. Это обстоятельство не дает возможности проводить полные аналогии с таковыми же зданиями в Хорезме, где они являются неотъемлемой принадлежностью сельских усадеб. Однако нам думается, что вопрос о производственно-складском назначении такого рода зданий может быть поставлен в какой-то мере и для Хорезма, тем более, что в одной из своих работ С. П. Толстов говорит о том, что в каптархонах можно видеть пережиток афригидских донжонов «сохранивших лишь функцию амбара (разрядка наша. — *С. Л.*) и парадного помещения»[25], а также о том, что каптархона соединяла в себе функции жилого помещения парадного характера с функциями хозяйственного хранилища[26]. Вопрос о совмещении таких функций не совсем ясен, тем более, что эти большие помещения в Хорезме обычно не имеют поперечных перегородок, которые могли бы отделить хозяйственную часть от «парадной». Быть может и обнаруженные здесь остатки в виде хозяйственной и бытовой керамики и особенно косточки персиков, абрикосов, кости животных можно связать не с остатками от трапез[27], а с использованием здания в качестве амбара. Думается, что и для Хорезма во многих случаях эти здания могли играть именно роль производственных, складских, хозяйственных помещений как часть сельских усадеб. Именно такое назначение могла иметь, на наш взгляд, например, прямоугольная каптархона, распсложенная в садово-бахчевом и парковом комплексе в урочище Сюзанлы[28].

Не отрицая возможность различного использования зданий типа «каптархона» (возможно различные точки зрения по поводу их назначения отчасти этим и объясняются), мы хотели лишь подчеркнуть их принадлежность не только сельским усадьбам, но и городской застройке и с другой стороны явное использование, во всяком случае части их, в качестве производственно-складских помещений, о чем неоспоримо свидетельствуют раскопки мервских «каптархона».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 258.
2. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийского края. МАР, № 16, СПб., 1894, стр. 119.
3. Пилявский В. И. Сырцовые сооружения Древнего Мерва. СИИТА, вып. 3. М., 1947, стр. 47; Его же. Архитектура древнего Мерва. Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института, вып. 10. М.—Л., 1950, стр. 101.
4. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 216—217.
5. Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 77—78.
6. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 218.
7. Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза. Труды УзФАН СССР, серия 1, ТАКЭ, 1936. Ташкент, 1940, стр. 142—143.
8. Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 79—81; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 159—162; Толстов С. П. По древним дельтам... Цит. соч., стр. 258.
9. Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 7. М., 1963, стр. 54, 56.
10. См., например, Толстов С. П. Новые материалы... Цит. соч., стр. 82.
11. Там же, стр. 87.

12. Толстов С. П. По древним дельтам... Цит. соч., стр. 259.
13. Толстов С. П. Новые материалы... Цит. соч., стр. 87.
14. Пилявский В. И. Сырцовые сооружения... Цит. соч., стр. 50.
15. Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва... Цит. соч., стр. 102.
16. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 218.
17. Там же, стр. 217.
18. Ал-Истахри. Извлечения из «Китаб Месалик ал-мемалик». МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 174.
19. Ал-Макдиси. Извлечения из «Ахсан-ат-такасим фи-марифат ал-акалим». Там же, стр. 191 и 202.
20. Извлечения из «Худуд-ал-алем» — анонимного персидского географического сочинения. Там же, стр. 213.
21. Хамдаллах Казвини. Извлечения из «Нузхат-ал-кулуб». Там же, стр. 508.
22. Хафиз-и-Абру. Извлечения из географического сочинения. Там же, стр. 527.
23. Массон М. Е. К истории разведения дынь в Туркменистане. Известия АН ТССР, 1956, № 1, стр. 12.
24. Там же.
25. Толстов С. П. Новые материалы... Цит. соч., стр. 88.
26. Там же, стр. 87.
27. Там же.
28. Вишневская О. А. Археологические разведки... Цит. соч., стр 56.

Л. А. КУРАЕВА

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРИВОЗНАЯ КАМЕННАЯ УТВАРЬ ИЗ МЕРВА И НИСЫ

Камень на протяжении всей истории материальной культуры, кончая современной цивилизацией, играл особую роль. Прочность материала и вместе с тем способность поддаваться обработке посредством удара, способность подвергаться обточке и резьбе, определяют основные пути его использования.

Широкое употребление камня в быту совпало с эпохой развитого средневековья. Фрагменты каменной утвари, встречаемые на различных территориях Средней Азии, показывают, что среди прочих ремесел немаловажное место занимало производство каменной посуды, известной в археологической литературе, как стеатитовая, талькохлоритовая. Подобные названия не совсем верны, так как могут быть распространены только на конкретные объекты. Между тем, среди многих археологических сборов встречаются каменные изделия, которые имеют также некоторые среднеазиатские музеи и частные лица. Предметы, содержащиеся в музеях, обычно беспаспортны. Мало того, в бухарских музеях, например, они значились как изделия из «нуратинского мрамора, работы местных мастеров», а в ленинабадском музее имеющаяся каменная этнографическая утварь, состоящая из чайника и вазы, включалась в стенд гончарных изделий[1].

Подобные случаи показывают, как мало обращали до сих пор внимания на точные определения камня. Сборы каменной утвари в процессе полевых археологических обследований Мерва и Новой Нисы поставили перед Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией, руководимой профессором М. Е. Массоном, задачу выявления основных существовавших здесь видов утвари[2].

В настоящей статье мы рассматриваем комплекс утвари сборов ЮТАКЭ за 1958—1959 гг. общим числом, превышающим сотню предметов, состоящих из раскопочного, а также (в основном) из подъемного материала.

Прежде чем перейти к характеристике и классификации материала, мы должны сговорить, что основным методом для датировки каменной утвари в настоящей работе будут служить данные сравнительного анализа. А это обязывает нас к предельной осторожности в части конечных выводов, ибо основной материал массовый, буквально попираемый ногами как на Новой Нисе, так и в Старом Мерве. Датированные же предметы определяются комплексом находок, в том числе и монетами XI—XIV вв. Разумеется, что указанная датировка относится к наиболее распространенным видам. Отдельные каменные предметы могут быть отнесены и к более раннему периоду, не исключена также возможность и несколько более позднего их бытования.

Каменные изделия отличаются многообразием форм, различным

качеством и разнообразным назначением, начиная от крупных котлов и кончая скульптурными изображениями. Не желая загромождать работу массовым описанием предметов, мы включаем в настоящую статью лишь некоторые, руководствуясь принципом отбора наиболее типичного, характерного и лишь в известных случаях — уникального. Утварь по назначению может быть подразделена на два вида: кухонные котлы и различные поделки.

Кухонные котлы из Новой Нисы и Мерва представлены большим количеством однотипных обломков, поэтому нет особой надобности в их отдельном выделении по районам. По сходству венчиков и профилю стенок котлы разделены на четыре типа.

К первому типу отнесены фрагменты котлов с треугольным в сечении венчиком, слегка выпуклыми стенками, расширяющимися ко дну, ручками, идущими вдоль края венчика, в количестве от двух до четырех. Все они от светло- до темно-серого цвета, зернистой структуры, различных диаметров — начиная от 22 до 38 см, с ячеистой или чешуйчатой разделкой внешней поверхности (рис. 1, *1—6*). Чешуйки чаще располагаются беспорядочно, реже ровными рядами. Характер разделки зависит от ширины рабочей части инструмента. Так, чешуйки образовались в результате обработки поверхности режущим плашмя инструментом. От инструмента с узкой рабочей частью остаются следы в виде мелких бороздок, идущих в различных направлениях: в горизонтальном, вертикальном и наклонном. Реже поверхность шлифовалась. Внутренняя часть заглажена с радиальными следами обрабатывающего инструмента. В ряде случаев, в результате долгого лежания в земле, фрагменты изъедены солями. У ряда котлов отмечена орнаментация по венчику в виде процарапанных циркулем замкнутых концентрических колец, от одного до трех из одного центра, и иногда в сочетании с одинарными, двойными и тройными линиями.

Особого внимания заслуживает каменный сосуд VIII—XII вв. с городища Мунчак-тепе на Кафирнигане из Таджикистана (рис. 2) из находок А. М. Мандельштама и С. Б. Певзнера[3]. Наружная поверхность этого сосуда украшена геометрическим орнаментом, состоящим из процарапанных пересекающихся линий и полукругов. Сосуд интересен тем, что он дает возможность выявить эволюцию орнамента. Так, неправильные полукруги XI—XII вв. принимают форму правильных концентрических колец и являются на данном этапе излюбленным мотивом в орнаментации. На многих фрагментах отмечены следы ремонта железными заклепками или стягиванием их медной проволокой, что свидетельствует об их относительной ценности. Котлы, в большинстве случаев, сильно закопчены. На основании статистического подсчета можно говорить о том, что этот вид котлов был особенно широко распространен в быту.

Отмеченный тип котлов встречен среди подъемного и раскопочного материала с городищ Старого Мерва, в частности датированные предметы (котлы) обнаружены в ремесленных мастерских в рабаде к западу от Султан-калы[4]. Данный тип котлов особенно широко встречается в числе подъемных находок как в Мерве, так и на Новой Нисе. На основании сравнения подъемного материала с раскопочным из гончарной мастерской можно утверждать, что каменные котлы такой формы были распространены в XII—начале XIII в. Предметы, происходящие из Новой Нисы, подъемные.

Подобный котел был зарегистрирован в мусорной яме в городской стене Новой Нисы и на основании найденных в ней медных монет, чеканенных в Нисе с именем хорезмшаха Мухаммеда, отнесен профессором М. Е. Массоном к первым десятилетиям XIII в.[5] При обследо-

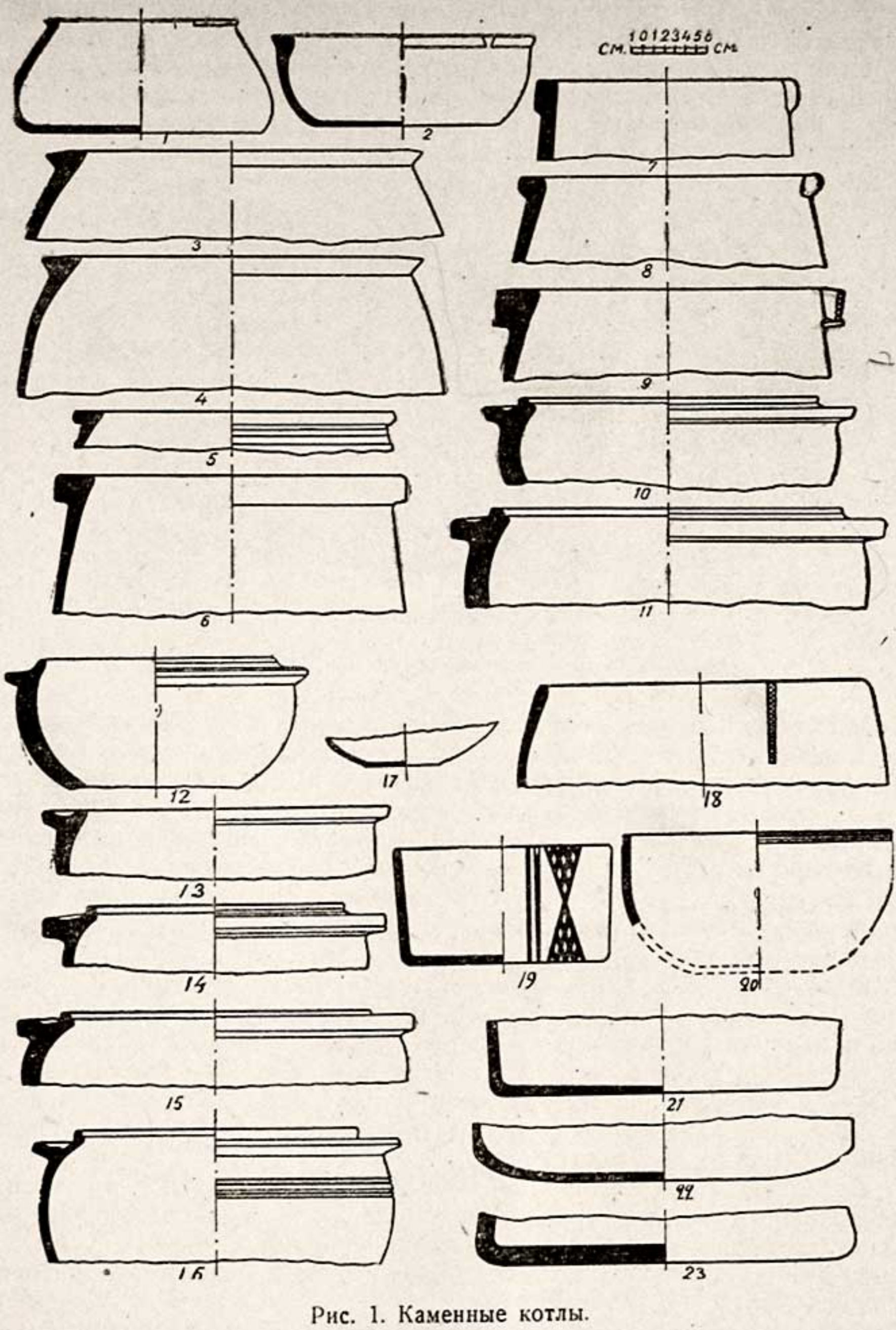


Рис. 1. Каменные котлы.

вании пригорода Новой Нисы, В. Д. Жуковым были встречены обломки каменных котлов, которые он на основании целого ряда находок также относит к XII—началу XIII в.[6]

Ко второму типу (рис. 1, *7—9*) отнесены фрагменты котлов с прямыми утолщающимися к краю венчиками и расширяющимися книзу стенками при диаметре 24—38 см и большим разнообразием ручек: в виде выступа у края венчика, в виде выступа у края венчика и проходящим через центр сквозным отверстием, в виде выступа у края венчика со скашивающимися гранями на треугольной пластинке, в виде

треугольного выступа, в виде небольшой округлой пластинки, идущей горизонтально по стенке ниже венчика.

Стенки котлов вдоль бортика и вокруг ручек-выступов обработаны вертикальным и горизонтальным рифлением. Самые же ручки покрывались рифлением елочкообразно или под углом.

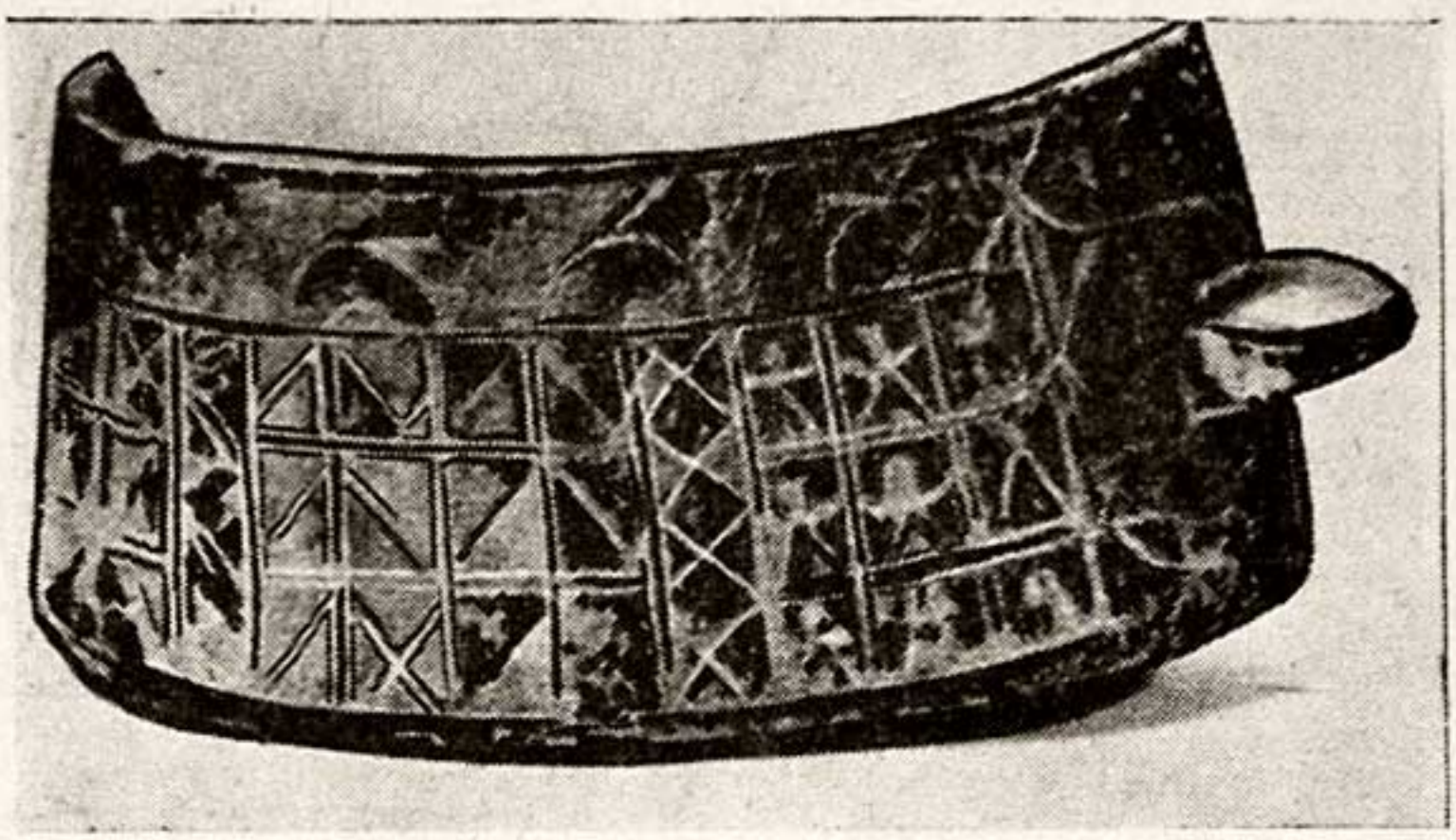


Рис. 2. Часть каменного сосуда из Мунчак-тепе.

Многие фрагменты несут следы ремонта и копоти. Несколько таких фрагментов было отмечено в керамических мастерских рабада в Мерве (раскопочный материал), в сборах с Новой Нисы (подъемный материал), в хозяйственных помещениях цитадели Хульбука[7]. Но еще в большей степени на территории Хорезма. Каменный материал из средневековых городищ Ак-Яйла, Талайхан-ата, Шахсенема, Коваткалы, Шемаха-калы, Уйгурака и других идентичен мервскому и на основании керамического материала и нумизматических данных отнесен к XI—началу XIII в.[8]

В третий тип (рис. 1, *10—16*) объединены фрагменты венчиков с довольно сложной профилировкой, с ярко выраженным, часто раздвоенным бортиком и широким кольцевым поясом ниже закраины. Стенки шаровидного профиля имеют сечение в 1—3 см при диаметре венчика 20—39 см. Стенки с обеих сторон зашлифованы, изнутри заметны круговые следы, оставшиеся от обработки. Этот тип весьма распространен на городище Новая Ниса.

Несколько подобных фрагментов обнаружено в 1959 г. в раскопе 1, произведенном Е. З. Зауровой в северо-восточной части цитадели. Объект датируется комплексом находок, относящихся к XIV в. В Мерве фрагменты этой группы котлов, найденные как подъемный материал, незначительны.

В четвертый тип (рис. 1, *18—20*) вошли небольшие банкообразные котлы. Мы располагаем рядом фрагментов с зашлифованной внешней поверхностью, украшенной рифлением и вертикальными полосами с косыми насечками. Особого внимания в рассматриваемой группе заслуживает археологически целый сосуд высотой в 14 см при диаметре венчика 20 см и диаметре дна 19 см, дающий новый тип орнамента и способ его нанесения[9]. Орнамент состоит из двух треугольников, соединенных вершинами, причем каждый из треугольников разделен на ромбики. Рельеф нечеткий, за счет шлифования после нанесения рисунка. Сосуд найден Г. А. Пугаченковой в Мерве и ею же на основании сопутствующей керамики отнесен к X в.

Помимо вышеописанных четырех типов котлов, имеются еще четыре фрагмента, которые ни к одному из этих вариантов отнести нельзя, а потому рассмотрим их в отдельности.

Котел: часть прямого венчика темно-серого цвета со слегка выпуклыми стенками, суживающимися кверху, с отшлифованной внешней и внутренней поверхностью, с ручкой в виде треугольного выступа на прямоугольной пластине, подходящей под углом к венчику. Образовавшееся пространство удобно для захватывания пальцами. В качестве декора по центральному выступу применено елочкообразное рифление и вертикальные полосы, проходящие с обеих сторон. Резцом под ручкой обозначен многоугольник. Диаметр котла 23 см, с сечением стенок 1—1,2 см. Котел сильно закопчен, найден в северо-восточной части цитадели на Новой Нисе, в раскопе 1, произведенном Е. З. Зауровой в 1959 г.

Подобной же формы котел найден в 1921 г. Ф. В. Баллод при археологических работах на берегу Волги в «Водянском городище», которое ряд археологов отождествляет с древним татарским городом Бельджаменем XIV—XV вв.[10] Комплекс датируется на основании большого скопления монет, так называемого Водянского клада, в котором оказалось 200 штук, относящихся ко времени 1318—1363 гг.

Фрагмент стенки котла серого цвета, орнаментирован утяжеленным шестигранным медальоном с шестью двойными вписанными треугольниками. Часть стенки котла серого цвета с шаровидной выпуклостью.

Фрагмент стенки с прямым, плоским донцем, по-видимому, прогибающимся к центру, с тщательно разделанной на ровные чешуйки внешней поверхностью, с вклиненным треугольником.

Встречены донца двух типов, округлые или плоскодонные, иногда с небольшими прогибами в центре (рис. *1, 17, 21, 23*).

Поделки в силу их различия следует рассмотреть отдельно по районам.

Поделки из Мерва (рис. 3). К этому виду можно отнести сосуды, представленные археологически целой формой и одним небольшим фрагментом в виде боковой части с ножкой. Сосуды прямоугольной в плане формы светло-серого цвета, выполнены ручным способом. Сосуд археологически целой формы, на четырех небольших ножках с ручками по бокам в виде сплошного продолговатого выступа следующих размеров: длина 7,2 см, ширина 4,5 см, высота 3,5 см, орнаментирован замкнутыми концентрическими кругами. Найден на Султан-кале. Ему аналогичны предметы из Мешеди-Мисриана (коллекция кафедры археологии ТашГУ), сосуд из коллекции Пампелли, составленной во время археологических работ на Гяур-кале[11]. С ним сходна поделка из Хульбука (XI в.), отличная от предыдущих лишь длинной ручкой, украшенной концентрическими кольцами[12].

Мнения о назначении данных предметов различны. Они связывают их с разведением в них минеральных красок (Пампелли), другие склонны считать их курильницами. Первое предположение представляется нам наиболее правильным, хотя прямых свидетельств пока нет. Рассмотренная группа по способу орнаментации и сопутствующего ей другого инвентаря может быть отнесена к XI—началу XIII в.

Наибольший интерес в подъемном материале с городища Султан-кала представляет фрагмент стилизованного скульптурного изображения лошади с отбитыми боками, с нечеткой моделировкой головы, слегка наклоненной вправо. Циркульные кружки морды имитируют сбрую. Изображение лошади — широко распространенная тема, восхо-

дящая к глубокой древности. Датировка находки устанавливается в рамках XI—XIII столетий, каковым временем датируются и все остальные предметы, орнаментированные концентрическими кольцами.

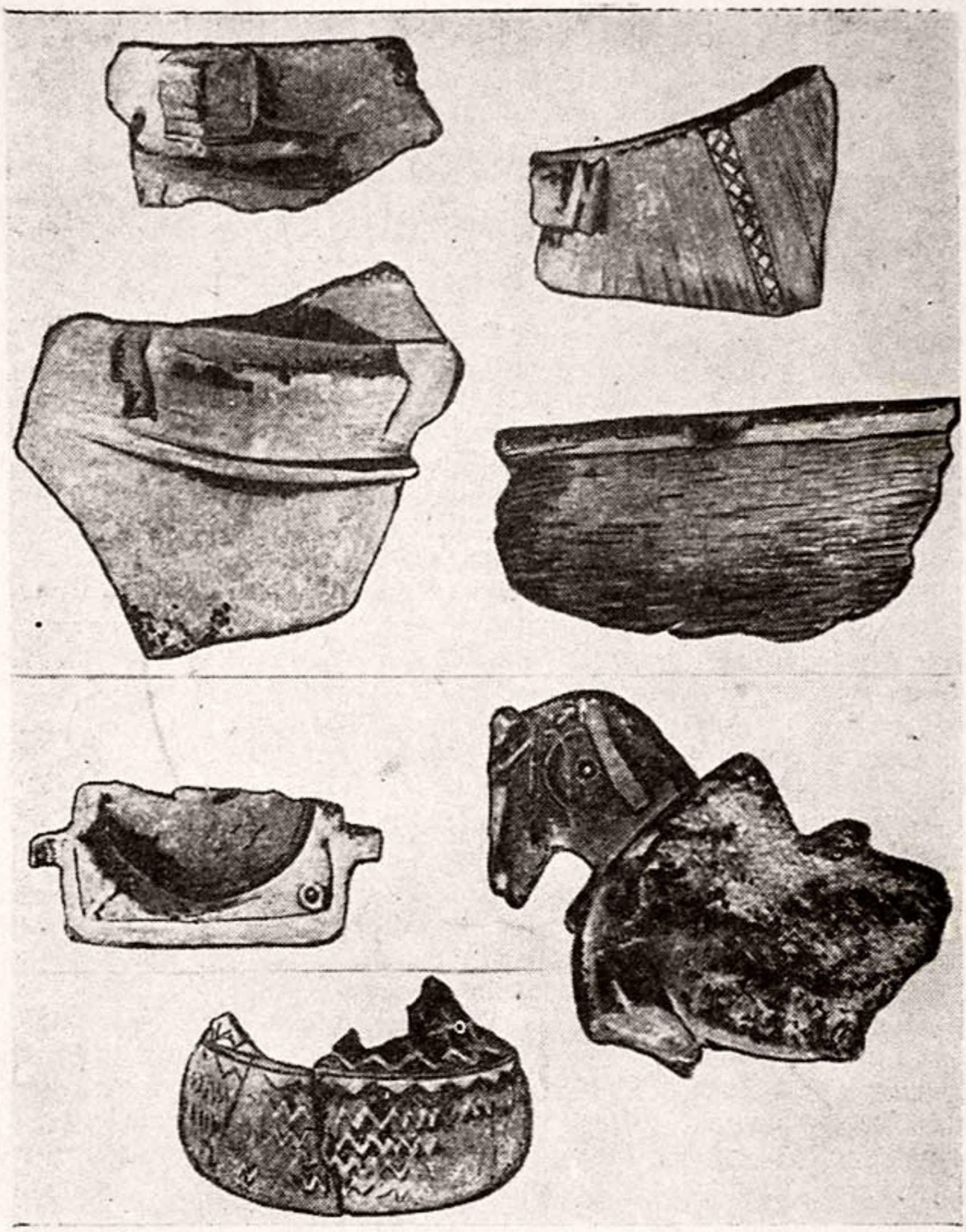


Рис. 3. Ручки каменных котлов; курильница; стилизованное изображение лошади (Мерв); фрагмент сосуда (Новая Ниса).

Поделки из Новой Нисы. В сборах подъемного и раскопочного материалов 1959 г. были отмечены следующие:

Фрагменты тулова грушевидного сосудика довольно тщательной разделки, орнаментированного в несколько поясов геометрическим орнаментом. Наиболее сохранившаяся нижняя часть покрыта волнистыми линиями в шесть рядов, выше — зубчатой выемкой. Второй пояс — в виде цилиндрических стержней на ромбической основе. Рельеф создавался путем выборки материала отдельных участков. Внутренняя сторона хорошо зашлифована, на ней заметны правильные следы обработки на вращающемся станке.

Конусовидная коробочка флакончика, высотой 1,5 см, диаметром 0,8 см, орнаментирована циркульными кругами по одному, со всех четырех сторон.

Третьей поделкой является небольшой предмет с расширяющимся отверстием внутри и рельефно точеной в разных планах внешней поверхностью, высотой в 2,9 см. Предмет неизвестного назначения, скорее всего какая-то деталь, обнаружен в раскопе 1, произведенном Е. З. Зауровой в северо-восточной части цитадели. Две первые находки подъемные, а потому трудно установить датировку.

Обработка каменного материала, по-видимому, была однотипна с той, которая нам известна по Султан-Уиз-дагу, где она велась следующим образом: монолит, доставлявшийся из выработок в так называемые «мастерские» (его размеры в Султан-Уиз-даге 60×42 см, 60×45 см, 45×45 см, 51×51 см), разделяли на части в зависимости от величины предполагаемой заготовки. Мастер с помощью ударов молотком по наклонному резцу снимал слой за слоем ненужную часть породы, доводя болванку до округлой формы желаемых размеров. Затем, пользуясь тем же резцом, он приступал к выемке породы изнутри.

В Хорезме заготовки такого типа для дальнейшей обработки привозили в Баратегин[13] и в городских условиях производили конечную обработку, при которой ассортимент инструментов расширялся и включал зубило с широким рабочим краем, резцы, циркуль, токарный станок с ножным приводом.

Добыча и обработка талько-хлоритовой породы в Хорасане производилась, вероятно, подобным же образом.

В нашей каменной посуде различаются два вида обработки: комбинированная и станочная. Комбинированная — в ручную и на токарном станке, каковая применялась в изготовлении котлов I, II, IV типов и трех нетиповых фрагментов. Станочная обработка: III тип и один нетиповой фрагмент. В обоих случаях обработка велась как вручную, так и на токарном станке, с той лишь разницей, что при комбинированном способе работы преобладающую роль играл ручной труд, во втором — механическая обработка. Первоначально заготовку подвергали ручной обработке, скалывая зубилом по всей поверхности слои породы, утоньчая таким образом стенки сосуда, затем оттачивали на станке, о чем говорит наличие борозд. Ручки высекались вручную. Иногда они слабо выражены и не являлись обязательным приспособлением для установки над очагом, а служили для удобства при переноске. Конечным элементом обработки было шлифование песком и нанесение орнамента, состоящего из насечек, бороздок и концентрических кругов.

Все рассмотренные выше предметы утвари Мерва и Нисы, как показало петрографическое изучение (анализ под микроскопом минералогического состава или структурных особенностей), любезно произведенное Я. С. Висьневским, выполнены не из стеатита и не из талько-хлорита[14].

Стеатит представляет собой крипто-кристаллическую разновидность талька, а также может рассматриваться как мономинеральная, или как почти мономинеральная, однородная тальковая порода. Наряду со стеатитом широким распространением пользуются тальковые породы с более или менее значительными примесями других минералов, главным образом магнезиальных (магнезит, доломит, бренерит) или амфиболов (тремолит, актимолит). Такие тальковые породы называются тальковым или горшечным камнем. Последнее название эта

порода получила в силу того, что широко использовалась и используется в восточных странах главным образом для изготовления горшков.

Все рассмотренные нами находки каменной посуды изготовлены из талькового камня иранского происхождения. Однородная в минералогическом и структурном отношении порода составлена следующими разновидностями: талько-хлоритовыми, хлорито-тальковыми, талько-карбонатно-хлоритовыми. Естественно, что в каждом конкретном случае представляет интерес выяснение вопроса о том, из какой именно разновидности изготовлен данный предмет. Это тем более важно, что петрографический анализ дает возможность установить источник данного материала, поскольку тальковые породы различных месторождений достаточно резко отличаются друг от друга по микроскопическому облику. Но не исключена возможность изготовления отдельных предметов и из стеатита, главным образом предметов украшения. Стеатит легко поддается обработке и полировке и очень красив в изделиях.

Тальковая порода от светло- до темно-серого и серовато-зеленого цвета. Цвет ее зависит от состава преобладающего минерала. Так, присутствие хлорита придает зеленовато-серую окраску, карбоната — желтовато-коричневую, рыжеватую, талька — блестящую, белесую.

Отличительные свойства породы огне-, щелочно- и кислотно-упорность делают ее сейчас широко применимой в ряде областей промышленности, а именно: металлургической, стекольной, химической и других. Отмеченные выше качества ценились с давних пор. Арабские и персидские авторы IX—X вв. сообщают, что на территории Хорасана, в области Мешхеда и Нишапура, а особенно на территории последней, включающей в себя округ Туса с центром Нукан, велась добыча камня, из которого делались горшки.

В «Худуд-ал-алеме» и других источниках находим: «Тус — область. В ней есть небольшие города.[15] Самый большой город Туса называется Нукан.[16] В горах Нукана рудники камня, из которого делаются горшки, его вывозят (очевидно, речь идет о горшках.—*Л. К.*) в другие города Хорасана»[17] и прежде всего, конечно, в столицу Хорасанского государства сельджукидов — город Мерв, развалины которого и изучаются ЮТАКЭ. Экономическому и культурному подъему Мерва в XI—XII вв. помимо его столичного положения способствовало и его местонахождение на важнейшей торговой дороге — из Китая в Европу; часть той дороги проходила по территории современного Туркменистана через город Амуль (Чарджоу), Балх, Мерв, Серахс. Весь путь торговых караванов усыпан обломками керамики, на территории городов и сельских поселений много привозной из области Туса каменной посуды.

Вторым крупным городом Северного Хорасана была Ниса. Результаты археологических раскопок Нисы также указывают на быстрое развитие города в XI—XII вв.[18] Широкое распространение каменных изделий на территории Мерва и Нисы связано с экономическим подъемом этих областей в XI—XII вв.

Древняя традиция изготовления посуды из камня дожила и до наших дней. Так, в Иране, в областях Мешхеда, до сих пор изготавливают каменную посуду, что подтверждается этнографическими данными—фотографиями из коллекций преподавателя ТашГУ Т. А. Тутунджана, сделанными им в 1942 г., во время его поездки в Иран (рис. 4). На фотографиях запечатлена мастерская по производству каменной утвари, представленная в основном котлами, подставками, намогильными плитами. На ней видны блоки заготовки, бракованная посуда, отходы,

набор инструментов типа кирки, кетменя очень небольших размеров, зубила. Явственно видна форма котлов, восходящая в своей основе к средневековой. Котлы плоскодонные и со скашивающимся округлым дном, с выступающей ручкой очень близки по форме котлу из Мунчак-тепе из сборов А. М. Мандельштама и С. Б. Певзнера[19].

Рис. 4. Мешхед. Мастерская по обработке камня. 1942 г.

В кухонном инвентаре современных багирских жителей встречается каменная утварь, завезенная в недавнем прошлом из Ирана и купленная их отцами. По свидетельству их подобная посуда в большом количестве продавалась на рынках предгорной полосы Копет-Дага несколько десятков лет тому назад. Длительный период бытования котлов и их распространенность на огромных пространствах вероятнее всего можно объяснить тем, что пища, приготовленная в такой посуде, обладает особыми вкусовыми качествами, а также и удобством формы. До сих пор в быту канибадамских таджиков встречаются бронзовые котлы, употребляемые для кипячения воды (при стирке белья), по форме аналогичные котлам из талькового камня, хранящимся в ашхабадском, кокандском и бухарском музеях.

Таким образом, обзор находок каменной утвари с территории Мерва и Нисы позволяет сделать следующие выводы.

Каменная утварь, выполненная из породы типа горшечного или талькового камня, получила распространение с раннего и особенно широко с развитого средневековья.

Исходя из данных микроскопического (петрографического) изучения пород типа горшечного камня выявлено, что вся каменная утварь, обнаруженная на территории Южного Туркменистана, иранского происхождения. Отличительными ее свойствами от султан-уиздагской породы является однородность минералогического и структурного состава, отсутствие сланцеватости, равномерное распределение рудного минерала в виде реликтовой сетки, почти полное отсутствие тремолита, наличие анкерита.

Перечисленные выше особенности, присущие иранской породе, способствуют меньшим отходам при обработке и меньшим расходам при эксплуатации. Что касается султан-уиздагских пород, то именно вследствие своей неоднородности и сланцеватости они должны были давать очень много отходов и качество их обработки должно было быть

более низким. Вероятно, это сказывалось и на величине изготовлявшихся предметов.

Установлены бытовавшие формы. На основании статистических данных первое место среди изделий из камня занимают котлы. Выявлен процесс изготовления утвари из камня. Замкнутые концентрические кольца — излюбленный мотив орнаментации для каменной утвари XI—XII—начала XIII в.

Общность форм каменной посуды Мерва и Нисы, характер обработки, отличающийся высоким качеством, свидетельствуют о наличии специалистов-ремесленников. Применение товарного станка при изготовлении каменной утвари — доказательство товарности производства, производства для рынка.

На основании данных петрографического анализа, уточнившего породу, может быть предложена переатрибуция изделий, называемых ранее стеатитовыми тальк-хлоритовыми, в изделия, выполненные из талькового или горшечного камня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эту же ошибку повторяет М. И. Вязьмитина, относя к шкале керамики фрагменты каменного котла. Вязьмитина М. И. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 159, рис. 12.

2. Первая попытка изучения изделий из так называемого стеатита ставилась по линии ЮТАКЭ в 1946—1947 гг., но в силу ряда обстоятельств не была доведена до конца.

3. Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 66, 1958, стр. 311—312, рис. 18.

4. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI, 1962, стр. 384—385.

5. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 68, 77, рис. 36.

6. Жуков В. Д. Изучение пригорода Нисы в 1946 году. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 186. При беседе с В. Д. Жуковым выяснилось, что в пригороде Новой Нисы были встречены сосуды первого типа.

7. Гулямова Э. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VIII (1960 г.), изд. АН ТаджССР. Душанбе, 1962, стр. 128.

8. Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на Шемаха-кала. Труды ХАЭЭ, т. 1. М., 1952, стр. 188; Вишневская О. А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 440, 460; Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шахсенем в 1952 г. Труды ХАЭЭ, т. II. М., 1958, стр. 414; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 284—285.

9. Сосуд утерян при транспортировке из Старомервского лагеря в Ташкент осенью 1958 г. Публикуется чертеж.

10. Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». М.—Л., 1923, стр. 118.

11. Pumpelly R. Exploratious in Turkestan. Expedition of 1904, 1, 1908.

12. Гулямова Э. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. Труды АН ТаджССР, т. XXVII. Душанбе, 1961, стр. 152, 154.

13. Ал-Макдиси. Извлечения из «Асхан ат-такасим фи-марифат ал-акалим», МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 187.

14. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Я. С. Висьневскому за любезные консультации и петрографическое определение породы типа горшечного камня.

15. Извлечение из «Худуд ал-алем» — анонимного персидского географического источника. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 212.

16. Ал-Якуби. Извлечения из «Китаб ал-булдан». МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 147.

17. Ибн-Хаукаль. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-ал мемалик». МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 183.

18. История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1957, стр. 258—259.

19. Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б. Работы... Цит. соч., стр. 311—312, рис. 18.

Е. Б. ПРУГЕР

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

Развитие архитектуры в Средней Азии, в частности в Южной Туркмении, тесно связано с использованием в качестве строительного материала сырцового и обожженного кирпича. Первоначальное применение обожженного кирпича, а, следовательно, и возникновение кирпичеобжигательного производства в Средней Азии относятся к первым векам до н. э.

Рассмотрим вкратце историю изучения кирпичеобжигательных печей. Наиболее ранним документом, свидетельствующим о кирпичеобжигательном производстве и, в частности о кирпичеобжигательных печах Средней Азии, служит миниатюра Касима Али XVI в.[1] Первые известия о кирпичеобжигательных печах в Туркестанском крае появились в литературе в 70-х годах XIX в. В 1874 г. Н. Богаевским была опубликована статья, в которой он, сообщая о кустарных кирпичеобжигательных печах Самарканда, Ташкента и других городов Средней Азии до занятия края русскими, пишет: «...в Ташкенте и Самарканде были кирпичеобжигательные печи, выполнявшие заказы заранее данные, а если таковых не было, то стоявшие без дела. В других городах, когда случалась надобность в кирпиче на большую постройку, то печи строились нарочно, а мастера выписывались из главных городов; по окончании построек оканчивалось и кирпичное производство»[2].

5 мая 1897 г. на заседании ТКЛА Н. С. Лыкошин в сообщении о случайных археологических находках в числе прочих упоминает и о кирпичеобжигательной печи, обнаруженной в Кукчинской части Ташкента[3].

В приложении к протоколу от 7 февраля 1900 г. В. А. Каллаур пишет об обнаружении кирпичеобжигательных печей в Перовском уезде, одна из которых находилась в местности Биш-Там, расположенной в 20 верстах к северу от Скобелева, а вторая, загруженная сырцовым кирпичом для обжига, но не обожженным[4], находилась восточнее крепости древнего города Ашнас.

О печах «...у риштанских мастеров самого примитивного образца, как в русских деревнях на кирпичных заводах...» сообщает А. Головин[5].

В Самарканде кирпичеобжигательные печи не раскапывались. В. Л. Вяткин пишет, что «на Афрасиабе... печей для обжига кирпича... нет — они... за городом»[6].

На городище Старого Термеза М. Е. Массоном и В. А. Шишкиным отмечено вне рабада свыше 20 кирпичеобжигательных печей[7]. Одна из них была заброшена до окончания обжига и разгрузки, так как она оказалась наполнена полуобожженным кирпичом. В связи с этим

В. А. Шишкин делает вывод о возможной катастрофе, заставившей внезапно оставить производство и, предположительно, связывает это с монгольским нашествием или каким-либо другим нападением[8].

В 1954 г. опубликована статья А. К. Писарчик, в которой дается описание кирпичеобжигательных хумданов, применявшихся в Ферганской долине, в окрестностях Самарканда и в других районах Средней Азии XIX в. Перед описанием устройства хумданов автор сообщает, что подобные печи употребляются и до сих пор, то есть в 30-х годах XX в., когда и был собран весь этнографический материал, на основе которого написана статья[9].

После Великой Отечественной войны в связи с возросшим интересом к истории ремесленных производств был поставлен вопрос и об изучении кирпичеобжигательных печей.

О следах кирпичеобжигательного хумдана, применявшегося при строительстве «Гумбез Манаса», сообщают М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова в изданной ими в 1950 г. работе в связи с изучением названного мавзолея[10]. В Казахстане была вскрыта в 1950 г. кирпичеобжигательная печь в древнем городе Сарайчике во время работ Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР[11]. В 1952 г. кирпичеобжигательная печь раскопана Хорезмской археолого-этнографической экспедицией на бугре, расположенном в 50 м к северо-востоку от караван-сарая Талайханата[12]. В 1956 г. И. Ахраровым раскопана кирпичеобжигательная печь на территории рабада городища Кува[13]. Им же отмечены кирпичеобжигательные печи у мавзолея эмира Мухаммеда бин Айюка на территории городского округа по дороге из Шахрисябза в Термез[14]. В Таджикистане в 1957 г. отмечена одна кирпичеобжигательная печь Н. Негматовым в Кировабадском районе близ селения Андижан, на седьмом километре дороги Кировабад—Пяндж, справа от нее. Печь в основном разрушена бульдозером во время работ по освоению новых земель[15]. В Туркмении еще в 1942 г. С. А. Ершов указал на наличие печей с северной и северо-восточной сторон от развалин Таш-Рабата[16].

Однако наибольшее количество известий о кирпичеобжигательных печах приходится на долю Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. В 1946 г., во время работ на Нисе, В. Д. Жуковым были обнаружены остатки четырех печей для обжига кирпича, расположенные к северу от городища Новая Ниса близ левого берега Ясман Салыка[17]. При рекогносцировке района Безмеин—Кизыл-Арват в 1947 г. V отрядом были отмечены кирпичеобжигательные печи на территории городища Шехр-Ислама, внутри шахристана и в южном и западном рабадах[18]. В том же году члены VIII отряда, работавшие на территории Старого Мерва, дважды посетили Шаим-калу, где видели четырехугольные в плане (примерно 5×6 м) печи для обжига кирпича или же ядер[19].

Описывая средневековый путь из Мерва на Амуль, М. Е. Массон сообщает, что на территории у колодца Байгушлы в 14 км от Кушмейхана в разных местах видны остатки пяти кирпичеобжигательных печей, обслуживавших потребности придорожного строительства на этом участке пути караванной дороги, так как, по мнению автора, выгоднее изготовлять кирпичи на месте, чем транспортировать их вьючным порядком из Мервского оазиса[20]. В этой же статье М. Е. Массон отметил наличие кирпичеобжигательной печи, расположенной на тракте в 4 км к северо-северо-востоку от Кизылга-калы с северной стороны от дороги, сложенной из сырца 28×28×6 см и датируемой предположительно

XI—первой половиной XII в.[21], а также двух кирпичеобжигательных печей вблизи пункта Акча-кала, находящегося в 40 км от Кушмейхана[22].

К. А. Адыков пишет о кирпичеобжигательных хумданах в различных местах пункта Тильситана, расположенном на торговом пути из Мерва в Серахс[23].

При исследовании средневекового селения Шавваль М. Е. Массон отметил на территории кладбища к северо-западу от мазара следы бывшей некогда здесь кирпичеобжигательной печи в виде крупных остатков ошлакованных стенок и ошлакованных же жженых кирпичей IX—начала XIII в.[24] В этом же селении к северо-западу от платформы кёшка расположены остатки нескольких круглых в плане печей, часть которых служила для обжига кирпичей, в том числе клинчатой формы, использовавшихся для выведения арок и сводов[25].

С. Б. Луниной, в ходе исследований западной части рабада Султан-кала, найдены остатки кирпичеобжигательных печей на территории улицы, идущей в направлении восток-запад от пролома в северо-западном углу Султан-калы, а также на территории квартала кирпичников, расположенного еще севернее квартала керамистов и тянувшегося параллельно западной стене северного обвода. Здесь прослеживаются остатки прямоугольных в плане печей и отвалы бракованной продукции[26].

В 1959 г. начальником ЮТАКЭ проф. М. Е. Массоном была поставлена задача отыскать средневековые кирпичеобжигательные печи с целью изучения, во-первых, техники кирпичеобжигательного производства путем вскрытия кирпичеобжигательных печей и, во-вторых, связанных с ними вопросов историко-топографического порядка.

В полевых сезонах 1959—1960 гг. автором были намечены объекты для вскрытия кирпичеобжигательных печей. Установление объектов для возможного вскрытия производилось по ряду признаков, характерных для тех мест, где находятся остатки кирпичеобжигательных печей.

Намеченные для вскрытия объекты обнаружены в местах, на поверхности которых было видно пятно обожженной до красного цвета глины (в рабаде южнее городища Гяур-кала оно было засыпано сверху слоем наносного песка), обилие фрагментов обожженного кирпича, глыбы спекшихся во время обжига кирпичей и кирпичные шлаки. Фрагментов керамики на поверхности остатков кирпичеобжигательных печей было мало. Вблизи от печей располагались отвалы бракованной продукции и шлаков, а также майданы, на которых производились сырцовые кирпичи, поступавшие затем в кирпичеобжигательные печи для обжига. Кроме того, в северном обводе на поверхности были видны выступающие из земли стены печей, а в рабаде южнее городища Гяур-кала подовая поверхность одной из арок. В квартале кирпичников севернее квартала керамистов западной части рабада Султан-кала после зачистки были видны стены печи. Все это побудило начальника ЮТАКЭ проф. М. Е. Массона поставить раскопы именно на этих местах для вскрытия печей.

Раскопки намеченных для вскрытия объектов велись в трех различных пунктах средневекового Мерва. Первый объект (Р-3), расположенный в северном обводе городища Султан-кала близ его западной стены, раскапывался в осенне-полевых сезонах 1959—1960 гг.; второй объект (Р-9), находящийся на территории квартала кирпичников в западной части рабада городища Султан-кала в 180 м северо-западнее тешика № 2 западной стены северного обвода и в 24 м восточнее дороги, ведущей на канал, раскапывался в осенне-полевом сезоне 1960 г.; третий объект (Р-10) из квартала кирпичников рабада, лежащего к югу от

былого шахристана, находится в 250 м юго-восточнее южных ворот, именовавшихся в средние века Балин, городища Гяур-кала и в 120 м восточнее дороги, идущей через ворота Балин в сторону Байрам-Али, и раскапывался в осенне-полевом сезоне 1960 г. Раскопки велись автором данной работы при консультации, получаемой от археолога С. Б. Лунинoй, под непосредственным руководством начальника ЮТАКЭ проф. М. Е. Массона.

Рассмотрим, как устроены кирпичеобжигательные печи. На территории северного обвода вскрыты две расположенные рядом кирпичеобжигательные печи (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид кирпичеобжигательных печей на территории северного обвода городища Султан-кала (раскоп 3).

Печь № 1 (рис. 2) по своей конструкции двухярусная, то есть состоит из топочной и обжигательной камер. Печь в плане четырехугольная, направлена по линии юго-восток — северо-запад. Размеры стен обжигательной камеры следующие: восточной 2,90; южной 2,72; западной 2,87; северной 2, 58 м. Наиболее сохранившаяся высота стен обжигательной камеры 0,45 м. Топка и частично обжигательная камера сооружены в вырытом в земле котловане, покрытом изнутри штукатуркой, толщина которой в обжигательной камере достигает 9 см. Топочная камера перекрыта пятью полуциркульными арками, опирающимися на устои. Верхние горизонтальные плоскости арок составляют под обжигательной камеры. Между арками — жаропроводные каналы, разделенные в верхней части перемычками на продухи. 0,80 м выше уровня пола в южной стене печи находится полуразрушенное топочное устье. Сохранилась его нижняя часть с основанием, ширина которого равна 0,46 м. Степень ошлакованности топочной камеры слабая.

Расстояние между арочными устоями на уровне пола 1,88 м. Высота от пола до замка арки 1,45 м. Толщина арочных конструкций 0,30 м.

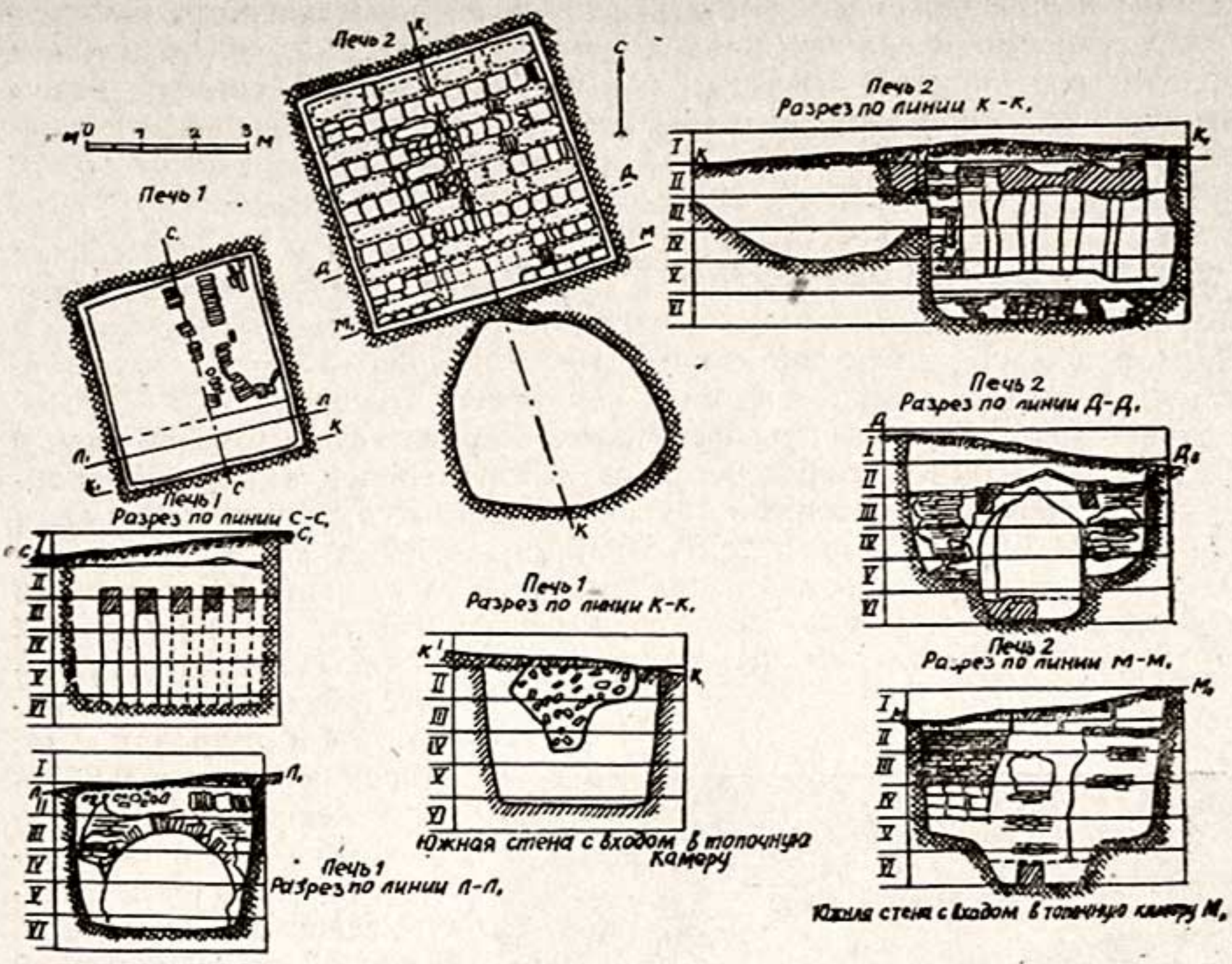


Рис. 2. План и разрезы кирпичеобжигательных печей (раскоп 3).

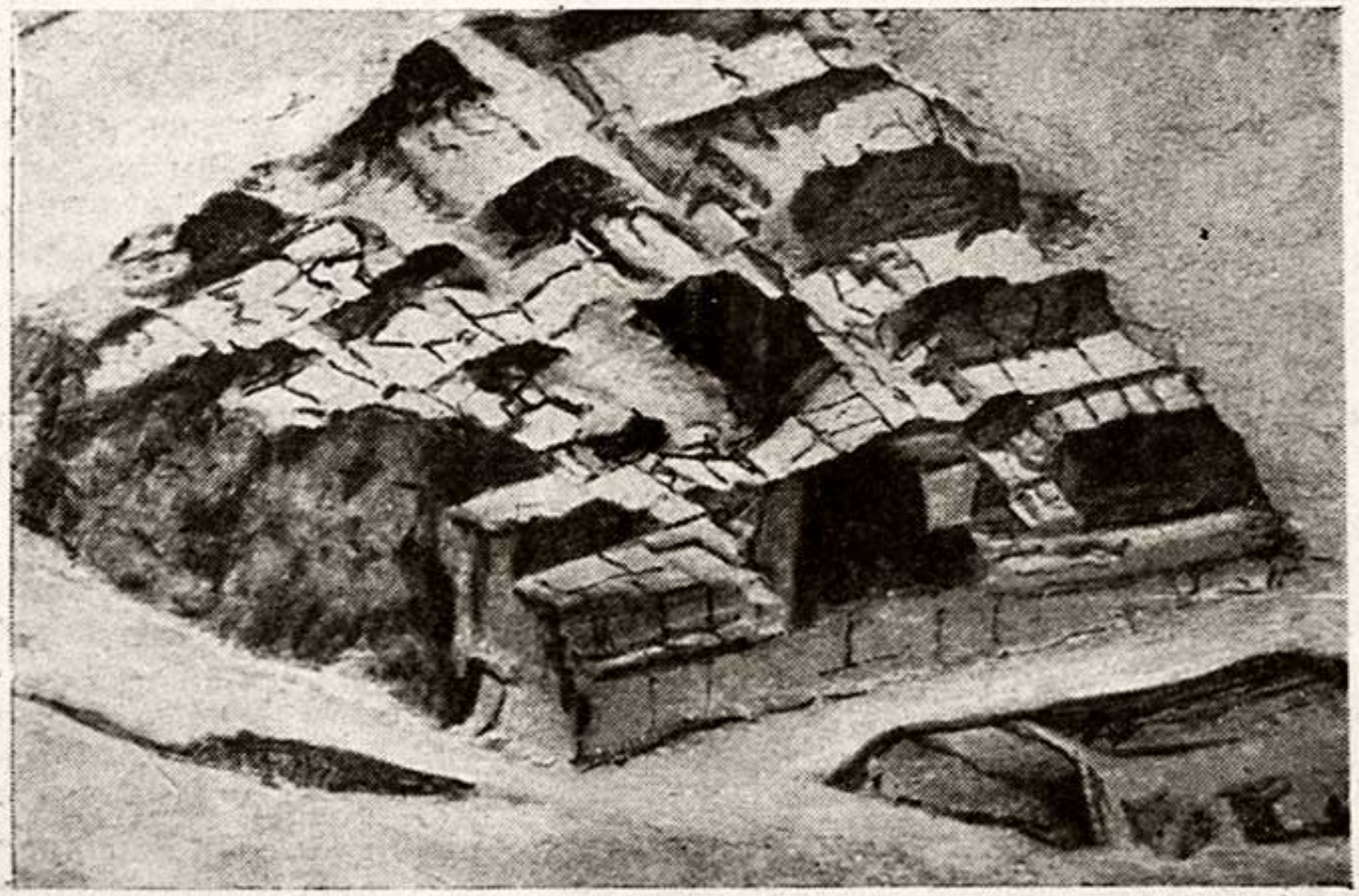


Рис. 3. Общий вид кирпичеобжигательной печи № 2.

Арочные конструкции и их под покрыты штукатуркой толщиной до 3 см. Ширина каналов 0,25—0,46 м. Ширина продуха — 0,20 м.

Сохранившаяся часть обжигательной камеры заполнена невыгру-

женным недообожженным сырцовым кирпичом, поставленным по всему поду независимо от наличия продухов, то есть и на продухи, следующим образом: ряд кирпичей из четырех штук узким ребром вперед, затем ряд кирпичей широкой плоскостью вперед и т. д. Размеры невыгруженного кирпича: 26×?×5 см, 27×?×4,5 см; 27,5×?×4,5 см; 27,5×?×5 см; 28×?×4,5 см; 28,5×?×5 см; 29×?×4,5 см; 29×?×5,5 см.

Печь № 2 (рис. 2, 3) также состоит из топочной и обжигательной камеры, в плане четырехугольная и направлена по линии юго-восток—северо-запад. Топочная камера и частично обжигательная сооружены в вырытом в земле котловане. Внутри топка перекрыта пятью полуциркульными арками, опирающимися на устои толщиной 0,38—0,50 м. Верхние горизонтальные плоскости арок, ширина которых колеблется в пределах 0,32—0,34 м, составляют под обжигательной камеры. При сооружении арочных конструкций был использован кирпич размером 24,5—25×24,5—25×4,5 см и 28,5—30,5×29,5—31,5×7 см. Между арками—жаропроводные каналы, разделенные в верхней части перемычками на четыре продуха. Длина продухов достигает 0,60 м при наибольшей ширине 0,23 м. В топке обнаружено два уровня полов. Первый пол глиняный, обнаружен на глубине 2,4 м от уровня пода; второй пол открыт 0,35 см выше первого и представляет собой кирпичную полосу, по сторонам которой лежат земля и зола. В южной стене топочной камеры открыто топочное устье на высоте 1,4 м от уровня первого пола, представляющее собой пролом, выложенный в основном кирпичом. Высота устья 0,60 м при наибольшей ширине 0,70 м. Степень ошлакованности топочной камеры средняя. Стены обжигательной камеры сохранились на высоту до 0,60 м. Длина каждой стены варьирует в пределах 3,60—3,75 м. Стены камеры покрыты глиняными пластами шириной 0,76 м, толщиной 0,13 м. С южной стороны печи у входа в топочную камеру располагается яма шириной до 3 и глубиной до 0,90 м. Западная часть ямы более пологая. Здесь же небольшие сделанные каким-то острым инструментом углубления, ведущие из ямы наверх (рис. 4).

Рис. 4. Конструктивные детали топочной камеры.

Кирпичеобжигательная печь в квартале кирпичников западной части рабада городища Султан-кала (раскоп 9) — в плане четырехугольник, направленный с небольшим отклонением по линии север—юг (рис. 5). Как и вышеописанные объекты, эта печь имеет топочную и обжигательную камеры. Топочная камера сооружена в вырытом в земле котловане, выложенном изнутри кирпичом. Размеры ее стен варьируют в пределах 2,95—3,08 м. Пол топки земляной, находится на глубине 2,20 м ниже уровня современной поверхности и прогибается к центру. Внутри топочной камеры сооружено пять арочных конструкций, опирающихся на устои. Сами арки не сохранились. Между арками — жаропроводные каналы. На высоте 1,22 м выше уровня пола с каждой стороны арочные устои соединяются общей стеной. На 1,4 м выше уровня пола в юго-восточной стороне печи находится частично сохранившееся топочное устье с основанием шириной 0,58 м. Степень ошлакованности топочной камеры большая. Стены печи и ее конструкции выложены кирпичом размером 29,5—31×?×6 см; 35—37×35—37×7—8 см.

В верхней части печи, на завале, лежит поставленный на ребро в пять рядов недообожженный сырец размером 35—37×?×6—7 см, оборванный на глубине 10—15 см. Кирпичи соединены промазкой. В лежащей на завале непонятной кладке, в промазке между кирпичами, найдена несохранившая надписей монета, определенная проф. М. Е. Массоном как арабская. В печи были обнаружены жженые кирпичи следующих размеров: 16—16,5×?×3 см, 19,5—20×?×3,5—4 см, 22×20×4,5 см, 23×?×5,5 см, 35×?×7,5 см. Кроме того, здесь найдены фрагменты керамики с ишкорной поливой и фрагменты неполивной керамики.

Кирпичеобжигательная печь в квартале кирпичников, расположенном южнее Гяур-калы (раскоп 10, рис. 5) в плане четырехугольная, ориентирована по линии восток—запад. Как и предыдущие, эта печь конструктивно делится на топочную и обжигательную камеры, причем последняя не сохранилась. Размеры стен следующие: восточной — 3,05, южной — 3,92, западной — 3,05, северной — 3,92 м. Топочная камера устроена в специально вырытом в земле котловане, выложенном изнутри кирпичом за исключением пола, который покрыт хорошо обожженной глиняной смазкой. Пол топочной камеры находится на глубине 2,85 м ниже уровня пода. Внутри котлована сооружено шесть арочных конструкций, из которых сохранились только две. Верхние горизонтальные поверхности арок составляют под обжигательной камеры. Между арками — жаропроводные каналы длиной 3,04—3,12 м. Каждый канал делится, судя по одному сохранившемуся, перемычкой из поставленного на ребро кирпича на два продуха шириной 0,20—0,34 м и длиной 1,27—1,76 м. Под и арочные конструкции оштукатурены. Ошлакованность топочной камеры средняя.

Вход в топочную камеру расположен с восточной стороны на высоте 1,55 м выше уровня пола и в основном разрушен. Высота от пола печи до замка арки 2,34 м. Печь выложена обожженным в процессе работы сырцовым кирпичом размерами 30×?×5,5 см, 33—34×?×7 см; 35—37×?×9 см. Внутри печи обнаружены жженые кирпичи размером 16×?×3—3,5 см, 22×?×3,5—4 см, 25—25,5×?×4 см; 26—28×?×4—4,5 см, а также фрагменты неполивной керамики и фрагменты керамики с ишкорной поливой.

Сравним кирпичеобжигательные печи Мерва с кирпичеобжигательными печами других городищ. Наиболее близкой аналогией для наших печей является кирпичеобжигательная печь, раскопанная на бугре, расположенном в 50 м к северо-востоку от караван-сарая Талайхан-ата в

Хорезме и ориентированная по линии северо-восток — юго-запад[27]. Печь состоит из двух ярусов—топочной и обжигательной камер. Перед топочным устьем находится заглубленная в материк площадка, выложенная плитками ракушечника. Устье округлое, расположено с южной стороны печи. Внутри топка перекрыта пятью арками, каналы между которыми разделены в верхней части перемычками на продухи. Арки объединены общей пятой.

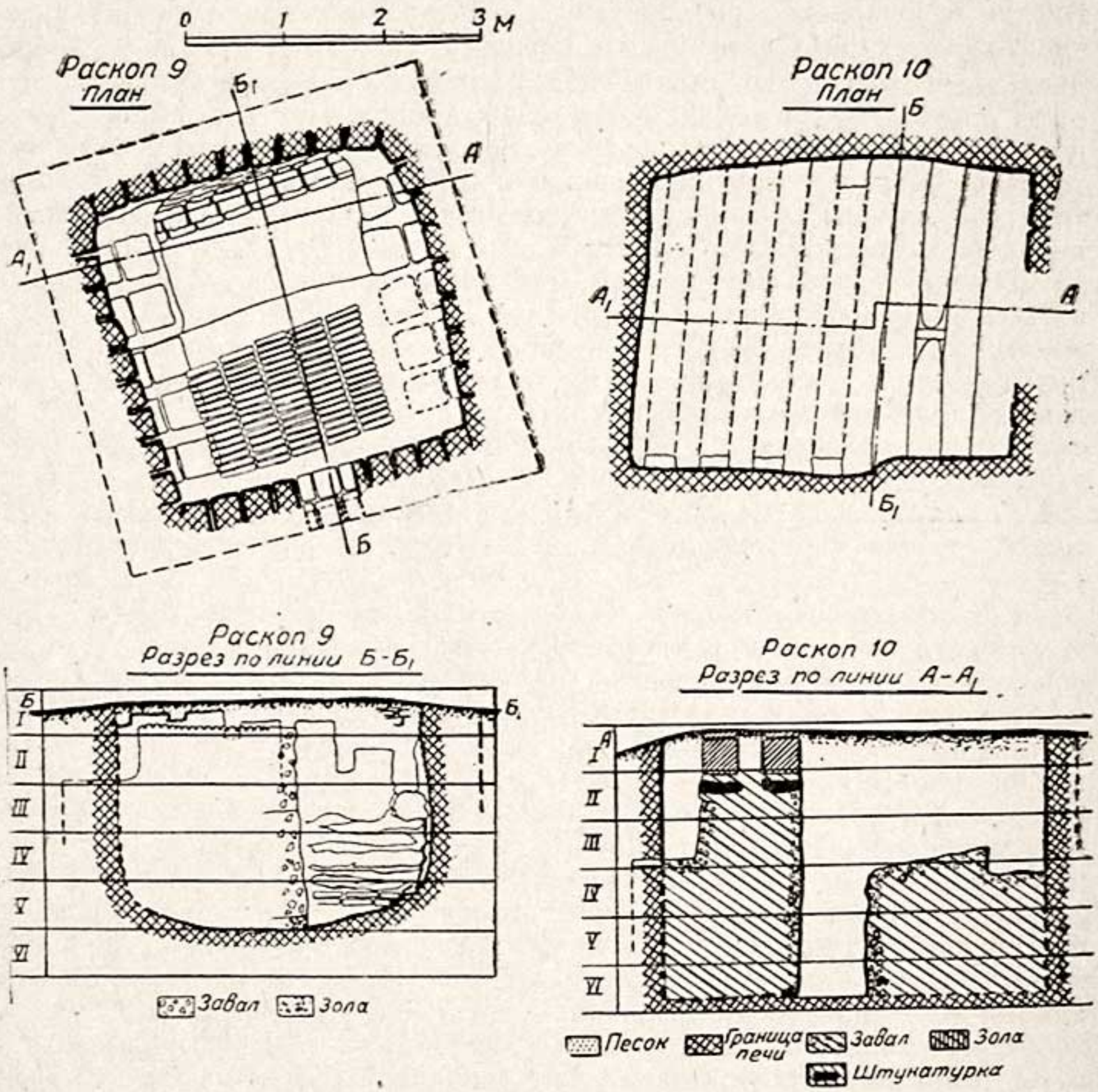


Рис. 5. Планы и разрезы кирпичеобжигательных печей в пригородных кварталах Мерва (раскопы 9 и 10).

Кирпичи, предназначенные для обжига, ставились вертикально на верхнюю горизонтальную плоскость арок. Печь оказалась загруженной. В юго-восточном углу сохранился один горизонтальный ряд недообожженного кирпича размером 26×26×5 см. Автор датирует печь по размерам кирпича концом XIV—началом XV в.

Печь из рабада городища Кува[28] в плане четырехугольная и состоит из топочной и обжигательной камер. Печь ориентирована по линии север—юг. Нижняя и часть верхней камеры устроены в вырытом котловане. Топочная камера перекрыта семью полуциркульными арками, верхние горизонтальные плоскости которых образуют под обжигательной камеры. Промежутки между арками — жаропроводные каналы шириной 0,15—0,20 м. Топочное устье находится с северной стороны. Автор датирует печь XI в.

Печь из древнего города Сарайчика[29], хоть и расположена в Западном Казахстане, очень близка по своему устройству к кирпичеобжигательным печам средневекового Мерва, что дает возможность провести между ними сравнительный анализ. Печь большая, прямоугольная в плане, длинными сторонами ориентирована по линии почти что север—юг, двухярусна, то есть имеет топочную и обжигательную камеры. Сохранилось шесть полных и одна неполная расположенных параллельно полуциркульных арок, верхняя часть которых представляет собой горизонтальные плоскости. Пазухи арок заложены горизонтальной кладкой кирпича. Перекрытие обжигательной камеры, по реконструкции автора статьи, было сооружено из кирпича и имело вид несколько вытянутой с севера на юг пирамиды или короба. Печь датирована XIII—XIV вв.

В XIX в. в Фергане и в районе Самарканда сооружались кирпичеобжигательные хумданы, аналогичные по своему устройству кирпичеобжигательным хумданам Мерва. Как сообщает А. К. Писарчик, подобные кирпичеобжигательные печи сооружались в Ферганской долине и в послереволюционное время[30].

При загрузке кирпич укладывали на поду обжигательной камеры на ребро. Когда кирпич был загружен, пролеты в стенках замуровывали, а поверх кирпича настилали в два—три ряда кирпичный лом, покрываемый слоем глиняной смазки. Это крыша печи. В крыше делали отверстия, величина и расположение которых, а также прием укладки кирпича способствовали равномерному распределению жара, что обеспечивало хорошее качество кирпича.

Несмотря на отдельные различия сравниваемых печей, как-то: разные расстояния между основаниями арочных устоев, разные высоты арок и топочных камер, разные количества продухов, разную ширину жаропроводных каналов и разные размеры сторон, а также разные направления печей,—принцип их устройства и действия совершенно одинаков. Все эти кирпичеобжигательные печи в плане четырехугольные, напольные, двухярусные, то есть состоят из топочной и обжигательной камер. Топочная и часть обжигательной камеры находятся в специально вырытом котловане, изнутри обмазанном глиной или выложенном сырцовым кирпичом. Внутри топочных камер сооружены арочные конструкции, образующие сводчатую топку. Между арками — жаропроводные каналы, разделенные в верхней части перегородками на продухи. Верхние горизонтальные плоскости арок образуют под обжигательной камеры. Перед устьем — яма, являющаяся рабочим местом истопника (печь № 2 из северного обвода, печь у Талайхан-ата).

Очень важным в сравниваемых печах является разная ширина жаропроводных каналов, в одних случаях большая, в других—меньшая.

Это указывает, по-видимому, на то, что здесь обжигали не только крупный кирпич, но и более мелкую продукцию, как-то: кирпич-маломерок, предполагаемый фигурный кирпич в Куве, а также неполивную керамику.

Интересным является обнаружение в печи № 2 из северного обвода второго уровня пола. Вероятно, спустя некоторое время после начала работы печи, мастер пришел к выводу, что с уменьшением глубины топки количество топлива, идущего на обжиг, уменьшается, а количество горячего газа, поступающего из топки в обжигательную камеру, остается прежним.

Датирующим материалом для печей из кварталов кирпичников средневекового Мерва является кирпич-сырец, из которого сложены печи, и, возможно, жженые кирпичи, обнаруженные в завале внутри печей. Анализ размеров кирпичей, из которых сложены печи, показал, что ближайшей аналогией им являются сырцовые кирпичи, использовавшиеся при сооружении печей керамической мастерской XII—начала XIII в., расположенной в квартале керамистов западной части рабада городища Султан-кала[31]. В то же время в завалах печей обнаружены жженые кирпичи, которые могли попасть туда двояким путем: во-первых, в случае, если они применялись в кладке конструкций печей; во-вторых, если они попали туда случайно с лежащих вблизи строений. В первом случае они служат датирующим материалом и типичны для XI—XII вв.[32] Исключение составляют жженые кирпичи 16—16,5 см в стороне на 3—3,5 см толщины, характерные для VIII—IX вв.[33], которые либо изготовлялись здесь как декоративные кирпичи для архитектуры, либо попали сюда случайно с других более ранних построек, так как обнаружено их очень мало, в связи с чем они и не могут быть датирующим материалом.

Таким образом, в первом случае размеры обнаруженных в печных завалах кирпичей позволяют отнести время функционирования печей, а следовательно, и кварталов кирпичников к XI—XII вв. Но окончательный вывод можно будет сделать лишь в ходе проведения в кварталах кирпичников дальнейших раскопок многочисленных печей, результаты изучения которых дадут, возможно, более точно датирующий материал. Эта скорее всего ориентировочная датировка еще раз подтверждает установленное в ходе работ ЮТАКЭ положение о том, что в XI—XII вв. быстро растут и развиваются города Хорасана, увеличивается площадь городов, сооружаются караван-сараи, мечети и мавзолеи, растут старые и создаются новые ремесленные кварталы, в частности кварталы мастеров по выделке жженого кирпича[34], который, как установлено опять-таки работами ЮТАКЭ, с XI—XII вв. стал применяться как самостоятельный строительный материал[35].

Когда же функционировали кирпичеобжигательные печи на территории северного овбода? Рассмотрим этот вопрос с точки зрения исторической топографии северного обвода. Работами ЮТАКЭ установлено, что бурное развитие Мерва при Сельджукидах побуждает в начале XII в. включить в особые обводы стен густо заселенные к югу и северу от Султан-кала территории города[36]. В 1153 г. Мерв подвергся трехдневному грабежу со стороны гузов. Мерв в эпоху «гузской смуты» пришел в большой упадок. В результате город сильно сократился в размерах. Собственно «городом» при хорезмшахах продолжал оставаться квадрат Султан-калы, а рабадом — территория северного обвода[37], которая была густо обжита, в связи с чем тогда производился установленный археологическими наблюдениями ремонт стен северного

обвода[38]. Ясно, что в это время здесь не могли обосноваться кирпичники с печами, майданами и отвалами.

После монгольского разгрома жизнь в Мургабском оазисе не замерла. Но сам Мерв влачил, видимо, жалкое существование и часть его оставалась в развалинах[39]. Работами ЮТАКЭ установлено, что в XIV в. территория Старого Мерва была обжита в значительной своей части. Цитаделью служил Шахрияр-Арк, а в Султан-кале наиболее зажиточная часть населения занимала его северо-восточную и юго-западную части[40]. Однако сведений о возобновлении жизни на территории северного обвода нет. Полузаброшенное состояние северного обвода и превращение его в пустырь позволило обосноваться здесь кирпичникам во второй половине XIII—XIV вв., в период, когда возникла потребность в строительных материалах и, в частности в жженом кирпиче. К этому времени можно отнести и начавшееся разрушение стены северного обвода, когда мастером-кирпичником, может быть, бралась с нее глина для производства кирпича, в связи с чем возникла на стене углубленная выемка (в обжитом городе разрушение городской стены непозволительно).

Таким образом, кирпичеобжигательные печи, установленные в северном обводе Султан-калы, расцвет жизни которого приходится на XI—XII вв., возникли, вероятно, во второй половине XIII—начале XIV в. и существовали в XIV в., то есть в то время, когда в Мерве жизнь была частично восстановлена. Установлением времени функционирования печей в северном обводе, во-первых, устраняется видимость противоречия, когда внутри городской территории эпохи существования государства «Великих Сельджуков» оказываются размещенными такие производства, как кирпичеобжигательное, а, во-вторых, наглядно подтверждается, что площадь северного обвода в эпоху монгольского владычества была в полузаброшенном состоянии, на пустырях которой и находили место как сами печи, так и обширные площади майданов для размещения производства кирпича.

Глиняные карьеры разрабатывались, вероятно, где-то рядом с печами. Возможно, что для кирпичей использовалась земля, которая снималась при расчистке майданов, а в северном обводе еще и глина с городской стены. Водными источниками, по-видимому, служили ответвленные от основных каналов Мерва арыки. Мастера из квартала кирпичников западной части рабада Султан-калы, скорее всего, пользовались водой из канала Хурмузфарра, который протекал мимо западной стены городища Султан-кала[41]. Мастера из квартала кирпичников, расположенного южнее ворот Балин городища Гяур-кала, вероятнее всего, пользовались водой из канала Разик, протекавшего между Гяур-калой и Султан-калой[42].

О том, как производился кирпич, можно проследить по миниатюре Касима Али (XVI в.)[43].

Замачивание глины производилось тут же, на майдане. Вероятно, перед замачиванием в глину добавляли примеси в виде самана или рубленой соломы; затем глину начинали мять ногами, приводя ее, таким образом, в однородное состояние. Когда масса была готова, приступали к формовке кирпичей. Все наши кирпичи, из которых сложены печи, сформованы в бездонных формах, в результате чего наблюдаются перекосы и смятия углов. Процесс формовки кирпича хорошо описан у Н. М. Бачинского со слов опытного старого бухарского мастера-строителя Абдусаляма Абдурахманова[44], который рассказал, что формовка кирпича производится на приготовленной заранее земляной площадке, посыпавшейся сухим лёссом. Это было необходимо, так как формы для изготовления кирпича не имели дна и пред-

ставляли собой рамки, куда подмастерье бросал комок замешанной глины. Мастер специальной колотушкой сильными ударами утрамбовывал в форме сырую массу, излишек глины скатывал с формы круглой рукояткой трамбовки и, вывернув сформованный кирпич на приготовленное место, передвигался дальше по площадке.

Сформованный кирпич-сырец сушился здесь же на открытом майдане, после чего и складывался в штабель. Затем высушенный на солнце кирпич загружали в обжигательную камеру кирпичеобжигательной печи.

Судя по печам из северного обвода, часть обжигательной камеры вместе с топкой печи находилась в земляном котловане, и, в частности, в печи № 2 сохранившаяся высота стены обжигательной камеры на 0,60 м дает покрытую пластами глины стену котлована. О том, насколько обжигательная камера была погружена в земляной котлован, пока трудно сказать. Нельзя сейчас сказать что-либо определенное и о перекрытии обжигательной камеры. Ясно, что стены в обжигательных камерах печей были.

Рассмотрим возможные перекрытия обжигательных камер печей, и прежде всего, по вышеназванной миниатюре[45]. По мнению проф. М. Е. Массона, к которому присоединяется и автор данной статьи, на миниатюре изображен не конусовидный или круглый в плане хумдан, а четырехугольная в плане кирпичеобжигательная печь. В данном случае перекрытие печи с фасада имеет вид вертикальной стены в форме усеченного треугольника с заоваленными сторонами. В нижней части стены расположено топочное устье. Боковые стены печи не изображены, чтобы нагляднее показать загрузку обжигательной камеры. Вероятно, задняя стена была подобна передней, а боковые стены выкладывались по форме передней и задней стен. Таким образом, перед нами перекрытие в виде вытянутого сводчатого короба. Этому типу сводчатого перекрытия соответствует реконструкция печи, раскопанной в Казахстане Г. И. Пацевичем, но с той ошибкой, что у него высота обжигательной камеры очень занижена. Если посчитать на миниатюре количество рядов кирпичей по вертикали, то их получится 16. При условии, что в среднем размеры сторон кирпича 25 см, выходит, что высота обжигательной камеры около 3,5 м. Отверстие, через которое загружалась продукция, вероятнее всего, находилось в фасадной или задней стене печи.

Вторым возможным вариантом перекрытия обжигательной камеры печи является сводчатое перекрытие в виде купола. М. Е. Массон сообщил, что одна из отмеченных в Термезе печей имела сводчатое перекрытие в виде купола[46]. По свидетельству И. Ахрарова, на городище Кува отмечены развалины кирпичеобжигательных печей с сохранившимся примерно на высоту 1 м купольным перекрытием.

Наконец, возможен и третий вариант, когда обжигательной камеры как таковой не было, а кирпич обжигался открытым способом, то есть кирпич ставился на под печи в штабель, который обмазывался глиной, и обжигался. В качестве этнографической параллели можно привести наши наблюдения за работой кирпичников на территории городища Абдулла-хан-кала средневекового Мерва, которые обосновались здесь в 1959—1960 гг. Они просто укладывают сырцовый кирпич в штабель, в промежутки между кирпичами насыпают уголь, затем весь штабель обмазывают глиной, в его нижней части делают дымоходы и зажигают уголь. О подобном же способе обжига сообщает Э. Маккей[47]. В связи с этим возникает и второй вариант объяснения миниа-

тюры. Возможно, что на ней изображена вертикальная фасадная стена печи, по форме которой на под укладывали в штабель кирпич-сырец. Тогда можно объяснить и то, что на миниатюре прямо на загруженном кирпиче стоит человек, исполняющий обязанности подносчика. В этом случае кирпичи складывали снизу вверх и спереди назад. Окончательно решить вопрос об устройстве обжигательной камеры кирпичеобжигательных печей можно будет лишь после дальнейших раскопок.

Способ укладки кирпичей в обжигательную камеру прослежен при зачистке печи № 1 в северном обводе, где, как уже выше было отмечено, обнаружен невыгруженный недообожженный сырец. Ряд кирпичей из четырех штук ставили узкими ребрами вперед, затем ряд кирпичей широкой плоскостью вперед. Между кирпичами пустое пространство шириной в 1 см. Такие ряды в обжигательной камере тянутся с юго-востока на северо-запад, то есть по направлению печи, а всего их было, вероятно, десять. Следующий ярус кирпичей укладывался, по нашему предположению, наоборот. Возможно, что в нижнем ярусе укладывали кирпичи более крупного размера, а выше и более мелкие, если говорить применительно к печам из кварталов кирпичников, где найдены в завале кирпичи-маломерки.

Нами высчитано, что при перекрытии обжигательной камеры печи в виде вытянутого короба высотой 3,5 м и при среднем размере кирпичей 25×25×5 см в обжигательную камеру печи № 1 из северного обвода помещалось ориентировочно 4,5 тысячи штук кирпичей, в печь № 2 — 7 тысяч штук, в печь из квартала кирпичников рабада Султан-калы — около 5 тысяч штук, в печь из квартала кирпичников рабада за южной стеной Гяур-калы — 6,5 тысячи штук кирпичей.

Судя по этнографическим данным, после загрузки отверстие в обжигательную камеру замуровывалось[48]. Если же загрузка была открытой, то весь штабель, как было сказано выше, обмазывался глиной[49]. После загрузки начинали обжиг. В качестве топлива в кирпичеобжигательных печах средневекового Мерва употребляли верблюжью колючку, которая, как известно, в изобилии растёт в районе городища и при сжигании дает высокую температуру. По вопросу о количестве топлива, шедшего на обжиг одной закладки кирпича, у нас данных нет. Однако нужно отметить сообщение А. К. Писарчик, что в ферганских хумданах XIX—XX вв. на обжиг одной закладки кирпича требовалось около 500 связок колючки[50].

Следует отметить, что цвет обнаруженных нами жженых кирпичей меняется от желтого до розового. Н. С. Гражданкина считает, что разница в цвете кирпичей может быть отнесена за счет различных условий обжига в кустарных печах, где было невозможно выдержать одинаковую для кирпичей температуру и атмосферу[51].

Сколько времени уходило на обжиг одной загрузки кирпича, нам неизвестно. Но по свидетельству А. К. Писарчик, весь цикл работ по подготовке к обжигу одной закладки кирпича в ферганских хумданах занимал 10 дней при 10 рабочих[52]. В. В. Эвальд считает, что продолжительность всего обжига, от загрузки до выгрузки товара, зависит от размеров и устройства печи, от сорта товара и, отчасти, от погоды и что для напольных кирпичеобжигательных печей, к которым относятся и печи средневекового Мерва, на это требуется 7—16 суток[53]. Трудно установить, сколько дней могло уходить на обжиг партии кирпича в кирпичеобжигательных печах средневекового Мерва. Мы считаем, что решить этот вопрос удастся в будущем при помощи дальнейших этнографических наблюдений.

В результате изучения вопроса кирпичеобжигательного производства средневекового Мерва стало ясно, что в XI—XII вв. изготовление жженого кирпича было одним из основных видов ремесла в столице Сельджукидов, где в это время его начали применять как самостоятельный строительный материал в монументальном строительстве. Эта роль жженого кирпича и определила важное место кирпичеобжигательного производства среди прочих видов ремесленных производств Мерва XI—XII вв.

Вероятно, определенную, хотя и меньшую, чем раньше, роль играло кирпичеобжигательное производство во второй половине XIII—XIV вв. Возникшая в это время потребность в строительных материалах снова поставила производство жженого кирпича в ряд важнейших специализированных ремесленных производств.

В отличие от таких видов ремесел, как, например, гончарное и стеклодувное, продукция кирпичеобжигательного производства вряд ли шла на вывоз, так как транспортировать кирпич на далекие расстояния невыгодно. Следовательно, кирпичеобжигательное производство служило лишь для удовлетворения местных потребностей в жженом кирпиче.

Датировка печей в квартале кирпичников еще раз подтверждает ранее установленное в ходе работ ЮТАКЭ положение о том, что в XI—XII вв. быстро растут и развиваются города Хорасана, увеличивается их площадь, сооружаются здания монументальной архитектуры, растут старые и создаются новые ремесленные кварталы, в частности, кварталы по выделке жженого кирпича.

Установление времени функционирования печей в северном обводе свидетельствует, что в эпоху монгольского владычества северный обвод был в полузаброшенном состоянии.

Анализ кирпичеобжигательных печей из различных районов Средней Азии показывает традиционность способов устройства печей для обжига кирпича с XI по XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяконов М. М., Дашевский Ю. С. Поздние миниатюры Касима Али в рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. V, 1954, рис. I; Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV—XVI вв. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, рис. 2.

2. Богаевский Н. Заметки о строительных материалах в Туркестанском крае. Инженерный журнал, 1874, № 8, стр. 935.

3. Лыкошин Н. Сообщение члена-секретаря правления кружка о случайных археологических находках. ПТКЛА, II, 1897, стр. 22.

4. Каллаур В. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году. ПТКЛА, V, 1900, стр. 12—13 и 14—15.

5. Головина А. Кустарные промыслы Туркестана. 1909, стр. 11.

6. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1927, стр. 32.

7. Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН СССР, серия I, вып. 2, ТАКЭ, 1936 г. Ташкент, 1940, стр. 100 и 101; его же. Термезская археологическая комплексная экспедиция. КСМИМК, вып. VIII. М.—Л., 1940. стр. 115.

8. Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза. Труды УзФАН СССР, серия 1, вып. 2, ТАКЭ, 1936. Ташкент, 1940, стр. 145.

9. Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв. Среднеазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XXI. М., 1954. стр. 230—234.

10 Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 30.

11. Пацевич Г. И. Гончарная печь на городище Сарайчик. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, 1956, стр. 221—224; его же. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 111—114.
12. Вишневская О. А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958, стр. 462.
13. Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. История материальной культуры Узбекистана, вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 80—86.
14. Там же, стр. 85—86.
15. Негматов Н. Отчет о поездке в Кировабадский район. Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Труды АН ТаджССР, т. 103, вып. 5, 1959, стр. 169.
16. Ершов С. А. Данденакан. КСИИМК, вып. 15, 1947, стр. 127—128.
17. Жуков В. Д. Изучение пригорода Нисы в 1946 году. Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1947, стр. 179.
18. Литвинский Б. А. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 258 и 261.
19. Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад 1951, стр. 411.
20. Массон М. Е. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). Известия АН ТССР, 1955, № 1, стр. 6.
21. Там же, стр. 8.
22. Там же, стр. 9.
23. Адыков К. А. Тильситана. Известия АН ТССР, 1959, № 1, стр. 98 и 99.
24. Массон М. Е. Обнаружение и опознание руин средневекового селения Шавваль. Известия АН ТССР, 1959, № 6, стр. 88.
25. Там же, стр. 90.
26. Лунина С. Б. Квартал керамистов в западной части рабада Мерва. Известия АН ТССР, 1959, № 4, стр. 69.
27. Вишневская О. А. Раскопки... Цит. соч., стр. 462 и 466.
28. Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь... Цит. соч., стр. 82—83.
29. Пацевич Г. И. Гончарная печь... Цит. соч., стр. 221—224.; его же. Печь для обжига... Цит. соч., стр. 111—114.
30. Писарчик А. К. Строительные материалы... Цит. соч., стр. 230—234.
31. Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 350, 353—355.
32. Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 117; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 330.
33. Гражданкина Н. С. Древние строительные... Цит. соч., стр. 116.
34. История Туркменской ССР, т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 256.
35. Гражданкина Н. С. Древние строительные... Цит. соч., стр. 116.
36. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 192.
37. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 54.
38. Альхамова З. А. Полевой отчет... Цит. соч., стр. 410.
39. История Туркменской ССР... Цит. соч., стр. 298.
40. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 219.
41. Извлечение из «Китаб месалик ал-мемалик» Ал-Истахри. Перевод С. Волина. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 173.
42. Там же.
43. Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра... Цит. соч., рис. 2.
44. Бачинский Н. М. Сырцовые здания древнего Термеза. Труды АН УзССР, серия I, т. II. Ташкент, 1945, стр. 198—199.
45. Дьяконов М. М., Дашевский Ю. С. Поздние миниатюры... Цит. соч., рис. 1; Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра... Цит. соч., рис. 2.
46. Устное свидетельство проф. М. Е. Массона.
47. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 43.
48. Писарчик А. К. Строительные материалы... Цит. соч., стр. 232.
49. Личные наблюдения за работой кирпичников на территории городища Абдулла-хан-кала средневекового Мерва в полевом сезоне 1960 г.
50. Писарчик А. К. Строительные материалы... Цит. соч., стр. 233.
51. Гражданкина Н. С. Древние строительные... Цит. соч., стр. 98.
52. Писарчик А. К. Строительные материалы... Цит. соч., стр. 234.
53. Эвальд В. В. Строительные материалы. Изд. 12. Л., 1930, стр. 146.

В. Н. ПИЛИПКО

СРЕДНЕВЕКОВОЕ КЛАДБИЩЕ ГОРОДИЩА ХУРМУЗФАРРА В МЕРВСКОМ ОАЗИСЕ

Погребения являются едва ли не самыми многочисленными археологическими объектами. Средневековые мусульманские кладбища зафиксированы буквально во всех уголках Средней Азии: на Красноводском полуострове[1], в Дахистане[2], Нисе[3], Мерве[4], Хорезме[5], Бухаре[6], Самарканде[7], Куве[8], Киргизии[9] — этот список можно продолжить. Большое количество мусульманских захоронений вскрывается попутно при изучении других археологических объектов. Но до недавнего времени многие археологи весьма неохотно брались за изучение этого вида памятников из-за отсутствия в подавляющем большинстве могил сопутствующего погребального инвентаря и больших затруднений при определении времени совершения захоронения. Все же мусульманскими захоронениями так или иначе занималось большое количество исследователей.

К настоящему моменту заметен известный интерес к изучению мусульманских захоронений. Собран фактический материал, показывающий, что в Средней Азии существовало большое количество локальных вариантов мусульманского обряда погребения, отличающихся друг от друга как способом захоронения, так и внешним оформлением могил. Однако имеющегося количества фактов еще недостаточно для серьезных обобщений, поэтому, вероятно, весьма своевременным будет сообщение о работах, производимых XVIII отрядом ЮТАКЭ на кладбище средневекового города Хурмузфарра[10].

Расположенные в 30 км к северу от Байрам-Али развалины, известные в настоящее время под названием Большой или Новый Кишман, впервые предположительно отождествил с остатками средневекового города Хурмузфарра ашхабадский историк-этнограф Г. Н. Карпов после посещения этого пункта весной 1946 года.

Городище неоднократно, начиная с 1904 г.[11], посещалось рядом исследователей. Однако подлинное историко-топографическое и археологическое его изучение связано с деятельностью ЮТАКЭ. Уже в первый полевой сезон 1946 г. V отряд, возглавляемый С. А. Вязигиным, посетил городище, определил его приблизительные размеры, дал краткое описание и собрал подъемный материал[12]. В 1950 г. Г. А. Пугаченкова исследовала развалины крупного караван-сарая в северо-западной части городища. В 1955 г. проф. М. Е. Массоном была проведена археолого-топографическая съемка территории городища, выявившая основные планировочные принципы города и историческую схему его сложения (рис. 1). Тогда же Г. А. Пугаченкова по сохранившимся остаткам разрушенных стен изготови-

ла планы нескольких средневековых домов. Начиная с 1961 г., во время выездов отдельных участников и групп экспедиции на городище, наряду с решением задач разведывательного характера, осуществляется археологическое вскрытие ряда объектов.

На основании наблюдений членов ЮТАКЭ и изучения письменных источников, в которых содержатся лишь краткие отрывочные сведения об этом городе, касающиеся его истории уже после арабского завоевания, М. Е. Массоном были выявлены основные исторические этапы в жизни городища[13].

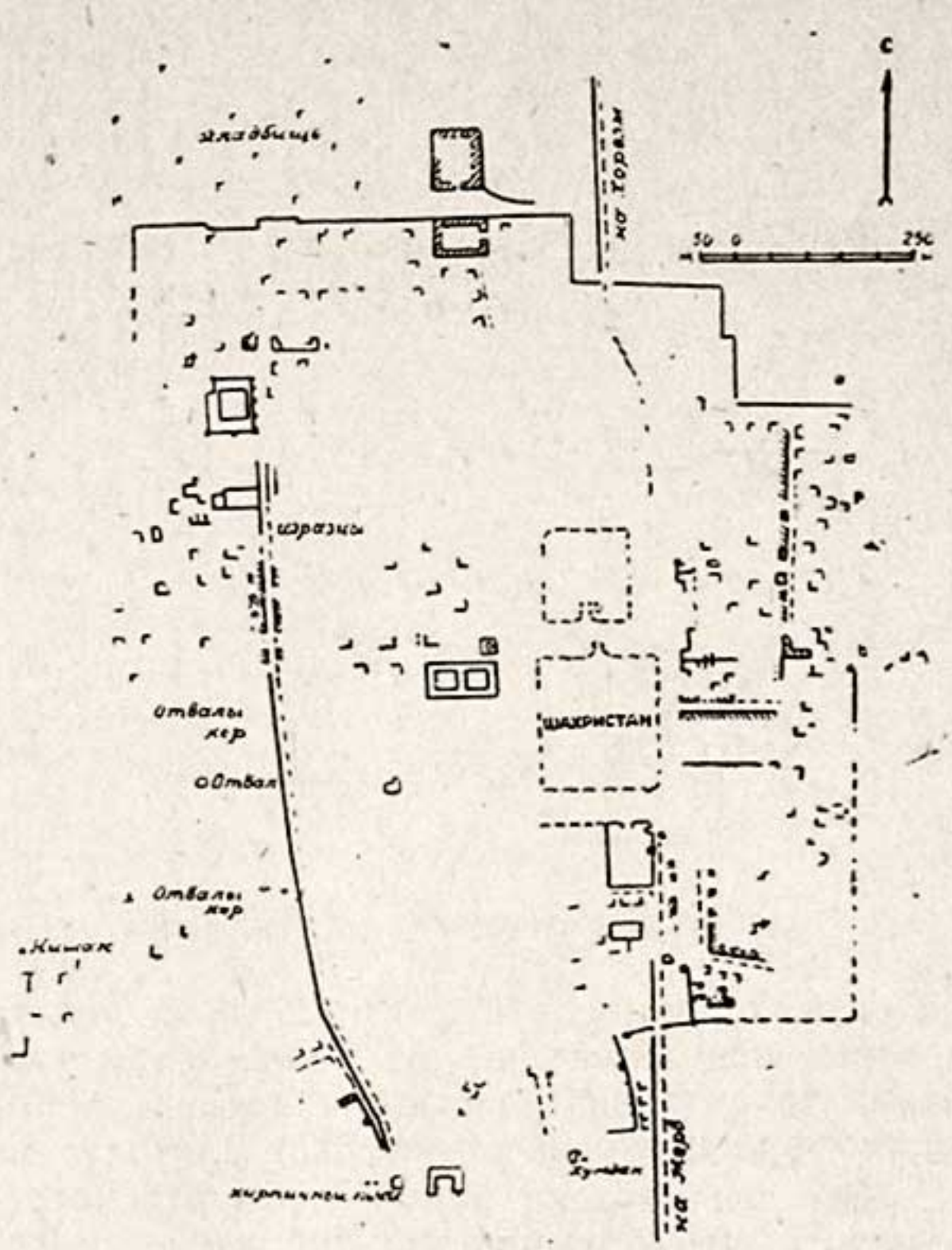


Рис. 1. План городища Хурмузфарра. Составил М. Е. Массон.

В 1961 г. С. Б. Лунина при осмотре местности к западу от двух караван-сараев были обнаружены верхняя часть засыпанного песком намогильника и валявшийся неподалеку фрагмент кирпича с эпитафией, что позволило предположить нахождение на этой территории средневекового кладбища. Результаты вскрытия могил на кладбище Хурмузфарры в 1961—1962 гг. описаны С. Б. Лунина.

Границы кладбища не поддаются точному определению, так как вся эта территория занесена барханным песком, мощность которого местами достигает полутора-двух метров. Все же на основании фиксации места находок различного подъемного материала, остатков намогильников можно предполагать, что кладбище тянется на 400—450 м с юга на север и на 400 м — с востока на запад, то есть занимает площадь около 18—20 га (рис. 2). Южная граница кладбища проходит приблизительно в 80—100 м к северу от большого караван-сарая. Кладбище в направлении восток—запад пересекает глинобитная или сырцовая стена, поворачивающаяся затем на юг, которую можно интерпретировать как северную стену рабада Хурмузфарры. Эта стена делит кладбище на две неравные части, таким образом, что большая находится вне пределов рабада. Навеянный из пустыни песок не позволяет выяснить планировочные принципы и плотность расположения могил.

На кладбище собрано большое количество разнообразного подъемного материала. Наиболее многочисленную группу составляет керамика. Неполивная керамика представлена фрагментами сосудов разных форм, имеющих процарапанный или штампованный орнамент. Поливные фрагменты орнаментированы очень разнообразно. Здесь встречаются фрагменты сосудов с эпиграфическим орнаментом черной

краской по белому фону, с резаным подглазурным орнаментом, фрагменты, покрытые поливой зеленого цвета разных оттенков, с процарапанным подглазурным орнаментом и т. д.

Вся найденная на кладбище керамика совершенно идентична керамике с территории городища. Сопоставление подъемного керамического материала Хурмузфарра с продукцией керамических мастерских Мерва позволяет датировать первый X—XII вв.[14] Несколько черепков более позднего времени следует связывать с проходившей в то время через кладбище караванной дорогой.

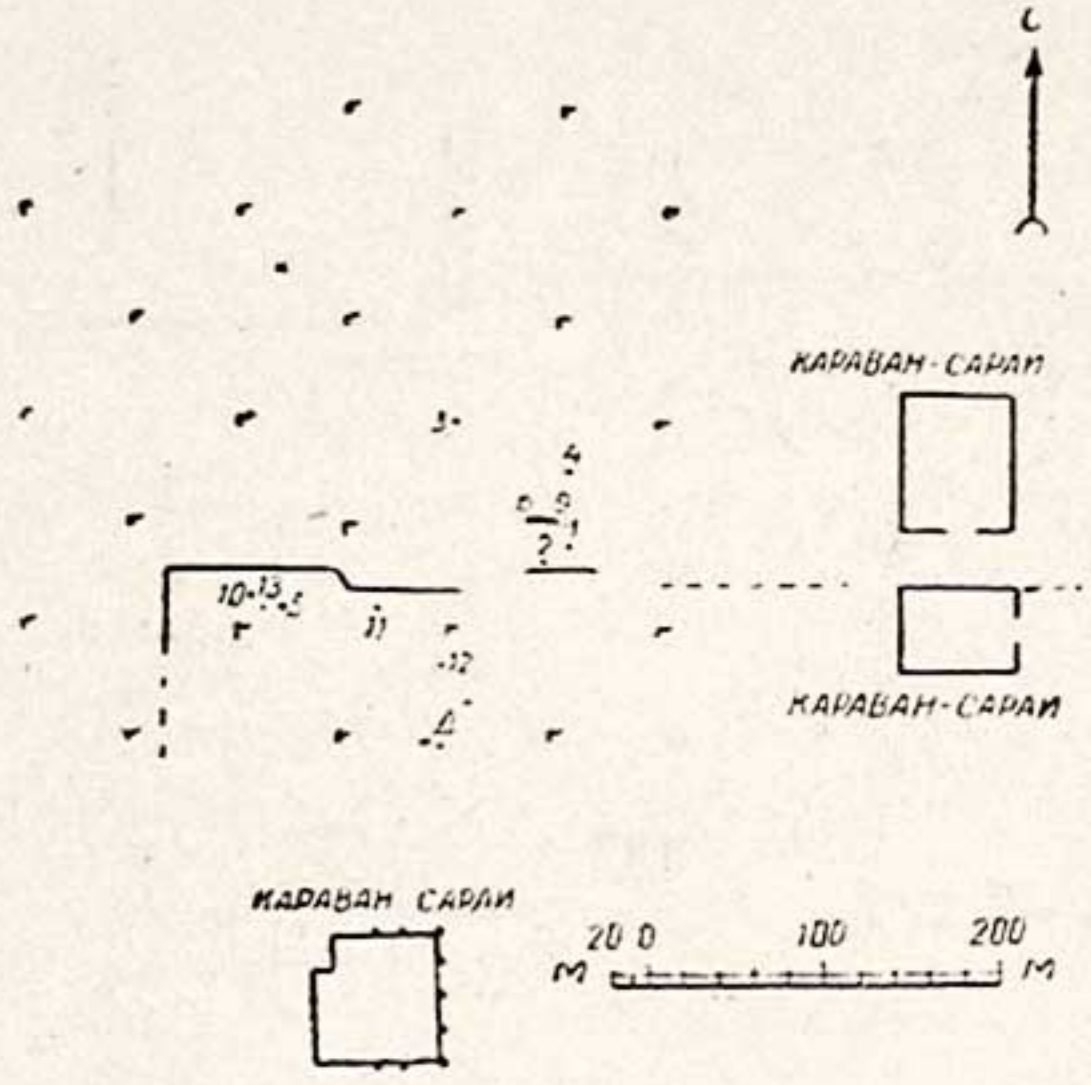


Рис. 2. Схема расположения могил на кладбище.

Находки на кладбище керамики можно объяснить, во-первых, частичным приносом ее с территории городища и караван-сараев, во-вторых, издавна существовавшим в Средней Азии обычаем приносить на могилу посуду[15]. Заложенный здесь небольшой стратиграфический шурф показал, что в средние века эта территория не обживалась.

Кроме керамики, на кладбище обнаружено большое количество жженого кирпича разных размеров и форм, а также резных фигурных кирпичиков, которые использовались при возведении намогильников. При обследовании территории могильника найдено в разные годы большое количество фрагментов керамических плиток с эпитафиями.

Все эти находки будут особо рассмотрены ниже. Следует только отметить, что большинство кирпичей-намогильников, как и элементов декора, было найдено на южной половине кладбища. Это может косвенно указывать на наличие здесь планировочного центра[16] и на то, что представителей разных социальных слоев общества могли хоронить на определенных участках кладбища.

Необходимо также указать на находки здесь двух монет, одна из которых не определена вследствие плохой сохранности, а другая является саманидским фельсом, чеканенном в Бухаре Мансуром I б. Нухом (961—976 гг.)[17].

В результате выездов XVIII отрядом ЮТАКЭ на территорию кладбища было вскрыто полностью или частично 13 погребений, а также остатки предполагаемой «дахмы».

Погребение № 1 (рис 3). Намогильное сооружение представляет собой правильный параллелепипед, длина которого 180, ширина 110, высота 67 см (10 рядов кладки), сложенный из квадратного жженого кирпича со стороной 26—27 см, при толщине 4 см. На нем в центре высотой в один кирпич выложена прямоугольная площадка 125×47 см, которая служит основанием для четырехскатного завершения из треугольных кирпичей размером 32—35×26—27×26—27×4 см. Западная сторона намогильника вплотную примыкает к какой-то стене из жженого кирпича и лишена орнаментации. Остальные три стены украшены узорной кладкой с применением фигурных кирпичиков. Особенно

выделяется богатством декора восточная (фасадная) стена, где кладка из фигурных кирпичиков группируется вокруг центральной фигуры в виде равнобедренного треугольника, составленного из вертикально стоящих подтесанных кирпичей. Во всех рядах горизонтальной кладки, кроме трех нижних, шестого и верхнего одиннадцатого, использованы в различных комбинациях резные кирпичи следующих типов: целые стандартные для данного сооружения, кирпичи с вырезанными на одной из боковых плоскостей тремя треугольными выемками или четырех-пяти ромбовидных фигур; поставленные парами, вертикально расположенные небольшие кирпичики с одной треугольной выемкой, а также простые ромбовидные кирпичики. Орнамент, несмотря на некоторое искажение, симметричен. Те же типы резных кирпичиков применены в оформлении южной стены, где кроме того употребляются кирпичи в виде бантиков. В декоре северной стены использованы в трех рядах кладки только кирпичи с тремя выемками.

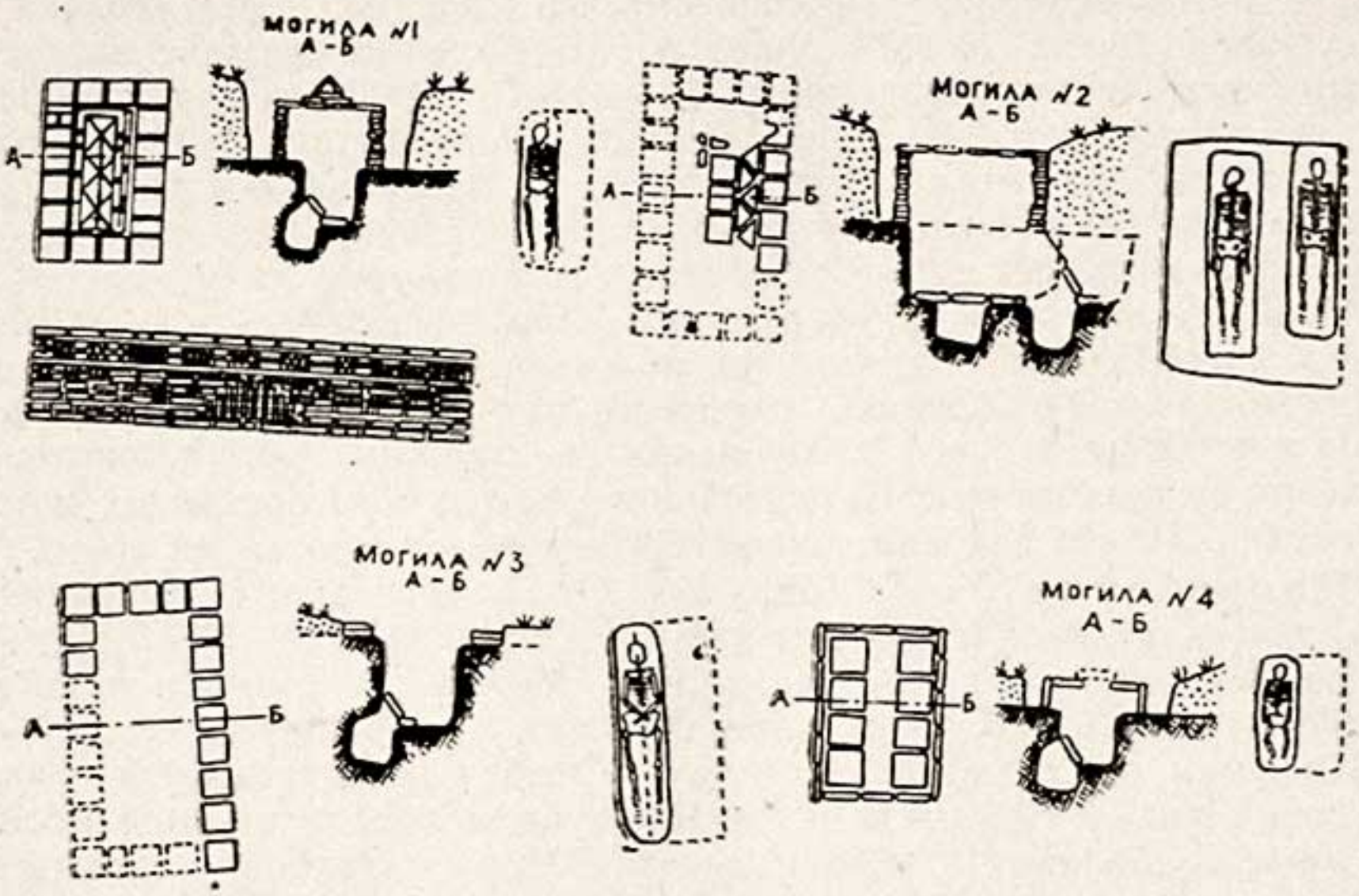


Рис. 3. Планы и разрезы могил № 1—4.

В целом намогильное сооружение производит впечатление богато декорированного, художественно цельного памятника микроархитектуры, созданного под несомненным влиянием монументального зодчества.

При вскрытии погребения выяснилось, что стены внутри имеют рваный край, то есть в целях экономии дорогого строительного материала они сложены из половинок грубо разломанного квадратного кирпича. При разборке намогильника в верхнем ряду обнаружен кирпич с глубоким отпечатком пяти пальцев человеческой ладони. Могильная яма на глубине 60 см от основания кладки оканчивается ляхадом, вырытым в ее западной стенке и заглубленным относительно ее дна на 10 см. Ляхадная ниша закрывалась наклонно поставленными сырцовыми кирпичами, которые находились на горизонтально лежащем ряде таких же кирпичей. Размер сырца 34×34×9 см. В ляхаде обнаружен скелет покойника, лежащего на спине, ориентированного в направлении север—юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп разбит обвалившимся сводом ляхада.

Погребение № 2 (рис. 3). Намогильное сооружение представляет в плане несколько неправильный прямоугольник. Длина его западной стены 2,6, восточной — 2,5, ширина 1,4 м, высота 75 см. Северная и западная стены сохранились плохо, восточная сильно прогнулась, как впоследствии выяснилось, от просадки рыхлой засыпки могильной ямы. Намогильное сооружение сложено из жженых кирпичей размерами 26—27×26—27×4—4,5 см, которые в каждом ряду чередуются с резными кирпичиками в виде грубо вытесанных ромбов. Верхняя плоскость намогильника оформлена следующим образом: по периметру идет кладка из целых квадратных кирпичей, далее — ряд из треугольных, уложенных вплотную друг к другу с поперечным чередованием направления вершин, и, наконец, — остатки прямогульной площадки, которая могла служить основанием ступенчатого навершия.

При вскрытии выяснилось, что стенки намогильника, так же как в погребении № 1, сложены в основном из половинок квадратного кирпича. После извлечения рыхлого заполнения на глубине 90 см (здесь и далее дается глубина могильной ямы от основания намогильника, то есть уровней былой дневной поверхности) была обнаружена вымостка из сырцовых кирпичей размером 33—34×33—34×8 см, центральная часть которой покоилась на деревянном перекрытии. В прямоугольной погребальной яме размером 205×45 см и глубиной в 45 см находился костяк покойника. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Череп плохой сохранности.

В 40 см восточнее располагалась вторая погребальная камера размерами 180×45×45 см, которая, по-видимому, принадлежит другому ляхадного типа захоронению. Это предположение основывается на факте расположения второго захоронения вне границ намогильного сооружения и аналогичных случаев наблюдаемых при раскопках других погребений. Плохо сохранившийся костяк лежит головой на север.

Погребение № 3 (рис. 3). От намогильника сохранилось лишь два ряда кирпичей — верхний ряд из жженых: 29×29×5 см, нижний из сырцовых того же размера. Могильная яма размером 199×68 см и глубиной 85 см ориентирована в направлении север — юг с небольшим отклонением к западу. Ляхад вырыт в нижней части могильной ямы у ее западной стены. Глубина ляхада от пола могильной ямы 27, ширина 40, общая высота 52 см. Подбой закрывался рядом половинок сырцового кирпича и наклонно поставленными на него целыми кирпичами размером 34×34×8 см. Скелет покойника, ориентированный головой на север, лежал на спине со сложенными на животе руками. Сильно приподнятая голова покоилась на небольшом земляном возвышении.

Погребение № 4 (рис. 3). Прямоугольный могильный холмик оконтурен поставленными на ребро жжеными кирпичами 28×28×6 см, длина ящика 1,5 м, ширина 104 см. Сверху намогильная насыпь выложена тремя рядами сырцовых кирпичей (33×33×8,5 см), причем средний ряд перекрывает боковые. Под этим сооружением находится могильная яма 98×54×53 см, ориентированная также по оси север—юг. К западу в бок и несколько выше от дна выпускной ямы располагается ляхад длиной 93, шириной 27 см, заложенный наклонно поставленными сырцовыми кирпичами указанного выше размера. В северной части ляхада находилось возвышение (уступ) для головы покойника.

Погребение № 5 (рис. 4). Могильный холмик размерами 2,20×1,30×0,35 м по краям обложен наклонно поставленными жженными кирпичами. Боковые продольные грани имеют по семь кирпичей, поперечные — по четыре кирпича. В северной части насыпи сохранились три лежащие в ряд кирпича от горизонтального перекрытия.

Размеры квадратных кирпичей обмазки сильно варьируют в стороне от 26,5 до 30 см при толщине 5,5 см — основная масса имеет размер 27,5—28×27,5—28×5,5 см. Длина могильной ямы 2,05 м, ширина 63 см, глубина от древней поверхности 1,05 см. Вырытый с западной стороны ляхад заглублен относительно дна на 37 см. Длина его 180, ширина 45 см. Погребальная камера заложена шестью наклонно поставленными сырцовыми кирпичами, стоящими на семи половинках таких же кирпичей. Эти сырцовые кирпичи, имеющие размеры 31,5×31,5×7 см, на плоской стороне, обращенной к ляхаду, имели клейма: пять кирпичей в виде четырех вертикальных сомкнутых линий, шестой — отпечаток человеческой руки с растопыренными пальцами и подведенными загибами на трех из них, символизирующих, по мнению М. Е. Массона, когтистую лапу джина. Возможно этот кирпич употреблялся здесь в качестве оберега[18]. В ляхаде обнаружен хорошо сохранившийся костяк длиной 165 см, лежащий на спине в вытянутом положении. Голова была сильно приподнята, лицо обращено на запад.

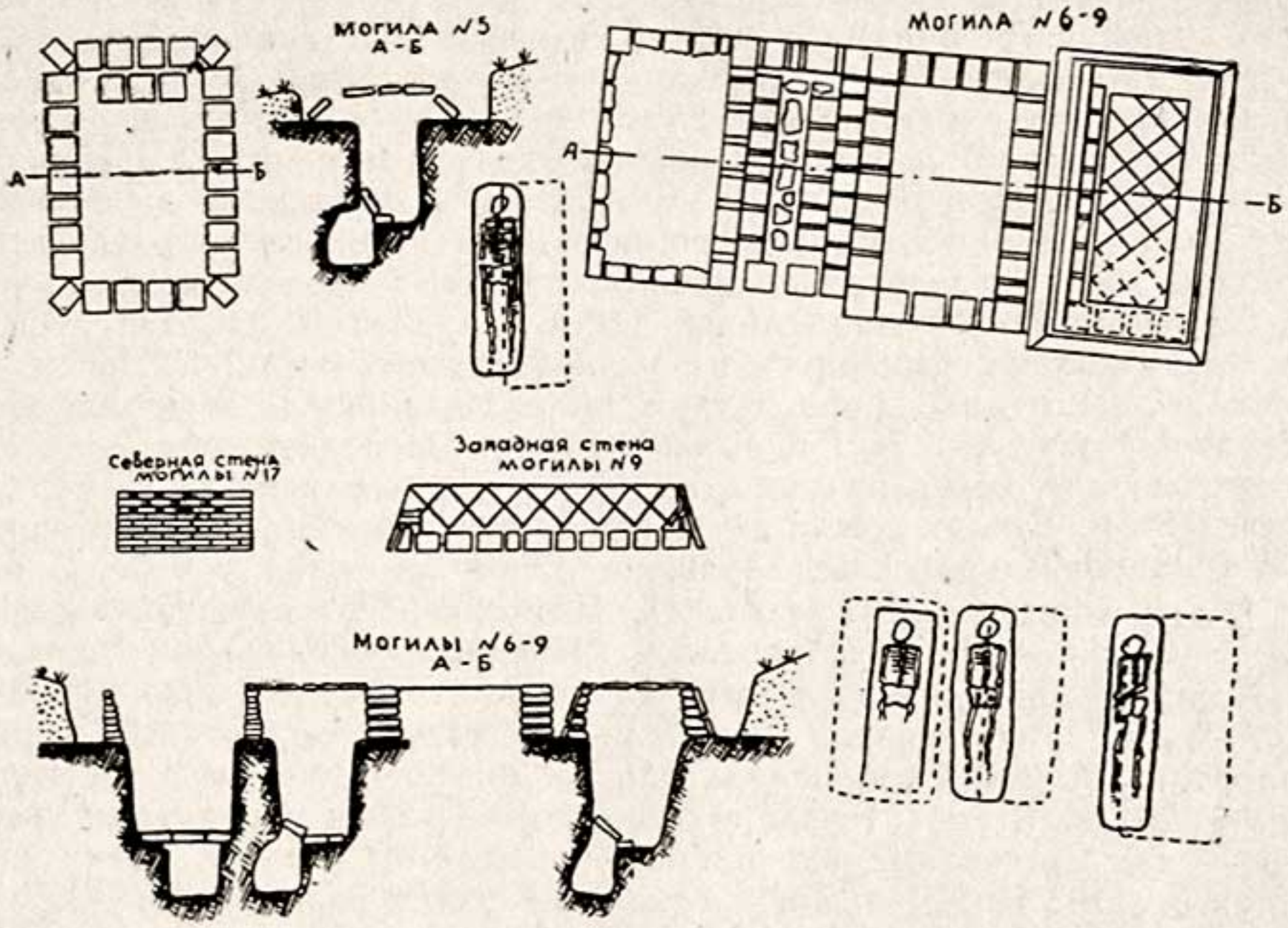


Рис. 4. Планы и разрезы могил № 5,6,9.

Погребения № 6—9 (рис. 4) представляют собой один комплекс из четырех пристроенных друг к другу могил. Наиболее древней из них следует считать могилу № 8, сложенную из сырцовых кирпичей 32×32×6 см. Погребение не вскрывалось, поэтому определены только его внешние размеры. Намогильное сооружение имеет длину 2,80 м, ширину 1,90 м, высоту 50 см (пять рядов кладки). С запада к нему пристроены три стены намогильника № 7, к которому в свою очередь присоединены три стенки намогильного сооружения № 6. Время сооружения намогильника № 9 относительно всего комплекса точному определению не поддается.

Погребение № 6 (рис. 4). Намогильное сооружение из половинок квадратного жженого кирпича со стороной 27,5 см при толщине 5 см. Большинство переполовиненных кирпичей имеет рваный

край, но на некоторых видны следы частичного и даже полного распила. Намогильник имеет прямоугольную форму: длина — 2,40 м, ширина 1,32 м, сохранившаяся высота намогильника восемь рядов. Ширина впускной ямы в верху 1 м, длина неизвестна, так как в целях более быстрого вскрытия раскапывалась только северная ее половина. На глубине 1 м обнаружена выкладка из сырцовых кирпичей 32×32×8 см шириной в 2,5 кирпича, под которой находилась несколько сдвинутая к востоку погребальная яма. Кирпичная выкладка над захоронением, по-видимому, была уложена на перекрытие из хвороста или небольших балок, для которого по краю могильной ямы было вырублено небольшое углубление. Ширина погребальной ямы, заполненной натечной глиной, 50 см, глубина также 50 см. Покойник лежал в пол-оборота на правом боку. Ориентация костяка север—юг. Голова повернута лицом на юго-запад.

Погребение № 7 (рис. 4). Три стены намогильного сооружения сложены из жженого разломанного пополам кирпича 26—27,5× ×26—27,5×4,5—5 см (только в верхнем ряду кладки употреблены целые кирпичи). В кладке трех верхних рядов применены резные фигурные кирпичи с торцами в виде грубо вытесаных ромбов. Длина намогильного сооружения такая же, как в погребении № 6—2,40 см; ширина несколько меньше — 1,25 м. Оно имеет в высоту 54 см (девять рядов кладки) и сверху перекрыто целыми и фрагментированными кирпичами. При вскрытии погребения в земляном заполнении могильной ямы было обнаружено несколько небольших фрагментов керамики с мутно-зеленой поливой, датируемых производителями работ XI в. Могильная яма длиной 1,9 м, шириной 80 см, на глубине 1 м заканчивается выкладкой из сырцовых кирпичей 32×32×6 см. В восточной части ямы кирпичи уложены горизонтально, а в западной поставлены наклонно и прикрывают ляхад. Последний заглублен относительно дна могильной ямы на 42 см и имеет ширину в средней части 158 см. Скелет лежал на правом боку в вытянутом положении, слегка приподнятая голова обращена лицом на запад.

Погребение № 9 (рис. 4). Намогильное сооружение, имеющее в сечении вид равнобедренной трапеции, основано на каркасе из целых и фрагментированных сырцовых кирпичей 32—33×32—33×7—8 см и облицовано жжеными кирпичами трех разных типов: квадратные 26×26×4 см, прямоугольные 26×12—13×4 см и треугольные 36×26×26×4 см (последние два типа являются вариантами первого — это квадратный кирпич, распиленный по средней линии или по диагонали). Намогильник у основания имеет размеры 2,96×1,50 м, размеры верхней плоскости 2,80×1,30 см, высота 53 см. Оформление боковых стенок однотипно: в основании положен ряд прямоугольных кирпичей, на которых сложена орнаментальная сетка из сочетания треугольных и квадратных кирпичей (квадратные кирпичи установлены на угол, а впадины между ними заполнены треугольными). Оформление верхней плоскости аналогично: рамка из прямоугольных кирпичей, в середине диагональная сетка из квадратных и треугольных. Заполнение ядра намогильника и могильной ямы — рыхлая насыпная земля, в которой встречено несколько фрагментов керамики и стекла. Могильная яма шириной 1,0 и длиной 2,20 м, заглублена на 1 м относительно древней поверхности. Западная ее стена идет почти вертикально, восточная со значительным наклоном. В результате этого ширина могильной ямы внизу суживается до 80 см. Ляхад вырыт в ее западной стене. Глубина его от дна могильной ямы 45, ширина 47 см. Он закрывался шестью целыми и одним фрагментированным наклонно поставленными сырцовыми кирпичами размерами

33×33×7—8 см. Этот ряд покоился на горизонтально уложенном ряду переполовиненных кирпичей того же размера. Все кирпичи имеют клейма трех вариантов: первый — вдоль кирпича четырьмя пальцами по сырому тесту проведены прямые борозды, второй — такие же полосы проведены наискось в одном из углов кирпича, третий — сочетание первого и второго типов. Стены могильной ямы, ляхад и его закладка сделаны очень тщательно. Земля не попала в ляхад — расчистки костяка не потребовалось. Покойник лежал в вытянутом положении на правом боку, лицом на запад, голова слегка приподнята (пол ляхада в северной части слегка возвышается). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте почти под прямым углом. Длина костяка 166 см.

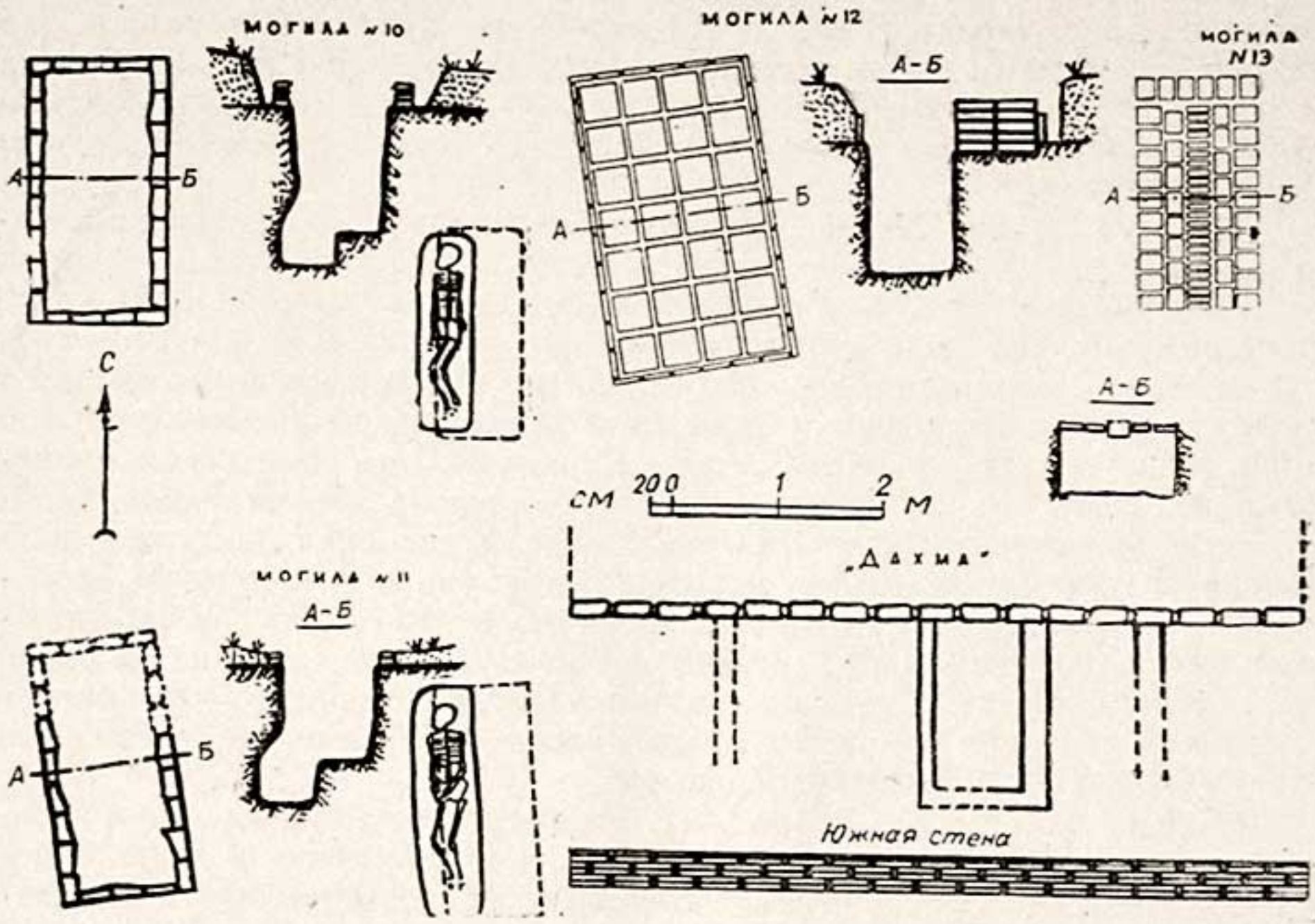


Рис. 5. Планы и разрезы могил № 10—13.

Погребение № 10 (рис. 5). От намогильного сооружения сохранилось четыре нижних ряда кладки, сложенных из половинок квадратного жженого кирпича со стороной 30 см при толщине 5 см. Намогильник представляет собой параллелепипед со сторонами 255 и 130 см. В сохранившейся нижней части сооружения фигурных кирпичников не встречено. При зачистке могильной ямы в ее западной стене в 10 см ниже уровня древней поверхности найдена скорлупа от яйца-писанки, изготовляемого к наурузу с надписью и датой 515 г. х., то есть 1118 г. н. э. Могильная яма длиной 2 м, шириной 80 см на глубине 120 см заканчивается ляхадом, вырытым в ее западной стене. Ляхад заглублен на 30 см относительно дна могильной ямы и имеет ширину 50 см. Свод его сильно обрушился, поэтому характер закладки ляхада не выяснен. Обнаружены лишь отдельные фрагменты сырца толщиной 6,5—7 см (возможно, это все тот же сырец 32×32×7 см). Покойник был уложен на правый бок лицом на запад, ноги слегка согнуты в коленях, голова покоится на небольшом земляном возвышении.

Погребение № 11 (рис. 5). Стены намогильника сооружены из половинок жженого квадратного кирпича 28×28×4,5 см. От выкладки сохранился лишь один нижний ряд и тот не полностью — в северной части он отсутствует. Однако при тщательном обследовании сохранившихся остатков удалось установить наличие вышележащих рядов кладки. Намогильное сооружение по данной оси ориентировано с юга на север с небольшим отклонением головной части к западу. Размеры намогильника, приблизительно 2,5×1,2 м. В него вписана могильная яма 2,2×0,9 м, оканчивающаяся на глубине 90 см ляхадом. Пол его расположен на 40 см ниже дна могильной ямы. Ширина его различная, так как он имеет в плане сигарообразную форму, в середине 60, в северной части 45, в южной 50 см. Как закрывалась ляхадная ниша не выяснено, так как свод ее обрушился, но в плотном заполнении встречаются фрагменты сырцового кирпича. Покойник лежал головой на север в вытянутом положении на правом боку. Левая рука и нога слегка согнуты. Длина костяка 170 см. В заполнении могильной ямы был встречен небольшой фрагмент стенки сосуда, покрытого зеленой поливой.

Погребение № 12 (рис. 5). Намогильное сооружение представляет в плане несколько неправильный прямоугольник: северная сторона 1,66, южная 1,73, западная 2,96 и восточная 2,90 м. Ядро намогильника сложено из сырцовых кирпичей размерами 32—34×32—34×8 см. Кладка производилась без перевязки и сохранилась на высоту в пять кирпичей. Сырцовый массив со всех сторон до уровня третьего ряда оконтурен поставленными на ребро жженными кирпичами размерами 25×25×5 см; 26×26×5 см. Ввиду большого объема работ, необходимых для полного вскрытия, произведены раскопки лишь западной половины погребения. Длина могильной ямы около 2 м, ширина не выяснена. Заполнение очень плотное и почти не отличается от окружающей почвы, поэтому форму погребальной ямы выяснить не удалось. На глубине 120 см от уровня дневной поверхности обнаружен скелет покойника, лежащего в вытянутом положении на спине, со скрещенными ногами. Лицо обращено на запад.

Погребение № 13 (рис. 5). Расчистка остатков наземного сооружения позволила выявить интересный тип внешнего оформления погребений. Могила обозначена на поверхности прямоугольной выкладкой размерами 220×110 см. По ширине кладка состоит из пяти рядов сырцового кирпича 22×16×6 см, причем четыре состоят из кирпичей, уложенных плашмя, а пятый, центральный, сложен из кирпичей поставленных на ребро. Швы между кирпичами, достигающие 4—5 см, тщательно замазаны глиняным раствором с примесью самана. Вскрытие могильной ямы не производилось.

«Дахма». На южной окраине кладбища расчищена стена длиной 6,70 м, сложенная из жженых кирпичей 35×16—17,5×4 см. Сохранилось шесть рядов декоративной кладки, выполненной спаренными кирпичами и резными кирпичиками в форме сдвоенных ромбов. Фасадная сторона стены обращена на юг. Углы кладки читаются очень плохо, только в западной стороне чувствуется кладка из сырцовых кирпичей, вплотную пристроенная с севера к парадной стене. С юга впритык к стене примыкает несколько, по-видимому, более поздних могил, одна из которых расчищена. Сложена она крайне небрежно в основном из фрагментов жженых кирпичей. Длина ее 170, ширина 125 см.

Как видно из приведенных описаний, намогильные сооружения сложены из жженого или сырцового кирпича на глиняном растворе. Часто в боковых стенках намогильников, в целях экономии дорогого

жженого кирпича употреблялись половинки квадратных кирпичей, обращенные краем внутрь сооружения. Ядро намогильника заполнялось насыпной землей.

Хорошего обжига жженый кирпич имеет в изломе желтый или слегка розоватый цвет; глина недостаточно хорошо отмучена — в кирпиче встречаются небольшие пустоты, мелкие камешки и фрагменты керамики. Сырцовый кирпич сделан из глины серого цвета с примесью самана.

Размеры жженого кирпича колеблются в больших пределах, размеры сырца более стабильны (см. таблицу).

Таблица

Размеры кирпича, употребленного в сооружениях намогильников и в закладках погребальных камер, в см

Номер погребения	Сырцовый	Жженый
1	34×34×9 см	26—27×26-27×4 см
2	33—34×33—34×8 см	26—27×26—27×4—4,5 см
3	29×29×5; 34×34×8	29×29×5
4	33×33×8,5	28×28×6 см
5	31,5×31,5×7	26,5×26,5×5,5; 27,5×27,5×5,5 28×28×5,5; 30×30×5,5
6	32×32×8	27,5×27,5×5
7	32×32×8	26—27,5×26—27,5×4—5
8	32×32×8	—
9	32—33×32—33×7—8	26×26×4
10	?	30×30×5 см
11	?	28×28×4,5
12	32—34×32—34×8	25—26×25—26×4,5—5
13	22×16×6 см	—
„дахма“	—	35×16—17,5×4 см

В настоящее время для районов Южного Туркменистана разработана достаточно подробная хронологическая шкала размеров кирпичей, что позволяет датировать жженый кирпич, примененный при сооружении намогильников на кладбище Хурмузфарра, в пределах XI—XII вв.

Некоторые намогильники нередко оформлены при помощи резных кирпичиков и фигурных кладок. Кирпичики сделаны из стандартных жженых кирпичей, распиленных на части, на торцовой плоскости которых выпилены часто с большой небрежностью несложные геометрические фигуры. Среди кирпичиков, найденных на территории кладбища и обнаруженных непосредственно в кладке намогильников, можно выделить при большом количестве вариантов, связанных с индивидуальной манерой изготовления мастеров, 13 разных типов (рис. 6).

Расцвет применения фигурных кладок и резных кирпичиков в Южном Туркменистане падает на XI—XII вв.[19] В декоративном оформлении многих памятников Северного Хорасана, среди прочих применялись кирпичики, подобные найденным на территории кладбища. Широкие аналогии известны для кирпичиков в виде ромба, квадрата, сдвоенных ромбов, спаренных треугольников[20]. Композиция из ромба, заключенного между двумя фигурами (чаще всего прямо-

угольными), известна для многих памятников[21]. Фигурные кирпичи с лицевой плоскостью в виде трех-четырех соединенных ромбов применялись в декоре караван-сарая Дая-Хатын[22] и архитектурных памятников Мерва[23].

Для намогильных сооружений Хурмузфарра отмечено три типа фигурных кладок. Первый — кладка спаренными кирпичами с фигурными вставками (южная стена «дахмы»). Этот прием широко известен для архитектурных сооружений Средней Азии XI—XII вв[24]. Второй — диагональная сетка из сочетания квадратных и треугольных кирпичей, подобным образом выложен пол в одной из комнат дома богатого ремесленника XII в. на городище Султан-кала[25]. Третий тип декоративной кладки — равнобедренный треугольник из поставленных вертикально подтесанных кирпичиков — довольно широко применялся в художественном оформлении ряда архитектурных памятников XI—XII вв., в частности мавзолея Мунтасира в Астана-баба[26], Мухаммеда ибн-Зейда в Мерве[27], минарета в Фирузабаде[28] и др.

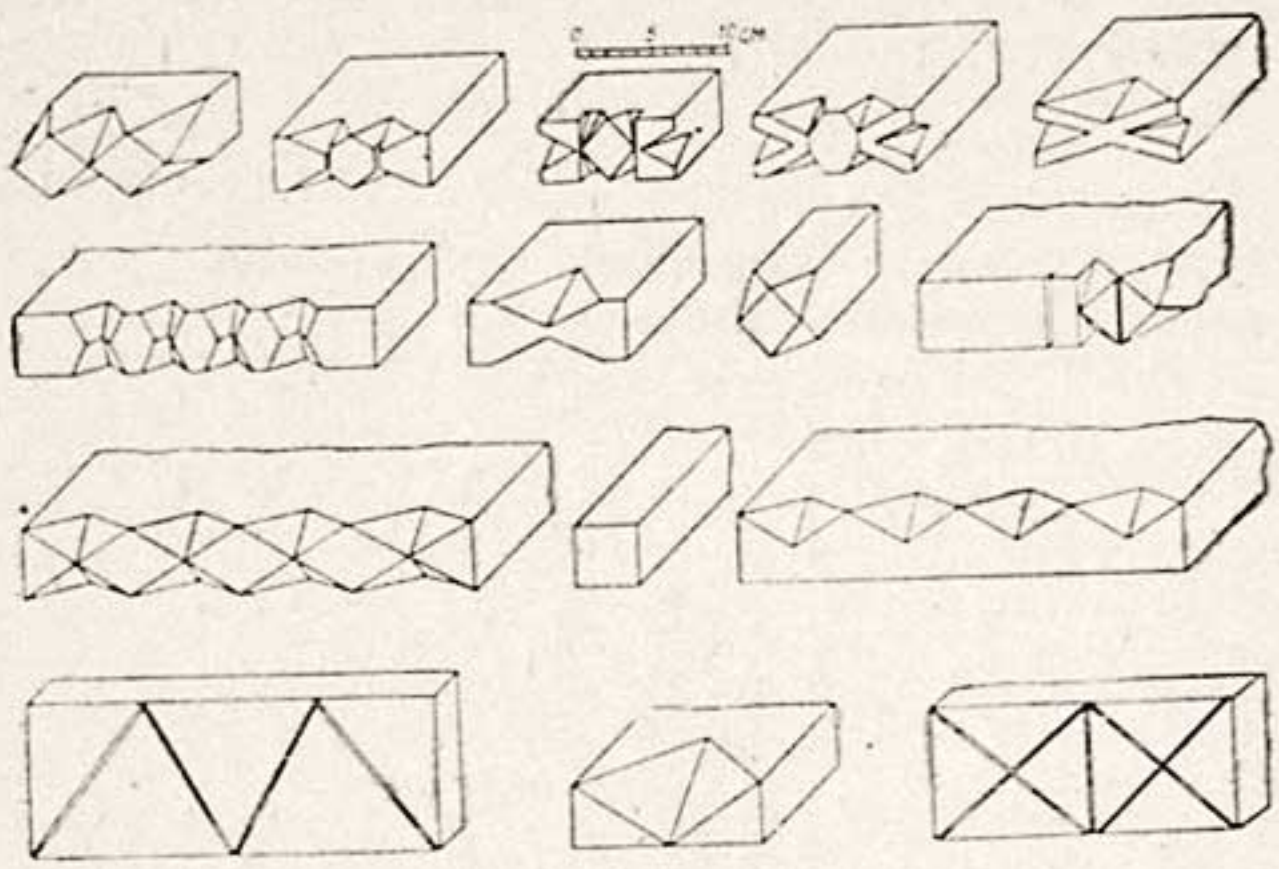


Рис. 6. Фигурные кирпичи с кладбища.

Кроме фигурных кирпичиков, среди подъемного материала встречаются керамические плитки, полученные при распиле стандартного кирпича разных форм (прямоугольные, квадратные, треугольные, пятиугольные) и размеров, применявшихся в декоративном оформлении намогильников.

Богатство декоративного убранства таких памятников, как намогильники, свидетельствует о широком распространении строительных и художественных навыков среди местного населения.

Намогильные сооружения раскопанных погребений можно разделить по типу на две основные группы. Первая — монументальные намогильники, сложенные из жженого или сырцового кирпича, иногда с применением резных кирпичиков и фигурных кладок. К ней можно отнести погребения №№ 1—3, 6—12. Для второй группы намогильных сооружений (погребения № 4, 5, 13) характерен невысокий земляной холмик, имеющий прямоугольную обкладку из жженых, а иногда из сырцовых кирпичей, формы которых разнообразны.

Наблюдаемая дифференциация внешнего оформления могил несомненно связана с различным социальным положением погребенных. Намогильные сооружения первого типа принадлежат зажиточной прослойке жителей Хурмузфарра, которая по-примеру светских правителей и высшей духовной знати, возводивших пышные мавзолеи, стараются даже при уходе из жизни выделить себя из массы простых смертных соответственно своим средствам и общественному положению. Намогильники принадлежат к одному типу, но среди них наблюдается различие в художественном оформлении и качестве строительного материала (намогильники № 8 и 12 сложены из сырца), что

в какой-то степени отражает внутреннюю неоднородность господствующего класса. В общем эти намогильники можно рассматривать как «произведения микроархитектуры, занимавших промежуточное положение между обычным оформлением могил в ту эпоху и возведением над ними настоящих архитектурных сооружений — мавзолеев»[29].

Скромность оформления могил второго типа позволяет относить их обитателей к более бедной прослойке жителей Хурмузфарры, которая не могла использовать в большом количестве дорогой жженый кирпич. Косвенным доказательством в пользу этого предположения служит отсутствие единого стандарта кирпичей в оформлении намогильника № 5, по-видимому, кирпич не куплен, а собран с разрушившихся к тому времени могил или зданий.

И, наконец, несомненным является наличие третьего типа наружного оформления могил — простых земляных насыпей, столь широко распространенных на мусульманских кладбищах Средней Азии вплоть до настоящего времени. Выявление их на кладбище Хурмузфарры возможно только при осуществлении здесь стационарных раскопок, так как пески и время надежно скрыли их даже от внимательного глаза.

Кроме единичных захоронений, на кладбище отмечено наличие погребальных комплексов. Это прежде всего комплекс из четырех пристроенных друг к другу могил (№ 6—9), частично раскопанные две могилы несколько южнее (№ 3 и 3а). Стена с декоративной кладкой в южной части кладбища могла быть частью дахмы, то есть постамента для нескольких намогильников или выполнять роль ограды вокруг них. Стена, к которой пристроена могила № 1, возможно также является частью ограды погребального комплекса. Ограждение могил родственников — явление довольно распространенное, подобной оградой, сложенной из сырца или случайно собранных фрагментов жженого кирпича, огорожены намогильники первого типа (сооружения из жженого кирпича, обмазанные алебастровой штукатуркой) на кладбище Ак-депе[30]; много огороженных погребений в Хорезме, где до сих пор распространен обычай хоронить родственников по отцовской линии в одном ряду (катор) в тесно пристроенных друг к другу могилах[31].

В первые века хиджры, когда особенно строго соблюдались запреты ислама относительно сопроводительного погребального инвентаря и наружного оформления могил, внешний вид мусульманской могилы был очень скромен — «небольшой холмик, иногда отмеченный каменной обкладкой либо парой воткнутых у ног и изголовья палок». Этот аскетизм захоронений был вызван главным образом борьбой ислама с обрядностью иных культов[32]. Гольдциер приводит высказывание, приписываемое одному известному мусульманину, иллюстрирующее это положение ислама: «Когда я умру... посыпьте лишь пылью мою могилу, так как моя правая сторона не более достойна памяти, чем левая. Не отмечайте моей могилы ни деревом, ни камнем»[33]. Всякие попытки нарушить это предписание вызывали неодобрение высших духовных лиц и только со второй половины IX в. начинается постепенное нарушение этого сурового раннеисламского запрета в первую очередь со стороны высокопоставленных лиц[34].

В последующие столетия во внешнем оформлении могил наблюдается большое разнообразие, вызванное отсутствием каких-либо регламентаций. Наружное оформление надгробий становится очень разнообразным не только для всей Средней Азии, но даже в пределах од-

ной области, где оно находится под большим влиянием приемов местных архитектурных школ и природных условий.

Для Южного Туркменистана выявленный в Хурмузфарра тип мусульманских намогильников, украшенных резными кирпичиками и фигурными кладками, пока уникален. Но эта уникальность, очевидно, обусловлена не исключительностью раскопанных нами памятников, а лишь недостаточным количеством материала для аналогии. Раскопки подобного типа могилы начаты в неподалеку расположенном Пашане; большое количество фигурных кирпичиков, найденных при раскопках кладбища XII в. в северном обводе Султан-калы, позволяет предполагать возможность их употребления в несохранившихся намогильных сооружениях[35]; фигурные кладки широко применялись в оформлении намогильников из жженого кирпича в южном обводе того же городища[36].

Большинство раскопанных на кладбище могил представляет собой прямоугольную впускную яму (айван)[37], средние размеры которой: длина—2, ширина 0,8—1 м, глубина около метра, ориентированную по оси север—юг. Вдоль ее западной стены вырыта погребальная яма-ляхад, которая после положения в нее трупа закрывается наклонно поставленным сырцовым кирпичом. Покойник укладывался в ляхад в вытянутом положении на спине или правом боку головой на север, лицо в большинстве случаев обращено на запад, руки вытянуты вдоль туловища или слегка согнуты в локтях. В двух случаях (могилы № 3 и 6) айван заканчивается не ляхадом, а вырытыми посредине него узкими погребальными ямами, перекрытыми сверху сырцовыми кирпичами.

Таким образом, на примере захоронений одного кладбища, отмечаются большие различия в погребальном обряде мусульман, которые в масштабах всей Средней Азии выражены еще более ярко.

В мусульманской богословской литературе автору не удалось найти даже очень краткого описания церемоний, совершаемых при погребении, если не считать нескольких несущественных указаний, сообщаемых в Хидая[38], так как все сведения, касающиеся ритуала погребения, по-видимому, передавались устно.

Погребальные обряды у разных племен и народностей Средней Азии, исповедующих ислам, отличаются большим разнообразием. В устройстве могил тоже нет единообразия. Все мусульманские погребения можно грубо разделить на два типа — ляхадные и ямные (здесь не рассматриваются захоронения типа сагана). Происхождение ляхадного типа мусульманских могил, мне кажется, возможно связывать с арабами, так как этот наиболее распространенный в настоящее время вид захоронений был присущ арабам еще до принятия ими ислама, и, по-видимому, этот тип могил насаждался ими среди покоренных народов[39]. В Средней Азии этот способ захоронения сливается с издавна практировавшимися здесь погребениями в разного рода подбоях. Ямные захоронения следует, по-видимому, связывать с местной традицией, а точнее с кочевническим компонентом населения Средней Азии, так как оседлое население в большинстве своем до прихода арабов исповедовало культы, не связанные с трупоположением. В пользу этого предположения свидетельствуют караханидские погребения в узгентских мавзолеях, где из 32 вскрытых могил, только три относятся к ляхадному типу. Ямного типа захоронения дает также кладбище XIV в. туркменского племени эрсари[40].

Другой важный вопрос, встающий при изучении мусульманских захоронений, это вопрос об ориентации костяка. Ориентация могил в

мусульманских погребениях встречается от строго северной до западной, а у горных таджиков отмечена даже южная.

В Коране сказано, что где бы ни находился мусульманин он всегда должен обращать свое лицо в сторону запретной мечети[41]. Однако при захоронении это предписание трактуется по-разному. В некоторых случаях покойника кладут головой на север, а лицо поворачивают на запад, в других — укладывают покойника на правый бок, головой на запад. Эти различия, по-видимому, в большей степени зависят от того, какого религиозного толка придерживался умерший, например, замечено, что сунниты ориентируют могильную яму по оси север—юг, шииты — запад—восток, а в среде шугнанских исмаилитов покойников укладывают головой на юг[42]. Кроме того, несомненно большую роль в ориентации покойника, особенно в районах, где ислам утвердился недостаточно прочно, сыграли различные пережиточные верования и обряды, связанные с доисламскими культами.

Все высказанные выше предположения относительно погребального обряда необходимо воспринимать только как рабочие гипотезы, так как для окончательных выводов в распоряжении автора нет достаточного количества фактов. Однако на основании имеющегося археологического и этнографического материала в настоящее время уже нельзя говорить о едином мусульманском обряде захоронения. В разных районах Средней Азии существовали свои локальные варианты, отличающиеся друг от друга как наружным оформлением могил, так и самим обрядом захоронения, причем в этих локальных типах в свою очередь имелась существенная временная дифференциация.

Для мусульманских захоронений Средней Азии характерно наличие намогильников с эпитафиями, материалом для которых служили плоские окатанные гальки, жженый кирпич, тщательно отделанные мраморные плиты и стелы. В Мервском оазисе в X—начале XIII в из-за отсутствия поблизости камня и легкости изготовления широкое распространение получили кирпичи с вырезанными на них эпитафиями. Подобные кирпичи характерны вообще для Хорасана, а также известны для других районов Средней Азии. Однако недостаточное внимание к этому виду эпиграфических памятников и их сравнительная недолговечность не позволяют в настоящее время точно определить ареал их распространения[43].

Первая находка фрагмента намогильного кирпича была сделана на кладбище Хурмузфарры в 1955 г.. с тех пор количество найденных кирпичей, отчасти благодаря специально организованным выездам, значительно увеличилось. Особенно большое число находок сделано в последние два-три года, например, только в 1964 г. было собрано 11 целых и фрагментированных кирпичей с эпитафиями. Такое большое количество материала требует длительного изучения и является темой специального исследования, что не входит в задачу автора. Поэтому здесь дается лишь краткая характеристика этого рода находок[44].

В качестве исходного материала использовались обыкновенные кирпичи стандартных размеров, на которых обычно по сырой глине вырезалась эпитафия. Затем кирпич подвергался обжигу. Существовал и другой способ нанесения эпитафии, когда надпись выцарапывалась уже на обожженом кирпиче, но этот прием, по-видимому, применялся довольно редко, в экстренных случаях, требующих срочного установления эпитафии на могиле. Из всех найденных кирпичей-намогильников только на одном обнаружена надпись, выполненная подобным образом.

Способ положения кирпича с эпитафией на могилу не установлен, так как пока не раскопано ни одного намогильника, на котором бы

сохранился кирпич с надписью. Можно только предполагать, на основании сравнения со способом установки подобных кирпичей на современных кладбищах, что кирпич ставился вертикально или наклонно в головной части намогильника или вмазывался горизонтально в его верхнюю плоскость.

Большинство эпитафий устанавливалось через небольшой промежуток времени после захоронения, но также было возможно изготовление эпитафий через несколько лет или обновление старой надписи. Например, Саманн в середине XII в. установил новый намогильный кирпич на могиле Абу Дауд Сулеймана ибн Са'ид ибн Кусджан ас-Синджи, скончавшегося в 872 г.[45] Возможность более позднего изготовления кирпича-намогильника следует учитывать при датировке и анализе почерка.

Кирпичи содержат одностороннюю надпись, выполненную почерком куфи в несколько строк, занимающую всю или только верхнюю часть лицевой плоскости. Иногда надпись имела несложное обрамление. Эпитафии, как правило, состоят из бисмаллы, указания имени покойного и даты смерти. (На более ранних кирпичах бисмалла и дата отсутствуют. Даты на намогильных кирпичах появляются не ранее середины XI в.[46]). В качестве примера приводим текст надписи на одной из керамических плиток: «Во имя Аллаха милостливого, милосердного! Эта могила Умара сына Мухаммеда достойного (главного). Благославление Аллаха (на) новоумершего 4-го (дня) в месяце рамазан года два и тридцать и пятьсот» (то есть 16 мая 1138 г.).

Ценные данные содержатся в эпитафиях двух намогильных кирпичей, найденных в 1964 г. Один из них имеет эпитафию с упоминанием имени Абраза сына Бассама. Это коренное маргианское имя имело широкое распространение в среде местного населения до арабского завоевания, о чем имеются сведения у средневековых авторов. В частности у Табари и Гардизи рассказывается об Абразе (Беразе) ибн Махавейх (Махуйе), который был мерзбаном Мерва во времена арабского завоевания[47]. Ибн Хордадбех, перечисляя титулы царей Хорасана (вместо которых он часто приводил имена правителей), сообщает, что царь Мерва зовется махуйе, царь Неса-Абраз[48]. Имя Бассам (ибн Ибрагим, клиент племени лейс) также встречается у Табари при описании восстания 747—748 гг. в Хорасане[49]. Находка эпитафии с этими именами свидетельствует о том, что даже в X в., несмотря на многовековое господство арабов, местное население Хурмузфарры сохраняет свои древние обычаи и имена.

Вторая эпитафия сообщает о захоронении на данном кладбище казия, что открывает еще одну страничку из истории этого пункта. Наличие кафедры казия показывает, что Хурмузфарра в X—XII вв. была довольно значительным городом, так как в те времена подобные учреждения существовали далеко не в каждом из них.

Дальнейшее изучение намогильных кирпичей позволит не только получить интересный материал для изучения эволюции куфического письма, но и выявится немало фактов из истории этого города и жизни местного населения.

Постановка раскопок средневековых погребений в Мервском оазисе связана также с задачей накопления палеоантропологического материала для решения вопросов по этногенезу народов, населявших Южный Туркменистан.

При решении вопроса о времени функционирования кладбища принимались во внимание следующие данные:

1. Жженый квадратный кирпич со стороной 25—30 см при толщине 4—5,5 см широко применялся в различных сооружениях XI—XII вв. Южного Туркменистана и Мерва в особенности.

2. Сырцовый кирпич 32—34×32—34×7—8 см также широко известен в этом районе для X—XII вв.

3. Применение резных фигурных кирпичиков в архитектуре Северного Хорасана достигло своего наибольшего расцвета в XI—XII вв.

4. По характеру куфи и указанным датам найденные намогильные кирпичи следует датировать X—XII вв.

5. В заполнении могильной ямы погребения № 10 была найдена скорлупа яйца-писанки с датой 512 г. х., то есть 1118 г. н. э.

6. В кладке караван-сарая, относящейся, по-видимому, к ремонту конца XIII—начала XIV в., найден намогильный кирпич с датой 1187 г. н. э., что говорит о полном забросе кладбища к моменту ремонта.

7. Археологические наблюдения на городище показывают, что к началу XIII в. город перестал существовать.

Все это заставляет определять хронологические рамки существования кладбища как X—XII вв. Вполне допустимо, что могильник существовал на этой территории уже в IX в., но археологически это пока не подтверждается.

Погребения к северу от стены рабада относятся к X—XII вв. Захоронения внутри городской стены, по-видимому, следует датировать XII в. К этому времени количество жителей засыпаемого песком города значительно уменьшилось. Пришедшая в ветхость городская стена потеряла свое значение и часть опустевшей территории внутри нее начинает использоваться как кладбище.

Раскопки на кладбище Хурмузфарры выявили уникальный для Южного Туркменистана тип монументальных намогильников, сооруженных из жженого кирпича с применением резных фигурных кирпичиков. Установлено большое разнообразие приемов декоративного оформления погребений и их умелое применение, свидетельствующее о широком распространении среди местных ремесленников художественных и строительных навыков. Получен интересный эпиграфический материал, на основании которого выявлен ряд ценных исторических фактов. Добыт точно датированный краниологический материал, имеющий большое значение для решения вопросов по этногенезу народов, населявших Южный Туркменистан.

Сравнение результатов раскопок на этом кладбище с другими мусульманскими захоронениями Средней Азии показывает, что даже для одного времени в разных районах существовали свои локальные варианты, отличающиеся друг от друга как наружным оформлением могил, так и способом захоронения.

Для выяснения эволюции погребального обряда, устройства могил и их внешнего оформления со времени арабского завоевания до позднего средневековья в каждом районе необходимо изучение подобного рода памятников в широких масштабах с привлечением данных этнографии и антропологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Залкинд Н. Г., Поляков С. П. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении. ВА, вып. 11, 1962, стр. 133—135.

2. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 195.

3. Там же, стр. 198.

4. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийской области. СПб., 1894, стр. 127—131, 172—173.
5. Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме. СА, VI, 1940; Стеблюк Ю. В. Погребальные сооружения Южного Хорезма XVIII—XIX вв. Материалы ХАЭЭ, вып. 7. М., 1963, стр. 98—99.
6. Сухарев И. А. Мусульманское захоронение первых веков хиджры в Бухаре. Известия УзФАН СССР, 1940, № 12, стр. 71—72.
7. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. 1927, стр. 18.
8. Сообщение В. А. Пулатовой.
9. Бернштам А. Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, 14, 1950, стр. 34—35.
10. Результаты раскопок 1961—1962 гг. освещены в работах: Лунина С. Б. Кладбище XI—XII вв. на городище Хурмузфарра. Рукопись, 1963; Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТССР в 1962 г. Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1963, № 3, стр. 49—50.
11. В 1904 г. городище посетил член Американской экспедиции в Туркестане Е. Хентингтон.
12. Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 270—272.
13. Массон М. Е. Городище средневекового Хурмузфарра Тязе-Кишман. Известия АН ТССР, серия общественных наук, 1961, № 2, стр. 14—28.
14. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв. Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 217—409. При датировке керамики автор консультировался с С. Б. Луниной.
15. Устное сообщение М. Е. Массона и М. А. Бикжановой.
16. Очень часто мусульманские кладбища располагались вокруг мавзолея, могилы святого или другого почитаемого места.
17. Определение М. Е. Массона.
18. Массон М. Е. Средневековый торговый путь из Мерва в Хорезм. Рукопись, 1964.
19. Пугаченкова Г. А. Пути развития... Цит. соч., стр. 272, 333—336.
20. Там же, стр. 333.
21. Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. М., 1955, стр. 102.
22. Там же, стр. 43, 45, 53.
23. Пилявский В. Н. Архитектура древнего Мерва. Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института, вып. 10. М.—Л., 1950, стр. 110.
24. Пугаченкова Г. А. Пути развития.. Цит. соч., стр. 247.
25. Сведения сообщены А. Билаловым.
26. Прибыткова А. М. Памятники... Цит соч., стр. 73, рис. 82.
27. Пилявский В. Н. Архитектура... Цит. соч., стр. 107—108.
28. Diez E. Churasanische Baudenkmäler. Berlin, I, 1918, табл. II.
29. Лунина С. Б. Кладбище XI—XII вв... Цит. соч., стр. 14.
30. Марков Г. Е. Средневековое кладбище Ак-тепе. Труды ИИАиЭ АН ТССР, т. V, 1959, стр. 221.
31. Снесарев Т. П. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, вып. 33, 1960, стр. 65—67.
32. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата. «Искусство зодчих Узбекистана», II. Ташкент, 1963, стр. 59—60.
33. Гольдциэр Н. Культ святых в исламе. М., 1938, стр. 147.
34. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата... Цит. соч., стр. 60.
35. Массон М. Е. Средневековый торговый путь... Цит., соч., стр. 72.
36. Жуковский В. А. Развалины... Цит. соч., стр. 127 и наблюдения автора.
37. Термин сообщен М. Е. Массоном.
38. Хидая, комментарии мусульманского права. Ташкент, 1893, стр. 312.
39. Машанов М. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как сведение в изучении ислама, ч. 1. Казань, 1885, стр. 740—742.
40. Залкинд Н. Г., Поляков С. П. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. Труды ТашГУ, новая серия, вып. 235. Ташкент, 1964, стр. 30—34.
41. Коран, под ред. И. Ю. Крачковского. М., 1963, стр. 30.
42. Семенов А. А. Из области религиозных верований исмаилитов. Мир ислама, 1912, № 4, стр. 557.
43. Известны находки намогильных кирпичей для районов Самарканда и Термеза.

44. Сведения о некоторых намогильных кирпичах из Хурмузфарры сообщаются в работах: Массон М. Е. Городище средневекового... Цит. соч., стр. 24; Его же. Новые средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса. Сб.: Древний мир. М., 1962, стр. 380—390; Его же. Из работ... Цит., соч., стр. 50; Его же. Средневековый торговый... Цит. соч., стр. 71, 73.

45. Самани. Китаб ал-ансаб. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 335.

46. Массон М. Е. Новые средневековые... Цит. соч., стр. 390.

47. Булгаков П. Г. Из арабских источников о Мерве. Труды ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 216—217.

48. Ибн Хордадбех. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 146.

49. Ат-табари. Тарих ар-русул ва-л мулук. МИТТ, т. I. М.-Л., 1939, стр. 127, 139.

М. Е. МАССОН

ПЛОСКОПЛИТОЧНЫЕ КАМЕННЫЕ НАМОГИЛЬНИКИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА XVIII в.

(из истории Мерва XVIII столетия)

Намогильные плиты, представляющие собой своеобразные микроархитектурные памятники, реже скульптурные, часто несущие разного рода изображения и надписи, являются очень благодарными объектами для понимания той или иной эпохи. Они тем полноценнее в этом отношении, чем подробнее содержание эпитафий, превращающих их в письменный исторический первоисточник. Значимость таких намогильников повышается, если они приходятся на отрезок времени, скупо запечатленный другими современными документами.

В истории Южного Туркменистана именно таким периодом нельзя не признать отстоящий от современности всего на каких-нибудь полтора-два с половиной столетия XVIII в., от которого до нас не дошло местных хроник, если не считать кое-каких данных о Мерве, содержащихся в посвященном истории Надир-шаха труде Мухаммеда Казима, родившегося в этом городе в 1721 году, покинувшего его в отрочестве и вернувшегося на родину уже в качестве чиновника, состоявшего на службе при тамошних правителях-беглярбегах в течение многих лет, начиная с 1739 г.[1] Тогдашние же персидские летописцы в пору правления последних сефевидов в основном поглощены вторжением в Иран афганских войск, затем почти целиком были заняты описанием деяний, связанных с головокружительной карьерой последнего крупного восточного завоевателя Надир Кули-хана из племени афшар, а во второй половине XVIII столетия, когда их собственная страна испытывала большие затруднения и находилась далеко не в благополучном состоянии, их внимание мало привлекало внутреннее положение среднеазиатских областей прилежащей северной полосы. Историки же Бухарского и Хивинского ханств кратко упоминали о них в связи с военными грабительскими предприятиями своих правителей.

Между тем, на территории современного Туркменистана происходили тогда события, еще не только малоизученные с чисто внешней фактической стороны, не говоря уже о выяснении всех причин каждого в отдельности, но даже в значительной части недостаточно выявленные, хотя последствия их сказались очень заметно на всей дальнейшей истории туркменского народа. Как и в других частях Средней Азии, здесь протекали массовые этнические передвижения, приведшие к перемещению отдельных туркменских племен внутри страны, в том числе северно-туркменских в Южный Туркменистан, и к тому, что подавляющее большинство многочисленных до того салыров оказалось далеко на востоке за пределами своих прежних обиталищ, а часть родов човдур, игдыри и соинаджи еще в первой четверти XVIII в. (до 1722 г.) вынуждена была покинуть Мангышлак, прошла через Астрахань на се-

веро-кавказскую Куму и добровольно признала над собой власть калмыцкого хана Аюка. Непрекращавшиеся кровавые междоусобные распри среди оставшихся на своей родине племен вызвали во второй половине этого столетия полные страстного пафоса, но тщетные призывы знаменитого гокленского поэта-мыслителя Махтумкули к добровольному объединению всех родственных между собой туркмен.

Большие бедствия туркменам несли за собой набеги на них армии Надир-шаха, неоднократные их восстания против власти последнего, даже участие в качестве союзников в других его внешних военных предприятиях, а затем столкновения с Хивой, которая сама между 1767—1770 гг. оказалась на краю гибели, и с Бухарой, приведшие в 1785 г. к грабительскому походу Шах-Мурада на Мерв. Неоднократные на протяжении этого столетия разрушения Султанбендской плотины всякий раз вызывали разорение всего оазиса низовьев Мургаба. Экономический упадок всей страны резко сказался на состоянии сельских местностей и городов, и Абдул Керим бухарский писал, между прочим, о Мерве XVIII в., что он «должен был быть красивым городом, судя по его развалинам, но теперь он в таком же точно положении, как Херат»[2], который находился в ту пору в большом запустении. Как теперь установлено, к концу XVIII столетия во всем Южном Туркменистане возобладали патриархально-феодальные отношения, что находилось в тесной связи как с упадком среднеазиатских государственных образований, так и с массовым движением на юг кочевых и полукочевых северотуркменских племен[3].

Вся сложившаяся ситуация не могла не наложить некоторого отпечатка на современные ей каменные намогильники, которыми никто специально не занимался, хотя уже в 1890 г. один из них был встречен у Талхатан-баба В. А. Жуковским, разобравшим уцелевшую часть эпитафии без даты некоего хана Мухаммеда, не давшим хотя бы его эпохиального определения и, по-видимому, не знавшим тогда, какого именно он был времени[4]. Два таких намогильника, найденных в 1927 г. при земляных строительных работах в поселке Хивеабад, упомянул в своем отчете за 1928—1929 гг. участник Хаверанской экспедиции Средазкомстариса и Института туркменской культуры Т. Г. Мачнев, приведший содержание их кратких эпитафий по чтению А. А. Семенова и ограничившийся замечанием, что «форма этих надгробных плит самая ординарная позднейшей эпохи и свойственна едва ли не всем таким плитам, встречаемым на кладбищах Туркмении за последние 200 лет». При этом автор дал неверную характеристику им, как якобы представляющим собой продолговатый серый камень, оконченный вверху килевидной аркой», чего в действительности не бывает[5].

Как показало их выявление и попутная регистрация при маршрутах по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции автора данной статьи, эти намогильники наглядно свидетельствуют, что неспокойная обстановка XVIII в. привела к повышению удельного веса здесь разноплеменных мелких феодалов или ханов из туркмен, афшаров, каджаров, курдов и других, которые уже в начале этого столетия сделалась фактически независимыми правителями-военачальниками, владея порой всего лишь одним тем или иным городом, крепостью и даже просто укрепленным замком. Это нашло отражение, во-первых, в довольно большом проценте по сравнению с другими эпохами среди прочих намогильников господствующих классов именно ханских; а во-вторых, в часто высекавшихся на них изображениях боевого оружия, как бы символизирующих подлинные предметы, помещавшиеся в прошлом в могилах умерших воинов.

Среди этого оружия видное место занимает среднеазиатская сабля «клыч» (قلىچ) того типа, который в литературе часто обозначается термином «персидский». Встреченные нами изображения этих сабель, очевидно, копируют лучшие клинки издавна славившейся хорошей хорасанской ковки, которые высоко ценились в Южном Туркменистане и в Хорезме также в XIX столетии, о чем для конца второго десятилетия имеется прямое указание Н. Муравьева[6]. На могильниках сабли представлены в ножнах, иногда парадно украшенных, с почти прямым в верхней трети клинком, изогнутым ниже по кривой, построенной из двух центров, с загнутой вперед верхней частью эфеса (эльтутар) и то с прямым, то с заоваленным, то с сильно вытянутым ромбовидным перекрестнем, удлиненные вершины которого снабжены шарикообразными уширениями (рис. 1). На намогильной плите в Мейхене нам

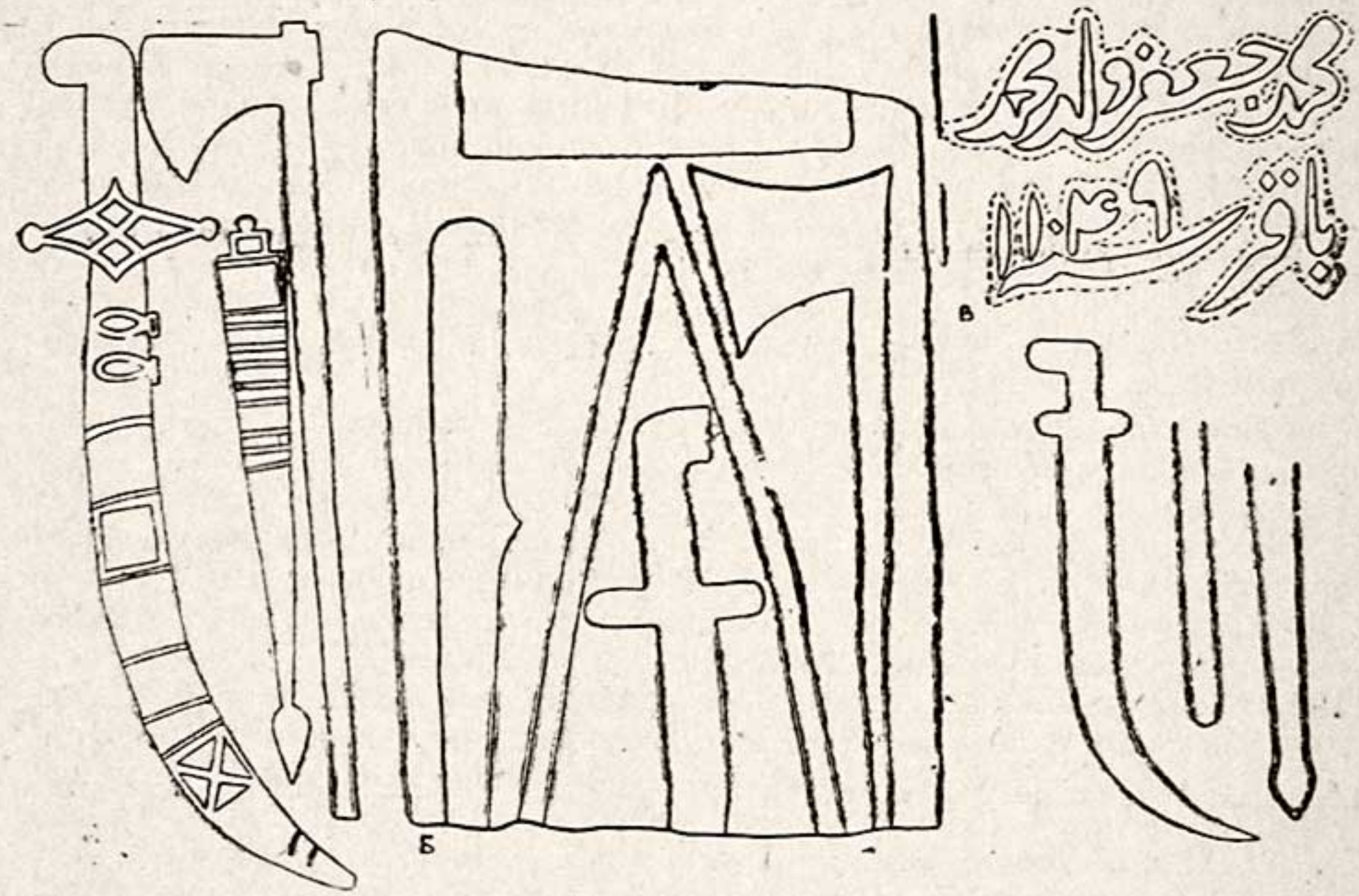


Рис. 1. А. Каушут. Намогильник Пинарман-хана, 1186 г. х.; Б. Старый Мерв, южный обвод городища Султан-кала. Фрагмент. В. Хивеабад. Намогильник Мухаммед Джафара, 1149 г. х.; Г. Старый Мерв, южный обвод городища Султан-кала. Фрагмент.

встретилось изображение только одного слегка изогнутого клинка среднеазиатского клыча, рукоять которого имеет плавное как бы волютообразное завершение и прямое перекрытие с шариками на концах. Обычно же вместе с саблями рядом, как правило, бывают исполнены иногда контурно иногда с показом деталей и украшений нож «пчак» и топорик секира «айпалта» с короткой рукоятью. Секиры представлены имеющими разные профили топорищ. В одних случаях — это типичные узкие боевые топорики, обладавшие большой пробивной способностью; в других — топорища их более широкие и они напоминают полудекоративные секиры, служившие в Средней Азии еще в XIX в. в большей мере парадными символами власти или показателем ранга, присвоенного его носителю. Что касается ножей, то они принадлежат тем типам, которые до недавнего времени были широко распространены у среднеазиатских народов, в том числе у туркмен, носивших их

за поясом то мелко, то глубоко засунутыми в кожаные ножны с металлическим миндалевидным наконечником, из которых выдавалась целиком вся рукоять или едва проглядывала верхняя ее часть. Рукоять чаще всего имела обкладку из белой кости, поскольку черные ручки, в отличие от белых, не считались приносящими счастье[7]. Как сообщил нам Д. М. Овезов, среди таких ножей в старину особо выделяли так называемые «джеухёр-пчак» (جوهر پچاق), то есть «жемчужный нож». Их вместе с ножнами парадно украшали серебром и им приписывалась особая магическая сила. По существовавшим прежде представлениям, если его владельцу угрожает опасность в лице враждебно настроенного человека, в виде джина или таинственного духа оборотня, в том числе встречающегося на кладбище по ночам в образе плотно закутанной женщины, то стоит ему выхватить из ножен джеухер-пчак и храбро ринуться с ним вперед, как клинок его чудесным образом намного удлинится и уже этим обеспечит удачу в обороне.

В. А. Жуковский отметил, что на упоминавшемся выше ханском намогильнике у мечети Талхатан-баба он видел, кроме шашки и ножа, еще якобы и копье, за каковое он мог принять рукоять секиры, утратившей топорище. Нам нигде не встретились на плоскоплиточных намогильниках изображения лука и колчана со стрелами, вообще бывших тогда еще в широком употреблении. Не менее характерно отсутствие показа на рассматриваемых каменных могильных плитах огнестрельного ручного оружия, несмотря на довольно значительное его распространение в XVIII столетии в Средней Азии и сопредельных странах Востока. Очевидно, местная знать по традиции считала сабли, секиры и ножи более приличествующими для себя, чем позднее появившиеся ружья и пистолеты, подобно тому, как европейское дворянство долго пыталось сохранять за собой только потерявшую к тому времени практический смысл привилегию носить шпагу и пользоваться ею. Вооружение же простого солдата в регулярной армии Надир-шаха состояло обычно из мушкета-туфанг, также из лука, сабли, щита, кольчуги, а иногда другого холодного оружия.

Виденные нами в Ахале, Атеке и долине Мургаба каменные намогильники XVIII столетия в отличие от специфических столбообразных и фертообразных, распространенных больше в юго-западной и северной частях Туркменской ССР[8], изготовлены, по определению Ю. Б. Айзенберга, преимущественно из темно-серой хорасанской тальковой породы и представляют собой небольшие плоские плиты, длиной 0,5—0,84 м, шириной 13—23 см, при толщине 4,5—6 см. В тех случаях, когда они делались с уступом, ниже расположенная ступень, выдававшаяся по всем сторонам примерно на 2—2,5 см, как правило, несколько превышала по высоте половину общей толщины плиты. Каких-либо определенных стандартов в смысле пропорциональности размеров не отмечается, и наряду с узкими продолговатыми намогильниками, в которых отношение длины к ширине равно примерно 4:1, налицо более широкие и короткие плиты с приблизительным отношением 2,5:1. По форме своей это или строгие прямоугольники, или плиты с прямоугольным основанием, но со срезанными наискось в верхней части углами. Обычно скошенные здесь линии сходятся под прямым углом, хотя встречаются намогильники, имеющие вверху как довольно острый угол (до 60°), так и тупой (до 120°), что придает плитам то очень удлиненный вид, то, наоборот, — раздавшийся вширь. На городище Новая Ниса в 1949 г. была обнаружена островерхая же плита, у которой, однако, было высечено дугообразное основание со слегка заоваленными углами.

Тыльная сторона осматривавшихся нами плит только подравнена, в лучшем случае слегка обделана, а чаще имеет плоско-желобчатую

выемку глубиною 1,5—5,5 см, выбитую для лучшего сцепления раствором с кирпичной кладкой намогильного сооружения, и в отличие от более старых, вертикально ставившихся островерхих каменных стел XV и последующих столетий[9], никогда не бывает орнаментирована или снабжена какими-нибудь надписями. Оба приведенные факта показывают, что плиты XVIII столетия не закреплялись стоймя, чтобы быть доступными для обозрения со всех сторон, а именно или клались плашмя на могильный земляной бугорок, или наглухо заделывались на алебастре в намогильное кирпичное сооружение лишь одной лицевой стороной наружу. Вследствие незначительной толщины при хрупкости материала очень немногие из этих плоскоплиточных намогильников сохранялись целыми. Часть дошла до нас расколотой, а от подавляющего большинства мы имеем лишь фрагменты.

Прототипы этих намогильников известны нам еще для XVII в., причем среди относящихся к этому столетию памятников имеются плиты и более крупных размеров, и более богато орнаментированные, и снабженные более содержательными эпитафиями[10]. По сравнению с ними для XVIII в. отмечается весьма заметное измельчание объемов бравшихся для их изготовления каменных глыб, сведение до минимума, а иногда и отсутствие орнаментальных украшений и резкое укорачивание высекавшихся текстов, что в своей совокупности отражает в какой-то мере обеднение в ту пору представителей среды заказчиков этих намогильников.

Приводим в хронологической последовательности некоторые типичные образцы из числа собранных нами эпитафий рассматриваемых намогильных плит.

1. Городище Старого Мерва Султан-кала, южный обвод, у могил асхабов. Верхняя часть расколотой очень островерхой уступчатой плиты. Максимальная длина сохранившегося фрагмента от треугольной вершины 50, ширина 23, длина скосов 20, толщина понаружи, считая со ступенью, 28 см, глубина выемки с тыльной стороны 5,5 см. Эпитафия выполнена грубоватыми широкими буквами почерка наста'лик в четыре строки [Рис. 5, б]:

(1)	هذا	Это
(2)	مرقد مرحوم	могила покойного
(3)	مرتضاقلی‌بک	Муртази-Кули-бека
(4)	ترکن سنه ۱۱۲۲	таркана. Год [смерти] 1122.

1122 г. х. приходится на время со 2 марта 1710 г. по 18 февраля 1711 г.

2. Городище средневекового Мехне близ современного селения Меана; помещение новой мечети, примыкающей к современной михман-хане у мавзолея шейха X—XI вв. Абу-Сейида Мехнейского (968—1049 гг.). Расколотая пополам плоская прямоугольная плита. Общая длина 84,5 см, ширина 20 см. Эпитафия выполнена в три строки грубоватыми по начертанию широкими буквами почерка наста'лик [Рис. 3]:

(1)	هذا مرقد	Это могила
(2)	پیر محمد ولد	Пир-Мухамеда, потомка
(3)	عشور سنه ۱۱۳۰	Ашура. Год [смерти] 1130.

1130 г. х. приходится на время с 5 декабря 1717 г. до 23 ноября 1718 г. Под эпитафией контурное изображение сабли.

3. Намогильник, найденный в 1927 г. в поселке Хивеабад при постройке школы и хранящийся ныне в Музее краеведения Академии

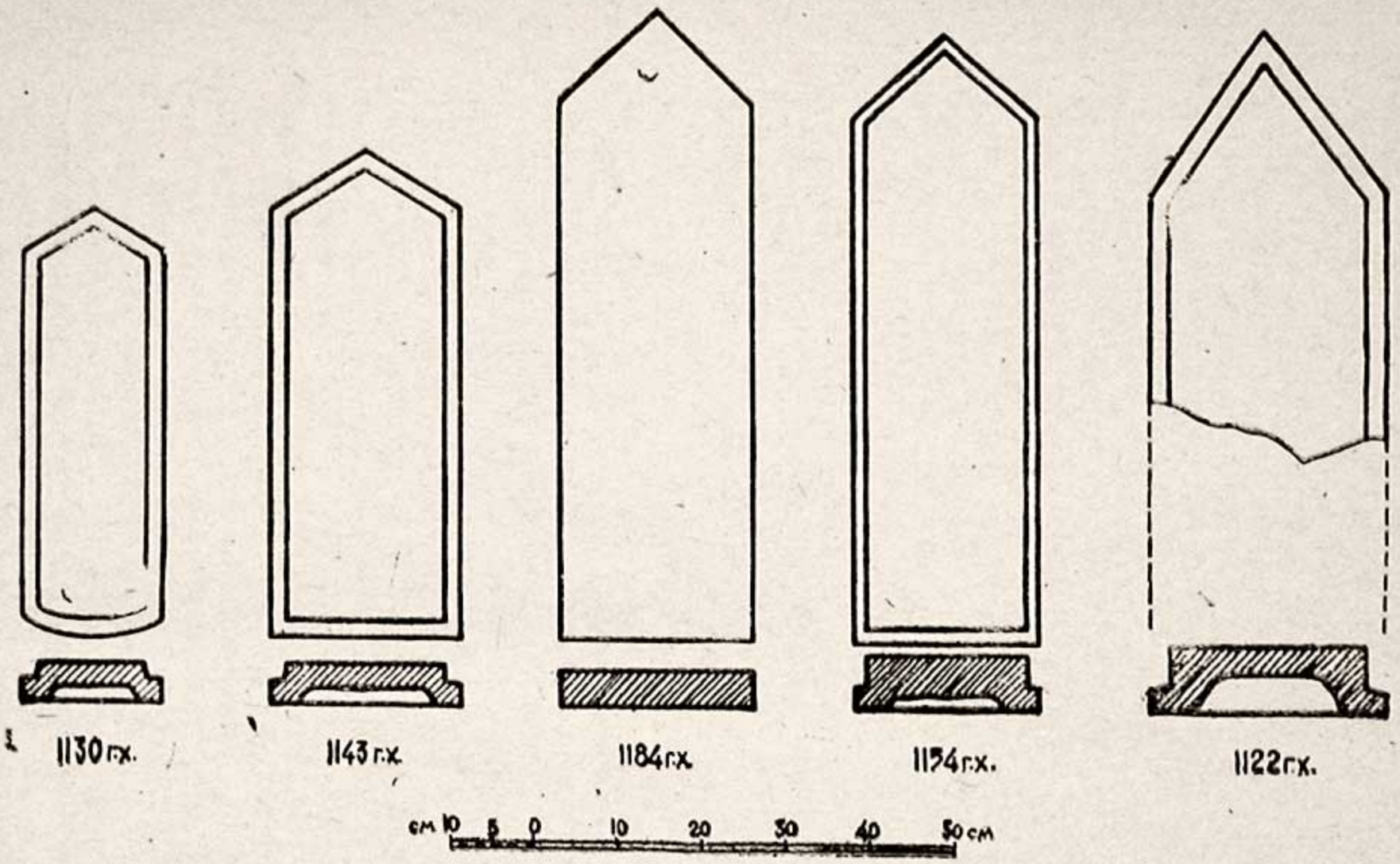


Рис. 2. Формы плоскоплиточных каменных намогильников XVIII в. из Южного Туркменистана

наук Туркменской ССР в Ашхабаде. Длина 59, ширина с уступом 23, толщина понаружи, считая с уступом, 4, глубина выемки с тыльной стороны 2 см. Эпитафия выполнена более или менее изящными узкими по начертанию буквами почерка наста'лик в пять строк [Рис. 5, а]:

(1)	هذا	Это
(2)	مرقد خوجم وردی	могила Ходжама Верды
(3)	ولد الله وردی	потомка Алла Верды
(4)	١١٤٣	1143
(5)	سنه	год (смерти)

1143. г. х. приходится на время с 17 июля 1730 г. по 5 июля 1731 г.

4. Городище Тезе Нусай («Новая Ниса») на землях селения Багир близ Ашхабада. Намогильник найден в 1949 г. на территории средневекового шахристана Нисы при рытье траншеи для цитрусовых. Расколотая на две части плоская уступчатая островерхая плита с дугообразно заоваленной нижней частью. Общая длина 52, ширина, считая с уступом, 17, длина скосов 10 см, высота понаружи, считая с уступом, 4,8 см. Эпитафия выполнена почерком наста'лик в пять строк [Рис. 4].

(1)	هذا	Это
(2)	مرقد براغ	/м/огила Барога,
(3)	ولد براغ	потомка Барога.
(4)	١١٤٣	1143
(5)	سنه	год (смерти)

1143 г. х. приходится на время с 17 июля 1730 г. по 5 июля 1731 г.[11]

5. Намогильник, найденный в 1927 г. при строительных работах в поселке Хивеабад и хранящийся в Музее краеведения Академии наук Туркменской ССР в Ашхабаде. Плоская уступчатая островерхая плита с отколотой верхней частью, в связи с чем утрачено начало текста. Ширина плиты, считая с уступом, 20,5 см. От легенды, выполненной не очень стройными знаками почерка наста'лик, уцелели две нижние строки [Рис. 1, в]:

Рис. 3. Городище Меана. Намогильник Пирмухаммеда, 1130 г. х.

(1)	[هذا]	[Это]
(2)	[مرقد مرحوم]	[могила покойного]
(3)	محمد جعفرولد محمد	Мухаммеда Джафара, потомка Мухаммеда Бакира.
(4)	باقر سنه ١١٤٩	Год (смерти) 1149.

1149 г. х. приходится на время с 12 мая 1736 г. по 30 апреля 1737 г.

6. Городище Старого Мерва Султан-кала, южный обвод, у могил асхабов. Уступчатая плита со скошенной почти под прямым углом верхней частью. Общая длина 74, ширина, считая с уступом, 23, высота понаружи, считая с уступом, 7, глубина выемки 1,3 см. Эпитафия выполнена грубоватыми знаками почерком наста'лик в 4 строки [Рис. 5, в]:

هذامر
قدمرحوم اقا محمد
صالح ولد امام
قلى اقا سنه ١١٥٤

Это мо-
гила покойного Ака Мухаммед
Салиха, потомка Имам-
Кули ака. Год [смерти] 1154.

1154 г. х. приходится на время с 19 марта 1741 г. по 8 марта 1742 г.

7. Намогильник из собрания Музея краеведения Академии наук Туркменской ССР, доставленный в Ашхабад в дореволюционное время, по данным не очень достоверной документации, якобы с кладбища близ Каушута. Плоская плита, представляющая собой образец парадного намогильника XVIII в., имеет скошенную верхнюю часть, линии которой у вершины сходятся почти под прямым углом. Длина 76, ширина 23, длина скосов 16, толщина 4,5 см. Оба нижние угла сколоты на значительную высоту. Вверху вырезан цветочный нишан; внизу очень натурально изображены секира, сабля и нож; последние с показом деталей украшений ножн. Все надписи хорошо выполнены с элементами некоторой вычурности достаточно изящными знаками почерка наста'лик. Помещенный в середине основной текст эпитафии дан в четыре строки. причем первые две заключают текст, идущий, начинаясь с нижней, в два яруса иногда, в угоду каллиграфическому стилю, с разрывом самого слова, первая часть которого находится в нижней строке, а вторая размещается над ней в верхней [Рис. 5, г]:

قد و غفران
هذامر مرحمت
پنارمان خانولد
اقاجعفر سنه ١١٨٦

гила и прощения
Это мо милости
Пинарман-хана, потомка
Ака Джафара. Год 1186.

Рис. 4. Городище Новая Ниса.
Намогильник Барога, 1143 г. х.

1186 г. х. приходится на время с 4 апреля 1772 г. по 24 марта 1773 г.

По краям плиты, окружая со всех сторон эпитафию и изображения оружия, пропущена с четырьмя небольшими разрывами полоса четверостишья на фарси, причем каждая строка обрамлена угловым картушем. Полностью дошли вторая и третья строки. От первой и четвертой уцелело столь немногое, что восстановить их текст затруднительно.

Рис. 5. А. Хивеабад. Намогильник Ходжам Берды, 1143 г. х.; Б. Старый Мерв, южный обвод городища Султан-кала. Намогильник Муртаза Кули-бека, 1122 г. х.; В. Старый Мерв, южный обвод городища Султан-кала. Намогильник Ака-Мухаммеда. 1154 г. х.; Г. Каушут. Намогильник Пинарман-хана, 1186 г. х.

I. . . . . ای

II. چون شاخ‌گلشی درچمن جان نشانی
III. ایر فته بعد حسرت از اینعالم فانی
IV. . . . . بر کندل ار . . فی

I. . . . . .
II. Как цветущая ветвь знак в саду души.
III. О, скончавшийся в сто лет! Горе от скоротечности наступления (предельного) возраста!
IV. . . . . .

Судя по содержанию стихотворения, Пинарман-хан умер глубоким стариком.

Как приведенные эпитафии, так и все прочие, виденные нами на подобных же намогильниках XVIII в., выполнены арабским алфавитом путем неглубокого желобчатого оконтуривания начертаний букв, выбивавшегося каменотесами с небольшим подкосом, что придавало надписям некоторую выпуклость, хотя сами они расположены заподлицо с лицевой поверхностью плит. В каллиграфическом стиле надписей налицо отражение определенного упадка мастерства ремесленников-машшаков. Применявшийся ими почерк группы наста'лик на подавляющем большинстве намогильников очень далек от прототипа, отличаясь огрублением очертаний, утратой легкой плавности и элегантных переходов между тонкими штрихами и утолщениями. 'Айн, гайн, каф, фа, мим, вав, даются контурно-сплошными, причем в ряде случаев с таким незначительным утолщением головных элементов, что знаки группы каф даже при наличии точек похожи на «та». Дал и зал имеют укороченное начертание с опущенным как у «ра» концом. Алифы, по исполнению которых в старину судили об искусстве каллиграфа, часто выглядят куцыми обрубками или клиньями. Нет единства в начертаниях одних и тех же букв даже в пределах одной эпитафии. Сколько-нибудь сносно выполненный текст представляет не частое явление. На всем лежит как бы какой-то отпечаток деревенской кустарщины. Точки при буквах, как правило, высекаются и отсутствуют, видимо, при случайном пропуске их каменотесом. Другие подстрочные и надстрочные знаки не ставятся. Редкость ошибок, вероятно, объясняется не столько высокой грамотностью исполнителей, сколько краткостью трафаретных текстов. При них, кроме упоминавшихся сабель, ножей, секир, никогда не бывает иных предметных изображений или тагма, и очень редко встречаются какие-либо знаки — нишаны.

Текстовая часть без всякой рамки в основном содержит лаконичные сведения о покойном лице, к каковым в виде редкого исключения присоединяется стихотворная сентенция на фарси, помещаемая в таких случаях по краю плиты в картушном оформлении.

Предельная лаконичность эпитафий, особенно при сравнении с длинными текстами, высекавшимися на мраморных намогильниках Южного Туркменистана в XV и XVI вв.[12], несколько напоминает содержание коротких надписей на местных намогильных кирпичах X—XII вв.[13] Но в отличие от них, на рассматриваемых намогильниках XVIII в. нет никаких религизоных формул и даже отсутствует столь обычная «басмалла». Текст начинается стандартными словами — «это могила» (هذا مرقد) изредка с эпитетами (غفران، مرحمت и др.), за которыми следует прозвание покойного иногда в виде одного собственного имени, чаще с упоминанием отца, но без приведения более углубленной генеалогии. Родственная связь с отцом обозначается термином ولد «потомок». В некоторых случаях собственные имена сопровождаются почетными присвоенными прозвищами и титулами — ага (ака), хан, бек, таркан (тархан). Не в пример предшествующим столетиям, среди встреченных мной мраморных плоских намогильников XVIII в. плиты с упоминанием светских лиц решительно преобладают над таковыми же представителей мусульманского духовенства разных категорий.

Среди упомянутых в виденных автором статьи эпитафиях лиц очень многие являются тезками основоположника Ислама Мухаммеда. Таковы хан Мухаммед, Мухаммед Рахим, Мухаммед Салих, Мухаммед Бакир, Пир Мухаммед и др. Распространенным следует признать имя Джафар: Ака Джафар, Мухаммед Джафар и др. Встречаются такие до сих пор популярные имена, как Овез, Алла-Верды, Имам-Кули.

Есть и не очень обычные, вроде Барог. Некоторые из них будут рассмотрены ниже. Изредка попадаются в эпитафиях женские имена. В качестве примера можно указать на фрагмент островерхой мраморной плиты некоей старой женщины, виденный нами в 1949 г. близ Меана и стоявший тогда прислоненным к стене перед входом в мавзолей Абу Сайида Мехнейского. Согласно надписи, намогильник был изготовлен для места погребения Биби Абре, являвшейся дочерью некоего лица, чье имя было высечено на отбитой части плиты. Как теперь устанавливается при массовом изучении находящихся на территории Средней Азии мусульманских намогильников, женские имена на них получают распространение с XIV в. с периода монгольского владычества[14]. К XIII—XIV вв. относятся и первые выявленные женские мавзолеи над лицами, исповедывавшими ислам[15].

Дата смерти без указания на это событие и без уточнения дня или месяца, в которые оно произошло, отмечается только арабским словом «год» с приведением его цифрового обозначения по хиджре. Едва ли случайно, что основная масса зарегистрированных нами в Южном Туркменистане каменных намогильных плит XVIII в., согласно указанных на них годов, приходится на первую половину этого столетия и лишь единицы принадлежат его второй половине.

Из-за исключительной лаконичности эпитафий, никогда не указывающих ни племени ни рода покойного, вопрос об этнической принадлежности рассматриваемых намогильных плит приходится ставить каждый раз в индивидуальном порядке. Тем не менее, уже сейчас несомненно, что подавляющее большинство их не имеет отношения к туркменам. Безусловных имен последних, таких как Овез, на наших намогильниках исключительно мало. Даже те, которые можно было бы отнести к туркменским, как, например, Алла-Верды, приводятся в надписях не в туркменском произношении, при котором второе слово должно было бы быть написанным в форме «Берды». На известных нам весьма немногих подлинных туркменских намогильниках XIX столетия не употребляется слово «маркад» — могила, а взаимоотношение сына с отцом не выражается арабским термином ولد (потомок), а обозначается по тюркски—«углы» (اوغلی -сын), причем на некоторых из них написано по-туркменски, что они предназначены именно «для» (اوجون) такого-то лица — имя рек[16]. На них же иногда встречаются родовые тагма. Изображенные на плоских намогильных плитах XVIII в. сабли, ножи, секиры хотя и употреблялись в старину туркменами, но принадлежат к типам, вообще широко распространенным среди других народов как Средней Азии, так и соседнего Ирана, а отчасти и Афганистана. За последние столетия в силу изменившейся в Средней Азии ситуации в среде туркменского народа не могли не происходить определенные сдвиги, в результате которых многие древние, в том числе кочевые обычаи стали интенсивнее уступать место новым, слагавшимся в соответствии с предписаниями все глубже проникавшего ислама. Решительно противопоставляя себя шиитам и стараясь быть сугубо правоверными суннитами, туркмены стали таковыми в первую очередь в смысле строгого соблюдения многих предписаний, касающихся всяких внешних проявлений. Поскольку при жизни Мухаммеда вошел в обычай погребальный ритуал, по-которому трупы мусульман опускались в одном саване в могильную яму и над ней насыпался лишь бугорок из земли или из песка, то и у туркмен с XVIII в. постепенно окрепло представление о никчемности всяких намогильных памятников, в которых усматривалось нечто от язычества, хотя некоторые оседлые племена (например, анаули) продолжали класть на могилы кирпичи с грубо нацарапанными на них эпитафиями, как это было установлено нами в 1947 г. К

концу XIX — началу XX в. туркменами было уже прочно забыто, что каменные фертообразные, столбообразные и человекоподобные намогильники принадлежат их предкам. После сближения с русскими и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции среди туркмен отмечается стремление устанавливать намогильники или даже обносить могилу оградой, что, однако, даже при согласии на то духовенства, в ряде случаев до сих пор у некоторых стариков еще не встречает одобрения.

Вместе с тем, употребление на намогильники в качестве материала привозного хорасанского камня, самое изготовление из него плит, оформленных в некоем единообразном стиле, составление и написание на них текстов эпитафий, в некоторых случаях также рисунков, а особенно персидских стихов, наконец, проставление иногда титулатуры — все это свидетельствует, с одной стороны, о принадлежности их заказчиков к представителям имущей правящей среды, с другой стороны, о тесной связи последних с городской жизнью и с третьей, — о несомненном значительном влиянии на них культуры Ирана. Рассмотрение под этим углом зрения некоторых намогильников с изображением оружия, типичных для территории Мервского оазиса и прилежащих к нему районов, позволяет высказать некоторые соображения в части их возможной этнической принадлежности.

Мы располагаем следующим фактическим материалом.

1. Находящийся у могил асхабов в Старом Мерве крупный фрагмент верхней части плоской уступчатой намогильной плиты с изображением сабли, ножа и рукоятки, по-видимому от секиры, топорище которой утрачено из-за сколотого угла. Размеры фрагмента: максимальная длина 38,6, ширина, считая с уступом, 27, высота понаружи 7,6, глубина выемки с тыльной стороны 2,8 см. По двум сторонам изображений вдоль боковых краев плиты остатки выполненного почерком наста'лик текста персидского четверостишия, каждая строка которого была обрамлена рамкой в виде продолговатого картуша:

(1)
(2) دارند بدل شوق لوحوران حنانی
(3) چون بوی محبت علی و اشت لم
(4) از امدن خوشی

2. Там же лежащий крупный фрагмент с неполностью уцелевшим в середине изображением сабли, помещенной в трехугольную рамку, а по сторонам ее секиры и ножа. Эпитафия была высечена вверху в прямоугольном углублении. Размеры фрагмента: максимальная длина 32,5, ширина 23, высота понаружи 6 см. Верхняя половина плиты и самый низ отбиты. Уцелевший фрагмент расколот надвое [Рис. 1, б].

3. Там же нами зарегистрирован в 1950 г. ныне исчезнувший крупный фрагмент плоской каменной плиты с изображением слева сабли, справа — ножа, в середине рукоятки секиры со сбитым топорищем. От сколотой эпитафии сохранялся один ханский титул (خان) [Рис. 1, г].

4. Там же находящаяся описанная выше под № 1 верхняя часть островерхой плиты Муртази Кули-бек тархана, скончавшегося в 1122 г. х.

5. Там же находящаяся описанная выше под № 6 плита над могилой Ака Мухаммед Салиха, сына Имам-Кули ака, умершего в 1154 г.

6. Там же нами зарегистрирован в 1950 г. фрагмент островерхой части плоской мраморной плиты некоего хана Мухаммеда, от эпитафии которого уцелели слова:... هذا مرقد مرحوم خان محمد ولد

7. Упоминавшаяся выше островерхая плоская плита на кладбище у мазара Талхатан-баба, в 30 км к югу от Старого Мерва, на левом берегу Мургаба. В верхней части плиты В. А. Жуковский в 1890 г. разобрал часть эпитафии некоего хана Мухаммеда, а в нижней отметил изображение холодного оружия. При нашем посещении в 1950 г. плита была уже разбита, а куски ее лежали по другую сторону дороги от средневековой мечети под сводом небольшого сооружения с прекрасным беломраморным намогильником XV в. эмира Джелял-ал-Милля-ва-д-дина и Туркестан, сына эмира Джемал-ад-дина Паша, скончавшегося в 7-й день 841 г. х. или 11 июля 1437 г.

8. Описанная под № 2 плита, находящаяся в 170 км к юго-западу от Старого Мерва, в районе Меаны, близ мавзолея Абу Сейида Мехнейского, принадлежащая Пир Мухаммеду, сыну Ашура, который скончался в 1130 г. х., и имеющая под эпитафией изображение сабли.

9. Описанная под № 7 парадная плита Музея краеведения в Ашхабаде якобы с находящегося в 230 км к западу от Старого Мерва кладбища у Каушута, принадлежащая Пинарман хану, сыну Ака-Джафара, скончавшемуся в 1186 г. х., и имеющая, кроме эпитафии, высеченные персидские стихи, а также изображения сабли, ножа, секиры.

Едва ли случайно, что все первые шесть плит лежат в так называемом «Южном обводе» городища Старого Мерва Султан-кала у спаренных мазаров — бук'а Абу Абдаллаха Бурейда и Хакам-ал Гифари, похороненных здесь во второй половине VII в. на первом мервском мусульманском кладбище в пригородном квартале Тувик тогдашнего рабада. Известная стилевая общность плит и концентрация в одном месте позволяют видеть в этом принадлежность их к могилам одного родо-племенного кладбища.

Нам кажется, что если не все девять, то большую часть этих надмогильных памятников, в эпитафиях которых четверо покойников прямо титулуются ханами, следует признать изготовленными для высокопоставленных каджар — одного из тюркских полукочевых племен Северного Ирана, шиитов по своему вероисповеданию. Отличаясь воинственностью, они играли в XVII и XVIII вв. очень видную политическую роль в жизни северных среднеазиатских окраин Персидского государства. Появившись в Передней Азии в XIII—XIV вв., каджары обосновались в основном на территории Армении. Позднее они объединились в союз вместе с шестью другими тюркскими племенами — устаджлю, румлю, текелю, бахарлю, зулькадар и афшар, получивших прозвище «кызылбаш» по носившимся ими красным шапкам, обмотанным чалмами. Хотя первые сефевиды в процессе захвата власти в Азербайджане, затем формирования своего государства на территории Ирана, а также в борьбе с османскими турками, в основном опирались на кызылбашей, но уже Аббас I (1587—1629 гг.), обязанный хорасанской знати своим возведением на престол, был обеспокоен многочисленностью неспокойных каджар и своеволием их феодалов. С целью ослабления племени уже во второй половине 80-х годов XVI столетия (в 995 г. х.) часть каджар была выведена из области Гянджен и Еревана и поселена в районе Астрабада по Гюргену для охраны этой окраины Персидского государства. После же захвата Мерва в 1600 г. шах Аббас отдал распоряжение о переселении и туда части каджар в качестве заслона против набегов узбеков и для борьбы с туркменами. В то время многие каджары были уже двуязычными и употребляли, кроме родного языка, фарси. Их феодальная знать находилась под достаточно сильным воздействием иранской культуры, и персидское правительство охотно назначало их ханов пра-

вителями отдельных пограничных областей. В частности, в 1609 г. правителем Мерва был назначен глава одного из каджарских родов Михраб-хан, остававшийся в этой должности до своей смерти в 1622 г. Затем в течение некоторого времени ее замещал до конца жизни другой каджарский феодал Ашур-хан из племени чекени, скончавшийся в 1632 г. Учитывая, что большая часть мервского войска была из племени, среди которого Михраб-хан пользовался большой популярностью, новый шах Сефи I (1628—1642 гг.) поставил во главе Мерва его сына Муртаза-Кули-бека, бывшего до того правителем и даругой Казвина[17]. Муртаза-Кули-бек, приходившийся сводным братом по матери бухарскому эмиру из династии Аштарханидов, Имам-Кули-хану, правил в Мерве до 1644 г., когда был переведен на такую же должность в Мешхед и затем назначен сипахсаларом. Каджарами были, по-видимому, и Али-Кули-хан, правитель Мерва при Аббасе II (1642—1667 гг.), и Зейнель-хан (в старинной русской передаче «воевода Зейнер-хан»), принявший в декабре 1672 г. в подчиненном ему «украинном кызылбашском городе Мавре» (то есть Мары или Мерве) московского посла к бухарскому хану Абд-ал-Азизу, Бориса Пазухина, который проживал здесь в отведенном ему постоялом дворе в загородном узбекском саду по март 1673 г.[18] Из лиц административного аппарата при правителе Мерва в третьей четверти XVII в. Б. Пазухин упоминает «караульного голову» (вероятно, «караул-беги»), который был выслан для его встречи, «пристава» узбека Келбали, «иных начальных людей», а чаще всего «везира», ведшего все переговоры с русским начальником, которого Зейнель-хан не решался тогда пропустить через свои владения без особого на то разрешения из Испахана от самого сефевидского шаха Сулеймана I (1667—1694 гг.).

В конце XVII столетия правителем Мерва состоял назначенный тем же шахом «кызылбаш», то есть, вероятно, каджар, Хаджи Тимур-хан, который осенью 1690 г. успешно отбил два штурма со стороны осаждавших город бухарских войск, совершивших грабительский налет на Мервский оазис под командой аталыка Хушике-бия, захвативших укрепления Мир-абада (находившегося примерно в 26 км к югу от тогдашнего Мерва), но так и не сумевших овладеть главным городом, поскольку, по словам бухарского историка, он представлял собою «крепость, которая по высоте своих стен и неприступности подобна крепости Хайбер и стене Искандера; ров ее очень глубок и широк»[19].

На протяжении всего XVII в., как и позднее, в период афганской оккупации Ирана (с 1722 г.), Мерв и его округ составляли улька мервских каджаров, в состав которого порой входили также Чахча, Мехне, Каинат, Туршиз и Себзевар. Шах Султан Хусейн (1694—1722 гг.) трижды направлял в Мерв назначавшихся им своих правителей в сопровождении войск, но их всякий раз изгонял оттуда Мухаммед Али-бек каджар, на протяжении многих лет являвшийся совершенно самостоятельным владетелем. После него в смутную пору начала XVIII в., когда, по данным посла Петра I Флорио Беневени, из-за частых грабежей почти прекратилась караванная торговля между Мешхедом и Бухарой, а в оазисе дельты Мургаба почему-то оказались арабы из-под Абиверда и обитало к тому времени в значительной мере отуркменившееся племя татар, сам город Мерв продолжал целиком находиться в руках проживавших там каджар из разных родов, среди главарей которых происходили постоянные раздоры. В первой половине 20-х годов это способствовало усилению влияния охотно втягивавшихся враждующими каджарами в междоусобие феодалов из племени татар, которые привлекали на свою сторону главарей йомутов, переселившихся

из Ургенча в местность Кара-курам и стали совершать на мервцев совместные набеги. Каджары в ответ на это напали на иомутов, часть их перебили, а некоторых захватили в плен, что не принесло особой перемены в сложившейся обстановке. Туркмены, татары и арабы, завладев крепостью Каль в 12 фарсахах от Мерва у плотины Султан-бенд[20], откуда в Мерв поступала вода, лишили возможности его жителей орошать свои поля. Татары обратились за поддержкой к сопернику хозяйничавшего тогда в Хорасане Надир-хана Мелик-Махмуду кияни Систанскому, назначившему от себя одного из них даже правителем Мерва, который в союзе с меручакскими аймаками и туркменами в течение трех лет, с 1723 по 1726 г., опустошал его окрестности. Просьбы о помощи к Надир-хану со стороны населения Мерва, доведенного создавшимся бедственным положением до отчаяния, не принесли особенно положительных результатов, так как он хотя и двинулся было на выручку, но из-за случившегося в том году большого весеннего разлива Теджена не смог переправить свое войско через реку, а затем был отвлечен походом на Серахс и осадой кургана восставшего против него афшарского феодала Ашур-бека из племени папалю. Только добившись от него покорности, он в конце лета 1726 г. направился через Чахча, Хауз-и-хан (на месте средневекового Тильситане) и Аббас-абад к Мерву, перебил часть татар в сражениях, других вынудил бежать в сторону Бендер-и-Мерв, овладел их крепостью и захватил большую добычу, после чего это племя выразило покорность и было переселено в самый город Мерв. Ограничившись внешним примирением татар и каджар и заставив арабов уйти из окрестностей Мерва к местам обитания их семей в Абиверде, Надир-хан выступил к находившему во власти Мелик-Махмуда Мешхеду, к которому и подошел 29 сентября, но был встречен враждебной стрельбой из пушек, установленных на башнях городской стены. Во время осады Мешхеда шах Тахмасп II (1722—1731 гг.) отдал распоряжение, по-видимому, не без участия Надир-хана, убить главу каджар военачальника Фатх-Али-хана, пользовавшегося до того большим влиянием. После убийства этого своего соперника Надир-хан стал главнокомандующим шахских войск, но поскольку сами каджары представляли собой достаточно реальную силу, он оставил на своих местах всех приближенных Фатх-Али-хана из числа каджарской знати[21].

Мервские же татары, тайно сносившиеся с Мелик-Махмудом, по удалении Надир-хана подняли восстание, убили нескольких каджар и захватили в свои руки крепость Мерва. Как только Надир-хан, отвлеченный на время от осады Мехшеда восстанием курдов в Дерегезе, привел последних к покорности; он направил в оазис дельты Мургаба карательный отряд под начальством Ибрахим-хана и, чтобы сломить сопротивление татар, отдал приказ о разрушении Султан-бендской плотины, что и было выполнено в 1727 г. Оставшись без воды, татары снова выразили повиновение и сдали Мерв, для которого наступила пора тяжелого упадка. Нормальное существование в лишенном воды городе было невозможно; к тому же по распоряжению Надир-хана мервские воины-йранцы (то есть в основном каджары) и «славные мужи» вместе с семьями были переселены с их родной Мервской земли в Хорасан. На месте оставалось всего около ста семейств, занятых охраной, да и те большую часть времени проводили не в городе, а в поселках, или хуторах (دیه) Заман-абад и Сейид Аббас-абад, будучи заняты там земледелием. По словам Мухаммед Казима, «из боязни нападения туркмен, все постройки, какие были в Мерве, они разрушили, а деревянные части, оставшиеся от построек, употребили на топливо»[22].

По данным Мехди-хана Астрабадского, Надир-хан несколько раз безрезультатно отдавал приказ о восстановлении главной Мургабской плотины, пока наконец в 1734 г.[23] это не было поручено Ибрахим-хану, который якобы сумел направить воду в крепость Мерва и оросить его посевы и сады[24]. Между тем, гораздо лучше осведомленный в делах Мерва Мухаммед Казим свидетельствует, что, когда Ибрахим-хан прибыл на место для приведения плотины в исправное состояние, он не мог выполнить этот приказ, поскольку тогда здесь на пространстве 60 квадратных фарсахов (то есть около 2400 кв. км) не было населения. По показанию современника, «если кто случайно попадал сюда, то он терял надежду на спасенье», так как при продвижении на север, восток и юг он мог быть захвачен в плен туркменами, а если бы двигался в сторону Хорасана, то, даже при благополучной переправе через реку Бала Мургаб, попал бы в безводную пустыню Хауз-и-хан, на краю которой его стали бы преследовать до плотины Чахча или до Серахса специальные дозоры, в конце концов заставившие бы самовольного выходца вернуться обратно. Очевидно; дозоры были поставлены с целью не дать возможности разбежаться немногим оставшимся в оазисе низовьев Мургаба жителям.

После того, как Надир-хан был провозглашен в 1736 г. шахом Ирана, он, сделав своей столицей Мешхед, перед самым походом на Индию, задумал по его окончании двинуться на завоевание Восточного Туркестана. Поскольку Мерв был намечен в качестве основной базы для нового крупного военного предприятия, им из чисто стратегических соображений был принят ряд мер для поднятия благосостояния и экономики как этого города, так и его района. С этой целью, дабы восстановить в первую очередь военную колонию каджар, он распорядился в 1737 г., чтобы все находившиеся у него на военной службе мервские каджары, в том числе выведенные им оттуда за десять лет то того, где бы они не находились — в Азербайджане, центральном Хорасане или Балхе — немедленно вернулись бы «на родину», то есть в Мервский оазис. Вызванным в Чахр-даррэ находившимся поблизости каджарским военачальникам и воинам во главе с Шах-Кули-беком мервским, сыном Мухаммед Али-бека, указано было, что, поскольку теперь «богоспасаемый Мерв располагает самостоятельностью и спокойствием», им надлежит вернуться в свою область, позаботиться об ее благоустройстве и восстановить разрушенное, обратив особое внимание на земледелие. Вся вода и земля опустевшей тогда Мервской области была объявлена государственной собственностью. Учитывая, что каджары, находившиеся долгое время на военной службе, обеспечивавшей им регулярное жалование и дополнительные вознаграждения, отвыкли от крестьянства, Надир-шах приказал, чтобы им как мервским колонистам выдавалось бы и при занятии земледелием определенное жалование деньгами и натурой, но с условием, что ни один ман из выдаваемого казной зерна не останется незасеянным. Ответственность и контроль за выполнением этого несли, кроме поставленного во главе области афшара Кальб-Али-хана с громким титулом «беклярбек» (-«бек над беками») и его помощника каджара Шах-Кули-бека, назначенного на должность «эшик-агасы-баши», также три чиновные лица: мутесадди, векиль и везир. Последний в основном ведал финансовыми вопросами, получив в свое подчинение целый аппарат чиновников—уммал'ей. В дополнение к каджарским военным колонистам к переселению в Мерв назначены были по соответствующей разверстке около 3000 дворов из хорасанских крестьян (райя) и группы кочевых племен со своими семьями, которые с воплями и слезами двинулись 13 декабря 1737 г. на новые

места жительства предводительствуемые упоминавшимся Кальб-Али-ханом.

Переселенцы, прибыв в Мерв в январе 1738 г., убедились воочию, что там нет ни домов, ни населения, что весь край опустошен, «подобно сердцу заключенных в темницах», и что как каджарам, так и прочим новоселам предстоит устраиваться на первое время в палатках и навесах. Интенсивно протекавшее восстановление Султан-бендской плотины, обеспеченное транспортными средствами в виде 200 верблюдов и 300 ишаков для подвоза хвороста и баласта, позволило вскоре пустить воду на поля и ввести ее внутрь крепости Мерва по заново прокопанному каналу, причем во время осуществления этой работы в земле были обнаружены старинные керамические водопроводные трубы — кобуры, гелю и науче. Некоторой помехой в возведении построек, устройстве садов, обработке земли под посевы и возобновлении ирригационной сети порой бывали нападения туркменских феодалов эрсари с берегов Аму-Дарьи, в частности из племен кунеш и ату-тепе, в связи с чем в числе лиц, возглавлявших первые ответные карательные экспедиции 1738 г., упоминается между прочим мервский каджар Байрам-Али-бек мингбаши.

Население Мерва довольно быстро увеличивалось за счет новых пополнений, причем в числе шестидесяти человек былых его жителей, отпущенных из Азербайджана по приказу Надир-шаха его братом Ибрахим-ханом и прибывших сюда в начале 1739 г., находился будущий историк, а тогда восемнадцатилетний юноша Мухаммед Казим, тотчас поступивший на чиновничью службу к тамошнему беклярбеку. В этом году на эту должность, взамен смещенного Кальб-Али-хана шах назначил Мухаммед-Риза-бека мингбаши из афшаров своего племени карахлю.

Мервские каджары, наряду с несением функций земледельцев, продолжали пополнять собой панцырную конницу персидской армии, принимали участие в разных ее военных предприятиях и в частности сражались против туркмен в 1740 г. в Хиве под Питняком. Когда же в конце этого года, возвращаясь из туркестанского похода, Надир-шах, подойдя к Мерву, разбил свою ставку в двух мейданах восточнее его крепости, у купольного ледохранилища, известного тогда по имени местного правителя XVII столетия под названием «Яхдан Зейнальхана»[25], он тут же казнил по обвинению в разных преступлениях семерых мервских вельмож, отстранил от должности беклярбека своего единоплеменника и вновь доверил ее каджарам, поставив бывшего до того эшик-агасы-баши области Шах-Кули-бека, сына Мухаммед-Али-бека мервского, «главным управителем и полновластным распорядителем страны». При нем в Мерве с 1744 г. начали протекать интенсивные приготовления к предстоявшему через несколько лет походу Надир-шаха на Китай. Сюда было предложено доставить из Фарса 300 харваров пороха, из Кермана—столько же свинца, из Хорасана — 3000 харваров чугуна для ядер и 200 харваров меди и олова для пушечных и мортирных стволов. В том же году прибывшие в город специалисты-литейщики приступили к срочному выполнению правительственного заказа на изготовление 70 орудий обоих типов и к ним 14 000 ядер, причем необходимый фисташковый уголь доставляли жителям горного Гарчистана из далеких районов Бала-Мургаба и Меручака. С этого же года в окрестностях города до трехсот артиллеристов стали постоянно проводить учебные стрельбы из ранее находившихся в Мерве орудий, в частности привезенных из индийского похода, а хератские минеры—руководить инженерными занятиями местных саперов по подведению подкопов и подрывному делу. Мерв надолго превратился в

подлинно военный город, и его квадратная крепость (ныне руины Абдулла-хан-кала)[26] с ее 44 башнями (из которых одна, на северо-западном фоне, была необычайно высока)[27] приравнивалась современниками по недоступности к Ериванской, превосходя последнюю по высоте. В ней функционировали лишь западные и восточные ворота, а двое других оставались заложенными якобы со времени шаха Исмаила после захвата им города в 1510 году. Из Мерва, как с базы, в разные места направлялись отдельные отряды для подавления восстаний, поднимавшихся против власти Надир-шаха. При одном из таких отрядов, посылавшемся в 1741 г. в Балх против кунгратов, в качестве ляшкер-невис'а состоял Мухаммед-Казим. Позднее, в 1745 г. во время похода против хивинских иомутов , он был «везиром артиллерии», ведая всем арсеналом и муло-верблюжьим транспортом. О размерах проводившихся тогда в Мерве военных мероприятий можно судить отчасти по крупной для своего времени сумме в полмиллиона туманов[28], на каковую в 1746 г. была утверждена финансовая отчетность оставшегося в Мерве на той же должности Мухаммед-Казима, который для этого ездил со всеми документами по своей части к Надир-шаху, находившемуся в хорасанском Хасанабаде. К тому времени, по шахскому повелению, из Хорасана в Мерв силами населения привезли еще 50 пушек, 20 000 ядер и новые запасы разных металлов. В результате в мервском арсенале скопилось до 400 харваров свинца и пороха и, кроме старых, до 10 000 новых мортирных ядер весом в 30, 25 и 20 манов.

В результате разнообразных мероприятий Мерв, если и не уподобился «прекрасному райскому саду», как льстиво отмечали панегиристы Надир-шаха, то все же заметно оправился после страшного десятилетнего упадка. Сам Мерв, учитывая его многовековое прошлое, в литературе XVIII в. по традиции высокопарно именовался как «вместилище власти (-столица) Мерв, душа царя», что явствует из титулатуры мервского везира-историка Мухаммед Казима- محمد کاظم وزیر دار املک مرو شاهجان . Последний отнюдь не был «великим везирем» (وزیر اعظم) в столице государя, а являлся лишь везирем, то есть помощником крупного административного лица, в данном случае мервского правителя-беклярбека. Для экономического положения Мерва этого времени показательно, что в 1746 г. сумма податного обложения со всей области была определена в 2000 туманов, что, правда, своей непомерностью вызвало волнение, так как до того мервцы выплачивали в казну только «ушр», то есть одну десятую урожая.

К этому времени заподозренный в измене каджар Шах-Кули-хан был отстранен от должности мервского беклярбека, но все же его сперва назначили управлять Серахсом, а затем поставили во главе крупного военного соединения, направленного в 1746 г. со значительной мервской артиллерией в составе 52 пушек в Бухару в помощь аштарханидскому эмиру Абул-Файзу. По окончании мавераннахрского похода Шах-Кули-хан вместе с будущим основателем династии Мангытов, бухарским аталыком Мухаммед Рахимом направились в 1747 г. из Шахрисябза ко двору Надир-шаха. Проехав через Мерв, в котором население было возмущено сбором высоких податей, они добрались через Бенд-и-Джан-Али[29] до Мир-абада, где в ту пору насильно согнанное с помощью войск большое число жителей Азербайджана было занято созданием городка Мерв-и-кучак (-«Малый Мерв»), восстанавливая ранее бывшее здесь крупное средневековое селение Талхатан (или Далгатан) и выводя вокруг него внешнюю стену. Тут у Шах-Кули-хана и Мухаммед Рахима окончательно созрел план поднять мервское население на восстание против Надир-

шаха и затем вывести его за Аму-Дарью. Предполагали, что в дальнейшем часть мервцев с Мухаммед Рахимом направится в Бухару, а остальные вместе с Шах-Кули-ханом поселятся в Шахрисябзе, который переживал тогда пору полного упадка и в нем совсем не оставалось жителей. Хотя часть мервских военачальников согласилась перейти на их сторону, но некоторые из каджар, в том числе начальствовавший над направленным в Меручак крупным отрядом Байрам-Али-бек мингбаши, известили о создавшемся положении Надир-шаха. Из числа жителей Мерва от переселения в Бухару отказалась группа находившихся там лезгин, мукаддамов и муганцев. Вскоре многие заговорщики были заблаговременно схвачены, Мухаммед-Рахим покинул своего единомышленника и направился с доносом на него к шахскому двору, а перешедшие было на сторону Шах-Кули-хана бежали в мервский Адак, где попрятались между рукавами Мургаба в зарослях чингиля. В Мерве, занятом отрядом шахских войск под начальством араба Назр-Али-бека, было арестовано несколько не успевших убежать каджарских военачальников, а сам Шах-Кули-хан, скрывавшийся в своем саду, расположенном к западу от города, был предан своим старым глашатаем, схвачен и закованный в колодки и «вилы» направлен ослепленным по дороге на расправу к Надир-шаху. Наместником Мерва был поставлен Назр-Али-бек.

После того, как Мухаммед Рахим, посланный 1 мая 1747 г. Надир-шахом в Бухару, счастливо избавился от нападения серахских кызылбашей, благополучно миновал Мерв, не заходя в него, добрался до столицы Бухарского ханства и, убив своего государя Абул Файза, захватил там власть, а в ночь на 20 июня был убит своими приближенными, много лет тиранствовавший Надир-шах, квартировавший в Бухаре отряд иранских войск, с боем проложили себе путь к отступлению в находившийся в страшном запустении обезлюдевший к тому времени Хорасан. По его прибытии в Меручак, находившиеся при нем мервские каджары получили возможность вернуться в свой город.

Вскоре Мервом овладел Ахмед-шах-Абдали, основавший на развалинах государства Надир-шаха обширную Афганскую монархию, но афганское владычество было там непродолжительным. Мургабский оазис, где около этого времени появились туркмены-салыры, и прикопетдагские районы формально до 1796 г. считались владениями потомков Надир-шаха, хотя фактически здесь хозяйничали мелкие феодалы и вожди кочевых и полукочевых племен[30]. В Мерве таковыми оставались каджары, мирно уживавшиеся с обитавшими в окрестностях города салырами и даже вступавшие в браки с их знатью, но ведшие борьбу с другими туркменами. Наступившая феодальная анархия обеспечила условие для сложения здесь самостоятельного Мервского владения, в состав которого входили, кроме упомянутых выше пунктов, также крупное селение Туркмен-кала[31], Гульзар Ингальды и Арва[32]. Здесь разводились дававшая очень высокие урожаи пшеница (порой якобы до сам—100), рис, кунжут, хлопок, виноград и др. Во главе Мервского владения стояли каджарские ханы. Наиболее известным из них является Байрам-Али-хан из рода Изз-ед-динлу, обязанный своей популярностью среди туркмен не только личной храбрости и трагической гибели, но также тому обстоятельству, что отцом его был каджар, а мать происходила из туркмен-салыр.

Он был признан правителем Мерва с согласия главарей проживавших там каджарских родов в 1782 г., имел в своем распоряжении около 1500 конных каджарских воинов, с помощью которых успешно отражал нападения туркмен, а с Бухарским ханством поддерживал хорошие отношения, пока во главе его находился Даниял-бий (1758—

1785 гг.). При нем он, как в поход, выступил к Мервской плотине, организовал ее восстановление, вызвал этим ликование оседлой части населения и добился еще большей популярности. После смерти Даниялбия, вступивший на престол Шах-Мурад предпринял против Мерва в 1785 г. поход, во время которого Байрам-Али-хана заманили в засаду у колодца Сейраб, где он был схвачен и убит. По одному из источников, плененному мервскому правителю предложили стать суннитом, и только после его отказа от этого ему отрубили голову, которую отослали в Бухару, где ее демонстрировали в течение недели на лобном месте, тело же передали старухе-матери для погребения. Окрестности Мерва подвергли грабежу, сам город был занят бухарскими войсками, а по заключении мира с наследовавшим Байрам-Али-хану его вторым сыном Мухаммед-Карим-ханом, Шах-Мурад возвратился в свою столицу, куда были уведены семь знатных жителей. Оттуда их вскоре отпустили с подарками, после того как они согласились исповедывать ислам по суннитскому толку и обещались склонить мервцев к добровольной передаче города бухарскому эмиру. По возвращении в Мерв они были зарезаны по распоряжению Мухаммед-Карим-хана, правление которого возбудило у населения большое недовольство, почему оно вызвало из Мешхеда, проживавшего там старшего сына Байрам-Али-хана, Хаджи-Мухаммед-Хусейна. Тот быстро явился, загубил брата и принял бразды правления. Вместе с персидским наместником Шахрух-мирзой он вел в Чинаране борьбу с Мумиш-ханом.

Когда Шах-Мурад вторично двинул войска на Мерв, Хаджи-Мухаммед-Хусейн-хан обратился за помощью к афганскому эмиру Тимур-шаху. До ее получения бухарцы успели разрушить главную Мургабскую плотину, чем вызвали сперва засуху на полях, а затем и голод. Прибывшие 5000 афганских всадников из-за столкновения их начальника с правителем Мерва на личной почве вскоре покинули город, и с ними в Герат переселились свыше 2000 семей местного населения. Интриги, начатые из Мешхеда третьим сыном Байрам-Али-хана, Мухаммед-Керимом, против Хаджи-Мухаммед-Хусейн-хана, привели одного за другим обоих братьев в Бухару, где они были задержаны, а незадачливый мервский правитель вынужден был даже выписать туда свою семью. После того бухарские войска захватили Мерв и выселили в Бухару свыше полутора десятков тысяч семейств, в том числе всех родственников Байрам-Али-хана, так что в городе осталось всего около 3000 семей, из которых около 1000 суннитов и до 2000 шиитов. По данным одного из источников, последний каджарский правитель Мерва, Хаджи-Мухаммед-Хусейн-хан сдался при осаде города Шах-Мурадом и был отправлен в Бухару. Как бы там ни было, оба сына Байрам-Али-хана сумели убежать оттуда в Иран, но их дети и внуки остались там.

Так кончило свое существование самостоятельное Мервское владение каджаров, наместники из племени которых постепенно превратились на протяжении неспокойного XVIII в. в наследственных правителей. Положение тамошних каджар нисколько не улучшило дипломатическое вмешательство со стороны их могущественного соплеменника из гюргенских каджар, пришедшего в Иране к власти шаха Ага-Мухаммеда, основателя новой каджарской династии, который не только потребовал возвращения из Бухары всех пленных мервцев, но предпринял даже в 1795 г. поход в Хорасан, прерванный из-за политических осложнений с Россией. Большинство мервских каджаров должно было покинуть насиженные места и перебраться в Южный Хорасан, так как обстановка в Мерве в правление Шах-Мурада была далеко не нормальная.

Когда поставленные им там правители два его брата, Омар-бий и Фазиль-бий, два года спустя, опираясь на туркмен, отложились от Бухары, Шах-Мурад безуспешно пытался взять город силой и отступил, ограничившись вторичным разрушением плотины Султан-бенд. Вскоре возмущенное насилиями, притеснениями и явным предпочтением туркменам население Мерва, все еще состоявшее в большом количестве из воинственных каджаров, взялось за оружие, кинулось на цитадель, взорвало ворота, захватило несколько сот бухарцев (умерших позднее в заточении) и изгнало из города обоих правителей, которые бежали в Шахрисябз. Шах-Мурад с удовлетворением воспринял это событие, назначил новым хакимом Бедиля-Мирзу и одновременно отправил из Бухары для усиления гарнизона 5000 всадников во главе с сипахсаларом Мухаммед-Эмином. Вместе с тем, чтобы ослабить возможность нового восстания, он распорядился выселить в Бухару еще около тысячи мервцев. Год спустя главная плотина была вновь восстановлена, хакимом же Мерва Шах-Мурад сделал своего сына от жены-калмычки Дин-Насир-бека, приставив к нему везирем Абд-ур-Расуль-бека.

Вступивший в 1800 г. на бухарский престол Хайдар, перебивший из подозрения проживавших в его столице тринадцать потомков и родственников Байрам-Али-хана, в середине первого десятилетия XIX в. осуществил новое выселение жителей Мерва в Самарканд и Бухару. В Мерве оставалось, кроме небольшого бухарского гарнизона, всего до 500 человек населения, причем Хайдар, имея в виду не допустить нового заселения оазиса, запретил восстановление арыков и ограничил подачу воды по действовавшим каналам самым незначительным количеством. Некоторое время спустя, Старый Мерв совсем прекратил свое существование как город.

Более полутораста лет прошло с тех пор, как каджары перестали жить в низовьях Мургаба. История их обитания здесь за почти двухвековой период времени не написана. К числу же немногих забытых памятников пребывания в Мервском оазисе этого племени относятся некоторые каменные намогильники их феодалов. Целых плит очень мало. От некоторых сохранились лишь нижние части с изображением холодного оружия, служившего покойнику при жизни. От других дошли только верхние фрагменты с именами погребенных, о которых мы пока почти ничего не знаем. Между тем, несомненно в свое время Муртаза-Кули бек, носивший громкий титул тархана и скончавшийся почти на грани 1710—1711 гг., был настолько хорошо известной и видной фигурой в Мерве, что на его намогильной плите не нашли необходимым указывать, чей он сын. Судя по имени, он был шиит, так как مورتضى обозначает «принадлежащий Али». В пору начала политической карьеры Надир-хана и предпринятой по распоряжению Петра Великого неудачной экспедиции русских войск под начальством Бековича-Черкасского на Хиву постигла смерть Пир Мухаммеда, сына Ашура, который, судя по местонахождению его намогильной плиты, был как будто предан погребению вблизи мавзолея почитаемого средневекового суфия Абу-Сеида Мехнейского несомненно с расчетом на его заступничество перед Аллахом за покойного сабленосца в день «страшного суда» и воскресения мертвых. Едва ли только случайно упомянутые в эпитафиях этих намогильников начала XVIII в. два лица являются тезками двух известных деятелей предшествующего столетия — правителей Мерва каджарского Ашур-хана из племени[32] чегени и его преемника Муртаза-Кули-бека, сына Михраб-хана каджарского, поскольку в среде знатных семей кочевых и полукочевых племен было принято повторять имена прадедов и дедов, нарекая ими внуков и правнуков. При этом не исключена вероятность, что плита Пир Мухам-

меда могла быть перевезена из Мерва на территорию былого городка Мехне позднее, чему до последнего времени мы имеем немало примеров по всей Средней Азии.

В итоге комплексного историко-археологического исследования группы эпиграфических памятников в виде плоскоплиточных каменных намогильников Южного Туркменистана XVIII в. удалось не только предложить отождествление этнической принадлежности некоторых из них и четче выявить роль мервских каджаров в прошлом Туркмении, но попутно разрешить ряд вопросов по исторической топографии области Мерва этого времени и наметить этапы в развитии ее главного города за XVIII столетие, продемонстрировав, что богатый плодороднейший оазис низовьев Мургаба в ту пору был так же охвачен тяжелым кризисом, как и все прочие области Средней Азии, включая Хорезм, Термез, Шахрисябз, Бухару, Самарканд, Фергану, Ташкент и др.

В заключении вполне уместно отметить, что при составлении капитального многотомного коллективного труда по истории Туркменской ССР, населявших ее в прошлом и населяющих ее теперь народов и племен намогильным плитам с содержащимися на них эпитафиями предстоит сыграть определенную роль в качестве подлинных документальных эпиграфических памятников своей эпохи, особенно при выяснении прошлого мелких национальных меньшинств. В новых русских городах старого Туркестана в конце прошлого столетия можно было встретить чудесные резные покрытые надписями мраморные намогильники, взятые с заброшенных мусульманских кладбищ и использованные как на улицах, так и в частных домах в качестве ступеней. Старинные намогильники легко пропадают для науки по всей Средней Азии, включая и Марыйскую область Туркменской ССР. Об этом еще в 1894 г. писал В. А. Жуковский, горячо сетовавший на исчезновение намогильников в Закаспийском крае, где он сам видел в нескольких домах куски их плит со старых кладбищ и слышал про случаи вывоза таковых за пределы края «на память»[33]. Нам лично в процессе изучения развалин Старого Мерва, несмотря на интенсивные розыски на протяжении нескольких лет, так и не удалось обнаружить намогильники, взятые в свое время с его городища и хранившиеся до революции при усадьбе так называемого «государева именья» в Байрам-Али. Что касается особенно хрупких плоскоплиточных намогильников, даже лежащих при почитаемом мазаре асхабов в Султан-кале, то приходится по собственным наблюдениям констатировать, как на протяжении около двух десятков лет часть из них, целых еще в 1947 г., в настоящее время оказывается разбитой, а некоторые фрагменты с надписями куда-то пропали. Принимая во внимание развертывающееся в больших масштабах освоение давно заброшенных культурных земель в Мервском оазисе в связи с созданием Большого Каракумского канала, когда при обживании ряда пунктов легко могут пропасть средневековые кирпичные и более поздние каменные намогильники, нельзя не обратить внимания Комитета по охране памятников материальной культуры прошлого Туркменской ССР на необходимость своевременного принятия мер для обеспечения бережного отношения при обнаружении такого рода объектов, как имеющих большую историко-эпиграфическую значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бартольд В. В. О некоторых восточных рукописях. Иран, серия VI, т. XIII. Пг., 1919; Миклухо-Маклай Н. М. Труд Мухаммад Казима и его значение для истории туркмен. «Известия Туркменского филиала Академии наук СССР», 1945, № 5—6; Петров П. И. Поправки и дополнения к биографии Му-

хаммед Казима. СВ, 1958, № 5; его же. Предисловие к труду Мухаммад Казима «Поход Надир-шаха в Индию». М., 1961, стр. 19—22. Мухаммад Казим вскоре после убийства Надир-шаха отошел от служебных дел и с 1163 г. х. (1749/50) начал составление своего исторического труда. Первый том был завершен написанием в 1166 г. х. (1752/53). В «Известиях ТФАН», 1945, № 5—6, допущена опечатка — 1762/3. Второй том окончен 2-го сафара 1171 г. х., то есть 16 сентября 1757 г.

2. The memoirs of Khojah Abd ur Kurreem, translated by Francis Gladwin. Calcuutta, 1788, p. 69.

3. История Туркменской ССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 439.

4. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. МАР, № 16. СПб., 1894, стр. 188.

5. Мачнев Т. Г. Курганы Коша-тепе, развалины Хивеабада, Хосроу-кала, Кюрень-кала и Ших-Назар. Труды САГУ, серия II, Orientalia, вып. 3. Ташкент, 1931, стр. 33.

6. Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и в Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. II. М., 1822, стр. 115.

7. Федоров К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901, стр. 94.

8. Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана, «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 42—56.

9. Типичным образцом небольших вертикальных каменных намогильных стел XV в. может служить изящная плита, хранящаяся в Музее краеведения Академии наук Туркменской ССР и доставленная, как любезно сообщил С. Н. Иомутский, из Меаны (средневековое Мехне). По разобранной нами эпитафии, выполненной почерком несхи, она была сделана для установки на могиле Микам Падша-бика, дочери эмира Махмуда, смерть которой последовала 2 г. сафара 890 г. х., то есть в марте 1485 г. н. э. Стела с аркообразным верхом имеет 78 см длины, 25,5 см ширины, 6 см толщины, причем с тыльной стороны по краю всей плиты сделана скошенная фаска. Эпитафия занимает верхнюю часть плиты на общую высоту 39 см, считая до замка арки. В середине высечен обрамленный лопастной арочной даури поя миндалевидной санджак со вписанными в него словами: الله محمد علی , указывающими, что покойница была шиитка. Вдоль краев пропущена полоса надписи:

وفات مرحوم مغفوره المسمات مقام پادشابیکه بنت امیر محمود بتاریخ بست و ... صفر سنه تسعین و ثمانمایه

За эпитафией идет хорошо отработанная гладкая поверхность высотой 23 см, а ниже последние 17 см приходятся на необделанную и даже не подровненную в основании часть, вставлявшуюся в гнездо каменной горизонтальной плиты. В верхней части тыльной стороны в обрамлении даури-поя высечен миндалевидный санджак меньших размеров, внутри которого помещен цветочный орнамент. О вторичном использовании намогильника свидетельствует появившаяся в XIX в. двухстрочная эпитафия примитивно выполненная грубоватым наста'ликом в остававшемся свободном пространстве между санджаком и обрамляющей полосой надписи. От нижней строки сохранились следы. Судя по содержанию верхней строки, плита была перенесена на могилу некоего Имама Верды, сына Науруза.

10. В качестве типичного Южно-Туркменистанского городского намогильника XVII в. можно указать на серую мраморную плиту, вмазанную в очень крупное кирпичное намогильное сооружение на мазаре Бавельмес или Баба Алимес («весебый бобо») в селении Багир, к востоку от шахристана Нисы, на территории ее средневекового пригорода — рабада. Плита эта была изготовлена для могилы Ходжа Абдиля Нисийского, сына муллы Ходжа Абдиля, скончавшегося в месяце Реби II 1063 г. х., то есть в промежутке между 2 декабря 1652 г. и 22 ноября 1653 г. Выполненная в шесть строк разной длины почерком наста'лик эпитафия гласит:

هذا مرقد مرحوم خاجه عبدل نسایی ولد ملا[ا] خاجه عبدل بتاریخ ربیع الاخر سنه ۱۰٦۳

11. Обнаружение этой плиты документально подтверждает неправильность господствовашего в научной литературе до работ ЮТАКЭ представления, будто Ниса перестала существовать после 1719/20 г. (См. «Труды ЮТАКЭ», т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 92 и «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955. стр. 208—209). Вместе с тем, возможность захоронения Барога в первой половине XVIII в. почти в середине былого шахристана как будто является показателем наличия в то время там некоего пустыря, свидетельствующего, что Ниса не была уже тогда так густо заселена, как прежде.

12. Ср. содержание текстов на поставленных в XV в. намогильниках в бук'а асхабов в Мерве или на мраморных плитах начала XVI в. мастера ножей Мухаммеда, сына сейида Махмуда и его жены Мама-Хадиджа-Султан, дочери Муртазы. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва... Цит. соч., стр. 128—131 и 195—

198. См. так же перевод надписей на каменном намогильнике начала XVI в. в мазаре Сандыклы-овлия близ городища Пештаг (средневековый Абиверд). Семенов А. А. Развалины г. Абиверда и остатки старины вблизи его. «Труды САГУ», серия II, вып. 3. Ташкент, 1931, стр. 11—13.

13. Массон М. Е. Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса. ЭВ, VIII. М.—Л., 1953.

14. Массон М. Е. Среднеазиатские намогильные кайраки. ЭВ, XI. М.—Л., 1956. стр. 7.

15. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 38—40.

16. Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана, «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 49.

17. Извлечение из рукописи Мухаммед Ма'сума и Мухаммед Тахир-и-Вахида. МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 108—109.

18. Кобеко Д. Старорусское известие о Мерве. ЗВО, т. III, вып. 1. и 2. СПб., 1888. стр. 115—119.

19. Извлечение из «Мухит-ут-таварих» Мухаммед Эмина Кирак Яракчи. МИТТ, II. М.—Л., 1938, стр. 115—116.

20. Главная плотина в нижнем течении Мургаба «Султан-бенд», получившая свое наименование в связи с тем, что ее сооружение легенда приписывала сельджукским султанам Санджару или Мелик-Шаху, в источниках XVIII в. именуется то просто «плотина Мерва», то «благословенная плотина Мерва», «Мервская плотина Султан-бенд» и «Плотина султана Мелик-Шаха». На тогдашних русских картах—«Бянды-Султан».

21. Арунова М. Р. и Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха афшара. М., 1958, стр. 59.

22. МИТТ. Цит. соч., стр. 154—155.

23. В труде В. В. Бартольда. Очерк истории туркменского народа, «Туркмения», вып. 1. М.—Л., 1929, стр. 63 допущена опечатка—вместо 1734 г. указан для этого события 1731 г.

24. Извлечение из «Тарих-и-Надыри» Мехди-хана Астрабадского. МИТТ. Цит. соч., стр. 137.

25. Сохранившиеся здесь руины самого большого на территории пригорода Мерва «ледника» — яхдан'а или правильнее «снегохранилища», как показали исследования ЮТАКЭ, в основе являются, возможно, памятником XII в., который использовался и позднее. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI. М., 1958, стр. 394; Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 109—110; Пугаченкова Г. А. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Там же, стр. 274.

26. Абдулла-хан-кала, представляющая собой в основе руины центральной части или собственно города Мерва, восстановленного здесь в начале XV в. по распоряжению сына Тимура, Шах-Руха, детально изучалась в археолого-топографическом отношении в 1950 г. по линии ЮТАКЭ О. В. Обельченко. См. «Труды ЮТАКЭ», т. V. Ашхабад, 1955, стр. 221.

27. По образному выражению Мухаммед Казима, «перебраться через ее укрепления не могут даже птицы». Башня эта прямоугольная в плане, ныне не существует, но развалины ее запечатлены в акварельном рисунке художника П. Я. Пясецкого, сделанном в 1892 г.

28. Туман в первой половине XVIII в. определялся на тогдашние русские деньги примерно в 19 рублей.

29. Бенди Джан-Али, очевидно, соответствует Коушут-бендской плотине, получившей это наименование в середине XIX в. по имени известного хана из племени теке.

30. История Туркменской ССР, т. I, книга I. Цит. соч., стр. 434.

31. Туркмен-кала, упоминаемая в источниках первой половины XVIII в., во второй половине этого столетия превратилась в крупный населенный пункт, отмеченный на карте Боувера двойным топографическим знаком, как самый значительный, очевидно, по населенности. Массон М. Е. Новые картографические данные о прошлом Туркменистана XVIII в. «Известия Академии наук Туркменской ССР», 1958, № 1, стр. 48.

32. Вместе с тем возможно, что описанный выше намогильник с городища Мехне принадлежит сыну того, упомянутого выше афшарского предводителя Ашурбека из племени папалю, который при поддержке одного курдского феодала, засев в своем кургане, оказал в 1726 г. сопротивление Надир-хану (будущему иранскому шаху, как известно, из афшарского же племени карахлю), но вскоре был приведен к покорности, сдавшись на милость победителя после долгой осады.

33. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва... Цит. соч., стр. 180, примечание 3.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

З. И. Усманова. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-Калы 13

Е. Ф. Федорович. Исследование древних тканей из раскопок ЮТАКЭ в Старом Мерве 56

Г. Я. Дресвянская. Бусы с городищ Старого Мерва. 62

О. В. Обельченко. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) 86

Р. С. Сусенкова. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.) 100

С. Б. Лунина. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригорода 109

П. П. Гаврюшенко. Городище Шаим-кала Старого Мерва (лагерь сельджукидских войск) 172

М. Е. Массон. Куфическая надпись мавзолея Мухаммеда сына Зейда в Старом Мерве 194

Т. Асилов, Ç. Б. Лунина. К вопросу о назначении зданий типа «каптархона» 206

Л. А. Кураева. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы 217

Е. Б. Пругер. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва 227

В. Н. Пилипко. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе. 242

М. Е. Массон. Плоскоплиточные каменные намогильники Южного Туркменистана XVIII в. (из истории Мерва XVIII столетия). 260

Список принятых сокращений 283

ТРУДЫ ЮТАКЭ

Том XIV

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР

Редакторы издательства *Ю. М. Щетинина, Е. С. Мурадова*
Художественный редактор *В. Объедков*
Технический редактор *Р. Санатулова*
Корректоры *А. Аракелова, Э. Каспаров, Л. Петровская*

Сдано в набор 4/XI-68 г. Подписано к печати 15/IV-69 г. Бумага 84×108¹/₁₆. Физ. л. 17,75. Усл. печ. л. 24,85. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 1000. Заказ № 182. Изд. № 2. Цена в переплете № 7 2 р. 13 к. И—03821.

Издательство «Ылым», Ашхабад, пр. Свободы, 77.
Типография издательства «Ылым», Ашхабад, ул. Энгельса, 2.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
АН ТССР — Академия наук Туркменской ССР
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИИАиЭ — Институт истории, археологии и этнографии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
Л. — Ленинград
М. — Москва
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
П. — Петроград
ПТКЛА — Протоколы туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СВ — Советское востоковедение
СГЭ — Сообщение Государственного эрмитажа
СИИТА — Сообщения Института истории и теории архитектуры
СПб. — Санкт-Петербург
ТаджССР — Таджикская ССР
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТашГУ — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина
ТВ — Туркестанские ведомости
ТССР — Туркменская ССР
ТФАН — Туркменский филиал АН СССР
УзФАН — Узбекский филиал АН СССР
ФАН — Филиал Академии наук СССР
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum